

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»

Е.М. Каргина

ОСНОВЫ ТЕОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Рекомендовано Редсоветом университета
в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся
по направлениям подготовки 270800.62 «Строительство»,
270100.62 «Архитектура», 072500.62 «Дизайн»,
080100.62 «Экономика», 080200.62 «Менеджмент»,
190600.62 «Эксплуатация транспортно-технологических машин
и комплексов», 190700.62 «Технология транспортных процессов»,
120700.62 «Землеустройства и кадастры»

Пенза 2013

УДК 811.112.2: 629
ББК 81.2 Нем.
К18

Рецензенты: кафедра филологии ПФ НОУ ВПО
«Международный независимый эколого-
политологический университет», зав. ка-
федрой к.с.н., доц. Н.П. Головяшкина;
кандидат филологических наук, доцент
кафедры Романо-германской филологии
Пензенского государственного универ-
ситета Т.В. Гусева

Каргина Е.М.
К18 Основы теории немецкого языка: учеб. пособие / Е.М. Каргина. –
Пенза: ПГУАС, 2013. – 500 с.

Представляет собой систематический курс обучения основам теории немецкого языка. Содержание пособия направлено на формирование у студентов компетенций в области основных разделов, методов, принципов и тенденций развития языкознания как гуманитарной науки.

Цель пособия обусловлена спецификой самостоятельных разделов языкознания, выделенных в отдельные разделы истории языка, теоретической фонетики, лексикологии, теоретической грамматики, типологии немецкого и русского языков, стилистики.

Учебное пособие подготовлено на кафедре иностранных языков и предназначено для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 270800.62 «Строительство», 270100.62 «Архитектура», 072500.62 «Дизайн», 080100.62 «Экономика», 080200.62 «Менеджмент», 190600.62 «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов», 190700.62 «Технология транспортных процессов», 120700.62 «Землеустройства и кадастры», а также для студентов, получающих дополнительное (к высшему) образование по направлению подготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2013
© Каргина Е.М., 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной целью данного пособия является знакомство студентов с основными тенденциями развития лексикологии, грамматики и стилистики немецкого языка, с выдающимися учеными-лингвистами, их концепциями и теориями; обучение студентов оперированию понятиями лексикологии, грамматики и стилистики, умению распознавать их в контексте, анализировать, выявлять их взаимосвязь для более точной передачи иноязычного текста при переводе.

Содержание пособия способствует совершенствованию и дальнейшему развитию сформированных в высшей школе компетенций студентов в области немецкого языка как иностранного, что даёт возможность решить следующие задачи:

1) ознакомить студентов с основными теоретическими положениями современной лексикологии, стилистики и теоретической грамматики в области немецкого языка;

2) осветить основные методы и процедуры лексикологического, грамматического и стилистического анализа;

3) укрепить межпредметные связи цикла гуманитарных дисциплин, интегрируя преподавание иностранного языка и обществоведческих дисциплин;

4) систематизировать основные направления изучения лексической и грамматической систем языка.

Пособие «Основные теории немецкого языка» составлено в соответствии с Государственными требованиями к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки выпускника для получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

ВВЕДЕНИЕ

Потребности обучения иностранным языкам настоятельно требуют научно обоснованного исследования и описания основных типологических особенностей фонетического, морфологического и синтаксического строя, а также лексической системы иностранного и родного языков.

Для обучения иностранному языку основное значение имеет выявление типологически важных структурных отличий иностранного языка от родного языка обучающихся, с которыми они постоянно сравнивают изучаемый иностранный язык и от которого они постоянно отталкиваются.

Пособие содержит 6 основных разделов: «Теоретические основы становления и развития немецкого языка», «Теоретическая фонетика немецкого языка», «Основы теории лексикологии немецкого языка», «Теоретическая грамматика немецкого языка», «Сравнительная типология немецкого и русского языков», «Стилистика немецкого языка».

В разделе «Теоретические основы становления и развития немецкого языка» рассматриваются исторические аспекты развития немецкого языка и его роль в современном мире. Успешное освоение данного раздела обеспечивает студентам представление о родстве языков и составе языковых семей, знание общих законов развития языка, основных методов исследования языка, понятие о фонетическом и грамматическом строе языка, а также о словарном составе языка, о типах письма и принципах орфографии.

Раздел «Теоретическая фонетика немецкого языка» содержит информацию о предмете фонетики, ее задачах и внутреннем делении, основных понятиях учения о фонеме, артикуляционной базе немецкого языка, словесном ударении в немецком языке, интонации немецкого языка. В данный раздел включен краткий глоссарий фонетики немецкого языка.

В структуру раздела «Основы теории лексикологии немецкого языка» включены следующие вопросы: лексикология как наука о словарном составе современного немецкого языка, синонимия современного немецкого языка, антонимия в немецком языке, омонимия немецкого языка, полисемия в немецком языке, фразеология и фразеологизмы в немецком языке, способы словообразования в немецком языке, тенденции развития современной немецкой лексикографии. Содержание данного раздела призвано заложить основы знаний и сформировать понятийный аппарат в области немецкого словарного состава, ввести студентов в актуальную проблематику лексикологических исследований, способствовать формированию навыков самостоятельной работы с научной литературой и в дальнейшем проведения самостоятельных лексикологических исследований.

В разделе «Теоретическая грамматика немецкого языка» рассматриваются принципы классификации частей речи в немецком языке, понятие немецкого глагола, категория имени существительного в немецком языке, характерные особенности атрибутов немецкого языка, предложение как основная единица синтаксиса в немецком языке.

Раздел «Сравнительная типология немецкого и русского языков» содержит следующие вопросы: сравнительная типология немецкого и русского языков и ее связь общей и структурной типологией, систематология, сравнительная типология словообразования в немецком и русском языках, введение в типологию морфологического уровня, типология имени существительного в немецком и русском языках, сопоставительная типология имени прилагательного в немецком и русском языках, глагол в немецком и русском языках, введение в сравнительную типологию синтаксического уровня, сравнительная характеристика простого предложения в немецком и русском языках, сложное предложение в немецком и русском языках, лексическая типология немецкого и русского языков.

В структуру пособия входит также раздел «Стилистика немецкого языка», в котором рассматриваются характерные особенности стилей в немецком языке, в частности: функционального стиля, официально-делового стиля, стиля науки и техники, газетно-публицистического стиля, стиля обиходного общения, художественного стиля.

По итогам освоения курса у слушателей должен быть сформирован ряд ключевых компетенций, предполагающих, что

В результате обучения студент должен:

Знать:

- основные методы лингвистической науки и процедуры получения знания в лингвистике как гуманитарной науке;
- содержательные и формальные особенности научного текста гуманитарной направленности как вербализированного научного знания.

Уметь:

- практически использовать основные методы лингвистического анализа в процессе научно-исследовательской деятельности, направленной на собственный предмет исследования;
- на основе базовых лингвистических методов разрабатывать методику, т.е. систему исследовательских шагов/процедур применительно к частным задачам творческой деятельности
- глубоко и всесторонне анализировать основные направления развития лингвистической теории;
- определять тенденции и приоритеты развития языкознания как междисциплинарной науки;

Владеть:

– базовыми методами создания научных текстов, отражающих результаты собственных научных исследований в соответствии с критериями научности знания в определенной предметной области, определять их актуальность, степень новизны в общем аспекте науки, теоретическую и практическую значимость и редактирования научных публикаций с опорой на представления о познавательном процессе как преемственном и поступательном.

Содержание пособия направлено на ознакомление студентов с основными опорными понятиями и терминами лингвистики, расширение их лингвистического кругозора, развитие лингвистического мышления и облегчение восприятия и последующее более глубокое изучение частных аспектов лингвистического цикла.

Часть 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

1.1. История развития немецкого языка. Германские языки

Германские языки, входящая в индоевропейскую языковую семью группа близкородственных языков, на которых в настоящее время говорят более 600 млн человек. К современным германским языкам относятся: английский, африкаанс, нидерландский (или голландско-фламандский), датский, идиш, исландский, норвежский, фарерский, фризский и шведский.

Их этих языков самую большую территорию распространения имеют английский и нидерландский, наибольшее число людей говорит на английском и на немецком.

На английском языке как на родном говорят более 300 млн человек, живущих, главным образом, в Австралии, на Британских островах, в Канаде, Новой Зеландии, Соединенных Штатах и Южной Африке; кроме того миллионы людей по всему миру пользуются им как вторым или иностранным языком.

На немецком языке как на родном говорят около 98 млн человек в Австрии, Германии, Люксембурге, Швейцарии и в некоторых частях Франции; кроме того, для многих жителей Центральной Европы он является вторым языком.

Нидерландский язык (который называют голландским в Нидерландах и фламандским в Бельгии или во французской Фландрии) является родным примерно для 20 млн человек в Нидерландах, Бельгии, на Виргинских островах, в Суринаме и на Кюрасао, и им до сих пор пользуются в Индонезии. (Pennsylvania Dutch – «пенсильванский голландский» – представляет собой не голландский, а немецкий диалект, на котором говорит все меньшее количество потомков ранних немецких поселенцев, обосновавшихся в Пенсильвании и прибывших, главным образом, из Пфальца; название «Dutch» происходит от старой формы слова Deutsch 'немецкий'.) На языке африкаанс, близкородственном нидерландскому, говорят в Южно-Африканской Республике. Фризский – родной язык нескольких сотен тысяч жителей провинции Фрисландия в Нидерландах. На шведском говорят 9 млн человек в Швеции и в некоторых районах Норвегии и Финляндии, на датском – 5 млн в Дании и северной части Шлезвига, а также в Гренландии, на норвежском – около 5 млн в Норвегии, а на исландском – почти 300 тыс. в Исландии. Идиш, или еврейско-немецкий, в основе своей является немецким диалектом с примесью древнееврейских, польских и русских элементов. На нем говорят евреи, эмигрировавшие из Центральной Европы, а также их потомки. Число говорящих на идише

сокращается, его постепенно вытесняют языки новых стран проживания евреев (например, в Израиле – иврит).

Германские языки – группа родственных языков западного ареала индоевропейской семьи. Ареал современного распространения германских включает территорию ряда стран Западной Европы (Великобритания, ГДР, ФРГ, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Люксембург, Швеция, Дания, Норвегия, Исландия), Северной Америки (США, Канада), юга Африки (ЮАР), Азии (Индия), Австралии, Новой Зеландии. Общее число говорящих около 550 млн человек.

Все германские языки восходят к одному языку-предку, который называют **прагерманским** и который не засвидетельствован в письменных памятниках, но его структура может быть выявлена путем сравнения самых ранних диалектов, отраженных в древнейших текстах.

Древние германские диалекты традиционно делятся по географическому принципу на три группы: **северную** (шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский), **западную** (английский, немецкий, нидерландский, люксембургский, африкаанс, фризский, идиш) и **восточную** (вымершие готский, бургундский, вандальский, герульский).

Таким образом, тексты на германских диалектах скандинавского севера (включая Гренландию и Исландию) называются северогерманскими; все относящееся к языку племен, поселившихся в ранний период в балтийском регионе к востоку от реки Одер (таких, как бургунды, готы и вандалы), называется восточногерманским; все же написанное на диалектах племен, живших между Одером и Эльбой, а также непосредственно к югу и западу от этой территории, называется западногерманским.

Развитие германских языков от племенных диалектов до национальных литературных языков связано с многочисленными миграциями их носителей. Область первоначального расселения германских племен охватывала южную часть Скандинавского полуострова, полуостров Ютландия и территорию Шлезвиг-Гольштейн. Германские диалекты древнейшей поры делились на 2 основные группы: **скандинавскую** (северную) и **континентальную** (южную).

Историю развития германских языков условно принято делить на 3 периода:

1) древний (от возникновения письменности до XI в.) – становление отдельных языков;

2) средний (XII–XV вв.) – развитие письменности на германских языках и расширение их социальных функций;

3) новый (с XVI в. до настоящего времени) – формирование и нормализация национальных языков.

Развитие германских языков от древности до наших дней связано с многочисленными миграциями их носителей. Германские диалекты древнейшей поры делились на 2 основные группы: скандинавскую (северную)

и континентальную (южную). Во **II–I веках** до н. э. часть племен из **Скандинавии** переселились на южное побережье **Балтийского моря** и образовали восточногерманскую группу, противостоящую западногерманской (ранее южной) группе. Восточногерманское племя **готов**, продвигаясь к югу, проникло на территорию **Римской империи** вплоть до **Пиренейского п-ова**, где смешалось с местным населением (**V–VIII вв.**).

Внутри западногерманского ареала в I веке н. э. выделялись 3 группы племенных диалектов: ингвеонская, иствеонская и эрминонская. Переселение в **V–VI вв.**, части ингвеонских племен (**англы, саксы, юты**) на **Британские острова** предопределило развитие в дальнейшем английского языка. Сложное взаимодействие западногерманских диалектов на континенте создало предпосылки для формирования древнефризского, древнесаксонского, древненижнефранкского и древневерхненемецкого языков. Скандинавские диалекты после их обособления в **V в.** от континентальной группы разделились на восточную и западную подгруппы, на базе первой позднее образуются шведский, датский и старогутнийский языки, на базе второй – норвежский, а также островные языки – исландский, фарерский и норн.

Формирование национальных литературных языков завершилось в **Англии** в **XVI–XVII вв.**, в скандинавских странах в **XVI** веке, в Германии в **XVIII** веке. Распространение английского языка за пределы Англии привело к созданию его вариантов в США, Канаде, Австралии. Немецкий язык в Австрии представлен его австрийским вариантом.

Общие закономерности развития племенных языков

Древняя история германских языков – сложнейшая картина схождения и расхождений, смешений и взаимодействий. Самые ранние памятники германской письменности свидетельствуют о большом сходстве всех германских языков, но в то же время в них отчетливы следы различий, являющихся результатом изменений, произошедших в них в условиях разобщенности племен – носителей германских языков.

По мере роста населения племя распадается на части. С образованием новых племен начинают обособляться их языки. По разным причинам в них появляются новые черты и из общего племенного языка-основы возникают родственные между собой по происхождению языки.

В связи с этим необходимо уточнить разницу понятий «**язык**» и «**диалект**». С возникновением племенных объединений, с появлением определенных иерархических отношений между средствами языковой коммуникации, а именно с выделением общего «надплеменного» языка (т.е. языка союза племен), все остальные ранее самостоятельные языки племен, входящих в данное родоплеменное объединение, становятся в подчи-

ненное положение по отношению к «надплеменному» языку, и в этом случае к последним применим термин «диалекты».

История германских племен свидетельствует, что объединение в племенные союзы проходило не один этап. Еще до Великого переселения народов объединялись мелкие кровнородственные племена, связанные между собой к тому же и территориальной близостью. К этому их побуждала необходимость сплачивать силы против общего врага – римлян.

Уже в III в. н.э. алеманны, франки, саксы были племенными объединениями, а многие названия мелких племен, упоминаемые Цезарем, Плинием, Тацитом, позже совсем не упоминаются.

В эпоху Великого переселения народов возникали большие племенные объединения, они были неоднородны по этническому составу, в них вливались племена, говорившие на неродственных языках. Например, в племенной союз, который возглавлял Эрманарих, входили не только готы, но и другие германцы, а также балтийские и восточнофинские племена. Государство Эрманариха распалось под натиском гуннов, а сами готы вошли в такое же недолговечное межплеменное государство гуннов. В таких союзах уже были зародыши государственной организации, но такие государства не были устойчивыми, не имели границ и легко распадались.

Понятие общего языка союза племен также характерно для этого периода: это язык самого сильного в политическом и военном отношении племени, на котором формулируются, а потом и записываются обязательные для всех законы, на котором глава племенного союза обращается к своим воинам и подчиненным. Племенные диалекты таких больших объединений могут иметь больше отличных друг от друга черт, чем племенные диалекты более ранних и сравнительно небольших объединений, а неродственные языки, вошедшие в состав таких союзов, либо могут исчезнуть, если их носители растворятся в большинстве населения племенного союза, либо продолжать обособленно развиваться в окружении неродственных диалектов.

Формирование языков народностей

В процессе дальнейшего исторического формирования складываются народности. Формирующиеся феодальные королевства отличаются большей устойчивостью территориальных границ. Если общий язык племени возвышался над племенными диалектами, то общий язык народности, который складывается аналогичным образом, также выделяется среди всех диалектов данной народности. Диалекты продолжают существовать, но не как племенные, а как территориальные, территориальные связи становятся более прочными, чем родоплеменные.

Тесное экономическое и культурное общение внутри отдельных княжеств ведет к стиранию старых различий в диалектах, на которых говорит

население того или иного княжества, и у них возникают новые, общие черты.

Другое следствие феодальной замкнутости состоит в том, что развитие диалектов разных княжеств, входящих в состав более обширного феодального государства, происходит обособленно, в результате между ними возникают новые различия, новые черты, которые отдаляют их друг от друга. Но действует и противоположная тенденция – к общегосударственному языковому объединению. Она, как правило, выражается в том, что в феодальном государстве при благоприятных условиях начинает возвышаться над остальными и приобретает особый авторитет один из диалектов – диалект наиболее сильного в политическом и экономическом отношении государственного образования. Он приобретает высокий социальный престиж, на нём создаются основные письменные памятники, он становится языком канцелярий и школы в других регионах, хотя местные (территориальные) диалекты продолжают служить для населения средством общения. По мере возникновения и развития капиталистических отношений необходимым средством общения во всем государстве становится единый национальный язык. Местные диалекты не исчезают, но вытесняются из официальной сферы общения, литературная деятельность на них прекращается, и они переходят на положение языков бытового общения.

Формирование языков народностей происходит в тесной зависимости от исторической обстановки, которая складывалась в том или ином феодальном государстве: если политический и экономический центр определился рано, то сложение языка народности также происходит рано (Дания, Англия). Если этого не происходит, то и язык складывается относительно поздно (Германия, Норвегия).

Образование наций и развитие национальных языков

Общий язык нации складывается на основе языка народности, этот процесс, как и сложение языка народности, может протекать в разных формах. Как правило, в ходе формирования национального языка происходит закрепление и развитие наиболее общих тенденций в языке народности. Преемственность языковых традиций предшествующих эпох не исключает новых влияний, которые могут выявиться с политическим и экономическим развитием разных территориальных областей государства. Особенно актуальными вопросы нормализации языка становятся с введением книгопечатания. Печатники с самого начала стремились к единообразию, поскольку печатная продукция предназначалась для массового распространения. Развитие национальных литератур является одним из главных факторов, способствующих окончательному сложению и закреплению языковой нормы. Национальный язык, являясь языком всего народа,

включает в себя как устную, так и письменную разновидности, причем устная разновидность отличается на всем протяжении истории страны гораздо меньшим единообразием. С одной стороны, это литературная речь образованных слоев общества, приближающаяся письменной норме, с другой – широко распространенные диалектные разновидности речи преимущественно сельского населения, а также язык определенных слоев городского населения, не приобщающихся к образованию и культуре. На завершающем этапе становления национального языка важную роль в этом процессе играют средства массовой информации и кинематограф.

Восточногерманская группа языков

Самым древним из дошедших до нас связных текстов на германском языке, является перевод греческой Библии на один из восточногерманских языков – вестготский (визиготский), сделанный епископом Вульфиллой в IV в. Самая большая сохранившаяся часть перевода дошла до нас в виде списка, так называемого *Серебряного кодекса (Codex Argenteus)*, сделанного в конце 5 или начале 6 вв. в остготской Италии.

В готском языке изменения, описываемые законом Вернера, гораздо более редки, чем в других языках (ср. ротацизм в древнеанглийском *coren* – причастии прошедшего времени от *ceosan* 'выбирать' при сохранении *s* в готской параллели *kusans*; но, с другой стороны, присутствует *z* в слове *maiza* – оскское *mais* – современное английское *more* 'больше'); и поскольку язык этого памятника очень древний, в нем еще отсутствует умлаут, т.е. уподобление артикуляции гласных соседних слогов. Кроме того, в готском сохраняется двойственное число в глаголе, остатки индоевропейского медиопассива со значением пассива, а также в некоторых формах редупликация как показатель прошедшего времени (например, готское *letan* – претерит от *lailot* 'оставлять', которому соответствует в древнеанглийском форма претерита *let*). Будучи в некоторых отношениях явно архаичным, готский язык, тем не менее, характеризуется некоторыми фонетическими и морфологическими инновациями: как и в северогерманских языках, в готском интервокальные *w* и *j* после кратких гласных усилились, дав, соответственно, *ggw* и *ddj* (ср, гот. *triggwa* 'союз', др.-норвежск. мн. ч. *tryggvar* 'доверие', но др.-верх.-нем. *triuwa*, совр. нем. *Treue* 'верность'). Только в готском произошло изменение *u* в *au* [] и *i* в *ai* [e] перед *h* и *r* (например, *tau hans* – причастие прошедшего времени от *tiu han* 'тащить', но *budans* – от *biudan* 'предлагать'; *baurgs* 'крепость', но *burg* в древнеанглийском); появились новые слова со значением 'отец' и 'мать' взамен общеиндоевропейских (к которым восходят английские *father*, *mother*), а также, по-видимому, новое слово со значением 'делать'. Готский – единственный восточногерманский язык, на котором сохранились какие-либо существенные тексты. В настоящее время готский – мерт-

вый язык, и не существует никакого современного языка, который являлся бы его прямым потомком.

Северогерманские языки

Северогерманские языки, называемые также скандинавскими, делятся на две группы: западно-скандинавскую, включающую исландский, фарерский и норвежский языки, и восточно-скандинавскую, в которую входят шведский и датский языки. Самыми ранними скандинавскими письменными памятниками являются рунические надписи III или II в. до н.э., но отчетливое выделение скандинавской подгруппы германских языков происходит лишь в эпоху викингов (750–1050 н.э.).

В скандинавских языках (как и в западногерманских, хотя и в меньшей степени) обнаруживается действие умлаута, которое началось в 5 или 6 в. и которое поэтому не засвидетельствовано в готских текстах. Например, в ранней германской форме номинатива единственного числа *uir-a-z* (восходящей к индоевропейской форме **uir-o-s*, из которой произошло латинское *vir* 'мужчина') корневой гласный *i* под влиянием гласного *a* превратился в *e* в древнеисландском слове *verr* 'мужчина' (а также в древнеанглийском и древневерхненемецком); гласный *i*, засвидетельствованный в конечном слоге готского слова *katils* 'котел', вызвал изменение *a* в *e* в древнеисландском слове *ketill* (что отразилось и в современном английском *kettle*); гласный *u*, засвидетельствованный в готском слове *magus* 'сын', вызвал изменение *a* в *o* в древнеисландском слове .

В древнескандинавском еще в эпоху рунических надписей указательные местоимения, включая и определенный артикль, занимают позицию после определяемого существительного. Такая постпозиция и последующее превращение артикля в энклитический суффикс в случае, когда перед существительным нет прилагательного, являются характерной особенностью всех современных северогерманских языков; так, например, постпозитивный артикль включают норвежские слова *gutten* 'мальчик', *bordet* 'стол'; *baturin* 'лодка', *batarnir* 'лодки', *batunum* 'к лодкам'; шведские *gossen* 'мальчик', *huset* 'дом'.

В древнескандинавском обнаруживаются также и истоки тонового, или музыкального ударения, характерного для современных шведского и норвежского языков, и исторически связанной с ним датской гортанной смычки, называемой *stod*, которая в датском языке присутствует в долгих слогах после долгого гласного или дифтонга или после короткого гласного, если за ним следует звонкий согласный; по вопросу о времени их возникновения нет единой точки зрения. В современных шведском и норвежском языках существует два типа музыкального ударения, или мелодического контура слова. Первый – сравнительно простой и характеризуется однократным повышением тона; второй – сложная последовательность ни-

сходящего и восходящего движения тона. Например, современные шведские слова *anden* 'утка' и *anden* 'дух' различаются только тем, что последнее имеет первый тип музыкального ударения, а первое – второй тип. То же самое различие – между современными норвежскими словами *kokken* 'повар' и *kokken* 'повариха'. Подобным образом и в датском языке некоторые слова различаются только наличием или отсутствием гортанной смычки, например *mand* 'человек, мужчина' – в отличие от неопределенно-личного местоимения *man* [man]; в других словах смыслоразличительную роль играет позиция гортанной смычки: *mil* 'миля' – в отличие от *mild* 'мягкий'.

Примерно с середины XIX в. в Норвегии развернулась жаркая полемика относительно того, следует ли принять в качестве государственного языка букмол (*bokmal*), называемый также датско-норвежским, или риксмол (*riksmal*), или же следует избрать «новонорвежский» (*nynorsk*), который иначе называется ландсмол (*landsmal*). Первый представляет собой разговорный норвежский язык, в основе которого лежит, отчасти, литературный датский язык; второй – синтезированный филологом И. Осеном на основе преимущественно западно-норвежских диалектов язык, в котором нет или почти нет следов датского влияния. Для современной языковой ситуации характерна тенденция к слиянию их в единый язык, который называется «общенорвежским» (*samnorsk*).

Западногерманские языки

Более 90 % всех говорящих на германских языках составляют носители западногерманских языков (прежде всего английского).

Состав западногерманской группы следующий: известный в письменной фиксации с VII в. древнеанглийский язык, потомком которого в настоящее время является современный английский; древнефризский, известный с XIII в., и его потомок – современный фризский язык; древнесаксонский язык, известный примерно с 800 г. и являющийся предком нижненемецкого; древненижнефранкский, также известный примерно с 800 г. и являющийся предком, в частности, современного нидерландского языка; и известный примерно с середины VIII в. древневерхненемецкий и его потомок – современный немецкий язык.

Английский выделяется среди других германских языков в том отношении, что он, начиная с очень ранней эпохи (XI в.), подвергался сильнейшему влиянию со стороны старофранцузского, в результате чего весьма значительную часть словарного состава современного английского языка составляет лексика романского происхождения. В Новое время английский активно пополнял свой словарный состав заимствованиями, – прежде всего из латыни и греческого, а также менялся в других отношениях в силу того, что был родным языком населения разных частей света.

В области морфологии английский язык отличает резкое сокращение форм словоизменения: исчезновение категорий рода и падежа в системе имени, упрощение системы личных окончаний в спряжении, а также исчезновение местоимения 2-го лица ед. ч. и соответствующей глагольной формы и др. В целом английский язык и язык африкаанс, как в наибольшей степени затронутые редукцией, в настоящее время являются наименее типичными представителями германских языков. Наоборот, наиболее богатой морфологией из современных германских языков обладают менее всего подвергшиеся редукции исландский и фарерский.

Грамматика

Уже на древнейшем этапе развития германские языки обнаруживают наряду со сходствами и различия, характерные для каждой из групп в отдельности. В современных германских языках общие тенденции развития также проявляются в сходствах и различиях между ними. Исходная система общегерманского **вокализма** подверглась значительной модификации в результате многочисленных фонетических процессов («**великий сдвиг гласных**» в английском языке, изменения в наборе и распределении долгих и кратких гласных в исландском и др.). Для германских языков характерна оппозиция кратких и долгих гласных, причем различия между некоторыми фонемами не только количественные, но и качественные. **Дифтонги** представлены практически во всех германских языках, но их количество и характер различаются по языкам. Для **консонантизма** типично противопоставление глухих и звонких (исключение – исландский, датский, фарерский языки). Свойственное германским языкам динамическое ударение в норвежском и шведском языках сочетается с музыкальным, в датском ему генетически соответствует т.н. **толчок**.

Для грамматического строя германских языков характерна тенденция к **анализизму**, реализуемая в отдельных языках с разной степенью полноты (ср. аналитические английский и африкаанс с флективными исландским и фарерским). Наиболее четко она проявляется в именном склонении. Категория **падежа** в большинстве языков представлена оппозицией общего и **родительного** (притяжательного) падежей. Падежные отношения при этом выражаются преимущественно **порядком слов** и **предложными** конструкциями. Категория **числа** двучленная (единственное – множественное), но формально выражено только множественное число. Трёхродовая классификация существительных (мужской, женский, средний) сохраняется в 5 из 11 германских языков. В некоторых из них представлены только два рода – общий и средний, в английском и африкаанс категории рода нет. Свойственное германским языкам наличие двух типов склонения прилагательных – сильного и слабого сохранилось в немецком и скандинавском

языках, тогда как в нидерландском языке и африкаансе оно представлено в виде двух форм прилагательного.

Для системы **спряжения** характерна классификация **глаголов** по способу образования форм претерита: сильные образуют их с помощью **аблаута**, слабые используют дентальный суффикс. Германские языки различаются как по инвентарю, так и по употреблению временных форм: в английском языке их 16, в датском и африкаансе – всего 6. Широко представлены аналитические глагольные формы, состоящие из вспомогательных глаголов и неличных форм (будущее, **перфект**). Двучленная категория залога (актив – пассив) выражается личными формами или конструкциями с причастием II. Категория наклонения представлена оппозицией **индикатив/императив/конъюнктив**, наибольшие различия по языкам отмечены в плане содержания и выражения конъюнктива.

Для структуры простого предложения характерна тенденция к фиксации порядка слов, особенно глагола – сказуемого. Инверсия наблюдается в вопросительных, побудительных и придаточных предложениях.

История возникновения и развития немецкого языка

В начале нашей эры многочисленные мелкие германские племена, обитавшие в различных районах внутри границ Римской империи, стали объединяться в более крупные (саксы, франки, алеманы). Постепенно они перенимали основные элементы латинской культуры.

Ядро будущего государства было заложено франкскими племенами. Объединенные Хлодвигом, они захватили три четверти Галлии и начали успешную борьбу с соседями. При детях и внуках Хлодвига (VI в.) – Меровингах – они покорили алеманов и баваров, стали совершать набеги на саксов, тюрингов, зарейнских фризов. В VIII веке на смену ослабевшим Меровингам была выдвинута новая династия Каролингов, которая организовала обширное и могущественное Романо-германское государство на Западе. При Карле Великом в него были включены Италия и Часть Испании.

Проводилась христианизация земель, росло крупное церковное землевладение. Однако при приемниках Карла Великого часть немецких племен отмежевывалась от этого союза по договорам о разделении империи: Верденский (843 г.), Меерсенский (870 г.), Рибемонтский (880 г.). Людвиг Немецкий получил в 843 году Восточно-Франкскую империю, в которую вошли Бавария, все германские зарейнские земли и епископства Майнцское, Вормское, Шпеерское. В 880 г. с приобретением западной половины Лотарингии были заложены границы между Францией и Германией. Около 900г. в оборонительной борьбе против Венгрии и славян немецкие племена франков, швабов, баваров и саксов усилились и сами перешли в наступление на своих соседей.

С выбором общего короля немецких племен, Конрада Первого была заложена неделимость Восточно-Франкского королевства, на основе которого в 920 году появляется раннефеодальное Тевтонское королевство. Французы называли его именем алеманы, а славяне немцами, то есть немцами (так как не понимали их языка). Из-за сложности зарождения Германской империи и многочисленных войн на ее территории в федеративных землях до сих пор сохраняются многочисленные диалекты. Такова история возникновения немецкого языка.

Развитие немецкого языка и немецкой народности

Немецкая народность формировалась веками. Слово немецкий появилось лишь в VIII веке и подразумевало вначале только язык, на котором разговаривали люди в восточной части франкского государства. В это государство, которое при Карле Великом стало наиболее могущественным, входили народности, говорившие частично на германских, а частично на романских диалектах. Вскоре после смерти Карла Великого (814 г.) империя распалась. В ходе различных дележей наследства возникли Западная и Восточная империи, причем политическая граница примерно совпадала с границей немецкого и французского языка. Название немецкий или германский с языка было перенесено на говорящих на нем и, наконец, на область их проживания (Германия).

Историческое развитие многоплеменной германской общности привело к тому, что в начале одиннадцатого столетия немецкая нация осознала свое единство, и немецкий язык стал родным языком германского народа. Немецкое слово «**Deutsch**» образовалось от устаревшего «*thioda*», что означает «говорящий на языке народа».

К четырнадцатому веку немецкий язык завоевывает позиции **основного языка в деловой сфере**. Вливание смешанных восточно-немецких диалектов и южно-немецких литературных традиций завершает формирование основы общенемецкого литературного языка.

В двадцатые годы шестнадцатого столетия **Мартин Лютер**, немецкий богослов, перевел на немецкий язык «Новый Завет», а спустя десятилетие – «Ветхий Завет». Эти важные события сильно повлияли на развитие нескольких поколений германского народа. С этого времени на германской земле начинают активно применять немецкую письменность, особенно в трудах авторов литературных произведений.

Начиная с семнадцатого века, влияние культурных деятелей и немецких литераторов способствовало интенсивному развитию *немецкой лексики, грамматики и стилистики*.

Выработанные в период до девятнадцатого века нормы литературного языка издаются в германских словарях:

- под редакцией просветителя и филолога И.К. Аделунга в 1781 году;

- под редакцией немецких лингвистов, писателей и исследователей Братьев Гримм в 1852 году.

Появление в печати «**Орфографического словаря немецкого языка**» немецкого филолога Конрада Дудена повлияло на стандартизацию правописания немецких слов.

До сих пор этот словарь, переизданный более двух десятков раз, пользуется популярностью в немецкоговорящих районах.

История немецкого языка не проста – из-за распространения единого немецкого языка происходило вытеснение местных диалектов на севере страны. Юг Германии все-таки сохранил некоторые наречия похожие на литературный немецкий язык.

Одновременно с развитием экономики происходило проникновение в **немецкую речь** иностранных слов, в частности, французской и славянской лексики.

В большом количестве появились английские заимствования из-за развития англоязычных средств массовой информации и использования английского языка как языка международного общения. Реформа орфографии в девяностых годах этого века, проводимая канцлером ФРГ Герхардом Шредером, была отрицательно воспринята основной массой населения Германии.

Окончательные преобразования в пунктуации и *орфографии немецкого языка* официально закреплены в 2007 году законом о реформе немецкого правописания.

В результате этого «новшества» отменено около девяти десятков правил орфографии и большая часть пунктуационных правил. Такое искусственно упрощение немецкого правописание для облегчения его изучения было болезненно воспринято населением немецкой страны.

Спустя несколько лет эффект от результатов этой реформы почти не заметен, предстоит долгое внедрение и усвоение новых норм, так как сохранилось множество немецких источников с использованием старых правил.

Немецкая народность и немецкий язык сформировались в эпоху раннего средневековья, в V–XI вв., из близкородственных западногерманских племен (франки, алеманны, бавары, хатты, туринги) и их племенных языков. На начальном этапе становления немецкой народности и немецкого языка ведущая роль в этом процессе принадлежала потомкам древних истеонсов – франкам. В недрах созданного франками государства на протяжении ряда столетий (VI–IX вв.) происходило формирование как языка французской народности (на западе), так и языка немецкой народности (на востоке). Длительное время эти языки существовали как бесписьменные и служили только средством устного общения; письменным, государственным языком Франкского государства была латынь.

Язык немецкой народности развился из племенных языков западно-германских племен, населявших восточные области Франкского государства. Результатом укрепления экономических и культурных связей между племенами франков, алеманнов, баваров, хаттов, турингов был процесс взаимопроникновения и объединения (интеграции) этих племен, что и привело к возникновению немецкой народности, говорившей на ряде близкородственных и взаимодействовавших между собой диалектов.

Решающим событием в процессе становления немецкой народности явилось разделение в середине IX в. Франкской империи Каролингов на три феодальных государства и выделение из нее Немецкого государства как самостоятельного политического образования.

Развитие немецкого языка в недрах Франкского государства от его создания в конце V в. и до VIII в. – это дописьменный период в истории немецкого языка. О его характере в этот период, о процессах, протекавших в его лексике, грамматическом строе и звуковом составе, можно судить лишь по данным сравнительно-исторического изучения древних германских языков, а также на основании истории германских племен. Первые письменные памятники на немецком языке появляются в VIII в. при Карле Великом. Этим временем датируется начало письменной истории немецкого языка.

Традиционная периодизация немецкого языка, впервые установленная Якобом Гриммом в его «Немецкой грамматике» (1819–1837 гг.), наметила основные вехи языкового развития. В соответствии с нею история немецкого языка делится на три основных периода:

- 1) древневерхненемецкий (althochdeutsch) VIII–XI вв.,
- 2) средневерхненемецкий (mittelhochdeutsch) – от середины XI в. до середины XIV в.,
- 3) нововверхненемецкий (neuhochdeutsch) – с середины XIV в.

Более детальная периодизация выделяет в нововверхненемецком продолжительный период становления новонемецкого национального литературного языка, так называемый ранненововверхненемецкий (frühneuhochdeutsch) – середина XIV–XVI вв.

Термин «верхненемецкий» употребляется в германистике в двух смыслах:

- 1) для обозначения местных диалектов средней и южной, возвышенной, части Германии в противоположность диалектам северонемецкой низменности (нижненемецкий – niederdeutsch); граница между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами определяется вторым передвижением согласных;

- 2) для обозначения обще-немецкой литературной формы национального языка, сложившейся в новонемецкий период на почве верхненемецких диалектов, в противоположность территориально раздробленным местным диалектам, как нижненемецким, так и верхненемецким; в этом значении

термин «верхненемецкий» получает социальную окраску, характеризуя язык как более «высокий», обладающий авторитетом национальной нормы (Hochdeutsch, Hochsprache).

Предложенная Я. Гриммом периодизация истории немецкого языка имеет наряду с лингвистическим также и социально-историческое обоснование.

1.2. Роль немецкого языка в современном мире

По приблизительным подсчетам, на Земле около 3 тысяч языков. Есть языки, обслуживающие узкий круг говорящих (языки племен Африки, индейцев Америки, отдельных аулов Дагестана и другие); есть языки, на которых говорят многочисленные народности и нации; есть языки международные, которые используются в качестве рабочих языков в ООН и ЮНЕСКО (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский).

Иностранные языки, несомненно, занимают важную роль в жизни современного человека, ритм жизни которого требует взаимодействия с подобными себе в разных сферах жизни, особенно если это касается профессиональной деятельности. Очень часто для общения человеку необходим иностранный язык. И если английским на базовом уровне владеют многие, то немецкий под силу далеко не каждому.

Сейчас особое место среди изучаемых иностранных языков занимает немецкий, пусть его популярность за последнее время значительно снизилась, так как лидирующие позиции во всех сферах стал занимать исключительно английский язык, но все же, многим по различным причинам требуется учить именно немецкий.

По распространенности этот язык не сильно разбросан и люди, разговаривающие на нем, встречаются, как правило, только на территории европейских стран, например, Швейцария, Люксембург, Бельгия, Италия. Но все же не смотря на ограниченное распространение, желающих знать немецкий не убавляется, и это, прежде всего, связано с историческим значением этого языка, а также мощным, прочным политическим и экономическим положением Германии во всем мире. Многих привлекает эта страна также доступным и престижным образованием

В настоящее время трудно сказать сколько людей владеют немецким, так как подсчеты различных агентств сильно расходятся в этих показателях. За основу принято брать примерное значение – около 100 млн человек. Неизвестно, сколько человек во всем мире действительно владеют немецким как иностранным и на каком уровне. Количество тех, для кого немецкий является родным (включая билингв) и кто регулярно говорит на нем, оценивается в 128 млн человек, в том числе среди меньшинств и эмигрантов. По этому показателю немецкий язык занимает 11-е место

среди всех языков. Он был языком Фридриха Шиллера и Генриха Гейне, Иоганна Себастьяна Баха, Людвига ван Бетховена, Вольфганга Амадея Моцарта и Рихарда Вагнера, Иммануила Канта, Зигмунда Фрейда и Альберта Эйнштейна.

Ареал распространения немецкого языка в качестве государственного языка включает в себя 7 центрально-европейских государств: Германию (ок. 82 млн жителей), Австрию, Лихтенштейн, Швейцарию (4 государственных языка) и Люксембург (3 государственных языка), а также небольшие части Бельгии (германоговорящая коммуна на Востоке) и Италии (провинция Боцен – Южный Тироль). И все же немецкий язык как иностранный изучают во всем мире. С одной стороны, это следствие его исторического значения как языка знания. С другой стороны, интерес к немецкому языку во всем мире объясняется прочным экономическим положением самих германоязычных стран, их политическим весом, ведущей ролью в сфере технологий, привлекательным вузовским образованием, а также информационной и туристической политикой.

Немецкий язык – это **язык мировой культуры**. Изучив немецкий язык, Вы откроете для себя одну из величайших культур в оригинале. В золотой фонд мировой сокровищницы входит средневековый эпос «Песнь о Нибелунгах», истории о подвигах Тила Уленшпигеля, творения таких выдающихся классиков, как Лессинг, Шиллер, Гейне и, конечно же, знаменитый «Фауст» Гёте. Невозможно представить современное искусство и литературу без философии Шопенгауэра, Ницше, поэзии Рильке, а также романов Томаса Манна, Франца Кафки, Германа Гессе, Э.-М. Ремарка, Генриха Манна. По-немецки говорили композиторы Штраус, Моцарт, Бах, Бетховен, Шуберт, Вагнер, Мендельсон, Шуман.

Но нужно помнить что трагические 1941–1945 гг. оставили свой след и на немецком языке. До сих пор он не входит в 6 официальных языков ООН, а в Совете Европы не играет почти ни какой роли. Но ненавистное клеймо войны не смогло остановить продвижение и развитие языка, а возможно придало ему новый толчок в освоении.

Но в самом **Европейском Союзе немецкий язык** является одним из двадцати трёх **официальных** языков, при помощи которого осуществляется коммуникация между государствами-членами ЕС. Вес его обеспечен тем, что внутри Европейского Союза он является родным для многих жителей и стоит на втором месте по количеству использующих его как иностранный после английского. Географическое положение Германии также придает немецкому языку определённый вес.

Немецкий язык стал после английского вторым по числу изучающих его в Европе. В странах Европейского союза, а также в Центральной и Восточной Европе, немецкий в качестве иностранного языка изучают 145 миллионов человек.

Немецкий язык не такой сложный для изучения, как многие другие языки. Немецкий, как иностранный, изучают в государственных школах 114 стран.

18 % всех книг в мире издаются на немецком языке. Зная немецкий, вы сможете читать большое количество литературы на языке оригинала. Каждый год на книжном рынке Германии появляется свыше 60000 новых публикаций. ФРГ занимает 3-е место в мировом книгоиздательстве.

Необходимо также обратить внимание на экономическую составляющую веса немецкого языка. Много крупных фирм находятся в Германии, предавая этой стране мощную экономическую платформу, в масштабах глобальной торговой деятельности продукция, произведенная в немецкоговорящих странах давно уже завоевала мировое признание.

По валовому социальному продукту, производимому всеми носителями языка, немецкий язык занимает в настоящее время третье место среди всех языков.

Необходимо добавить, что **экономика** Германии – крупнейшая в Европе, в рейтинге стран по общему объему ВВП Германия занимала в 2009 году четвертое место в мире. ФРГ – один из крупнейших торговых партнёров России. Взаимодействие России с Германией, как равно и с Австрией и Швейцарией, осуществляется преимущественно в таких отраслях, как экспорт нефти и газа, машиностроительная сфера, электротехника, химическая и фармацевтическая промышленность, металлургия, информационная и коммуникационная техника, информационные и экологически чистые технологии, – и, наконец, туризм, одна из ключевых составляющих экономик европейских стран. Не только сами эти страны – популярнейшие туристические направления, но и жители этих богатых стран тратят на путешествия больше, чем жители десятков других стран, вместе взятых.

Германоязычные государства играют ведущую роль в глобальной торговле. Повсюду существует потребность в знании немецкого в хозяйственной сфере. Так, 11 % фирм в Евросоюзе жаловались на финансовые потери из-за недостатка сотрудников, знающих немецкий (исследование «ELAN», 2006).

Немецкая продукция широко известна во всем мире благодаря своему высокому качеству и брендовым маркам: немецкие автомобили, такие как BMW, Mercedes-Benz, Volkswagen – лишь немногие примеры продукции высокого немецкого качества.

Прочные многовековые отношения связывают Россию и немецкоговорящие страны не только в торгово-экономической и дипломатической, но и в других сферах: культура, наука, образование. Знание немецкого языка позволяет получить высшее образование в немецких, австрийских и швейцарских вузах: качество образования в немецкоговорящих странах по праву считается одним из высоких во всем мире. Также, не стоит забывать про десятки стипендий и грантов, выделяемых правительством и различ-

ными организациями Германии, в различных сферах. Наконец, официальный язык Евросоюза и многих организаций, немецкий послужит хорошей службой в поиске работы в международных организациях.

Особую роль играет **образование**, которое можно получить в Германии. По традиции дипломы, полученные в лучших учебных заведениях мира, ценятся большинством работодателей. Не удивительно, что многие российские студенты уезжают учиться и получать высшее образование именно за границей. По последним данным в стране можно найти более 300 высших учебных заведений. Отличие немецкой системы образования, в том, что в большинстве университетов гарантируется трудоустройство, и студенты, относящиеся к учебе с должной ответственностью, получают приоритет в выборе места работы.

Важную роль немецкий язык играет также и в **Интернете**. Примечательно его стабильное второе место в электронном словаре Wikipedia: на сегодняшний момент число статей на английском более 3 млн, на немецком более миллиона, на французском и итальянском около полумиллиона.

Сегодня немецкий язык занимает 2-е место в Интернете как по отношению к количеству сайтов, так и по отношению к использованию в поисковых машинах языку. Однако распространению немецкого языка способствовало, прежде всего, книгопечатание, в результате чего большое количество литературных и научных изданий в мире опубликовано на немецком языке (3-е место). В России также издаются газеты, журналы и учебно-методическая литература на немецком языке, в частности издательством «МСНК-пресс».

Тенденция спроса на немецкий язык наблюдается не только среди людей бизнес сферы и студентов, но и среди любителей **спорта**, особенно в связи с Евро 2012, который проходил в двух соседних государствах – Украине и Польше. Всем известно, что немцы очень любят играть в футбол, а значит отечественным фанатам приходится постоянно взаимодействовать с природными носителями этого языка.

Если провести опрос среди изучающих немецкий язык, то можно выявить разные цели обучения, например, есть люди, которых привлекает культурное и историческое наследие, литература, философия. У всех свои цели и задачи, а также способы обучения.

Язык науки

Немецкий язык, как язык науки, важен для профессиональной дискуссии.

В то время как представители теоретических наук во всем мире чаще всего общаются на английском языке, то в практических естественных науках, например, в лесоводстве, требуется национальный язык, в том числе немецкий. Только таким образом функционируют коммуникации между экспертами и «неспециалистами». В некоторых гуманитарных дисциплинах немецкий язык и сегодня еще доминирует как научный язык.

Классическая филология, археология, музыковедение, философия, лютеранская теология – это те предметы, в которых немецкий язык сегодня играет международную роль

Горизонты духовного общения

Немецкая культура проявляется в различных формах: литература и музыка, театр и кино, архитектура, живопись, философия и искусство. Немецкая культурная жизнь отражается также в быту, в книготорговле и библиотеках, на фестивалях и в спорте.

Для тех, кто интересуется немецкой культурой, знание немецкого языка – абсолютная необходимость. Благодаря знаниям немецкого можно изучить эту огромную европейскую культуру в оригинале.

Доступ к обучению в Германии

Германия насчитывает более 350 высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, которые тесно связаны с образовательным сектором. Университеты и специальные высшие учебные заведения имеют обширные предложения. Институты, такие как общество Макса-Планка, научное общество Готфрида Вильгельма Лейбница, Немецкое исследовательское общество, общество Фраунгофера и общество Германа фон Хельмгольца германских исследовательских центров предлагают оптимальные условия для исследований. Германия наиболее любима иностранцами как страна, где можно получить отличное образование. Всего в Германии в высших учебных и исследовательских учреждениях обучается 225 000 иностранцев.

Германия – излюбленный центр туризма

Множество туристов из Германии, Австрии и Швейцарии путешествуют по всему миру. Знание немецкого языка для всех, кто работает в сфере туризма и хочет заработать деньги, является хорошей инвестицией.

И наоборот: миллионы иностранных туристов посещают каждый год немецкоговорящие страны. Они хотят побывать в замках короля Людвига Баварского, в горах Австрии и Швейцарии, познакомиться с немецким пивом на празднике Октоберфест и с немецкой романтикой на Рейне. Кто говорит и понимает немецкий язык, может лучше узнать немцев, углубленнее ознакомиться с историей и культурой немецкого народа.

Немецкий язык остается важным языком международного общения. Роль такого языка никогда не ослабнет, потому что он является для многих не только разговорным, но и многим он даёт возможность понимания друг друга без детального знания самого языка. Наука, торговля, технологии и другие сферы куда проник немецкий язык развиваются с большей силой.

Само название немецкого языка – deutsch – стало названием языка германских племен Центральной Европы в противоположность языку

соседствующего романского населения и, главным образом, латыни. Интересно, что в разных языках мира немецкий называют по-разному: German в английском, allemand во французском, tedesco в итальянском. Слово «немец» в русском языке первоначально означало «немой, не владеющий языком», то есть говорящий неясно, любой иностранец. В словарный состав русского языка из немецкого вошли такие заимствования, как «ярмарка», «галстук», «ратуша» и даже «тарелка».

Современный немецкий язык существует в форме литературного языка (Schriftsprache, Standardsprache, Hochdeutsch), близкого к нему обиходно-разговорного языка (Umgangssprache), а также региональных диалектов (Mundarten). Начало развитию немецкого языка положило отделение ряда диалектов от общегерманского языка в результате так называемого второго передвижения согласных (радикальной перестройки общегерманской системы согласных в VI–VIII вв. н.э.).

Первые дошедшие до нас памятники древненемецкой письменности датированы IX–XIII вв. н.э. К ним относится, например, знаменитая «Песнь о Нибелунгах».

Различают следующие периоды в истории развития немецкого языка: древневерхненемецкий (750–1050 гг.), средневерхненемецкий (1050–1350 гг.), ранненововерхненемецкий (1350–1650 гг.) и нововерхненемецкий (с 1650 г.).

Территориальная и политическая раздробленность немецкого языкового ареала в Средние века не способствовала языковому единству и привела к образованию и параллельному развитию множества диалектов. Общерегionalный письменный немецкий язык сформировался лишь в XVI–XVII вв., не в последнюю очередь благодаря переводам Библии Мартином Лютером.

Правописание немецкого литературного языка сложилось в XIX в. и первоначально основывалось на «Орфографическом словаре немецкого языка» Конрада Дудена, впервые изданном в 1880 году. В конце XX века была проведена реформа правописания немецкого языка, вызвавшая множество споров. В Германии новые правила орфографии и пунктуации окончательно вступили в силу 1 августа 2007 года. Реформа отменила 87 из 212 правил орфографии и коснулась, в частности, слитного и раздельного написания слов, выбора заглавной или строчной буквы в начале слова, написания слов иностранного происхождения, расстановки запятых и других знаков препинания.

Помимо литературного языка на территории Германии и сегодня существует множество диалектов: диалекты северной части Германии (нижне-немецкий диалектный ареал, например диалекты Гамбурга или Берлина), средненемецкие (например, рейнско-кельнский диалект Дюссельдорфа или гессенский диалект Франкфурта) и южнонемецкие (например, баварский). Свои национальные варианты немецкого языка имеют также Австрия и Швейцария. Диалекты придают неповторимый колорит каждому региону Германии. Но они создают и трудности как для туристов, так и для местных жителей. То, что люди из разных городов зачастую совсем не пони-

мают друг друга, часто вызывает улыбку, а различия диалектов становятся поводом для шуток и анекдотов.

Языковая система немецкого литературного языка схожа с другими германскими языками, но имеет ряд характерных особенностей. Фонетический состав немецкого языка включает 15 гласных фонем-монофтонгов и 3 дифтонга и 23 согласные фонемы. Согласные звуки произносятся с сильным придыханием (аспирацией), в результате чего для непривычного уха немецкий часто звучит резко и даже грубо. Долгота и краткость гласных имеет в немецком языке смысловозначительное значение. Еще одна важная особенность – это историческое чередование гласных в корне слова при образовании форм множественного числа существительных, глагольных форм и др. Образование грамматических форм в немецком языке осуществляется как синтетически (путем прибавления приставок, суффиксов, окончаний к основе слова), так и аналитически (например, с помощью служебных слов). Существительные в немецком языке имеют три рода (мужской, женский и средний) и изменяются по числам и падежам в соответствии с одним из трех типов склонения, а также имеют определенный или неопределенный артикль. Прилагательные выступают в краткой (неизменяемой) и полной форме, имеющей окончания рода, числа и падежа. Полная форма прилагательных изменяется по типу сильного, слабого или смешанного склонения.

Известна своей сложностью система глагольных форм немецкого языка. Глагол спрягается по лицам и числам и имеет шесть времен, часть из которых образуется аналитически при помощи вспомогательных глаголов. Категория залога представлена активным и пассивным залогом, категория наклонения – изъявительным, повелительным и сослагательным наклонением. Синтаксическая система немецкого языка характеризуется обязательным наличием в предложении обоих главных членов (подлежащего и сказуемого). Особую трудность для изучающих немецкий язык представляет фиксированное место сказуемого в предложении, а также особый порядок слов придаточного предложения.

Еще одна особенность немецкого языка – словосложение, развитое особенно сильно даже по сравнению с другими германскими языками. В нем допускается объединять две и более основы слов в одно, например: *Maschinenbedienungsanleitung* – руководство по эксплуатации аппарата, *Erdbebenfrühwarnsystem* – система раннего оповещения при землетрясении, *Kundenauftragsabwicklung* – оформление клиентского заказа и т.д. Результат такого почти неограниченного словообразования – знаменитые «длинные» слова немецкого языка. Например, самое длинное официально зафиксированное немецкое слово – *Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz* (Закон о передаче обязанностей по контролю маркировки говядины) – имеет 63 буквы. В Книгу рекордов Гиннесса вошло слово из 79 букв *Donaudampfschiffahrtselektrizitätenhauptbetriebs-werkbauunterbeamtengesellschaft* (Общество служащих младшего звена ор-

гана по надзору за строительством при Главном управлении электрического обслуживания Дунайского пароходства).

Такая истинно немецкая практичность («ничего лишнего»), стройность и точность, но также и богатая языковая традиция, особая мелодичность и острота слова создают неповторимый облик немецкого языка.

Современная реформа правописания

В конце XX века руководители немецкоязычных стран – ФРГ, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна, а также представители государств с компактно проживающими немецкими меньшинствами (Италия, Румыния и Венгрия) приняли решение о проведении реформы немецкой орфографии, которую планировалось завершить в августе 2005 г.

Однако за год до этого срока сразу несколько ведущих газет и журналов ФРГ (в первую очередь те, которые входят в крупнейший издательский концерн Axel Springer AG) заявили о возврате к традиционным правилам.

Одна из самых консервативных и уважаемых газет ФРГ, «Frankfurter Allgemeine Zeitung», в 1999 г., как и вся страна, перешла на новую орфографию, но уже через год вернулась к привычному правописанию. Также от новой орфографии отказался важнейший общественно-политический журнал страны «Der Spiegel».

По мнению журналистов, новые правила правописания только ухудшили ситуацию с немецким языком и привели к массовой путанице, поскольку, согласно опросам, лишь 38 % населения ФРГ знакомы с новыми правилами. Сами чиновники также нарушают новые правила, даже в официальных документах.

Как утверждают, большинство писателей с самого начала отказались принять новые орфографические правила. Из всех достижений федерального канцлера ФРГ Шрёдера это называют «самым сомнительным». В большинстве государств, затронутых реформой, в принципе людям дано право самим решать, какие правила правописания им применять. В Германии же этот вопрос стал предметом внутрипартийной борьбы и способом получения дивидендов у избирателей.

Население земли Шлезвиг-Гольштейн ещё в 1998 провело референдум и проголосовало за отказ от проведения реформы. Тем не менее федеральное правительство, учитывая средства, уже затраченные на обучение школьников по новым правилам, не желает идти на попятную в проведении реформы правописания. В настоящее время реформа правописания частично перерабатывается, то есть проводят «реформу реформы».

Таким образом, можно выделить 10 сфер деятельности, где обязательно понадобится немецкий язык:

1. В бизнесе / в деловой жизни: Общение на немецком языке с немецкоговорящими деловыми партнерами позволит улучшить партнерские

отношения, повысить шансы для эффективного взаимопонимания – и тем самым приведет к успеху.

2. Глобальная карьера: Со знаниями немецкого языка Вы повысите Ваши шансы оптимизировать свой профессиональный/карьерный рост в немецких фирмах, работающих на территории Российской Федерации, а также и на территории других странах мира. Хорошие знания немецкого языка сделают Вас продуктивным сотрудником/сотрудницей для работодателя с международными деловыми связями.

3. Туризм и гостиничный бизнес: Туристы из немецкоговорящих стран путешествуют по всему миру, в том числе они с удовольствием посещают Россию. Во время отпуска туристы тратят немалые средства и предпочитают быть обслуженными персоналом и экскурсоводами, говорящими на немецком языке.

4. Наука и научные исследования: Немецкий язык – второй по важности язык в мире науки. Германия занимает третье место в мире по финансированию научных исследований и вкладу в развитие науки и ежегодно предоставляет разнообразные стипендии студентам и молодым ученым из-за рубежа, в том числе и России.

5. Коммуникация: Развитие на сегодняшний день медийных, информационных и коммуникационных технологий делают мультилингвальную коммуникацию востребованной. Целый ряд важнейших web-сайтов предоставляет информацию на немецком языке. Каждая десятая книга издается на немецком. Знания немецкого языка открывают широкий доступ к различной информации.

6. Культурное взаимопонимание: Изучать немецкий – означает получить возможность увидеть/понять и принять жизнь, желания и мечты людей из немецкоговорящих стран с их поликультурным сообществом.

7. Путешествия: Знания немецкого позволяют расширить список стран, которые можно посетить и тем самым обогатить свои путевые заметки не только о немецкоговорящих странах, но и других странах Европы.

8. Удовольствие от литературы, музыки, искусства и философии: Немецкий язык – язык Гете, Кафки, Моцарта, Баха и Бетховена. Вы получите настоящее наслаждение от чтения и/или прослушивания их произведений в оригинале.

9. Возможности обучения и работы в Германии: Германия предлагает большое количество стипендий для обучения в различных вузах страны. Для молодых людей из-за рубежа предусмотрены специальные туристические визы с разрешением на работу, а для представителей некоторых профессий имеются специальные разрешения на выполнение определенных работ.

10. Программы обмена: Между Германией и многими странами мира, в том числе и с Российской Федерацией, заключены соглашения по школьным и студенческим обменов.

Часть II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

2.1. Предмет фонетики, ее задачи и внутреннее деление

Предметом фонетики как особого раздела языковедения является звуковая сторона языка; к ней относятся все звуковые средства языка, т.е. не только звуки и их комбинации, но и ударение и интонация. Иногда в предмет фонетики включаются также графика и орфография как учение о способах обозначения звуковых единиц и правилах написания слов с помощью букв того или иного алфавита.

В зависимости от того или иного объема материала, который является предметом непосредственного исследования лингвистов, занимающихся звуковой стороной языка, различаются следующие отрасли фонетики: общая фонетика, сопоставительная фонетика и частная фонетика отдельных языков.

Общая фонетика исследует закономерности, характерные для звуковой стороны любого языка, и изучает звуковые средства самых различных языков, относящихся к разным группам и семьям.

Сопоставительная фонетика занимается выявлением общего и особенного в звуковой стороне двух или нескольких сопоставляемых или сравниваемых языков, которые могут быть как родственными, так и неродственными.

Фонетика отдельных языков изучает особенности звуковой стороны этих языков в возможно более полном объеме.

В фонетике отдельных языков различаются: историческая фонетика и описательная фонетика. *Историческая фонетика* конкретного языка изучает историю звуковых средств данного языка в той мере, в какой она отражена в памятниках письменности на этом языке, диалектной речи и т.д. *Описательная фонетика* исследует звуковые средства отдельного языка в определенный период его истории и в его современном состоянии. Описательная фонетика какого-либо отдельного современного языка занимается либо изучением звуковой стороны данного языка во всех формах его существования, в том числе и в его обиходно-разговорных и диалектных формах, либо изучением только звуковой стороны наиболее представительной, образцовой формы его существования – нормализованного литературного языка.

В задачи фонетики входит всестороннее исследование звуковой стороны языка и выявление закономерностей ее внутренней организации. Однако звуковая сторона любого языка представляет собой сложное, комплексное явление, в котором выделяются не только звуки речи и их последовательности, но и словесное ударение и фразовая интонация. С другой стороны, звучащая речь представляет собой не просто некое акусти-

ческое явление, но совокупность таких акустических сигналов, которые произведены в ходе целенаправленной деятельности артикуляционных органов человека и предназначены для восприятия человеком же с помощью его органов слуха.

В настоящее время аспекты звуков речи, равно как и аспекты их исследования, могут быть определены несколько иначе вследствие расчленения рассматривавшегося ранее как единый биологического аспекта на два относительно независимых и уточнения наших представлений о функциях звуков речи. Сейчас можно говорить о четырех аспектах звуков речи: физическом, артикуляционном, перцептивном и функциональном. В **физическом аспекте** звуки речи рассматриваются как акустические эффекты, возникающие в результате деятельности нашего речевого аппарата. Движения и состояния речевого аппарата, направленные на производство звуков речи, представляют собой их **артикуляционный аспект**. Особенности восприятия звуков речи человеком образуют их **перцептивный аспект**. Использование звуков речи в конкретных языках в функции строительного материала для обозначения звуковых оболочек, наделенных значением звуковых единиц, составляет **функциональный (социальный) аспект** звуков речи. Все эти аспекты свойственны не только звукам речи, но и акцентным средствам конкретных языков и их фразовой интонации.

С учетом сложности предмета фонетики в ней выделяются такие **частные дисциплины**, как артикуляционная фонетика, акустическая фонетика, перцептивная фонетика, функциональная фонетика, или фонология, акцентология, или учение о словесном ударении, интонология, или учение об интонации. **Артикуляционная фонетика** изучает деятельность человеческого речевого аппарата, в результате которой производятся звуки, выступающие в качестве элементарных звуковых единиц каких-либо языков. Она описывает движения и положения органов речи, необходимые для произнесения звуков данного языка. **Акустическая фонетика** исследует чисто физические особенности (характеристики, параметры) звуков речи на различных языках. **Перцептивная фонетика** рассматривает особенности восприятия звуков речи человеческим органом слуха. **Функциональная фонетика** изучает функции, которые звуки речи выполняют в составе звучаний, образующих материальную, воспринимаемую сторону значащих единиц языка – морфем, слов и их форм. Предметом **акцентологии** является система акцентных средств, обеспечивающих в данном языке фонетическое объединение слова вокруг так называемого ударного слога. Наконец, **интонология** исследует используемые в конкретных языках типичные изменения основного тона, интенсивности, тембра и длительности, а также характерные для отдельных языков особенности фразового ударения и ритмики предложения.

Связь фонетики с другими языками

Уже названия отдельных фонетических дисциплин свидетельствуют о том, что фонетика так или иначе связана с рядом неязыковедческих наук. **Артикуляционная фонетика** самым непосредственным образом связана с анатомией и физиологией органов речи. Она использует данные о строении органов речи и об их движениях, полученных от этих наук, и применяет их в своих целях для описания артикуляционной деятельности людей, говорящих на том или ином языке. При изучении артикуляций она пользуется методами экспериментальной физиологии (электромиография, кинорентгенография). **Акустическая фонетика** исследует параметры звучащего речевого сигнала с помощью понятийного аппарата и экспериментальных методов физической акустики. **Перцептивная фонетика**, изучая восприятие звуковых единиц человеческим ухом, основывается на данных психологии восприятия и применяет разработанные ею экспериментальные методы. Однако использование этими отраслями фонетики данных и исследовательской методики современных физиологии, акустики и психологии отнюдь не приводит к утрате фонетикой своего языковедческого характера, поскольку ее предметом остается звуковая сторона человеческого языка, рассматриваемая не с физиологических, физических или психологических позиций, но под углом зрения лингвистики.

Использование различными отраслями фонетики экспериментальных методов и аппаратуры естественных наук привело к тому, что иногда говорят о существовании еще одной ее отрасли – экспериментальной фонетики, которая якобы представляет собой естественнонаучную дисциплину. Однако использование заимствованных у акустики, физиологии и психологии методов не является достаточным основанием для того, чтобы относить так называемую экспериментальную фонетику к естественным наукам и рассматривать ее как самостоятельную дисциплину. Вся история современной фонетики показывает, что фонетический эксперимент с использованием приборов, разработанных для нужд акустики или физиологии, имеет смысл лишь постольку, поскольку его результаты могут быть учтены при изучении звуков человеческой речи как языковых явлений, т.е. как предмета языковедения. В свою очередь предметом так называемой экспериментальной фонетики являются процессы звуково-производства и звуковосприятия и характеристики звучащего речевого сигнала, т.е. те аспекты речи, которые изучаются артикуляционной, перцептивной и акустической фонетикой.

В кругу остальных языковедческих дисциплин – грамматики, лексикологии – фонетика бесспорно занимает равноправное с ними положение как самостоятельная наука. Если грамматика и лексикология изучают явления языка с учетом их звуковой формы и значения, то фонетика исследует артикуляционный, акустический и перцептивный аспекты звуча-

щей речи как способы обозначения определенного содержания и функции используемых различными языками элементарных звуковых единиц.

В то же время фонетика как самостоятельный раздел языковедения определенным образом взаимодействует с его другими разделами, и прежде всего с грамматикой. Это взаимодействие обусловлено тем, что одни и те же особенности звуковой формы языковых явлений оказываются существенными не только для звуковой стороны языка, но и для некоторых участков его грамматического строя. Например, определенные виды чередования гласных или согласных оказываются в отдельных языках морфологизированными, т.е. используются при образовании разных форм одних и тех же слов или разных слов от одних и тех же корневых морфем (ср. в русском языке: будить – бужу, водить – вожу и друг – дружок, берег – бережок; в немецком языке: sprechen – sprach).

Подобные морфологизированные чередования звуков изучаются возникшей на стыке фонетики и морфологии дисциплиной, называемой **морфонология**. Как для фонетики, так и для синтаксиса весьма существенны правила фразовой интонации конкретных языков, так как каждое конкретное предложение обязательно характеризуется определенным интонационным оформлением. Поэтому данные, полученные в собственно интонологических исследованиях, находят самое непосредственное применение в работах по описательному синтаксису отдельных языков.

Фонетика как особый раздел языкознания имеет не только теоретическое, но и практическое значение, которым и определяется интерес, проявляемый к получаемым ею результатам со стороны представителей самых различных сфер социальной деятельности. Так, артикуляционная фонетика, возникшая из потребностей обучения чтению, в настоящее время является базой, на которой строится не только постановка произношения иностранного или родного языка, но и обучение письму. Она же служит основой практической работы логопедов, устраняющих недостатки произношения у детей и взрослых, и специалистов, занимающихся лечением дизартрии¹ и афазии² и обучением речи глухонемых и тугоухих. Артикуляционная фонетика и акцентология сделали возможной и кодификацию произносительных норм всех литературных языков.

Акустическая фонетика имеет большое значение для решения таких важных прикладных задач, как синтез связной человеческой речи и автоматическое распознавание речи. Обе эти задачи обусловлены возникшей в ходе развития кибернетики проблемой общения человека с машиной.

Функциональная фонетика, или фонология, служит основой для работы по созданию письменности для бесписьменных языков и в первую очередь для установления правил их орфографии. Фонология конкретных

¹ Дизартрия – расстройство механизма артикуляции звуков речи.

² Афазия – утрата способности говорить или понимать слышимую речь, вызываемая поражениями мозга.

языков предоставляет в распоряжение техники связи данные о закономерностях сочетаемости фонем, которые используются там при составлении так называемых артикуляционных таблиц, предназначенных для оценки качества передающей и приемной аппаратуры и линий связи.

2.2. Основные понятия учения о фонеме

Термином «фонема» в языкознании обозначается кратчайшая линейная единица звукового строя таких языков, как славянские, германские, романские и многие другие, не являющиеся языками слогового типа¹. В немецком, русском, французском и им подобных языках фонема представляет собой предел линейного членения речевой цепи.

Фонемы не могут быть непосредственно отождествлены со слышимыми и произносимыми людьми в процессе речевого общения звуками. Дело в том, что фонемы представляют собой единицы звукового строя языка, тогда как слышимые и произносимые людьми конкретные звуки суть явления индивидуальной речи. В то же время реальностью, непосредственно данной человеку в восприятии, оказываются именно звуки и последовательности звуков чьей-либо индивидуальной речи. Именно по ним опознается фонемная структура звуковых сторон слов и словоформ, т.е. наделенных значением единиц данного языка, а следовательно, опознаются и сами эти единицы, чем обеспечивается понимание слышимой речи на данном языке. Отсюда следует, что слышимые и произносимые людьми в процессе речевого общения звуки – это формы обнаружения и существования фонем во внешней среде, формы, в которых фонемы становятся доступными восприятию участников акта речевого общения.

Конкретные звуки речи, являющиеся представителями фонем того или иного языка в индивидуальной речи, называются индивидуальными реализациями этих фонем. Поскольку фонемы как абстрактные единицы звукового строя языка самостоятельного бытия не имеют, а существуют лишь в звуках речи и через них, фонемы и конкретные звуки речи, в которых они реализуются, соотносятся друг с другом как сущности и явления.

Функции фонем

В соответствии с вышесказанным можно говорить о наличии у фонем трех функций:

Первая и основная функция, которая свойственна каждой фонеме, – тектоническая, или конститутивная. В этой форме фонемы вступают как строительный материал, из которого создаются означающие формы языко-

¹ К языкам слогового типа или слогового строя относятся китайский, бирманский, вьетнамский и другие языки Юго-Восточной Азии.

вых единиц, наделенных значением (морфем, слов и их форм). Именно в построенной по определенным закономерностям цепочке из нескольких фонем фиксируется реализуемая в речи в виде некоторой звуковой последовательности и воспринимаемая на слух материальная сторона морфемы, слова, словоформы.

Вторая функция, органически связанная с первой и являющаяся по отношению к ней производной, вторичной, – различительная, или дистриктивная (дифференцирующая).

В этой функции фонемы выступают как различители выражения морфем, слов и их форм, поскольку обычно означающие конкретные морфем и т.д. отличаются друг от друга по своему фонемному составу или полнотой, или частично, или хотя бы одной фонемой.

Третья функция, также органически связанная с первой и являющаяся по отношению к ней производной, вторичной, – объединительная (интегративная). В этой функции фонемы выступают как элементы плана выражения таких морфем, слов и их форм, означающие которых в той или иной степени совпадают по составу и взаимному расположению входящих в них фонем.

2.3. Артикуляционная база немецкого языка

Иноязычный акцент, как и диалектный, существенно затрудняет восприятие речи человека, говорящего на неродном языке, так как внимание слушающего постоянно отвлекается из-за необходимости производить текущую коррекцию звуковых образов слов, содержащих несвойственные данному языку звуки. Поэтому усвоение иноязычного нормативного произношения – это в первую очередь усвоение нормативной артикуляции звуков неродного языка, взятых в потоке речи и в отдельности.

Другими словами, усвоение обучающимися нормативного произношения неродного языка есть выработка у обучающихся новой для них артикуляционной базы. Под **артикуляционной базой** какого-либо языка понимают совокупность движений и положений произносительных органов, традиционно используемые носителями данного языка, образующие комплексные артикуляции, с помощью которых произносятся звуки соответствующего языка. Артикуляционная база родного языка вырабатывается у ребенка в течение первых лет его жизни в процессе овладения языком путем подражания произношению окружающих его лиц: родителей, старших братьев и сестер, товарищей по играм, воспитателей в детском саду и т.д. Ко времени поступления в школу артикуляционная база родного языка у ребенка полностью сформирована. Если родным языком ребенка является диалект со своими произносительными особенностями, то задача школы – привить ребенку навыки правильной артикуляции звуков литературного языка, отсутствующих в его родном диалекте.

Артикуляционная база того или иного языка рассматривается некоторыми лингвистами как следствие присущих представителям данной национальности или расы особенностей строения речевого аппарата и даже как проявление какого-то врожденного свойства, общего всем носителям данного языка. Однако хорошо известно из опыта, что дети, принадлежащие к различным национальностям, попадая в инонациональную среду в раннем возрасте, усваивают в совершенстве и новый язык, а с ним и его артикуляционную базу, если они с самого начала активно общаются со сверстниками и другими лицами, для которых этот язык является родным. Отсюда следует, что, для того чтобы усвоить артикуляционную базу какого-то неродного языка, совсем не требуется принадлежать к соответствующей национальной общности людей, к соответствующей культуре, использующей данный язык в качестве средства общения между людьми, объединенными независимо от их национального самосознания единством хозяйственной и культурной жизни и компактно живущими на одной и той же территории. В этом случае ребенок овладевает артикуляционной базой неродного ему языка в ходе повседневного общения с инонациональным окружением столь же естественным путем подражания, самокоррекции и учета поправок со стороны собеседников, как и при овладении артикуляционной базой родного языка, с той лишь разницей, что овладение артикуляционной базой неродного языка начинается в таких случаях позже и опирается в основном на внесемейное общение.

Иначе обстоит дело при обучении иноязычному произношению взрослых учащихся, особенно студентов. Изучающие эти живые языки должны овладеть их артикуляционной базой в максимальной степени, возможной при отсутствии иноязычного окружения. Однако выработка иноязычной артикуляционной базы у взрослых учащихся происходит при мощном противодействии уже сформировавшейся у них артикуляционной базы родного языка. Преподавателю и студенту совместными усилиями приходится подавлять акцент родного языка, становящийся для большинства взрослых людей непреодолимым в полном объеме препятствием.

Простое подражание как метод обучения иноязычному произношению взрослых оказывается явно недостаточным. На первый план выдвигается развитие навыков сознательного управления произносительными органами на основе знания устройства речевого аппарата и артикуляционных возможностей его подвижных частей.

Другим условием успешной работы над иноязычным произношением является четкое представление об особенностях артикуляционных баз родного и изучаемого языков. Сравнение звуков и артикуляции родного языка и изучаемого неродного есть основа постановки иноязычных звуков. Оно позволяет сознательно подавлять автоматизированные произносительные навыки родного языка, непроизвольно вносимые в речевую деятельность на изучаемом языке взамен отличающихся от них и потому непривычных

иноязычных произносительных навыков, и сознательно же вырабатывать произносительные навыки, представленные в иноязычной артикуляционной базе и отсутствующие в артикуляционной базе родного языка.

Третье условие успешной выработки иноязычной артикуляционной базы у взрослых учащихся – это осознание ими того важного обстоятельства, что движения органов речи, направленные на производство звучаний слов любого языка и состоящих из этих слов и их форм фраз, представляют собой в принципе такую же деятельность, как и любая другая деятельность, выполняемая человеком с помощью тех или иных органов.

Артикуляционная сторона речеобразования с использованием родного языка является одним из видов автоматизированной деятельности, необходимые навыки для которого формируются у ребенка в процессе практически непрерывной тренировки, буквально начиная с первых месяцев его жизни. Взрослые учащиеся должны выработать у себя столь же автоматизированные навыки правильной иноязычной артикуляции, но за ограниченное время и в совершенно иных условиях, когда отсутствует соответствующее языковое окружение, а следовательно, и исправление произносительных ошибок со стороны носителей языка. К тому же, как уже говорилось выше, выработке иноязычных произносительных навыков у взрослых учащихся мешает постепенная утрата речевым аппаратом его первоначальной гибкости. Поэтому обучение иноязычному произношению должно протекать в таких организационных формах, которые хотя бы отчасти могли восполнить отсутствие иноязычного окружения, уравновесить отрицательное воздействие артикуляционной базы родного языка и учесть при этом осложнения, вызываемые ограниченностью учебного времени и возрастными особенностями учащихся.

Процесс практического овладения всеми требованиями иноязычной произносительной нормы вполне сопоставим с таким видом деятельности, как овладение игрой на каком-либо музыкальном инструменте в профессиональных целях. И в том и в другом случае выполнение самых дифференцированных движений работающих органов должно быть доведено до такой степени совершенства и автоматизма, при достижении которой эти движения становятся рутинными, не представляющими для профессионала ни малейшей трудности. И в том и в другом случае нужный эффект достигается продуманным сочетанием занятий с преподавателем и самостоятельных занятий тренировочного характера.

Отличия немецкой артикуляционной базы от артикуляционной базы русского языка

Артикуляционная база любого языка – это совокупность движений и положений произносительных органов, привычных для лиц, для которых данный язык является родным. Применительно к немецкому языку необходимо иметь в виду, что в раннем детстве носители немецкого языка чаще

всего усваивают артикуляционную базу той или иной местной формы существования немецкого языка (диалект, местный или городской обиходно-разговорный язык, областной обиходно-разговорный язык) либо литературного обиходно-разговорного языка, сохраняющего, тем не менее, некоторые местные черты и в сфере произношения. Лишь впоследствии, обучаясь в школе, они в большем или меньшем объеме овладевают артикуляционной базой немецкого литературного языка, как она зафиксирована в нормативных документах по орфоэпии. Поэтому, как правило, немцы, даже обладающие высоким образовательным уровнем и сознательно сделавшие выбор в пользу литературного языка как основного средства общения, говорят с известной долей местных произносительных особенностей. Наиболее свободна от этих местных артикуляционных особенностей речь лиц, получивших специальную орфоэпическую подготовку, представителей так называемых речевых процессов – актеров, радио- и теледикторов, учителей школ и преподавателей вузов, священнослужителей.

Для артикуляционной базы немецкого языка по сравнению с русской артикуляционной базой характерны:

1. Большая активность губ, т.е. их более сильное выпячивание и округление при образовании гласных.

2. Наличие в немецкой артикуляционной базе сочетания артикуляции губ с артикуляцией передней части спинки языка при произнесении ряда гласных.

3. Чуждое русской артикуляционной базе смыкание голосовой щели при произношении начальных гласных еще до начала образования гласного.

4. Продвинутость тела языка вперед при образовании гласных и связанное с ней примыкание кончика языка к нижним зубам, тогда как для русской артикуляционной базы типично примыкание кончика языка к нижним альвеолам.

5. Ограниченная подвижность средней части спинки языка при образовании согласных, являющаяся общей чертой немецкой и русской артикуляционных баз.

6. Участие язычка (увулы) в образовании ряда согласных, не свойственное нормативной артикуляционной базе русского языка.

7. Запаздывание начала работы голосовых связок при артикуляции так называемых звонких согласных, не имеющее никаких соответствий в русской артикуляционной базе.

8. Большая сила выдыхаемой воздушной струи и более сильное напряжение мышц органов речи при образовании немецких глухих смычных и щелевых согласных.

9. Более сильное по сравнению с русской артикуляционной базой напряжение мышц органов речи при образовании гласных, сонорных и глу-

хих согласных и более слабое при образовании так называемых звонких согласных.

10. Незвестное русской артикуляционной базе сохранение принятого органами речи положения без существенных изменений на всем протяжении артикуляции звука.

Овладение немецким нормативным произношением требует от взрослых учащихся сознательной выработки немецкой артикуляционной базы. Последнее предполагает наличие прочных знаний о том, каковы двигательные возможности активных органов речи и как эти возможности используются в русском или любом другом языке учащихся и в артикуляционной деятельности носителей немецкого языка. Такие знания в свою очередь предполагают ознакомление с устройством произносительного аппарата.

Артикуляционное описание звуков немецкого языка

Звуковой состав немецкого языка уже при самом первом ознакомлении с ним обнаруживает заметные отличия от звукового состава русского или какого-либо иного языка. Так, бросается в глаза наличие в немецком языке гласных [ø:], [y:], [œ], [Y], [ə], отсутствующих в русском языке, равно как и отсутствие в немецком языке гласных [ы], [а], [э], характерных для русского языка. Соответственно в немецком языке представлены, например, придыхательные глухие смычные [pʰ], [tʰ], [kʰ] и велярный носовой сонант [ŋ], чуждые русскому языку, а русский язык обладает неизвестными немецкому языку долгими мягкими шипящими [ш:], [ж:].

Эти и им подобные различия между звуковыми составами немецкого и русского языков являются результатами различия артикуляционных баз обоих языков. Например, отсутствие в звуковом составе немецкого языка гласных [ø:], [y:], [œ], [Y] объясняется тем, что немецкая артикуляционная база предусматривает возможность одновременного совершения двух элементарных работ активных органов речи: продвижения тела языка вперед и вверх и округления и некоторого выпячивания губ. Отсутствие в звуковом составе русского языка этих гласных объясняется тем, что русская артикуляционная база не содержит в себе комбинации этих элементарных движений языка и губ. Поэтому как для целей научного изучения немецкой фонетики, так и для целей практического обучения немецкому произношению необходимо описание звуков немецкого языка с точки зрения их артикуляции.

Звуки любого языка распадаются на два класса: гласные и согласные. Свое обозначение каждый класс получил, скорее всего, от той роли, которую входящие в него звуки играют в слогаобразовании. Гласные, т.е. звуки, производимые в результате периодических колебаний голосовых связок, выступают в качестве вершины слога или его ядра. Согласные, т.е. звуки, в образовании которых участвуют шумовые источники звука, сами в

общем случае слога не образуют, обычно сопутствуя гласным, как бы звуча вместе с ними постольку, поскольку звучат гласные вершины слогов.

С артикуляционной (физиологической) точки зрения гласные и согласные различаются следующими признаками: отсутствие или наличие преграды на пути воздушной струи, слабый или сильный выдох, т.е. различие в степени воздушности (расхода воздуха за время произнесения данного звука), наличие или отсутствие определенного фокуса образования. Наиболее общим признаком, охватывающим все гласные и все согласные, является третий признак, выявленный И.А. Бодуэном дэ Куртене: все согласные обнаруживают наличие напряжения в той части речевого аппарата, где локализована преграда, выступающая как шумовой источник звука; все гласные, напротив, образуются в условиях разлитого напряжения произносительного аппарата. От характера напряжения мускулатуры произносительного аппарата зависит наличие или отсутствие преграды на пути воздушной струи, выходящей из легких; характер напряжения мускулатуры органов речи определяет и различия в степени воздушности между согласными и гласными.

Особое место в звуковом составе языков типа немецкого и русского занимают сонанты, являющиеся одним из подклассов согласных. В артикуляции сонантов помимо таких активных органов речи, как губы, кончик (или передняя часть) языка, небная занавеска, создающих преграду на пути выдыхаемой воздушной струи, принимают участие и голосовые связки, выступающие в качестве основного источника звука. Поскольку при произнесении сонантов музыкальный тон преобладает над шумом, есть основания считать для них основной артикуляцией и работу голосовых связок наряду с работой одного из активных органов речи, находящихся в полости рта. Например, для немецких носовых сонантов [m], [n], [ŋ] и русских носовых сонантов [м], [м'], [н], [н'] основными артикуляциями окажутся: колебание голосовых связок, производящее музыкальный тон, и опущение мягкого неба, открывающее воздушной струе путь наружу через полость носа. Образование смычки (губной, альвеолярной, или зубной, велярной) и палатализация являются в данном случае дополнительными артикуляциями.

Состав немецких гласных

Состав немецких гласных, реально используемых в немецком литературном произношении в звуковых оболочках исконно немецких слов или фонетически освоенных заимствований из других языков, насчитывает всего 36 единиц. Эти единицы отличаются друг от друга как своими постоянными артикуляционными характеристиками, так и артикуляционными особенностями, возникающими в определенных позициях относительно ударного слога и в слогах различных структурных типов.

Состав гласных звуков немецкого языка можно представить в форме двух таблиц, одна из которых (табл. 1) содержит все гласные полного образования, а другая (табл. 2) включает в себя все редуцированные гласные, т.е. гласные неполного образования. Такое отдельное представление немецких полных и редуцированных гласных дает возможность более точно отобразить специфику каждого из этих классов гласных с учетом всех основных отношений между составляющими их звуками.

Таблица 1

Передние				Задние			
неогубленные		огубленные		неогубленные		огубленные	
нена- пряж.	на- пряж.	нена- пряж.	на- пряж.	нена- пряж.	на- пряж.	нена- пряж.	на- пряж.
I	i:	Y	y: y' y			U	u: u' u
E: E' E	e: e' e	æ	ø: ø' ø	а	a: a' a	ɔ	o: o' o

Таблица 2

Способность быть верши- ной слога	Слоговые	Неслоговые				
		средние	передние		средние	задние огуб- ленные
			передние неогуб- ленные	передние огуб- ленные		
Ряд	Подъем	э	ё	ѐ	ѝ	
высокий средний	низкий средний	е		ѐ		

Табл. 1, охватывающая все немецкие гласные полного образования, позволяет охарактеризовать каждый гласный с точки зрения его ряда, подъема, степени напряженности, количества (долготы) и огубленности. Она состоит из четырех столбцов, в каждом из которых соответственно помещены передние неогубленные гласные, передние огубленные гласные, задние неогубленные и задние огубленные гласные. В свою очередь каждый столбец делится на две колонки: в левой колонке расположены ненапряженные гласные того или иного ряда, а правая содержит напряженные гласные того же ряда всех трех степеней долготы.

Таблица поделена по горизонтали на 10 строк, что позволяет расположить в каждой колонке гласные в соответствии с их подъемом относительно друг друга и относительно гласных, помещенных в других колонках, т.е. отобразить в форме таблицы четырехугольник немецких гласных.

Все немецкие гласные полного образования выступают в двух позиционных разновидностях каждая, а именно с новым приступом и без него.

Табл. 2 состоит из двух частей, в одной из них (левой) помещены слоговые гласные неполного образования, тогда как правая содержит неслоговые гласные.

Деление таблицы на столбцы (и – в необходимых случаях – столбцов на колонки) позволяет отобразить соотношение немецких гласных неполного образования по ряду, а в пределах ряда и по огубленности-неогубленности. Членение таблицы на горизонтальные строки позволяет, хотя и в значительной мере условно, показать соотношение этих гласных друг с другом по признаку подъема. Размещение значков [ə], [ɐ], [ɘ] ближе к левой или правой границе соответствующих клеток указывает на относительную сдвинутость этих гласных в пределах среднего ряда.

Состав немецких согласных

Состав немецких согласных, реально используемых в немецком литературном произношении в звуковых оболочках исконно немецких слов или фонетически освоенных заимствований из других языков, насчитывает всего 81 единицу. Эти единицы отличаются друг от друга основными и дополнительными артикуляциями, а также артикуляционными особенностями, возникающими под влиянием соседних звуков или в определенных позициях по отношению к словесному ударению.

Состав согласных звуков немецкого языка можно представить в табличной форме, позволяющей охарактеризовать каждый согласный по преобладающему источнику звука, способу образования преграды и по его основной и дополнительной артикуляции с учетом участия или неучастия голосовых связок и большей или меньшей степени напряжения мускулатуры речевого аппарата при произнесении этого звука.

В отличие от обычной практики объединения шумных и сонантов в рамках одной общей таблицы здесь сонанты представлены в особой таб-

лице. Такое отдельное представление немецких сонантов дает возможность более точно отобразить существенные особенности их артикуляции, заметно отличающие их от немецких шумных согласных.

В свою очередь немецкие смычные и щелевые шумные согласные тоже представлены не в одной общей таблице, как это обычно делается, а в двух отдельных (табл. 3 и 4), поскольку классификация смычных по активному органу речи довольно заметно отличается от аналогичной классификации щелевых. Если среди смычных по этому признаку различаются двугубные (билабиальные), переднеязычные (апикальные, корональные, предорсальные) и заднеязычные (постдорсальные), то среди щелевых выделяются одnogубные (лабиодентальные), переднеязычные однофокусные (апикальные, корональные, предорсальные), переднеязычные двухфокусные (апикально-постдорсальные), среднеязычные (медиодорсальные), заднеязычные (постдорсальные) и гортанные (фарингальные).

И смычные и щелевые разделены по признаку участия голоса и связанному с ним признаку силы артикуляции на две подгруппы: сильные глухие и слабые звонкие.

Первая горизонтальная строка табл. 3 отражает основную артикуляцию сильных глухих и слабых звонких смычных, образуемых с использованием того или иного активного органа речи. При этом в том разделе таблицы, где объединены все сильные глухие смычные, левая часть каждой клетки отведена для аспирированных глухих смычных, а правая – для неаспирированных глухих смычных. Сильно и слабо аспирированные глухие смычные в таблице не различаются, так как слабое придыхание не представляет собой явления, принципиально отличающегося от сильного придыхания и обладающего собственными языковыми функциями.

Т а б л и ц а 3

Сила артикуляции и участие голоса		Сильные глухие			Слабые (звонкие)		
Дополнительная артикуляция	Основная артикуляция	билабиальные	апикальные, или корональные, или предорсальные	постдорсальные	билабиальные	апикальные, или корональные, или предорсальные	постдорсальные
			p ^h p	t ^h t	k ^h k	b b̥	d d̥
лабиализованные		p ^h p ^o	t ^h t ^o	k ^h k ^o	b ^o b̥ ^o	d ^o d̥ ^o	g g̥ ^o
палатализированные				k ^h k ^ʰ			g ^ʰ g̥ ^ʰ
лабиализованно-палатализированные				k ^h k ^{ʰo}			g ^{ʰo} g̥ ^{ʰo}

В том разделе таблицы, где объединены слабые звонкие смычные, в левой части каждой клетки помещены полновзвонкие слабые согласные, а в правой – их позиционно обусловленные глухие разновидности, т.е. глухие слабые смычные. Тем самым подчеркивается, что признак звонкости является для данных согласных зависящим от фонетических условий, тогда как признак слабости оказывается их постоянным свойством.

Во второй, третьей и четвертой горизонтальных строках таблицы помещены разновидности смычных согласных, возникающие при добавлении к их основной артикуляции одной или двух дополнительных.

Классификация немецких щелевых построена по этому же принципу с той лишь разницей, что табл. 4 содержит только две горизонтальные строки. Первая строка отражает основную артикуляцию сильных глухих и слабых звонких щелевых. Во второй строке помещены разновидности щелевых согласных, возникающие при добавлении к их основной артикуляции единственно возможной дополнительной артикуляции – огубления (лабиализации).

Таблица 4

Сила артикуляции и участие голоса		Сильные глухие					Слабые (звонкие)					
Дополнительная артикуляция	Основная артикуляция	лабиодентальные	корональные и дорсальные однофокусные	корональные и дорсальные двухфокусные	мелнодорсальные	постдорсальные	лабиодентальные	корональные и дорсальные однофокусные	корональные и дорсальные двухфокусные	мелнодорсальные	постдорсальные	фарингальные
			f	v	ʃ	s	x	v̥ ʃ̥	v̥ ʃ̥	(ʒ̥ ʒ̥ʰ)	j̥ j̥	β̥ β̥
лабиализованные		f ^o	v ^o	ʃ ^o	s ^o	x ^o	v̥ ^o ʃ̥ ^o	v̥ ^o ʃ̥ ^o	(ʒ̥ ^o ʒ̥ ^o ʰ)	j̥ ^o j̥ ^o	β̥ ^o β̥ ^o	ɸ̥ ^o

Таблица немецких сонантов (табл. 5) распадается на две части, первая из которых объединяет все носовые согласные, а вторая – ротовые. Часть таблицы, охватывающая ротовые сонанты, также помещена справа от части, содержащей носовые сонанты, поскольку классификация тех и других по активному органу речи совпадает лишь частично. Среди носовых по этому признаку различаются двугубные (билабиальные), переднеязычные (корональные и преддорсальные) и заднеязычные (постдорсальные). Среди ротовых по этому признаку выделяются переднеязычные (апикальные и корональные), заднеязычные (постдорсальные) и язычковые (увулярные).

Таблица 5

Тип преграды	Смычно-проходные			Дрожащие	Одноударные	Щелевые				
Участие носового резонатора	носовые			ротовые						
Основная артикуляция	билабиальные	корональные и предорсальные	постдорсальные	корональные	корональные	увулярные	корональные	увулярные	постдорсальные	
	м, б	п, ф	к, г	т	ч	р	ш, ж	х, г ₁	ц	
Дополнительная артикуляция	м ^н , б ^н	п ^н , ф ^н	к ^н , г ^н	т ^н	ч ^н	р ^н	ш ^н , ж ^н	х ^н , г ₁ ^н	ц ^н	
лабиализованные										
палатализованные										
лабиализованно-палатализованные										

По способу образования преграды среди немецких сонантов предлагается различать следующие подгруппы: смычно-проходные ([m n ŋ]), дрожащие ([r ʀ]), одноударные ([r, ʀ₁]) и щелевые ([ʃ]).

Характеристика сонантов [m n ŋ] только как смычных является неполной и поэтому неточной. Смычные в собственном смысле слова – это согласные, артикуляция которых определяется полным перекрытием речевого тракта на том или ином участке полости рта и отсутствием иного пути наружу для выдыхаемой струи воздуха. Артикуляция же сонантов [m n ŋ] определяется не только смычкой в полости рта, но и одновременным существованием свободного прохода для выдыхаемой струи воздуха через полость носа.

Характеристика сонанта [ŋ] как щелевого также неточна. Язык не только образует преграду на пути воздушной струи наружу, но и создает в то же время свободный проход для выдыхаемого воздуха через полость рта. При этом преграда как таковая – это смычка, образуемая краем передней части языка с внутренней поверхностью верхних передних зубов и верхними альвеолами, а отнюдь не щель, которая возникает не благодаря сближению той или иной части языка с твердым или мягким небом, а благодаря тому, что спинка и бока языка опущены. Иными словами, эта щель при данном положении языка оказывается настолько широкой, что перестает быть действительно шумообразующей преградой.

С учетом всех этих обстоятельств более соответствует действительности определение сонантов [m̥ n̥ ŋ̥][1] как смычно проходных согласных.

Особый вид преграды представлен при артикуляции так называемых одноударных: это кратковременная смычка, возникающая при однократном касании активного органа речи о пассивный. Поэтому одноударные [r̥, ʀ̥] следует рассматривать не как особую разновидность дрожащих, а как самостоятельный артикуляционный тип сонантов.

Дрожащие согласные типа [ʀ] рассматриваются здесь не как дорсальные, а как увулярные. Именно дрожание язычка представляет основную артикуляцию, определяющую специфику этого согласного. Приближение же задней спинки языка к небной занавеске и язычку приводит лишь к образованию сужения в этой части полости рта, что способствует вибрации язычка под напором выдыхаемого воздуха, но не является необходимым условием для нее.

Первая горизонтальная строка таблицы отражает основную артикуляцию каждого типа немецких сонантов, образуемых с использованием того или иного активного органа речи. В каждой клетке этой строки верхняя часть отведена для полновзвонких сонантов, характеризующихся вибрацией голосовых связок на всем протяжении их артикуляции, тогда как в нижней части помещены их позиционно обусловленные глухие разновидности. Во второй, третьей и четвертой горизонтальных строках таблицы помещены разновидности немецких сонантов, возникающие при добавлении к их основной артикуляции одной или двух дополнительных.

2.4. Словесное ударение в немецком языке

Под словесным ударением понимается выделение одного из слогов в составе многосложного словесного означающего с помощью силы, высоты или длительности звуков. Соответственно различают динамическое, музыкальное и количественное (квантитативное) ударение. Известно, что все эти виды ударения обычно используются в комбинации друг с другом, а не самостоятельно.

Немецкое словесное ударение является по преимуществу динамическим, что хорошо видно из сопоставления ударных и безударных слогов в таких словах, как *sagen*, *genug*. В то же время ударные и безударные слоги этих и им подобных слов заметно отличаются друг от друга и по относительной высоте их гласных компонентов. Таким образом, немецкое словесное ударение обнаруживает смешанную, динамически-музыкальную природу. Некоторые авторы полагают, что ударные слоги в немецком языке при прочих равных условиях характеризуются и большей длительностью по сравнению с безударными; выше это было наглядно показано по отношению к слогам с долгими гласными, ср.: *leben*, но *lebendig*.

Немецкое словесное ударение следует считать свободным, поскольку оно может падать на различные слоги слова, ср.: laufen – verlaufen – Lauferei. Однако, степень свободы немецкого словесного ударения существенно меньше, чем русского. В русском языке словесное ударение может падать не только на корневой слог, но и на слоги, включающие в свой состав суффиксы и даже флексии, ср.: молот, молоток – (*нет*) молотка и т.п. В немецком языке ударение в немецких словах, как правило, приходится на корневой слог и очень редко на слоги, включающие в свой состав гласные заимствованных суффиксов -ei, -ieg. На этом основании можно определить немецкое словесное ударение как морфемносвязанное (О.Х. Цахер). Более точно можно было бы обозначить немецкое словесное ударение как ограниченно свободное.

Словесное ударение различных языков (в том числе и немецкого) имеет три функции: кульминативную (объединяющую), делимитативную (разграничительную) и дифференцирующую (словоразличительную). К этим трем функциям необходимо добавить еще одну – конститутивную (словоопознавательную).

Сущность кульминативной функции ударения заключается в том, что ударный слог, подчиняя себе соседние безударные слоги, связывает звучание слова в одно целое. Ударение выделяет в словесном означающем его наиболее четко звучащую часть, его вершину, к которой примыкают менее четко произносимые, а следовательно, и менее четко звучащие отрезки словесного означающего.

Конститутивная функция словесного ударения проявляется в таком языке, как немецкий, в том, что оно является обязательной принадлежностью словесного означающего, характеризуемого не только как фиксированная последовательность различных звуков речи, но и как последовательность различающихся по степени ударности слогов, в которые объединяются соседние звуки. Ударный и безударный слоги, входящие в состав словесного означающего, образуют так называемый акцентный профиль слова или его акцентно-ритмическую структуру. Акцентно-ритмическая структура является важным опознавательным признаком, обеспечивающим узнавание слова или его формы на слух.

2.5. Интонация немецкого языка

Общее понятие об интонации

Как звуковой облик слова формируется с помощью словесного ударения, которое, падая на один из слогов, объединяет ударный слог с безударным в целостную структуру, так и произносимое предложение оформляется в единое целое, характеризующееся относительной смысловой за-

конченностью и фонетической завершенностью, с помощью супraseгментарного средства, обычно обозначаемого термином «**интонация**».

Интонация представляет собой комплексное явление, конституируемое взаимодействием нескольких компонентов. В науке нет единого мнения о том, какие именно фонетические характеристики предложения составляют его интонацию.

В отечественной фонетической литературе принято считать, что в состав интонации входят: 1) частота основного тона голоса (мелодическая составляющая); 2) интенсивность (динамическая составляющая); 3) длительность или темп (темпоральная составляющая); 4) тембр¹. Эту точку зрения разделяют и некоторые зарубежные лингвисты².

Существует и другой взгляд на интонацию, отождествляющий ее с мелодикой предложения, т.е. с различными типами движения основного тона голоса в пределах конечных участков предложения перед паузой. Этот взгляд связывается, прежде всего, с концепцией «фонологии фразы», разрабатывавшейся Н.С. Трубецким. Автор рассматривал остальные фразоразличительные средства, к которым он относил изменения регистра, фразовое ударение и паузы, как самостоятельные знаки, используемые как бы отдельно от собственно интонации. Впоследствии эта точка зрения неоднократно модифицировалась, в частности, применительно к интонации немецкого языка.

Основные интонационные единицы

При описании интонации любого языка фонетик использует не только понятия, отражающие компоненты этого феномена, но и понятия об интонационных единицах различного объема, т.е. об отрезках речи различной протяженности, представляющих собой с точки зрения их интонационной оформленности определенную целостность. Прежде всего, это понятия **высказывания, фразы и синтагмы**.

Высказывание может быть определено как возникающее в акте говорения речевое произведение, обладающее смысловой связанностью и своим собственным интонационным оформлением и рассматриваемое безотносительно к его внутреннему членению и продолжительности. С синтаксической точки зрения минимальным пределом высказывания является обладающее смысловой автономностью предложение. Однако обычно высказывания представляют собой последовательности из нескольких связанных между собой по смыслу предложений, возникающие в акте индивидуального говорения. Примерами таких высказываний могут быть спонтанные и подготовленные монологи различной продолжитель-

¹ Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. С.273.

² Romport J.M. Zum Wesen der Intonation // Proceeding of the 4th International Congress of Phonetik Science. The Hague, 1962. P.751.

ности. Они могут быть краткими, состоящими всего из двух-трех предложений.

Интонационная оформленность устных высказываний различной развернутости проявляется как в особенностях мелодического рисунка высказываний в целом и составляющих их фраз, так и в особенностях использования пауз различной продолжительности.

Термином «**фраза**» обозначается отрезок речевого потока, оформленный интонацией как относительно завершенная единица, которая обладает синтаксической и смысловой цельностью и в силу этого может выступать в качестве структурного элемента развернутого высказывания. И при наличии семантической автономности быть самостоятельным высказыванием. Интонологическое понятие фразы частично пересекается с синтаксическим понятием полного предложения. В объем понятия фразы входят и сложные предложения различной структуры (Er war einer von den Ruhigen, ein Beobachter mit sonorer Stimme, die schon tröstete, wenn man sie nur hörte; Er hat sich umgebracht, es ist nicht zu fassen!), простые распространенные и нераспространенные предложения (Wir würden gut zusammen arbeiten, du! Er war verheiratet), эллиптические предложения различного состава (Versteht sich! Nett von Ihnen; Nun dieser Brief hier! Nichts Besonderes; Und der Tod? Grad eben; Jetzt also ran! Wie lieb! Eine halbe Stunde später; Hinterm Schirm).

Интонационная оформленность звучащих фраз различной степени развернутости выражается присутствием в каждой фразе одной из типичных мелодик, наличием в ней слова, выделенного так называемым фразовым ударением, и возможностью членения фраз на более мелкие отрезки, достаточно самостоятельные в смысловом отношении, с помощью пауз.

Фразы, представляющие собой в синтаксическом плане либо простые распространенные, либо сложные предложения, членятся на **синтагмы** (речевые такты), т.е. на более мелкие отрезки, также характеризующиеся известной синтаксической и смысловой цельностью и интонационной оформленностью. Понятие синтагмы отражает реальное членение фраз, обладающих относительно сложной синтаксической структурой, на некие элементарные интонационные единицы.

На понятии синтагмы как элементарной интонационной единицы необходимо остановиться несколько подробнее. В отечественном языкознании теория синтагмы как отрезка речи, совпадающего с более или менее самостоятельной частью предложения и обладающего фонетической оформленностью, разрабатывалась Л.В. Щербой. Некоторые положения этой теории содержатся в его опубликованных произведениях, другие известны в передаче В.В. Виноградова¹.

¹ Виноградов В.В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 183–256.

Взгляды Л.В. Щербы на синтагму могут быть суммированы следующим образом:

1. Синтагма в общем случае есть ряд слов (точнее, последовательность слов и их форм), входящий в состав предложения и характеризующийся усилением ударения последнего слова.

2. Предельно малая по своему объему синтагма состоит из одного слова.

3. По своей синтаксической структуре она может совпадать с предложением (односинтагменное предложение).

4. Синтагмы могут отделяться друг от друга паузами.

5. Синтагма не делима на более мелкие отрезки, т.е. не может быть произнесена с паузой между двумя словами или формами слов, следующими в ее составе одно за другим.

6. Синтагмы не существуют в языке в готовом виде: они образуются лишь в речи для обозначения понятий, возникающих в процессе нашей мысли, т.е. для обозначения отражаемых в процессе развертывания мысли говорящего «кусков действительности».

Интонационная оформленность синтагм в звучащей речи выражается усилением ударения на одном из входящих в состав синтагмы слов, отсутствием пауз между составляющими ее словами и определенным типичным мелодическим рисунком, характер которого зависит от того, является ли данная синтагма частью фразы или образует самостоятельную фразу.

Основные компоненты интонации и их функции

Мелодика

Мелодика – это изменение высоты основного тона голоса на протяжении произносимой фразы или синтагмы. Мелодика представляет собой важнейший компонент интонации, поскольку выполняет наибольшее число функций по сравнению с остальными интонационными средствами. Мелодика оформляет и фразу и синтагму в целостное единство. Она является наиболее важным и самодостаточным средством, позволяющим придать фразе ту или иную коммуникативную направленность. Мелодика во взаимодействии с паузой дает возможность отличить законченную фразу от незаконченной и однозначно определить синтаксические связи между отдельными ее частями. Совместно с ударением она выделяет известное и новое и тем самым делает очевидным актуальное членение соответствующего фразе предложения. Некоторые авторы полагают также, что мелодика позволяет выразить и различные оттенки эмоционально окрашенной речи.

Для обозначения мелодики во фразе или синтагме обычно пользуются так называемыми **тонограммами**, т.е. условными изображениями движения основного тона голоса от слога к слогу на всем протяжении

соответствующей интонационной единицы. При этом ударные и безударные слоги обозначаются по-разному, что дает возможность отражать и различия в ударности. Ударный слог изображается с помощью жирной горизонтальной черточки, которая может быть дополнена знаком ударения, если речь идет о необходимости передать фразовое или синтагматическое ударение. Безударный слог обозначается точкой. Если ударный слог характеризуется нисходящим или восходящим движением тона, то вместо черточки, которая в этом случае указывает на ровный тон, некоторые авторы используют значок дуги с опущенной или приподнятой правой ветвью. Нисходяще-восходящий или восходяще-нисходящий тон в пределах ударного слога соответственно обозначаются дугами более сложной конфигурации. Вместо значка дуги используется также значок, имеющий форму обращенного вершиной вправо тупого угла с опущенной или приподнятой правой стороной (∩ ↘).

Чтобы отразить на тонограмме движение тона во фразе от слога к слогу, обозначения ударных и безударных слогов располагают на разной высоте относительно друг друга. Многие зарубежные германисты (О. фон Эссен, Х.-Х. Венглер и др.) ограничиваются при этом размещением черточек и точек выше некоторой условной черты. В работах отечественных авторов и некоторых зарубежных германистов принято пользоваться графической схемой, напоминающей нотный стан и представляющий собой высотную шкалу, на которой с помощью горизонтальных линий выделены три или четыре высотных уровня. В первом случае говорят о низком, среднем и высоком уровнях, во втором – выделяют низкий, нейтральный и высокий уровни.

Синтагматическое, фразовое и логическое ударение

Как многосложное слово объединяется в единое фонетическое целое с помощью словесного ударения, выделяющего один лог относительно соседних с ним слогов, так и синтагма организуется в фонетическую единицу более сложной структуры с помощью ударения, выделяющего в ней наиболее важное по смыслу слово. Такое ударение называется синтагматическим (*syntagmatischer Akzent*).

Выделение наиболее важного по смыслу слова с помощью синтагматического ударения – это выделение его ударного слога (*Kernsilbe*) с использованием тех же физических средств, которые являются составными частями словесного ударения. Немецкое синтагматическое ударение, как и немецкое словесное ударение, имеет комбинированный характер: оно осуществляется взаимодействием динамического и мелодического факторов.

Большая часть синтагм, возникающая в реальном процессе речи-мысли, включает в свой состав несколько слов, среди которых представлены и знаменательные и служебные слова. Наличие в синтагмах слов,

выделенных синтагматическим ударением, заставляет предположить, что другие ударные слова, содержащиеся в синтагме, отличаются от них степенью соей ударности. Степень ударности различных слов в составе синтагмы различна, следовательно, различны по силе и сами ударения, выделяющие ударные слоги входящих в синтагму слов. Наиболее сильным является **синтагматическое ударение**, выделяющее наиболее важное по смыслу слово. Оно может быть названо усиленным.

Менее сильно ударение, с помощью которого выделяются другие знаменательные слова в составе синтагмы. Еще более ослаблено ударение, падающее на ударные слоги многосложных служебных слов, подобно русским союзам: *если, будто, словно* или предлогов *кроме, после, около*. Таким же ослабленным ударением выделены ударные слоги немецких союзов *obwohl, nachdem, soweit* или предлогов *während, zwischen, über* и т.п. Нулевая ударность характерна, как правило, для односложных предлогов и союзов, различных частиц, односложных местоимений, как это имеет место в русских словах *при, во, у, и, а, что, же, ли, я, вы, ты* или немецких *an, in, von, und, denn, daß, ja, doch, du, ich, sie* и т.п. Лишены ударения артикли в германских и романских языках.

Наряду с понятием «**синтагматическое ударение**» в науке об интонации используется и понятие «**фразовое ударение**». Понятие «**фразовое ударение**» определяется лингвистами по-разному. Так, авторы пособия «Ударение и интонация в немецком языке» считают это понятие тождественным понятию «**синтагматическое ударение**»¹. Л.Р. Зиндер называет фразовым ударением ударение слова, включенное в ткань интонации как ее элемент². Многие зарубежные германисты определяют фразовое ударение (*Satzakzent*) как ударение, выделяющее одно из слов в составе предложения³. Последнее определение фразового ударения следует признать более верным, так как оно четко разграничивает понятия «**синтагматическое ударение**» и «**фразовое ударение**», указывая на то, что сфера действия последнего – это фраза, предложение, тогда как сфера действия первого – это синтагма, которая чаще всего является частью фразы. В дальнейшем фразовое ударение будет пониматься именно как выделение во фразе самого важного по смыслу слова, осуществляемое с помощью тех же фонетических средств, что и синтагматическое ударение, с той лишь разницей, что произнесение ударного слога этого слова с большей интенсивностью будет взаимодействовать с движением основного тона голоса, оформляющим не синтагму как часть фразы, а фразу как целое.

Тем не менее, понятия «**синтагматическое ударение**» и «**фразовое ударение**» переименовываются в силу частичного совпадения их объемов: в односинтагменных фразах синтагматическое ударение одновременно явля-

¹ Ударение и интонация в немецком языке. С. 41.

² Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979. С.276.

³ Wängler H.-H. Op. cit. S. 203.

ется и фразовым. Такое совпадение синтагматического и фразового ударений прежде всего имеет место во фразах, синтаксически соответствующих простым нераспространенным предложениям: Eine Weile verging; Du siehst so blaß aus; Wir sollten aufbrechen.

В многосинтагменных фразах, где в зависимости от количества синтагм реализуется несколько синтагматических ударений, фразовое ударение выделяет наиболее важное по смыслу слово, являющееся таковым не только для данной фразы, но и для синтагмы, в которую оно входит. Таким образом, фразовое ударение в многосинтагменных фразах совпадает с одним из синтагматических ударений по месту своей реализации (ударный слог наиболее важного по смыслу слова), но характеризуется большей интенсивностью и движением основного тона, свойственным данному типу фразы на соответствующем участке мелодической дуги.

Наряду с понятиями «синтагматическое ударение» и «фразовое ударение» в литературе используется понятие «логическое ударение». **Логическое ударение** – это фразовое ударение, выделяющее в составе фразы слова, которые обычно фразового ударения не несут.

Логическое ударение отражает точку зрения говорящего на то, что, по его мнению, следует считать наиболее важным во всей фразе или что объективно является таковым для него. Именно поэтому оно может падать даже на такие заведомо безударные слова, как личные местоимения или предлоги и союзы.

Принято различать два вида логического ударения, обладающие своей собственной функцией. Логическое ударение первого вида выделяет во фразе слово, которое говорящий считает наиболее важным и к которому он хочет специально привлечь внимание слушающего, поскольку это слово часто обозначает что-то заведомо новое для слушающего (Neuheitsdruck). Данный вид логического ударения называется **подчеркивающим**. Логическое ударение второго вида выделяет во фразе слово, обозначающее предмет, качество, действие и т.п., которое говорящий противопоставляет другому предмету, качеству, действию и т.п. (Gegensatzdruck). Данный вид ударения называют **противопоставляющим**.

Основным средством разделения развернутого высказывания на интонационные единицы меньшей напряженности являются **паузы (цезуры)**. Объективно паузы представляют собой перерывы в звучании речи, которые могут иметь разную длительность. Принято считать, что в общем случае наибольшей длительностью характеризуются паузы, разделяющие конечную синтагму предшествующей фразы и начальную синтагму последующей фразы на границе между абзацами.

Интонация нейтральной и эмоционально окрашенной речи

Интонационное оформление нейтральной речи существенно отличается от интонационного оформления эмоционально окрашенной речи. Нейтральной речью следует считать речь человека, который как бы бесстрастно констатирует некие факты, наличие или отсутствие каких-то ситуаций, совершение им самим или другими людьми каких-то действий и т.п. в нейтральной речи отсутствует эмоциональная оценка говорящим предмета его высказывания. Соответственно эмоционально окрашенная речь – это речь, которая наряду с упоминанием о каких-либо фактах, ситуациях или поступках содержит и их эмоциональную оценку со стороны говорящего. Последний не только говорит о них как о реальных или нереальных, но и специально показывает, какие чувства он при этом испытывает.

Немецкий язык, как и любой другой, располагает различными средствами для выражения эмоционального отношения говорящего к предмету высказывания. Это могут быть слова с соответствующими значениями («Also doch wieder schreiben? Es freut mich» «Ich muß mich leider von dir trennen, Rosa.»), особое употребление конъюнктива («...und es wär besser gewesen, ich hätte ein Kind»). Однако, основное средство выражения эмоционального отношения говорящего к предмету высказывания – это интонация.

Так, фраза «Hattest du keinen guten Tag?» может быть произнесена без всяких эмоций и в этом случае явится деловым вопросом о причинах, по которым слушающий не сделал того, что он собирался сделать, вопросом, предполагающим столь же деловой ответ. Однако, эта фраза может быть произнесена с участием, и в этом случае будет воспринята слушающим как побуждение к более подробному ответу, включающему, может быть, даже упоминание о каких-то привходящих обстоятельствах. Другие фразы допускают в силу своего значения только одну единственно возможную эмоциональную окраску. Например, фраза «Laß dir nicht einfallen, mich zu verlassen!» содержит явную угрозу и произносится с соответствующим выражением. Фраза «Was, das soll meine Schrift sein?» выражает не только вопрос, но одновременно и крайне высокую степень удивления. Эмоциональная окраска оказывается в процессе непосредственного устного общения во многих случаях не менее важной для правильного понимания смысла высказываемого, чем коммуникативный тип предложения. Учитывая это обстоятельство, писатели нередко специально обозначают эмоции, окрашивающие отдельные реплики героев, или их отсутствие с помощью лексических единиц соответствующей семантики в составе слов автора, входящих в прямую речь.

Н а п р и м е р :

«Und?» fragte er wieder betont unbeteiligt.

Der Mann wurde wild: «Soll ich mir bis ins Grab vorschreiben lassen, was ich zu denken habe?»

«Welch hoher Besuch!» jubelte die Linser.

«Freilich, freilich, lesen, mehr lesen, Genossen», grollte Schönmund ...¹

Эмоциональная окраска фразы оказывает существенное воздействие на обусловленную ее коммуникативным типом интонацию вплоть до ее полного изменения. Проявляется это, прежде всего, в тембре голоса, так как каждому эмоциональному оттенку речи соответствует свой особый тембр. Поэтому слова *betont unbeteiligt*, *wild*, *jubelte*, *grollte*, указывающие в составе вышеприведенных примеров на эмоциональное состояние говорящего, одновременно сигнализируют и о том, что данная фраза произносится с вполне определенным тембром.

Некоторые авторы полагают, что эмоциональная окраска произносимой фразы сказывается самым непосредственным образом и на ее мелодике. При этом количество возникающих вариаций мелодического оформления оказывается столь велико, что выявление типичных мелодик, соответствующих каждому конкретному эмоциональному состоянию говорящего, оказывается весьма трудной задачей.

Серьезная попытка определить роль речевой мелодики в передаче эмоциональных коннотаций, связываемых говорящим с предметным содержанием высказывания, была предпринята в 70-е годы Э. Штоком. Результаты проведенных им экспериментов не оставляют сомнения в том, что ни речевая мелодия сама по себе, ни речевая мелодия в комплексе с интенсивностью и темпом недостаточны для удовлетворительного опознания специфической эмоциональной окрашенности высказывания. Уверенно опознать эту сторону высказывания становится возможным лишь с учетом информации, содержащейся в сегментных единицах высказывания и в тембре голоса². С помощью же одной интонации можно лишь отличить экспрессивные высказывания от неэкспрессивных.

Таким образом, в настоящее время было бы точнее говорить не столько об интонации в целом как средстве различения нейтральной или эмоционально окрашенной речи, сколько о роли тембра как средства выражения отношения говорящего к предмету высказывания.

¹ Strittmatter E. Der Wundertäter: Roman. Dritter Band. Berlin; Weimar, 1980. 655 S.

² Stock E. Op. cit. S. 161–162.

2.6. Глоссарий фонетики немецкого языка

№ п/п	Новые понятия	Содержание
1	2	3
1	Общая фонетика	Исследует закономерности, характерные для звуковой стороны любого языка и изучает звуковые средства различных языков
2	Сопоставительная фонетика	Занимается выявлением общего и особенного в звуковой стороне двух или нескольких сравниваемых языков
3	Артикуляционная фонетика	Изучает деятельность человеческого речевого аппарата и описывает движения и положения органов речи, необходимые для произнесения звуков данного языка
4	Акустическая фонетика	Исследует чисто физические особенности звуков речи на различных языках
5	Перцептивная фонетика	Рассматривает особенности восприятия звуков речи человеческим органом слуха
6	Функциональная фонетика	Изучает функции, которые звуки речи выполняют в составе звучаний, образующих материальную, воспринимаемую сторону значащих единиц языка – морфем, слов и их форм
7	Акцентология	Это система акцентных средств, обеспечивающих в данном языке фонетическое объединение слова вокруг так называемого ударного слога
8	Интонология	Исследует используемые в конкретных языках типичные изменения основного тона, интенсивности, тембра и длительности, а также характерные для отдельных языков особенности фразового ударения и ритмики предложения
9	Фонометрия	Отрасль фонетики, обрабатывающая методами вариационной статистики результаты опытов по восприятию звуков речи
10	Сильные позиции	Положения, максимально благоприятные для проявления всех присущих тем или иным фонемам качеств
11	Слабые позиции	Положения, в которых отдельные качества, находящиеся в них фонемам подавляются
12	Распределение фонем	Совокупность типичных для нее структурных позиций, т.е. совокупность ее положений относительно других фонем в морфемных структурах данного языка

1	2	3
13	Сочетаемость фонемы	Её способность завещать определение позиции в фонемных структурах морфемных означающих рядом с другими фонемами
14	Артикуляционная база любого языка	Это совокупность движений и положений произносительных органов, привычных для лиц, для которых данный язык является родным
15	Сонанты	В артикуляции сонантов помимо активных органов речи (губы, кончик языка, небная занавеска) выступают в качестве основного источника голосовые связи
16	Треугольник гласных по Хелльвагу-Фиетору	Это артикуляторная классификация немецких гласных по положению языка и губ
17	Копенгагенский четырехугольник	Стандартная схема представления системы гласных звуков того или иного языка, принятая в 1925 году на фонетической конференции в Копенгагене
18	Гласные полного образования	Характеризуются сохранением своих отличительных признаков (ряд, подъем, открытость/закрытость и т.п.)
19	Гласные неполного образования	Характеризуются утратой в той или иной степени отличительных признаков, что ведет к приобретению гласными неопределенной окраски
20	Количество долготы/краткости гласных немецкого языка	Обусловлено двумя факторами: 1) типом слога, вершину которого образует данный гласный; 2) положения этого гласного относительно ударного слога в составе слова (словоформы)
21	Семь напряженных монофтонгов в немецком литературном произношении	i e y o a o u
22	Семь ненапряженных монофтонгов в немецком литературном произношении	i e y œ a ɔ u

1	2	3
23	Напряженные (долгие, полудолгие, краткие) гласные в открытом или закрытом слоге	Характеризуются слабым отступом или постепенным затуханием колебаний голосовых связок, которые при этом расходятся, оставляя голосовую щель открытой
24	Ненапряженные (краткие) гласные в закрытом слоге	Обладают сильным отступом: колебания голосовых связок прекращаются в результате их мгновенного смыкания
25	Неслоговые гласные	[ɨ ʏ ɘ ɚ], т.е. гласные, никогда не образующие слога (его вершины или ядра)
26	Монофтонги [ə] и [ɐ] неполного образования	Встречаются только в безударных слогах, являются гласными среднего ряда, нелабиализованными
27	Дифтонгоиды	Представляют собой один гласный, начинающий или заканчивающий гласный элементом иного звукового качества
28	Немецкие дифтонги по Т. Зибсу	ae ao ɔɔ
29	Состав немецких гласных	Насчитывает 36 единиц
30	Лабиализация	Заключается в округлении губ при большем или меньшем их выпячивании или вообще без выпячивания
31	Палатализация	Состоит в дополнительном к основной артикуляции поднятии средней части языка
32.	Веляризация	Представляет собой слабый подъем задней части языка с одновременным напряжением мягкого неба и небной занавески при артикуляции губных и переднеязычных согласных
33	Шумные согласные немецкого языка	Делятся на две группы: 1) глухие смычные [p t h] и глухие щелевые [f s ʃ ç x h] 2) звонкие смычные и звонкие щелевые [v z j ʋ]
34	Сонорные согласные немецкого языка	Делятся на две группы: 1) носовые сонанты [m n ŋ] 2) ротовые сонанты [l r ʀ]
35	Аффрикаты немецкого языка	[pf], [ts], [tʃ]

1	2	3
36	Немецкое словесное ударение	Является по преимуществу динамическим
37	Кульминативная функция словесного ударения	Заключается в том, что ударный слог подчиняет себе соседние безударные слоги, связывает звучание слова в единое целое
38	Конститутивная функция словесного ударения	Является обязательной принадлежностью словесного означаемого, характеризуемого не только как фиксированная последовательность различных звуков речи, но и как последовательность различающихся по степени ударности слогов, в которые объединяются соседние звуки
39	Высказывание	Это возникающее в акте говорения речевое произведение, обладающее смысловой связанностью и своим собственным интонационным оформлением и рассматриваемое безотносительно к его внутреннему членению и продолжительности
40	Фраза	Обозначает отрезок речевого потока, оформленный интонацией как относительно завершенная единица, которая обладает синтаксической и смысловой цельностью
41	Акцентная (ритмическая) группа (фонетическое слово)	Часть синтагмы, характеризуемая наличием ударного слога, обычно подчиняющего себе некоторое количество безударных слогов, которые могут предшествовать ударному слогу, и следовать за ним
42	Мелодия	Это изменение высоты основного тона голоса на протяжении произносимой фразы или синтагмы
43	Тонограммы	Условные изображения движения основного тона голоса от слога к слогу на всем протяжении соответствующей звуковой единицы
44	Интонема	Типичные модели движения тона на конечных участках фраз или заключающих фразы синтагм

Часть III. ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

3.1. Лексикология как наука о словарном составе современного немецкого языка

Лексикология – от греч. *leksis*, *leksicos* – слово, выражение; *logos* – учение. Эта наука рассматривает словарный (лексический) состав языка в разных аспектах. Лексикология рассматривает словарный состав языка (лексику) с точки зрения того, что представляет собой слово, как и что оно выражает, как оно меняется. К лексикологии примыкает фразеология, которую зачастую включают в лексикологию в качестве особого раздела.

Лексикология **подразделяется** на общую, частную, историческую и сопоставительную. Первая является разделом общего языкознания, изучающим словарный состав любого языка, то, что относится к лексическим универсалиям. Общая лексикология занимается общими закономерностями строения лексической системы, вопросами функционирования и развития лексики языков мира.

Частная лексикология изучает словарный состав конкретного языка. Частная лексикология занимается исследованием вопросов, связанных с вокабуляром одного, в нашем случае немецкого, языка. Так, общая лексикология может рассматривать, например, принципы синонимических или антонимических отношений в языке, в то время как лексикология частная занимается особенностями именно немецких синонимов или антонимов.

И общие, и частные проблемы словарного состава можно анализировать в различных аспектах. Прежде всего, к любому явлению можно подходить с синхронической или диахронической точки зрения. Синхронический подход предполагает, что характеристики слова рассматриваются в рамках определенного периода или какого-то одного исторического этапа их развития. Такое изучение словарного состава называют еще описательным, или дескриптивным. Диахроническая, или историческая, лексикология занимается изучением исторического развития значений и структуры слов.

Сопоставлением лексических явлений одного языка с фактами другого или других языков занята лексикология сопоставительная. Цель таких исследований – проследить пути пересечения или расхождения лексических явлений, свойственных избранным для сопоставления языкам.

Историческая лексикология прослеживает изменения в значениях (семантике) отдельного слова или целой группы слов, а также исследует изменения в наименованиях объектов действительности. Сопоставительная лексикология выявляет сходства и различия в членении объективной

реальности лексическими средствами разных языков. Сопоставляться могут как отдельные слова, так и группы слов.

Основными **задачами** лексикологии являются:

- определение слова как значимой единицы **лексики**;
- характеристика лексико-семантической системы, то есть выявление внутренней организации языковых единиц и анализ их связей (семантической структуры слова, специфики различительных семантических признаков, закономерностей его отношений с другими словами и прочее).

Предметом лексикологии, как следует из самого названия этой науки, является слово.

Разделы лексикологии:

Ономастиология – изучает словарный состав языка, его номинативные средства, типы словарных единиц языка, способы номинации.

Семасиология – изучает значение словарных единиц языка, типы лексических значений, семантическую структуру лексемы.

Фразеология – изучает фразеологические единицы.

Ономастика – наука об именах собственных. Здесь можно выделить крупнейшие подразделы: антропонимику, которая изучает имена собственные, и топонимику, которая изучает географические объекты.

Этимология – изучает происхождение отдельных слов.

Лексикография – занимается вопросами составления и изучения словарей. Ее также часто называют прикладной лексикологией.

Слово – основная единица языка. Признаки слова. Определение слова. Типы слов. Функции слова

Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка. Характерные признаки слова – цельность, выделимость и свободная воспроизводимость в речи.

Учитывая сложность многоплановой структуры **слова**, современные исследователи при его характеристике используют многоаспектный анализ, указывают на сумму самых разных языковых признаков:

- фонетическую (или фонематическую) оформленность и наличие одного основного ударения;
- лексико-семантическую значимость **слова**, его отдельность и непроницаемость (невозможность дополнительных вставок внутрь **слова** без изменения его значения);
- идиоматичность (иначе – непредсказуемость, немотивированность названия или неполную его мотивированность);
- отнесенность к тем или иным частям речи.

В современной лексикологии достаточно мотивированным представляется краткое определение, предложенное Д.Н. Шмелевым: **слово** – это

единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью.

Различают несколько типов слов. По способу номинации различаются четыре типа слов: самостоятельные, служебные, местоименные, междометия.

По фонетическому признаку различаются слова: одноударные, безударные, многоударные, сложные.

По морфологическому признаку различаются слова: изменяемые, неизменяемые, простые, производные, сложные.

По мотивированности: немотивированные и мотивированные.

По семантико-грамматическому признаку слова группируются в части речи.

С точки зрения структурной цельности различают слова цельные и членимые.

В семантическом отношении различаются слова однозначные и многозначные, абсолютные и относительные, требующие дополнения и переходные глаголы. В предложении слово вступает в тонкие семантические отношения с другими словами и элементами состава предложения (интонация, порядок слов, синтаксические функции).

Функции слова

- ✓ коммуникативная;
- ✓ номинативная;
- ✓ эстетическая;
- ✓ языка;
- ✓ общения;
- ✓ сообщения;
- ✓ воздействия.

Функция воздействия. Реализацией ее являются функция волеизъявления говорящего; функция экспрессивная, т.е. сообщения высказыванию выразительности; функция эмотивная, т.е. выражение чувств, эмоций.

Функция коммуникативная. Назначение слова служить средством общения и сообщения.

Функция номинативная. Назначение слова служить наименованием предмета.

Функция общения. Основная функция языка, одна из сторон коммуникативной функции, заключающаяся во взаимном обмене высказываниями членов языкового коллектива.

Функция сообщения. Другая сторона коммуникативной функции, заключающаяся в передаче некоторого логического содержания.

Функция эстетическая. Назначение слова служить средством художественной выразительности;

Функция языка. Использование потенциальных свойств средств языка в речи для разных целей.

Лексическое значение слова. Структура лексического значения

Лексическое значение – соотнесённость звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности. Лексическое значение включает в себя не всю совокупность признаков, присущих какому-либо предмету, явлению, действию и т.д., а только наиболее существенные, помогающие отличить один предмет от другого. Лексическое значение раскрывает признаки, по которым определяются общие свойства для ряда предметов, действий, явлений, а также устанавливает различия, выделяющие данный предмет, действие, явление. Например, лексическое значение слова *жираф* определено так: «африканское парнокопытное жвачное животное с очень длинной шеей и длинными ногами», то есть перечисляются те признаки, которые отличают жирафа от других животных.

Типы лексических значений

Сопоставление различных слов и их значений позволяет выделить несколько типов лексических значений слов в языке.

По **способу номинации** выделяются прямые и переносные значения слов.

Прямое (или основное, главное) значение слова – это такое значение, которое непосредственно соотносится с явлениями объективной действительности. Например, слова *стол*, *черный*, *кипеть* имеют следующие основные значения соответственно:

1. «Предмет мебели в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках».
2. «Цвета сажи, угля».
3. «Бурлить, клокотать, испаряясь от сильного нагрева» (о жидкостях).

Эти значения носят устойчивый характер, хотя исторически могут изменяться. Например, слово *стол* в древнерусском языке означало «престол», «княжение», «столица».

Прямые значения слов менее всех других зависят от контекста, от характера связей с другими словами. Поэтому говорят, что прямые значения имеют наибольшую парадигматическую обусловленность и наименьшую синтагматическую связанность.

Переносные (непрямые) значения слов возникают в результате переноса названия с одного явления действительности на другое на основании сходства, общности их признаков, функций и т.д.

Так, слово *стол* имеет несколько переносных значений:

1. «Предмет специального оборудования или часть станка сходной формы»: *операционный стол, поднять стол станка*.
2. «Питание, пища»: *снять комнату со столом*.
3. «Отделение в учреждении, ведающее каким-нибудь специальным кругом дел»: *справочный стол*.

У слова *черный* такие переносные значения:

1. «Темный, в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым»: *черный хлеб*.
2. «Принявший темную окраску, потемневший»: *черный от загара*.
3. «Курной» (только полная форма, устаревшее): *черная изба*.
4. «Мрачный, безотрадный, тяжелый»: *черные мысли*.
5. «Преступный, злостный»: *черная измена*.
6. «Не главный, подсобный» (только полная форма): *черный ход в доме*.
7. «Физически тяжелый и неквалифицированный» (только полная форма): *черная работа* и т.д.

Слово *кипеть* имеет такие переносные значения:

1. «Проявляться в сильной степени»: *работа кипит*.
2. «Проявлять что-нибудь с силой, в сильной степени»: *кипеть негодованием*.

Как видим, не прямые значения появляются у слов, которые не соотнесены непосредственно с понятием, а сближаются с ним по различным ассоциациям, очевидным для говорящих.

Переносные значения могут сохранять образность: *черные мысли, черная измена; кипеть негодованием*. Такие образные значения закреплены в языке: они приводятся в словарях при толковании лексической единицы. Воспроизводимостью и устойчивостью переносно-образные значения отличаются от метафор, которые создаются писателями, поэтами, публицистами и носят индивидуальный характер.

Однако в большинстве случаев при переносе значений образность утрачивается. Например, не воспринимаются как образные такие наименования, как *колесо трубы, носик чайника, ход часов* и т.п. В таких случаях говорят о **потухшей образности** в лексическом значении слова, о сухих метафорах.

Прямые и переносные значения выделяются в пределах одного слова.

По **степени семантической мотивированности** выделяются значения **немотивированные** (непроизводные, первичные), которые не определяются значением морфем в составе слова; **мотивированные** (производные, вторичные), которые выводятся из значений производящей основы и словообразовательных аффиксов. Например, слова *стол, строить, белый* имеют немотивированные значения. Словам *столовый, настольный, столоваться, постройка, перестройка, антиперестроечный, белеть, белить, белизна* присущи мотивированные значения, они как бы «произведены» из

мотивирующей части, словообразовательных формантов и семантических компонентов, помогающих осмыслить значение слова с производной основой (Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977. С. 100–101).

У некоторых слов мотивированность значения несколько затушевана, поскольку в современном русском языке не всегда удается выделить их исторический корень. Однако этимологический анализ устанавливает древние родственные связи слова с другими словами, дает возможность объяснить происхождение его значения. Например, этимологический анализ позволяет выделить исторические корни в словах *жир*, *пир*, *окно*, *сукно*, *подушка*, *облако* и установить их связь со словами *жить*, *пить*, *око*, *сучить*, *ухо*, *волочить (обволакивать)*. Таким образом, степень мотивированности того или иного значения слова может быть неодинаковой. К тому же значение может казаться мотивированным человеку с филологической подготовкой, в то время как неспециалисту смысловые связи этого слова представляются утраченными.

По **возможности лексической сочетаемости** значения слов делятся на **свободные** и **несвободные**.

Первые имеют в своей основе лишь предметно-логические связи слов. Например, слово *пить* сочетается со словами, обозначающими жидкости (*вода*, *молоко*, *чай*, *лимонад* и т.п.), но не может сочетаться с такими словами, как *камень*, *красота*, *бег*, *ночь*. Сочетаемость слов регулируется предметной совместимостью (или несовместимостью) обозначаемых ими понятий. Таким образом, «свобода» сочетаемости слов, обладающих несвязанными значениями, относительна.

Несвободные значения слов характеризуются ограниченными возможностями лексической сочетаемости, которая в этом случае определяется и предметно-логическими, и собственно языковыми факторами. Например, слово *одержать* сочетается со словами *победа*, *верх*, но не сочетается со словом *поражение*. Можно сказать *потупить голову (взгляд, глаза, очи)*, но нельзя – «*потупить руку*» (*ногу, портфель*).

Несвободные значения, в свою очередь, делятся на фразеологически связанные и синтаксически обусловленные.

Первые реализуются только в устойчивых (фразеологических) сочетаниях: *заклятый враг*, *закадычный друг* (нельзя поменять местами элементы этих словосочетаний).

Синтаксически обусловленные значения слова реализуются только в том случае, если оно выполняет в предложении необычную для себя синтаксическую функцию. Так, слова *бревно*, *дуб*, *шляпа*, выступая в роли именной части составного сказуемого, получают значения «*тупой человек*»; «*тупой, нечуткий человек*»; «*вялый, безынициативный человек, растяпа*».

В.В. Виноградов, впервые выделивший такой тип значений, назвал их функционально-синтаксически обусловленными. Эти значения всегда образны и по способу номинации относятся к числу переносных значений.

В составе синтаксически обусловленных значений слова выделяют и значения **конструктивно ограниченные**, то есть такие, которые реализуются лишь в условиях определенной синтаксической конструкции. Например, слово *вихрь* с прямым значением «порывистое круговое движение ветра» в конструкции с существительным в форме родительного падежа получает образное значение: *вихрь событий* – «стремительное развитие событий».

По **характеру выполняемых функций** лексические значения делятся на два вида: **номинативные**, назначение которых – номинация, называние явлений, предметов, их качеств, и **экспрессивно-синонимические**, у которых преобладающим является эмоционально-оценочный (коннотативный) признак. Например, в словосочетании *высокий человек* слово *высокий* указывает на большой рост; это его номинативное значение. А слова *долговязый*, *длинный* в сочетании со словом *человек* не только указывают на большой рост, но и содержат негативную, неодобрительную оценку такого роста. Эти слова обладают экспрессивно-синонимическим значением и стоят в ряду экспрессивных синонимов к нейтральному слову *высокий*.

По **характеру связей** одних значений с другими в лексической системе языка могут быть выделены:

1) **автономные значения**, которыми обладают слова, относительно независимые в языковой системе и обозначающие преимущественно конкретные предметы: *стол*, *театр*, *цветок*;

2) **соотносительные значения**, которые присущи словам, противопоставленным друг другу по каким-либо признакам: *близко* – *далеко*, *хороший* – *плохой*, *молодость* – *старость*;

3) **детерминированные значения**, т.е. такие, «которые как бы обусловлены значениями других слов, поскольку они представляют их стилистические или экспрессивные варианты...» (Шмелев Д.Н. Значение слова // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 89). Например: *кляча* (ср. стилистически нейтральные синонимы: *лошадь*, *конь*); *прекрасный*, *замечательный*, *великолепный* (ср. *хороший*).

Проблемы слова в языке

Л.В. Щерба в одной из своих последних статей писал: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого следует, что понятие слова вообще не существует».

Иначе освещает этот вопрос А.И. Смирницкий, который в своей статье «К вопросу о слове» писал, что «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловaя единица вообще».

языка». При изложении материала о словах будем придерживаться именно этой точки зрения.

В лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990) дается следующее определение понятия слова:

Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка.

Важнейшие признаки слова

Слово, как и любая другая единица языка, по А.И. Смирницкому, обладает двумя важнейшими признаками:

1. Оно имеет не только внешнюю (звуковую) сторону, но и внешне выраженное значение (смысловое или эмоциональное содержание).

Рассматривая вопрос о двусторонности слова, следует остановиться на самом характере этой связи между звучанием слова и его значением.

Связь между звучанием и значением слова в принципе условная, произвольная, или немотивированная. Так, например, нет никакой обязательной по природе связи между значением стол и звучанием Tisch. Как известно, в разных языках со значением стол связаны различные звуковые комплексы: в англ. table, в русс. стол, в нем. Tisch. Принцип условности относится к простым, неразложимым единицам; полностью, собственно к морфемам.

Что касается более сложных образований, то в них кроме принципа условности (так как в сложные образования входят простые единицы) на первое место выходит принцип мотивированности. С понятием мотивированности соотносится термин «внутренняя форма слова», под которой понимается мотивировка лексического значения слова его словообразовательной с семантической структурой. Внутренняя форма слова вскрывает какой-нибудь признак предмета, на основе которого произошло наименование. Так, например, птица горихвостка некогда поразила человека своим необычайно ярким, как бы горящим хвостом. Этот поразивший человека признак и был положен в основу названия данной птицы. Разумеется, признак, который кладется в основу названия, не всегда такой яркий и эффектный. Он обычно бывает гораздо более спокойным: подсвечник – это то, что находится под свечой, а наперсток то, что надевается на перст – палец, подснежник, цветок, который появляется весной, когда на полях еще лежит снег.

2. Слово выступает не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи.

Кстати сказать, морфемы также удовлетворяют названным выше требованиям, а потому с полным основанием могут считаться единицами

языка. Следует также заметить, что пословицы, поговорки, афоризмы и вообще различные изречения, воспроизводимые вновь и вновь как целые единицы, также выступают, по мнению Смирницкого, единицами языка, так как они уже существуют в языке и лишь воспроизводятся в речи. Предложение не является, по мнению А.И. Смирницкого, единицей языка.

Следует остановиться на вопросе выделимости слова в потоке речи. В известных случаях те или иные фонетические моменты служат для выделения слова, для отграничения его от соседних слов. Так, например, отсутствие ударения на полнозначной единице, имеющей субстантивное значение, в германских языках обычно является показателем того, что речь идет лишь о части слова, напр. англ. Railway, blackboard, нем. Eisenbahn, Schwarzbrot, где отсутствие ударения на -way, -board, -bahn, -brot показывают, что эти единицы в данных случаях не представляют собой отдельных слов, но являются лишь компонентами слов. Подобные фонетические моменты, способные выражать различие между словом и частью слова, следует рассматривать лишь как некоторые дополнительные, вспомогательные средства выделения слова. При таком выделении слово рассматривается так, как если бы оно представляло собой только звуковой отрезок. Между тем слово, как единица языка, представляет собой образование, имеющее как звуковую сторону, так и сторону смысловую, семантическую. Основные признаки выделимости, законченности слова следует искать, исходя из понимания слова как основной единицы словарного состава языка и вместе с тем такой единицы, которая способна грамматически изменяться и грамматически соединяться в предложения, в связную осмысленную речь с другими единицами такого же порядка.

Изменяемость слова предполагает известную его оформленность: поскольку одно и то же слово изменяется, постольку в нем выделяется нечто основное, собственно словарное, лексическое, остающееся тем же самым при различных изменениях слова, и, с другой стороны, – нечто дополнительное, переменное, принадлежащее вместе с тем не данному конкретному слову, а известному классу или разряду слов, отвлекаемое от конкретных слов – грамматическое, связанное с использованием слова в различных произведениях речи. Таким образом, основное, лексическое значение слова оказывается дополненным, осложненным теми или другими грамматическими значениями, которые являются материально выраженными во внешних, звуковых различиях между отдельными разновидностями – грамматическими формами слова: это и придает слову определенную оформленность.

Слова оказываются грамматически, как морфологически, так и синтаксически оформленными, определенным образом приспособленными к их совместному функционированию в связной осмысленной речи. Этой оформленностью слова ему придается известная законченность, позволяющая достаточно легко выделить его из речи.

Внутренняя целостность слова (цельнооформленность) слова выявляется сравнительно со строением словосочетания. В отличие от слов как цельнооформленных образований словосочетания могут быть определены как образования раздельнооформленные. Сказанное можно пояснить следующими примерами. Если сопоставить языковое образование *das Schwarzbrot* и языковое образование *das schwarze Brot*, включающее те же самые корневые элементы, что и первое образование, то легко увидеть, что они, обозначая один и тот же предмет объективной действительности и существенно не отличаясь по своему значению, принципиально различаются по своему отношению к грамматическому строю, по своей оформленности. Это различие состоит в том, что в первом языковом образовании – слове – оба компонента оформлены в единое целое, между тем как во втором языковом образовании – словосочетании – имеется самостоятельное грамматическое оформление для каждого компонента. Иначе говоря, образование *Schwarzbrot* является цельнооформленным, а образование *das schwarze Brot* раздельнооформленным.

Цельнооформленность слова сама по себе выражает известную смысловую цельность: она подчеркивает, что данный предмет или явление мыслится как нечто одно, особое целое, даже если при этом отмечается сложность его строения или выделяются отдельные его признаки. Так говоря *das Schwarzbrot*, основное внимание акцентируется на обозначаемый этим словом предмет, хотя и имеются в виду отдельные его стороны: а) хлеб, продукт питания и б) качество этого продукта по цвету. Напротив, если говорят *das schwarze Brot*, на первый план выдвигаются отдельные стороны обозначаемого явления, а уже через восприятие отдельных сторон этого предмета или явления осознается и сам предмет или явление в целом.

Типы слов

Различают следующие типы слов:

1. Знаменательные, то есть слова, непосредственно выражающие понятия. К этому типу слов относятся имена существительные и прилагательные, глаголы и наречия.

2. Служебные слова. Сюда относятся предлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы, лишенные самостоятельного лексического значения, но имеющие значение грамматическое. Служебные слова передают не самостоятельные понятия, а отношения между словами, выражающими понятия.

3. Особое положение между словами знаменательными и служебными занимают слова местоименные, слова числительные, слова междометные. Эти слова предполагают чаще всего лишь фон других более самостоятельных слов, к которым они относятся. Напр. Он отправился в Москву? (Кто он – студент, инженер и т.д.). Или «Увы! – воскликнула она». Увы

может выражать в зависимости от контекста: Как жаль! Как досадно! Или «Сколько у вас книг?» – «Три», то есть «три книги».

Лексема

Ознакомившись с типами слов, представленными в языке, можно ввести еще одно понятие, представленное в лексикологии, а именно, понятие лексического слова, или лексемы. Лексема – это знаменательное слово, которое указывает на предметы и обозначает понятия о них. Лексема способна выступать членом предложения и образовывать предложения, может быть простой (лексема – слово) и составной (лексема – составное наименование, например: железная дорога, дом отдыха) В таком понимании служебные слова и формы слов не входят в понятие «лексемы».

Как соотносятся термины лексема и слово?

В ряде случаев они обозначают один и тот же факт языка. Так *человек* – одновременно и слово и лексема; *в, бы, из* – это слова, но не лексемы. В предложении «Человек человеку друг» – три слова, но две лексемы. Следовательно, термин лексема расходится с термином слово. Последнее называет и служебное слово и форму слова. Словоформы, различающиеся только грамматическим значением, не считаются отдельными лексемами (кот – кота – коту – котом). Они образуют парадигму, то есть систему словоформ одной лексемы.

Лексическое значение слова – это содержание слова, отражающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве процессе, явлении и так далее. Это – устанавливаемая нашим мышлением соотношенность между звуковым комплексом и предметом или явлением действительности, которые обозначенным этим комплексом звуков.

Носителем лексического значения является основа слова. Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в результате общественной практики людей. Лексические значения могут быть конкретными и абстрактными, общими (нарицательными) и единичными (собственными).

Развитие лексических значений

Лексика каждого языка подвержена значительным изменениям. Слово может расширять свое значение или сузить его. Примеры расширения значения.

Раньше слово *стрелять* обозначало «выпускать стрелу». Теперь оно обозначает не столько «выпускать стрелу», сколько «производить выстрелы» из различного вида оружия.

Слово накануне означало сначала «время перед праздником, когда поется канон» Затем связь с первоначальным понятием канон была утрачена. Накануне стало означать «время перед всяким праздником», а затем и «всякий предшествующий день» или состояние, предшествующее чему-либо ожидаемому.

Раньше слово пиво обозначало напиток вообще. Теперь в результате сужения значения слова пиво обозначает вполне определенный слабоалкогольный напиток.

Типологическое описание лексики

В современной лингвистической науке, с одной стороны, ставится под сомнение сама возможность типологического изучения лексики, но на практике есть ряд работ, посвященных сопоставительному анализу в этой области. Причину полного отрицания типологического подхода к лексическим явлениям языка следует видеть в следующем. Само понятие «типология», возникшее и разработанное применительно к фонологии и морфологии, т.е. к формальной, а не к содержательной стороне языка, предполагает прежде всего изучение и сопоставление структурных элементов языка» Содержательная сторона слов, их лексическое значение многими учеными относится к внешним» нелингвистическим факторам»

Какое бы содержание не вкладывалось в понятие «типология», любое сопоставительное изучение предполагает определение системных черт, нахождение константных признаков, по которым может идти сопоставление. Лексика же, будучи мало изученной в системном отношении, делает нахождение таких константных черт затруднительным.

Несмотря на объективные трудности типологического изучения различных сторон лексики, число работ, в той или иной мере затрагивающих вопросы типологической проблематики, за последнее десятилетие возросло, что соответствует потребности практики и ограничивается, как правило, сопоставлением отдельных участков лексики, как, например, некоторых семантических полей.

Слово как единица типологического описания.

К вопросу о лексико-семантической типологии

Слово было охарактеризовано как один из элементов языка-эталона, как двусторонняя единица лексической сферы. Не касаясь философско-лингвистического определения слова (и тем самым языка вообще), относящегося к компетенции общего языкознания, следует подчеркнуть, что как объект типологического описания слово должно обладать во всех языках универсальными чертами, то есть общими для всех или же для большинства языков в обоих своих планах – плане выражения и плане

содержания. Однако в большей степени относится ко второму плану, потому что содержание связано с мышлением, подчиняющимся в своей основе общечеловеческим законам логики. Другими словами, слово как единица типологического описания включается в семантическую типологию, которая опирается на общность окружающего нас мира, общность мыслительного и эмоционального аппарата, универсальность законов логики, универсальную сущность слова и языка как средства общения.

Задача семантической типологии – списание способов выражения инвариантного значения во всех или нескольких языках; задача сравнительно-типологического описания словарного состава двух языков (в рассматриваемом случае немецкого и русского) – сравнение лексических систем этих языков на типологической основе.

Относительно плана выражения, имеющийся в распоряжении лингвистов материал дает основание говорить лишь о некоторых универсальных чертах. Даже слой интернациональной лексики в каждом языке имеет свои фонетические особенности, обусловленные приспособлением заимствованного слова к фонетической системе заимствующего языка.

Основной особенностью описания семантики является интроспективный характер этого описания, так как содержание, в отличие от формы, не дано нам в ощущении, и поэтому оно не может быть физически измерено и зафиксировано. Это обстоятельство явилось не последней причиной тому, что семантические универсалии лишь в последние годы стали объектом практической деятельности типологов, в основном после того, как в исследовании семантики стали применяться структурные методы. За критерий оценки при сравнительно-типологическом описании лексики двух и более языков было принято эталонное лексико-семантическое поле, то есть поле как элемент языка-эталона.

Известно, что в системе языка слова не являются изолированными единицами: они вступают друг с другом в различного рода отношения, образуя по линии парадигматических связей антонимические пары, синонимические ряды и тематические группы, а по линии синтагматических связей – словосочетания. С точки зрения семасиологии словосочетание – это комбинация, сцепление двух и более слов. Лингвистика пока не располагает данными, объясняющими механизм этого сцепления и ограничения, знание которого будет иметь несомненное практическое значение. Можно сказать, что семантическая совместимость является универсальным свойством каждого слова. Так, вряд ли найдется язык, в котором бы могли семантически сочетаться слова, обозначающие понятия (денотаты) *кошка* и *лять*, *рыба* и *петь* (мы исключаем случаи метафорического употребления слов).

Уровни сопоставительного анализа в лексике

В сопоставительном плане лексика двух языков может изучаться на уровне 1) отдельного слова; 2) лексико-семантических групп слов; 3) общих лексико-семантических категорий.

1. Отдельные слова в двух языках могут сопоставляться в семасиологическом или в ономасиологическом аспекте. **Ономасиология** – *Bedeutungslehre* – изучает, как «обозначаются предметы и понятия лексическими и лексико-фразеологическими средствами языков» – наука об обозначении, назывании, номинации (в отличие от семасиологии как науки о значении). В первом случае сопоставляются значения слов (объем их значения, система значений у многозначных слов). Например, сравнивая слова *Hand* и рука, можно отметить, что объем их значения неодинаков. Русское слово шире по значению и охватывает то, что в немецком обозначается двумя словами *Arm* и *Hand*. Или же, палатка – *Zelt* и *Vude* (киоск). Подобные факты показывают, что языки отражают в значениях своих слов различное членение объективного мира.

Но слова, обладающие общим денотативным значением, (т.е. указывающие на тот же предмет), могут иметь различные коннотативные оттенки значения, т.к. они могут отражать различимо стороны обозначаемого предмета. Это проявляется, прежде всего, в переносных и фразеологически-связанных значениях слов. Ср.: голова 1) *Kopf*, *Haupt*; 2) *Stück* (о скоте); 3) *Oberhaupt* (руководитель); 4) *Anfang der Kolonne*.

2. Слова в языке составляют определенную систему. Они могут объединяться по значениям, образуя лексико-семантические группы или поля. Эти группы могут изучаться сопоставительно также в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. В первом случае определяется объем данных групп, выявляются семантические различия между компонентами этих групп.

Сопоставление лексико-семантических групп в ономасиологическом аспекте выявляет своеобразие их использования в каждом языке, так же как и неравномерность использования слов с разными семантическими компонентами.

3. Сопоставительный анализ в области лексики может касаться общих лексикологических категорий как в аспекте структуры (т.е. соотношение различных способов словообразования, типов словосочетаний и т.п.), так и в семантическом аспекте (соотношение логического и экспрессивного в слове, объем значения слова, проявление асимметрии в лексике; полисемия, синонимия, десемантизация слов в обоих языках и т.п.). Здесь часто используется термин «лексико-семантическая парадигма». Лексико-семантические парадигмы представляют собой объединение языковых единиц, связанных отношениями противопоставления в самой системе языка. Это противопоставление основано на том, что единицы, входящие в лексико-семантическую парадигму, обнаруживают определенное тождество и

определенное различие. Например, в лексико-семантической парадигме Mann (m) – Frau (f) = мужчина – женщина противопоставление идет по признаку пола, общий элемент значения у обоих слов – принадлежность к взрослым представителям человеческого рода. В парадигме Mann (m) – Junge (m) = мужчина – мальчик база противопоставления – возраст, общий семантический признак – существо мужского пола. Одно и то же слово может входить в зависимости от основы сопоставления в несколько лексико-семантических парадигм. Например, Junge (m) – Mädchen (n) (признак пола и возраста).

Смысловая структура одного многозначного слова в русском языке, представляющая определенное системно-структурное образование языка, может соответствовать целой группе лексико-семантических парадигм другого языка. Например, Haus и дом – большая общность смысловых структур. Однако в «дом» нет немецких значений: палата, парламент, театр, ресторан, отель, рубка, каюта, знак Зодиака, панцирь, улитки. Однако дом Haus – дом как место постоянного жительства кого-либо; Heim – дом как место жительства близких людей, семья, отчий, родной дом.

Связь обязательных категорий с классами слов

Эта связь рассматривается как одна из форм взаимодействия единиц разных уровней, сфер лексики и грамматики, она прослеживается как в пределах совокупности грамматических (обязательных) категорий той или иной части речи, так и в рамках отдельных грамматических категорий. Так, категория лица непосредственно обусловлена семантикой глагола как класса слов: процесс (состояние), выражаемый глаголом, имплицитно подразумевает субстанцию – субъект, являющийся носителем этого действия (состояния). Другой обязательной категорией глагола, обусловленной семантикой глагола как класса слов, является категория времени, так как действие (состояние) немисливо вне времени. Будучи универсальными по своему характеру, эти две категории присущи всем языкам. В.Г. Адмони называет эти обязательные категории грамматико-коммуникативными.

Обязательной категорией, связанной с семантикой имени существительного, является категория числа, так как общим значением имени существительного является предметность в широком смысле слова. Как отмечалось выше, глагол, характеризуя состояние субстанции, семантически имплицитно подразумевает носителя этого состояния (действия). В этом плане категория числа глагола имеет зависимый, обусловленный характер: она фактически обусловлена грамматической категорией числа имени существительного.

Связь обязательных категорий с классами слов вытекает из универсальной природы грамматических категорий: любая грамматическая категория может реализовываться только на конкретном лексическом материале.

Понятие лексического ареала грамматических явлений

Данным термином принято обозначать вид взаимодействия сфер грамматики и лексики, заключающийся в разной степени охвата грамматических явлений лексикой. Другими словами, это определенная группа лексики, пределами которой ограничивается распространение того или иного грамматического явления. Лексический ареал имеет, таким образом, двустороннюю направленность: с одной стороны, это лексическое маркирование грамматических явлений, с другой, это и грамматическое маркирование определенной лексической группы.

Лексический ареал имеет количественную характеристику: предельно допустимый охват составляет 100 % слов соответствующего разряда (группы). Однако таких грамматических явлений практически мало. Даже категория числа в немецком и русском языках, характерная своей относительной глобальностью, и та не может претендовать на абсолютный охват класса имен существительных: бинарное противопоставление значений и форм единственного и множественного числа не распространяется на группу существительных *Singulariatanta* и *Pluraliatanta*.

В сравнительно-типологическом плане лексический ареал имеет универсальный и характерологический аспекты. Так, к универсальному аспекту относятся:

а) зависимость полноты парадигмы форм пассива от семантики глагола;

б) зависимость полноты парадигмы изменения глагола по лицам от семантики этого глагола: некоторые глаголы, процессуальность которых связана с субъектом-неантропонимом, по своей семантике не употребляются в 1-м и 2-м лице (например: **я теку¹*, **ты всходишь*, **Ich erklinge*, **Du hörnst dich*); полную же парадигму спряжения имеют глаголы, процессуальность которых связана с субъектом-антропонимом (например: *писать, спрашивать, fragen*);

в) зависимость образования степеней сравнения от семантики прилагательного: степени сравнения представлены лишь у качественных (абсолютных) прилагательных (на пример: *быстрый – быстрейший*, *schnell – schneller*, но *железный*, – **железнее*, *eisern – *eiserner*).

Характерологический аспект ареала в русском языке особенно наглядно иллюстрируется фактом зависимости образования форм будущего времени от семантики глагола: для выражения значения будущего Бремни неопределенные глаголы используют сложную (аналитическую) форму (*буду говорить, буду ехать*), а предельные глаголы (совершенного вида) – простую форму (*я скажу, я поеду*). В немецком языке, где отсутствует простая форма будущего времени, описанной зависимости нет, что и является причиной частых ошибок немцев, изучающих русский язык (употребление форм типа **Я буду сказать, *Я буду прочитать*).

¹ *Неправильный вариант слова, словосочетания.

Приведенные выше примеры являются иллюстрацией тезиса о том, что лексический ареал грамматических явлений как одна из форм взаимодействия грамматической и лексической сфер имеет в каждом языке свою специфику.

Поле цветообозначения в немецком и русском языках

Весьма распространенными являются сопоставления отдельных лексико-грамматических групп слов, объединяемых одним логическим содержанием. В качестве примера рассмотрим поле цветообозначения в немецком и русском языках.

grau grau Vorzeit graue Ferne graue Haare grauer Wallach	– седая старина – туманная, неизвестная даль – седые волосы – чалый мерин
braun braune Augen braunes Haar ein brauer Körper ein braunes Pferd	– карие глаза – каштановые волосы – смуглое тело – гнедая лошадь

Немецкому прилагательному *braun* часто соответствует в русском языке «бурый».

- Braunkohle* – бурый уголь
Braunbär – бурый медведь
Braunalgen – бурые водоросли

В русском языке большим семантическим объемом обладает прилагательное «черный», средним – «белый, зелёный, красный, серый, а меньшим – «синий, голубой, желтый, коричневый». В немецком языке богатый семантический потенциал свойственен прилагательным *schwarz*, *weiß*, *grau*, средний – *grün*, *rot*, *blau*, а небольшой – *gelb*, *braun*.

Семантика основных цветообозначающих прилагательных сопоставляемых языков, с одной стороны, характеризуется высокой степенью сходства и близости, с другой – существенными различиями, что объясняется спецификой лексических систем отдельных языков.

Понятие лакуны

Проблема семантической эквивалентности лексических единиц в двух языках предполагает наличие однозначного соответствия «один денотат – одинаковое понятие». Здесь встречаются случаи, когда семантической

единице немецкого языка нет однозначного соответствия в русском. Также отсутствующие параллели обычно называют «лакунами». Отсутствующие однозначные эквиваленты передаются обычно в другом языке описательно:

Geschwister (Pl.) – братья и сестры
Gezeiten (Pl.) – приливы и отливы
Draufgänger – человек, идущий напролом
кипяток – kochendes Wasser, angekochtes Wasser
палец der Finger (на руке), der Zeh (на ноге)
Заречье – das Gebiet jenseits des Flußes

В приведенных примерах зарегистрировано различное членение объективной действительности, которое закреплено в словарном составе. В каждом языке есть средства для отражения соотношения «денотат – понятие – слово». При этом выделяют внеязыковые и внутриязыковые факторы, обуславливающие наличие определенных лакун. К внеязыковым лакунам относятся обозначения предметов и явлений, которые связаны с социальными, экономическими, географическими и историческими факторами и определениями условиями жизни того или иного народа. Сюда же относятся обозначения национальных нравов и обычаев, национальных блюд и напитков. Примером географической лакуны служит множество обозначений для нем. Schneegestöber/Schneesturm – в рус.: метель, буран, пурга, вьюга.

Несколько иначе обстоит дело с внутриязыковыми лакунами, которые вызваны (обусловлены) системой самого языка. Сюда относятся, например, словообразовательные потенции самого языка. С точки зрения русского языка, такими лакунами будут Gezeiten, Geschwister, Gebrüder или словообразовательная модель с префиксом ver: verkennen – не видеть, не осознавать, не понимать, не признавать; verschmerzen – пережить (утрату), перестать переживать.

Суффикс -tum (рус. -ство) служит для образования имен собирательных, а также имен абстрактных. Иногда в обоих языках этот ряд совпадает: Spießertum – 1) Gesamtheit aller Spießer – мещанство; 2) Wesen eines Spießers – мещанство, психология мещанства.

С точки зрения русского языка многие существительные на -tum лакуны:

Meistertum – цеховые мастера
Schulmeistertum – школьные наставники
Jaagesellentum – холостая жизнь, холостяцкое положение
Deutschtum – немецкая национальность (германская культура)
Germanentum – германские племена (германский дух)

Тоже наблюдаем и у существительных на -schaft:

Verwandschaft – 1) родня, 2) родство.

Bekanntschaft – 1) знакомые, 2) знакомство.

Есть случаи, когда в русской системе эквивалентов им соответствуют собирательные и абстрактные существительные:

Ärzteschaft	– врачи
Bewohnerschaft	– жильцы, жители
Fachschaft	– специалисты
Schwesternschaft	– коллектив медицинских сестер
Wählerschaft	– избиратели
Beamtenum – Beamtschaft	– собирательное имя
Beamtenum	– абстрактное имя
Börgertum – Bürgerschaft	– собирательное имя
Bürgertum	– абстрактное имя

Валентное взаимодействие слов

Как уже отмечалось, валентная связь слов также является одной из форм взаимодействия единиц разных уровней, взаимодействия сфер языка. Термином «валентность» обозначается способность языковой единицы вступать и обязательную или факультативную связь с другими подобными единицами. Эта способность рассматривается как одно из свойств языка-эталона.

Еще О. Бехагель обратил внимание на то, что содержательная сторона слов обнаруживает разную степень семантической полноты, завершенности: одни слова семантически относительно завершены (например: die Sonne, der Mond), другие – в разной степени семантически зависимы и требуют для своей семантической завершенности пояснений через другие слова (например: besitzen, Mitglied). Слова первого рода Е.В. Гулыга называет автосемантическими, второго рода – синсемантическими.

Особенно четко синсеманτικότητα проявляется у глаголов и прилагательных. Необходимость семантического дополнения их через другие слова связана с их общей семантикой: выражая действие (состояние), глаголы имплицитно указывают на носителя этого действия (состояния), время, пространство, объект действия; выражая свойство (характеристику) предмета, лица или процесса, имя прилагательное в логическом аспекте является предикатом того или иного носителя свойства (характеристики) и тем самым имплицитно указывает на носителя этого свойства.

В своей сущности валентность связана с понятиями и имеет поэтому логический характер: понятия, выражаемые словами, не существуют изолированно. Являясь отражением в нашем сознании реально существующих предметов и явлений, они взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Связь с понятиями составляет глубинный аспект валентности, универсальный по своей природе. Он образует основу типологического сравнения языков в сфере валентного взаимодействия слов. Репрезентация

глубинного аспекта происходит в сфере лексики и грамматики; эту репрезентацию называют соответственно поверхностным аспектом валентности.

Выделение двух аспектов валентности позволяет различать три вида валентности: логическую, лексико-семантическую и синтаксическую. Логическая валентность, экстралингвистическая и универсальная по своей природе, определяет характер отношений между понятиями. Лексико-семантическая и синтаксическая валентность, реализуя логическую, создают основу соединения слов в единицы более высокого ранга (сложные слова, словосочетания, предложения) и иллюстрируют тем самым один из видов взаимодействия единиц, который назван валентным.

Лексико-семантическая валентность

Лексико-семантической валентностью называют обязательную или факультативную сочетаемость слова (в рамках сложного слова, словосочетания или предложения) со словами определенной семантики. Она непосредственно связана с логической и поэтому является в значительной степени универсальной.

Эта валентность обусловлена синсемантической структурой слова, которая заключается в том, что в семантической структуре слова открываются «пустые» места (немецкое *Leerstellen*), которые заполняются в речи другими словами. Эти слова-уточнители получили название «соучастники», «актанты». Количество актантов слова соответствует количеству «пустых» мест. Так, глагол *впадать* – *münden* открывает два «пустых» места: носитель действия (например: *река*) и локальное уточнение (например: *в море*). Существительное *глубина* – *Tiefe* имплицитно подразумевает субстанцию как носителя признака, выражаемого этим существительным, и характеристику этого признака (*большая* <- *глубина* -> *океана*); прилагательное *богат* – *reich* имплицитно подразумевает субстанцию как носителя характеристики и субстанцию, которая имеется в большом количестве у первой субстанции (например: *местность* <- *богатая* -> *нефтью*). На уровне предложения заполнение «пустых» мест можно проиллюстрировать следующим примером: *Мой* <- *брат* <- *обладает* -> *способностью* -> *входит* -> *в доверие* -> *собеседника*. Элиминация любого слова делает данное предложение семантически незавершенным, то есть каждое «пустое» место у каждой словоформы непременно должно быть заполнено.

Выбор слов в качестве актантов для заполнения «пустых» мест происходит по принципу семантической совместимости. Если из предложения *Der Junge schreibt einen Brief* – ср.: *Мальчик кушает кашу* удалить все грамматические показатели (форманты) и оставить только лексические морфемы, то есть *Junge* – *schreiben* – *Brief* – ср.: *мальчик* – *кушать* – *каша*, то не составит особого труда восстановить предложение. С другой стороны, одни лишь грамматические показатели (*der*, *-t*, *einen*, *-ик*, *-ет*, *-у*) не

содержат коммуникативной ценности (они создают лишь некоторый грамматический каркас). Коммуникативная ценность будет равна нулю, если данный каркас заполнить, например, словами Ball, essen, Gedanke – соответственно *мальчик, кушать, ноша* – Der Gedanke ißt einen Ball – *Мальчик кушает ношу*. В итоге образуется семантически некорректная фраза, чья модель наполнена словами, которые семантически несовместимы. Именно благодаря знанию семантической совместимости сравнительно легко воспринимается речь, содержащая грамматические ошибки и даже грамматически неотмеченная (например, без труда можно понять грамматически некорректные предложения типа *Мальчик кушаем каша*, то есть предложения, которые нередко встречаются в речи иностранцев, плохо владеющих русским языком). И наоборот, коммуникация часто нарушается из-за того, что говорящий допустил серьезное нарушение семантических связей (семантической совместимости) между словами. Уже этот простой пример говорит о важности работы над семантикой слова, и прежде всего над его лексико-семантической валентностью, в процессе преподавания иностранных языков.

Семантическая совместимость базируется на наличии в семантической структуре сочетающихся слов семантически родственных (сходных) компонентов. Так, пары слов die Sonne – sich kämмен, die Erde – lächeln (*солнце – причесываться, земля – улыбаться*) семантически несовместимы в функции главных членов предложения: *Die Sonne kämmt sich, *Die Erde lächelt, так как в семантической структуре этих слов-пар отсутствуют семантически сходные компоненты (в данном случае исключается возможность метафорического употребления слов). Еще более наглядно семантическая несовместимость иллюстрируется на примерах единиц уровней словосочетания (атрибутивного) и сложного слова. Например: *grüner Wind, *müde Variante, *gespanntes Brot, *Schreibvase, *зеленое ожидание, *дерево-пекарня.

Лексико-семантическая валентность менее императивна по сравнению с синтаксической, более широка по своему диапазону, а у некоторых слов, как подчеркивает Б.А. Абрамов, она практически не имеет ограничений. Так, необычайно широк диапазон семантической сочетаемости у глаголов sein, werden, *быть, становиться*. Количественная характеристика лексико-семантической валентности неодинакова у слов различных классов. Например, у глаголов и имен прилагательных больше ограничений в семантической сочетаемости с другими словами, нежели у имен существительных. У некоторых глаголов и имен прилагательных диапазон семантической сочетаемости ограничен всего лишь несколькими словами (например, у слов *читать, здоровый, белоснежный, gedenken, münden, geliebt*).

Количественные параметры лексико-семантической валентности у семантически сопоставимых слов разных языков довольно часто не совпадают, что объясняется несовпадением семантического объема этих слов.

Так, например, диапазон слов, с которыми могут сочетаться семантически сопоставимые слова *beißen* и *кусать*, значительно расходится в количественном отношении, так как у глагола *beißen* значительно шире семантический объем (ср. сочетания *Der Hund beißt*; *Die Fische beißen heute gut*; *ins Bein beißen*; *Schlangen, Mücken beißen*; *Die Säure beißt*; *Der Rauch beißt die Augen*, где в русском языке употребляются соответственно глаголы *кусаться, клевать, укусить, жалить, прожигать-проедать, есть*). Приведенный пример говорит, кроме того, о том, что семантизация слов через перевод может иметь трудно поправимые последствия, говорит о необходимости уделять больше внимания работе над многозначностью слова.

К вопросу о связи значения и звукового оформления слова.

Проблема семантической мотивированности слова

Хотя форма слова и не может быть одинаковой величиной в разных языках, это, однако, не значит, что в оформлении слова отсутствуют универсальные черты. Одной из них является морфемный состав слова. Сюда же следует отнести и ударение, которое присуще всем словам во всех языках. Но на этом перечень универсальных черт в оформлении слова, видимо, кончается; все остальное составляет характерологический аспект слова.

Если наличие ударения является универсальной чертой, то характер ударения на уровне слова в языках неодинаков. Так, в русском языке это ударение характеризуется значительной подвижностью, что дает ему возможность быть семантически релевантным (ср.: *уже – ужé, гвóздики – гвoздíки, чóдная – чyдная, дóма – домá, мúка – мyкá, крúжки – кpужкí*), в то время как ударение в немецких словах, хотя и характеризуется как ограничено подвижное, является все же преимущественно морфологически фиксированным. Таким образом, ударение, универсальное по своей сущности, имеет в то же время и характерологический аспект, являющийся причиной межъязыковой интерференции при изучении немецкого и русского языков как иностранным. Так, немецкоязычным учащимся чрезвычайно трудно дается подвижное ударение в русских словах, а русскоязычным учащимся – ударение на первом слоге в немецких словах.

Значительно большей универсальностью характеризуется план содержания слова. Прежде всего, это касается характера связи звукового оформления слова со значением слова. У корневых слов эта связь характеризуется произвольностью, которую следует назвать универсальной чертой. То есть между звуковыми комплексами, например, *лес – Wald, давать – geben* и соответствующими понятиями, выражаемыми этими комплексами, отсутствует какая-либо зависимость, связь, обусловленность. С другой стороны, в каждом языке имеется немало слов, у которых эксплицитно прослеживается связь (зависимость) значения и звукового оформления.

Первые слова называют семантически немотивированными, вторые – семантически мотивированными. Наличие данных двух типов слов является семантической универсалией.

Различают три вида мотивированности: фонетическую (звуковой комплекс, будучи подражанием естественным звукам, имеет непосредственную связь с денотатом; например: *шипеть* – zischen, *квакать* – quaken, *мяукать* – miauen), структурно-морфологическую (значение слова мотивировано значением непосредственно составляющих и словообразовательной модели; например, *хлебозавод* – Brotfabrik) и семантическую (значение мотивировано переносом наименования одного денотата на другой; например, *диетический стол, нос лодки* – Tischbein, elektrische Birne).

Мотивированность слова связана с развитием словарного состава языка, с возникновением новых слов или развитием новых значений, что обусловлено появлением новых денотатов, развитием нашего представления о действительности.

В основе наименования новых денотат с в лежит способность нашего мышления выбирать у предметов свойства, определяющие их сущность; выбирать потому, что у каждого предмета имеется несколько свойств (качеств, отношений). Наименование предмета – это «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности». При выборе этих признаков, свойств явление (предмет) анализируются с разных сторон. Подход к одному и тому же явлению у разных народов может быть разный. Другими словами, семантическое членение языком действительности (картирование) не может полностью совпадать у всех народов, что, однако, нельзя рассматривать как отражение разного уровня познания действительности у этих народов.

Отсутствием у разных народов полного соответствия в выборе признака при наименовании предмета объясняется, например, наличие в немецком языке нерасчлененного понятия heiraten к расчлененного того же понятия в русском языке, обозначаемого двумя словами (*выходить замуж* и *жениться*), или же нерасчлененного понятия в русском языке *жить* и расчлененного (дифференцированного) того же понятия в немецком языке, выражаемого глаголами wohnen и leben. Допускают ошибки в употреблении слов wohnen – leben, dürfen – können, Angebot – Antrag – Vorschlag, verzichten – sich weigern, müssen – sollen, zwischen – unter, Wand – Mauer, Bein – Fuß, Arm – Hand, wenn – als, Leder – Haut, Knochen – Gräte. А немецкоязычным учащимся трудно дается усвоение различий в употреблении слов *жениться* и *выходить замуж*, *женатый* и *замужняя*, *голубой* и *синий*, *давать взаймы* и *брать взаймы*, то есть пар слов, значение которых соответствует в немецком языке нерасчлененным понятиям, выражаемым словами heiraten, blau, borgen – leihen. По той же причине русскоязычные учащиеся практически не употребляют немецкие слова Geschwister,

Großeltern, Schwiegereltern, а немецкоязычные учащиеся – слово *сутки*, так как в родном языке учащихся нет отдельных слов для обозначения подобных обобщенных понятий.

Выбор признака для наименования предмета определяет мотивированность слова, характеризующую словообразование и перенос названий (метафору, метонимию). Однако эта мотивированность имеет не абсолютный, то есть первичный, а условный, то есть вторичный характер, так как она снимается немотивированностью производящих (опорных) корневых слов. Если сам процесс наименования имеет универсальный характер, то подход к предметам (денотатам) имеет, как уже говорилось, у разных народов свои особенности.

Ниже приводится несколько примеров для иллюстрации несовпадения выбора характерного признака денотата для его наименования:

Kletterrose – в основу наименования положен признак «способность при росте взбираться вверх по предметам»;

вьющаяся роза – в основе наименования лежит внешний признак (форма стебля розы);

Bär – в основу наименования положен цвет (braun);

медведь – в основе наименования излюбленная пища (ведает мед);

Eltern – в основе наименования признак возраста (старший в семье);

родители – в основе признак генетического характера (давшие жизнь другим членам семьи).

Мотивированность слова в разных языках имеет неодинаковую количественную характеристику. Как отмечает С. Ульман, количественный аспект мотивированности языка зависит от его строя, количества заимствованных слов в словаре. В этом плане английский язык характеризуется меньшей мотивированностью, чем немецкий и русский языки, в которых значительно продуктивнее словообразование, чем семантический путь развития словаря. Помимо этого, и в английском языке выше процент заимствований.

Если в отношении вида и характера мотивированности немецкий и русский языки обнаруживают типологическую близость (оба языка можно отнести в этом плане к грамматическому типу, так как в обоих языках значительно шире, чем в других языках, представлена структурно-морфологическая мотивированность), то мотивация семантически соотносимых слов в них не всегда совпадает: что в одном языке семантически мотивировано, в другом языке может быть не мотивировано. Так, структурно-морфологически мотивированное слово Handschuh соотносится с немотивированным словом в русском языке *перчатка*. Другие примеры: Großvater – *дедушка*, Tischtuch – *скатерть*, Fußball – *футбол*, Handtuch – *полотенце*, Mittagessen – *обед*. С другой стороны, мотивированные слова *сегодня*, *первоклассник*, *пруд*, *пиво* соотношены с немотивированными словами соответственно *heute*, *ABC-Schütze*, *Teich*, *Bier*.

3.2. Синонимия современного немецкого языка

Синонимы – это слова одной части речи, которые обозначают одно и то же, но отличаются друг от друга оттенками лексического значения и употреблением в речи. Синонимы в языке образуют группировку слов и словосочетаний, носящую системный характер.

Синонимами называют слова с равным значением (М. Марузо), со сходным значением (Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева), слова, обозначающие одно и то же понятие или понятия очень близкие между собой (А.П. Евгеньева), слова с единым или очень близким предметно-логическим содержанием (К.В. Архангельская), слова, одинаковые по номинативной отнесенности, но, как правило, различающиеся стилистически (А.А. Реформатский), слова, способные в том же контексте или в контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга (Л.А. Булаховский).

Синонимы в языке образуют группировку слов и словосочетаний, носящую системный характер. Проявление системности он видит в диахронических процессах синонимической конкуренции и дифференциации синонимов и в тесной синхронической связи между полисемией и синонимией. В дополнение к этим аргументам можно привести также следующие соображения.

Во-первых, синонимам противостоят антонимы. Stark, kräftig (сильный, крепкий) – schwach (слабый); klug, gescheit (умный, разумный) – dumm (глупый) и т.д., хотя, конечно, семантические противопоставления такого рода количественно невелики.

Во-вторых, довольно многочисленные группы синонимов объединяются внутри синонимического ряда по какому-либо закономерно проявляющемуся признаку, например возрастания или убывания степени свойства, качества, интенсивности действия и т.п. Fähig (способный) – begabt (одаренный) – talentvoll (талантливый) – genial (гениальный).

Синонимы в немецком литературном языке появляются либо благодаря заимствованиям, например, stören (мешать) – inkommodieren (от франц. comode «удобный»), либо вследствие проникновения диалектальных слов в литературный язык, например, Fleischer – Metzger (мясник) (южно- и западнонемецкое) либо, наконец, в результате изменения значений слов. Уже обращалось внимание на неточность, которая заключается в том, что речь идет о словах, тогда как следовало бы говорить об отдельных значениях слов, так как слова в большинстве своем многозначны и во всех своих значениях почти никогда не бывают синонимичными друг другу.

Среди определений синонимов, наиболее распространенным является определение, утверждающее, что синонимы – это слова с единым или близким предметно-логическим содержанием.

Если сравнить такие пары, как aufmachen – aufsperrten в значении «открывать» (слова, которые во всех немецких синонимических словарях

квалифицируются как синонимы) и *gehen* «ходить пешком» – *laufen* «бежать», которые ни словари, ни интуитивное чувство языка не причисляет к синонимам. Можно прийти к выводу, что вторую пару слов строго назвать антонимами нельзя, так как они отображают движение ногами в определенном направлении.

Как указывалось, в качестве критерия синонимичности называют совпадение сочетаемости. Однако у целого ряда слов сочетаемость совпадает, но они не вступают друг с другом в синонимические отношения: таковы, например, *schlucken* (глотать) – *trinken*, *schlucken* – *essen* и др. И, наоборот, у многих признанных синонимов сочетаемость не совпадает.

Ср.: *ganz* (весь, целый) – *völlig* (полный): *völlige* (не *ganze*) *Genesung* (полное выздоровление, но не целое выздоровление), но *die ganze* (не *völlige*) *Zeit* (все время, но не целое время), *etwas ganz* (не *völlig*) *anderes* (немного всего другого, но не немного целого другого) и т.д.

Большой популярностью у лингвистов пользуется такой критерий, как «заменяемость» в том же контексте или в контекстах, близких по смыслу, без ощущения заметного изменения смысла высказывания в результате замены. Однако и он недостаточно объективен. Следует, очевидно, прежде всего, уточнить, о каком контексте идет речь – о широком, языковом (безразличном) или узком, речевом (ситуативном, небезразличном).

Принято обычно различать две основные группы синонимов: понятийные, или идеографические, связанные с дифференциацией оттенков одного и того же значения (*враг – противник, влажный – сырой – мокрый*), и стилистические, связанные, прежде всего, с экспрессивно-оценочной характеристикой того или иного понятия (*лицо – рожка, рука – длань – лапа*).

Группа синонимов, состоящая из двух или более слов, называется синонимическим рядом. Могут быть синонимические ряды существительных (*работа – труд – дело – занятие*); прилагательных (*влажный – мокрый – сырой*); глаголов (*бежать – спешить – торопиться*); наречий (*тут – здесь*); фразеологизмов (*переливать из пустого в порожнее – носить воду решетом*).

В синонимическом ряду обычно выделяется ведущее слово (доминанта), являющееся носителем главного значения: *одежда – платье – костюм – наряд*.

Синонимические отношения пронизывают весь язык. Они наблюдаются между словами (*везде – повсюду*), между словом и фразеологизмом (*мчаться – бежать сломя голову*), между фразеологизмами (*ни то ни се – ни рыба ни мясо*).

Синонимическое богатство русского языка включает в себя различные **типы синонимов**, например:

лексические синонимы, т.е. слова-синонимы;

фразеологические синонимы, т.е. фразеологизмы-синонимы;

синтаксические синонимы, например:

1) союзные и бессоюзные сложные предложения: *Я узнал, что поезд приходит в шесть часов. – Я узнал: поезд приходит в шесть часов;*

2) простые предложения с обособленными членами и сложноподчиненные предложения: *Передо мной расстился песчаный берег, усыпанный ракушками. – Передо мной расстился песчаный берег, который был усыпан ракушками;*

3) сложносочиненные и сложноподчиненные предложения: *Посыльный не пришел, и отнести письмо попросили меня. – Посыльный не пришел, так что отнести письмо попросили меня.*

Существует также особый вид синонимов – **контекстуальные** синонимы. Это слова, которые сами по себе не являются синонимами, но становятся ими в определенном контексте, например:

*Крепкий ветер вольно летит над широкой далью... Вот подхватил он тонкие гибкие ветви – и **задрепетали** листочки, **заговорили**, **зашумели**, **заметались** изумрудной россыпью в лазоревом небе.*

Синонимы играют очень важную роль в языке, потому что, передавая тонкие оттенки, разные стороны понятия, они дают возможность точнее выразить мысль, яснее представить конкретную ситуацию.

Стилистические функции синонимов разнообразны. Общность значения синонимов позволяет употреблять одно слово вместо другого, что разнообразит речь, дает возможность избежать назойливого употребления одних и тех же слов.

Функция замещения – одна из основных функций синонимов. Писатели уделяют большое внимание тому, чтобы избежать надоедливого повторения слов. Вот, например, как Н. Гоголь использует группу синонимических выражений со значением «разговаривать, беседовать»: «Приезжий [Чичиков] во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он *говорил* и о лошадином заводе; говорили о хороших собаках, и здесь он *сообщал* очень дельные замечания, *трактовали* ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, – он показал, что ему неизвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре – и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели *рассуждал* он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина, и в горячем вине он знал прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, и о них он судил так, как будто был чиновником и надсмотрщиком».

Синонимы могут также выполнять функцию противопоставления. Александр Блок в объяснительной записке к постановке «Роза и крест» писал о Гаэтане: «...не глаза, а очи, не волосы, а кудри, не рот, а уста». То же у Куприна: «Он, собственно, не шел, а влачился, не поднимая ног от земли».

Языковой контекст определяет, какое из значений смысловой структуры слова имеется в виду. Помещая, например, слово *trinken* «пить» в минимальный (словосочетание) или максимальный (предложение) языковой контекст – *Tee trinken* «пить чай» или *mein Freund trinkt Tee* «мой приятель пьет чай» – можно определить, какое из значений слова *trinken* имеется в виду. Следовательно, такой контекст не говорит в пользу того, что это синонимы, хотя и не опровергает возможности синонимических отношений данных значений слов. В широком языковом контексте синонимы заменимы, но сам факт возможности замены не свидетельствует о том, что речь идет о синонимах, а лишь о том, что это слова, входящие в один тематический ряд.

Речевой контекст всегда ситуативен и потому узок. В речевом контексте выявляются оттенки значения синонимов, соответствие или несоответствие данного синонима данной ситуации, в силу чего в большинстве своем замена одного синонима другим как раз невозможна. Ведь искусство речи и заключается в том, чтобы выбрать наиболее подходящий синоним именно для данного случая. Если же в речевом контексте синонимы все же заменимы, то это объясняется зачастую либо тем, что оттенки их недостаточно ощутимы (недостаточно четко ощущаются говорящим, пишущим), либо тем, что недостаточно узок контекст, что ситуация недостаточно конкретна.

В качестве критерия, а точнее, условия синонимичности называют принадлежность слов к одному типу понятий – родовому или видовому. Если иметь в виду названия конкретных предметов, то с этим условием нельзя не согласиться: *Pflanze* (растение) и *Rose* (роза), конечно, не синонимы, хотя о *Wind* (ветер) – *Sturmwind* (ураган) – *Sturm* (шторм) уже нельзя судить категорически. Критерии общности предметно-логического содержания не дают достаточно надежных оснований для установления синонимичности между лексико-семантическими вариантами слов, хотя они и должны быть, безусловно, приняты во внимание.

Если проанализировать лингвистическую литературу с точки зрения того, какие типы смысловых отличий усматриваются между синонимами, то придется констатировать, что большинство исследователей ограничиваются общим указанием на то, что синонимы различаются оттенками значения. Нам представляется, что при определении оттенков значения слова важно принимать во внимание контекст и лексическую среду, в которых употребляется данный лексико-семантический вариант, т.е. учитывать, идет ли речь о живых или неживых предметах, о людях или животных, об объективном или субъективном высказывании и т.д. Например: *halten* – *stehenbleiben* (стоять, останавливаться) по отношению к людям нет различия, по отношению к средствам транспорта – есть: *halten* используется, когда речь идет о любой, обычно регулярной остановке, *stehenbleiben* – чаще об остановке по особой причине.

Семантические отличия слов в синонимическом ряду

Анализ употребления значительного числа синонимов немецкого языка дает основание выделить следующие основные признаки, которые следует учитывать при описании семантических отличий слов в синонимическом ряду:

1. *Степень*. Здесь имеется в виду степень возрастания выражаемого свойства, качества или интенсивности действия, например:

Befürchtung – Angst – Entsetzen (опасение – страх – ужас);
gut – ausgezeichnet (хороший – отличный).

2. *Характер (действия, процесса и т.д.)*, т.е. продолжительность, быстрота, размеренность, небрежность или тщательность выполнения и т.д., например:

aufmachen – aufsperrten(открывать);
gehen – schreiten(идти – шагать).

3. *Специализация*. К специализации относятся случаи, когда слово имеет либо более общее, либо более частное значение, указывает на абсолютный или относительный признак. Эти случаи связаны с разным объемом значения, с различной сочетаемостью, например:

Gipfel – Wipfel (у дерева) (вершина – верхушка);
weit (во всех направлениях) – breit (в одном) (широкий, просторный);
geschehen – passieren (лишь по отношению к не очень значительным событиям) (случаться – происходить).

4. *Отношение*. Здесь имеется в виду оценка выражаемого действия, качества, например:

ausgeben (расходовать) – verschwenden (расточать), schreiben (писать) – kritzeln (царапать).

5. *Мотивация*. Под мотивацией понимается внешнее или внутреннее побуждение к действию, а также причины действия, зависящие или не зависящие от субъекта, например:

sich benehmen (внутреннее побуждение) – sich betragen (как предписано, установлено) (вести себя);

Spazierengehen (гулять) – schlendern (гулять без цели).

6. *Результативность (действия, процесса)*. Например:

behandeln – kurieren – heilen (вылечить);

wecken – erwecken (пробуждать).

7. *Постоянство (свойства, признака предмета, действия)*. Например:

böse (злой) – erbost (разозленный);

leben (жить где-либо) – sich aufhalten (временно жить, останавливаться).

Некоторые синонимы обладают одновременно несколькими признаками. Так, например, verlieren – einüben – sich (D) verscherzen отнесены к специализации, хотя verscherzen отличается от других членов ряда и тем,

что выражает результативность, поскольку означает, что кто-либо потерял, утратил что-либо окончательно, навсегда.

Классификация синонимов

Стилистически не ограниченные синонимы могут подразделяться на равнозначные и неравнозначные синонимы.

Равнозначные синонимы могут быть полными (если совпадают и их значение и их употребление) и неполными (если они отличаются только по употреблению). Примеры: halten и stehenbleiben «стоять» (по отношению к человеку) полные синонимы; Meer и See «море» – неполные, так как можно сказать: das Meer (но не die See) bedeckt einen großen Teil der Erdkugel (море покрывает большую часть Земли), Leutnant zur See (морьяк) (но не zum Meer).

Неравнозначные синонимы различаются по оттенкам значения и большей частью и по употреблению. Эти последние наиболее многочисленны. Одни синонимы могут употребляться с любыми частями речи (если они вообще с ними сочетаются), а другие нет. Приведем в качестве примера sogar – selbst (сам). Sogar сочетается с любой знаменательной частью речи, в то время как selbst нельзя сочетать с глаголом.

Все вышеперечисленные критерии хотя и не исчерпывают всего многообразия оттенков значения синонимов, однако, все же проливают некоторый свет на характер синонимических отношений между отдельными значениями так называемых *идеографических синонимов*, т.е. не совпадающих полностью по значению. На первый взгляд несколько проще обстоит дело со стилистически дифференцированными, так называемыми *стилистическими синонимами*. Однако и здесь нет достаточно надежных данных ни для дифференциации стилистически не ограниченных и стилистически ограниченных, ни для дальнейшего подразделения стилистически ограниченных синонимов хотя бы на синонимы разговорного и книжно-письменного стиля речи.

Иногда различие между стилистически не ограниченными (идеографическими) и стилистически ограниченными синонимами видят в их различной эмоциональной окраске, в различной экспрессивности и потому называют первые *нейтральными*, а вторые – *стилистически окрашенными*. Эти термины вряд ли удачны, так как стилистическая нейтральность присуща как стилистически ограниченному, так и стилистически не ограниченному синонимам. Ср.: anfangen и beginnen, где первый член синонимического ряда относится к стилистически не ограниченному, а второй – либо к лексике книжно-письменной, либо разговорной речи. Стилистически ограниченные синонимы сравнительно легко обнаруживаются по присущим им дополнительным экспрессивным оттенкам, выражающим иронию, торже-

ственность и т.д., ср.: inkommodieren, Beamtenkuh (служащий), Gemach (комната) и др.

«Нейтральные» стилистические синонимы труднее обнаружить, так как они обычно словарями соответствующим образом не квалифицируются. Их стилистическую ограниченность можно установить только либо путем лингвистического эксперимента, как предлагал Л.В. Щерба, для чего нужно совершенное знание языка, а им обладают немногие, либо статистически, путем изучения большого количества текстов (контекстов), что, в общем, не под силу одному исследователю; возможно, что это скоро будет выполнено с помощью машин. Практическая важность этой работы неоспорима. Достаточно пролистать любой учебник Попова по немецкому языку, чтобы убедиться в том, насколько неоправданно в нем употребление синонимов, например, beginnen вместо anfangen (начинать), wunschen вместо wollen (желать), senden вместо schicken (посылать) и т.п. В немецкой лексикографии имеется довольно большое количество синонимических словарей, но они почти все, за исключением старого издания словаря серии Дудена, представляют собой более или менее удачно подобранные синонимические ряды, не содержащие, как правило, примеров, иллюстрирующих их значение и употребление. Среди опубликованных словарей можно обнаружить два типа: словари, где синонимические ряды смешаны с тематическими (сюда можно отнести словари, подобные словарю Пельцера) и синонимические словари типа Гернера и Кемпке, где проведен строгий отбор синонимов, но не даны различия между ними.

В словаре К. Пельцера, например, в одном ряду приведены Bank, Stuhl, Schemel, Schulbank(стул, скамья) и т.д., которые образуют тематический, но не синонимический ряд, то есть, где значение слова часто не одно и то же, они просто объединены под одной темой.

Этот словарь предназначен для носителей языка и рассчитан на то, чтобы установить то общее, что характерно для синонимов данного ряда. Но, как уже говорилось, из них нельзя почерпнуть почти никаких сведений о том, в чем заключаются различия между помещенными в один ряд синонимами, они просто стоят в одних тематических рядах.

Состав синонимического ряда

Заглавным словом основных статей является индифферентный синоним. Под индифферентным понимается синоним, который передает значение данного синонимического ряда наиболее обще, не имеет эмоциональной окраски и является, как правило, наиболее употребительным в данном ряду. В качестве заглавного слова индифферентный синоним с русским эквивалентом помещается над соответствующим синонимическим рядом. Например: Balkon – балкон

der Balkon – der Altan – der Soller

Членами синонимического ряда могут быть как слова, так и словосочетания. Последние могут иногда выступать в качестве индифферентного синонима. Например: fremd werden – становиться чужим

fremd werden – entfremdet sein – sich entfremden

Расположение синонимов в синонимическом ряду определяется, как правило, принадлежностью слова к определенному стилю речи. Многие синонимы, особенно обозначающие признак, свойство, качество и т.п., образуют синонимические ряды, выражающие некую иерархическую зависимость членов ряда. В таком случае синонимы приводятся в порядке возрастания признака или интенсивности действия, причем стилистическая характеристика синонимов наглядно представлена различными шрифтами тем же способом, что и в предыдущем случае. Такому ряду дается общая характеристика, в которой порядок следования синонимов специально оговаривается.

Синонимы, образующие синонимический ряд, принадлежат к одной и той же части речи. Это, однако, не исключает известных грамматических различий между ними. В частности, в одной словарной статье могут быть объединены слова и словосочетания, выступающие как прилагательное и как наречие. В синонимических рядах глаголов и прилагательных при иллюстрации употребления допускались примеры, включающие субстантивированные слова, если последние сохраняют и хорошо передают семантические особенности исходного слова.

Понятие синонимического ряда, его отличие от тематической группы

Синонимы, независимо от их статуса, образуют определенную микросистему или синонимический ряд. Синонимический ряд основан на общем сегменте значения элементов, который выступает как интегральный семантический признак данного ряда, то есть нечто общее, что их объединяет.

Синонимический ряд образуют, как правило, единицы с многоплановой семантической структурой. В работе над синонимами следует различать синонимические ряды и тематические группы, тем более что в некоторых словарях синонимов имеет место практика их объединения под общий признак качества, восходящий к понятийному содержанию рода.

Более частные виды синонимических отношений наблюдаются при связанных значениях прилагательных в сочетании с определенным рядом существительных. Например, можно сказать лишь reines Marmor (чистый мрамор), reine Seide (чистый шелк), Wolle (шерсть), reines Leinen (чистый холст), где актуальна сема «unverfälscht» и в этом плане rein является синонимом прилагательного echt. Выделяемый на основе наличия семы

«sauber» в ее прямой денотативной функции основной синонимический ряд представляет собой ряд синонимов, где прилагательные, обозначая качественный признак чистоты с различными коннотативными оттенками, противопоставлены друг другу с различной степенью активности.

Синонимы, независимо от их статуса, образуют определенную микросистему или синонимический ряд. Синонимический ряд основан на общем сегменте значения элементов, который выступает как интегральный семантический признак данного ряда.

Сложность и многоплановость отношений синонимов заключается, в частности, в том, что данная микросистема иногда выходит за пределы синонимического ряда. Это имеет место в случаях, когда крайне полярные единицы уже не являются синонимами в понимаемом нами смысле. В подобных случаях синонимический ряд перекрещивается с тематической группой. Между тематической группой и синонимическим рядом существует взаимосвязь: тематическая группа объединяет несколько синонимических рядов. В работе над синонимами следует различать синонимические ряды и тематические группы, тем более что в некоторых словарях синонимов имеет место практика объединения под общий признак качества, восходящий к понятийному содержанию рода. Это помогает во владении вторым иностранным языком, в данном случае немецким, решает задачи перевода, полное понимания текстов; разнообразит лексику в общении с носителями других языков в различных бытовых ситуациях; учит грамотно и четко выражать свои мысли на другом языке – немецком. Таким образом, синонимы также можно назвать универсалиями, то есть языковые черты, свойственные языку вообще и обнаруживаемые во всех языках мира. Наличие универсалий объясняется общими закономерностями функционирования языка как средства общения, глубинными отношениями между языком и мышлением, языком и окружающей действительностью, артикуляционной базой голосового аппарата человека. Наряду с всеобщими универсалиями в сравниваемых языках могут проявляться общие черты, свойственные только рассматриваемым языкам. Таким образом, сравниваемые языки могут определяться как общими для них, так и специфическими средствами, отличающимися друг от друга.

3.3. Антонимия в немецком языке

Антонимы – это слова одной и той же части речи с противоположным лексическим значением: *вопрос – ответ, глупый – умный, громко – тихо, вспомнить – забыть*. Они обычно противопоставляются по какому-либо признаку: *день и ночь – по времени, легкий и тяжелый – по весу, вверху и внизу – по положению в пространстве, горький и сладкий – по вкусу и т.д.*

Отношения антонимии могут быть между словами (*север – юг*), между словами и фразеологизмами (*победить – потерпеть поражение*), между

фразеологизмами (*одержать победу – потерпеть поражение*).

Различаются также разнокоренные и однокоренные антонимы: *бедный – богатый, прилететь – улететь*.

Многозначное слово в разных своих значениях может иметь разные антонимы. Так, антонимом слова *легкий* в значении «незначительный по весу» является прилагательное *тяжелый*, а в значении «простой для усвоения» – *трудный*.

Основная функция **антонимов** (и **языковых** и **контекстуально-речевых**) – выражение противоположности, которая исконно присуща семантике подобных противопоставлений и не зависит от контекста.

Функция противоположности может быть использована с разными стилистическими целями:

- для указания на предел проявления качества, свойства, отношения, действия;
- для актуализации высказывания или усиления образа, впечатления и так далее;
- для выражения оценки (иногда в сравнительном плане) противоположных свойств предметов, действий и другие;
- для утверждения двух противоположных свойств, качеств, действий;
- для утверждения одного из противопоставляемых признаков, действий или явлений реальной действительности за счет отрицания другого;
- для признания некоего среднего, промежуточного качества, свойства и так далее, возможного или уже утвержденного между двумя противоположными по значению словами.

Современная лингвистика исходит из положения о том, что язык представляет собой определенным образом организованную систему, т.е. такое органическое целое, элементы которого закономерно связаны друг с другом и находятся в строго определенных отношениях.

Одним из важных проявлений системных отношений в языке является соотносительная противоположность его элементов. Антонимические отношения буквально пронизывают язык. Значение противоположности отмечается, например, в отношениях залоговых форм глагола: *строить – строиться* (*Рабочие строят дом – Дом строится рабочими*), *угнетающий – угнетаемый*, *покупать – продавать* и т.д. Противоположными по смыслу могут быть и целые предложения: *Все собравшиеся были спортсменами – Ни один из собравшихся не был спортсменом* (ср. *Некоторые из собравшихся (не) были спортсменами*). Логические формулы этих предложений (суждений) имеют следующий вид: «Все S суть P», «Ни одно S не есть P», «Некоторые S (не) суть P».

И все же антонимия – явление, прежде всего лексическое. В этом нетрудно убедиться, обратившись, скажем, к только что приведенному примеру. Синтаксическая антонимия «*Все собравшиеся были спортсменами – Ни один из собравшихся не был спортсменом*» опирается, прежде

всего, на лексическую противоположность компонентов конструкции: *все (были) – ни один (не был)* (ср. подчеркивание соотносительной противоположности самой терминологией: общеутвердительное – общеотрицательное суждение, высказывание).

Принципиальная важность классификации слов по противоположности их значений для осознания системности лексики отмечалась в лингвистике неоднократно. Так, например, акад. М.М. Покровский еще на заре развития науки о значении писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959]. Ш. Балли видел в антонимических противопоставлениях проявление природной склонности человеческого ума. Он указывал на легкость, с которой в сознании говорящего вызывается логический антоним (например *la chaleur* «тепло» – *le froid* «холод») или вообще «парное» слово (типа *droit* «правый» – *gauche* «левый»). «Это одно из проявлений той относительности, – писал Ш. Балли, – которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом» [Балли, 1961].

Л. Ельмслев подчеркивал, что структурное описание языка возможно лишь при условии, когда открытые классы удастся свести к замкнутым. «Замкнутые классы, – отмечал он, – встречаются и в области лексики: так, среди неприменных прилагательных можно указать небольшие замкнутые классы, часто состоящие всего из двух членов (большой – маленький, длинный – короткий, красивый – безобразный, горячий – холодный)» [Ельмслев, 1962]. Такие антонимические структуры представляют собой своеобразные семантические микросистемы (микрополя), имеющие важное значение как для изучения собственно внутрисистемных отношений в лексике, так и для исследований культурно-исторического характера.

Осознание разного рода соотносительной противоположности слов помогает лучше определить их значение, выявить их взаимные связи и место в системе.

Располагая слова таким образом, чтобы их значения взаимно отрицали, друг друга (высокий – невысокий) и, далее, противопоставлялись (высокий – низкий), возникает достаточно упорядоченный словарь, отражающий некоторые существенные структурно-семантические черты антонимии и лексической системы языка в целом.

Организуя и «оформляя» важнейшие фрагменты языковой системы, антонимы образуют целые парадигмы качественных слов (ср. тощий, тщедушный, худой, сухопарый, нормальный, упитанный, полный, толстый, тучный, жирный...) и используются как важнейшие координационные понятия при выражении пространственных и других отношений. Таковы,

например, наречия типа вперед–назад; влево–вправо, вверх–вниз, обозначающие направление движения от определенной точки.

Антонимичные слова не только образуют «собственные» микросистемы, но и включаются в качестве одной из основных координат в общую схему тематической (понятийной) классификации лексики, вступая в тесную органическую связь с синонимами и другими словами той же тематической группы.

При изучении и описании антонимии немецкого языка необходимо поставить прежде всего две взаимосвязанные задачи: 1) исследование антонимии как системного явления; 2) определение места и роли антонимии в лексической системе языка в целом.

Явление антонимии достаточно часто привлекало внимание языковедов. Только во второй половине XX века появляется множество отдельных специальных работ, в основном, отечественных ученых, посвященных проблемам антонимии (Введенская 1969, 1971, 1976, 1982; Завьялова 1969, 1973; Корпеева 1973; Новиков 1973, 1976, 1982; Морозова 1974; Иванова 1977, 1982; Соколова 1977; Шмелев 1977; Agricola 1978, 1980; Лайонз 1978; Львов 1978, 1984; Тихонов, Саидова 1980; Михайлов 1983, 1987; Миллер 1985, 1990; Никитина 1987; Маргарян 1988; Сафин 1989; Меркурьева 1996; Огрохина 1997; Ягодкина 2000; Боева 2001).

Активно изучаются межуровневые антонимические отношения между словом и фразеологизмом, между словом и свободным словосочетанием. Ряд исследований посвящен изучению собственно фразеологической антонимии (Л.П. Зимина, Е.Н. Миллер, М.И. Сидоренко и др.).

Антонимичность по-разному выражается в языке. Некоторые языковеды (Л.А. Булаховский, В. Шмидт) считают антонимами только слова с разной основой (как, например, *stark–schwach*). Другие лингвисты (А.А. Реформатский, К.А. Левковская, Т. Шиппан, В. Флайшер, М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, В.М. Завьялова) относят к ним, как представляется справедливым, и лексические единицы, у которых значение противоположности реализуется с помощью словообразовательных средств, как например, *klar–unklar, Dank–Undank, Erfolg–Mißerfolg, vitaminreich–vitaminarm, gedankenarm – gedankenreich, geschmackvoll–geschmacklos, inhaltsvoll–inhaltsleer* и т.д.

Сущность языковой антонимии. Выражение полярности в языке

Явление антонимии издавна интересовало философов и ученых. Изучение антонимии началось с логики древнегреческого философа Аристотеля. Аристотель выделяет четыре типа противоположностей:

- 1) соотнесенность между собой;
- 2) собственно противоположность;
- 3) лишенность и обладание;
- 4) утверждение и отрицание.

Таким образом, труды Аристотеля являются основой для развития современной теории противоположности.

Современная философия определяет противоположность как категорию, выражающую одну из ступеней развития противоречия.

Противоположность, как логическая категория, характеризуется диалектической взаимосвязью противоположных понятий. Противоположности обладают свойством «уравновешивать друг друга» обнаруживая симметричность. Они снимают взаимно свои признаки таким образом, что результат равен нулю.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является соотносительное противопоставление двух и более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова называются лексическими антонимами (гр. *anty* – против + *onyma* – имя).

Соотносительным противопоставление называется потому, что в подобные отношения вступают лишь слова, находящиеся в одной и той же лексической и грамматической (по признаку отнесенности к одной и той же части речи) парадигме, обозначающие логически совместимые понятия. В основу их сопоставления положен один и тот же общий и существенный для них признак. Так, семантически (и, естественно, логически) соотносительными являются слова, характеризующие разного рода качественные признаки, например: красоту, цвет, вкус и др. (*schön – hässlich, hell – dunkel, bitter–süß*); эмоции (*die Liebe–der Hass, die Heiterkeit–die Traurigkeit, die Liebkosung–die Grobheit*); понятия пространства, времени (*oben–unten, der Norden– der Süden, heute–morgen, der Winter–der Sommer*); действие и состояние (*schließen–öffnen, erröten – erblassen*) и многие другие.

Обязательность признака логико-семантической соотносительности понятий при определении антонимичности слов, называющих эти понятия, впервые четко сформулировал Н.М. Шанский. Однако на одновременное наличие сходства в каком-то отношении у подобных слов указывал и Л.А. Булаховский [Шанский, 1995; Булаховский, 1953].

Одной из первых работ, в которой сделана попытка рассмотреть явление антонимии с лингвистических позиций, является работа В.Н. Комиссарова, которая, по мнению большинства исследователей, положила начало современному этапу развития теории антонимии. Автор считает антонимами те слова, у которых противопоставленность друг другу отражена в лексическом значении. Особо отмечается важность регулярной воспроизводимости слов-антонимов в речи, как фактора, необходимого для их существования в языке [Комиссаров, 1957].

Что же понимается под антонимами в языкознании? Несмотря на кажущуюся простоту и отсутствие принципиальных противоречий в определении антонима между лингвистами, понятие антонима может толко-

ваться по-разному и критерии выделения антонимов их признаки также могут различаться.

В большинстве работ лексическая антонимия определяется как **тип семантических отношений, устанавливаемых, прежде всего, в парадигматическом плане между лексическими единицами, имеющими противоположные значения** (М.А. Николаева, Л.А. Новиков).

Ни в самом определении антонимии, ни в выделении типичных черт антонимов не существует полного понимания между лингвистами. Однако основные признаки антонимов отмечаются практически всеми.

В свойствах антонимов находят отражение свойства объективных противоположностей. Это проявляется в том, что значения антонимов имеют общие черты, характеризуются взаимодополняемостью и взаимоисключаемостью. Противоположность, лежащая в основе антонимии, есть различие внутри одной и той же сущности (качества, свойства, отношения, движения, состояния и т.д.).

Таким образом, антонимами называются слова, противоположные по значению. Способностью образовать антонимические пары обладают слова, обозначающие понятия соотносительные в пространстве, во времени или по качеству, например: *oben – unten, früh–spät, gut–schlecht*.

Необходимо различать антонимы, т.е. слова, которые в семантическом отношении являются антиподами, от слов коррелятивных, лишь в какой-то мере (но не абсолютно) противопоставляемых друг другу. Так, например, слова: *Freund* друг и *Feind* враг, *Liebe* любовь и *Haß* ненависть, *gut* хороший и *schlecht* плохой, *kurz* короткий и *lang* длинный – это действительно антонимы, так как они обозначают диаметрально противоположные понятия. Но, например, *Sommer* лето и *Winter* зима, *Süden* юг и *Norden* север по своей природе не антонимы (но противопоставляемые друг другу коррелятивные слова, могущие иногда функционировать как антонимы), так как помимо слов *Sommer* лето и *Winter* зима имеются еще и слова *Frühling* весна и *Herbst* осень, а помимо слов *Süden* юг и *Norden* север еще и слова *Osten* восток и *Westen* запад. Таким образом, *Sommer* и *Winter*, с одной стороны, *Süden* и *Norden*, с другой, не представляют собой таких абсолютных антиподов, как, например, *Freund* и *Feind* или *gut* и *schlecht*.

Не являются антонимами по своей специфике, но лишь в какой-то мере противопоставляемыми коррелятивными словами и такие лексические единицы, как *Wald* лес и *Feld* поле и другие подобные, т.е. лексические единицы, не представляющие собой таких антиподов, какими являются подлинные антонимы, поскольку обозначают они предметы, имеющие не только черты различия, но и черты сходства.

Подлинные же антонимы, как *Freund* и *Feind*, или *gut* и *schlecht* являются именно **антиподами**.

Однако встречаются и более сложные антонимические отношения. Так, прилагательному *alt* противопоставляется не только *neu*, но и *jung*, которые

между собой не связаны; такие же отношения можно выделить в антонимах *süß-sauer, süß-bitter, süß-salzig*. В прилагательных же *kalt – warm – heiß, trocken – feucht – naß*, равно как и в глаголах *stehen – gehen – sitzen – liegen, schweigen – schreien – sprechen* все антонимы связаны между собой.

Антонимия характеризуется **парадигматическими** и **синтагматическими** свойствами. Синтагматические свойства слова могут служить критерием для выделения антонимов.

Антонимия понимается, прежде всего, как **лексическое явление**. Вопросами лексической антонимии занимался целый ряд исследователей (В.Н.Комиссаров, Л.А.Новиков, М.Р.Львов, Л.А.Введенская, В.М. Завьялова, Д.Н.Шмелев, Н.Л.Соколова и др.). Многочисленные определения лексического антонима во многом совпадают и сводятся к указанию на содержание противоположного значения, хотя существуют и разногласия по поводу наличия противоположного значения, типов противоположности, типов антонимов, семантических и морфологических признаков антонимов, по поводу классификации самих языковых антонимов.

В результате анализа ряда теоретических работ по общему и немецкому языкознанию в качестве основного определения антонимии нами принимается определение антонима – как **взаимоположенных по значению номинативных единиц языка, которые служат для обозначения взаимоположенных односущностных явлений объективной реальности**.

Можно выделить следующие **признаки антонимов**:

- наличие антонимического отрицания (в оппозиции антонимов – предельного);
- способность вызывать ассоциации по тождеству и (развитому до предела) различию значений;
- отображать в оппозициях противоположности природы и общества;
- выполнять текстообразующую функцию;
- образовывать малую (базовую), серединную (перманентно-волновую), большую (концептуально завершенную) антонимию;
- создавать системность и целостность речи (текста).

Антонимические отношения охватывают всю систему номинации, т.е. антонимичность есть внутреннее фундаментальное свойство языка.

Среди лингвистов существуют разногласия по поводу однокоренных антонимов, которые часть ученых исключает из числа лексических антонимов [Чурносова, 2004].

Мы придерживаемся точки зрения большинства лингвистов, которые к лексической антонимии относят и однокоренные слова, поскольку такие антонимы представляют целую семантическую группу в спектре семантики противоположности, а именно **контрадикторности**.

Большинство исследователей полагают, что антонимия существует на всех уровнях языковой системы: на лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Содержание понятия «антоним» в последнее время существенно дополнено. Так, до недавнего времени антонимами считались только слова, содержащие в своем значении указание на качество. Современные исследователи усматривают антонимию и у слов, принадлежащих к одной и той же части речи, обозначающих разного рода чувства, действие, состояние, оценку, пространственные и временные отношения и т.д., т.е. все более укрепляется широкое понимание антонимии [Новиков, 1973].

Антонимические связи присущи как семантически моновариантным словам, так и семантически поливариантным лексическим единицам. Причем, иногда слова, характеризующиеся антонимическими отношениями, употребляются в одном контексте: *Stanislaus ... verteilte Lobe und Tadel.* (Strittmatter E. *Der Wundertäter.* Moskau, 1962); *Susanne kannte alle Freundschaften und Rivalitäten in der Klasse, ... bedachte genau, welches Kind sie wann loben oder tadeln durfte ...* (Otto H. *Zeit der Störche.* Berlin, 1967) [Ивлева, 1978].

В антонимические связи могут вступать и поливариантные слова по своим основным вариантам. Тесная взаимосвязь антонимии с многозначностью подчеркивает системность отношений лексических единиц, их взаимозависимость и взаимообусловленность при сохранении, однако, каждым из явлений своих различительных (дифференциальных) признаков.

Отметим, что не всегда каждое из значений многозначного слова имеет в языке антонимы. Например, слово *Der Tag* обладает четырьмя основными значениями: 1) «часть суток, от восхода до захода солнца, с утра до вечера»; 2) «сутки, промежуток времени в 24 часа»; 3) «календарная дата, число месяца, посвященные какому-нибудь событию, лицу»; 4) «время, пора». Но в антонимические отношения оно вступает только в первом значении: *Der Tag – die Nacht.* В этом случае действуют уже внутренние закономерности лексической системы, характер предмета и понятийные признаки.

К числу **языковых признаков антонимов**, кроме связи с полисемией и спецификой синтагматических отношений, относится **регулярность их контрастирующих ассоциативных связей**, иными словами, упоминание об одном члене антонимической пары может вызвать представление о другом. Называя, например, такие свойства человеческого характера, как *die Güte, die Feinheit, die Feinfühligkeit*, говорящий и слушающий может сопоставить их с противоположными – *die Bösheit, die Grobheit, die Herzlosigkeit.*

Слова-антонимы, как и синонимичные слова, нередко образуют в языке и речи группы единиц, семантически близких по функции противопоставления. Понятие об антониме возникает лишь в том случае, когда

существует не менее двух семантически соотносимых слов, противоположных по значению. Поэтому нельзя, например, сказать, что слово *weiß* – антоним. При этом необходимо сразу уточнить: *weiß* – антоним слова *schwarz*. Следовательно, антонимы (как и синонимы) существуют как минимум попарно.

Нередко каждое из двух (и более) семантически противопоставленных слов, в свою очередь, имеет синонимы, которые и образуют ряды единиц, синонимичных (по вертикали) и антонимичных (по горизонтали) между собой, например:

Die Welle: schwer – schwach

stark – leicht

kräftig – schwach u m.д.

Das Jahr: zukünftig – vergehend

trehend – vorig

künftig – gehend u m.д. [Фомина, 1990].

Таким образом, два (и более) близких по значению слова образуют антонимический ряд.

Итак, антонимы это взаимопротивоположные по значению номинативные единицы языка, которые служат для обозначения взаимоположных односущностных явлений объективной реальности. Антонимия связывает языковые единицы с противоположным значением и свойственна всем естественным языкам.

Виды антонимов

По своей структуре антонимы неоднородны. Одни являются **разнокорневыми**: (*munter – ermüdet, den Reichtum – das Elend, schnell – langsam, schädlich – nützlich, das Leben – der Tod, geräumig – eng* и др. Такие антонимы называют собственно **лексическими**. Другие – **однокорневыми**: *Einfahrt – Ausfahrt, Abbau – Aufbau, Abflug – Anflug* и т.д. Подобные антонимы называют **грамматическими**, а точнее, лексико-грамматическими.

Грамматическая антонимия может быть выражена формально посредством особых морфем – префиксов или суффиксов. Широко распространен в этой функции префикс *un-* в именах существительных, прилагательных, адъективированных причастиях и наречиях, например: *Ruhe – Unruhe, Schuld – Unschuld, Einigkeit – Uneinigkeit, Frieden – Unfrieden, Ordnung – Unordnung; beweglich – unbeweglich, endlich – unendlich, treu – untreu, angenehm – unangenehm, ausführbar – unausführbar, geduldig – ungeduldig, logisch – unlogisch, ratsam – unratsam; bedeutend – unbedeutend, wissend – unwissend, begrenzt – unbegrenzt, gezwungen – ungezwungen, gesalzen – ungesalzen; gern – ungern, fern – unfern, längst – unlängst* и т.п.

Аналогичную функцию с *um-* имеет префикс *miß-*, встречающийся в именах существительных и в глаголах, например: *Erfolg – Mißerfolg, Kredit – Mißkredit, Vergnügen – Mißvergnügen; achten – mißachten, billigen – mißbilligen, glücken – mißglücken, gelingen – mißlingen, trauen – mißtrauen* и т.п.

Префикс *ent-* служит для образования антонимических пар глаголов и производных от этих глаголов существительных; иногда ему противопоставляются префиксы *be-* и *ver-*, например: *falten – entfalten, färben – entfärben, vergiften – entgiften, bekleiden – entkleiden, kräftigen – entkräftigen, satteln – entsatteln, belasten – entlasten, bevölkern – entvölkern, bewaffnen – entwaffnen, bewässern – entwässern, sich bewölken – sich entwölken, verschleiern – entschleiern, versiegeln – entsiegeln, verwirren – entwirren; Bewässerung – Entwässerung, Versiegelung – Entsiegelung, Vergiftung – Entgiftung* и т.п.

Антонимические пары глаголов и производных от них существительных образуются также при помощи префиксов *ein-*, *zu-* и противопологающихся им *aus-*, *ab-*, например: *einatmen – ausatmen, einfließen – ausfließen, eingehen – ausgehen, einkleiden – auskleiden; Einatmung – Ausatmung, Eingang – Ausgang u m.n.; zudrehen – abdrehen, zufahren – abfahren, zunehmen – abnehmen; Zunahme – Abnahme, Zufluß – Abfluß*. Из этого не следует, что слова с соответствующими префиксами всегда являются антонимами; ср.: *einsehen – aussehen, abschreiben – zuschreiben* и др.

Ряд антонимов прилагательных и совпадающих с ними наречий образуется при помощи полусуффикса *-los*, которым иногда противопоставляются слова с полусуффиксом *-voll*, например: *ehrlich – ehrlos, ruhig – ruhelos, farbig – farblos, taktvoll – taktlos, kraftvoll – kraftlos* и т.п. В ряде случаев один член антонимической пары имеет полусуффикс *-reich* или *-haltig*, а противопологающийся ему член соответственно *-arm* или *-frei*, например: *wasserreich – wasserarm, stickstoffhaltig – stickstofffrei, zuckerhaltig – zuckerfrei* [Зиндер, Строева, 1957].

Большое число антонимов не имеет никаких специальных морфем. Наиболее четко антонимы ощущаются в прилагательных: *gut – schlecht, groß – klein, hart – weich, roh – reif, dunkel – hell, früh – spät, voll – leer, reich – arm, breit – schmal, schwarz – weiß* и др.

В качестве примеров формально необозначенных антонимов имен существительных могут также служить: *Nutzen – Schaden, Reichtum – Armut, Angriff – Abwehr, Prolet – Kapitalist, Mangel – Überfluß, Frieden – Krieg, Tag – Nacht, Morgen – Abend, Sommer – Winter, Norden – Süden, Westen – Osten, Meer – Festland, Bewegung – Ruhe, Leben – Tod* и др.

Распространены антонимы и в наречиях; кроме наречий, совпадающих по основе с прилагательными, можно привести еще следующие примеры: *oben – unten, vorn – hinten, rechts – links, aufwärts – abwärts, außen – innen, hin – her* и др.

Из формально необозначенных, но очевидных антонимов-глаголов можно привести: *heben – senken, nehmen – geben, vergrößern – verkleinern, kaufen – verkaufen, bejahen – verneinen, schließen – öffnen* и др.

Некоторое количество антонимов имеется и среди предлогов, например: *vor – nach, über – unter, innerhalb – außerhalb, in – aus, mit – ohne* и др. [Зиндер, Строева, 1957, 356–358].

Среди однокорневых антонимов выделяются еще две группы: антонимы-энантиосемы и антонимы-эвфемизмы. У энантиосемов (гр. *enantios* – противоположный *sema* – знак) значение противоположности выражается одним и тем же словом. Такую антонимию называют **внутрисловной**. Семантические возможности этого антонима реализуются при помощи контекста (лексически) или особыми конструкциями (синтаксически). Энантиосемия наблюдается, например, у слов: *tragen (hierher zu tragen, ins Haus) – bringen und (von hier aus, aus dem Haus)*.

Развитие противоположных значений в семантической структуре одного и того же слова давно заинтересовало исследователей. Так, еще в 1883–1884 гг. В.И. Шерцель опубликовал работу «О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии)». В 1954 г. Л.А. Булаховский отмечал, что «значения могут изменяться в языке до прямой своей противоположности» [Булаховский, 1953]. В 1960 г. В.В. Виноградов указал на случаи формирования в языке «своеобразных омоантонимов» [Виноградов, 1953; 1966].

Это явление давно привлекает к себе внимание не только лингвистов, но и философов. В предисловии ко второму изданию «Науки логики» Гегель писал, что многие слова «обладают не только различными, но и противоположными значениями» [Гегель, 1970]. Гегель приводил примеры таких слов. Так, в немецком языке *Sinn* есть «то чудесное слово, которое само употребляется в двух противоположных значениях. Оно обозначает, во-первых, органы непосредственного восприятия. Но мы, кроме того, называем *Sinn* значение, мысль, всеобщие вещи», т.е. в одном слове здесь соединяется и чувственное и рациональное [Гегель, 1954]. Слово *Aufheben* «снятие» имеет двойкий смысл: оно означает сберечь, сохранить и вместе с тем прекратить, положить конец. Само сбережение уже включает в себе тот отрицательный смысл, что нечто изымается из своей непосредственности и, значит, из открытой внешним воздействиям [сферы] наличного бытия для того, чтобы сохранить его [Гегель, 1970].

Таким образом, противопоставление полярных значений слова возможно только в контексте путем выявления их контрарности синтаксическими или лексическими средствами языка, а не на уровне изолированных слов.

Как разновидность антонимии рассматривают это явление Р.А. Будагов и Л.А. Новиков, хотя в работе последнего есть замечание о том, что для современного языка явление энантиосемии непродуктивно и что нередко

внутрисловное расщепление значения приводит к возникновению омонимов [Будагов, 1965; Новиков, 1973].

Н.М. Шанский рассматривает слова, заключающие в себе два противоположных значения, как одну из разновидностей омонимов [Шанский, 1995].

Антонимы-**эвфемизмы** – слова, выражающие семантику противоположности сдержанно, мягко. Сравните, например: *schön – hässlich u schön – unschön, gut – böse u gut – nicht gut*.

Итак, с точки зрения **формально-структурных признаков** можно выделить две основные группы слов-антонимов: 1) **разнокорневые** и 2) **однокорневые**. Среди первых, в свою очередь, по **соотнесенности с предметом** (одним и тем же или разными) выделяют дополнительно группу так называемых **антонимов-конверсивов**. Среди вторых, кроме собственно однокорневых, по дополнительно выражаемым семантическим признакам различают антонимы-**энантиосемы** и антонимы-**эвфемизмы**. Однако общим, самым существенным признаком каждой группы остается противопоставленность их значений, которые относятся к одному и тому же ряду объективной действительности.

Таким образом, понимание структурных и семантических возможностей антонимических оппозиций позволяет наиболее правильно и рационально использовать языковые антонимы в речи, выбирать информативно самые значимые из них. А это является важным характерным признаком творческого использования лексического богатства немецкого языка.

Словообразовательные средства маркирования полярности

Средства создания антонимичности в субстантивном словообразовании

В работах Т.Ф. Чурносовой вводится понятие словообразовательной антонимии. Под **словообразовательной антонимией** понимаются антонимичные отношения между различными единицами словообразовательной системы, между отдельными словообразовательными моделями, между производным и мотивирующим, а также способность образовывать слова с противоположным значением к уже существующим лексическим единицам от основ этих слов при помощи определенных аффиксов или образование антонимических пар от основ одного и того же слова.

Под словообразовательной моделью, М.Д. Степанова, понимает «типичную структуру, обладающую обобщенным лексико-категориальным содержанием и способную наполняться разным лексическим материалом (то есть разными лексическими основами) при наличии определенных закономерностей сочетаемости ее элементов друг с другом» [Степанова, 1979].

Словообразовательная система является многоуровневой иерархически организованной системой моделей. Каждый уровень характеризует определенный набор признаков:

- 1) имплицитность / эксплицитность словообразовательной структуры;
- 2) количество компонентов, взаимодействующих в словообразовательном акте;
- 3) тип семантических отношений между компонентами;
- 4) тип словообразовательного средства;
- 5) частеречная принадлежность производящей основы;
- 6) категориально-семантическая характеристика производящей основы.

Наличие в языке такого явления, как антонимия, привело к развитию специальных словообразовательных средств для образования антонимов. Так, в частности, префикс *un-* (ср. русское не-) служит для образования антонимов среди существительных и прилагательных, например, *Glück* счастье и *Unglück* несчастье, *aufmerksam* внимательный и *unaufmerksam* невнимательный. Эти слова составляют антонимические пары, где второе (производное от первого) слово представляет собой антоним по отношению к первому.

Однако не все слова с префиксом *un-* являются антонимами по отношению к соответствующим словам без префикса, так как префикс *un-* используется и как префикс, образующий слова с другим значением (и с определенной эмоциональной окраской), а не только слова-антиподы, по отношению к словам без префикса. Ср.: 1) *Untiefe* невероятная глубина, бездна, *Unmenge* невероятное (огромное) количество; 2) *Unmensch* изверг, чудовище (т.е. человек, потерявший человеческий облик), *Untier* чудовище (страшный зверь). Кроме того, среди прилагательных с префиксом *un-* встречаются и такие (суффиксально-префиксальные) образования, которые не имеют рядом с собой антонима без префикса. Ср. *unaufhaltsam* неудержимый (слова *aufhaltsam* удержимый не существует). Приведенные данные свидетельствуют о том, что следует говорить о двух аналогичных префиксах: *un-1* и *un-2*.

Антонимы образуются также и среди сложных слов. Ср. например, *wasserreich* многоводный, богатый водой и *wasserarm* бедный водой, *taktvoll* тактичный и *taktlos* бестактный, *talentvoll* талантливый, *talentlos* бесталанный, бездарный и т.п. [Левковская, 1956].

Существуют также словообразовательные элементы переходного статуса между словосложением и аффиксацией. Словообразовательными элементами мы, вслед за М.Д.Степановой, определяем как полуаффиксы. Под полуаффиксами понимаются словообразовательные элементы, обладающие следующими признаками:

- 1) формальная и семантическая соотнесенность с автономным словом;
- 2) наличие определенного семантического сдвига по сравнению с самостоятельным словом;

3) регулярность однотипного семантического сдвига в серии производных.

К полуаффиксам можно отнести все так называемые отделяемые приставки, ряд препозитивных морфем, коррелирующих с полнозначными словами, и некоторые постпозитивные морфемы в адъективном словообразовании, например: *-arm*, *-reich*, *-voll*, *-los*, *-frei*, *-leer* и другие.

Рассмотрим средства создания антонимичности в субстантивном словообразовании немецкого языка.

Для выражения антонимичности существительных в немецком языке используются только префиксы и полупрефиксы. В лингвистической литературе традиционно выделяют четыре именных префикса немецкого происхождения: *Un-*, *Ur-*, *Miß-* и *Erz-*, из них *Un-* и *Miß-* участвуют в образовании антонимов. Для образования антонимов-существительных используется также словообразовательный элемент *Nicht-*. Как отмечается многими лингвистами, префиксация играет незначительную роль в системе словообразования немецкого существительного. В немецком языке существуют также и другие именные префиксы немецкого происхождения: *Ein-* – *Aus-* (*Einfahrt* – *Ausfahrt*), *Ab-* – *Auf-* (*Abbau* – *Aufbau*), *Ab-* – *An-* (*Abflug* – *Anflug*) и др. Большинство ученых относит их к отглагольным образованиям: *Einfahrt* (*einfahren*) – *Ausfahrt* (*ausfahren*). Данные префиксы в настоящее время могут присоединяться непосредственно к отглагольным существительным. Например, более поздние образования с суффиксом *-ung* (*Zuneigung* – *Abneigung*) можно трактовать и как производные, по меньшей мере, с двойной мотивацией (*zuneigen*, *Neigung*). Об этом свидетельствуют многочисленные серии подобных производных, их регулярность, прозрачность их словообразовательной структуры. Кроме того, в словарях немецкого языка можно обнаружить множество отсубстантивных образований с подобными «глагольными» префиксами: *Abgas*, *Abseite*, *Andauer*, *Anprobe*, *Anspiel*, *Anzahl*, *Aufgeld*, *Auslinie*, *Vorteil* – *Nachteil* и многие другие. Такие производные иногда трактуются как композиты с предлогами и наречиями наряду с образованиями типа *Vordergrund* – *Hintergrund*, однако это не отменяет того факта, что многочисленные подобные производные представляют собой образцы для образований по аналогии от различных субстантивных основ и дает все основания включить указанные элементы в систему субстантивного словообразования и рассматривать их как субстантивные префиксы, а часть из них – как полупрефиксы в силу их большей лексической самостоятельности [Чурносова, 2004].

Таким образом, можно утверждать, что исконно немецких именных префиксов, участвующих в образовании антонимов, значительно больше, чем традиционно отмечается в работах по немецкому словообразованию.

Зарегистрированные в сфере антонимичного словообразования именные префиксы делятся на две группы: одни из них образуют **антонимы к**

мотивирующему слову (*Un-, Miß-, элемент Nicht-*): *Sicherheit – Unsicherheit, Verstand – Mißverstand, Befolgung – Nichtbefolgung*; другие образуют пары с противоположными значениями (*Ein- -Aus-, Unter- – Ober-, Vor- -Nach-, Ab- – Zu-, Ab- -Auf, Unter- – Über-, Ab- – An-, Ab- – Ein-* и другие), которые, присоединяясь к одним и тем же существительным, образуют лексические антонимические пары: *Einzug – Auszug, Unterlauf – Oberlauf, Vorwort – Nachwort, Abfuhr – Zufuhr, Abfahrt – Auffahrt, Unterführung – Überführung, Abflug – Anflug, Abmarsch – Einmarsch*.

Модели существительных с продуктивным частотным префиксом *Un-* представлены наиболее широко. Значительная часть субстантивных производных образована от существительных, обозначающих положительные качества, свойства, состояния: *Ehrlichkeit* «честность, порядочность» – *Unehrlichkeit* «нечестность, бесчестность»; *Beliebtheit* «популярность» – *Unbeliebtheit* «непопулярность»; *Barmherzigkeit* «милосердие, сострадание» – *Unbarmherzigkeit* «немилосердие».

Многморфемные производные существительные с *Un-* часто имеют множественную мотивацию. Так, существительное *Unabhängigkeit* может быть образовано в результате присоединения префикса *Un-* к существительному *Abhängigkeit*, по префиксально-суффиксальной модели непосредственно от основы прилагательного (*Un + abhängig + keit*), а также по суффиксальной модели (*Unabhängig + keit*). В любом случае данное производное должно рассматриваться как антоним к существительному *Abhängigkeit*.

В субстантивном словообразовании префикс *Un-* может служить не только для создания антонимов, но и в соединении с существительными придает им другие значения, например, служит средством усиления основного значения слова, обозначающего большей частью множественность, собирательность, количество, меру [Фомина, 1990]. В некоторых случаях в семантической структуре производного объединены оба значения: значение отрицания и значение усиления. Так, например, существительные *Untiefe*: 1) (мелководье) *flache, seichte Stelle in einem Gewässer*. 2) «бездна» *große Tiefe*. Таким образом, префикс *Un-* приводит к **лексической энантиосемии**.

Большинство производных с префиксом *Un-* мотивированы субстантивированными безпрефиксными прилагательными и причастиями или корневыми существительными, обозначающими различные свойства, качества предметов, черты характера человека и т.п., то есть преимущественно существительными с основной адъективной категориальной семьей. С основами существительных другой семантики префикс *Un-* либо не сочетается вообще, либо создает производные с другими значениями, например, отрицательной оценки, отклонения от нормального к ложному, плохому: *Fall* «случай, происшествие» – *Unfall* «несчастный случай, авария»; *Tat* «действие, поступок, дело» – *Untat* «(чудовищное) преступ-

ление, злодеяние»; *Wetter* «погода» – *Unwetter* «непогода». Тем не менее, и в таких производных можно отметить либо оттенок противопоставления, либо ярко выраженную противоположность значению мотивирующих существительных: *Stern* «звезда, светило, (счастливая) судьба» – *Unstern* «несчастливая звезда, злой рок, злая участь»; *Bestand* «постоянство» – *Unbestand* «непостоянство»; *Moral* «мораль, нравственность» – *Unmoral* «аморальность, безнравственность»; *Geschmack* «вкус» – *Ungeschmack* «дурной вкус, безвкусица»; *Frieden* «мир, спокойствие, согласие, покой» – *Unfrieden* «раздор(ы), несогласие, разлад».

Тот факт, что большинство подобных производных обладают определенной противоположностью значений по сравнению с исходными мотивирующими словами, объясняется тем, что в исходных существительных изначально присутствует сема положительной оценки: *Geschmack* наряду с нейтральным значением «вкус» имеет значение «хороший вкус», безусловно положительной оценкой обладают значения существительных *Frieden*, *Moral*, *Bestand* и некоторые другие. Таким образом, противопоставление в подобных парах существительных проводится не по линии **наличия / отсутствия** какого-либо качества, а по линии оценки денотата **хороший – плохой**.

Префикс *Un-*, как правило, не сочетается с основами существительных, имеющих негативную оценку. Образования такого рода крайне редки: *Unschuld*, *Unmißverständlichkeit*. Однако среди редких образований такого рода также встречаются антонимичные пары: *Schuld* – *Unschuld*.

Сочетаемость префикса *Un-* с субстантивными основами ограничена в ряде случаев причинами семантического характера. Так, данный префикс не взаимодействует с основами конкретных и вещественных существительных, например, от слова *Tisch* нельзя образовать антоним *Untisch*, от слова *Fenster* – существительное *Unfenster*, от слова *Zucker* – *Unzucker* и т.д. Не участвуют в образовании производных с *Un-* имена собственные, например, наименования стран, континентов, рек, озер, гор и другие географические названия. Такие существительные не выражают степень качества или признака, не характеризуют какое-либо направление в пространстве, указывают лишь изредка, местоположение, но локальная характеристика такого рода редко связана с противопоставлением.

Второй по частотности является модель существительных с префиксом *Miß-*. Префикс *Miß-* семантически близок к префиксу *Un-*. Так, он может придавать и другие оттенки значения мотивирующему существительному (значение ложности, неправильности, отрицательной оценки) за исключением усилительного значения: *Mut* «расположение духа, настроение, самочувствие» – *Mißmut* «досада, недовольство, угрюмость, дурное настроение». Префикс *Miß-* является весьма продуктивным в современном немецком языке: *Gänner* «покровитель, меценат» – *Mißgänner* «недоброжелатель, завистник»; *Kredit* «кредит, доверие» – *Mißkredit* «недоверие».

Некоторые существительные с *Miß-* имеют множественную мотивацию, они могут рассматриваться как отглагольные дериваты с суффиксом *-ung* (*mißachten* > *Mißachtung*) и с гораздо меньшей вероятностью как отсубстантивные префиксальные образования (*Achtung* > *Mißachtung*), другие существительные с *Miß-* – мотивированы прилагательным (*mißliebig* > *Mißliebigkeit*). Такие производные не относятся к сфере субстантивной словообразовательной антонимии. Только, безусловно, префиксальные производные, мотивированные существительными (*Form* > *Mißform*), могут быть признаны антонимами, возникшими в словообразовании существительных. Семантическая сочетаемость префикса *Miß-* в значении отрицания близка к семантической избирательности префикса *Un-*; здесь также предпочтение отдается абстрактным именам существительным.

Несколько меньше число производных существительных с полупрефиксом *Nicht-*. Полупрефикс *Nicht-* придает **значение отрицания или противоположности мотивирующим существительным преимущественно с абстрактной семантикой и положительной оценкой**: *Achtung* «внимание» – *Nichtachtung* «невнимание»; *Anerkennung* «признание» – *Nichtanerkennung* «непризнание»; *Beachtung* «принятие во внимание, соблюдение» – *Nichtbeachtung* «непринятие во внимание, пренебрежение, несоблюдение».

Формально следует рассматривать подобные производные только как образования от прилагательных с суффиксом *-los* (*geschmacklos* > *Geschmacklosigkeit*) при помощи суффикса *-igkeit*, поскольку конечные существительные отстоят от прилагательных на один деривационный шаг, а от исходных существительных – на два шага. Тем не менее, семантическая соотнесенность таких производных на *-igkeit* с исходным существительным, мотивировавшим прилагательное с суффиксом *-los*, остается такой же очевидной, как и с прилагательным, и возникает двойная мотивированность: подобное конечное существительное можно равным образом считать производным как от прилагательного, так и от исходного существительного. В последнем случае речь идет о зарождении новой антонимической модели с суффиксом *-losigkeit* в сфере субстантивного словообразования. Подтверждением тому являются пары существительных, в которых отсутствует промежуточное звено – прилагательное с суффиксом *-los*: *Kultur* – *Kulturlosigkeit*, *Substanz* – *Substanzlosigkeit* и некоторые другие.

Существительные на *-losigkeit* обладают исключительно прозрачной словообразовательной структурой, однозначной семантической соотнесенностью с исходными существительными, многочисленны и поэтому могут служить образцом для образований по аналогии. Иначе говоря, они представляют собой словообразовательную модель, которой можно воспользоваться даже в том случае, когда налицо промежуточное прилагательное (*Respekt* «уважение, почтение» – *Respektlosigkeit* «непочтитель-

ность, неуважение», *Vorurteil* «предрассудок» – *Vorurteilslosigkeit* «отсутствие предрассудков», *Teilnahme* «участие, сочувствие, сострадание» – *Teilnahmslosigkeit* «безучастность, равнодушие, индифферентность»; *Verantwortung* «ответственность» – *Verantwortungslosigkeit* «безответственность» и т.д.).

Таким образом, здесь наблюдается процесс становления новой модели, единственной суффиксальной модели с антонимичным значением в субстантивном словообразовании.

В XX в. регистрируется расширение именной префиксации в немецком языке за счет иноязычных препозитивных элементов, и это явление отмечается как универсальная тенденция развития немецкого языка [Чурносова, 1999].

Заемствованные словообразовательные элементы, используемые для образования антонимов – существительных представляют собой связанные морфемы греко-латинского происхождения, включающие безусловные префиксы и ряд полупрефиксов, большинство из которых относятся к интернациональным словообразовательным морфемам.

Под **заемствованными словообразовательными средствами понимаются средства, заимствованные из других языков.** При этом не имеется в виду социальные, профессиональные подязыки, территориальные и национальные варианты немецкого языка и его функциональные стили.

Среди заимствованных словообразовательных средств значительную часть составляют **интернациональные** словообразовательные элементы, которые встречаются и в других преимущественно европейских языках.

Интернационализмы как лексические, так и словообразовательные являются составной частью того национального языка, в котором они функционируют, поскольку они ассимилируются в нем.

Заемствованные префиксы и полупрефиксы распадаются на две группы:

1. Одни из них, как и немецкие, способны создавать **антонимы к мотивирующим основам**, например: *Dynamie* «динамия» – *Adynamie* «адинамия», *Feminist* «феминист» – *Antifeminist* «антифеминист», *Diskretion* «такт» – *Indiskretion* «бестактность», а также *Literat* – *Illiterat*, *Moralität* – *Immoralität*, *Realität* – *Irrealität*, *Organisation* – *Desorganisation*, *Harmonie* – *Disharmonie*, *Responder* – *Nonresponder*. К числу таких заимствованных префиксов в немецком языке относятся *A-* (*An-*, *Ab-*), *Anti-* (*Ant-*), *In-* (*II-*, *Im-*, *Ir*), *Dis-* (*Dys-*), *De-* (*Des-*), *Non-*.

2. Вторую группу составляют префиксы и полупрефиксы, образующие **антонимические пары между собой.** Они представляют собой связанные препозитивные морфемы, развившиеся из знаменательных слов (большой частью из прилагательных или числительных), и обладающие относительно высокой степенью семантической обобщенности. К числу иноязыч-

ных препозитивных элементов, образующих антонимические пары между собой, относятся, как правило, префиксы **количественной характеристики производящей основы**: *Mikro-* – *Makro-* (*Mikrokosmos* – *Makrokosmos*), *Super-* – *Sub-* (*Suprasystem-* *Subsystem*), *Hyper-* – *Hypo-* (*Hyperfunktion* – *Hypofunktion*), *Mini-* – *Maxi-* (*Minirock* – *Maxirock*), *Mono-* – *Poly-* (*Monokultur* – *Polykultur*), а также оппозиция *Prä-* – *Post-* (*Präform* – *Postform*) с локально-временным значением [Чурносова, 2004].

Наиболее продуктивными среди иноязычных префиксов в сфере существительных является **Anti- (Ant-)**, образующий производные со значением прямой противоположности. Большинство иноязычных префиксов и полупрефиксов используются в терминологии и книжной письменной речи. В подавляющем большинстве они взаимодействуют с заимствованными же производными основами.

Средства создания антонимичности в адъективном словообразовании

В именной сфере антонимия представлена наиболее широко в словообразовании прилагательных и стала для этой части речи существенным признаком, что отмечают многие исследователи (Завьялова, Schippan, Введенская, Куманичкина, Jung, Engel, Fleischer, Barz, Огрохина).

В отличие от субстантивного словообразования в адъективном можно отметить продуктивность не только префиксации, но и полусуффиксации. Состав препозитивных элементов, используемых для образования прилагательных-антонимов фактически совпадает с корпусом субстантивных препозитивных морфем:

- исконно немецкие префиксы *un-*, *miß-*;
- полупрефикс *nicht-*;
- пары антонимичных префиксов: *ent* – *be-*, *ent* – *ver-*, *vorder* – *hinter-* и другие;
- заимствованные препозитивные элементы: *a-* (*an-*, *ab-*), *in-* (*il-*, *im-*, *ir-*), *anti-* (*ant-*), *de-* (*des-*), *dis-* (*dys-*), *non-*;
- заимствованные префиксы и полупрефиксы, образующие антонимические пары между собой: *prä-* – *post-* и некоторые другие.

Точно так же, как среди существительных, адъективные препозитивные элементы распадаются на две группы по происхождению и на две группы по семантике, т.е. среди указанных словообразовательных элементов одни образуют антонимы к мотивирующему слову, другие образуют антонимические пары между собой.

Наибольшую долю среди прилагательных составляют антонимы с префиксом *un-*. Между тем *un-* образует антонимы не от всех адъективных основ. Существуют ограничения двух типов: семантического и структурного.

Ряд производных, являющихся антонимами к производным же прилагательным может иметь множественную мотивацию, например, *ungeduldig* соотносится с прилагательным *geduldig* (*un-* + *geduldig*), с одной стороны, и с существительным *Ungeduld* (*Ungeduld* + *ig*), с другой, а также может быть образовано непосредственно от основы существительного *Geduld* путем одновременного присоединения префикса и суффикса (*un* + *geduld* + *ig*). Все данные модели должны рассматриваться как модели, функционирующие в сфере словообразовательной антонимии, хотя эти же модели могут иметь и другие функции, например, выражать значение отрицания, отсутствия чего-либо при том, что в языке не существует антонимов к понятиям, создаваемым такими словами.

В немецком адъективном словообразовании при создании антонимов участвуют и производные с иноязычными префиксами так же как и при создании антонимов-существительных: *in-*, *anti-*, *a-*, *dys-*, *non-* и их варианты.

Заимствованный префикс *in-* (*il-*, *im-*, *ir-*) наиболее продуктивен в сфере прилагательных.

Для образования антонимов-прилагательных, в отличие от существительных, наряду с префиксами используется целый ряд постпозитивных морфем, подавляющее большинство которых по всем признакам можно отнести к словообразовательным элементам переходного статуса, то есть к полусуффиксам. Отличительной особенностью адъективных суффиксов и полусуффиксов является то, что они образуют антонимические пары между собой, но по отдельности неспособны создавать антонимы к мотивирующим словам, как большинство префиксов.

Полусуффиксы *-los*, *-frei*, *-arm*, *-leer* образуют антонимические пары преимущественно с полусуффиксами *-voll*, *-reich*, а также несколько реже с суффиксами *-ig*, *-haft*, *-isch*, *-lieh*, *-bar* и некоторыми другими.

Словообразовательный элемент *-los* может выступать как антонимичный суффикс к постпозитивным морфемам *-voll*, *-reich*, *-ig*, *-lieh*, *-haft*, *-mäßig* и другие. Производные с полусуффиксом *-voll* являются наиболее многочисленной группой антонимов к производным с полусуффиксом *-los*: *anspruchsvoll* «требовательный, взыскательный» – *anspruchlos* «невзыскательный, нетребовательный»; *ausdrucksvoll* «выразительный, красноречивый» – *ausdruckslos* «невывразительный, без выражения», *aussichtsvoll* «перспективный, многообещающий» – *aussichtslos* «бесперспективный, безнадежный».

Полусуффикс *-voll* образует производные, преимущественно от основ абстрактных существительных. Производные с полусуффиксом *-voll* всегда ограничены одним значением наличия признака в отличие, например, от производных с суффиксами *-ig*, *-haft*, *-isch*, *-lieh*, *-bar*, *-sam*, *-haltig* и ряда других, которые могут быть многозначны и группироваться в различные блоки по семантике [Чурносова, 2004]. Т. Пауль утверждал, что производ-

ные с полусуффиксом *-voll* в большей мере соответствуют антонимичным производным с полусуффиксом *-los*, чем с полусуффиксом *-leer*.

Близким по значению к полусуффиксу *-los* является полусуффикс *-frei*. На высокую продуктивность полусуффиксов *-los* и *-frei* указывают многие лингвисты.

Антонимами к дериватам с полусуффиксом *-frei* являются производные прилагательные с суффиксами: *-ig*, *-haft*, *-bar*, *-lieh*, *-haltig*, *-isch*, *-eil*, полусуффиксами *-voll*, *-reich*, *-weise*, а также комбинированным постпозитивным элементом *-pflichtig*.

К производным с полусуффиксом *-frei* антонимы чаще всего создаются при помощи суффикса *-ig*.

Полусуффикс *-leer* придает значение отсутствия чего-либо и сочетается с основами существительных, которые имеют значение вещественности, собирательности, абстрактности и т.д., иногда с соединительным элементом. Полусуффикс *-leer* придает основам прилагательных значения отсутствия, которые рассматриваются как недостаток в противоположность к производным с полусуффиксом *-frei*, где значение отсутствия расценивается как положительный факт, ср.: *ausdrucksleer* «лишенный выражения», *gehaltleer* «бессодержательный, пустой», *freudenleer* «безрадостный», *vorwurfsfrei* «безупречный, безукоризненный», *gefahrfrei* «безопасный», *lasterfrei* «беспорочный». Эти оттенки значения свидетельствуют о том, что *-leer*, как *-frei* еще не полностью утратили связь с соответствующими самостоятельными лексемами *frei* и *leer*. Однако полусуффикс *-leer* представлен незначительным количеством производных, что объясняется высокой продуктивностью конкурентного полусуффикса *-los*.

Антонимами к производным прилагательным с полусуффиксом *-leer* чаще всего являются производные с полусуффиксами *-reich*, *-voll*, суффиксом *-ig*, реже с *-haltig*, *-fähig*.

Полусуффикс *-arm* при образовании производных сочетается с основами абстрактных и конкретных (часто вещественных) существительных (иногда с соединительным элементом) придавая им значение наличия чего-либо в небольшом, недостаточном количестве и антонимичен в этом значении полусуффиксу *-reich* и иногда *-voll*, *-ig*, *-haltig* [Чурносова. 2006, с. 19–20].

Таким образом, в создании адъективной антонимии участвует две группы словообразовательных элементов с противоположными значениями. С одной стороны – полусуффиксы *-los*, *-frei*, *-arm*, *-leer*, с другой стороны – полусуффиксы *-voll*, *-reich* и суффиксы *-ig*, *-lieh*, *-haft*, *-isch*, *-bar*, *-sam*, *-haltig* и некоторые другие. Между элементами той и другой группы существуют некоторые семантические различия, которые выражаются в предпочтении тех или иных элементов противоположной группы при образовании антонимических пар.

Лексические и грамматические средства выражения полярности в современном немецком языке

Лексические средства выражения полярности

В данном параграфе речь будет идти об лексических средствах выражения полярности. Объектом анализа послужили наиболее распространенные и употребительные антонимы немецкого языка.

Как уже упоминалось, в антонимические отношения вступают слова, которые обозначают связанные ассоциацией по контрасту противоположные понятия. Хотя антонимия и не так распространена в языке, как синонимия, тем не менее, писатели охотно пользуются системой противопоставления в художественных произведениях:

Dieses Wir besteht aus Klugheit und Dummheit, Wachheit und Schläfrigkeit, Fleiß und Faulheit, Gesundheit und Krankheit, Reichtum und Armut, Schärfe und Stumpfe, Jugend und Alter, Kraft und Schwäche, Erfolg und Niederlage, Überfluß und Mangel ... (Kant H. Das Impressum)

Антонимические связи присущи как **семантически моновариантным** словам, так и **семантически поливариантным** лексическим единицам.

Семантически моновариантные *Lob – Tadel, loben – tadeln* выступают в данном случае как антонимы: *Lob* – похвала, *Tadel* – порицание, *loben* – хвалить, *tadeln* – порицать. Их антонимические связи не распространяются на другие лексические единицы. Здесь устанавливаются антонимические контакты пары слов.

Несколько иные антонимические отношения наблюдаются между моновариантным существительным *Stille* и словом *Lärm*:

*Lokomotivenpfliffe zerstachen die **Stille** (Strittmatter E. Der Wundertäter).*

*Draußen war **Lärm**, als sei der helle Tag schon da. (Strittmatter E. Der Wundertäter).*

Основной вариант *Lärm* обозначает совокупность всяких звуковых воздействий (шорохов, криков и т.д.), а *Stille* – их отсутствие, покой, безмолвие. Однако есть еще ряд существительных, которые обозначают шум, шорохи, выражая при этом меньшую интенсивность звукового воздействия (например, *Unruhe*) или большую интенсивность звука (например, *Krach*). Антонимические связи существительного *Stille* с этими словами известным образом отличаются от антонимических отношений со словом *Lärm*, так как указанные лексические единицы обозначают не совокупность звуков, а специфические звуки и выражают другую интенсивность звукового воздействия. В этом проявляется различие отношений *Stille* в плане антонимии с данными лексическими единицами и словом *Lärm* (по его основному варианту).

Подобно синонимическим отношениям, антонимические связи лексических единиц могут быть разносторонними. В частности, моновариантное существительное *Ernst* выступает в качестве антонима не только к моно-

вариантным словам *Spaß*, *Scherz*, но и к поливариантной лексеме *Witz* (только по основному ее варианту).

Например:

*Fran lachte, aber dann dachte sie: Und ich, würde ich es mitmachen, wenn er käme, wirklich, im Ernst, und sagte: Du, ich soll Minister werden? Hier war der **Spaß** zu Ende. (Kant H. Das Impressum).*

Существительное *Ernst* выражает вдумчивый, глубоко осознанный подход к явлениям жизни, а слово *Scherz* (как и *Spaß*) обозначает поверхностное, несерьезное отношение к явлениям окружающей действительности.

Ср.: *«Lieber Sonntag», sagte liebenswürdig lächelnd der Reindl, «machen Sie, was Sie wollen. Aber wenn Sie es falsch machen, fliegen Sie». Der Redakteur entschloß sich, es für einen **Scherz** zu nehmen... (Feuchtwanger L. Erfolg)*

Основной вариант лексемы *Witz* – «шутка, забава, острота», взаимодействующий в плане синонимии с существительными *Spaß*, *Scherz*, антонимичен слову *Ernst*:

*Hatte etwa unterernährten Proletariern eine Diät verordnet, die Austern vorsah, Kaviar, geschabtes zartes Fleisch, Frühgemüse, hatte ihnen Margarine und jedes andere Ersatzmittel streng verboten. Das erstmal hatte man es für einen guten **Witz** gehalten, gelacht. (Feuchtwanger L. Erfolg)*

Но по производному от основного варианта («остроумие») *Witz* не имеет антонимических связей с существительным *Ernst*:

*Vor einer Schultafel entfaltete Angelhoff eine Fülle von **Witz**, Charme und menschlicher Wärme. (Kant H. Die Aula).*

Здесь налицо определенный синонимический контакт лексемы *Witz* по данному производному варианту со словом *Geist* по его основному варианту «ум, разум, остроумие»: *eine Unterhaltung voller Geist*.

С другой стороны, у существительного *Ernst* наблюдаются известные антонимические контакты с лексемой *Spiel* по ее основному лексико-семантическому варианту «игра, развлечение, несерьезное занятие».

Например: *Und dann, wir wollen hier zwar keine Philologie machen, aber Sie selbst treiben ja gerade ein gewisses ironisches **Spiel** mit eben diesen Begriffen... (Neue deutsche Literatur, 7/1975)*

В антонимические связи могут вступать и поливариантные слова по своим основным вариантам. Таковы *Geist* и *Materie*.

С другой стороны, основной вариант существительного *Natur* тоже обозначает реальную действительность, материю во всем многообразии ее органических и неорганических явлений:

*Dort aber in der obersten Abteilung sitzen keine Zeichner und Maler mit einem Faible für Übernatur, **Natur** allein genügt ihnen... (Kant H. Das Impressum)*

В то время как основной вариант существительного *Geist* обозначает способность человека мыслить, его разум:

Er wollte Erleuchtung, ein Leben im Geiste. (Feuchtwanger L. Erfolg).

Вместе с тем лексема *Natur* характеризуется антонимическими отношениями со словом *Kultur*. Основной вариант существительного *Natur* обозначает все то, что создано природой (не руками человека).

Nichts stand dem bedrückten Bürger der Restaurationsepoche so fest wie die Überzeugung, daß der gequälte und unmutvolle Mensch in der Einsamkeit der menschenleeren Natur seinen Frieden und seine Ruhe fände. (Böttger Fr. Erläuterungen).

А основной вариант лексемы *Kultur* – все то, что создано человеком в результате его взаимодействия с окружающей действительностью:

Die schöne Literatur bildet zusammen mit den anderen Künsten, wie Musik, Malerei, Bildhauerei, Architektur, einen wesentlichen Teil der menschlichen Kultur, d.h. der Gesamtheit der materiellen, geistigen und künstlerischen Werte, die die Menschheit im Verlauf ihrer gesellschaftlichen Entwicklung geschaffen hat. (Kleine Literaturfibel);

...die Errungenschaften der Menschheit auf diesen Gebieten sind ... das Ergebnis der internationalen Zusammenarbeit und der Ausfluß des internationalen Charakters und der internationalen Verflechtung aller Kultur und Zivilisation. (W. Schmidt Deutsche Sprachkunde)

По производным вариантам у них антонимических связей не наблюдается. У слова *Kultur* есть еще три производных варианта:

1) «возделывание, обработка почвы», «разведение растений» (*die Kultur des Bodens, die Kultur von Rosen*);

2) «разводимые, выращиваемые растения»;

3) «эксплантация, экспериментальный метод выращивания ткани вне организма», «разведение бактерий» (*eine Kultur von Bakterien*).

Как можно убедиться на примерах, антонимические отношения охватывают не всю сферу сочетаемости антонимичных вариантов разных лексем. Основной вариант слова *Kultur* не антонимичен *Natur* при выражении уровня и вида культуры отдельных народностей, определенных эпох истории человечества: *die antike Kultur, die orientalische Kultur. ... der Verfall des Rittertums und der ritterlichen Kultur hatte zwangsläufig auch den Untergang der sog. mittelhochdeutschen Dichtersprache zur Folge. (Deutsche Sprachkunde von W. Schmidt, 1967); ... so übernahm im hohen Mittelalter das deutsche höfische Rittertum den Wortschatz der französischen Kultur ... (Deutsche Sprachkunde von W. Schmidt, 1967, 76); Schulter an Schulter mit der Arbeiterklasse wirken wir für das weitere Erblühen der sozialistischen Kultur... (Neues Deutschland, 15. IX. 1974), культивированной формы в какой-либо области степени совершенства в овладении чем-либо, например: *Die hohe Kultur, zu der hier die grafischen Ausdrucksmittel entwickelt wurden... (Neues Deutschland, 9/1974)* образованности, благовоспитанности: *Er hat Kultur. Er**

ist ein Mensch von Kultur. (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, III). Здесь можно говорить об относительных синонимических отношениях с вариантом лексемы *Welt* (*Er ist ein Mann von Welt*).

Антонимические связи возникают и между производными вариантами слов *Natur* – «естественность, природой созданное» и *Kunst* – «неестественность, искусственно созданное» (*Das ist unverfälschte Natur. Das ist nicht echt, das ist nur Kunst*), а так же словом *Unnatur* – «неестественность, наигранность, аффектация»: *War meine Härte gegen uns beide – Unnatur?* (*Wolf Chr. Der geteilte Himmel*).

Как можно убедиться на приведенных примерах, существительное *Natur* вступает в антонимические отношения по своим лексико-семантическим вариантам с разными лексемами. Однако есть случаи, когда определенные слова устанавливают антонимические контакты друг с другом по целому ряду лексико-семантических вариантов. Это особенно характерно для качественных прилагательных. Достаточно сопоставить, в частности *weich* и *hart* в их основных вариантах: *weich* – «мягкий, поддающийся давлению, деформации» и *hart* – «твердый, жесткий, упругий, не поддающийся давлению, деформации». Они употребляются при описании:

а) предметов домашнего обихода:

...die helle Vorsommernacht mit dem unruhigen Spiel von Mondlicht und Schatten auf der Wasserfläche des Sees, den man vom Zimmer, von dem weichen Bett aus gesehen hatte. (Weiskopf F. C Lissy);

...wir hockten auf harten Feldbetten im Zelt. (Reimann Br. Das grüne Licht der Steppen);

б) почвенного или снежного покрова:

Hat mal einer gehört, wie ein Kuhfladen auf die Erde fällt, auf weiche Erde? (Kant H. Die Aula);

...und ganz unten ist eine sehr harte Erde. (Kant H. Das Impressum);

в) пищевых продуктов:

Das Brot ist weich. Das Brot ist hart.

Оба прилагательных встречаются (по основным вариантам) в сочетании с существительными, обозначающими:

а) неорганические вещества:

Der Boden war felsig, und die Wände gefügt aus weichem Gestein. (Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt);

Hier ... durch die harten Mahlsteine einer Mühle gedreht. (Strittmatter E. Der Wundertäter);

б) металлы: *weiches Eisen, hartes Eisen;*

в) дерево, деревянные предметы:

Der Schrank, aus weichem Holz, ... war sicher ein Werk von Max ... (Weiskopf F.C., Lissy);

Zu manchem Bau kann nur hartes Holz verwendet werden. (Weiskopf F.C., Lissy);

г) кожный, травянистый покров:

Er gab Oskar eine weiche und trotzdem kräftige Hand. (Feuchtwanger L. Die Brüder Lautensack);

Die Frau war blaß und hatte harte, dürre Hände. (Strittmatter E. Der Wundertäter);

Ich springe in die Dunkelheit hinein und falle ins Weiche, dichte Gras. (Gärlich G. Der schwarze Peter);

Der Bus schaukelte uns über die wilden Taigawege, durch hohe Birkenwälder und Wiesen, die mit hartem Gras und rotvioletten Blumen bedeckt sind ... (Reimann Br. Das grüne Licht der Steppen).

Эти прилагательные антонимичны и по производным лексико-семантическим вариантам, например, по варианту «мягкий, неяркий, нерезкий» (*weicher Glanz, weiches Licht, weiche Farben*) и «резкий» (*harter Glanz, hartes Licht, harte Farben*), а также «мягкий, благозвучный, нерезкий» и «резкий, грубоватый» (*weiche Stimme – harte Stimme*) [Ивлева, 1978].

Антонимические отношения проявляются здесь не только при описании человеческого голоса, его мягкого или резкого тембра, но также и при описании мягкого или твердого произношения:

Sie redete ein hartes, akzentfreies Deutsch ... (Österreichische Erzähler).

Не всю сферу сочетаемости охватывают антонимические отношения по вариантам «мягкий, теплый, умеренный» и «суровый, резкий, холодный»:

Jetzt war es Winter, ein weicher, nasser Tag ohne Frost und Schnee ... (Böttger Fr. Erläuterungen);

Unvorstellbar harter Winter ... Erfrierungen dritten Grades ... Schnee bis unter die Arme ... (Strittmatter E. Der Wundertäter)

В то время как прилагательное *weich* используется в художественной литературе (в сочетаниях *ein weicher Wind, eine weiche Luft, ein weicher Abend, weiches Klima, weiche Wärme, weiche Kälte*), *hart* в сочетании с существительными, обозначающими определенное время суток (*Tag, Abend*), климатические условия или тепловое излучение, обычно не встречается.

То же характерно и для вариантов «кроткий, добрый, мягкий, безвольный» и «суровый, жестокий, черствый, строгий».

Антонимические отношения по указанным вариантам распространяются также не на всю сферу сочетаемости. Они обнаруживаются в ситуациях, когда речь идет о человеке податливом, безвольном, кротком, лишенном грубости и резкости, и, наоборот, о жестоком человеке, крутого нрава, не способном пойти на уступки, грубом, резком:

Ein harter Mann, der nicht auch weich sein kann, ist ebenfalls nicht tauglich für das Spiel da oben. (Frank L. Gesammelte Werke in sechs Bänden).

Ср. сочетания *ein weiches Herz – ein hartes Herz, ein weicher Sinn – ein harter Sinn* («кроткий нрав – крутой нрав»), сочетание *weiches Leben* обозначает легкую жизнь, а *hartes Leben* – суровую, трудную, тяжелую жизнь.

Прилагательное *hart* употребляется в данном варианте с целым рядом существительных, в сочетании с которыми не встречается *weich*. Например, *Harte Zeiten, wie (Wolf Chr. Der geteilte Himmel)* – суровые, трудные времена;

Er jedenfalls habe eine harte Schule in der Partei hinter sich. (Wolf Chr. Der geteilte Himmel) – суровая школа;

Und Lernen ist nicht nur ein Vorrecht, sondern auch harte Arbeit. (Reimann Br. Das grüne Licht der Steppen) – трудная, напряженная работа;

Leo erinnert mich an meinen Freund. A., der so sicher war,... und der bei der ersten harten Probe so böß hinfiel. (Reimann Br. Das grüne Licht der Steppen) – суровое, жестокое испытание;

Die härstete Bestrafung, die das Gesetz zuläßt. (Otto H. Zeit der Störche) – тяжкое, суровое наказание и т.д.

Но при выражении характера высказывания между ними устанавливаются антонимические отношения (*weiche Worte* – нерезкие, негрубые, ласковые слова, *harte Worte* – резкие, грубые, суровые слова).

Эти прилагательные взаимодействуют в плане антонимии и по вариантам «кроткий, нежный», «суровый, ожесточившийся», когда речь идет о выражении лица, улыбке, взгляде:

Auf dem Sofa sitzt der Junge... mit weichem, hübschem, humoristischem Gesicht... (Mann Th. Der Zauberberg);

«Alles hab ich verstanden», sagte einer der grau ah Haar und Haut war mit hartem Gesicht ... (Seghers A. Das Duell).

Оба прилагательных встречаются в сочетании с абстрактными существительными: *ein weicher Widerstand* – «слабое, мягкое сопротивление», *ein harter Widerstand* – «упорное, ожесточенное сопротивление»; *weiche Vorwürfe* – «нежные упреки», *harte Vorwürfe* – «грубые, резкие упреки». Но *weich*, в отличие от *hart*, употребляется по варианту «мягкий, слабо выраженный» также в сочетаниях *weiches Mitleid, weiche Schwermut*.

Антонимические отношения выявляются и при сравнении вариантов «нерезкий, несильный» и «резкий, тяжелый, болезненный», когда речь идет о движениях, их интенсивности.

Eva stand unter der Tür ... und streckte dem jungen Besucher die Hand hin, mit einer weichen Bewegung, ohne jede Hast. (Kellermann B. Das blaue Band);

Christian stand blitzschnell auf und versetzte dem anderen einen harten Schlag. (Otto H. Zeit der Störche)

В этих предложениях *weich* характеризует нерезкое, плавное движение, а *hart* – сильный, резкий удар, причиняющий боль. Но *weich* в этом варианте отличается широкой сферой сочетаемости и встречается, например, при описании походки человека (*weicher Schritt, weicher Gang*).

Вариант прилагательного *weich* – «мягкий, покаты́й, пологий» – употребляется при описании ландшафта, формы предметов:

... unten erglänzte der Fluß, und in seine wechen Bogen schmiegt sich traumhaft still die Dörfchen. (Frank L. Gesammelte Werke in sechs Bänden).

Ср. *Weiche Bogen des Flusses* – плавные излучины реки и *die harten Konturen der Berge* – резкие очертания гор и, в отличие от *hart*, используется при описании форм прически, одежды, головных уборов, фигуры, овала лица. Кроме того, антонимические отношения этих слов наблюдаются в речи (*weiche Preise* – неустойчивые, нетвердые цены, *harte Währung* – твердая, стабильная валюта).

Следует заметить, что антонимические отношения слов *weich*, *hart* не ограничиваются только их взаимодействием друг с другом. По некоторым вариантам они антонимичны целому ряду других слов. Причем, антонимические отношения переплетаются с синонимическими. Например, прилагательное *hart* (*ein harter Winter*) выступает по варианту, обозначающему метеорологические условия, в качестве антонима к прилагательному *mild* (*welch ein milder Winter*), и в качестве синонима к прилагательному *streng* (*Im strengen Winter Anfang dreiundsechzig... Otto H. Zeit der Störche*), а также по вариантам «нестрогий, снисходительный» (*eine milde Strafe*) и «строгий, суровый, жестокий» (*eine harte Strafe, eine strenge Rüge bekommen*).

Антонимические отношения этих прилагательных распространяются на целый ряд других слов, как *sanft*, *rauh*, *lind*, *gelind* (*eine weiche Welt – eine rauhe Welt, ein sanfter Mensch – ein harter Mensch, ein milder Mensch – ein rauher Kerl, ein weicher Blick – ein strenger Blick, ein sanftes Lächeln – ein hartes Lächeln, ein sanfter Wind – ein harter Wind, ein gelinder Stoß – ein harter Schlag* и т.д.).

Порою лексико-семантический вариант слова может приобретать в речи антонимичное употребление [Ивлева, 1978].

Интересно отметить, что у лексемы *gelind* есть вариант «слабо выраженный, легкий»:

Aber am nächsten Tag, als der Zorn etwas gelinder geworden war ... (Fallada H. Jeder stirbt für sich allein).

Вариант слова *gelind* характеризует здесь нерезкое проявление чувства гнева. В разговорном языке прилагательное *gelind* употребляется для обозначения сильного чувства:

Zu meinem gelinden Schrecken, Entsetzen sah ich, wie sich plötzlich das Gerüst von der Hauswand löste. (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache).

Таким образом, антонимические отношения охватывают не только систему языка, но и речь. Антонимические отношения семантически поливариантных лексем также отличаются большим разнообразием (как можно было убедиться на приведенных примерах из литературных произведений и словарей современного немецкого языка) и носят сложный, многосторонний характер.

Приведенные факты показывают, насколько сложны семантические процессы. Проводить резкие грани при семантическом взаимодействии иногда очень трудно. Подобно тому, как переходы в понятиях постепенны, порою едва уловимы, так же постепенно меняется смысловая направленность в словах и соответственно меняется характер их семантических связей.

Грамматические средства выражения полярности

У **однокорневых (или грамматических, аффиксальных) антонимов** значение полярности выражается не корнями слов, а **аффиксальными морфемами**. В немецком языке основным средством выражения антонимии однокорневых слов являются приставки.

Значение антонимичности возникает либо как результат корреляции противоположных по смыслу приставок, присоединяемых к одному и тому же слову, либо как результат употребления приставки, придающей слову противоположный смысл:

Таким образом, теория антонимии не стоит на месте, непрерывно совершенствуется и развивается, как развивается язык и формы его существования. Любое изменение значения слов, фразеологизма, употребление слова в новом словосочетании приводит как к появлению новых антонимичных оппозиций, так и к разрушению какой-то части антонимических пар в результате утраты словом противоположного значения или исчезновения из языка слова в целом. Однако антонимия постоянно обогащается и за счет возникновения новых слов и словосочетаний, и за счет развития полисемии.

Антонимические оппозиции характерны для всех сфер устного и письменного общения. В любой системе языка обязательно имеются пары знаков, связанных отношениями противоположности. Изучение антонимии привело к заключению о том, что антонимические отношения характерны для единиц не только лексического, но и грамматического уровня языка. Тем не менее, лексическая антонимия представлена в языке наиболее полно на лексическом уровне.

Семантическую основу антонимии образует различного рода логическая противоположность внутри одной сущности (качества, свойства, действия, процесса, отношения и т.п.).

Существенные для практики различия объективной действительности отражаются в виде противоположных понятий в логике и антонимических значений слов в языке.

Антонимы выступают как знаки «раздвоенного» на противоположности единства, одновременно и определяя предел проявления того или иного качества, свойства, действия, отношения и т.п., и указывая на не-

разрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении сущности.

Лексическое значение антонимов имеет ярко выраженный оценочный (и в силу этого относительный) характер.

Антонимы представляют собой противоположные по семантике слова одной и той же части речи. Всесторонний учет аспектов парадигматики (места слов в антонимических парадигмах, блоках слов и др.), синтагматики (сочетаемости слов и характера их употребления в типовых контекстах) и прагматики позволяет наметить достаточно ясные языковые критерии определения антонимов. Противоположность антонимичных слов по одному дифференциальному признаку в парадигматике вполне определенно соответствует их в высокой степени сходному употреблению в языке (общая «зона» сочетаемости, частая совместная встречаемость в тексте и др.).

Антонимия как противопоставление (противоположность) является понятием абсолютным, в то время как сами антонимы, т.е. языковые средства ее реализации, относительны и различаются степенью их антонимичности. Основная языковая сущность антонимии – выражение функции противоположности, поляризация значений слов в тождественных позициях. С этой точки зрения антонимы можно определить как слова, максимально приспособленные для выражения функции полярности (противоположности).

В структурном отношении выделяются три типа антонимов: разнокорневые, однокорневые и «внутрисловные» (энантиосемия).

Исследование антонимов в немецком и других языках и выявление не только специфических для каждого языка, но и общих для многих языков черт в этой семантической категории позволяют рассматривать антонимию как одну из универсалий лексической системы языка.

Принципиальная возможность структурного, типологического и функционального описания антонимов, с одной стороны, и тот значительный удельный вес, который имеют эти слова в лексике, – с другой, позволяют с полным правом говорить об антонимии не только как о внутреннем системном явлении, но и как об одном из проявлений лексической системы языка в целом.

3.4. Омонимия немецкого языка

Понятие и проблемы омонимии

Омонимы (греч. *homonyma*, от *homus* – одинаковый и *onyma* – имя), одинаково звучащие единицы языка, в значении которых (в отличие от значений многозначных единиц) нет общих семантических элементов. Словообразовательные и синтаксические показатели не являются решаю-

щими объективными критериями отличия омонимии от многозначности. Лексические омонимы возникают: вследствие звукового совпадения различных по происхождению слов, например «рысь» (бег) и «рысь» (животное); в результате полного расхождения значений многозначного слова, например «мир» (вселенная) и «мир» (отсутствие войны, вражды); при параллельном словообразовании от той же основы, например «тройка» (лошадей) и «тройка» (отметка).

1. Иногда слова пишутся по-разному, но звучат одинаково, вследствие законов фонетики русского языка: *док* – *дог*; *кот* – *код*; *рок* – *рог*; *столи* – *столб*; *вести* – *везти*; *развести* – *развезти* (оглушение звонких согласных на конце слова или в середине его, перед последующим глухим согласным, приводит к совпадению в звучании слов); *обессилеть* – *обессилить*; *пробывать* – *прибывать*; *преумножить* – *приумножить* (редукция э в безударной позиции определяет одинаковое звучание глаголов) и т.п. Такие омонимы называются фонетическими омонимами, или омофонами.

2. Омонимия возникает и тогда, когда разные слова совпадают по звучанию в какой-либо грамматической форме (одной или нескольких): *алея* (деепричастие от глагола *алеть*) – *аллея* (существительное); *вина* (провинность) – *вина* (род. п. ед.ч. существительного *вино*); *горелки* (газовые) – *горелки* (игра); *ели* (форма глагола *есть*) – *ели* (мн.ч. существительного *ель*); *кос* (краткая форма прилагательного *косой*) – *кос* (род. п. мн.ч. существительного *коса*); *лай* – *лая* – *лаем* (падежные формы существительного *лай*) – *лай* – *лая* – *лаем* (формы изменения глагола *лаять*); *лаком* (тв. п. ед.ч. существительного *лак*) – *лакам* (краткая форма прилагательного *лакомый*); *мой* (местоимение) – *мой* (повелительное наклонение глагола *мыть*); *три* (числительное) – *три* (повелительное наклонение глагола *тереть*). Подобные омонимы, появляющиеся в результате совпадения слов в отдельных грамматических формах, называют грамматическими омонимами, или омографами.

От омонимов нужно отличать омофоны и омографы. Омофонами называют разные слова, которые, различаясь при написании, совпадают в произношении, например: *лук* – *луг*, *Seite* – *страница* и *Saite* – *струна*.

Омографами называют такие разные слова, которые совпадают по написанию, хотя и произносятся различно (как в отношении звукового состава, так и места ударения в слове), например *Замок* – *замок*.

Особая группа омоформ – это те слова, которые перешли из одной части речи в другую: *прямо* (наречие) – *прямо* (усилительная частица); *точно* (наречие) – *точно* (сравнительный союз); *хотя* (деепричастие) – *хотя* (уступительный союз) и под. К омоформам относятся и многочисленные существительные, возникшие в результате субстантивации прилагательных и причастий. Таковы, например, названия всевозможных предприятий общественного питания и торговли, которые можно прочесть на вывесках, идя по улицам города: *Булочная-кондитерская*, *Бутерброд-*

ная, Закусочная, Пельменная, Пивная, Рюмочная, Сосисочная, Столовая, Шашлычная. Слова этой группы отличает от других омоформ то, что они при склонении как в единственном, так и во множественном числе во всех падежных

формах имеют соответствующую омоформу – прилагательное. Однако пара: *существительное-прилагательное* именно омоформы, так как у прилагательного форм изменения значительно больше: единственное число мужского рода и единственное число среднего рода.

3. Омографы – это такие слова, которые пишутся одинаково, но имеют разное звучание: *жаркОе* (блюдо) – *жАркое* (лето), *мука* (для пирогов) – *мУка* (мучение); *парИть* (в небесах) – *пАрить* (в кастрюле); *прОволочка* (уменьшительное к *провода*) – *прволОчка* (задержка, замедление при выполнении чего-либо); *таЯ* (деепричастие от глагола *таить*) – *тАя* (деепричастие от глагола *таять*) и пр. Следует отметить, что не все ученые относят подобные слова к омонимам, так как их главная особенность – различное звучание – противоречит общему определению омонимии.

4. Наконец, наиболее многочисленную и наиболее интересную и разнообразную группу составляют лексические омонимы, или собственно омонимы, т.е. такие слова, которые совпадают друг с другом во всех грамматических формах и вне зависимости от каких-либо фонетических законов: *бур* (инструмент для бурения) – *бур* (представитель народности, населяющей Южную Африку); *домино* (игра) – *домино* (маскарадный костюм); *ладья* (лодка) – *ладья* (шахматная фигура); *лом* (инструмент, которым ломают лед, асфальт) – *лом* (ломаные или годные только для переработки, чаще всего металлические предметы); *матроска* (жена матроса) – *матроска* (полосатая блуза, которую носят моряки); *мандарин* (цитрусовое дерево или его плод) – *мандарин* (крупный чиновник в дореволюционном Китае); *мешать* (быть помехой) – *мешать* (суп в кастрюле); *патрон* (боевой) – *патрон* (начальник) и пр.

паронимы сущ. мн. ч.

Слова, имеющие сходство в звучании, но различающиеся по значению.

«советник» и «советчик»

«база» и «базис»

парономазия ж

Стилистическая фигура, заключающаяся в каламбурном сближении созвучных, но различных по смыслу слов.

(парономазия)

«Он не глух, а глуп»

Многозначность слова настолько большая и многоплановая проблема, что самые разнообразные проблемы лексикологии, так или иначе, оказываются связанными с нею. В частности с этой проблемой некоторыми своими сторонами соприкасается и проблема омонимии.

Омонимы – это слова, одинаковые по звучанию, но разные по своему значению. Омонимы в ряде случаев возникают их полисемии, подвергнувшись процессу разрушения. Но омонимы могут возникнуть и в результате случайных звуковых совпадений. Ключ, которым открывают дверь, и ключ – родник или коса – прическа и коса – земледельческое орудие – эти слова имеют различное значение и различное происхождение, но случайно совпавшие в своем звучании.

Омонимы различают лексические (относятся к одной части речи, напр. ключ – для открывания замка и ключ – родник. источник) морфологические (относятся к разным частям речи, напр. три – числительное, три – глагол в повелительном наклонении), лексико-грамматические, которые создаются в результате конверсии, когда данное слово переходит в другую часть речи. например в англ. look – смотреть и look – взгляд. Особенно много лексико-грамматических омонимов в английском языке.

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое омонимией, и на отграничение его от того, что именуется многозначностью, или полисемией. При этом речь идет не только о разном применении термина «омоним», что само по себе представляло бы не такую значительную трудность, а скорее о разном определении понятия «слово», о разном подходе к тому, каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова.

В основном наметились два взгляда на омонимию и многозначность. Согласно первому, омонимами признаются только такие одинаково звучащие слова, которые исконно были разными по форме и лишь в процессе исторического развития совпали друг с другом в едином звучании вследствие различных фонетических, и в общем случайных, причин.

Все остальные случаи, когда одинаковая материальная, звуковая оболочка одевает различное содержание, признаются явлением многозначности, полисемии слова.

Примером омонимии в таком понимании будет русск, брак «супружество» и брак «плохая продукция», нем, das Reis «ветка, сук» (из древнего hris) и der Reis «рис» (из итал. riso); примером многозначности слова будет русск, крепость «укрепленное место» и крепость «свойство крепкого», нем. das Schloss «замок» и das Schloss «дворец, замок» (и то и другое связано с schliessen).

Согласно второму взгляду, к омонимам относятся как слова исторически разные, но в силу исторических причин совпавшие, по звучанию, так и те случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что материальная оболочка, связывавшая их, как бы разрывается, давая жизнь двум (или большему количеству) новым словам.

При таком подходе в разряд омонимов попадут в немецком языке и Reis – Reis и Schloss – Schloss.

Первая точка зрения представлена в основном традиционной, классической лексикологией и лексикографией как в нашей стране, так и за рубежом. Вторая распространилась главным образом в последние несколько десятилетий. Однако и старая концепция существует до сих пор, а в самое недавнее время получила большое подкрепление, поскольку в ее защиту с блестящей, хотя и дискуссионной, статьей выступил В.И. Абаев, нашедший себе, правда, немало оппонентов.

Каждая из охарактеризованных концепций включает в себе ряд противоречий и трудных вопросов. Если придерживаться первого взгляда, то совершенно ясным и предельно точным представляется критерий распределения: этимологические познания наши всегда позволят нам произвести последнее.

Далее, отпадает, вполне естественно, необходимость размышлять и колебаться в вопросе о тождестве слова, т.е. о том, идет ли речь об одном слове или о разных словах. Конечно, омонимы, всегда бывшие отдельными словами, и должны считаться таковыми, тогда как все многозначные слова сохраняют свое былое единство.

Однако возникают другие трудности. Как ответить, например, придерживаясь данного разделения, на следующий вопрос: чем отличается, противопоставляется в современном немецком языке такая пара, как Reis «ветка» и Reis «рис», с одной стороны, и Stock «палка» и Stock «этаж» – с другой (первые два слова – результат случайного совпадения, вторые два – результат дивергентного развития). Ответом будет, очевидно, историческое происхождение. Но это свойство не дано непосредственно в речи никому, кроме специалистов в истории данного языка, для прочих оно может быть лишь выяснено на основании особых изысканий.

Противопоставление, не обнаруживаемое носителями языка, не является противопоставлением. В.И. Абаев отмечает: «Когда кто-либо ошибочно, по созвучию, сближает этимологически два слова, которые в действительности генетически не связаны, мы говорим: здесь нет этимологической связи, это простая омонимия. Иначе говоря, созвучие по омонимии, как созвучие случайное, мыслится как нечто противоположное созвучию, основанному на единстве происхождения». Однако, нет твердой уверенности, что люди, говорящие на русском языке как на родном, разбираются в том, что ключ «родник» и ключ, запирающий дверь, не связаны друг с другом, а ворот на рубашке и ворот на колодце связаны. Был проведен небольшой эксперимент: опросили 10 человек, поставив им такой вопрос: «Как вы думаете, почему ключ «источник» называется также, как ключ от двери?» Ни один не ответил: «Совершенно случайно» или: «Просто так». Напротив, люди задумывались, начинали искать связь, объединяющую эти слова и понятия, и, к нашему удивлению, находили ее, например, в таком

виде: «Вода где-то заключена и пробивается тоненьким ручейком» или: «Вода – ключ жизни» и т.д. Если русский человек говорит про каких-нибудь мошенников: «Это одна шайка-лейка», то это значит, что он связывает шайку, с помощью которой моются в бане и в которую наливают воду, с шайкой «бандой». И действительно, несмотря на то, что эти слова не связаны этимологически, они связаны в современном языке тем, что звучат одинаково, хотя и значат разное. На сближение этимологически не связанных омонимов, в результате которого они начинают казаться разными значениями одного слова, указывают различные языковеды. Поэтому такое высказывание В.И. Абаева, как: «Объективно в лексике существуют два в корне различных, ничего общего между собой не имеющих явления омонимия и полисемия», – не может быть признано однозначно верным.

Если невозможно удовлетворительно ответить, чем в современном языке отличаются, например для немца, отношения в паре типа *das Reis* «ветка» и *der Reis* «рис», с одной стороны (этимологически разные слова), и в паре типа *das Band* «лента» и *der Band* «том» – с другой (этимологически родственные образования), то можно сказать довольно ясно, чем они похожи. Они похожи тем, что в обеих парах наблюдается дифференциация слов, их образующих, по формальным моментам, например, по грамматическому роду или по типу образования множественного числа и по парадигме склонения. Ср., кроме приведенных примеров, еще: *der Leiter* «руководитель», Gen. *des Leiter's*, Pl. *die Leiter* и *die Leiter* «лестница», Gen. *der Leiter*, Pl. *die Leitern* (первое слово сравнительно молодое, производное от глагола *leiten*, древневерхненемецкое *leiten*, связанного с корнем **lip* «идти», второе же, древневерхненемецкое (*h*)*leitara*, восходит к корню **hli*), или *das Tor* «ворота», Gen. *Des Tores*, Pl. *die Tore* и *der Tor* «глупец», Gen. *des Toren*, Pl. *die Toren* (первое слово в средневерхненемецком звучит *tor* и по корню связано с *Tur*, второе в средневерхненемецком *tore*, первоначально субстантивированное прилагательное). Грамматические различия в равнозвучных словах разного значения и разного происхождения, которыми немецкий язык охотно снабжает подобные пары, служат тем же целям дифференциации и в парах слов, ведущих происхождение от единого источника. Ср., например: *das Steuer* «руль», Gen. *des Steuers*, Pl. *Die Steuer* и *die Steuer* «налог», Gen. *der Steuer*, Pl. *die Steuern* (и то и другое в средневерхненемецком *stiure* и считается развитием единой основы) или *der Hut* «шляпа», Gen. *des Hutes*, Pl. *die Hute* и *die Hut* «охрана, защита», Gen. *der Hut*, Pl. *die Hutten*.

Следовательно, и в этимологически связанных, так же как и в этимологически не связанных парах, появляются очень похожие дифференцирующие различия. Таким образом, морфологические тенденции «поведения», сравниваемых пар сходны.

Сходны также и синтаксические нормы поведения обсуждаемых единиц. Дело в том, что слова, объединяющиеся в омонимичные пары, обла-

дают совершенно разной синтаксической и лексической валентностью. Это кажется трюизмом в отношении так называемых «истинных» омонимов. Слово *der Leiter* «руководитель», т.е. название лица, несомненно, будет вступать в другие лексические сочетания и будет участвовать в иных синтаксических конструкциях, чем *die Leiter* «лестница». Однако то же самое обнаруживается и при сравнительном анализе пары *der Stock* – «палка» и *der Stock* – «этаж» (и то и другое является результатом разошедшегося в разные стороны семантического развития одного слова). Так, для *Stock* чрезвычайно высоко будет вероятность появления в конструкции «предлог *in*+определенный артикль+порядковое числительное+*Stock*» (например: *im dritten Stock*, *im vierten Stock*) или в конструкции «числительное количественное+*Stock*+*hoch*» например: *drei*, *vier Stock hoch*). Вероятность таких конструкций для *Stock* равна нулю. Напротив, для *Stock* (и никак не для *Stock*) характерно сочетание с некоторыми предлогами (но не *in*!) типа *mit dem Stock*, *nach dem Stock* (*greifen*), *an einem Stock* (*gehen*).

Совершенно так же, как для *Leiter* – *Leiter*, для *Stock* – *Stock* непосредственный контекст будет служить дифференцирующим средством для понимания и восприятия омонимических знаков-слов.

Мы рассмотрели, таким образом, ответ на первый вопрос, напрашивающийся, если признать, что омонимы – плод случайного совпадения – и омонимы – плод дивергентного развития – представляют собой абсолютно разные вещи, даже не «сравнимые» между собой. На вопрос, чем же они различаются в современном языке, трудно дать однозначный ответ; напротив, возможно отметить лишь черты формального сходства в отношениях между членами этих пар.

Возникает и другая неясность: если отказать многозначному слову в том, что оно может, развивая свою полисемантичность, распасться на две лексические единицы, два различных слова, то придется признать, что представители разных крупных классов слов (разных частей речи) окажутся одним словом. Ср.: нем. *der Dank* «благодарность» – имя существительное и *dank* «благодаря» – предлог, *das* – указательное местоимение среднего рода и *dass* – изъяснительный союз «что»; англ. *a work* «дело» – имя существительное и *to work* «работать» – глагол. Логически к такого рода заключению и приходит В.И. Абаев: «...нельзя относить к омонимии... лексико-семантическую полисемию, когда слово, в зависимости от синтаксического употребления, выступает в роли то одной, то другой части речи...».

Однако члены приведенных словесных пар, примеры, на которые можно было бы умножить, характеризуются и совершенно разными грамматическими категориями, и совершенно разной синтаксической и лексической валентностью. Кроме того, если признать два слова, прочно входящие в разные лексико-грамматические классы, одним словом, то позволительно будет спросить: а для чего же существует разделение на части

речи, имеет ли оно под собой какое-либо основание и не излишне ли оно вообще?

Принцип выделения омонимов, несмотря на видимую четкость и простоту, скрывает в себе противоречия столь серьезные, что согласиться с данной точкой зрения не представляется возможным.

Перейдем к рассмотрению другой точки зрения на омонимы, согласно которой таковыми считаются не только искони разные и совпавшие по своей внешней форме слова, но и большая группа слов многозначных, в которых отдельные значения настолько далеко разошлись, что дали жизнь новым словам. Основной трудностью в определении и выделении группы омонимов из большого семейства многозначных слов, иначе говоря, в распределении слов по разрядам «полисемия» и «омонимия», является тут неопределенность самого критерия «далеко разошедшиеся значения», «разрыв семантических связей». Понятие «разрыв семантических связей» является, прежде всего субъективным и, кроме того, абсолютно не лингвистическим. В терминологии лексикологов, защищающих эту позицию, встречаются такие выражения, как «восприниматься», «ощущаться», «чувствоваться», «впечатление» и т.п., т.е. термины скорее психологии, чем лингвистики. Ср., например: «Однако не подлежит сомнению, что *man* и *man* («человек» и «мужчина») воспринимаются как теснейшим образом связанные между собой»; «Наряду с такими единицами в языке, однако, обнаруживаются и такие, как *spring* «весна», *spring* «пружина» и *springs* «источник, родник». Здесь уже явно нет никакой осмысленной связи между данными единицами, и одинаковость их звучания производит впечатление случайности»; «Значения полисемантического слова образуют известную систему, связь между элементами которой ясно ощущается говорящими...».

Какое лингвистическое понятие заключено в подобных высказываниях? Можно ли на нем строить лингвистическую теорию и объявлять при этом, что ее положения «не подлежат сомнению»? Выделенные на нелингвистических основаниях омонимические пары часто, естественно, нелегко будет защитить. Прекрасную иллюстрацию этому можно увидеть в той непоследовательности и противоречивости лексикографических трудов, которые были правильно и зло раскритикованы В.И. Абаевым в его уже неоднократно цитированной статье. Автор ее недоумевает, почему, например, здоровый «обладающий здоровьем» и здоровый «крепкий, сильный» следует считать омонимами, а крепкий в смысле «твердый» и крепкий о содержании спирта в вине – нет? Почему изменить в смысле «переменить» и изменить в смысле «нарушить верность» трактуются как два разных слова, а верный «правильный» и верный «преданный» – как одно? Червяк «червь» и червяк «винт с особой нарезкой» считаются омонимами, а корень растения, корень в математике и корень в лингвистике – одним многозначным словом.

В.И. Абаев называет такое понимание омонимии «царством субъективности», а основным аргументом защитников такого понимания – «мне кажется».

Характерно, что В.В. Виноградов, примыкающий к этой, назовем ее второй, концепции омонимов, в одной из своих статей, переходя к конкретной критике распределения значений в словаре Ушакова, оперирует преимущественно не понятием «связанности» или «несвязанности» значений, а лингвистическим понятием «разной системы форм». Например: рассесться «оседая, дать трещины» он считает словом, отдельным от рассесться в значениях 1) «сесть, расположиться» и 2) «развалиться», потому что первое имеет параллель несовершенного вида расседаться, а не рассаживаться, как последнее.

В целом вторую концепцию проблемы омонимии и многозначности можно оценить следующим образом: с нашей точки зрения, она правильно включает в число омонимов пары слов, обособившихся в результате сильного расхождения отдельных значений многозначного слова. Такие новообразующиеся пары ничем не отличаются на каждой данной стадии развития языка от тех, которые возникли благодаря случайному сближению их фонетического облика. И те и другие характеризуются тем, что они звучат одинаково, а обозначают разное, что графически и морфологически они последовательно не различаются (хотя тенденция такого различения в языках наличествует), зато всегда ведут себя по-разному в предложении и имеют разную лексическую сочетаемость. Вместе с тем сторонники второй теории, преодолев ограниченность первой, не сумели найти верного и при этом обязательно данного в языке критерия для определения того, когда же момент разрыва семантических связей, и тем самым материальной оболочки, слова можно считать наступившим.

Дискуссия, последовавшая за статьей В.И. Абаева, показала, что этот вопрос сейчас является самым большим. Для сторонников «этимологической» теории омонимов он – острейшее оружие нападения, для сторонников теории «семантической» – слабое место в обороне. В своем выступлении на упомянутой дискуссии В.И. Абаев бросил замечательные слова: «Наука не может строиться на чутье. Она должна строиться на знании».

Из сказанного следует, по-видимому, что необходимо найти такой способ определения и оценки «семантических» омонимов, который вытекал бы из непосредственного рассмотрения конкретных фактов языка, а не являлся бы по существу умозрительным и тем самым экстралингвистическим.

Обратимся к современной прикладной лингвистике и посмотрим, как решается в работах этого направления вопрос о полисемии и омонимии.

Приходится отметить, что в литературе такого характера нет и следа той страстной и бурной полемики на тему: что считать омонимами, а что – полисемантическим словом, того интереса к теоретической стороне вопроса

о тождестве слова, которые встречаются в работах более традиционного направления.

В статьях по машинному переводу (МП) и на аналогичную тематику, как правило, принимается то определение омонимов, которое «удобнее», т.е. практичнее, и лучше служит при решении той или иной проблемы. Это и естественно: для практических задач МП теоретическое решение вопроса о «пределе многозначности» и т.п. по существу не может принести особой пользы.

Различие между омонимией и полисемией не проводится, так как «для машины безразлично, имеется ли какая-нибудь смысловая связь между двумя возможными переводами данного слова или нет». По ходу дела в таких статьях упоминаются понятия «омонимия», «полисемия», по точного наполнения они не получают. Ср. упоминание о случаях омонимии (госк «скала» и госк «качаться») и полисемии (год «стержень» и год «розга») в только что цитированной брошюре или указание Н.А. Мельчука на то, что одно слово может входить в разные группы тезауруса, например омонимы брак «дефект» – брак «супружество» или же многозначное слово голод «чувство» – голод «бедствие». Термины эти употребляются в данных случаях как бы механически; фактически же, когда речь идет об омонимии как специальной проблеме машинного перевода, то, судя по определениям, ей даваемым, всякая многозначность для удобства называется омонимией. Так, например, омонимией с точки зрения машинного перевода считается, «когда одна и та же последовательность элементов (например, букв) должна для получения удовлетворительного перевода перерабатываться по-разному». Ср. также другое определение: «...единица называется омонимичной, если из нее на данном этапе анализа не может быть получено однозначной информации». Приведем еще и такое высказывание: «Если слово имеет несколько значений, то для теории класса удобнее считать каждое такое значение отдельным словом, т.е. омонимизировать эти значения».

Хотя вопрос о разграничении омонимии и многозначности не интересует прикладную лингвистику, сама проблема многозначности стоит в центре ее интересов. Почти все отмечают и необыкновенную сложность, и первостепенную важность этой проблемы: «Многозначность слов – одна из самых трудных проблем машинного перевода», – говорит Лукьянова. Сложность и практическую актуальность проблемы отмечает К. Гарпер, указывая, что 43 % слов русского научного текста оказываются лексически полисемантическими, не говоря уже о синтаксической многозначности. Естественно, что трудности, которые возникают для механического перевода в связи с полисемией слов и конструкций, толкают теорию на поиски средств устранения многозначности. И то, что казалось поначалу непреодолимой сложностью, начинает проясняться под настойчивым воздействием научной мысли.

Основным способом снятия многозначности в данное время признается изучение и описание тех контекстуальных условий, в которых реализуется то или иное значение слова. На Западе этой центральной задачей занимаются уже давно. «Информация, необходимая для решения проблемы многозначности, содержится в контексте», – говорит В. Ингве. Под контекстом подразумевается окружение слова в тексте или слова, с которыми данное, определяемое слово употребляется.

К. Гарпер писал, что русские нигде не отмечают связи между значением и структуральным контекстом. Однако если это и было правильным для 1956 г., то теперь в нашей специальной литературе уже насчитывается целый ряд статей, посвященных либо теории вопроса, либо конкретной разработке отдельных случаев многозначности слов и грамматических фактов языка.

Это обстоятельство представляется совершенно понятным, поскольку данный метод, основываясь на абсолютно материальных и чисто лингвистических фактах, может и должен положить конец чисто интуитивным, а, следовательно, неизбежно субъективным оценкам и суждениям о многозначности языковых единиц.

Поскольку разные значения связываются с разными формами их реализации, открывается возможность описания и разграничения их через учет этих форм. Очень важно отметить, что речь должна идти не только об эмпирическом перечислении возможных окружений слова, но и об известном обобщении и генерализации полученных выводов. Правильно замечает американский ученый Д.С. Уорт, критикуя именно такое эмпирическое перечисление правил перевода, даваемое в статье А. Кутсудас и А. Гумецкой по поводу омонимии русского наречия на -о(-е) и краткого прилагательного на -о (-е): лингвиста интересует не то, что в данном окружении значит та или иная форма, а то, почему известно, что она значит. Такое знание может нам дать, очевидно, анализ структурных законов данного языка.

Прояснение семантической многозначности может быть структурным; при этом значение многозначного слова выясняется благодаря грамматическим свойствам соседних слов. Такое прояснение основано на высокой вероятности соответствующих сочетаний. Так, русский предлог *c = with*, если после него следует имя в творительном падеже; *c = from*, если после него следует имя в родительном падеже. Или: русское местоимение *их=them*, если дальше идет не имя; *их = their*, если дальше идет имя. Устранение многозначности структурным путем особенно важно для случаев полисемии грамматических форм. Так, например, немецкая словоформа *dieser* может значить: 1) *this*, 2) *of this*, 3) *to this*, 4) *of these*, т.е. Может иметь грамматические значения: 1) им. п. ед. ч. (для м. р.), 2) род. п. ед. ч. (для ж. р.), 3) дат.п. ед. ч. (для ж. р.), 4) род. п. мн. ч. (для всех родов). Немецкое *Schüler* обозначает: 1) *pupil*, 2) *pupils*, 3) *of pupils*. За этими

«переводами» скрывается целый ряд грамматических значений: им., дат. и вин. п. ед. ч. и им., род. и вин. п. мн. ч.

Сочетание *dieser Schüler* сводит все эти многообразные значения к двум: либо им. п. ед. ч., либо род. п. мн. ч. Если *dieser Schüler* сочетается еще и с *wegen*, то многозначность устраняется полностью: остается одна возможность.

Как следует из примеров Гарпера, структурный метод прояснения пригоден и для определения не грамматических, а чисто лексических значений слов. Однако, как замечает Гарпер, примерно 1/3 слов не может быть определена в их значении «структурно», и, следовательно, надо идти по какому-то иному пути их прояснения, искать какой-то другой «помощи». Такую помощь оказывает учет лексического значения слов, связанных с полисемантической единицей. Определив значение этих слов, можно получить информацию о значении связанного с ним слова, отбрасывая непригодные варианты сочетаний и отбирая истинные. Так, имя прилагательное географическая в сочетании с карта исключает значение «игральной карты»; прилагательное кислотное рядом с образование исключает для последнего значение «education»; предлог из-за лишь с определенной группой имен имеет пространственное значение, например, из-за угла; совсем другое значение имеет он в сочетаниях из-за шума, дождя, бури, нее, него и т.д. Предлог по с существительными, обозначающими поверхность, дорогу, = *along*, с существительными одушевленными он значит «according to». Несомненно, что в немецком языке сочетание прилагательных *sanft* и *wehmutig* с *Zug* исключает для этого слова значения «поезд», «взвод», «ход», «шествие», «сквозняк» и утверждает значение «черта». Конечно, при этом опять-таки надо подчеркнуть, что подобные разграничения могут и должны основываться на высокой вероятности таких сочетаний, а не на фактической возможности их. В очень образном употреблении, в индивидуальном стиле возможны, как известно, самые неожиданные варианты сочетаний. Однако они могут быть исключены на основе их малой вероятности, вытекающей из статистического анализа их частоты.

Метод контекстуального описания значений требует уточнения понятия контекста, который служит для описания. Естественно, что это должен быть по возможности минимальный и наиболее «выгодный» контекст. Различают «макроконтекст», обнимающий целый отрывок (например, абзац) текста, и «микро-контекст», не выходящий за пределы предложения. Но и внутри микроконтекста выделяется какое-то минимальное сочетание, могущее устранить многозначность «ядерного» слова. Для нужд механического перевода его определяют, например, как самый короткий набор синтаксически связанных слов, позволяющий осуществить выбор варианта для перевода. Интереснейшие эксперименты с целью выявления минимального контекста, снимающего многозначность, были поставлены А. Капланом.

Материалом анализа ему послужили 140 многозначных употребительных английских слов, находившихся в различных условиях контекста. Таких видов контекста было избрано семь:

- 1) сочетание с предшествующим словом;
- 2) сочетание с последующим словом;
- 3) сочетание с предшествующим и последующим словом;
- 4) сочетание с двумя предшествующими словами;
- 5) сочетание с двумя последующими словами;
- 6) сочетание с двумя предшествующими и двумя последующими словами;
- 7) все предложение.

Каплан высчитывает для каждого случая процент редуцирования многозначности. Редуцированием называется в данном случае отношение количества смыслов слова в конкретном контексте к их количеству в нулевом контексте, т.е. к потенциальному их количеству. Чем меньше эта дробь, тем больше степень редукции. Так, например, если потенциальное количество значений слова равно 5, а количество значений в данном контексте – 2, то процент редуцирования равен $2/5$, т.е. 40 %. Если же количество значений в данном контексте будет сведено к 1, то степень редукции, естественно, будет больше: $1/5$, т.е. 20 %.

Выводы Каплана чрезвычайно поучительны; при этом хочется отметить, что способ проведения эксперимента внушает достаточное доверие. Каплан нашел прежде всего, что цепочка, состоящая из одного предшествующего и одного последующего слова, по эффекту редуцирования более продуктивна, чем контекст, состоящий из двух предшествующих или двух последующих слов и приближается к эффекту, даваемому целым предложением. Второй вывод гласит, что огромное значение имеет материальный тип контекста, т.е. то обстоятельство, что входит в непосредственное окружение: знаменательные ли слова, или слова, называемые автором «particles», куда он включает предлоги, союзы, глаголы типа will или do, артикли, местоимения и наречия типа there и др. Первый тип контекста дает значительно большую редукцию многозначности, чем контекст, содержащий слова без конкретного лексического наполнения. Общие выводы Каплана сводятся к тому, что наиболее практичным является контекст, состоящий из одного слова слева одного слова справа от анализируемой многозначной лексемы. Если же одно из слов окружения – «particle», то следует «усилить» контекст до двух слов с обеих сторон. По материалам его эксперимента, коротенький контекст (трехчленная цепочка) уменьшает многозначность на $2/3$: со средней многозначности в 5,5 значениях до 1,5 или 2.

Результаты исследования А. Каплана нашли широкое признание среди ученых различных стран. Конечно, для окончательного решения вопроса о выборе минимального контекста следует учитывать специфику языка, ма-

териал которого анализируется, а часто и специфику того или иного слова. Но несомненно и то, что идею «линейного контекста» Каплана можно применить в очень многих случаях. Метод контекстуального описания значения ставит перед исследователями еще одну очень большую трудность.

Поскольку различные значения испытуемого слова как бы «решаются» через связи с другими словами, необходимо в максимальной мере «типизировать» контексты, определяющие значение слова. Если это возможно и нетрудно для контекста «грамматического», «структурного», то для лексического контекста определение «типа» слов, влияющих в том или ином направлении, – проблема, далеко не решенная. Вместе с тем для решения вопросов контекстуального плана, – и не только для них, – это важнейшая проблема, проблема № 1. Как справедливо отмечает Лукьяновой, какими приемами здесь ни пользоваться (специальные словари, списки слов, различного типа кодирование), общим у них будет то, что «все они упираются в категоризацию или классификацию слов»; для решения проблемы многозначности поэтому «необходимо установить семантические, смысловые классы слов и определить их окружение, иначе говоря «спутников (the participant members) этих классов»». Гарпер пишет, что подобные классы устанавливаются эмпирически, на основе наблюдаемого исследователем поведения слов. Но несомненно, что чем тоньше и шире будет исследование, тем точнее будет и результат. Установление классов слов даст возможность оперировать не контекстом, выраженным словами, а контекстом, выраженным классами слов. Работа над установлением классов слов ведется, в частности, при составлении словарей-тезаурусов. Тезаурус в этом понимании – словарь, где слова сгруппированы по тематическим классам, которые членятся далее на подклассы, или секции и т.д. Слово благодаря своей многозначности может входить и целый ряд классов, получая тем самым различные номера. Слова сведены также и в алфавитные списки, где каждому слову приписываются все номера групп, куда оно относится. Так, в *The saurus of Words and Phrases*, составленном Р. М. Roget и изданном в Нью-Йорке в 1947 г., слово root имеет номера: 84 – группа «число» (root в математическом значении), 153 – группа «причина», 184 – группа «размещение, расположение» (в качестве глаголов «прикреплять» и «укореняться»), 211 – группа «основание», 562 – группа «слово» и др. При анализе многозначного слова сравнение набора его тематических номеров с номерами синтаксически связанных с ним слов помогает определению данного его значения через совмещение их семантических полей.

Проблема распределения слов по классам остается, однако, и по сей день неразрешенной. Очень интересной представляется в этой связи попытка теоретического обоснования операций по выделению подклассов слов, сделанная А.А. Холодовичем. Говоря о синтаксически-валентных подклассах слов (на материале глагола), он определяет такой подкласс как

ряд слов (в данном случае глаголов), которые, являясь ядром, имеют изотипное оптимальное окружение. Под изотипными окружениями понимаются окружения, выполненные формально тождественно, но различающиеся материально. Так, при ядре *загрыз* всегда одно и то же окружение, состоящее из двух мест: *Волк загрыз ягненка*. Места могут быть заполнены разными словами, но окружения будут тождественными. Оптимальным А.А. Холодович называет окружение, которое содержит минимальное необходимое число членов, т.е. «то окружение, для понимания которого нет необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста». Уменьшение такого окружения делает его недостаточным, увеличение – избыточным.

Характерно, что в статье А.А. Холодовича, чрезвычайно интересной по мыслям и материалу и посвященной теории подклассов слов, проскальзывают частности, которые как нельзя лучше показывают неразработанность понятия подклассов большого класса слов. Так, например, утверждается, что в конфигурации (модели) «я подарил ему книгу» второй член окружения ядра подарил (имеется в виду, очевидно, ему) входит в «подкласс лиц или, по крайней мере, в подкласс одушевленных». Однако таким вторым членом может быть библиотека кружку, школе и подобные слова, не принадлежащие ни к подклассу лиц, ни к одушевленным. Вместе с тем на этом месте не может быть ни стол, ни шкаф, ни руки, ни много других слов. Следовательно, второй член должен относиться к подклассу слов, куда входят названия одушевленных предметов и ряд слов со значением собирательности. Эта группа, однако, не совпадает с тем, что называют «именами собирательными» в грамматике. Ср., например, слова *дробь*, *листва*, *тряпье*, которые входят в списки собирательных имен, а к данной группе не относятся. Напротив, *школа* и *библиотека*, которые никто не причисляет к собирательным, в своем метонимическом переосмыслении обозначают коллективы школы и библиотеки и приобретают тем самым собирательный оттенок. Если их назвать одушевленно-собирательными, то они вместе с такими «классическими» одушевленно-собирательными, как *детвора*, *молодежь* и др., как раз пополняют группу слов, из которой черпаются элементы для замещения второго места в модели *Я подарил ему книги*. Отличаясь грамматическими свойствами от одушевленных имен (ср.: *Я люблю брата*, но *Я люблю кружок*, а не *кружка*), они объединяются с ними в подкласс по другим признакам, в частности по возможности участвовать в модели типа «а подарил б в».

Другим примером того, как «подводит» подкласс, может служить такая мелочь: автор статьи считает оптимальным для ядра *пронзил* трехместное окружение. Однако это верно только в том случае, если первый член принадлежит к подклассу, скажем, одушевленных лиц: *Я пронзил его шпагой*. Здесь действительно обязательное (т.е. оптимальное) трехместное окружение. А если первым членом будет слово типа *меч*, то оптимальное

окружение становится двухместным: Меч пронзил руку. Очень трудно сказать сразу, к какому подклассу следует отнести такие слова как меч, шпага, копье, нож и др., но ясно одно: это особая группа, отличающаяся от имен одушевленных и вместе с тем чем-то сходная с ними. Сходна она с ними тем, что может окружать глагол пронзить, обозначая если не лица, то, во всяком случае, достаточно «активные» предметы. Отличается же данный подкласс от одушевленных тем, что он входит в другое типовое окружение ядра пронзил, чем слова подкласса одушевленных (здесь – трехместное, там – двухместное окружение). Следует подчеркнуть, с одной стороны, сложность и неразработанность понятия подкласса слов, а с другой – решающую его важность при всяком формальном описании языка. Огромное значение оно имеет, как говорилось выше, для описания правил сочетаемости слов. По существу только установление таких очерченных и перечисленных подклассов слов поможет, но меткому выражению Гарпера, отойти от болтовни о том, что «может быть», и «сделать смелый шаг вперед к определению того, что фактически существует».

Проблема контекстуального «решения», контекстуального «диагностирования» многозначности представлена с точки зрения использования его в прикладной лингвистике. Однако, вопрос о разной синтаксической сочетаемости, возникающей при различных значениях полисемантического слова, имеет самое непосредственное отношение к проблеме определения того, сохраняет ли эта полисемантическая единица свое единство, свое тождество как слово. Возникает мысль, не может ли система сочетаемости слова, характер его окружений служить критерием и масштабом для решения наболевшего вопроса: разорвалась ли связывающая все значения слова оболочка и перешло ли накопившееся количество различий в новое качество? Иначе говоря, образовались ли уже два слова из когда-то единого полисемантического целого, или слово тождественно самому себе и его оболочка цела, скрепляя и объединяя разнообразные смыслы чем-то общим для всех них?

Контекстное окружение слова может быть исследовано и учтено с достаточной формальной точностью на основании целиком лингвистических данных. Может быть перечислен набор слов (вернее, подклассы слов), с которыми наиболее вероятным образом происходит сочетание, и может быть исключен набор слов (подклассы слов), с которыми сочетание невозможно или по крайней мере маловероятно. Далее могут быть описаны те грамматические связи, которые типичны или нетипичны в том и в другом случаях. Из сравнения «участников» окружения и типовых моделей построения словосочетания для слова в одном значении и для него же в другом значении можно будет решить, идет ли речь об одной единице, или о большом их количестве. В случае, если не обнаруживаются совпадения в «поведении» слова с разными значениями в речи как в отношении синтаксических связей, так и в отношении связей лексических,

то говорить об одном слове уже нельзя. Оно распалось и дало жизнь двум, трем и т.д. словам.

В теоретических работах, посвященных проблеме тождества слова, часто отрицается, что различие синтаксических и лексических связей нарушает тождество слова. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Широко распространено вполне справедливое суждение, что морфологические изменения слова не затрагивают единства его как слова. Мотивацией этого утверждения служит, естественно то, что возникающие при грамматических превращениях разновидности будут лексически равны друг другу и будут поэтому одним и тем же словом (ср.: сад, сад-а, сад-у, сад-ом, сад-е и т.д. или: leit-e, leit-est, leit-et, leit-en и т.д.). А.Н. Смирницкий считает и другие видоизменения, а именно различия синтаксического построения, в которых участвует слово, или разную его сочетаемость с другими словами, не затрагивающими тождества слова. Вот мотивировка его утверждения, почти дословно повторяемая в разных работах: «Эти грамматические ... особенности не уничтожают тождества слова, поскольку они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой; они представляются понятными и вполне оправданными особенностями данного значения слова. ... Если laugh означает вообще явление смеха, то вполне мотивированным кажется и отсутствие дополнения – слова, обозначающего объект, вызывающий явление смеха. Напротив, если имеется в виду такой объект, если в смехе находит выражение определенное отношение к кому-либо или чему-либо и смех, далее, превращается в насмешку, то, естественно, появляется и дополнение, и этот синтаксический момент оказывается, таким образом, закономерно связанным с особым лексическим значением».

В данной аргументации следует отметить два слабых места. Во-первых, факт «оправданности», «понятности» подобных изменений никак не может служить доказательством того, что перед нами не два слова, а одно. Во-вторых, можно ли быть так уверенным в том, что грамматические особенности обусловлены лексической семантикой? А не может ли быть и наоборот, что грамматические особенности употребления слова в специфическом контексте обуславливают появление и особых лексических значений? Зарегистрированы ли случаи, чтобы слово изменило свое значение, так сказать, в «голом виде», в нулевом контексте, без окружения другими словами, отражающими различные понятия? Как бы там ни было, данную аргументацию в пользу высказанного тезиса нельзя признать безупречной. И.В. Виноградов тоже придерживается взгляда, что разное участие слова с различными значениями в синтаксических строениях и лексических сочетаниях не нарушает единства слова, поскольку и такие видоизменения являются формами слова: «Смысловое единство слова сочетается с реальным или потенциальным многообразием его форм». Понятие формы слова Н.В. Виноградова расширенное: «В понятие грамматических форм слова

включаются не только разновидности его морфологической структуры, но и различные сочетания его с другими формами слов (это Виноградов называет лексико-синтаксической формой слова) или словами (по Виноградову, лексико-фразеологическая форма слова).

Такие формы слова, как лексико-синтаксическая или лексико-фразеологическая, В.В. Виноградов приравнивает к морфологической; естественно, что при этом понимании нет и распада единства слова: оно существует как единое целое в многообразии своих форм.

Различия в синтаксических и лексических сочетательных потенциях слова – явление, несомненно, формального порядка, это характерные формальные особенности слова. Однако безоговорочное сближение этих формальных особенностей с морфологическими видоизменениями слова нецелесообразно, так как последние обязательно связаны с неизменностью лексического содержания слова (ср.: *der Staat, des Staates* или: *вед-у, вед-ешь и т.п.*), в то время как особенности синтаксической и лексической сочетаемости связаны именно с изменемостью лексического содержания. Так, *русск, ключ* соединяется с атрибутивной предложной группой «от+имя» только в значении «Schlüssel», а не в значении «источник» (ср.: *ключ от двери, от комнаты, от дома*), нем. *Stock* сочетается с порядковым числительным в значении «этаж» (ср.: *der erste, vierte, zehnte Stock*); нем. *ziehen* связывается с именем в винительном падеже только в значении «тащить, тянуть», а не в значении «двигаться, переезжать». Зато в последнем случае, можно сказать, обязательно присутствие обстоятельства пространственного или (реже) временного характера (ср.: *das Gewitter zieht nach Westen; wir zogen zu Verwandten*).

Таким образом, если синтаксическая или лексическая валентность слова и есть характерная формальная особенность слова, то она не сопоставима с морфологической формой, в чем бы она ни выражалась: в морфемном изменении типа *du wag-te-st* рядом с *wagen* или в сочетании слов типа *du hast gekampft* рядом с *Kampfen*.

Отсюда, следует: если можно утверждать, что морфологические видоизменения не нарушают тождество слова, будучи только формами единого семантического содержания, то в отношении других формальных особенностей слов этого утверждать нельзя: они связаны как раз не с единством лексического содержания, а с его расщеплением. Разная формальная одежда облекает здесь разное содержание. Является ли это разными единствами формы и содержания, т.е. иначе говоря, разными словами?

А.И. Смирницкий утверждает: для того, чтобы лексические разновидности слова представляли собой варианты одного и того же слова (иначе говоря, чтобы не возникала омонимия), необходимо:

1) чтобы они имели общую корневую часть, т.е. выраженную в звуковой оболочке лексико-семантическую общность; 2) чтобы не было соответствия между материальными, звуковыми различиями и различиями

лексико-семантическими, т.е. чтобы первые не выражали последних. Таким образом, в вариантах слова обнаруживается либо лексическое различие, которое не выражается внешне, либо, напротив, внешнее различие, которое не выражает лексического различия. Примером второго у него служит английское наречие *often* и наречие *oft*; обнаруживая внешнее различие в фонемном составе, обе формы имеют, одно значение, а именно «часто» и должны быть признаны вариантами (фономорфологическими) одного слова. Пример первой возможности – *shade* со значением «тень, неосвещенное место» и *shade* «оттенок»; различаясь только в семантическом отношении, они по звучанию совпадают полностью и поэтому тоже являются вариантами одного слова (лексико-семантические варианты). С другой стороны, *shade* в перечисленных значениях и *shadow* «тень, отбрасываемая предметом» – уже разные слова, так как тут налицо излишнее различие и различие семантическое. Смирницкий особенно подчеркивает, что «при наличии внешнего различия даже самое небольшое различие в значении ведет к разрыву тождеств слова».

Совершенно аналогично с изложенным рассуждает А.И. Смирницкий и в отношении морфологических особенностей слова (особенностей парадигматической схемы): «...различия ... парадигм образуют различие между двумя словами лишь в том случае, когда различие парадигм служит средством выражения другого, не грамматического, а предметного семантического различия...». Относя эту дифференциацию к немецкому материалу, можно определить, скажем, *das Tuch* со множественным числом *Tücher* и *das Tuch* со множественным числом *Tüche* как разные слова, так как морфологическая дифференциация сопровождается здесь лексическую (первое означает «платок», второе – «сукно»). Колебания же множественного числа *Themen* и *Themata* при форме единственного *das Thema* создают лишь грамматические варианты слова, а не разные слова, ибо к этим колебаниям безразлична семантика слова; грамматические разновидности не выражают в этом случае различий в лексическом содержании.

Таким образом, здесь, как и при разнице в звуковом оформлении даже самое небольшое семантическое расхождение ведет к разрыву тождества слова.

Считая синтаксическую и лексическую валентность слова формальной особенностью слова (напоминаем: В.В. Виноградов прямо говорит, что она конституирует форму слова!) и вариации в отношении такой валентности вариациями оформления слова, т.е. внешними различительными признаками, возможен следующий тезис: при ясно выраженных различиях в способности слова вступать в синтаксические сочетания, синтаксические построения (синтаксическая сочетаемость, валентность), а также в сочетании лексические (лексическая сочетаемость, валентность) даже небольшое различие в значении ведет к разрыву тождества слова. Такие единицы,

которые различаются и значением, и формально синтаксически (сочетательными потенциями), следует рассматривать как разные слова.

Меру «ясно выраженных различий» можно получить, определив модели окружений исследуемых слов, типовые конструкции с ними и возможности сочетаний с определенными подклассами слов. При этом имеется в виду, конечно, вероятностная характеристика упомянутых формальных черт слова.

Сравнение между собой таких формальных черт – назовем их «контурами» – определит, совпадают ли они друг с другом, «налагаются» ли они друг на друга и являются ли они тем самым равными или хотя бы подобными.

А.И. Смирницкий отрицает возможность использования сочетательных свойств слова для суждения об их тождестве, В.В. Виноградов – тоже. В соответствии со своим взглядом на тождество слова В.В. Виноградов определяет согласно – наречие в значении «дружно, единомысленно» (жить согласно) и согласно – предлог со значением «в соответствии» (жить согласно предписанию) как «несомненно разные формы слова». В скобках ои добавляет: «едва и скажем: два разных слова-омонима». Слова, принадлежащие к разным частям речи, по В.В. Виноградову оказываются, таким образом, не разными словами, а одним.

Вместе с тем второе согласно будет всегда сочетаться с дательным падежом некоторых имен существительных, а первое согласно такой возможности сочетания никогда не обнаружит.

Следовательно, эти две лексемы, хотя они и неизменяемы и морфологически дифференцироваться не могут, различаются синтаксической формой так же ясно и недвусмысленно, как и формой морфологической.

Мы придерживаемся поэтому иного взгляда на вышеприведенный пример и определили бы наречие согласно и предлог согласно и другие аналогичные случаи как разные слова, поскольку весь «контур» их употребления, вся сумма их дистрибуций не совпадают между собой. Дистрибуция определяет и типовые конструкции, характерные для слова в предложении, и лексические подклассы слов, заполняющие отдельные места в этих конструкциях.

Различия и в том, и в другом отношении позволяют нам утверждать, что словесные единицы, внешне схожие, не тождественны друг другу, не равны между собой и являются, следовательно, омонимами.

В большинстве случаев объективно существующее различие значений слова (не употреблений его, а значений) связано с различными потенциями в области синтаксической и лексической сочетаемости, с разными правилами конструирования в речи. Именно эти правила придется досконально изучить для того, чтобы можно было судить о тождестве слова.

Понятие омонимии, очевидно, будет значительно расширено в связи с таким подходом. Подобное расширенное ее понимание является продол-

жением движения, начавшегося в ту пору, когда «семантическая» концепция омонимов выступила против «этимологической». Это движение было вполне естественным: при прежнем понимании омонимии огромное количество слов с резкой и разнозначностью приходилось толковать как единое целое. По настоящему истолковать это слово с современной точки зрения оказывалось невозможным, и толкование превращалось в простое перечисление несовместимых друг с другом значений.

Однако речь будет идти не о простом расширении понятия омонимии, а об изменении более глубоком. Прежде всего, ясно, что принцип общего этимологического происхождения не будет играть никакой роли при таком подходе: речь пойдет не об одинаковости или разности происхождения слова, а об одинаковости или разности его отношения к предложению и словосочетанию на определенном, и притом синхронном, этапе. С другой стороны, и критерий семантической близости или удаленности столь трудно измеримых каким-нибудь объективным масштабom не будет для нас играть прежней роли. Поэтому разница в значениях, «казавшаяся» исследователям недостаточной для признания совершившегося разрыва одной лексемы на две, может оказаться для нас достаточной при ином критерии распределения.

Не следует считать, что принципиально, где два значения – там два слова; и не следует утверждать, что любая падежная форма имени или временная форма глагола – это разные слова. Однако можно отметить, что там, где различие в значениях сопровождается какими-либо формальными дифференцирующими признаками – будь то разное морфологическое оформление слова, разные грамматические категории, ему присущие, разные парадигматические схемы, для него типичные, или же разные синтаксические построения, в которые может входить слово, разная сочетаемость с другими словами, – там нельзя говорить о тождестве слова.

И то, и другое в одинаковой мере характеризует слово в целом: как наличие разных парадигматических схем, так и наличие разной валентности определяет разность между словами: «...самое наличие ее (грамматической формы) у данного слова и конкретные ее особенности могут определенным образом характеризовать соответствующее слово в целом, так как слово вообще выделяется как таковое определенной своей грамматической оформленностью».

В одном случае следует признать, что некие единицы A1 и A2 – разные слова, т.е. омонимы потому, что, имея разное значение, они в своих морфологических изменениях разнятся друг с другом; в другом случае можно говорить, что B1 и B2 – омонимы потому, что, имея разное значение, они обнаруживают в сумме разные типовые окружения и разные потенции синтаксического моделирования. Обе системы дифференциации перекрещиваются друг с другом.

Суммируем взгляды на то, что следует именовать словами-омонимами.

1. Безусловно омонимами являются слова, принадлежащие к разным частям речи, хотя они и развились первоначально из одной лексемы и по лексическому значению часто тесно связаны друг с другом. Ср. нем. leben «жить» и das Leben «жизнь», притягательное laut «громкий» и существительное der laut «звук», прилагательное gelehrt «ученый» и существительное der Gelehrte ученый, наречие da «тут, там» и союз da «так как», существительное die Kraft «сила» и предлог kraft «в силу, в соответствии».

Парадигматические схемы глагола leben (ich lebe, du lebst, er lebt ... ich lebte, du lebstest, er lebte и т.д.) и существительного das Leben (das Leben, des Lebens и т.д.) или прилагательного laut и существительного der Laut являются совершенно различными. Грамматические категории, присущие этим парам слов, естественно, не будут совпадать.

Существительное die Kraft изменяется по парадигме склонения женского рода, в то время как предлог неизменяем. При отсутствии парадигматических различий, как, например, в случае наречия da- союз da, выявляются иные, совершенно ясно дифференцирующие формальные признаки: союз da обязательно стоит во главе предложения, который замыкается глаголом (например: Da er mit gedampfter Sliinme sprach, konnte man ihn kaum verstehen), что для наречия отнюдь не характерно.

2. Безусловными омонимами считают одинаково звучащие слова, которые, принадлежа к одной части речи, имеют разные морфологические характеристики, разные парадигматические схемы (тип склонения, образование множественного числа, род, тип спряжения и т.п.).

Например: der Bauer «крестьянин» – слабое склонение, das \ der Bauer «клетка» – сильное склонение; der Tor «дурак» – слабое склонение, das Tor «ворота» – сильное склонение; der Kiefer «челюсть» – сильное склонение, die Kiefer «сосна» – склонение женское, т.н. третьего типа; в данном случае речь идет о словах разного грамматического рода и разного склонения. Der Schild «щит» и das Schild «вывеска» имеют один тип склонения, но разный грамматический род и разное образование множественного числа: Schilde и Schilder; das Gesicht «лицо» и das Gesicht «призрак», имея одинаковый род и тип склонения.

Глагол bewegen «двигать» и глагол bewegen «склонять, побуждать» относятся к разным типам спряжения: первый – к слабому, второй – к сильному; так же erschrecken «пугать» и erschrecken «пугаться».

3. Для слов, совпадающих по принадлежности к одной части речи и по морфологической характеристике, решающим является третий различительный признак: сумма «дистрибуций» слова, те словосочетательные возможности, как в синтаксическом, так и в лексическом отношении, которые его характеризуют. При выраженном несовпадении сочетательных потенций следует говорить о наличии двух (и более) словесных единиц двух (и более) слов.

Иногда решение вопроса сравнительно просто, как, например, в случае транзитивного и интранзитивного вариантов глагола. Ясно, что транзитивный глагол *ausreißen* «вырывать» постоянно будет конструироваться с именем в винительном падеже. Определение лексической категории слов, сочетающихся таким образом, с *ausreißen*, будет излишним. Интранзитивное *ausreißen* с основным значением «удирать, убегать» никогда не будет сочетаться с таким именем. Эти взаимоисключающие свойства *ausreißen*¹ и *ausreißen*² служат формальным доказательством омонимии двух слов и формальной (только не морфологической, а синтаксической) характеристикой их.

Не всегда, однако, так просто решается вопрос о совпадении или несовпадении валентности того или иного слова. В ряде случаев необходим подробный анализ типичных и нетипичных синтаксических конструкций или лексических сочетаний, возможных и невозможных конструкций и сочетаний.

При лексических сочетаниях встанет неизбежный вопрос о классах и подклассах слов.

Надо сказать, что третий признак омонимии является самым важным и всеобъемлющим признаком. Он обязательно сопровождает первые два (омонимия слов, принадлежащих к разным частям речи, и омонимия слов с разными морфологическими показателями), которые характеризуют лишь часть омонимов. Действительно, в случае *Kraft* и *kraft* определять омонимию будет не только то, что одно слово – имя существительное, а другое – предлог, а и то обстоятельство, что синтаксическое поведение обоих слов будет совершенно различным. Они не совпадут ни в одной из своих конструкций. Аналогично и *der Bauer* и *das (der) Bauer* будут отличаться не только парадигмой склонения, но и синтаксическим, и лексическим окружением, совершенно не совпадающим для обоих слов. В омонимах *der Stock* «палка» и *der Stock* «этаж» различительным признаком будет только последний, третий.

Есть еще один отличительный признак омонимии: словообразовательные связи слов. Так, слово *der Schlosser* «слесарь» несомненно произведено от *das Schloss* «замок», а не от *das Schloss* «дворец, замок». *Der Schwindler* «обманщик» и *beschwindeln* «обманывать» ничем не связаны с безличным *schwindeln* «кружиться, туманиться», а безусловно производны от *schwindeln* «обманывать, дурачить». Наличие разных словообразовательных гнезд – признак того, что перед нами два разных слова.

Лексические омонимы

Омонимия (от греч. *homonymia* – одноименность) в языкознании – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом.

Лексические омонимы – одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно. Возникновение в языке омонимов вызвано разными причинами. В результате исторических звуковых изменений может произойти совпадение ранее различных по звучанию слов, напр. рус. «лук» (растение) и «лук» (для стрельбы; где $y < Q$), англ. *flaw* 'трещина' и *flaw* 'порыв ветра', франц. *resche* 'персик' и *resche* 'рыболовство, улов'. К появлению омонимов может привести заимствование иноязычного слова: напр., заимствованное из немецкого (через польский) слово «брак» ('изъян') совпало с исконно русским «брак» ('жених'; этимологически связано с глаголом «брат»); иногда совпадают по звучанию слова, заимствованные в данный язык из разл. источников: ср. «рейд» ('место стоянки кораблей'; из нидерл. яз.) и «рейд» ('военный набег в тыл противника'; из англ. яз.). Источником О. в данном языке может быть звукоподражательное происхождение одного из омонимов: напр., «шип» (от «шипеть») и «шип» (розы) и т.п. Наиболее продуктивным и исторически наиболее сложным фактором появления О. является разрыв первоначально единой семантики многозначного слова: рус. «свет» ('лучистая энергия') и «свет» ('мир, вселенная'), нем. *Zu* 'течение, тяга' и *Zug* 'поезд', франц. *train* 'ход' и *train* 'поезд' и т.п. Сложность этого фактора заключается в том, что разрыв, расхождение значений, т.е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется постепенно; нередко случаи, по-разному трактуемые в разных словарях: то как значения одного слова, то как омонимы (ср. рус. «журавль» – 'птица' и 'шест у колодца'; чет. *jeřab* – 'журавль' и 'подъемный кран' и т.д.). В «Словаре омонимов русского языка» О.С. Ахмановой приведено много омонимов, появившихся в рус. яз. вследствие распада полисемии, причем автор отмечает, что в значит. числе случаев О. находится в состоянии процесса, и стремится разграничить при помощи спец. обозначений «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы расхождения значений; к последним отнесены такие случаи, как, напр., «гладить» (белье и ребенка), «волочиться» ('волочиться по земле' и 'волочиться за девицами') и т.п.

Трудность разграничения полисемии и О. приводит некоторых ученых к утверждению, что омонимами целесообразно считать только слова, различные по происхождению (В.И. Абаев). Однако, во-первых, не во всех случаях удастся установить происхождение слова, а во-вторых, – и это главное – следование такой установке отодвинуло бы понятие О. в область исторической лексикологии, в то время как именно для современных языков приходится разграничивать значения, связанные одно с другим, и значения, которые хотя и выражены одинаковой звуковой формой, в семантическом плане не имеют ничего общего. Это вопрос не только лингвистической теории, но и лексикографической практики.

Некоторые исследователи в качестве объективных критериев разграничения О. и полисемии выдвигали словообразовательные и синтаксические

характеристики; однако их значение нельзя признать решающим, поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений (часто производные вообще «специализируют» значение производящего), а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях далеко не всегда связана с их семантическим разрывом: ср. «писать» (кому, что, о чем) и «писать» в абсолютном употреблении (ср. заголовок фельетона И. Ильфа и Е. Петрова: «Писатель должен писать», а также производные от этого глагола: «писатель», «писание», «письмо» и т.д.). Большую группу омонимов в русском языке составляют слова, звуковое совпадение которых обусловлено независимым (иногда – в разное время) образованием от одной и той же основы при помощи одних и тех же аффиксов, по каждому в специализированном значении: «ветрянка» (мельница) и «ветрянка» (оспа), «приемник» (учреждение) и «приемник» (устройство для приема чего-либо) и т.д.

Различаются полная и частичная омонимия, при которой совпадают только отдельные формы слов, называемые омоформами, напр. рус. «стих» (глагол) и «стих» (существит.), англ. saw 'пила' и saw (форма глагола to see 'видеть') и т.п. Наряду с омонимами выделяют также омографы – слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение (в рус. яз.: «мука» – «мука», «трусить» – «трусить» и т.п.) или вообще произношение, и омофоны – слова, которые произносятся одинаково, но различаются в написании: «косный» – «костный»; в русском языке чаще это слова, совпадающие по звучанию лишь в отд. формах: «пруд» – «прут», «лук» – «луг» и т.п. В языках с более традиционной орфографией, как, напр., англ. и франц. языки, омофонов значительно больше: франц. boulot и bouleau, pot и peau, англ. write и right, week и weak и т.д. Особое место занимают словообразовательные конверсивы, особенно характерные для английского языка.

Омонимичными могут быть также грамматические формы слов – грамматические омонимы: напр., формы прилагательных «большой», «молодой» и т.п. представляют собой формы им. п., ед. ч. муж. рода («большой дом», «молодой человек»). род. п. ед. ч. жен. рода («большой дороги», «молодой поросли»), дат.п. ед.ч. жен. рода («большой дороге», «молодой поросли»). Основанием для признания этих форм разными, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах.

При полисемии (многозначности) звуковое единство всегда сочетается с большим или меньшим смысловым единством. Сколько бы ни было значений у слова, между всеми значениями должно сохраняться что-то общее. Однако в русском языке есть немало одинаково звучащих слов, не имеющих ничего общего в значении. Например: клуб (дыма) и клуб (университетский); лук (оружие) и лук (растение); наряд (одежда) и наряд (документ); брак (супружество) и брак (испорченная продукция).

Слова, одинаково звучащие, но не связанные по значению (по сходству, смежности называются омонимами (от гр. *homonyma* от *homos* – «одинаковый» и *onoma* – «имя»). Явление совпадения в звучании не связанных по значению слов носит название омонимии.

Итак, если при полисемии речь идет о различных значениях одного и того же слова, то при омонимии – о разных словах, одинаково звучащих.

Как же возникают в языке омонимы? Основные причины их возникновения следующие:

1. Омонимы возникают в результате совпадения звучания заимствованного и исконно русского слов (по принципу «свое – чужое»). Например: брак (супружество) – русское и брак (недоброкачественное изделие, дефект в нем) – из немецкого *brock*, лава (расплавленная вулканическая масса) – из итальянского *lava* и лава (забой) – русское; горн (плавильная печь) – русское и горн (музыкальный инструмент) – из немецкого и др.

2. Омонимы образуются в результате звукового совпадения разных по значению слов, пришедших в русский язык из других языков (по принципу «чужое – чужое»). Например: рейд (набег подвижных военных сил) – из английского и рейд (водное пространство) – из голландского; фокус (точка пересечения преломленных или отраженных лучей) – из латинского и фокус (трюк) – из немецкого; нота (музыкальный знак) и нота (дипломатическое письменное обращение одного правительства к другому) – оба слова из латинского и др.

3. Появляются омонимы и в результате смыслового обособления одного из значений многозначного слова. Например: свет (лучистая энергия) и свет (земля, мир, вселенная); слог (часть слова) и слог (стиль); вид (внешность, облик) и вид (разновидность, тип) и др.

Таковыми способами возникают в языке лексические омонимы – слова одной и той же части речи, имеющие одинаковые формы словоизменения. Помимо лексических омонимов выделяют омофоны, омоформы и омографы. Омофоны (фонетические омонимы) – слова, имеющие одинаковое звучание, но различное графическое изображение на письме. Например: пруд – прут, столб – столп, род – рот, развеять – развивать и др.

Омоформы (грамматические омонимы) – это совпадение отдельных форм слов. Например: лечу (от лететь) и лечу (от лечить), мой (от мыть) и мой (местоимение); три (от тереть) и три (числительное) и др.

Омографы (графические омонимы) – слова, которые отличаются друг от друга лишь местом ударения. Например: замок – замок, кружки – кружки и др.

Но, как справедливо отмечает академик В.В. Виноградов, «нельзя смешивать или даже сближать собственно лексическую омонимию с различного рода созвучиями и подобозвучиями, встречающимися в речи».

Толковые словари разграничивают многозначные слова и омонимы. Омонимы даются в разных словарных статьях, в отличие от многозначных слов, значения которых даются видной словарной статье.

Омонимы используются для создания художественных образов, каламбуров, шуток и т.п.

Есть специальные словари омонимов русского языка: Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974; Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978.

Пути появления омонимов в языке.

Критерии разграничения значений многозначного слова и омонимов

В процессе исторического развития словаря появление лексических **омонимов** было обусловлено рядом причин. Одной из них является семантическое расщепление, распад *полисемантического (многозначного) слова*. В этом случае **омонимы** возникают в результате того, что первоначально разные значения одного и того же *слова* расходятся и становятся настолько далекими, что в современном языке воспринимаются уже как разные слова. И лишь специальный этимологический анализ помогает установить их прежние семантические связи по каким-то общим для всех значений признакам. Таким путем еще в древности появились **омонимы** свет – освещение и свет – Земля, мир, вселенная.

Расхождение значений многозначного слова наблюдается в языке не только у исконно русских слов, но и у слов, заимствованных из одного языка. Интересные наблюдения дает сравнение омонимии этимологически тождественных агент – представитель государства, организации и агент – действующая причина тех или иных явлений (оба слова из латинского языка).

Представляется целесообразным считать способ *расщепления значений* достаточно активным, хотя продуктивность его для разных структурных типов **омонимов** неодинакова

Омонимия может быть результатом совпадения звучания слов, например, заговорить «заговаривать зубы» (ср. заговор) и заговорить (заговаривать, начать говорить).

Многие из производных омонимичных *глаголов* являются *частичными лексическими омонимами*: **омонимия** производных глаголов засыпать от спать и засыпать – от сыпать. Образование подобных **омонимов** во многом обусловлено *омонимией словообразовательных аффиксов*.

Современной наукой выработаны критерии разграничения омонимии и многозначности, помогающие развести значения одного и того же слова и омонимы, которые возникли в результате полного разрыва полисемии.

Предлагается *лексический способ* разграничения многозначности и омонимии, который заключается в выявлении синонимических связей

омонимов и полисеманта. Если созвучные единицы входят в один синонимический ряд, то у разных значений еще сохраняется семантическая близость и, следовательно, рано говорить о перерастании многозначности в омонимию. Если же у них синонимы разные, то перед нами омонимия. Например, слово *коренной*₁ в значении «коренной житель» имеет синонимы *исконный*, *основной*; а *коренной*₂ в значении «коренной вопрос» – синоним *главный*. Слова *основной* и *главный* – синонимичны, следовательно, перед нами два значения одного и того же слова. Иной пример; слово *худой*¹ в значении «не упитанный» образует синонимический ряд с прилагательными *тощий*, *щуплый*, *сухопарый*, *сухой*, а *худой*² – «лишенный положительных качеств» – с прилагательными *плохой*, *скверный*, *дурной*. Слова *тощий*, *щуплый* и др. не синонимизируются со словами *плохой*, *скверный*. Значит, рассматриваемые лексические единицы самостоятельны, т.е. омонимичны.

Применяется **морфологический способ** разграничения двух сходных явлений: многозначные слова и омонимы характеризуются различным словообразованием. Так, лексические единицы, имеющие ряд значений, образуют новые слова с помощью одних и тех же аффиксов. Например, существительные *хлеб*₁ – «хлебный злак» и *хлеб*₂ – «пищевой продукт, выпекаемый из муки», образуют прилагательное с помощью суффикса *-н-*; ср. соответственно: *хлебные всходы* и *хлебный запах*. Иное словообразование свойственно омонимам *худой*¹ и *худой*². У первого производные слова *худоба*, *похудеть*, *худущий*; у второго – *ухудшить*, *ухудшение*. Это убеждает в их полном семантическом обособлении.

У омонимов и многозначных слов, кроме того, и различное формообразование; ср. *худой*¹ – *худее*, *худой*² – *хуже*.

Используется и **семантический способ** разграничения этих явлений. Значения слов-омонимов всегда взаимно исключают друг друга, а значения многозначного слова образуют одну смысловую структуру, сохраняя семантическую близость, одно из значений предполагает другое, между ними нет непреодолимой границы.

Однако все три способа разграничения многозначности и омонимии нельзя считать вполне надежными. Бывают случаи, когда синонимы к разным значениям слова не вступают в синонимические отношения между собой, когда слова-омонимы еще не разошлись при словообразовании. Поэтому нередки разночтения в определении границ омонимии и многозначности, что сказывается на толковании некоторых слов в словарях.

Омонимы, как правило, приводятся в отдельных словарных статьях, а многозначные слова – в одной, с последующим выделением нескольких значений слова, которые даются под номерами. Однако в разных словарях порой одни и те же слова представляются по-разному.

Семантическое поле. Лексико-семантическая группа.

Гипонимия как особый вид отношений единиц семантического поля

Семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком. Это объединение языковых единиц, проводимое по содержательным (семантическим) критериям.

Для упорядочивания поля выделяют доминанту в поле.

Доминанта – слово, которое может служить наименованием поля в целом. Доминанта входит в состав поля.

Поля бывают *синонимические* и *гипонимические*. В синонимическом поле доминанта входит в состав поля наравне с другими членами этого поля. Если же доминанта возвышается над другими элементами поля, то такое поле называется гипонимическим.

Дифференциальным семантическим признаком является сема.

Одним из классических примеров семантического поля может служить поле цветообозначений, состоящее из нескольких цветовых рядов (*красный – розовый – розоватый – малиновый; синий – голубой – голубоватый – бирюзовый* и т.д.):

общим семантическим компонентом здесь является «цвет».

Семантическое поле обладает следующими основными свойствами:

1. Семантическое поле интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью.
2. Семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка.
3. Единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями.
4. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Лексико-семантическая группа – совокупность слов, относящихся к той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения. Так, к лексико-семантической группе лексемы *земля* относятся слова:

планета – земной шар – мир;

почва – грунт – слой;

владение – поместье – имение – усадьба;

страна – государство – держава.

Гипонимия – тип парадигматических отношений в лексике, лежащий в основе её иерархической организации: противопоставление лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объёмы которых пересекаются, напр. слово с более узким смысловым содержанием (гипоним; см.) противопоставлено слову с более широким смысловым содержанием (гиперониму, или суперординате). Значение первого при этом включается в значение второго, напр. значение слова *берёза* включается в значение слова *дерево*.

Многозначные слова и омонимы

Полисемия опирается на связанность значений слова: все его значения опираются на общее, стержневое значение. Однако не все значения слова сохраняются в равной степени, влияют на его употребление и словообразовательные связи. Это приводит к тому, что многозначное слово распадается на ряд слов, у которых общей является лишь звуковая форма.

Так, в древнерусском языке слово живот имело значения: 1) жизнь, 2) животный мир. Сейчас у этого слова эти значения утрачены, однако возникло эвфемистическое значение 'брюхо'. У слов полка (книжная) и полка (редиса) значения никак не связаны; это два различных слова.

Двумя разными словами являются завод¹ и завод² показателем этого служит различие прилагательных, образованных от них: заводской и заводной.

Слова, которые совпадают по звуковой форме, но различаются по значению (и эти значения сейчас не связаны друг с другом), называются омонимами.

В отличие от полисемии омонимия возникает на основе общности только звуковой формы: значения слов-омонимов не имеют общего семантического стержня.

Сближаются как омонимы чаще два слова. Однако встречаются и три одинаково звучащих слова. Например, в русском языке слова: коса – сплетенные в одну прядь волосы, коса – сельскохозяйственное орудие для кошения, коса – полуостров в виде узкой отмели – сближаются друг с другом совпадением звуковой формы. Как омонимы выступают слова топить (масло), топить (печь) и топить (погружать в воду).

Совпадение звуковой формы разных слов не является особенностью только русского языка. Омонимы имеются в различных языках, хотя количество их в разных языках различно. Например, коса (kosa) – сельскохозяйственное орудие – встречается в ряде славянских языков: русском, болгарском, украинском, польском, чешском. Слово коса – сплетенные в одну прядь волосы на голове человека – уже такого широкого распространения не имеет. С этим значением в болгарском языке употребляется слово плитка, в польском – warkocz, а в чешском – sor.

В разных языках можно отметить поэтому такие омонимы, которые отсутствуют в других языках. Например, в болгарском языке кола – печатный лист и шла – крахмал. В немецком языке можно отметить такие омонимы, как Schauer – наблюдатель и Schauer – ужас; в английском: ear – ухо и ear – колос; во французском: louer – нанимать и louer – хвалить.

Омонимы являются принадлежностью лексической системы конкретного, отдельного языка. Случайные совпадения звуковой формы слов различных языков нельзя считать омонимами в точном значении этого термина. Такие, например, слова, как татарское ил – страна и русское ил –

вязкий остаток на дне водоема, не употребляются в одном и том же языке и не образуют омонимичных нар. Такие совпадения не наблюдаются, следовательно, при функционировании конкретного языка. С ними можно встретиться при сопоставлении двух языков, например, при переводе с одного языка на другой и при научном изучении родственных языков. Межъязыковые омонимы встречаются при двуязычии. Так, русское и болгарское слова гора совпадают только по звуковой форме, так как болгарское слово гора означает 'лес': букова гора – буковый лес.

В связи с тем что язык имеет как устную, так и письменную форму, можно отметить три вида совпадений звуковой и буквенной формы разных слов – полные омонимы и неполные омонимы (омофоны и омографы).

Полными омонимами называют различные слова, совпадающие по звуковой и письменной форме. Такими являются, например, слова лук – растение и лук – оружие, коса (в указанных трех значениях). Однако возможно расхождение между произношением и правописанием, и на этой основе возникают омофоны и омографы.

Омофонами называются разные слова, которые, различаясь при их написании, совпадают в произношении, например: русские слова лук и луг, отвести (отведу) и отвезти (отвезу), немецкие Seite – сторона и Saite – струна.

Значительное количество омофонов встречается во французском и особенно в английском языке. Так, в английском слова write – писать и right – прямой, прямо, выпрямляться произносятся одинаково [rait]. Одинаково произносятся и такие слова, как meat – мясо и meet – встречать.

Омографами называют такие разные слова, которые совпадают по написанию, хотя и произносятся различно (как в отношении звукового состава, так и места ударения в слове), например: русские слова замок и замек, английские tear – слеза и tear – рваться.

Омонимия широко распространена в языках и не ограничивается совпадением слов. Наряду со звуковым совпадением слов возможно совпадение отдельных форм разных слов. Так, например, в русском языке у существительных типа кость совпадает форма винительного и именительного падежей единственного числа. У глаголов типа строиться в произношении совпадает форма инфинитива и форма 3-го лица единственного числа настоящего времени: дом строится.

В этих случаях речь идет уже не о лексических омонимах, а о морфологических. Разные формы слов, совпадающие по звуковому облику, называются омоформами. При лексической омонимии звуковое совпадение распространяется на слова-омонимы (коса и коса, топить и топить), при морфологической омонимии совпадают отдельные, и при том вполне определенные, формы слов того или иного грамматического класса.

Например: знать и пасть – существительные и знать и пасть – глаголы, простой – прилагательное и простой – существительное, пила (существи-

тельное, обозначающее инструмент) и пила (прошедшее время глагола), коса – существительное и коса – краткое прилагательное от косая, мой – местоимение и мой – повелительная форма глагола, три – числительное и три – повелительная форма глагола, спеть – совершенный вид к петь и спеть – зреть, созреть.

Как полисемия, так и омонимия с точки зрения истории семантической системы языка представляют собой различные ступени развития многозначности в слове, один из путей возникновения омонимов. Омонимы и возникают в языке чаще всего путем распада полисемии, путем образования в слове двух независимых номинативных значений.

Наряду с образованием омонимов путем распада многозначности слова возможен и другой путь образования омонимов. Второй путь образования омонимов состоит в звуковом сближении разных слов.

Лексическими омонимами (греч. *homos* – одинаковый + *онума* – имя) называются два и более разных по значению, совпадающие в написании, произношении и грамматическом оформлении. Например, блок1 – союз, соглашение государств и блок2 – простейшая машина для подъема тяжестей; ключ1 – металлический стержень особой формы для отпирания и запираания замка и ключ2 – бьющий из земли источник, родник.

В лексикологии различают два типа слов-омонимов – полные и неполные (или частичные).

К полным лексическим омонимам относятся те же слова одной и той же части речи, у которых совпадает вся система форм. Так, приведенные выше омонимы блок1 и блок2, ключ1 и ключ2 являются полными омонимами.

К неполным (частичным) лексическим омонимам относятся слова одной и той же части речи, у которых совпадает не вся система форм. Например, слова завод1 – промышленное предприятие и завод2 – приспособление для приведения в действие – механизма (второе слово не имеет мн. числа): мир1 – совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве и мир2 – согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры (второе слово также не употребляется в форме мн. числа).

Слова-омонимы характеризуются прежде всего тем, что они соотносятся с тем или иным явлением действительности независимо друг от друга, поэтому между ними не существует никакой ассоциативной понятийно-семантической связи, свойственной разным значениям многозначных слов. При реализации лексического значения слов-омонимов их смешение практически невозможно.

Например, никто не подумает, что речь идет о ключе как «роднике, источнике», если, стоя у двери, просят дать ключ, т.е. «приспособление для приведения в действие замка». Понятийно-тематическая соотнесенность слов совершенно разная, и употребление в тексте (или в живой речи)

одного из омонимичных слов исключает использование другого. (Если, конечно, нет нарочитого их столкновения с определенным стилистическим заданием).

Итак, лексическая омонимия наблюдается среди слов одних и тех же пустей речи. При этом двум или нескольким лексическим омонимам (полным или частичным) свойственно абсолютное тождество звукового и орфографического комплекса, т.е. внешней структуры (ср.: отстоять¹ – простоять до конца, отстоять² – защитить, отстоять³ – находиться на каком-то расстоянии и др.) и всех (или части) грамматических форм (ср. сходное изменение по падежам, наличие одних и тех же форм числа трех слов, являющихся полными лексическими омонимами: банка¹ – сосуд, банка² – отмель, банка³ – спец. поперечное сидение в лодке).

Возникновение омонимов в русском языке

В процессе исторического развития словаря появление лексических омонимов было обусловлено рядом причин.

Одной из них является семантическое расщепление, распад полисемантического слова. В этом случае омонимы возникают в результате того, что первоначально разные значения одного и того же слова расходятся и становятся настолько далекими, что в современном языке воспринимаются как разные слова. И лишь специальный этимологический анализ помогает установить их прежние семантические связи по каким-то общим для всех значений признакам. Таким путем еще в древности появились омонимы свет – освещение и свет – Земля, мир, вселенная.

В 1972 г. впервые признана и зафиксирована в Словаре Ожегова омонимия слов долг – обязанность и долг – взятое в займы. В 50-х годах эти слова рассматривались как варианты одного и того же слова с разными значениями. Это указывает на длительность процесса расщепления многозначного слова и превращения его значений в самостоятельные слова-омонимы, на неизбежность появления «промежуточных, переходных случаев», когда затруднительно дать однозначную семантическую характеристику слова. Например, неодинаково в разных словарях рассматриваются слова вязать (стягивать веревкой) и вязать (спицами, крючком), махнуть (чем-нибудь) и махнуть (отправиться куда-нибудь), палить (обжигать пламенем) и палить (стрелять залпами) и др.

Расхождение значений многозначного слова наблюдается в языке не только у исконно русских слов, но и у слов, заимствованных из какого-либо одного языка. Интересные наблюдения дает сравнение омонимии этимологически тождественных слов: агент – представитель государства, организации и т.п. и агент – действующая причина тех или иных явлений (оба слова из лат. *agens, agentis* – от *agere* – действовать); ажур – сквозная

сетчатая ткань и ажур – ведение бухгалтерских книг, документов до последнего дня (от фр. а ајоиг – сквозной: подытоженный).

Следует заметить, что по вопросу о роли распада многозначного слова в образовании омонимов в современной лексикологии нет единого мнения. Так, В.И. Абаев в статье «О подаче омонимов в словаре» (см.: Вопросы языкознания, 1907, № 3) высказал мысль о том, что новые омонимы, их «размножение идет в основном за счет полисемии». Е.М. Галкина-Федорук в статье «К вопросу об омонимах в русском языке» также считали одним из продуктивных способов образования омонимов «обособление значения слов».

Однако В.В. Виноградов отмечал непродуктивность этого способа образования, считая, что «еще меньше омонимов обязано своим образованием семантическому распаду единой лексемы на несколько омонимичных лексических единиц типа свет – вселенная, и свет – освещение. А.А. Реформатский утверждал, что в русском языке «больше всего омонимов, возникших благодаря заимствованиям», хотя он признавал и факт активности процесса производной омонимии. А.И. Смирницкий основным источником пополнения языка омонимами называл случайные звуковые совпадения. О.С. Ахманова, признавая достаточную активность омонимов, возникающих в результате разошедшейся полисемии, указывала в то же время и на большие трудности, с которыми связаны поиски объективных критериев оценки завершения процесса омонимизации.

Омонимия может быть результатом совпадения звучания, написания и полного или частичного совпадения формоизменения исконного слова и заимствованного. Например, русское (ставшее теперь уже областным по употреблению) лава – плот, помост и русское же лава – забой со сплошной системой разработки совпали в звучании со словами лава – боевой порядок в строю (из польск. ława – ряд, шеренга) и лава – расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом (из итал. lava), русское рубка – расщепление на части совпало со словом рубка – закрытое помещение на верхней палубе судна или надстройках корабля (из голл. roef – каюта); русское горн – «кузнечный» совпало с горн – «рог» (из нем. Horn) и т.д. Но таких примеров в языке сравнительно немного.

Омонимы появлялись и в результате того, что два или несколько слов, заимствованных из разных языков (нередко и в разное время), в силу определенных фонетических причин оказывались в русском языке созвучными.

Таков путь возникновения уже упоминавшихся омонимов блок – союз (из франц. bloc – объединение), блок – машина для подъема тяжестей (из англ. block). Есть еule и третье слово блок – железнодорожный пост, где находится пункт управления движения поездами (из англ. to block – закрывать, заграждать) и т.д.

Нередко омонимичными в русском языке оказываются разные слова, заимствованные из одного языка. Например: банкет – торжественный обед, прием (из франц. banquet – пиршество) и банкет – 1) воен. небольшое возвышение у траншеи, устроенное для удобства ружейной стрельбы, 2) морск. и ж/д выемка вдоль верхнего края откоса (из франц. banquette – уменьшит., от bane – куртина); карьер – самый быстрый бег лошади (из франц. corriere – бег) и карьер – спец. открытые разработки неглубоко залегающих ископаемых (из франц. carriere – каменоломня); массировать – делать массаж (из франц. masser – производить массаж) и массировать – спец. сосредоточить в одном месте войска, авиацию и т.д. (из франц. masse – масса, глыба, ком) и др.

Совпадение звучания русского и заимствованного слов происходит иногда не сразу. Слова когда-то по-разному произносившиеся и писавшиеся в процессе исторического развития языка совпадают и в написании, и в произношении.

Такой путь прошли, например, слова лук – огородное растение (древнее заимствование из германских языков) и лук – ручное оружие для метания стрел (восходит к древнерусскому слову, в котором на месте гласного у стоял носовой звук о). С исчезновением из алфавита носового о эти слова стали омонимами, хотя и неполными (у первого слова нет форм мн. числа).

Результатом «фонетического совпадения этимологически разных славянских слов с непроемной основой» считает В.В. Виноградов и появление омонимии слов мир¹ – вселенная и мир² – покой; пар¹ – газ, воздух и пар² – незасеянное поле. Но таких омонимов в языке немного. (Заметим, однако, что омонимия слов мир¹ и мир² является скорее следствием графических изменений, результатом исчезновения разных написаний букв и и і.)

По структуре омонимы бывают простые, или не производные, и производные.

Непроизводные омонимы чаще всего встречаются в кругу имен существительных. Это такие омонимы, которые, как уже отмечалось, возникли в результате совпадений слов исконных и заимствованных, путем фонетических трансформаций исконных русских слов, а также в процессе словообразования. В производной омонимии существительных и глаголов исследователи вслед за В.В. Виноградовым обычно выделяют такие разновидности:

1. Омонимичные производные основы состоят каждая из двух (и более) однотипных оморфем, например: лезгин-к-а (ср. лезгин) и лезгин-к-а (танец), толст-овк-а (последовательница учения Л.Н. Толстого) и толст-овк-а (рубашка особого покроя).

Оморфемам и (греч. homos – одинаковый -t- morphé – форма) называют фонетически совпадающие морфемы (аффиксы, флексии), различные по значению (т.е. омонимичные морфемы). Например, суффикс

-ин- в словах соломина, бусина, горошина (значение единичности), домина (увеличительное значение), уродина (пренебрежительно-бранное значение), свинина, баранина (придает значение «мясо животного»): приставка из- в глаголах изгнать (значение удаления) и израсходовать (значение исчерпанности действия): окончание -а в словах стена (им. п. ед. числа), дома (им. п. мн. числа), ушла (глагольное окончание ед. числа ж. р.) и т.д.

2. Омонимичные производные основы состоят из морфем, которые не совпадают по звуковому оформлению, например: бу-мажн-ик (рабочий бумажной промышленности) и бумаж-ник (кошелек для бумаг), ударн-ик (работающий по-ударному) и удар-ник (часть затвора).

3. В омонимичной паре слов производность основы ощущается лишь у одного из слов, а у другого (или других) происходит морфологический процесс опрощения, ср.: осад-ить – осаждать (подвергнуть осаде, т.е. окружать войсками), осадить – осаждать (выделять составную часть осадка), осадить – осаживать (т.е. заставить замедлить ход на всем скаку, податься назад, чуть присев).

4. Одна из омонимичных основ имеет производный характер. другая – непроизводная, например: нор-к-а (уменьшит, к нора) и норка (животное и шкура животного).

О.С. Ахманова подобные типы производных омонимов называет «словами с выраженной морфологической структурой» и различает среди них пять подтипов: 1) омонимию основ: колкий (взгляд, трава, насмешка) и колкий (сахар, дрова); 2) омонимию аффиксов: финка (к финн) и финка (нож); 3) омонимию с разной степенью членимости: выправить (гранки) и выправить (паспорт); 4) омонимию с различной внутренней структурой: самострел (вид оружия, которое само стреляет) и самострел (тот, кто в себя стреляет).

5. Омонимию разных частей речи: печь (существительное) и печь (неопределенная форма глагола).

Производная омонимия среди глаголов (процесс, наиболее активный в современном языке) «возникает в таких случаях, когда у одного глагола приставка сливается с основой, теряя свою морфологическую выделяемость или отделяемость, а у другого, омонимичного с первым, она сохраняет свои смысловые функции отдельной морфемы. Например: назвать «называть кого чем» (ср. название) и на-звать (много кого), заговорить «заговаривать зубы» (ср. заговор) и за-говорить (заговаривать, начать говорить)».

Многие из производных омонимичных глаголов являются частичными лексическими омонимами. Ср. омонимию производных глаголов закапывать – от копать и закапывать – от капать, засыпать – от спать и засыпать – от сыпать. Образование подобных омонимов во многом обусловлено омонимией словообразовательных аффиксов, т.е. оморфем.

Если полное совпадение внешней формы двух и более слов нарушено, а слова в речевом потоке по тем или другим языковым признакам сближаются, то речь может идти не о лексической омонимии, а о явлениях, лишь в чем-то сходных с ней, но совершенно самостоятельных.

Языковые явления, сходные с лексической омонимией

Омонимия как языковое явление наблюдается не только в лексике. В широком смысле слова омонимами иногда называю) разные языковые единицы (в плане содержания, структуры, уровней принадлежности), совпадающие по звучанию (т.е. в плане выражения). В отличие от собственно лексических (или абсолютных) омонимов, все другие созвучия и разного рода совпадения называют иногда относительными, хотя здесь правильнее было бы говорить не об омонимии в широком смысле слова, и даже не об относительной омонимии, а об омонимическом употреблении в речи разнообразных видов омофонов, в состав которых, как указывает В.В. Виноградов, входят «все виды единозвучий или созвучий – и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях».

Следовательно, широкое понятие омофония (греч. *homos* – одинаковый, *phone* – голос, звук) охватывает созвучие самых разных языковых единиц.

Например: 1. Совпадение произношения слов (так называемые собственно омофоны, или фонетические омонимы): грипп. – гриб, труд – трут, дог – док и т.д. 2. (Совпадение слова и словосочетаний: немой – не мой, занос – за нос, сутками – с утками (разновидность омофонии). 3. Совпадение отдельных форм слов (так называемые омоформы, или грамматические омонимы): пила (существительное) – пила (глагол в прошедшем времени); лечу (от лететь) – лечу (от лечить), молодой человек – забота о молодой матери и т.д.

Нередко к омонимии относят еще и омографы (греч. *homos* + *graph* – пишу), т.е. слова, совпадающие в написании, но различающиеся произношением, в частности ударением. Это их четко отличает и от омофонов и от лексических омонимов. К таким словам современные исследователи относят свыше тысячи пар слов типа ирис (конфеты) – ирис (вид ниток), рассматривая при этом разные типы омографов: лексические – атлас и атлас, лексико-грамматические – село (глагол) и село (существительное), бегу (глагол) и бегу (от бег) (существительное), грамматические – адреса и адреса, дома и дома, стилистические – компас (лит.) и компас (морск.) и т.д.

В современных исследованиях, пособиях, словарях утвердилась тенденция использовать двойные наименования тех явлений, которые построены на разного рода совпадениях, созвучиях. Например: омофоны – фонетические омонимы, омоформы – грамматические омонимы, омомор-

фемы – морфологические омонимы (или словообразовательные омонимы). Иногда употребляют и такие термины: омосинтагмы – синтаксические омонимы, омостилены – стилистические омонимы. Представляется, что, несмотря на критическое отношение исследователей к такого рода двойной терминологии, в особенности к терминам-словосочетаниям типа «синтаксическая омонимия» и др., ее употребление не вызывает путаницы, а наоборот, позволяет четче определять то или иное языковое явление. И дело здесь не в том, как назвать явление, а в том, какое понимание вкладывается в название, что скрывается за ним.

Итак, собственно лексическую омонимию (полную и частичную) «нельзя смешивать или даже сблизать» (как отмечает В.В. Виноградов) с омофонией в широком смысле слова, т.е. со всеми созвучиями и подобозвучиями, которые встречаются в речи. От собственно лексической омонимии и от разных типов омофонии следует четко отграничивать явления чисто графического совпадения, т.е. омографию. Соединение этих совершенно разных языковых явлений возможно лишь при нарочитом их обыгрывании, т.е. омонимическом употреблении в речи, что связано уже не с собственно лексикологическими проблемами омонимии, а с анализом ее функционально-стилистической роли.

Омонимия и полисемия в русском языке

Разграничение разных слов-омонимов и одного слова с многими значениями, как уже отмечалось, вызывает немало затруднений и не всегда может быть проведено однозначно.

На трудность разграничения этих явлений и сложность их четкого, последовательного определения указывает и современная лексикографическая практика. Так, многие слова, которые в одном словаре даны как многозначные, в другом (или других) рассматриваются как разные слова, омонимичные друг другу.

Все сказанное свидетельствует прежде всего о сложности самой проблемы разграничения омонимии и полисемии, а иногда и о недостаточном и последовательном подходе к этому вопросу, об излишнем увлечении омонимизацией, на что справедливо указывал В.И. Абаев: «В недавнем прошлом в нашей лексикографии наметилась тенденция превращать в массовом порядке полисемию в омонимию. Скажем, добрый в смысле «хороший» («добрый день») и добрый в противоположность злему рассматривать не как два значения одного слова, а как два разных слова».

Какие же существуют способы, позволяющие отличать омонимию от полисемии?

Одним из них является подстановка синонимов к каждому омониму или ко всем значениям полисеманта, а затем сравнение подобранных синонимов между собой. Если они оказываются семантически близкими

друг другу, перед нами многозначное слово, если нет – омонимы. Например, сопоставим синонимы, подобранные к словам бой¹ – сражение и бой² – мальчик-слуга (в заграничных гостиницах, учреждениях). Слова сражение и слуга между собой никакого сходства в семантике не имеют, следовательно, бой¹ и бой² – омонимы, т.е. разные лексические единицы.

Если же раскрыть синонимичными заменами значения слова бой (в словосочетаниях типа морской бой (битва), кулачный бой (борьба, поединок), бой быков (состязание, сражение) и т.д., то нетрудно заметить семантическую близость подобранных синонимов (битва – борьба – состязание), которая подтверждает, что в данном случае перед нами разные значения одного слова. Это отражено и в современных словарях. Рассмотрим статью к слову бой¹ в БАС (приводится с сокращениями):

Бой. 1. Столкновение враждебных армий, отрядов, воинских частей и т.п., битва, сражение. 2. Борьба, состязание; единоборство, поединок. 3. Драка, побоище. 4. Хозяйственный, промысловый и т.п. убой животных. 5. Звучание, звон. 6. Разбивание, ломание, повреждение (обычно о посуде, стекле, камне и т.п.). 7. Сила, направленность огнестрельного оружия. 8. Стар. Огневой, огненный бой – огнестрельное оружие, пушки и т.п. 9. В просторечии. Бойкий, бедовый, проворный.

Отграничению многозначного слова от омонимичных помогает сопоставление словоформ каждого из них, подбор родственных (однокоренных) слов, т.е. установление их деривационных связей. Если словоформы одинаковы или сходны и есть родственные слова, которые по типу образования тождественны, а между ними существует семантическая близость, можно говорить о полисемии. Например, почти все значения рассмотренного выше слова бой имеют сходные словоформы (боя, о бое, в бою. мн. бой и т.д.) и родственные образования (боевой, боец, бойцовый, боевик и др.). Если словоформы различны или (при их совпадении) семантически четко отграничены друг от друга, а словообразовательные связи слов вычлняются достаточно ясно и не утрачивают своей деривационной значимости в языке, следует говорить об омонимии. Например, ни одно из производных, указанных выше, не имеет отношения к слову бой² со значением «мальчик-слуга», так как оно в русском языке не имеет однокоренных родственных слов.

Для различения омонимии и полисемии полезны этимологические сведения о словах, т.е. выяснение их происхождения. Так, этимология указанных выше слов различна: бой¹ – со всеми значениями восходит к общеславянскому глаголу бить, а бой² пришло из английского языка (boy – мальчик).

Большую пользу приносит сопоставление перевода русских слов-омонимов на другие языки. Это заметно уточняет представление о действительной омонимизации.

Немаловажное значение в случае разграничения омонимии и полисемии имеет выявление тематической отнесенности слова и определение типичных моделей лексической сочетаемости (микрконтекста), а также семантики всего контекста в целом (макро контекста). Установление специфики сочетаемости сопоставляемых слов, т.е. характеристика и синтаксических возможностей, позволяет выявить и семантическую разницу в формировании более крупных (чем синтагма) синтаксических конструкций с этими словами. Этот признак также может служить одним из критериев разграничения сходных языковых явлений.

Таким образом, для обоснованного отграничения омонимии (и полисемии) необходимо использовать как можно больше сопоставительных данных, которые позволят выявить, какие признаки преобладают: сходные над различительными или наоборот – различительные над сходными. Однако решающими признаками для этапов анализа (сопоставление синонимических замен, подбор словоформ, установление деривационных связей, перевод на другие языки, определение границ лексической сочетаемости и сравнение синтаксического построения макротекстов) являются все-таки собственно семантические. Именно они, как отмечают современные исследователи, должны быть признаны основными при отграничении омонимии от полисемии, именно они должны присутствовать во всех остальных различительных сопоставлениях.

3.5. Полисемия в немецком языке

Полисемия (от греч. polysemi – «многозначность») – многозначность, наличие у слова (единицы языка) двух или более взаимосвязанных и исторически обусловленных значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова [Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.].

Например, русский глагол «идти» насчитывает от 25 до 40 значений, а английский глагол «to do» – 16 значений. В немецком языке прилагательному «fein» свойственно 9 значений, существительному «stand» – 11.

От значений слова следует отграничивать его употребление (узус), т.е. специфически речевые значения. «Значения устойчивы и общи для всех, кто владеет системой языка. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, в нем скрыто много смысловых возможностей слова» [Виноградов В.В.]. То или иное значение многозначного слова реализуется в контексте или в определенной ситуации. Рассмотрим несколько примеров: «Чеченец посмотрел лукаво и головою покачал» (М.Ю. Лермонтов) (голова – верхняя часть человеческого тела); «И мысли в голове волнуются в отваге»

(А.С. Пушкин) (голова – ум, сознание); «И тополи, стеснившись в ряд, качая тихо головою, как судьи, шепчут меж собою» (А.С. Пушкин) (голова = крона, верхушка дерева); «От недуга, от могилы в бурю, в грозный ураган, головы твоей, мой милый, не спасет мой талисман» (А.С. Пушкин) (голова – человеческая жизнь).

Полисемия – продукт исторического развития языка, В процессе познания окружающего мира человек переносит название с одного предмета на другой. В связи с этим слово «обрастает» несколькими лексическими значениями, одно из которых прямое (иначе – номинативное, основное, первичное) – лексическое значение непосредственно связанное с отражением в сознании предметов, явлений, отношений объективной действительности; другое – переносное (производное, вторичное, неосновное) значение, приобретаемое словом и функционирующее в нем наряду с прямым значением, которое непосредственно направлено на предметы и явления действительности [Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.].

В современном языкознании выделяют грамматическую и лексическую полисемию. Так, форма 2 лица ед. ч. русских глаголов может быть употреблена не только в собственно-личном, но и в обобщённо-личном значении. Ср.: «Ну, ты всех перекричишь!» и «Тебя не перекричишь». В подобном случае следует говорить о грамматической полисемии.

Часто, когда говорят о полисемии, имеют в виду, прежде всего, многозначность слов как единиц лексики. Лексическая полисемия – это способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности (ассоциативно связанных между собой и образующих сложное семантическое единство). Например: *рукав* – *рукав* («часть рубашки» – «ответвление реки»). Между значениями слова могут быть установлены следующие связи:

метафора

Например: *конь* – *конь* («животное» – «шахматная фигура»)

метонимия

Например: *блюдо* – *блюдо* («вид посуды» – «порция пищи»)

синекдоха

Следует различать полисемию и омонимию. В частности, слово «ключ» в значениях «родник» и «музыкальный знак» – два омонима.

Полисемия, или многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности, говоря словами академика Виноградова, «Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий». (Виноградов «Русский язык» 1947). Нужно различать различное употребление слов в одном лексико-семантическом варианте и действительное различие слова. Так, например, словом (*das*) *Öl* можно обозначить ряд раз-

личных масел, кроме коровьего (для которого существует слово Butter). Однако, из этого не следует, что, обозначая различные масла, слово Öl будет иметь каждый раз другое значение: во всех случаях значение его будет одно и то же, а именно масло (всякое, кроме коровьего). Так же как например значение слова Tisch стол независимо от того, какой вид стола обозначает слово в данном конкретном случае. Иначе обстоит дело, когда слово Öl обозначает нефть. Здесь на первый план выдвигается уже не сходство нефти по линии маслянистости с различными сортами масла, а особое качество нефти – горючесть. И при этом со словом Öl будут соотноситься уже слова, обозначающие различные виды топлива: Kohl, Holz и т.д. Это дает нам возможность выделить у слова Öl два значения (или говоря иначе, два лексико-семантических варианта): 1) масло (не животное); 2) нефть.

Обычно новые значения возникают путем переноса одного из существующих слов на новый предмет или явление. Так образуются переносные значения. В их основе лежит либо сходство предметов, либо связь одного предмета с другим. Известны несколько типов переноса названий. Важнейшие из них – метафора или метонимия.

При метафоре перенос основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и так далее. При всех метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается.

Как полисемия, так и омонимия с точки зрения истории семантической системы языка представляют собой различные ступени развития многозначности в слове, один из путей возникновения омонимов. Омонимы и возникают в языке чаще всего путем распада полисемии, путем образования в слове двух независимых номинативных значений.

Наряду с образованием омонимов путем распада многозначности слова возможен и другой путь образования омонимов. Второй путь образования омонимов состоит в звуковом сближении разных слов.

Очень важно точно определить границы между омонимией и полисемией. Полисемия означает многозначность. Немецкий язык богат многозначными лексемами. Например, слово der Zug имеет 20 различных значений: 1) движение; 2) перелет (птиц); 3) процессия; 4) поезд; 5) сквозняк; 6) стремление; 7) дымоход; 8) глоток; 9) вдох; 10) черта; 11) взвод; 12) нарез; 13) растяжение; 14) волочение (провода); 15) постромка; 16) ход (в шахматах); 17) стая; 18) улов; 19) ящик стола; 20) затяжка. Если значения связаны друг с другом семантически, речь идет о полисемии, если между словами нет никакой связи – это омонимы. Приведем такой пример: die Seite 1.сторона 2.страница 3.бок – это полисемия; die Saite струна это омоним. Eine Saite meiner Geige ist geplatzt – струна моей скрипки порвалась.

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое омонимией, и на отграничение его от того, что именуется

многозначностью, или полисемией. При этом речь идет не только о разном применении термина «омоним», что само по себе представляло бы не такую уж большую беду, а скорее о разном определении понятия «слово», о разном подходе к тому, «каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т.е. какие различия между такими случаями совместимы и какие, напротив, несовместимы с тождеством слова».

В основном наметились два взгляда на омонимию и многозначность. Согласно первому, омонимами признаются только такие одинаково звучащие слова, которые исконно были разными по форме и лишь в процессе исторического развития совпали друг с другом в едином звучании вследствие различных фонетических, и в общем случайных, причин.

Все остальные случаи, когда одинаковая материальная, звуковая оболочка отражает различное содержание, признаются явлением многозначности, полисемии слова.

Примером омонимии в таком понимании будет нем. *das Reis* ветка, сук (из древнего *hris*) и *der Reis* рис (из итал. *riso*); русск. брак 'супружество' и брак 'плохая продукция', примером многозначности слова будет нем. *das Schloss* замок и *das Schloss* дворец, замок (и то и другое связано с *schliessen*), русск. крепость 'укрепленное место' и крепость 'свойство крепкого'.

Согласно второму взгляду, к омонимам относятся как слова исторически разные, но в силу исторических причин совпавшие, по звучанию, так и те случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что материальная оболочка, связывавшая их, как бы разрывается, давая жизнь двум (или большему количеству) новым словам. При таком подходе в разряд омонимов попадут в немецком языке и *Reis-Reis* и *Schloss-Schloss*.

Первая точка зрения представлена в основном традиционной, классической лексикологией и лексикографией как в нашей стране, так и за рубежом. Вторая распространилась главным образом в последние несколько десятилетий.

Трудно ответить, например, на следующий вопрос: чем отличается, противопоставляется в современном немецком языке такая пара, как *Reis* 'ветка' и *Reis* рис, с одной стороны, и *Stock* 'палка' и *Stock* 'этаж' – с другой (первые два слова – результат случайного совпадения, вторые два – результат исторического развития). Ответом будет, очевидно, историческое происхождение.

Если невозможно удовлетворительно ответить, чем в современном языке отличаются, например, для немца, отношения в паре типа *das Reis* 'ветка' и *der Reis* 'рис', с одной стороны (этимологически разные слова), и в паре типа *das Band* 'лента' и *der Band* 'том' – с другой (этимологически родственные образования), то можно сказать довольно ясно, чем они похо-

жи. Они похожи тем, что в обеих парах наблюдается дифференциация слов, их образующих, по формальным моментам, например, по грамматическому роду или по типу образования множественного числа и по парадигме склонения. Сравните, кроме приведенных примеров, еще: *der Leiter* руководитель, Gen. *des Leiters*, Pl. *die Leiter* и *die Leiter* лестница, Gen. *der Leiter*, Pl. *die Leitern* (первое слово сравнительно молодое, производное от глагола *leiten*, древневерхненемецкое *leiten*, связанного с корнем *lip* идти, второе же, древневерхненемецкое *(h)leitara*, восходит к корню *hli*), или *das Tor* ворота, Gen. *des Tores*, Pl. *die Tore* и *der Tor* глупец, Gen. *des Toren*, Pl. *die Toren* (первое слово в средневерхненемецком звучит *tor* и по корню связано с *Tur*, второе в средневерхненемецком *tore*, первоначально субстантивированное прилагательное). Грамматические различия в равнозвучных словах разного значения и разного происхождения, которыми немецкий язык охотно снабжает подобные пары, служат тем же целям дифференциации и в парах слов, ведущих происхождение от единого источника. Ср., например: *das Steuer* руль, Gen. *des Steuers*, Pl. *die Steuer* и *die Steuer* налог, Gen. *der Steuer*, Pl. *die Steuern* (и то и другое в средневерхненемецком *stiure* и считается развитием единой основы) или *der Hut* 'шляпа', Gen. *des Hutes*, Pl. *die Hute* и *die Hut* 'охрана, защита', Gen. *der Hut*, Pl. *die Hutten*.

Полисемия опирается на связанность значений слова: все его значения опираются на общее, стержневое значение. Однако не все значения слова сохраняются в равной степени, влияют на его употребление и словообразовательные связи. Это приводит к тому, что многозначное слово распадается на ряд слов, у которых общей является лишь звуковая форма.

Слова, которые совпадают по звуковой форме, но различаются по значению (и эти значения сейчас не связаны друг с другом), называются омонимами. В отличие от полисемии омонимия возникает на основе общности только звуковой формы: значения слов-омонимов не имеют общего семантического стержня.

Следует заметить, что по вопросу о роли распада многозначного слова в образовании омонимов в современной лексикологии нет единого мнения. Так, В.И. Абаев в статье «О подаче омонимов в словаре» (см.: Вопросы языкознания, 1907, № 3) высказал мысль о том, что новые омонимы, их «размножение идет в основном за счет полисемии».

3.6. Фразеология и фразеологизмы в немецком языке

Основные понятия фразеологии

Интерес к образу жизни чужих народов существует издавна. Люди всегда стремились познать особенности быта и жизни другого народа. И одним из путей такого познания является познание через язык, а именно –

через фразеологию. На конкретных фразеологическом материале прослеживается как особенности природно-географических условий страны, ее истории, экономики, политики, культуры, быта, обычаев народа – носителя языка получают отражение в фразеологических единицах, то есть прослеживается тесная связь фразеологии с различными сферами человеческой деятельности. В области фразеологии страноведческая специфика проявляется очень отчетливо, в ней находит отражение национальное своеобразие жизни быта того или иного народа. Факты истории страны, географии, экономики, образа жизни – все они представлены в семантике многих фразеологических единиц, то есть можно говорить о национально-культурной семантике фразеологизмов. Это признается сегодня многими лингвистами. При этом подчеркивается, что большой пласт в фразеологии того или иного языка возникает именно на национальной основе.

Фразеология – это особый раздел науки о языке, занимающийся исследованием смысловых и структурных свойств фразеологических единиц, изучающий причины их возникновения в системе языка и особенности употребления в речи.

Термин «Фразеология» образован от двух греческих слов: *phrasis* – «выражение, оборот речи» и *logos* – «учение».

Подобно тому как лексикология изучает словарный состав языка, фразеология занимается изучением его фразеологического состава, если единицы языка в его лексической системе являются фразеологизм, или фразеологическая единица.

Фразеологические единицы – это устойчивые, постоянные по своему компонентному составу, воспроизводимые единицы языка, обладающие единым целостным значением. Например, *jmdm Sterne in den Weg Legen, j-m einen Korb geben, j-m den Hof machen*.

Чаще всего под фразеологизмами понимаются устойчивые словосочетания следующих типов: идиомы (*бить баклуши, пить горькую, водить за нос, стреляный воробей, до упаду, по полной*); коллокации (*проливной дождь, принимать решение, зерно истины, ставить вопрос*); пословицы (*тише едешь – дальше будешь, не в свои сани не садись*); поговорки (*вот тебе, бабушка, и юрьев день; лед тронулся!*); грамматические фразеологизмы (*едва не; чуть не; как бы там ни было*); фразеосхемы (*X он и в Африке X; всем X-ам X; X как X*).

Термин «фразеологическая единица» по отношению к термину «фразеология» как к дисциплине, изучающей соответствующие средства языка, не вызывает возражений. Но он неточен как обозначение самих языковых средств, которые являются объектом фразеологии; достаточно сравнить соотношения установившихся терминов: фонема – фонология, морфема – морфология, лексема – лексикология (ср. фразема – фразеология).

В учебной и научной литературе делались попытки определить понятие фразеологического объекта. Дается, например, такое определение: «го-

товое целое выражение с известным и данным заранее значением называется *фразеологическим оборотом*, или *идиомом*». Признаки фразеологических оборотов: прямое значение, переносное значение, многозначность, эмоциональная насыщенность.

Фразеологический оборот – это воспроизводимая языковая единица из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре.

При этом выделяются следующие признаки: воспроизводимость, устойчивость состава и структуры, постоянство лексического состава. Наличие минимум двух слов в составе единицы, стабильность порядка слов, непроницаемость большинства фразеологических оборотов.

Десятки тысяч фразеологических единиц, подобных тем, которые приведены выше, образуют фразеологический состав языка, является объектом изучения фразеологии. Основными задачами фразеологии в области изучения современной фразеологии системы немецкого языка, по мнению Р.Л. Зиндера, являются:

- исследование семантических и грамматических особенностей фразеологических единиц, отграничивающих последние с одной стороны, от свободных словосочетаний;
- выявление основных типов фразеологических единиц и принципов их разграничения между собой;
- установление причин возникновения основных источников пополнения путей развития фразеологических единиц;
- характеристика фразеологических единиц по их принадлежности к разным стилям языка.

Границы немецкой фразеологии, ее объем, основные понятия и типы фразеологизмов в немецкой лексикологии были разработаны немецкими лингвистами Геломутом, Гипперсом, Фридрихом Зейлером, Р. Клаппенбахом, Г. Шрадером, К. Крюгером Лоренцем, Э. Агрикомлой.

Объем фразеологии как лингвистической дисциплины

Одной из характерных особенностей настоящего этапа развития фразеологии является значительное расширение проблематики. Внимание языковедов обращено на новые аспекты этой дисциплины, которые дополняют наши представления относительно природы и сущности фразеологических единиц с точки зрения лексикографии.

Изучение немецкой фразеологии имеет давние традиции, к которым обращался в своих работах еще И. Гете. Последние 30 лет были для фразеологии периодом интенсивного развития, в результате чего она выделилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Это является в значительной степени заслугой советского языковедения, главная

роль которого в создании и решении проблем фразеологии в настоящее время не вызывает сомнений.

В научной литературе фразеология очерчивается совокупность фразеологических единиц (ФЕ) анализируемого языка (языков), фразеологический состав.

Предметом фразеологии как раздела языкознания является исследования природы фразеологизмов и его категориальных признаков, и даже выявление закономерностей функционирования у речи.

Фразеология изучает специфику фразеологизмов как знаков вторичного образования, в частности – как продукта особого вида вторичной косвенной номинации, представленной разнообразных синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах переосмысления и формирования нового значения исходного объединения или проведения отдельного слова. Фразеология изучает также особенности знаковой функции фразеологизмов, их значение, структурно-семантическую специфику, которые в основных признаках фразеологичности – стойкости и воспроизводимости, исследует природу лексических компонентов фразеологизмов, их синтаксическое и морфологическое строение, характер синтаксических связей с зарубежными единицами языка и формы реализации в языке [Ожегов, 1957].

Особой задачей фразеологии является изучение системных связей, как между фразеологизмами, так и общезыковой системой значимых единиц – преимущественно, словами.

Одной из задач фразеологии также является изучение процессов фразообразования в номинативном и коммуникативно-функциональном аспектах, описание фразеологической деривации – образования новых значений слов с учетом значений фразеологизма. Фразеология внутренне связана с лексикологией, синтаксисом и словообразованием, поскольку структура фразеологизмов совпадает со структурой объединений слов или предложений, а значение – многозначительно лексического типа.

Фразеология разрабатывает принципы выделения ФЕ, методы их организации, изучения, классификации и фразеографии (описание в словарях). Фразеология пользуется разными исследовательскими приемами, например, компонентным анализом значения, которые представляют собой компонент – компонент–слово–компонент деление фразеологизма на равные семантические «множители» или выделяет слово как элемент структуры, а значение слова – как мотивирующий элемент значения фразеологизма.

На базе используемых в языковедении исследовательских приемов разрабатываются собственно фразеологические приемы анализа и описания: метод идентификации – установление тождественностей и отличий слов и синтаксических конструкций со своими свободными аналогами, метод ограничений в выборе сменных компонентов, который устанавливает

отличие структурно-семантической организации фразеологизма от объединений, образованных соответственно регулярными закономерностями выбора и комбинации и т.п.

Наверное, ни один другой явление языка технически нескладное собой настолько богатого материала на исследование, как фразеологическая единица (ФЕ). Обобщая разнообразие мыслей, можно назвать две основные взгляды о понятии «фразеология».

Соответственно первой, наиболее распространенной точки зрения, к фразеологии принадлежит любое словесное объединение, которое имеет той или другой степень стойкости [Постнова, 2002]. «Фразеология обычно начинаются там, где свободное лексическое значение слова заступает фразеологически связанным понятным из всего словосочетание, и тогда, когда какое-то словосочетание становится повторяемым, общеизвестным, «крылатым», который отличается образностью, возможностью переносного употребления и т.п.» [Ефимов, 1952]

Основным языковым критерием фразеологичности той или другой словесного есть критерий непереводимости или невозможности точного перевода другие языки.

Вторая мысль, сформулированная С.И. Ожеговым, открывает возможность более узкого и потому более четкого определения понятия объема фразеологии как особого явления языка [Ожегов, 1974]. Позиция В.В. Виноградова совпадает с мнением С.И. Ожегова относительно узкого понимания фразеологии. По В.В. Виноградову, объем фразеологии представляют явления языка, которые совершаются в результате специфического семантического развития лексических средств в определенных синтаксических и стилистических условиях [Виноградов, 1977].

Одним из основных признаков ФЕ является ее воспроизводимость. ФЕ не создаются каждый раз вновь в процессе речи. Они воссоздаются в памяти людей в готовом виде и используются затем в том или ином предложении. Эта их особая структурная стойкость определяется целостностью и неразложимостью выражаемого ими значения. Стойкость их структуры обуславливает своей очередью единство синтаксической функции, которую они выполняют в предложении.

Фразеологизм как основная единица изучения фразеологии

Фразеологизм или фразеологическая единица – устойчивое по составу и структуре, *лексически* неделимое и целостное по значению *словосочетание* или *предложение*, выполняющее функцию отдельной *лексемы* (фразеологической единицы).

Фразеологизм употребляется как некоторое целое, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей. *Семантическая* слитность фразеологизмов может

варьироваться в достаточно широких пределах: от невыводимости значения фразеологизма из составляющих его слов в фразеологических сращениях (идиомах) до фразеологических сочетаний со смыслом, вытекающим из значений составляющих сочетания.

Фразеологические сращения (идиомы)

Фразеологические сращения называются также идиомами (от греч. *idiom* – собственный, свойственный). Значение фразеологического сращения не выводимо из значений составляющих его компонентов (например, «содом и Гоморра» – разврат, аморальность; «железная дорога» – особый тип коммуникации с рельсами для поезда, шпалами и т.п., а не просто дорога, вымощенная железом). Зачастую грамматические формы и значения идиом не обусловлены нормами и реалиями современного языка, то есть такие сращения являются лексическими и грамматическими архаизмами.

Так, например, идиомы «бить баклуши» – «бездельничать», в исходном значении – раскалывать полено на заготовки для выделки бытовых деревянных предметов и «спустя рукава» – «небрежно» отражают реалии прошлого, отсутствующие в настоящем – в прошлом им была присуща метафоричность, что обуславливает их современный смысл, в сращениях «от мала до велика», «ничтоже сумняшеся» сохранены архаичные грамматические формы.

Особенностью идиом является то, что они *синтаксически* выступают в качестве единого члена *предложения*.

Фразеологические единства

Во фразеологических единствах значение фразеологизма мотивировано значениями составляющих его слов, обычно фразеологизмы такого типа являются *тропами* с переносным (*метафорическим*) значением (например, «гранит науки», «плыть по течению», «закинуть удочку»). Замена слова в составе фразеологического единства, в том числе и подстановка синонима, ведёт к разрушению метафоры (например, «гранит науки» → «базальт науки») или изменению экспрессивного смысла: «попасться на удочку» и «попасть в сети» являются фразеологическими синонимами, но выражают различные оттенки экспрессии.

Подобно идиомам, фразеологические единства лексически неделимы, их грамматические формы и синтаксический строй строго определены, однако, в отличие от идиом, они мотивированы реалиями современного языка и могут допускать в речи вставку других слов между своими частями, например, «довести (себя, его, кого-либо) до белого каления»,

«лить воду на мельницу» чего-либо или кого-либо и «лить воду (свою, чужую и т.п.) на мельницу».

Фразеологические сочетания

Фразеологические сочетания являются устойчивыми оборотами, однако их целостное значение следует из значений составляющих их отдельных слов. В отличие от фразеологических сращений и единств их состав допускает ограниченную синонимическую подстановку или замену отдельных слов, при этом один из членов фразеологического сочетания оказывается постоянным, другие же – переменными: так, например, в словосочетаниях «сгорать от любви, ненависти, стыда, нетерпения» слово «сгорать» является постоянным членом с фразеологически связанным значением.

В качестве переменных членов сочетания может использоваться ограниченный круг слов, определяемый семантическими отношениями внутри языковой системы: так, фразеологическое сочетание «сгорать от страсти» является *гиперонимом* по отношению к сочетаниям типа «сгорать от...», при этом за счёт варьирования переменной части возможно образование синонимических рядов «сгорать от стыда, позора, срама», «сгорать от ревности, жажды мести».

Часто фразеологизм является достоянием только одного языка (исключение составляют так называемые *кальки*).

Фразеологизмы похожи на *пословицы*, но, в отличие от них, не являются законченными предложениями.

Фразеологизмы описываются в специальных *фразеологических словарях*.

Классификация фразеологизмов в отечественной и зарубежной лингвистике

У исследователей фразеологического состава языка наблюдаются расхождения во взглядах то что, какой состав таких единиц на языке. Фразеология предлагает разные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств фразеологизмов и исследовательский приемов [Fleischer, 1997]. Известнейшие классификации В.В. Виноградова, И.И. Чернышевой, Е. Агриколы, Г.Л. Пермякова. Авторы по-разному определяют принадлежность к фразеологизмам разных групп словосочетаний и уровень стойкости словосочетаний. Например, Г.Л. Пермяков в составе фразеологизмов включает пословица, поговорки, пословица, крылатые слова, афоризмы, а Е. Агрикола к фразеологизмам относит фразеологические объединения, фразеологические единства и идиомы.

Неоднозначно толкование ФЕ и в западной лингвистике. Так, Теа Шиппан в книге «Лексикология современного немецкого языка» под

фразеологизмом понимает «стойкое единство, находится со свыше слов». Основная сфера фразеологического состава языка характеризуется у нее воспроизводимостью, постоянством, лексикализацией, идиоматичностью. Автор называет основные критерии фразеологичности и приводит их подробное описание: воспроизводимость (фразеологизмы есть относительно постоянными компонентами языковой системы, воспроизводимыми как единство, без новообразований); стойкость (фразеологизмы есть относительно языковую целостность, их видоизменение возможное лишь незначительной мере); лексикализация (фразеологизмы, сравнительно со свободной синтагмой, образуют новое семантическое единство; конститутанты фразеологизма могут терять свою самостоятельность частично, или полностью); идиоматичность (значение фразеологизма может быть истолковано по значению его конститутантов) [Schirpan, 1992].

У. Фляйшер также как основных критериев фразеологичности выделяет лексикализацию и идиоматизацию, как, например, в словосочетаниях: *in Vausch und Bogen* «полностью, все вместе, оптом», *klipp und klar* «коротко и понятно».

Данные словосочетания воспринимаются лишь как фразеологические единства. Дальше, в фразеологических оборотах, типа: *mit Mann und Maus (untergehen)* «(пойти на дно) с живым и мертвым грузом» невозможна замена одного из конститутантов другим словом, как, например: *mit Frau und Maus, ohne Mann und Maus*; т.к значение данного фразеологизма «*mit allen*» не может быть истолковано из значений «*Mann*» или «*Maus*».

Тем не менее, отмечает У. Фляйшер, не всем фразеологизмам присущие пересчитанные признаки; некоторые фразеологизмы граничат со свободными словосочетаниями: *Antwort geben* «с ответом», *Fragen stellen* «поставить вопрос». У. Фляйшер рассматривает фразеологизмы и с точки зрения синтаксиса. Они представляют собой:

а) непредикативные словосочетание, например:

zwischen Tür und Angel «второпях, последней минуты (перед отходом)», *die Flinte ins Korn werfen* «спасовать перед трудностями, составить оружие»;

б) стойкие предикативные конструкции, например:

Ihn sticht der Hafer «вместе из жира бесится»;

в) стойкие предложения, например:

Da beißt die Maus keinen Faden ab «тут уже что-то поделаешь» [Fleischer, 1997].

Интересно суждение относительно параметров для классификации ФЕ В.В. Виноградова. В исследованиях по фразеологии он предлагает классификацию фразеологических единиц за уровнем семантической неделимости. Характеризуя особенности семантики фразеологических срощений и фразеологических единств, он ведет аналогию между фразеологическими единицами и словами в отношении мотивированности их значение [Вино-

градов, 1977]. Значение фразеологических срощений, по его мнению, независимо от своих лексического состава, от значений их компонентов, условно и произвольно, как значение немотивированного слова. Он отмечает, что фразеологический срощение есть семантическую единицу, однородную относительно слова, лишенную внутренней формы. Автор отделяет фразеологические единства от фразеологических срощений и отмечает, что в первых «целостное значение мотивировано». Восприятие мотивированности значения фразеологического единства опирается на осознание его лексического состава, и даже на связь значения целого и значение составных частей высказывания [Виноградов, 1977]

И.И. Чернышева разграничивает фразеологические единства, фразеологические высказывания и фразеологические объединения характером значения, возникает вследствие взаимодействия структуры, объединенности и семантического преобразования компонентного состава. Фразеологические единства возникают с учетом семантического переосмысления или сдвига сменных словосочетаний. Новое, фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а изменением значения восстановления всего комплекса «разве что наложением на него свежего семантического или экспрессивного пласта» [Чернышова, 1970].

Во фразеологическом единства поглощается и теряется индивидуальный смысл слов – компонентов. Они образуют неразложимое семантическое целое. Именно благодаря этому разряду фразеологии свойственно семантическое единство или семантическая целостность. Вместе с тем, значение целого связаны с пониманием «образного стрежня фразы» [Чернышова 1970], с осязательностью перенесение значения, которое представляет «внутреннюю форму», образную ли мотивированность фразеологического единства. Например: *etw. auf Eis legen* «заморозить, не давать хода», *Früchte tragen* «иметь хорошие результаты».

Образная мотивированность фразеологического единства можно с течением времени побледнеть и ослабеть к демотивации. Это, по обыкновению, имеет место в том случае, когда фразеологическая единица образовывается на переосмыслении таких сменных словосочетаний, которые были сначала пометками конкретных обычаев народа и с полициклическим течением времени из обихода, например: *den Stab über jmdn. brechen* 'вынести приговор кому-то' (литер.: разломить над кем-нибудь палку), *bei jmdn. in der Kreide stehen* 'быть ч.-л. должником' (литер.: быть у кого-то в мелу), *den Hut vor j-m ziehen* 'уважать кого-то' (литер.: снимать шляпу перед кем-либо).

Тем не менее, демотивация фразеологического единства, отмечает И.И. Чернышова, влияет и на его экспрессивность, и его функционально-стилистическую принадлежность.

Значение подобных единиц, образуемое с учетом переосмысления сменного словосочетания, имеет абсолютной экспрессивностью, т.е. оно экспрессивно независимо от контекста. Он существует в связи с данным материальным составом фразеологизма и в том случае, когда постепенно слабеет и затемняется тот образный строежень, который служил основой мотивированности ФЕ. Итак, звуковой состав демотивированных фразеологических единств (идиом) воспринимается носителем языка, как определенный словесный комплекс, который имеет традиционно закрепленное значение, экспрессивность и функционально-стилистическую принадлежность.

Термин «фразеологические единства», с точки зрения И.И. Чернышевой, точнее передает структурно-семантическую специфику ФЕ этого: целостное значение (семантическое единство), возникает с учетом переосмысления всех компонентов словосочетания.

Образование целостного значения с учетом семантического сдвига всего компонентного состава фразеологизма является общим признаком фразеологических единств. Синтаксическая структура этих фразеологизмов может иметь несколько разновидностей, среди которых особенно типичным есть словосочетание.

Далее И.И. Чернышова рассматривает две разновидности фразеологических единств, которые имеют твердо фиксированные структурные особенности. Такими фразеологизмами являются (1) парные объединения слов и (2) компаративные фразеологические единицы. (1) Парные объединения слов представляют значительный пласт немецкой фразеологии и создают поэтому ее специфическую особенность. Парными объединениями слов называются фразеологизмы с целостным содержанием, которые возникают в результате семантического преобразования сочинительных объединений, которые включают два однородных слова (существительные, прилагательные, глагола, наречия) и соединяемые с помощью союза *und*, реже – *oder* или *weder... noch*. Смысловая целостность парных объединений обусловлена двумя причинами:

1. Единством образа метафорических парных объединениях, например: *unter Dach und Fach bringen* 'устроить или закончить что-либо, *mit Haut und Naag* 'полностью, на все сто, с требухой', *von Berg und Tal* 'по горам по долам', *mit Leib und Seele* 'душой и телом';

2. Соотнесенностью близких понятий (при синонимичных или тематически близких компонентах), например: *auf Art und Weise* 'таким образом', *Grund und Boden* 'земля/земельное владение', или отнесенностью к родительному понятию высшего порядка (при компонентах-антонимах), например:

Tag und Nacht 'днем и ночью', *groß und klein* 'маленький и большой', *arm und reich* 'бедный и богатый'.

Для парных объединений современного немецкого языка наиболее типичной структурой являются объединения субстантивных компонентов [Чернышова, 1970; ср.: Ольшанский, 1965]. Характерными морфологическими особенностями этих парных объединений являются артикли и опущение флексии. Артикль отсутствует в большинстве парных соединений и во всех парных повторах.

Опущение флексии в первом или двух компонентах является следствием семантической целостности фразеологизма. Эта закономерность наблюдается и у парных соединений, компонентами которых являются прилагательные, например: *ein klipp und klares Ja* (а или не *ein klippes und klares Ja*) 'коротко и понятно, без обид'.

«Морфологическим следствием» семантической целостности парных объединений является также выравнивание грамматического рода субстантивных компонентов: *mit all ihrem Hab und Gut* 'со всем имуществом', *für ihr ganzes Hab und Gut* 'ради благосостояния'.

Подобно копулятивным сложным существительным, парное объединение принимает род последнего компонента-существительного *das Gut*, хотя первый компонент-существительное женского рода – *die Habe*.

Продуктивный характер парных ФЕ подтверждается наличием ряда продуктивных структурных типов. В пользу производительности этой группы фразеологии свидетельствуют такие явления, как активная фразеологическая деривация с учетом парных объединений, параллельные образования в разных частях речи, наличие резерва переменного-устойчивых парных объединений, парных фразеологизмов в литературно-разговорной сфере общения, прессы и публицистике. (2) Компаративными ФЕ называются постоянные и воспроизводимые объединения слов, фразеологическая специфика которых заключается в традиционном сравнении. Например: *jmdn. fliehen wie die Pest* 'бежать от кого-то как от чумы', *in der Tasche sein* 'быть у кого-то в руках'.

Структурно-семантическое своеобразие устойчивых соединений слов такого рода в том, что характеристика свойства или действия происходит по принципу сравнительной группы или сравнительного придаточного предложения, введенных союзами *wie* или *als*. Сравнительная группа или придаточное предложение характеризует свойство, действие, залог через сравнение *er ist wie ein Stier* означает «сильный (дикий, опасный) как бык».

Фразеологическими высказываниями И.И. Чернышова называет единицу, которая по своей грамматической структуре является предикативным объединением слов и предложениями. По коммуникативной значимости различают следующие разновидности:

1. Общеупотребительные пословицы:

Man soll Feste feiern, wie sie fallen 'Празднуй, когда настал праздник'.

2. Поговорки типа:

Da liegt der Hund begraben 'Вот где секрет'.

3. Стойкое и воспроизводимое восклицания и модальные выражения:

Du lieber Himmel! 'Бог ты мой! Бог правый!' (выражение ужаса или удивления), Gott sei Dank! 'Слава Богу!'.

Некоторые из этих стойких восклицаний и модальных выражений имеют эллиптическую форму, например:

Под фразеологическим объединением И.И. Чернышова понимает фразеологизмы, которые возникли в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента. Для семантики подобных ФЕ характерны аналитичность и сохранение семантической отдаленности компонентов. Фразеологические объединения могут быть терминологического, и даже нетерминологического характера: die goldne Zahl 'астрономическое вспомогательное число', das gelbe Fieber 'тропическая болезнь', die silberne Hochzeit '25-летнее пребывание в браке', der schwarze Markt 'тайный, запрещенный рынок'.

Количество фразеологических объединений очень небольшое, т.к. единичная сочетаемость одного из компонентов с переносным смыслом перестала быть типичной в системе немецкой фразеологии. По обыкновению, переносный смысл слова образует серийную сочетаемость со словом той или иной семантической группы. Сравн. сочетаемость прилагательного blind (=безмерный, безграничный): Zorn, Wut, Gier, Leidenschaft. Или сочетаемость той самой прилагательного blind с другим переносным смыслом (=тусклый, мутный, непрозрачный): Fensterscheiben, Brillenglas, Spiegel, Politur.

Изучая фразеологизмы, И.И. Чернышова делает следующие выводы:

Стойкие сравнения, соответственно их традиционному обозначению, или компаративные ФЕ, являются одной из групп фразеологизмов. Своеобразие, которая разрешает выделить их среди других фразеологизмов, возникает и вследствие взаимодействия структурных и лексико-выразительных факторов. Структура компаративной единицы при наполнении ее социально отработанными, крепко укорененными в языковой практике лексическими единицами, разрешает создавать традиционные характеристики свойств (качеств), действий и залога субъекта, лица или предмета. Структура компаративного фразеологизма и его лексическая наполняемость создают условия для образования единиц с выразительным оценочным характером. Этому оказывает содействие, кроме факторов, описанных выше, еще и частая гиперболизация предмета, положенная в основу сравнения.

Рассматривая разряды фразеологических выражений, И.И. Чернышова выделяет два основных свойства фразеологичности: наличие в них единичной объединяемости компонентного состава и распространение специфической разновидности семантического преобразования. Так, для пословиц характерен дидактический смысл, который выражается через переосмысление соответствующего образца, например:

Viele Köche verderben den Brei 'у семи нянек дитя без глазу'.

Neue Besen kehren gut 'новая метла по-новому метет'.

Лексико-грамматическая классификация фразеологизмов

Классификация фразеологических оборотов по составу

Одна из наиболее характерных особенностей фразеологического оборота как воспроизводимой языковой единицы является постоянство его состава. Учитывая характер состава фразеологизмов (специфические особенности образующих их слов), Н.М. Шанский выделил две группы фразеологических оборотов:

– фразеологические обороты, образованные из слов свободного употребления, принадлежащих к активной лексике современного русского языка: «как снег на голову, через час по чайной ложке, подруга жизни, бросить взгляд, тоска зеленая, стоять грудью, взять за горло»;

– фразеологические обороты с лексико-семантическими особенностями, то есть такие, в которых есть слова связанного употребления, слова устаревшие или с диалектным значением: «мурашки бегут, оторопь нашла, притча во языцех, в объятиях Морфея, вверх тормашками, души не чают, чревато последствиями, как кур во щи, разбить вдребезги».

Классификация фразеологических оборотов по структуре

В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как структурное целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях. По структуре фразеологизмы Н.М. Шанский разделил на две группы:

- соответствующие предложению;
- соответствующие сочетанию слов.

Фразеологические обороты, по структуре соответствующие предложению.

Среди фразеологизмов, по структуре соответствующих предложению, по значению Н.М. Шанский выделяет две группы:

– номинативные – фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности: «кот наплакал, руки не доходят, куры не клюют, куда глаза глядят, след простыл», выступающие в функции какого-либо члена предложения;

– коммуникативные – фразеологизмы, передающие целые предложения:

«счастливые часов не наблюдают, голод не тетка, бабушка надвое сказала, на сердитых воду возят, голова идет кругом, нашла коса на камень, не в свои сани не садись, кашу маслом не испортишь», употребляющиеся или самостоятельно, или в качестве части структурно более сложного предложения.

Фразеологические обороты, по структуре соответствующие сочетанию слов.

Н.М. Шанский выделяет следующие типичные группы сочетаний:

- «имя прилагательное + имя существительное»

Имя существительное и имя прилагательное могут быть семантически равноправны и оба являются смыслообразующими компонентами: «золотой фонд, битый час, белая ночь, сиамские близнецы, задним числом».

Смыслообразующим компонентом выступает имя существительное, имя прилагательное употребляется как незначимый член, имеющий экспрессивный характер: «голова садовая, шут гороховый, вавилонское столпотворение, тоска зеленая».

- «имя существительное + форма родительного падежа имени существительного»

Такие фразеологические обороты по значению и синтаксическим функциям эквивалентны имени существительному: «секрет полишинеля, яблоко раздора, точка зрения, дар слов, пальма первенства». Слова в таких оборотах семантически равноправны.

- «имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного»

Данные фразеологизмы в лексико-грамматическом отношении соотносительны с именем существительным, во всех зависимые компоненты неизменяемы, а опорные образуют различные падежные формы, имеют строго расположенный порядок расположения компонентов: «борьба за жизнь, бег на месте, дело в шляпе – чешск. *ruka je v rukave*, калиф на час, искусство для искусства».

- «предлог + имя прилагательное + имя существительное»

По лексико-грамматическому значению и синтаксическому употреблению в предложении данные фразеологизмы эквивалентны наречию, составляющие их слова семантически равноправны, порядок расположения компонентов закреплён: «у разбитого корыта, на седьмом небе, со спокойной совестью, по старой памяти, с незапамятных времен».

- «падежно-предложная форма имени существительного + форма родительного падежа имени существительного»

Данные обороты могут быть наречными или атрибутивными, в них закреплён порядок расположения компонентов фразеологизма: «во веки веков, до глубины души, в костюме Адама, в объятиях Морфея, во цвете лет, на вес золота».

- «предложно-падежная форма имени существительного + предложно-падежная форма имени существительного»

Фразеологизмы этой группы по лексико-грамматическому значению и синтаксическим функциям эквивалентны наречию, в них имена существительные тавтологически повторяются, образующие их слова семантически

равноправны, порядок расположения компонентов закреплён: «от зари до зари, от корки до корки, из года в год, с корабля на бал, от мала до велика».

- «глагол + имя существительное»

Фразеологизмы данной группы в основном являются глагольно-предикативными и в предложении выступают в роли сказуемого, порядок расположения компонентов и их семантическое соотношение могут быть разными: «закинуть удочку, пустить корни, заливаться смехом, хранить молчание, наострить уши».

- «глагол + наречие»

Фразеологические обороты являются глагольными и в предложении выступают в функции сказуемого, компоненты семантически всегда равноправны, порядок расположения компонентов может быть прямым и обратным: «видеть насквозь, попасть впросак, разбиться вдребезги, пропасть даром».

- «деепричастие + имя существительное»

Фразеологизмы такого типа эквивалентны наречию, в предложении выступают в функции обстоятельства, порядок компонентов закреплённый: «очертя голову, скрепя сердце, сложа руки, спустя рукава».

- «конструкции с сочинительными союзами»

Компоненты фразеологизма представляют собой однородные члены предложения, выраженные словами одной и той же части речи, порядок расположения компонентов закреплённый: «целиком и полностью, без руля и без ветрил, тут и там, вкривь и вкось, охи да вздохи».

- «конструкции с подчинительными союзами»

По лексико-грамматическому значению такие фразеологизмы являются наречными, в которых порядок расположения компонентов закреплён, в начале всегда стоит союз: «как снег на голову, хоть кол на голове теши, хоть трава не расти, как две капли воды, как корове седло».

- «конструкции с отрицанием не»

По лексико-грамматическому значению такие фразеологизмы являются глагольными или наречными, выполняют в предложении функцию сказуемого или обстоятельства, компоненты семантически равноправны с закреплённым порядком расположения: «не щадя живота, не солоно хлебавши, не робкого десятка, не в своей тарелке, не от мира сего».

Классификация фразеологизмов в современном немецком языке

Фразеологию современного немецкого языка исследователи систематизировали по целому ряду принципов. Тем не менее, в настоящее время она нуждается в существенных уточнениях. Это связано с фактом развития теории фразеологии и познанием все новых закономерностей, присущей рассматриваемой системе языка, а также с уточнением методов исследования фразеологии.

За последние годы широкое распространение получили две классификации:

- Семантическая классификация (на основе классификации В.В. Виноградова).
- Функциональная классификация (Щукина И.А., Чернышова И.И).

Семантическая классификация фразеологизмов В.В. Виноградова

В основу классификации В.В. Виноградова были положены "факторы семантического порядка", а именно то, как соотносится значение фразеологического целого со значениями образующих его слов. В.В. Виноградов, положив в основу классификации различные виды устойчивости, а также мотивированность, выделил три основных типа фразеологизмов:

- фразеологические сращения;
- фразеологические единства;
- фразеологические сочетания.

Рассмотрим их более подробно.

Фразеологические сращения – абсолютно неделимое, неразложимые словосочетания, «значение которых совершенно не зависимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова – знака».

Фразеологические сращения или идиомы – к ним относятся фразеологизмы, в которых не прослеживается мотивация. Они выступают в качестве эквивалентов слов. В качестве примеров фразеологических сращений или идиом можно привести такие выражения как сломя голову, вверх тормашками и др.

Семантическое единство фразеологического сращения, – отличал В.В. Виноградов, – часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например; *ab und zu, soso lala, Schritt fur Schritt*. И так далее, в связи с чем «фразеологические сращения являются только эквивалентами слов» а «подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы».

Фразеологические единства – к фразеологическим единствам относятся мотивированные фразеологизмы, обладающие общим неразрывным значением, которое возникает в результате слияния значений компонентов, например: согнуть в бараний рог, дать по рукам и др. В данную группу В.В. Виноградов также включает словосочетания-термины: дом престарелых, восклицательный знак и т.д.

Новое, фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а изменением значения всего комплекса. Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов. Они образуют неразложимое

семантическое целое. Именно этому разряду фразеологии присуще семантическое единство или семантическая целостность.

Например: *jmdm. den Kopfwaschen* – намыливать кому-либо шею (голову); *keinen Finger krummmachen* – не ударить палец о палец (букв.: не согнуть ни одного пальца); *etw. auf Eis legen* – заморозить, не давать ходу.

Образная мотивированность фразеологического единства может с течением времени побледнеть и ослабеть до полной демотивации, когда фразеологическая единица образуется на переосмыслении таких переменных словосочетаний, которые являлись первоначально обозначениями конкретных обычаев немецкого народа и вышли с течением времени из употребления, например:

den Stab über jmdn. brechen – вынести приговор кому-либо (букв. – разломить над кем-либо палку);

etw. auf dem Kerbholz haben – иметь за собой какую-либо вину (букв. – иметь что-либо на деревянной бирке);

bei jmdm. in der Kreide stehen – быть чьим-либо должником (букв. – быть у кого-либо в мелу).

Однако – и это следует особо подчеркнуть – демотивация фразеологического единства не влияет ни на его экспрессивность, ни на его функционально-стилистическую принадлежность. Значение подобных единиц, образуемое на основе переосмысления переменного словосочетания, обладает абсолютной экспрессивностью, т.е. оно экспрессивно вне зависимости от контекста.

Целостное значение фразеологических единств может иметь различную степень мотивированности. Это может происходить по причинам экстралингвистического характера, например, вследствие забвения конкретных обычаев, на основе которых произошла фразеологизация соответствующих переменных словосочетаний, например:

j-m. einen Korbgeben – отказать кому-либо, отвергнуть предложение вступить в брак (букв. – дать кому-либо корзину) и др.

Демотивация фразеологизмов может происходить вследствие архаизации лексики, которая входит во фразеологические единства. Следующей причиной демотивации может быть наличие в составе фразеологизма жаргонной или профессиональной лексики. В ряде случаев это не только компоненты, а целые жаргонные или профессиональные выражения, например:

Keinen guten Ankratz haben (молодежн. сленг) – не иметь успеха;

der ganze Zinnober (солдатск. жарг.) – все;

einen tollen Zahn darauf haben (проф.) – развивать большую скорость;

keine Wellen machen (спорт.) – сохранять хладнокровие, выдержку;

im Blei sein (проф.) – быть в порядке и др.

Вторая группа фразеологических единств, компаративные фразеологизмы, имеющие выраженные структурные признаки, по существу еще

мало исследованы. Возможность их отнесения к фразеологии, структурно-семантические особенности и включение в группу фразеологических единств нуждаются в дополнительном анализе.

Фразеологические сочетания – к ним относятся обороты, в состав которых входит компонент, который характеризует фразеологически связанное значение, проявляющееся только в рамках строго определенного круга понятий и их словесных значений.

Эти ограничения создаются присущими определенному языку законами, например: тарашить глаза, но нельзя сказать: тарашить очи; отказаться наотрез, но нельзя сказать согласиться наотрез и др. [Виноградов, 1986].

Фразеологическими сочетаниями являются фразеологизмы, возникающие в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента. Для семантики подобных фразеологических единиц характерна аналитичность и сохранение семантической отдельности компонентов. Фразеологические сочетания могут быть терминологического, а также и нетерминологического характера:

die goldene Zahl (= eine astronomische Hilfszahl),
das gelbe Fieber (eine Tropenkrankheit),
die silberne Hochzeit (das 25jährige Bestehen einer Ehe),
der schwarze Markt (geheimer, unerlaubter Markt),
ein blinder Passagier (ein Passagier, der sich heimlich, ohne Berechtigung eingeschlichen hat und mitfährt).

Число фразеологических сочетаний очень невелико, т. к. единичная сочетаемость одного из компонентов с переносным значением не является типичной в системе немецкой фразеологии. Как правило, переносное значение слова образует серийную сочетаемость со словами той или иной семантической группы. Ср. сочетаемость прилагательного blind (=maßlos): Zorn, Wut, Gier, Leidenschaft. Или сочетаемость того же прилагательного blind с другим переносным значением (=angelaufen, trübe, undurchsichtig): Fensterscheiben, Brillenglas, Spiegel, Politur.

Классификация В.В. Виноградова часто подвергается критике за то, что в ней нет единого критерия классификации. Первые две группы – сращения и единства – разграничиваются на основе мотивированности фразеологизма, а третья группа – фразеологические сочетания – выделяется на основе ограниченности сочетаемости слова.

Н.М. Шанский добавляет к вышеперечисленным типам фразеологизмов еще один – **фразеологические выражения**. Под ними он понимает устойчивые по составу и управлению обороты, являющиеся не только членимыми, но и состоящими из слов со свободным значением; например, любишь кататься, люби и саночки возить, мал золотник, да дорог и др. [Шанский, 1964]

Фразеологическими выражениями называются единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями

слов и предложениями. По коммуникативной значимости здесь различаются следующие разновидности:

Общепотребительные пословицы:

Es ist nicht alles Gold, was glänzt. «Не все то золото, что блестит»;

Viele Koche verderben den Brei «У семи нянек дитя без глазу»;

Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben. «Не видав вечера, и хвалиться нечего; Цыплят по осени считают»;

Wer nichts hat, der verliert nichts. «Голый беды не боится».

Поговорки типа:

Da liegt der Hund begraben. «Вот где собака зарыта».

Die Zähne in die Wand hauen. «Положить зубы на полку».

Stein und Bein frieren. «Окоченеть от холода».

Устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения: Erkannmichgernhaben (AusdruckderAblehnung), DulieberHimmel! (Ausruf des Entsetzens oder der Verwunderung), Mein lieber Mann! (Ausruf der Verwunderung), Es ist, um die Kranke zu kriegen! (Ausruf der Ungeduld, der Verzweiflung), Du kriegst die Motten! (Ausdruck des Erstaunens), Jetzt ist der Ofen am Dampfen! (Ausdruck der Verzweiflung), Er kann mir gestohlen werden! (Ausdruck der Abweisung).

Некоторые из таких устойчивых междометий и модальных выражений имеют эллиптическую форму, например: Ja, Kuchen! (Ausdruck der Ablehnung), Verflucht und zugenäht! (Verwünschung), Lieber scheintot im Massengrab! (Ausdruck der Ablehnung).

Состав 1-й и 2-й групп фразеологических выражений может быть дополнен единицами, восходящими по своему происхождению к античной литературе и мифологии, библии, художественной литературе и публицистике, например:

Neue Besen kehren gut (Frei dank), Wo viel Licht ist, ist starker Schatten (Goethe), Auge um Auge, Zahn um Zahn (Bibel), Das also war des Pudels Kern (Goethe), zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust (Goethe).

Эти фразеологические выражения традиционно обозначаются как «крылатые слова» (geflügelte Worte) и выделяются во всех классификациях в особую группу. Однако для синхронного описания фразеологической системы и функционирования фразеологических выражений в этой системе рассмотрение данных фразеологизмов как особой группы неправомерно, поскольку в структурном и семантическом отношении они не отличаются от других фразеологических выражений.

Все приведенные выше разряды фразеологических выражений показывают два основных свойства фразеологичности: они имеют единичную сочетаемость компонентного состава и специфическую разновидность семантического преобразования. Так, для пословиц характерен дидактиче-

ский смысл, который выражается через переосмысление соответствующего образа, например:

Viele Koche verderben den Brei, Neue Besen kehren gut.

Выделение фразеологических выражений представляется вполне логичным, т.к. сохраняя свое прямое значение, данные лексические сочетания отличаются весьма высокой степенью устойчивости.

Фразеологические единства – словосочетания в которых «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов».

Новое, фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а изменением значения всего комплекса «как бы наложением на него свежего семантического или экспрессивного пласта». Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов – компонентов. Они образуют неразложимое семантическое целое. Именно этому разряду фразеологии присуще семантическое единство или семантическая целостность. При всем этом, значение целого связано с пониманием «образного стержня фразы», осязательностью переноса значения, что и составляет «внутреннюю форму» или образная мотивированность фразеологического единства. Например: *jmdm den Kopf waschen* – намыливать кому-то шею (голову); *keinen Finger krummen* – не ударить палец о палец (буквально: не согнуть ни одного пальца); *etw auf Eis legen* – заморозить, не давать ходу. Образная мотивированность фразеологического единства может с течением времени ослабить до полного демотивации. Это, как правило, имеет место в тех случаях, когда фразеологическая единица образуется на переосмысление таких переменных словосочетаний, которые являлись первоначально обозначением конкретных обычаев немецкого народа и вышли с течением времени из употребления. Но следует подчеркнуть – демотивация фразеологического единства не влияет ни на его экспрессивность, ни на его функционально-стилистическую принадлежность. Это может происходить по причине экстралингвистического характера, например, в следствии забвения конкретных обычаев, на основе которых произошла фразеологизация соответствующих переменных словосочетаний, например: *jmdm einen Korb geben* – отказать кому-либо, отвергнуть предложение, вступить в брак (буквально: дать кому-либо корзину).

Часто же демотивация фразеологизмов вызывается внутри лингвистическими причинами. Во-первых, это происходит вследствие архаизации лексики, которая входит во фразеологические единства. Особенно, когда архаичным является не звуковая оболочка, а то значение, которое сохранилось у слова лишь в качестве фразеологического компонента. Например, архаическое значение слова «Schlecht» (ровный, прямой, простой, безыскусственный) является причиной затемнения внутренней формы тех фразеологизмов современного немецкого языка, в состав которых оно входит

в качестве одного из компонентов. Следующей причиной демотивации может быть наличие в составе фразеологизма жаргонной или профессиональной лексики. В ряде случаев это не только компоненты, а целые жаргонные или профессиональные выражения, например: *guten Amratz haben* (молодежный сленг) – иметь успех; *im Blei sein* (профессиональное) – быть в порядке; *keine Wellen machen* (спортивное) – сохранять хладнокровие, выдержку; и так далее.

Наша речь состоит в основном из таких обычных сочетаний, как *Limonadetrinken*, *die Sonnescheintnichthell*, каменный дом, кусок хлеба и т.п. В этих сочетаниях слов закреплены часто повторяющиеся и типичные явления внешнего мира и связи между ними. Слова, входящие в эти сочетания, способны вступать и в другие комбинации, не менее привычные: *Wasser trinken*, *Tee nicht gern haben*, каменная стена, многоэтажный дом и т.п. Отношения между словами в таких сочетаниях также могут меняться: каменный дом – дом из камня – дом, который построен из камня и т.п. Но речь человека изобилует и такими словосочетаниями, компоненты которых фиксированы в своем составе, а отношения между ними закреплены.

Многочисленный слой в речи составляют всевозможного рода штампы, клише, формулы речевого обихода, присущие той или иной эпохе, стилю, среде.

Фиксированный состав и форму имеют крылатые слова «*geflügelte Worte*» – изречения известных авторов, отрывки из произведений, запечатлевшие удачный образ или назидательное историческое событие.

Пословицы и поговорки, сказочные формулы тоже обладают постоянством формы и значения.

Подавляющее большинство воспроизводимых в готовом виде выражений присуще только данному языку, а потому и непереводаемо дословно на другие языки. Только русскому понятно, что означает выносить сор из избы, немец о подобной ситуации скажет – *Was zu Hause gekocht wird, soll man in Hause essen*, англичанин – *to wash one's dirty linen in public*. Русское «своя рубашка ближе к телу» эквивалентно немецкому *jeder ist sich selbst der Nächste*. Источником многих таких выражений является античная мифология (танталовы муки, ахиллесова пята и т.п.), художественная литература (Быть или не быть? «*Es geht um Sein oder Nicht sein?*»).

Г.А. Молочко называет фразеологизмами сочетания слов, выражающие понятия не прямым названием их, а образно-описательно, например:

zu Hilfe kommen – *helfen*; *es ist gang und gäbe* – *oft*;

пальчики оближешь – вкусно; втирать очки – обманывать;

во все лопатки – быстро; сию минуту – немедленно.

Словарь языкознания дает следующую дефиницию фразеологии (от греч. *phrasis* – выражение, *logos* – учение) – это не только совокупность устойчивых сочетаний слов, имеющих в составе данного языка, но также

раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии.

В немецком языке в качестве общего названия фразеологизмов употребляют термины *phraseologische Wortfügung* или *der Phraseologismus*.

Во фразеологизмах отразилось отношение народа к человеческим достоинствам и недостаткам: о трудолюбивом человеке, умельце народ скажет *geschikte Hände* – золотые руки; *der Allerweltsjunge* – мастер на все руки; и швец и жнец, и в дугу игрец. О бездельнике – *auf der Bärenhaut liegen* – баклуши бьет, лодыря корчит. О смелом человеке – не из трусливого десятка, смелого пуля боится.

Фразеологические обороты, как и слова, являются готовыми единицами языка. Они не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся, как и отдельные слова, по традиции.

Подробный анализ языковых критериев принадлежности фразеологических выражений к фразеологическому фонду языка должен составить предмет специального исследования. В настоящее время уже появляются работы, в которых делается попытка восполнить этот пробел в исследовании немецкой фразеологии.

Функциональная классификация фразеологических единиц

Поскольку спорные моменты семантической классификации В.В. Виноградова на протяжении последних лет являлись предметом всестороннего критического анализа как применительно к материалу русского, так и других языков, представляется целесообразным рассматривать в критическом плане систематизацию немецкой фразеологии по функциональному принципу, тем более, что большинство устойчивых словосочетаний, включаемых в раздел так называемых фразеологических сочетаний семантической классификации, входит в состав фразеологии, систематизированной по функциональному принципу.

Функциональная классификация появилась в советской германистике в тот период, когда фразеологические исследования В.В. Виноградова показали важность рассмотрения устойчивых словосочетаний и сочетаний слов, обладающих цельностью понимания, таким образом, она была отвоевана у синтаксиса и словообразования, поскольку целый ряд словосочетаний относился немецкими учеными к сложным словам. Эти единицы с чистой номинацией, обозначаемые как лексические единства, номинативные фразеологизмы впервые были исследованы как особая часть учения об устойчивых словосочетаниях современного немецкого языка.

Данное обстоятельство позволило детально проследить функцию и структурно-семантические особенности устойчивых сочетаний слов этой группы, а также их отличительные особенности, соотносительно с сочетаниями слов, выполняющих в языке экспрессивно-номинативную функцию.

Однако конкретизация состава единиц двух больших групп устойчивых сочетаний слов I группы (лексические единства или номинативные фразеологизмы) и II группа (номинативно-экспрессивные фразеологизмы) показывает, что функциональные различия в большинстве своем связаны с особенностями структурно-семантического порядка.

Важно подчеркнуть следующее: I группа – так называемые номинативные фразеологизмы, охватывает, во-первых, устойчивые словосочетания, обладающие семантической цельностью номинации на основе собственных лексических значений компонентов, без какого-либо признака семантического преобразования последних. Значительная часть подобных образований – это именные соединения определяемого с определением, используемые как названия различных типов: географические названия, например *der Nahe Osten*, *die Deutsche Demokratische Republik*; названия различных государственных, политических учреждений, политических партий, например *die Freie Deutsche Jugend*, *die CDU–Christlich-Demokratische Union*; обозначения, звания. Все эти словосочетания выполняют в языке функцию номинации.

Второй группой лексических единств или номинативных фразеологизмов являются словосочетания, возникающие на основе переносного значения одного из компонентов. Это – типичные примеры ограниченной сочетаемости слов с переносным значением. В классификации В.В. Виноградова они названы термином «фразеологические сочетания». В немецком языке это, например: *etw. fällt ins Wasser* – что-то расстраивается, идет насмарку; *keinen Finger rühren* – палец о палец не ударить; *bei j-m in der Kreide stehen* – задолжать кому-л., *blinder Passagier* – безбилетный пассажир.

Третьей группой единиц, входящих в состав так называемых номинативных фразеологизмов, являются глагольные устойчивые сочетания, известные в русской и немецкой литературе как «аналитические конструкции», например: *die Hilfe leisten* – помочь.

II группа в функциональной классификации – номинативно-экспрессивные фразеологизмы – содержит семантически преобразованные фразеологизмы со структурой словосочетаний и предложений.

Таким образом, в функциональной классификации сконцентрированы все разновидности устойчивых воспроизводимых сочетаний слов. Здесь наличествуют соединения, которые образуются без семантического преобразования компонентов (лексические единства), моделированные образования, аналитические и грамматико-стилистические конструктивные серийные образования.

Фразеологические единства с выраженными структурными свойствами

Фразеологическими единствами с выраженными структурными свойствами являются: 1) компаративные фразеологизмы; 2) парные сочетания слов.

Компаративные фразеологизмы

Компаративными фразеологическими единицами называются устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении. Например: j-m. fliehen wie die Pest «бежать от кого-либо как от чумы»; plötzlich hochfahren wie von der Tarantel gestochen «вскочить как ужаленный, букв.: будто укушенный тарантулом»; geschwätzig sein, schwatzen wie eine Elster «быть болтливой, трещать как сорока».

В литературе по фразеологии типичным до последнего времени являлось либо полное игнорирование данной фразеологической группы, либо упоминание этих единиц вскользь в общем составе фразеологизмов.

Продуктивность и структурно-семантическая характеристика позволяют идентифицировать их как особый подвид фразеологических единств.

Структурно-семантическое своеобразие устойчивых сцеплений слов данного типа состоит в том, что характеристика свойства или действия происходит через сравнительное придаточное предложение, вводимое союзами wie или als, z.B. Er tut, wie wenn er nichts wüßte – он делает вид, как будто ничего не знает

Сравнительная группа характеризует свойство или действие, состояние через конкретный образ, сопоставление с которым показывает, как представлено то или иное качество, как происходит то или иное действие.

Вторым отличительным свойством компаративных фразеологизмов является твердо фиксированная сочетаемость устойчивого сравнения со строго определенным кругом прилагательных и глаголов. Например, устойчивое сравнение wie ein Kartenhaus «как карточный домик» обычно выступает с глаголами zusammenstürzen, einstürzen, сравнение wie das Wetter «как погода» – с прилагательными veränderlich и т.д. Это дает основание считать компаративные фразеологизмы двучленными структурами.

Прилагательные и глаголы, с которыми сочетается устойчивое сравнение, в специальной литературе часто обозначаются как синтаксически или фразеологически связанные элементы. Необходимо подчеркнуть, что фразеологизация сравнительного оборота может произойти лишь во взаимодействии с синтаксически обусловленным элементом, т.к. только это взаимодействие трансформирует сравнение в усиление, что составляет суть превращения сравнения в устойчивое сравнение или компаративный фразеологизм.

Устойчивое традиционное сравнение включает образы реальной действительности. Каждое такое сравнение выработано в результате многовекового опыта народа и представляет поэтому запас таких образов, которые известны и привычны каждому члену данного языкового коллектива и передаются по традиции от поколения к поколению, например: *stumm wie das Grab* или *stumm wie ein Fisch* «нем как могила или как рыба», *sich winden wie ein Aal* «извиваться, выкручиваться как угорь» и др.

Таким образом, устойчивые сравнения, согласно их традиционному обозначению, или компаративные фразеологические единицы, являются одной из групп фразеологии. Своеобразие, позволяющее выделить их среди других фразеологизмов, возникает в результате взаимодействия структурных и лексико-выразительных факторов.

Компаративные единицы с отрицательной оценкой являются в основном принадлежностью обиходно-разговорной речи. Здесь сравнения особенно гиперболичны, удачно передают отрицательное отношение говорящего, иронию, насмешку, например: *toben wie zehn nackte Wilde im Schnee* для выражения понятия «быть вне себя», *er benimmt sich wie ein Vieh* (вульг.: «ведет себя как скотина, животное»), *schnattern wie eine Ente* (фам. «трещать как сорока, букв. «как утка») и др.

Парные сочетания слов

Парные сочетания слов – это фразеологизмы с целостным смыслом, возникающим в результате семантического преобразования сочинительных сочетаний, включающих два однородных слова и соединяемых при помощи союза *und*, реже *oder*, *weder...noch*.

Смысловая целостность парных сочетаний обусловлена двумя причинами:

Единством образа в метафорических парных сочетаниях, например:

Ohne Dach und Fach sein, zwischen Tür und Angel, um kein Haar, hinter Schloss und Riegel, mit Haut und Haar, weder hü noch hott.

Отнесенностью к одному и тому же или близким понятиям (при синонимичных или тематически близких компонентах) например:

Art und Weise, schalten und walten, hoffen und harren, leben und weben

Или отнесенностью к родовому понятию более высокого порядка (при компонентах-антонимах), например:

Tag und Nacht, groß und klein, arm und reich.

Для парных сочетаний современного немецкого языка наиболее типичной структурой является сочетание субстантивных компонентов. Характерными морфологическими особенностями является отсутствие артикля и опущений флексии:

Mit Herz und Mund versprechen, auf Herz und Nieren prüfen.

Семантическая целостность фразеологической единицы поддерживается фонетическими средствами. В этом плане наибольшее значение имеет

ударение, рифма, нарастание компонентов. При наличии неравных по величине компонентов парные сочетания подчиняются закону нарастающих членов (*um Kopf und Kragen, hoch und heilig*).

Семантической целостностью парных сочетаний является выравнивание грамматического рода субстантивных компонентов в следующих случаях: *mit all ihrem Hab und Gut, für ihr ganzes Hab und Gut*.

Обращают на себя внимание также такая фонетическая особенность парных сочетаний, как повышенная «сонорность» второго компонента. В первом элементе сонант или отсутствует, или находится в менее выгодном фонетическом окружении: *gut und gerne, zu Nutz und Frommen*.

Полисемия и омонимия во фразеологии

Большинство фразеологизмов характеризуется **однозначностью**: они имеют лишь одно значение, их семантическая структура достаточно монолитна, неразложима: *камень преткновения* – «препятствие», *витать в облаках* – «предаваться бесплодным мечтам», *на первый взгляд* – «по первому впечатлению», *ставить в тупик* – «приводить в крайнее затруднение, замешательство» и т.д.

Но есть фразеологизмы, обладающие несколькими значениями. Например, фразеологизм *мокрая курица* может означать: 1) «безвольный, бесхитростный человек, размазня»; 2) «человек, имеющий жалкий вид, подавленный; расстроенный чем-либо»; *валять дурака* – 1) «ничего не делать»; 2) «вести себя несерьезно, дурачиться»; 3) «делать глупости».

Многозначность возникает обычно у фразеологизмов, сохранивших в языке частичную мотивированность значений. Например, фразеологизм *боевое крещение*, означавший первоначально «первое участие в бою», стал употребляться в более широком значении, указывая на «первое серьезное испытание в каком-либо деле». Причем многозначность легче развивается у фразеологизмов, которые имеют целостное значение и по своей структуре соотносительны со словосочетаниями.

Для современного языка характерно развитие образного, фразеологического значения у терминологических сочетаний: *удельный вес, центр тяжести, точка опоры, родимое пятно, привести к одному знаменателю* и др.

Омонимические отношения фразеологизмов возникают тогда, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно разных значениях: *брать слово*¹ – «по собственной инициативе выступить на собрании» и *брать слово*² (с кого-либо) – «получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо».

Омонимические фразеологизмы могут появляться в языке, если в основе образных выражений оказываются разные признаки одного и того же понятия. Например, фразеологизм *пускать петуха* в значении –

«устраивать пожар, поджигать что-либо» восходит к образу огненно-рыжего петуха, напоминающего по цвету и форме хвоста пламя (вариант фразеологизма – *пускать красного петуха*); фразеологизм же *пускать (давать) петуха* в значении – «издавать фальшивые звуки» создан на основе сходства голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с «пением» петуха. Такая омонимия является результатом случайного совпадения компонентов, образующих фразеологические обороты.

В иных случаях источником фразеологических омонимов становится окончательный разрыв значений многозначных фразеологизмов. Например, значение фразеологизма *ходить на цыпочках* – «ходить на кончиках пальцев ног» послужило основой для появления его образного омонима *ходить на цыпочках* – «заискивать, всячески угождать кому-либо». В подобных случаях трудно провести границу между явлением многозначности фразеологизма и омонимией двух фразеологических единиц.

Особо следует сказать о так называемой «внешней омонимии» фразеологизмов и свободных словосочетаний. Например, фразеологизм *намылить шею* означает – «проучить (кого-либо), наказать», а семантика свободного сочетания *намылить шею* полностью мотивирована значениями входящих в него слов: *Нужно хорошенько намылить шею ребенку, чтобы отмыть всю грязь*. В таких случаях контекст подсказывает, как следует понимать то или иное выражение – как фразеологизм или как свободное сочетание слов, выступающих в своем обычном лексическом значении; например: *Тяжелая и сильная рыба бросилась... под берег. Я начал **выводить ее на чистую воду*** (Пауст.). Здесь выделенные слова употребляются в их прямом значении, хотя в языке закрепилось и метафорическое использование этого же словосочетания – фразеологизм *выводить на чистую воду*.

Однако, поскольку свободные словосочетания принципиально отличаются от фразеологизмов, говорить об омонимии таких выражений в точном значении термина нет оснований: это случайное совпадение языковых единиц разного порядка.

Коннотативное значение фразеологизмов в сопоставительном плане

Сопоставительный анализ фразеологических составов нескольких языков, которым занимается особый раздел фразеологической теории – сопоставительная фразеология, находится на стадии становления и тем самым вызывает все больший интерес исследователей (Райхштейн, 1980).

Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их систем, подсистем и микросистем. Под системой понимается

общий фразеологический фонд языка, подсистема, как часть этого фонда, представляющая в нашем понимании пословицы и поговорки.

В плане конфронтативно-фразеологических исследований имеется достаточное количество работ, посвященных сопоставлению фразеологических фондов различных языков.

Так, проблемы контрастивной фразеологии, преимущественно на базе результатов советских исследований, обсуждались в работах Бургера, Бухофера и Сиальма (Burger, Buhofer, Sialm, 1982), а славянские языки с контрастивным привлечением немецкого языка занимают центральное место исследований, проводимых Р. Экертом (Eckert, 1979). Г. Шеманн исследовал около 650 португальских и бразильских идиом с глаголом *dar* «давать», анализируя их в отношении немецких соответствий, особо учитывая при этом их контекстуальную согласованность и стилистический аспект (Schemann, 1981).

Проблема фразеологических универсалий с привлечением немецкого и других германских языков рассматривается в работах Е.М. Солодухо (Soloducho, 1983). Также представляет интерес исследование Д. Добровольского (Dobrovolskij, 1988), который подвергает структурно-типологическому анализу немецкую, нидерландскую и английскую фразеологию и выделяет три типа фразеологических универсалий: (а) обусловленные внеязыковыми факторами, (б) лексико-фразеологические и (в) собственно фразеологические. Он показывает, что характеристика фразеологической системы раскрывает ряд закономерностей. Его основные тезисы основаны на пропорциональной зависимости между степенью аналитичности и регулярности фразеологической системы. Уровень регулярности, например, тем больше, чем больше число фразеологизмов с одинаковым компонентом и чем больше число семантически «делимых» компонентов; и этот уровень тем ниже, чем выше число фразеологизмов с уникальным компонентом. Структурно-типологическое исследование выявило высокую степень близости немецкого и нидерландского языков, которым противопоставляется английский язык.

Интерлингвистические связи во фразеологии европейских языков объясняются общностью культурных традиций, берущих свое начало в античности и христианстве. Наиболее обширное исследование интерлингвальных связей фразеологии положено Е.М. Солодухо. На основе около 50000 интер-фразеологизмов из славянских, германских и романских языков автор разработал их типологию, описал процессы заимствования и интеграции, диалектику национального и интернационального во фразеологии, а также охарактеризовал распределение интер-фразеологизмов по отдельным понятийным сферам. Интернациональный фразеологический состав в его работах представлен в соответствии с формой и содержанием, как результат генетической языковой общности, культурно-исторических контактов и особенностей языкового развития (Soloducho, 1989).

Заимствования фразеологизмов из иностранных языков

Одним из источников пополнения фразеологии являются заимствования.

Особенно многочисленны заимствования из латинского языка, имеются отдельные заимствования из греческого и других языков. Заимствованные ФЕ в своем большинстве носят книжный характер. По способу заимствования фразеологизмы можно разделить на три группы:

1. Полные кальки. Эта группа состоит из двух подгрупп:

а) в исследуемом языке имеется калька, а её прототип не употребляется,

например: *Hunger ist der beste Koch*; голод – лучший повар;

б) в исследуемом языке употребляется как калька, так и её прототипы, например: *Der Mensch ist dem Menschen ein Wolf*; человек человеку волк; *homo hominem lupus est*.

2. Фразеологические единицы, в которые внесены некоторые изменения по сравнению с оригиналом. Это наблюдается в тех случаях, когда в языках имеются расхождения в порядке лексем, например: *wer zwei Nasen hetzt, duos qui sequitur lepores neutrum capit*.

3. Позднейшие фразеологические образования на классической основе. К подобным образованиям относится большая группа оборотов, которые основаны на античной мифологии, на фактах древней истории. Например: *Achillesferse* – ахиллесова пята; *Buchse der Pandora* – ящик Пандоры.

Многие из этих ФЕ носят интернациональный характер и встречаются в ряде языков.

Теории языковой номинации, а также функционально-коммуникативная ориентация современной лингвистики открыли новые перспективы для изучения структуры лексикона и его функциональных возможностей, а постоянное обогащение лексико-семантической системы языка является одним из законов исторического развития языка как общественного явления. Наиболее заметным в развитии языка является процесс обогащения словарного состава языка за счет иноязычных фразеологических заимствований и ФЕ с заимствованными компонентами. Несомненным является тот факт, что заимствование охватывает все уровни языка, процесс заимствования не ограничивается лишь лексикой, но охватывает и фразеологию.

Понятие «фразеология» сохраняет в значительной мере тот уровень знания, когда языковеды обращали основное внимание не на структуру фразеологических оборотов, а на их образность, внутреннюю форму.

Фразеологические заимствования и ФЕ с заимствованными компонентами обогащают лексикологию информацией об изменениях, которым подвергаются слова в составе фразеологических единиц, а лексическую стилистику – данными об узуальных и окказиональных стилистических

особенностях фразеологизмов. Ассимиляция заимствованных фразеологизмов и ФЕ с иноязычными компонентами осуществляется в немецком языке формальными и функциональными средствами.

Среди распространенных вопросов, что же является основным фактором лексико-семантического освоения, называются продолжительность пребывания иноязычного слова или фразеологизма в воспринимающем языке, словообразовательная продуктивность, семантическое развитие и др.

На основании этого решающими факторами лексико-семантического освоения и, соответственно, включения в систему языка, является однозначная семантическая интерпретация слова заимствованного фразеологизма или ФЕ с заимствованными компонентами широким кругом носителей данного языка и их регулярную употребляемость хотя бы в одной лексической подсистеме. В настоящее время практически все заимствования поступают в немецкий язык из иноязычного.

В современной лингвистике их принято называть фразеологизмами, или англо-американизмами. Заимствование фразеологизмов вызвано рядом лингвистических и экстралингвистических причин.

К лингвистическим причинам относят: Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

Около 15 % новейших фразеологизмов заимствуются в связи с отсутствием соответствующего наименования в языке-рецепторе, которые могут иметь как прямое, так и переносное значение.

Обеспечение стилистического эффекта

Заимствования выполняют важные функции и в том числе, когда с их помощью избегаются частые повторения, стилистически варьируются или синтаксически выстраиваются высказывания.

Одним из важных факторов, способствующих широкому употреблению заимствований, может считаться их выразительность.

Восприятие иноязычного слова всем коллективом говорящих или его частью как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия.

К внешним, экстралингвистическим причинам заимствования на современном этапе развития немецкого языка следует отнести активизацию связей с США, изменения в менталитете людей, говорящих на немецком языке.

После окончания второй мировой войны США заняли руководящие позиции в мировой политике и культуре.

В связи с этим увеличилось и распространение «американизмов».

При этом заимствованная фразеология, наделяется притягательностью, динамичностью, кажется яркой и модной.

Среди социально-психологических причин, влияющих на процесс заимствования, можно также назвать увеличение количества говорящих и знающих иноязычный язык в Германии.

Большой поток выезжающих из страны, долго живущих в англоговорящих странах и возвращающихся обратно, является причиной частого переключения на иноязычный язык.

Влияние эмиграции на процесс заимствования не столь высокой степени, как широкое знание иноязычного языка, существенно важно для процесса заимствования.

Одновременно с этим, мало внимания уделяется соотношению фразеологизмов номинативного и экспрессивного характера с их прототипами в исходном языке и анализу изменений, которые первые претерпевают в языке – реципиенте.

Попытку сопоставить семантику заимствованных слов и этимонов предпринимали многие ученые.

Несмотря на новизну таких заимствований, они успешно трансформируются под воздействием формальных и функциональных средств языка, при этом сохраняя некоторые этимологические особенности.

Во второй главе изучается лексико-семантическое освоение фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными элементами современным немецким языком.

Рассматриваются особенности функционирования иноязычных заимствованных фразеологизмов и их компонентов во ФЕ в различных стилях немецкого языка, а также, характеристики, отличающие иноязычные ФЕ от исконных и устоявшихся в немецком языке.

Освоение иноязычных заимствованных фразеологизмов и их компонентов во ФЕ с точки зрения приспособления к лексико-семантической системе заимствующего языка необходимо для их нормального функционирования в речи носителей языка.

Большое количество иноязычных заимствований поступает в немецкий язык посредством СМИ.

Размываются границы функциональных стилей, что проявляется, например, в почти повсеместном распространении заимствованной лексики и фразеологии в газетно-публицистическом и информационном стилях.

Фразеологические заимствования и ФЕ с иноязычными элементами выполняют определенную функцию в прессе.

Сначала заимствования используются в прессе, так же как в обиходной речи в целях экономии языковых средств. Так как текст газеты должен представлять разнообразную, актуальную и интересную информацию, в этом случае заимствованные словосочетания используются в качестве вариации языковых средств выражения.

Заимствованные фразеологизмы и ФЕ с иноязычными компонентами отличаются своей необычностью, образностью, возможностью игры слов и служат для усиления наглядности.

Лозунги рекламы становятся «крылатыми словами», куда более популярными, чем классические цитаты. Поэтому заимствованные фразеологизмы и ФЕ с иноязычными элементами представляют собой функциональные или стилистически экспрессивные дифференцированные языковые знаки, которые могут использоваться функционально или экспрессивно в отличие от простой лексики.

Например: Mit diesem Pentium haben Sie jede Menge «Power» (из рекламы компьютерной техники) [Willkommen, 1/2004, S.34]; Das strahlende Weiß in my life (из рекламы стирального порошка) [Spiegel 3/2003]. В разговорной речи можно также встретить заимствованные у рекламы перефразировки известных поговорок и пословиц и других выражений.

Например: Pricecutting erhalten die Freundschaft (вместо Kleine Geschenke...) [Focus, 2/2006].

Рекламное происхождение отдельных слов и выражений определяет и их стилистическую тональность – она всегда шутливая, ироническая, разговорно-небрежная.

Но если раньше многие слова и обороты встречались только в разговорной речи, то сейчас можно проследить тенденцию распространения неофициальных фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными компонентами в устных официальных выступлениях должностных лиц в СМИ.

Заимствованная лексика, типичные обороты и фразеология официальной документации переносятся коммуникантами в другие ситуации общения, иногда весьма далекие от официальных, получают переносное значение и яркую экспрессивную стилистическую окраску.

Например:

Mit good Cards (предпринимать что-л., имея все шансы на успех; калька с англ. яз. with good cards) – Dieser junge Unternehmer hat mit good Cards begonnen (высказывание одного экономиста о своем коллеге) [Stern.3/2003]; lose face (потерять лицо, престиж), например: Für unsere Firma bedeutet lose face = Kunden verlieren und folglich die Insolvenz [Deutschland, 1/2006].

free Hands haben (иметь/ получить свободу действий; развязать руки), например: Als vierte Macht hat jetzt die Presse free Hands [Deutschland, 3/2005].

Также, пожалуй, нет ни одной газеты, которая не помещала бы изо дня в день спортивные отчеты и комментарии.

Телевидение и радио, в свою очередь, не только отдают дань спортивным интересам слушателей и зрителей, но и сами в очень значительной мере способствуют увеличению популярности спорта.

Большое количество фразеологических заимствований и иноязычных компонентов во ФЕ вышли за рамки спортивного вокабуляра и стали употребляться во многих функциональных стилях.

Например, фразеологизм: *fit sein* (быть в хорошей спортивной форме), очень быстро шагнул из узкоспортивной сферы использования в обиходную речь и стал употребляться в расширенном значении *fit sein* (быть работоспособным, квалифицированным, конкурентоспособным): *Deutschland ist europafit* [Spiegel, 3/2001, S.42]; *fitmachen* («закалять» в прям. и перен. смысле): *Arbeitsämter bieten ihnen zahlreiche Kurse zur Weiterbildung an, um sie fit für die aktuellen Anforderungen des Berufslebens zu machen* [Deutschland, 1/2007]. Такие спортивные фразеологические заимствования и ФЕ с иноязычными компонентами, как: *up to date* (на уровне дня, поднимать высокую планку) или *out sein* (быть отстраненным от игры/ вне игры; вылететь), стали широко употребляться в экономической и политической сферах.

Например: «*Und wer als Aktivsportler up to date und nicht out sein will, steht auf Bungeejumping, Freeclimbing und Rafting*» [Osrewinter R., 1998].

Как обнаруживают исследования, заимствованная метафорика спортивного происхождения поступает в общенациональную фразеологию преимущественно из области легкой атлетики, футбола, хоккея, различных соревнований на скорость (бега, скачки, гонки и т.д.), шахмат, бокса и борьбы.

Например: *lucky punch* (счастливый/ удачный удар): *Lucky punch ist unsere Konkurrenten aus dem Gleise gekommen* [Focus, 4/2005]; *sad blow* (тяжелый удар): *Solche politische Situation hat dem Wirtschaftssystem sad blow versetzt* [Deutschland 3/2006]; *gut in Run liegen* (быть в хорошем положении; иметь все шансы на успех): *Bemerkenswert ist allerdings die Tatsache, dass alle drei Filme vorn gut in Run liegen.* [Bravo, 3/2001].

Run machen (прийти первым, выйти победителем, выигрывать): *Kann man sagen, dass dieser Regisseur ein Neuerer ist und macht Run in der Kinoindustrie* [Komma, 1/2004]; Такое широкое метафорическое использование спортивных фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными элементами в неспортивном контексте отмечается лингвистами как новое явление и носит название «*Versportung der Sprache*» [Розен, 2000].

Анализ языка современной публицистики свидетельствует о чрезвычайно интенсивном привлечении спортивной метафорики во все сферы деятельности человека.

Активное использование фразеологических заимствований из спорта, в особенности перенос заимствованных спортивных фразеологизмов и ФЕ с иноязычными компонентами в область политики и экономики, стало популярно лишь в наше время.

Даже рассчитанная на неспециалиста информация о всех технических новшествах, поступающая через газеты и популярные журналы, по радио и

телевидению, неизбежно несет с собой большое количество заимствований из области науки и техники.

Активный и пассивный лексикон современного человека неизбежно включает сегодня значительное число фразеологических заимствований и заимствованных фразеологизмов с иноязычными компонентами, которые позволяют ему следить за техникой и наукой.

И хотя не все эти слова и выражения, быть может, и понятны до конца неспециалисту, но он знает, к чему они относятся, к каким областям жизни.

Все это не может не влиять на образное видение мира, связанные с миром спорта, науки и техники.

Можно рассмотреть, как благодаря развитию техники возникают новые ФЕ с различной стилистической окраской, содержание которых становится понятным из отдельных заимствованных компонентов.

Например: *switchen in* (подключиться к чему-либо): *Eine dritte Macht hat sich in den Konflikt geschwitcht* [Deutschland, 6/2005]; *auf Stur switchen* (заартачиться): *Bei dieser Frage habe ich auf Stur geschwitscht* [Komma, 1/2004].

Наиболее современные фразеологические заимствования и ФЕ с иноязычными компонентами следует искать в сфере современных видов коммуникации, интерактивных связей и Интернета.

Современные фразеологизмы иноязычного происхождения и ФЕ с иноязычными компонентами такого рода стилистически довольно экспрессивны и известны молодому поколению носителей языка, знающим и умеющим пользоваться современной компьютерной техникой.

Например: *Online sein*; *Online/ on line surfen* (плыть по волнам Интернета в режиме реального времени): «*In letzter Zeit wird «Online sein» oder «online surfen» zum generellen Ausdruck für ein «In den Netzen präsent sein» des Computerebenutzers*» [Horch, 1994].

К числу довольно популярных фразеологизмов с компонентами иноязычного происхождения, напрямую связанных с работой компьютера и использованием Интернетом, относят такой фразеологизм с иноязычным компонентом, как *in Cyberspace leben* (жить в гиперпространстве), например: «*Die Redewendung «in Cyberspace leben» verwendet heute überall. Cyberspace steht für das «zweite Universum», das neben unserer dinglichen Realität entsteht*» [Horch, 1994].

Немецкие лингвисты отмечают, что выражение *in Cyberspace leben* часто заменяют выражением *in virtueller/ digitaler Welt leben* (жить в виртуальном мире), или, *in virtueller Reality leben* (жить в виртуальной реальности) [Willkommen, 3/2005].

В немецком языке можно встретить все более современные фразеологизмы с компонентами иноязычного происхождения, которые обозначают новые артефакты и новые научные представления.

Большинство фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными компонентами из области спорта или техники обязаны своим появлением в немецком языке языковой моде, престижности фразеологизмов.

Именно по этим причинам возникает интерес носителей языка к ним.

Большую роль в распространении заимствованных фразеологизмов и ФЕ с иноязычными компонентами играют средства массовой информации: газеты, журналы, телевидение, торговая реклама и журналистика).

Расширение объема словаря разговорной речи за счет иноязычных фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными компонентами влечет за собой не только его количественные изменения, но и качественные.

Принято полагать, что одним из признаков заимствованных фразеологизмов в разговорном стиле является наличие экспрессивно-эмоционального оттенка. Например, *heaven on earth* (рай на земле): *Das Selikontal ist heaven on earth für Computerfachmänner, die rund um die Uhr in Cyberspace leben, aber reales Geld verdienen. ... In diesem virtuellen Reich scheinen nur noch Dollar real zu sein.* [Deutschland, 4/2004]; Насыщенность разговорной речи экспрессивной лексикой и фразеологией позволяет носителям языка передавать тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки.

Иноязычные фразеологические заимствования и фразеологические единицы с иноязычными компонентами возникают в молодежной среде, а затем многие из этих заимствованных фразеологических фразеологизмов начинают употребляться в СМИ.

Так, например, журналисты, любящие эпатировать читателей и телезрителей оборотами речи, стилистически несовместимыми с обычным нейтральным повествованием, популяризируют модные в молодежных кругах фразеологические единицы, в состав которых входят иноязычные элементы.

Например, фразеологизм: *hip sein* (быть в курсе сегодняшнего дня; быть на пике популярности).

Сам предмет события требовал бы другой стилистики, фразеологическая единица с иноязычным компонентом призвана шокировать публику.

Например, из интервью в журнале «Spiegel»: *Spiegel: Ist MTV (Musikkanal noch cool? Freston: Mal bist du hip, mal nicht. Das passiert Popstars jeden Tag* [Spiegel, 2/2002].

Широкое распространение получило выражение с иноязычным компонентом *Power haben*. (*Power*, заимствованное из иноязычного языка, означает «сила») Это выражение употребляется как в прямом, так и в переносном значении. Слово *Power* входит в состав некоторых фразеологических единиц, как например: *Aqua Power; als PowerGirl; Als PowerFrau: «Powerfrauen und Livesendungen gehen uns ebenso leicht von den Lippen wie Reiseboom oder Werbespot»* [Osterwinter, 1998].

Популярность фразеологических заимствований и ФЕ с фразеологизмами среди носителей немецкого языка растет за счет их высокой активности, яркости и оригинальности внешнего облика.

В языке существует целый ряд стилистически маркированных средств, способных соответственно окрашивать значительную часть своего непосредственного окружения.

Разговорные фразеологические заимствования и заимствованные фразеологизмы с иноязычными компонентами обычно осложнены целым набором самых разнообразных коннотаций.

Одним из наиболее распространенных средств, содержательно осложняющих семантическую структуру заимствованных фразеологизмов и фразеологических единиц с иноязычными элементами, является оценочность.

В самом общем виде оценки подразделяются на положительные и отрицательные.

Так, например, на выражении положительной оценочности специализируется следующее словосочетание, в состав которого входит иноязычный компонент: Larry machen (шутить, забавлять, веселить; возбудить): Das Soul Talent Max Mutzke überzeugt mit Seele und Talent. Er kann mit seiner Popmusik Larry machen und auch traurig sein. [Komma.1/2004].

Отрицательную коннотацию имеют следующие заимствованные фразеологизмы и ФЕ с иноязычными компонентами: kill time (убить время), например: Die Angst, kill time, etwas zu verpassen, bringt die gesamte Nation auf Trab. Mehr tun in gleicher Zeit! Die Soziologin Helga Nowotny: «Angesichts der Fülle an alternativen Möglichkeiten verbreitet sich ein Gefühl des Zeitmangels. Denn jede Entscheidung, die getätigt wird, ist eine zerstörte Möglichkeit» [Deutschland, 2/2005].

das Leben mooben (прожигать жизнь): Von der Erwartung, so viel wie möglich aus der freien Zeit herauszuholen, profitiert die Freizeitindustrie: Fast 400 Milliarden Euro gaben die Bundesbürger 2005 aus, um das Leben mooben, sich ja keinen Freizeitspaß entgehen zu lassen. Noch nie gab es so viele Angebote. [Willkommen, 3/2005].

Одним из мотивов определенного речевого поведения носителей языка является стремление приобрести или поддержать собственный социальный или культурный престиж.

Эффект «престижности» достигается как за счет плана выражения, так и с помощью содержательной стороны заимствованных фразеологизмов и ФЕ, в состав которых входят иноязычные компоненты.

Естественно, что адекватное исследование современных фразеологических заимствований и их иноязычных компонентов в составе ФЕ как разнооформленных языковых знаков в немецком языке невозможно без учета их коммуникативной значимости.

Культурный и идеологический обмен между народами, межъязыковые контакты, заимствование и калькирование лексических и фразеологических единиц и другие процессы взаимодействия культур и языков протекают с различной интенсивностью в различных сферах коммуникации.

В современный период интернациональный характер политического, экономического и научно-технического развития наиболее непосредственно отражается в языке науки и публицистике.

Наконец, из публицистики фразеологические заимствования и ФЕ с иноязычными компонентами постепенно проникают в художественную литературу и в обиходную речь, повышая меру их межъязыковой распространенности.

В целом, можно сказать, что с помощью фразеологических заимствований и иноязычных компонентов во ФЕ человек утверждает свой культурный и общественный авторитет, заявляет свои претензии на культурное и деловое превосходство.

В настоящее время практически все заимствования поступают в немецкий язык из иноязычной среды.

Основным проводником заимствованной лексики и фразеологии из иноязычного в немецкий язык являются СМИ.

Примерно одинаковой оказывается и доля фразеологических заимствований и фразеологических единиц с иноязычными компонентами, не имеющих четкой тематической отнесенности или не образующих сколько-нибудь многочисленных групп.

Заимствованные фразеологизмы и ФЕ с иноязычными компонентами отличаются своей необычностью, образностью, возможностью игры слов и служат для усиления наглядности.

Фразеологические заимствования и иноязычные компоненты, входящие в состав ФЕ успешно трансформируются под воздействием формальных и функциональных средств немецкого языка, при этом сохраняя некоторые этимологические особенности.

Наиболее эффективным видом орфографической интеграции фразеологизмов в систему языка является сохранение их первоначальной иноязычной формы. В семантическом плане для современных фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными компонентами в немецком языке свойственна высокая степень новизны. Восприятие содержания современных фразеологических заимствований и ФЕ с иноязычными компонентами носителями языка, являющимися представителями разных социальных групп и возрастных категорий, различно. Наиболее распространенными вариантами значений заимствованных фразеологизмов и фразеологических единиц, в состав которых входят иноязычные элементы с высокой степенью новизны являются калькированный перевод их прототипов.

Контекст как важное условие реализации фразеологического значения

Выбор необходимой части объема значения многозначного слова происходит в условиях речи в зависимости от контекста (лат. *contextus* – «связь, соединение»). Если попытаться объединить многочисленные определения контекста, даваемые разными авторами, получится краткая формула, предложенная И.Г. Торсуевой: «Контекст – фрагмент текста минус определяемая единица» (Торсуева, 1990). Фрагмент текста, разумеется, должен включать в себя определяемую единицу, составляя ее левое и правое окружение, быть необходимым и достаточным для определения значения и не должен противоречить общему смыслу текста. Однако и в таком развернутом виде определение контекста не охватывает всех условий, в которых объем значения многозначного слова может быть уточнен.

Пояснения, предлагаемые некоторыми справочниками (например, «контекст – рассмотрение единиц одного вида в соотношении с соположенными им во времени или пространстве единицами того же вида» или «условия, особенности употребления данных элементов в речи»), представляются довольно-расплывчатыми. Наиболее подробной и непротиворечивой, на наш взгляд, является теория контекста Н.Н. Амосовой.

Вкратце она сводится к следующему: многозначное слово, семантически реализуемое в речи, является ядром, вокруг которого находятся единицы-индикаторы, т.е. указательный минимум окружения, помогающего сделать нужный выбор. Контекст, по Амосовой, – это сочетание ядра и индикаторов, взаимно влияющих друг на друга (ср. с определением контекста, данным Ф.А. Литвиным, – «известные адресату из кода сведения о других элементах речевого высказывания»). В зависимости от характера индикаторов можно выделить несколько типов контекста. Прежде всего, это группа лингвистических типов: лексический, грамматический и лексико-грамматический типы. Вторая группа типов контекста – внеязыковые условия, в которых протекает речь. Если при наличии лингвистического контекста индикаторы находятся в самом тексте и обязательно представлены языковыми единицами, то при контексте внеязыковом значение реализуется за счет чего-то, находящегося за пределами текста.

Для описания условий речевого акта, не выраженных материально, Н.Н. Амосова использует термин «речевая ситуация», предлагая такие ее разновидности, как «жизненная ситуация», «описательная ситуация» и «тематическая, или сюжетная, ситуация».

Разумеется, влияние всего речевого отрезка и условий его использования на выбор необходимой части объема значения многозначного слова не столь линейно. Именно поэтому в литературе можно найти огромное количество типологий и классификаций контекста, возникающих в зависимости от целей каждого исследователя. Так, принято выделять микро- и макро-

контекст, где микроконтекст – это минимальное окружение единицы плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д., а макроконтекст – окружение единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте как в целом. Говорят также об эксплицированном (эксплицитном) вербальном и невербальном и имплицированном (имплицитном) контекстах; по функциональному принципу выделяют разрешающий, погашающий, компенсирующий и другие типы контекста.

У О.С. Ахмановой есть указание на такие виды контекста, как бытовой, театральный, топонимический, метафорический; совершенно особо контекст трактуется в теории литературы и исследованиях по эстетике. В наши задачи не входит полное исследование этой сложной проблемы, поэтому ограничимся описанием условий снятия многозначности, опираясь на теорию Н.Н. Амосовой и ее более поздние разработки.

Категория отрицания во фразеологизмах.

Понятие отрицания и возможности его введения в речь

Словарь философии дает следующее определение категории отрицания: Отрицание, философская категория, выражающая определённый тип отношения между двумя последовательными стадиями, состояниями развивающегося объекта, процесса. Отрицание является необходимым моментом процесса развития, борьбы противоположностей. Любой объект в процессе своего развития неизбежно достигает стадии собственного отрицания, т.е. становится качественно иным. Эта цепь отрицание старого и возникновения нового не имеет ни начала, ни конца. При этом развивающийся объект одновременно и становится иным, и в определённом смысле остаётся тем же самым. Например, юность отрицает детство, и сама, в свою очередь, отрицается зрелостью, а последняя – старостью. Вместе с тем всё это – различные стадии развития одного и того же человека. Это непрерывное самоотрицание и характеризует прогрессирующее саморазвитие в природе, обществе и познании. Диалектическое отрицание – это, прежде всего творческое отрицание, когда старое не просто отбрасывается и уничтожается, но сохраняется в новом качестве. Отрицание – это момент связи, момент развития, с удержанием положительного. Это «удержание», единство отрицания и преемственности в развитии составляет важную черту диалектического отрицания как универсального принципа бытия, по-разному проявляющегося на различных уровнях организации материи.

Например, словарь логики определяет отрицание как логическую операцию, с помощью которой из одного высказывания получается новое высказывание; при этом, если исходное высказывание истинно, его отрицание не является истинным, а если оно ложно, его отрицание не является ложным. Отрицательное высказывание состоит из исходного высказы-

вания и помещаемого перед ним знака отрицания читаемого как «не» или «неверно, что».

Отрицание это элемент значения предложения, который показывает, что связь между явлениями, выраженная в предложении словами и словосочетаниями, реально не существует или, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Так, в высказываниях Ребёнок не спит отрицается реальное существование связи между ребёнком и сном или же отвергается как ложное предложение Ребёнок спит. Термин «Отрицание» иногда употребляется также в значении 'отрицательное слово'.

Отрицание в языке может выражаться отрицательной частицей или другим отрицательным словом, например в русском языке отрицательная частица не, отрицательные слова никогда, ни за что, нигде, ни в коем случае и др., отрицательным префиксом (немногие, неравный). В немецком языке nicht и Negationswörter niemand, niemals, auf keinen Fall и др. Отрицание может и не иметь отдельного выражения, т.е. быть компонентом значения слова (отказаться = 'не согласиться', сухой – 'не влажный') – внутрисклассовое отрицание или отрицание целого предложения (Много ты понимаешь!; Так я ему и поверила!) – подразумеваемое отрицание.

Предложение, содержащее отрицательную частицу или другие отрицательные слова, называется отрицательным. В отрицательном предложении всегда отрицается некоторое суждение (пропозиция); оно называется сферой действия отрицания. Сферой действия отрицания может быть всё предложение (Дети не пошли в школу) или только его часть, например, во фразе Дети не спят из-за шума обстоятельство причины не входит в сферу действия отрицания. Предложение, которое целиком составляет сферу действия отрицания – это предложение с полным отрицанием; Предложение, в котором отрицаемый компонент входит в состав другого семантического компонента предложения, называется предложением с неполным отрицанием. Предложение может быть неоднозначным из-за неоднозначно выраженной сферы действия отрицания; например, фраза Она не будет переносить встречу из-за приезда брата может означать: 1) 'Приезд брата является причиной того, что она не будет переносить встречу' – неполное отрицание, и 2) 'Неверно, что из-за приезда брата она перенесёт встречу' – полное отрицание.

Не подвергаются отрицанию те семантические компоненты, с которыми связана пресуппозиция, в частности пресуппозиция истинности факта или существования объекта, например, в предложении Я не был рад его приходу отрицание полное, но компонент Он пришёл не подвергается отрицанию, поскольку составляет пресуппозицию этого предложения.

Отрицание называется смещённым, если оно присоединяется не к тому слову, к которому относится по смыслу, а к другому слову, синтаксически подчиняющему первое, например Я не решил всех ваших задач – Я решил

не все ваши задачи. Обычно смещённое отрицание – это отрицание при сказуемом. Возможно также смещение отрицания на предлог, например: не в свои сани = в не свои сани, не в ту сторону = в не ту сторону.

Предложение с отрицательной частицей в составе сказуемого или с отрицательным сказуемым называется общеотрицательным (Он тебя не любит; У меня нет братьев), а предложение с отрицательной частицей при другом члене предложения или слове – частноотрицательным (Он любит не тебя).

Отрицательная частица при модальном слове обычно требует несом. вида подчинённого глагола в инфинитиве (Ты должен это сделать – Ты не должен этого делать). В частноотрицательных предложениях все эти закономерности не действуют: ср. «Он не возвращает книги» и «Он не всегда возвращает книги». От нейтрального отрицания следует отличать противопоставительное, ср.: «Я не читал этой статьи» и «Я не читал эту статью, а только просматривал».

Классификация отрицательных языковых средств немецкого языка

В немецком языке существует много отрицательных слов. Отрицательные слова это слова, выражающие отрицание. К отрицательному слову относятся: слово общего отрицания *kein* нет, им либо отрицается вопрос коротко, либо начинается отрицательный ответ; отрицательное местоимение *nicht* не, отрицательный артикль *kein* никакой. Если задается вопрос, в котором уже заложено отрицание, то отрицание на этот вопрос выражается с помощью слова *doch*, т.е. *doch* – отрицание на отрицание, например, *Können Sie das nicht machen? Doch, ich kann.* Отрицание выражается словами: *nichts* ничего, *niemand* никто, *nie* никогда, *niemals* ни разу, *nimmer* никогда (в будущем), *nirgends* нигде, *weder ...noch, kein ...noch* ни... ни, *auf keinen Fall* ни в коем случае и многие другие.

В отличие от немецкого языка в русском языке действует отрицательное согласование: наличие в предложении частицы *ни* или союза *ни...* *ни* требует отрицательного сказуемого, т.е. сказуемого с частицей *не* или выраженного отрицательным предикатным словом: Он никогда о ней не спрашивает (ср. Он никогда о ней спрашивает); Нет у неё ни друзей ни родных. В отрицательном согласовании участвуют также неопределённые местоимения и наречия, например, *никогда* вместо *когда-нибудь* во фразе «Никто ему никогда не помог».

В немецком предложении возможно наличие только одного отрицания: z.B. *Ich habe nie etwas davon gehört.* – Я никогда ничего об этом не слышал.

Man lernt nie aus! – Век живи век учись!

В старонемецком языке двойное отрицание служило для усиления отрицания. Двойным отрицанием пользовались во времена Лютера и Гете.

Оно сохранилось в литературе и разговорном языке. В современном немецком языке двойное отрицание допустимо только как особое стилистическое средство, чаще в сочетании с *nicht un-* и *nicht ohne*, и означает утверждение:

z.B. *Das ist nicht unmöglich (= durchaus möglich).* – Это вполне возможно.

Seit der Zeit will niemand nicht davon wissen. (Goethe)

Er liest ein nicht uninteressantes Buch. – Он читает не без интересную книгу. *Er verfolgt die Rede nicht ohne Spannung.* – Он слушал речь не без напряжения.

Es gab keine Missverständnisse zwischen... – Не было недоразумений между...

В дополнительном предложении двойное отрицание считается тоже утверждением:

z.B. *Es gibt nichts Besonderes in dieser Gegend, was wir nicht gesehen haben.* – В этой местности нет ничего особенного, чего бы мы не видели.

Es gibt keinen Menschen, der das nicht erfahren hätte. – Нет такого человека, кто бы не узнал этого.

Kaum и *nicht* взаимно исключают друг друга, так как *kaum* имеет негативное значение: z.B. *Er wird mich kaum besuchen.* – Он едва ли посетит меня.

Если автор использует отрицание *noch nicht*, он показывает, что событие ещё не наступило, а если *nicht mehr*, что событие произошло в прошлом. Слово *sogar* усиливает, а *nicht einmal* уменьшает значимость действия:

z.B. *Er ist noch nicht in der Schule.* – Его ещё нет в школе.

Er ist nicht mehr in der Schule. – Его уже нет в школе.

Отрицательное описание придаёт предложению смягчающий или одобрительный характер:

z.B. *Das ist wirklich keine schlechte Idee.* (= *Das ist eine sehr gute Idee.*)

– Это действительно неплохая идея. (Это очень хорошая идея).

Kein (как отрицательный артикль) употребляется, если в утвердительном предложении стоит неопределённый артикль. Для усиления отрицания перед *ein* употребляется *nicht*. *Ein* в таком случае является числительным:

z.B. *Er hat mir ein Buch gebracht.* – Он принес мне книгу.

Er hat mir kein Buch gebracht. – Он не принёс мне книгу.

Er macht nicht eine Ausnahme. – Он не делает ни единого исключения.

Er hat nicht ein Wort gesagt. – Он не сказал ни единого слова.

Во фразеологизмах *kein Wort sprechen* – ни сказать ни слова

Также *kein* употребляется перед вещественными существительными (обозначающими неопределённое количество вещества) и существительными на *-zeug*, *-werk*:

z.B. *Er trank kein Bier.* – Он не пил пиво.

Er wünscht sich zum Geburtstag kein Spielzeug/kein Schuhwerk.- Он не хочет, чтобы ему на день рождения подарили игрушку (туфли).

Характерно наличие kein и в устойчивых сочетаниях, если предложение имеет следующие конструкции:

1) существительное + глагол = глагол:

z.B. Er holte Atem. (= atmete) Er holte keinen Atem. – Он не дышал.

Sie hatte Angst (= ängstigte sich) Sie hatte keine Angst. – У неё не было страха.

2) существительное + глагол – прилагательное:

z.B. Er hatte Hunger.(= war hungrig) Er hatte keinen Hunger. – Он не был голоден.

3) предлог + глагол = прилагательное:

z.B. Das ist ein Problem von sehr großer Bedeutung (= sehr bedeutungsvoll).

– Эта проблема имеет очень большое значение.

Das ist ein Problem von keiner sehr großen Bedeutung.

При перечислении тоже используется kein:

z.B. Mitzubringen sind: Schlafsack, Waschzeug, Besteck, aber keine Skistiefel und kein Kofferradio.

– Принести следует: спальный мешок, умывальные принадлежности, (столовые) приборы, но лыжные ботинки и транзистор не брать.

Kein может выступать в роли отрицательного подлежащего или дополнения:

z.B. Keiner wollte sterben. – Никто не хотел умирать.

Einer ist keiner. – Один в поле не воин. (посл.)

Ich kenne keinen, der das tut. – Я не знаю никого, кто это делает.

Отрицательная частица nicht употребляется, если перед отрицаемым дополнением стоит определённый артикль или местоимение:

z.B. Das ist nicht der einzige Grund. – Это не единственная причина.

Wir verloren die Hoffnung nicht. – Мы не теряли надежду.

В устойчивых сочетаниях глагола и существительного в accusativе, когда эти сочетания нельзя заменить одним глаголом (то есть глагол и дополнение образуют одно смысловое целое, между ними есть тесная связь) тоже используется nicht:

z.B. Er kann Auto fahren. Er kann nicht Autofahren. – Он не может водить машину.

Если эта связь не тесная, то может употребляться или nicht или kein.

Nicht также употребляется перед als (в качестве):

z.B. Sie arbeitet als Kontrolleurin. – Она работает контролёром.

Sie arbeitet nicht als Kontrolleurin. – Она не работает контролёром.

Nicht или kein могут употребляться в утвердительном предложении, если существительное не имеет артикля, после местоимения solche, в ряде выражений:

z.B. Er ist Lehrer. Er ist nicht Lehrer. Er ist kein Lehrer.

Er treibt Sport. Er treibt nicht/keinen Sport. – Он не занимается спортом.

Er mag keine solchen Spiele. – Он не любит такие игры.

Er mag solche Spiele nicht. – Он не любит такие игры.

Не стоит забывать, что nicht стоит перед предлогом, а kein между предлогом и существительным:

z.B. Er geht nicht ins Zimmer. – Он не идёт в комнату.

Er geht in kein Zimmer. – Он не идёт в комнату.

В этих случаях kein употребляется редко и всегда толкуется как частичное отрицание, в то время как nicht, соответственно, как полное или частичное отрицание.

Употребление nicht и kein зависит ещё и от того, что больше отрицается: если глагол, то употребляется nicht, если существительное – kein:

z.B. Ich habe noch keinen Urlaub genommen. – Я ещё не брал отпуск.

Urlaub habe ich noch nicht genommen. – Отпуск я ещё не брал.

Keine Ahnung haben – Не иметь представления.

Er hat die Arbeit nicht erfunden. – Он не прочь побездельничать.

В устойчивых сочетаниях nehmen + аккузатив так же могут употребляться либо kein, либо nicht:

z.B. Er nimmt nicht darauf Rücksicht. – Он не считается с этим.

Er nimmt darauf keine Rücksicht (чаще). – Он не считается с этим.

От употребления nicht или kein может зависеть смысл в том случае, когда речь идёт о профессии, звании, функции, национальности или мировоззрении:

z.B. Er ist nicht Lehrer (Angestellter, Professor, Moslem, Pole). – Он не учитель (служащий, профессор, мусульманин, поляк).

Er ist kein Lehrer (Angestellter, Professor, Moslem, Pole). – Он не учитель (служащий, профессор, мусульманин, поляк).

Отрицание с nicht однозначно отрицается его профессия и т.д. (возможно он не учитель, а, например, инженер), в то время как с kein отрицаются его способности, качества учителя и т.д. (Какой он учитель?)

Nicht употребляется вместо kein (то есть только nicht) в таких предложениях, в которых идет речь об имени собственном без артикля, являющимся или подлежащим и дополнением, либо именной частью составного сказуемого, обозначающего время дня и года:

z.B. Sie mag Klaus (Herrn Mähl) nicht. – Ей не нравится Клаус (г-н Мель).

Er heißt nicht Otto. – Его зовут не Отто.

Es wird noch lange nicht Herbst. – Ещё долго не будет осени (дословно).

Только nicht употребляется в тех случаях, когда существительное стало почти частью глагола, в выражениях:

z.B. Auto, Boot, Bus, Karussell, Rad, Rollschuhe, Schritt, Seilbahn (подвесная) канатная дорога, Ski fahren; Wort halten держать слово; Radiohören; Амок буйствовать, Gefahr рисковать (попасть в беду), Ski, Spießbruten подвергнуться насмешкам со всех сторон, Sturmlaufen; Bankrott обанкротиться, Feierabend закончить рабочий день, Schluss machen; Pfeife rauchen курить трубку; Bescheid sagen сообщить, передать; Maschine schreiben печатать на машинке; Flöte играть на флейте, Fußball usw., Karten, Klavier на пианино, Schach, Skat, Tennis spielen; Schlange stehen стоять в очереди.

Sie fährt nicht Auto. – Она не водит машину.

Er steht nicht Schlange. – Он не стоит в очереди.

Местоимения niemand, nichts могут употребляться в предложении как подлежащее, дополнение, определение:

z.B. Mir ist dort niemand bekannt. – Мне там никто не известен.

Ich kenne dort niemand. – Я не знаю там никого.

Jedermanns Freund ist niemandes Freund. – Кто всем друг, тот никому не друг (пословица).

Наречия nie – никогда, nimmer – больше не (устарело, ю.-нем.), niemals, keinesfalls, keineswegs, auf keinen Fall, in keinem Fall, keinerlei, nicht einmal – ни разу отрицают всё предложение в большей степени, чем nicht:

z.B. Das war nie und nimmer so. – Такого никогда в жизни не было.

Ich kann das nimmer aushalten. – Я никогда такого не выдержу.

Wir werden das niemals vergessen. – Мы это никогда не забудем.

Nirgends, nirgendwo употребляются в предложении как обстоятельства места:

z.B. Ich kann den Schlüssel nirgends finden. – Я нигде не могу найти ключ.

Solche Menschen wie hierfindest du nirgendwo. – Таких людей, как здесь, ты нигде не найдёшь.

Er war nirgends so gern wie zu Hause. – Ему нигде не было так хорошо, как дома.

Союз weder... noch u kein ...noch отрицают всё предложение и стоят перед глаголом или другим членом предложения:

z.B. Weder Gicks noch Gacks wissen. – Не смыслить ни бе ни ни ме в чем-либо.

Kein Laut, noch ein Geräusch drang von außen.

Nicht, kein, nichts, niemand могут усиливаться частицами bestimmt, durchaus, ganz und gar, gar, в устной речи sicherlich, überhaupt, absolut ослабляться частицей fast:

z.B. Das kann ich (ganz und) gar nicht, durchaus nicht, absolut nicht. – Этого я не могу совершенно / абсолютно понять/уяснить.

Das geht auf gar keinen Fall. – Из этого ни в коем случае ничего не выйдет/получится.

Sie ist überhaupt nicht eifersüchtig. – Она вообще неревнивая.

Das ist gar niemandes Schuld. – В этом нет совершенно ничьей вины.

Для усиления могут служить и сочетания:

z.B. Ich habe nicht mehr und nicht weniger (nichts mehr und nichts weniger) gesagt. – Я не сказал ни больше и ни меньше (ничего больше и ничего меньше).

Das macht mich durchaus nicht froh. – Это меня нисколько не радует.

Das berührt mich nicht im Geringsten. – Это ничуть/нисколько не волнует/не касается меня.

Для усиления отрицания в разговорной речи перед существительным, обозначающим незначительную ценность, может стоять nicht или kein:

z.B. Ach, nicht die Bohne! Keine Bohne! – Ни капли! Нисколько!

Keine Spur! – Ничего подобного!/Ничуть!

Das ist keinen Pfifferlingwert. – Это ничего/ни гроша не стоит.

Особые правила положения nicht в предложении

При частичном отрицании nicht стоит перед отрицаемым словом, но не в конце предложения, так как это будет автоматически истолковано как полное отрицание (ударение падает на отрицаемое слово), перед словом, обозначающим качество / свойство:

z.B. Er fährt nicht mit der Straßenbahn, sondern mit dem Bus. – Он поедет не на трамвае, а на автобусе.

Der Student hat nicht gut, sondern ausgezeichnet gearbeitet. – Студент работал не хорошо, а отлично.

Nicht при частичном отрицании может стоять и не перед отрицаемым словом, а в конце предложения перед второй, непрягаемой (отделяемой) частью сказуемого в том случае, если отрицаемое слово стоит в начале предложения:

z.B. Fleißig kann er nicht arbeiten. – Прилежно он не может работать.

Fleißig hat dieser Student nicht gearbeitet. – Прилежно этот студент не работал.

При полном отрицании nicht стоит в конце предложения, если перед дополнением в дативе или аккузативе стоит определённый артикль или местоимение, а сказуемое не имеет второй, непрягаемой (отделяемой) части и, соответственно, перед второй, непрягаемой частью сказуемого, если таковая имеется:

z.B. Er liest das Buch nicht. – Он не читает книгу.

Er hat das Buch nicht gelesen. – Он не прочитал книгу.

В обязательном порядке перед существительным в аккузативе, если оно с глаголом составляет единое целое:

z.B. Er spielt nicht Klavier. (= auf dem Klavier) – Он не играет на пианино.

Относительно членов предложения, nicht чаще всего стоит перед обстоятельством места, но после обстоятельств времени с предлогами, причины, цели, следствия, условия:

z.B. Er wohnt nicht in Polen. – Он не живёт в Польше.

Ich schlief in der Nacht (die ganze Nacht, gestern) nicht. – Я не спал ночью (всю ночь, вчера).

Er kommt wegen seiner Krankheit nicht. – Из-за болезни он не придёт.

Das Spiel findet wegen des Regens nicht statt. – Игра из-за дождя не состоится.

Всегда после наречий:

z.B. Das Spiel fand deswegen nicht statt. – Игра поэтому не состоялась.

Die Besichtigung des Schlosses bedurfte nicht der Zustimmung des Besitzers. – Осмотр замка не требовал согласия владельца.

Перед именной частью сказуемого (перед существительным или прилагательным):

z.B. Er wird nicht Lehrer. – Он не будет учителем.

Sie wird nicht krank. – Она не заболит.

Перед существительным, которое входит в сочетание с функциональным глаголом, а также возможно перед дополнением, если оно распространённое (в целях лучшего понимания, особенно в устной речи):

z.B. Der Fremdenführer besitzt nicht die Fähigkeit anschaulich zu erzählen. – Гид не обладал способностью наглядно рассказывать.

Er untersuchte den psychischen Zustand des Kranken nicht./ Er untersuchte nicht den psychischen Zustand des Kranken. – Он не обследовал психическое состояние больного.

Место nicht в придаточном предложении:

..., dass er nicht arbeitet.

..., dass er nicht Lehrer wird.

..., dass er den Freund nicht sieht.

..., dass er nicht an dich denkt.

..., dass er das Buch nicht auf den Tisch

..., dass er uns nicht gern besucht.

..., dass er uns vermutlich nicht besucht.

Aber: ..., denn er macht das nicht.

Интересно рассмотреть особенность перевода конструкции nicht umhin können zu + инфинитив:

z.B. Ich kann nicht umhin, es zu tun. – Я не могу не делать это.

Er hat nicht umhin gekonnt, das zu hören. – Он не мог этого не слышать. (Только в перфекте!).

Передача отрицания с помощью словообразовательных форм

В некоторых случаях в немецком предложении отрицательные слова отсутствуют, отрицание передаётся с помощью таких словообразовательных форм, как приставки *nicht* + прилагательное (при слитном написании, может писаться и отдельно) или существительное, приставки *nichts-* прилагательное или существительное, отрицательной приставки *un-* + прилагательное (однако не могут иметь такую форму прилагательные, имеющие однозначный антоним: *kurz* короткий - *lang* длинный, *dick* толстый – *dünn* тонкий, *schlecht* – *gut*), суффиксов *-los* и *-un*, приставки *miss* + глагол или существительное (с помощью *-miss*, кроме отрицания, может показываться и ошибочное действие-*missdeuten* (= *falschdeuten*) – ложно/превратно истолковать *missverstehen* (= *falschverstehen*) – ложно/превратно понимать):

z.B. *nichtamtlich*, *nichtberuflich*, *der Nichtraucher*; *der Nichtschwimmer*. – неофициальный; неработающий, некурящий; не умеющий плавать,

z.B. *nichtstuerisch*; *nichtswürdig*, *der Nichtstuer*; *der Nichtskönner* – праздный; недостойный бездельник; бездарь,

z.B. *Das Buch ist uninteressant*. – Книга не интересная.

z.B. *die Unfreundlichkeit*; *das Unglück* – нелюбезность; несчастье
erfolglos; *hilflos* – безуспешный; беспомощный

z.B. *missfallen* – не нравится

missglücken, *misslingen*, *missraten* – не удаваться

die Missgunst; *der Misserfolg* – немилость; неуспех, неудача

Для немецкого языка характерно наличие иностранных суффиксов, передающих степень отрицания – *de(s)-*, *dis-*, *in-* (*il-*, *im-*, *ir-*) + существительное или прилагательное:

z.B. *die Dezentralisierung* децентрализация, *das Desinteresse* незаинтересованность, *die Disproportion* диспропорция, *indiskret* не тактичный; *inkonsequent* непостоянный, *illegitim* незаконный; *die Immobilien* недвижимость; *die Irrealität* нереальность

Отрицание передают частицы *fast*, *beinahe* с глаголом в конъюнктиве:

z.B. *Er wäre beinahe ertrunken*. – Он чуть было не утонул.

Ich wäre fast eingeschlafen. – Я чуть было не уснул.

Отрицание может показываться и с помощью союзов: *ohne* (*dass*), (*an*)*statt* (*dass*), *als dass*, *außer dass*, *ausgenommendass*, *außer wenn*, *weder... noch*:

z.B. *Er kommt, ohne dass er uns grüßt/ ohne uns grüßen*. (= *Er grüßt uns nicht*.) – Он приходит, не приветствуя нас (= Он нас не приветствует).

Er arbeitet, anstatt dass er schläft/ anstatt zu schlafen. (= *Er schläft nicht*.) – Он работает, вместо того чтобы спать (Он не спит).

Отрицание может выражаться и с помощью предлогов *aüßer, anstelle, entgegen, ungeachtet* несмотря на, *unbeschadet* (уст.) несмотря на/невзирая на:

z.B. *Unbeschadet einiger Mangel ist es ein gutes Buch.* – Несмотря на некоторые недостатки, это хорошая книга.

Отрицательное слово в немецком предложении может отсутствовать, но при переводе на русский язык отрицание передается и в уступительном придаточном предложении:

z.B. *Wie kalt es auch war, er ging jeden Tag baden.* – Как бы ни было холодно, он каждый день ходил купаться.

Однако есть случаи, когда в восклицательном или вопросительном предложении *nicht* стоит как частица, однако по содержанию предложение не является отрицательным:

z.B. в восклицательном предложении:

Was weiß er nicht alles! (= *Was weiß er alles!*) – Чего только он не знает!

Was machen wir nicht alles zusammen? – Чего мы только вместе не делаем?

Entschuldigung, sind Sie nicht Herr Röhr? – Извините, Вы не господин Рёр?

z.B. в вопросительном предложении, предполагающем положительный ответ:

Kannst du mir nicht helfen? (= *Kannst du mir helfen?*) – Ты не можешь мне помочь? (= Ты можешь мне помочь?)

z.B. при конструкции *nicht nur... sondern auch*:

Er ist nicht nur ein guter Lehrer, sondern auch ein ausgezeichnete Wissenschaftler. (= *Er ist ein guter Lehrer und ein ausgezeichnete Wissenschaftler.*) Он не только хороший учитель, но и отличный учёный. (= Он хороший учитель и отличный учёный.)

В немецком языке отрицание выражается через глаголы с отрицательным значением, такие как *bezweifeln, bestreiten, warnen, verbieten, bedauern, sich hüten, leugnen* z.B.

Ich bezweifle, dass die Zensuren ungerecht sind.

Der Angeklagte leugnete in der Verhandlung, keinen Diebstahl begangen zu haben.

Der Angeklagte bestritt, keine Sabotageabsichten gehabt zu haben.

Er wird sich hüten zu versuchen, in der Prüfungsarbeit nicht abzuschreiben.

Der Arzt hat mir verboten zu rauchen.

Тематическая классификация немецких ФЕ с отрицанием

Рассмотрим фразеологические единицы немецкого языка, содержащие отрицания, а именно: *nicht, kein, приставку un-, niemand, weder...noch, ohne, nichts.*

Среди данных фразеологизмов налицо большое количество фразеологических единиц, имеющих значение качественной оценки действий и манеры поведения человека. Их можно классифицировать следующим образом:

Фразеологизмы, характеризующие действия человека на основе его взаимоотношений и взаимосвязей с окружающей средой, коллективом:

В составе этой группы можно выделить следующие семантические ряды:

фразеологизмы, характеризующие проявление гнева, неудовлетворенность человека чем-либо, типа:

ich konnte es nicht länger ertragen	Я не могу это больше терпеть
sich vor Zorn nicht mehr kennen	Не находить слов от гнева
ich kann ihn nicht verknusen	Я его не перевариваю, не переношу
ich kann ihn nicht verputzen	Я его не перевариваю, не переношу (s. verputzen)
ich kann ihn nicht ausstehen	Я его не переношу (s. ausstehen)
das kann ich nicht verdauen	Я не могу это переварить (примириться с этим) (s. verdauen)
diese Arbeit schmeckt ihm nicht	Эта работа ему не по вкусу, не нравится (s. schmecken)
j-n nicht erriechen können	Не выносить чьего-либо духа (s. erriechen)
j-n nicht riechen können	Не переносить, не выносить, не переваривать кого-л. (s. riechen)
Unrecht Gut gedeiht nicht	Чужое добро впрок не идет
Allen Menschen recht getan ist eine Kunst, die niemand kann	На всех не угодишь

фразеологизмы, характеризующие поведение человека, занимающего в обществе главенствующее положение, типа:

weder kalt noch warm sein, nicht warm (und) nicht kalt sein	Ни тепло ни холодно (s. warm)
nicht viel von j-m halten	Быть не высокого мнения о ком-л. (s. halten)
j-m nicht durchgehen lassen	Не давать спуска кому-л. (s. durchgehen I)
sich nicht weich machen lassen	Не поддаваться, не уступать, не сдаваться (s. weich)
kein Verhältnis zu etw. haben	Не иметь никакого отношения к чему-л.
kein Ohr für j-n, für etw. (A) haben	Не интересоваться кем-л., не обращать внимания на кого-л., быть глухим к чьим-л. просьбам (s. Ohr)

er steckt voller Unarten wie der Hund voll Flöhe	Он полон всякой дряни (морально нечистоплотен)
es wandelt niemand ungestraft unter Palmen	Никому не дано безнаказанно вкушать яд власти
mit Schmutz wäscht sich niemand rein	С грязью играть, только руки марать
ohne Urteil und Recht	Без суда

фразеологизмы, характеризующие благосостояние человека:

er braucht es mit der Mark nicht so genau zu nehmen	Он не уделяет большого внимания рынку (он не очень точен) (s. genau)
nicht das Salz aufs Brot [zur Suppe] verdienen	Ничего не заработать (s. Salz)
aus den Schulden nicht herauskommen	Не вылезать из долгов (s. herauskommen)
das Geld nicht ansehen	Не скупиться на деньги (s. ansehen)
keinen [nicht einen] (roten) Heller haben	Не иметь ни гроша (s. Heller)
er hat kein Hemd auf dem Leibe	обноситься (s. Hemd)
er hat keinen Pfennig Geld	Не иметь ни гроша (s. Pfennig)
Weder Hund noch Katze haben	Не иметь ни ложки, ни плошки
Es zu nichts bringen	Ничего не достичь, ничего не добиться

Фразеологизмы, характеризующие манеру речевого общения

Внутри подгруппы фразеологические единицы можно объединить в три семантических разряда:

фразеологизмы со значением «нежелания вступать в разговор или продолжать его», типа:

den Mund nicht auf tun	Не раскрывать рта (s. Mund)
keine Silbe reden	Не сказать ни слова (s. reden)
kein Wort sprechen	Не произнести ни слова (s. sprechen)
keinen Laut von sich (D) geben	Молчать, не произнести ни звука (s. Laut)
kein Wort über die Lippen bringen	Не сказать ни слова (s. Lippe)
keinen Mucks sagen [von sich geben]	Не пикнуть, не сказать ни слова (s. Mucks)

фразеологизмы, характеризующие манеру ведения разговора, типа:

um eine Antwort [um eine Ausrede, um eine Entschuldigung] nicht verlegen sein	Не лезть за словом в карман (s. verlegen II)
er braucht nicht lange nach Worten zu suchen	У него всегда есть отговорка (s. Wort)
das ist nicht mit wenigen Worten zu sagen	Вкратце и не скажешь (s. wenig)
mit der Sprache nicht heraus wollen [herausrücken]	1) признаться в чем-л. 2) разговориться (s. Sprache)
er ist nicht auf den Mund gefallen	Он бойкий на язык (s. Mund)
mit seiner Meinung nicht hinter dem Berg halten	Не скрывать своего мнения (s. Meinung)
er ist in der Wahl seiner Ausdrücke nicht sehr ängstlich	Не боится выражаться
kein Blatt vor den Mund nehmen	Не стесняться в выражении своих мыслей (s. Blatt)

фразеологизмы, характеризующие содержание разговора (обычно с отрицательной стороны), типа: нести, городить околесицу, чепуху, чушь – говорить, писать и т.п. глупость.

(nicht) zur Sache reden [sprechen]	Говорить по существу (s. Sache)
mach nicht so viel Zimt!	Не разводи антимоний! (s. Zimt)
mach doch keinen Kram!, mach nicht so viel Kram!	Не разводи канитель! (s. Kram)
mach mir nicht die Pferde scheu!	Не наводи панику! (s. Pferd)
mach's nicht so spannend!	Не разводи канитель! (s. spannend)
keinen Sums machen	Не тратить лишних слов (s. Sums)
mach bloß keine (langen) Fisimatenten!	Не валяй драка! (s. Fisimatenten)
rede keine großen Worte	Не говорить громких слов (s. Wort)
red keinen Stuß!	Не болтай чепухи!
red keinen solchen Schmarren!	Не болтать ерунды! (s. Schmarren)

erzähl (mir) keine Märchen!	Не рассказывай сказки!
veranstalte bloß keinen Zirkus!	Не устраивай цирк! (s. veranstalten)
j-n unmöglich machen	Опорочить кого-л.

Фразеологизмы, характеризующие отношение человека к работе, к делу. В составе этой подгруппы выделяются два семантических разряда: фразеологизмы, характеризующие большое усердие, напряжение в работе, особую сноровку в деле, типа:

wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen	Кто не работает тот не ест (s. arbeiten)
vor Schwierigkeiten nicht zurückschrecken	Не отступать перед трудностями
nicht rasten und (nicht) ruhen	Трудиться не покладая рук (s. rasten)
ich lasse nicht daran rütteln	Это не подлежит никаким изменениям
das macht den Kohl [das Kraut] nicht fett	Этим делу не поможешь, от этого толку мало (s. fett)
gebratene Tauben fliegen einem nicht ins Maul	Жареные голуби сами в рот не влетят (s. TaubeII)
es war keine große Kunst	Это каждый умеет (s. Kunst)
weder Maß noch Ziel haben	Не знать меры в чем-л.
Ohne Rast und Ruh	Без отдыха и срока, не покладая рук
Wer alles tun will, tut nichts recht	За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь

фразеологизмы, характеризующие безделье или недобросовестное отношение к работе, типа:

j-n (nicht) ernst nehmen	Не воспринимать кого-л. в серьез (s. ernst)
sein Eifer hat keinen Bestand [ist nicht von Bestand]	Его усердия не надолго хватило (s. Bestand)
nicht von der Stelle kommen	Не трогаться с места (s. Stelle)
er hat nicht viel drauf	У него ничего за душой нет (s. drauf)

nicht einen Finger für j-n, für etw. (A) krumm machen	Палец о палец не ударить (s. krumm)
der hat Arbeit nicht erfunden	Работа – не его ремесло (s.Arbeit)
er tut [macht] zu Hause keinen Handgriff	Он ничего не делает по дому (s.Handgriff)
sich (D) kein Bein ausreißen	Не утруждать себя, не лезть из кожи вон (s.Bein)
Ein unsicherer Kantonist	Ненадежный, плохой человек

Фразеологизмы, характеризующие психическое состояние человека, которое проявляется внешне, в его манере поведения

В составе этой подгруппы выделяется два семантических разряда: фразеологизмы со значением «уметь управлять собой, сохранять самообладание», типа:

sei nicht solch altes Weib!	Не будь как баба! (s.Weib)
er lässt es sich nicht merken	Он не подает виду(s. lassen)
nicht aufkommen lassen	Не давать ни малейшего повода для (s. aufkommen)
keine Miene verziehen	Не подавать виду (s. verziehen)
er verzog keine Miene	Он и бровью не повел (s.Miene)

фразеологизмы со значением «внешне проявлять свои чувства» типа:

vor Entzücken außer sich sein	быть вне себя от восторга
sie konnte sich des Lachens nicht erwehren	Она не могла не смеяться (s. erwehren, sich)
sie konnte sich der Tränen nicht erwehren	Она не могла перестать плакать (s. erwehren, sich)
ich brachte (vor Aufregung) keinen Bissen herunter	Я не изнурял себя голодом (s. herunterbringen)

Фразеологизмы, характеризующие манеру осуществления зрительного или слухового восприятия, типа:

j-n nicht aus den Augen lassen	Не упускать из виду (s. lassen)
er wagte nicht, sie anzublicken	Он не отважился на нее по- смотреть (s. wagen)
seinen Ohren nicht trauen	Не верить своим ушам (s.Ohr)
nicht über seine [die eigene] Nasenspitze (hinweg)sehen	Не видеть дальше своего носа (s.Nasenspitze)
nichtdergleichtun	Не реагировать, оставаться безучастным (s. tun)

auf dem Ohr hört er nicht	И слышать не хочет об этом (s.Ohr)
das kann ich nicht mehr mit anhören!	Я с этим больше не могу мириться!
j-n, etw. nicht aus den Augen lassen	Не выпускать из виду(s.Auge)
kein Auge von jm wenden	Глаз не отрывать от кого-л. (s.Auge)
j-n keines Blickes würdigen	Не удостаивать кого-л. Даже взгляда
er kann keinem ins Gesicht [in die Augen] sehen	Он не может [ему совестно] людям в глаза смотреть
j-n unverwandten Blickes ansehen	Не упускать глаз с кого-л., пристально смотреть на кого-л.

3.7. Способы словообразования в немецком языке

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к изучению словообразования. Поднимаются вопросы о статусе словообразовательных единиц, о словообразовательных значениях и т.п. Словообразование – раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов.

Вопросами словообразования в разное время занимались учёные – языковеды, такие как Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ф. Фляйшер, М.Д. Степанова, Якоб Гримм, Ф. Беккер, В.Г Чуваева, В. Хенцен, Е. Матер, И. Эрбен и другие.

Бодуэн де Куртенэ считает словообразование «разделом морфологии, который включает, кроме того, этимологию (учение о корнях), учение о флексии и о полных словах». Само словообразование он рассматривает как науку «...о словообразовательных суффиксах, с одной, и о темах или основах, с другой стороны», т.е. впервые в учение о словообразовании включается изучение основ, ибо до этого в учение о словообразовании входило исследование только словообразовательных аффиксов.

Признавая постоянное развитие языка, Бодуэн де Куртенэ распространяет принцип изменчивости на все элементы слова – корень, приставку, суффикс и окончание – и считает необходимым, разлагая слово на морфемы, следовать живому чутью языка, оперировать не «какими-то фикциями, витающими в туманной атмосфере праязыка...», но живыми частями склоняемых и спрягаемых слов».

Л.В. Щерба называет словообразованием «живые схемы для обозначения новых понятий и считает целью словообразования – показать, как

действительно образуются или могут образовываться слова для новых понятий в... говоре в настоящее время».

М.Д. Степанова считает, что «словообразование в системе языка тесно связано как с грамматикой, так и с лексикой, потому что глубокое изучение словообразовательных средств позволяет более точно рассмотреть лексический состав языка».

Характеристика способов словообразования в немецком языке.

Непосредственно-составляющая (НС) в различных словообразовательных моделях

Выражение **способ словообразования** употребляется в целях объединения в понятие более высокого уровня наиболее общих структурных свойств различных моделей или типов словообразования, определяемых особенностями НС (непосредственно-составляющих).

Слова представляют собой либо словообразовательные конструкции, состоящие с точки зрения языковой «субстанции», как правило, из двух НС (т.е. бинарные конструкции), либо единицы, членение которых на две НС невозможно. В последнем случае может иметь место или симплекс или же слово, которое с точки зрения формального и семантического отношения к другим свободным единицам может рассматриваться как «производное»: Griff←greifen, Erwerb←erwerben, **дериват** (производное слово) без словообразовательной морфемы (словообразовательного суффикса) или – по другой терминологии – образование при помощи **нулевой морфемы**. Поэтому такие слова называют **имплицитными** дериватами. Это слова, состоящие из свободной или свободной конструкции, которые в целом мотивированы своим семантическим и формальным отношением к другим свободным морфемам или к другой конструкции. В этих случаях всегда наблюдается транспозиция в другую часть речи, чаще глагола в существительное.

Особым случаем имплицитной деривации – в котором деривация также не связана с членением на две НС – является **конверсия**. В этом случае форма деривата совпадает с «основной формой» производящей единицы. Словообразовательные конструкции из двух НС могут члениться согласно статусу их НС. Они могут состоять из следующих составляющих:

- 1) только из свободных НС,
- 2) из свободной и связной НС,
- 3) только из связных НС.

Свободные НС могут быть представлены корневыми морфемами, конструкциями из нескольких морфем, словосочетаниями или иногда даже предложениями. Эта внутренняя структура возможных НС в принципе не существенна для классификации словообразовательной конструкции по способу словообразования.

Словообразовательные конструкции из свободных НС являются **компози́тами**. Если одна НС подчинена другой, то композит может быть охарактеризован как **определя́тельный**, т.е. предмет, обозначенный «основным словом» (=второй НС) детерминируется, «определяется определителем» (=первой НС); общее название понятия превращается в специальное. Последовательность НС предписана твердо. Если она изменяется, изменяется вся конструкция: Hochhaus – haushoch.

Если обе части НС связаны сочленением, то налицо композит **копуля́тивный**. Здесь вторая часть НС не может обозначать целое, а обе части НС одинаково участвуют в формировании значения словообразовательной конструкции. Обе НС должны относиться к одной и той же части речи, и их перестановка не влечет за собой семантический изменений: süßsauer – sauersüß.

Когда словообразовательная конструкция состоит из одной свободной НС и одной связанной НС, они образуют либо префиксальное слово, либо дериват, но в отличие от имплицитного, **дериват эксплицитный**.

В **префиксальном** слове свободная НС заканчивает слово: Un-glück, ur-alt, er-klingen.

В **эксплицитном** деривате свободная НС не заканчивает слово: Schön-heit, sand-ig.

Существуют концепции, согласно которым различие между префиксом и суффиксом не является дифференцирующим критерием способа словообразования. Все словообразовательные конструкции с одной НС (безразлично, с суффиксом или префиксом) в этом случае классифицируются как дериваты.

Свободная НС признается как у префиксального слова., так и у эксплицитного слова деривата **основой** словообразовательной конструкции.

Таким образом, словообразование в немецком языке существует словообразовательных моделей, каждая из которых имеет свои особенности и свойства.

Словообразовательные модели современного немецкого языка

В современной грамматике различают следующие словообразовательные модели современного немецкого языка:

1. Модель корневых слов.
2. Модель безаффиксного (имплицитного) словопроизводства.
3. Префиксальная модель.
4. Суффиксальная модель. Модель словосложения.

Корневые слова

Корневые слова обладают двумя особенностями: неразложимостью их основ на морфемы и немотивированностью. Корневые немецкие слова обычно включают один – два слога, например: Tisch, klug, hier, Abend, oben, nieder, wieder, aber; двусложные корневые глаголы редки, если не считать глаголов с уникальными и связными основами. Что касается заимствованных слов с неделимыми на немецкой почве основами, то они могут быть не только двусложными, например: Perlou, Perkal, но и могут включать большее число слогов, например: Rendezvous, Magnolie и др. Именно заимствованные слова пополняют состав корневых слов, в то время как состав немецких корневых слов стабилен.

Основы корневых слов участвуют в словопроизводстве в качестве производящих основ, а также пополняют фонд словообразовательных средств в качестве полуаффиксов и частотных компонентов.

Модель имплицитного (безаффиксного) словопроизводства

В данном случае речь идет о взаимопереходе частей речи (конверсии, «морфемно-синтаксическом» способе словообразования). Особенностью данной модели является трудность отличить в плане синхронии производную основу от производящей ввиду отсутствия словообразовательного аффикса – маркера производности. Попытки определить направление мотивированности, т.е. с позиций семантики (например: Antwort как имя действия, мотивированное глаголом antworten и т.д), не всегда приводят к желательным результатам. Наиболее рациональным представляется рассматривать данную модель как функционирование одной и той же основы в условиях разной дистрибуции (т.е. разного окружения): речь идет о разных парадигмах, соответствующих разным частям речи (например: grünen, grün, Grün), и разной синтаксической сочетаемости.

Префиксальная модель

Данная модель характеризуется формально тем, что связанная словообразовательная морфема предшествует производящей основе. Эта модель представлена в глаголах (например: verkaufen, bekleiden, entlaufen), существительных (например: Unruhe, Urgrossvater, Misston), прилагательных (например: unfähig, ural,t, missgelaunt). Семантическая сущность модели заключается в придании слову определенного категориального признака (снабжения, удаления, отрицательности, усиления и т.п.). Для немецких префиксов характерно их четкое деление на именные и глагольные. Немецкие префиксы продуктивны. Число немецких префиксов невелико, но большинство из них многозначны, т.е. выражают разные категориальные признаки.

Суффиксальная модель

Формально данная модель характеризуется тем, что связанная словообразовательная морфема находится после производящей основы. Суффиксальная модель представлена во всех частях речи (например: *seid-en*, *gold-en*, *Freund-heit* и т.д.). Сущность её заключается в том, что суффикс подводит соответствующую лексическую единицу под более широкую семантическую категорию (лица, собирательности, действия или состояния, уменьшительности и т.д.); при этом многие немецкие суффиксы многозначны, т.е. способны выражать разные семантические категории (например: *-er* обозначает разные оттенки значения лиц, неодушевленные предметы, действие; *-heit* имеет основные значения состояния и собирательности с дальнейшими подразделениями и т.д.). Большинство суффиксов специализированы в отношении определенной части речи и обладают способностью переводить одну часть речи в другую (например: *Lehrer – lehren*, *Zwanziger – zwanzig* и т.д.).

Суффиксы могут быть продуктивными и не продуктивными, число первых преобладает.

Словосложение

Словосложение – весьма распространенный способ словообразования в немецком языке, причем продуктивность его непрерывно растет. В составе модели словосложения различают определительное и неопределяющее сложение. К первому относится сочетание двух компонентов; они могут иметь разную словообразовательную структуру, однако членение сложного слова всегда бинарно, например: *Freiheits-liebe* (оба компонента – суффиксальные основы), *Arbeiter-erholungshiemn* (первый компонент – суффиксальная, второй – сложная основа). Как правило, первый компонент определяет второй, а второй дает общую морфологическую и семантико – категориальную характеристику соединения.

Второй тип сложения включает «императивные имена» типа *Vergissmeinnicht*, *Tischleindeckdich* и т.д., сочинительные сложения и некоторые другие виды соединений, например: *Ohnebart* (соединение существительного с предлогом). Сложные слова могут иметь разную степень переосмысления, вплоть до полного стирания мотивированности.

Наиболее распространено и продуктивно определительное словосложение. Оно играет большую роль в оформлении лексических единиц, но также тесно связано с синтаксисом: сложные слова могут семантически совпадать с словосочетаниями, например: *Abteifenster – Fenster des Abteils*, *Briefmarkenverkauf – Verkauf von Breifmarken*.

Особые способы словообразования

Некоторые способы словообразования, играющие в литературном языке незначительную роль, не рассмотрены в данной работе. Эти модели имеют малую продуктивность, а соответствующие словообразовательные конструкции малоупотребительны. Речь идет о следующих способах:

1. Удвоенные образования.

Они встречаются в форме простых удвоений (Mama, Papa, Pinkerpinke – «деньги»), рифмованных образований (Hokuspokus, Klimbim) и «удвоенных аблятированных образований» (Singsang).

2. Контаминированные (скрещенные) слова представляют собой продукт слияния нескольких (чаще двух) слов: Erdtoffel – «Kartoffel» из Erd-(-apfel) и (Kar-)-toffel. Нередко эта возможность используется в художественной литературе для достижения экспрессивных эффектов: Formular + Larifari = Formularifari и т.п.

3. Сокращенные слова существенным образом отличаются от всех остальных способов словообразования тем, что в большинстве своем они являются словообразовательными вариантами, не представляя собой «истинного» обогащения словарного состава. В крайнем случае в этой группе встречаются словообразовательные синонимы.

Обзор этого способа словообразования будет дан в разделе о словообразовании существительных, так как в составе других частей речи он едва ли играет какую-либо роль.

Таким образом, русский и немецкий языки имеют много общего в своих системах словообразования. Однако отношения между способами словообразования в данных языках разные: русскому языку более свойственна аффиксация, немецкому – словосложение.

Система словообразования немецкого языка

Словообразование имени существительного

При образовании имени существительного в немецком языке используются следующие способы словообразования: словосложение, суффиксация, префиксация и модель имплицитного словообразования.

Словосложение

Морфологическая структура НС.

Субстантивированные композиты всегда имеют в качестве второй НС существительное. В определительном композите первая НС может быть:

а) существительным – Brigade-stützpunkt, Entschädigungs-forderung, Kindergärtnerinnen-Schule;

б) прилагательным – Hoch-spannung, Feuerfest-Industrie;

- в) глагольной основой – Entsende-staat, Zerr-bild;
- г) наречием – Aussen-temperatur, Rundum-leuchte;
- д) другими неизменяемыми частями речи – Ja-stimme, Für-wort;
- е) местоимением – Ich-form, Wir-bewusstsein;
- ж) числительным – Zwei-kampf, Erst-aufführung.

Если первая НС – существительное, то она может встречаться в различных структурах (в качестве корневого слова или словообразовательной конструкции).

Прилагательные в качестве первой НС, напротив, большей частью корневые слова. В качестве первой НС, выраженной дериватом прилагательного, выступают обозначения цвета (ein schönes Rötlichblond), народов или стран (Russischunterricht), и, наконец, в терминологической лексике (Flüsseig-gas, Niedrig-wasser). Степени сравнения прилагательных частично используются при противопоставлении положительной и превосходной степеней (Schwer-/Schwerst-arbeit). Как и прилагательные, в качестве первой НС выступают и формы причастия I и – чаще причастия II: Lebend-gewicht; Gebraucht-waren.

В различных структурах встречаются в качестве первой НС глагольные основы: корневые (Kleb-stoff), префиксальные слова (Beweg-grund), глагольные композиты (Vorhersage-gebiet), словосочетания из двух глагольных основ (Mischsortier-verfahren) или существительного как и прилагательного/наречия с глаголом (Lasthebe-magnet, Leisesprech-telefon). Полная форма инфинитива появляется в качестве первой НС в виде существительного (Essens-zeit). Лишь редко встречаются в качестве первой НС личные глагольные формы (Kannbestimmung).

Стык в словосложении

Под стыком с сложном слове понимается «шов», по которому соединяются обе НС. Здесь может наличествовать или отсутствовать не относящийся непосредственно к основе первой НС «соединительный элемент», а именно -(e)s-, -(e)n-, -ens-, -e- или -er-. Эти соединительные элементы в целом встречаются только у субстантивированных и глагольных основ, когда они функционируют в качестве первой НС: у прилагательных и неизменяемых слов они отсутствуют. Это связано с их историческим развитием, поскольку они возникли из элементов, некогда бывших флексиями.

Соединительный элемент -(e)s-. Он (обычно только -s-) встречается наиболее часто, и не выполняет функции флексии в композите; он используется в частности при выражении отношения множественности и в существительных женского рода. Его употребление определяется следующим факторами:

1) морфологической структурой первой НС. Он почти всегда встречается, когда первая НС образована при помощи суффиксов – hiet/-keit, -

tum, -ung, -ut, -ion, -ität, нередко и с суффиксами –ing и –ling. Помимо этого, -s- употребляется для более явной маркировки главного стыка, когда первая НС является композитом или содержит префикс.

2) морфонологической структурой первой НС. После глухих смычных согласных и f, а также после носовых и плавных звуков преобладает тенденция (не переходящая, однако, в общий принцип) избегать-s-: Fabrikgelände, Profitexplosion, Hoftor, Rauminhalt.

В остальных случаях у существительных мужского и среднего рода употребление данного элемента подвержено более сильным колебаниям, даже у одной и той же НС: Lobgesang – lobeshymne, Feindgebiet – Feindesland.

3) грамматическим родом первой НС. Он играет роль, поскольку соединительный элемент -s- у существительных женского рода, если они не образованы с помощью названных выше суффиксов, встречается только в ограниченном числе случаев (Geburtstag, но: Geburtenbeschränkung). Односложные существительные женского рода, как правило, не имеют соединительного элемента (исключение: Gans).

4) вторичной семантической дифференциацией форм с соединительным элементом -s- и без него, которая, утвердилось, впрочем, лишь в отдельных случаях: Verband – kasten – Verband-s-beitrag, -kasse.

Соединительный элемент -(e)n-

Его употребление определяется, прежде всего, формой множественного числа первой НС. Если она оканчивается на -en, тогда большей частью данный соединительный элемент употребляется независимо от того, выражается ли отношение множественности или нет. Это касается большинства существительных женского рода с исходом на -e: Blende(n)-einstellung, Urkunde(n)-fälschung.

Сюда же относится ряд существительных мужского рода: Autor-en-honorar, Held-en-tat, Student-en-heim. Существительные женского рода без употребительного множественного числа с -en не получают соединительного элемента -(e)n-: Kälte-einbruch, Kreide-stück. С другой стороны, данный соединительный элемент отсутствует и у ряда существительных женского рода с множественным числом на -en: Säge-blatt, а также при опущении конечного -e: Grenz-truppen, Lokomotiv-führer, Münz-fernsprecher, Straf-vollzug; в последних случаях -e отсутствует после глухого фрикативного звука.

Наконец, -en- используется после ряда существительных среднего рода, множественная форма которых оканчивается не на -en, а на -e: Inserat-en-annahme, Zitat-en-schatz.

Вторичная семантическая дифференциация отмечается в случаях Klassenspiel, -frauen, -besetzung со значением — «очень хорошо» в отличие от Klassenkampf, -zimmer: Sonntag – Sonentag; с –s-, а не с –en: Geschicht-s-buch – Geschichten-buch.

Соединительный элемент -ens- очень редок, однако, и его употребление не ограничивается словами, в которых -ens- является флексией (Herz-ens-angst наряду с Frau-ens-person).

Соединительный элемент -e- встречается в редких случаях у НС мужского и среднего рода Hund-e-hütte, Pferd-e-markt, а также единично у односложных существительных женского рода (Gäns-e-braten), но всегда при наличии формы множественного числа на -e. Областью наиболее широкого применения соединительного элемента -e- являются НС, представленные глагольными основами. Когда они оканчиваются на -b, -d, -g, -ng, -s, то в композитах возможно варьирование — с соединительным элементом -e- и без него (Bind-faden – Bind-e-glied, Reib-fläche – Reib-e-käse, Schlang-ader – Nag-e-tier, Spreng-stoff – Häng-e-lampe), если же они оканчиваются на глухой согласный, а также на носовой или плавный звук, то соединительный элемент -e- почти всегда отсутствует (Dresch-flegel, Wohn-haus).

Соединительный элемент -er- встречается исключительно при НС, образующих множественное число с -er, при этом — независимо от того, имеется или отсутствует отношение множественности— в чем он сходен с -en-: Eierschale, Männerstimme (все без отношения множественности) наряду с Häusermeer, Lichterglanz. Отмечаются случаи варьирования соединительного элемента при одной и той же НС: Buchhanlung – Bücherstube, Bildband – Bilderbuch. Дифференциация значения возможна с -e- вместо -er-: Volkskunde – Völkerkunde.

Эксплицитная деривация или суффиксальная модель

Немецкие суффиксы. При образовании существительного суффиксы могут указывать на род, собирательность, уменьшительность и др.

-e. 1. Производящая основа представлена глагольной основой (инфинитив). Словообразовательное значение: а) «место», напр., Kippe; б) «орудие», напр., Leuchte, Pfeife; в) «процесс», напр., Einreise, Suche.

2. Производящая основа представлена глагольной основой (с абляутом). Словообразовательное значение: а) «процесс», напр., Bezugnahme Vergabe; б) «место», напр., Brache от (от brechen), Gosse (от giessen), Stiege (от steigen).

3. Производящая основа представлена прилагательным. Словообразовательное значение: а) субстантивированное «обозначение качества», напр., Blässe; б) «обозначение предмета», напр., Höhle, Säure.

В качестве составной части прерывистой НС с префиксом Ge-

1. Производящая основа представлена глагольной основой. Словообразовательное значение: а) «процесс», пейоративность, напр., Getanze,

Abgelese; б) «определяющий результат потенциалов или действий», напр., (Getriebe, Gebläse).

2. Производящая основа представлена существительным. Словообразовательное значение: «собираемость», напр., Gestühl, Gebirge. Как правило, -е опускается.

-ei. 1. Производящая основа представлена существительным. Словообразовательное значение: а) «место», напр., Bäckerei, Ziegelei, Auskunft; б) «поведение» с отрицательной оценкой, напр., Barbarei, Eulenspiegel.

2. Производящая основа представлена глагольной основой. Словообразовательное значение: а) «процесс», напр., Brüllerei, Fahrerei; б) «определенный результат действия», напр., Häkelei, Holzschnitzerei; в) «место», напр., Ausbessererei, Abschlepperei.

-er. 1. Производящая основа представлена глагольной основой или глагольным словосочетанием. Словообразовательное значение: а) «Nomen agentis» (лицо делает то, что обозначено глаголом), с дифференциацией по

– обозначению профессии (Drucker, Lehrer),

– по привычкам (Raucher, Besserwisser),

– по непостоянной деятельности (Finder, Auftraggeber, Besucher);

б) «прибор» (Kocher, Zerstäuber, Gabelstapler, Untersetzer); в) «процесс» (Seufzer); г) «определенный результат действия» (Tupfer).

2. Производящая основа представлена существительным. Словообразовательное значение: а) «лицо по профессиональной или сходной принадлежности» (Stahlwerker, Musiker); б) «лицо, животное, неодушевленный предмет, обладающие признаком, выраженным существительным» (Spalthofer, Zweiachser);

в) «лицо по географической, государственной принадлежности» (Rostoker, Norweger, Kapverder); г) «прибор» (Dampfer, Münzer).

3. Производящая основа представлена числительным. Словообразовательное значение: а) «возрастное обозначение лица», напр., Sechziger); б) «монеты, денежные знаки», напр., Fünfer, Hunderter.

-ler, -ner. Эти элементы образовались путем «расширения суффикса» -er. -l- и -n- входят первоначально в состав именной основы; срвн. betel-er (от существительного betel «das Beteln»), -ner из wagen-er. После выпадения неударного -е- из среднего слога и сдвига слоговой границы элементы -ler и -ner превратились в самостоятельные суффиксы; оснований считать их просто вариантами суффикса -er нет. Они образуют почти исключительно отсубстантивные обозначения по профессии или другой деятельности, по месту жительства или определенным качествам: Sportler, Rohkötler, Pfortner, Bühnenbildner.

В отличие от -er суффикс -ler соединяется также с аббревиатурами в качестве производящих основ: FDJler. Дерирация с -ler породила в числе прочих модель с пейоративной коннотацией: Gewinnlerin, Versöhner.

-heit/-keit/-igkeit. Эти элементы следует считать комбинаторными вариантами одного суффикса. Употребление каждого их трех вариантов зависит от морфонологической структуры производящей основы (Derbheit, Lieblich-keit, Lebhaft-igkeit). Словообразовательное значение определяется как «субстантивное обозначение качества».

-heit: соединяется с субстантивным обозначением лица в качестве производящей основы; данный тип имеет собирательное значение (Menschheit).

-ling. 1. Производящая основа глагольная. Словообразовательное значение: а) «лицо, на которое направлено действие, выраженное глаголом», напр., Prüfung. Нередко антонимично по отношению к деривату с -er: Pflegling – Pfleger; б) «растение, предмет с соответствующим значением» (реже), напр., Steckling; в) при основе непереходного глагола также «лицо, которое проводит/провело действие, обозначенное глаголом» (Eindringling); имеет тенденцию к пейоративной коннотации (Emporkömmling).

2. Производящая основа – прилагательное. Словообразовательное значение: а) «лицо, обладающее соответствующим качеством», как правило, с отрицательной оценкой, напр., Fleigling, Schönling; б) «обозначение растения, животного по качеству, выраженному прилагательным», напр., Kohlweissling, аналогично и обозначение предметов (Rundling).

3. Производящая основа – существительное. Словообразовательное значение: а) «пейоризация», напр., Dichterling, Schreiberling; б) «обозначение животных, растений по соответствующему признаку», напр., Gründling.

4. Производящая основа – числительное: Zwilling, Vierling, Fünfling.

-schaft. 1. Производящая основа – субстантивное обозначение лица. Словообразовательное значение: а) «собирательность, группа людей», напр., Nachkommenschaft, Gewerksschaft; б) «состояние, внутреннее отношение, поведение» как, напр., Freundschaft, Mitwissenschaft.

2. Производящая основа – глагольная основа, причастие II, инфинитив. Словообразовательное значение: «опредмеченный результат действия», напр., Errungenschaft.

-sel. Производящая основа – глагольная основа. Словообразовательное значение: «опредмеченный результат процесса», нередко с уменьшительно-пейоративным оттенком (Anhängsel). В качестве составной части прерывистой НС с префиксом Ge- встречается и в отглагольных именах (Geschreibsel).

-ung. 1. Производящая основа – глагольная основа. Словообразовательное значение: а) «процесс» (Belebung, Landung); б) «результат действия, состояние» (Verdünnung, Anschwellung, Lenkung, Öffnung); в) «группа лиц, производящих обозначенное глаголом действие» (коллективное Nomen agentis), напр., Führung. Некоторые из названных дериватов имеют несколько значений: а) и б) или а) и в).

2. Производящая основа – прилагательное (редко). Словообразовательное значение: «обозначение предмета по признаку, выраженному производящей основой» (Festung)

Производящая основа – существительное (редко). Словообразовательное значение: «собираемость» (Waldung).

Уменьшительность

Уменьшительными суффиксами являются -chen и -lein, в единичных случаях -el (Haarbüschel, Ränzel), иногда сочетание суффиксов –el-chen (Dingelchen, Wägelchen, Fenstervorhängelchen). В литературном языке в настоящее время -chen имеет наибольшее распространение.

На употребление -chen и -lein влияет морфонологическая структура производящей основы: если она оканчивается на -ch, -g, -ng, то, как правило, употребляется –lein: Büchlein, Zweiglein, Ringlein; при исходе на -sch и -el наряду с –lein появляется -chen: Fläschchen/-lein, Bröschchen, Mäntelchen – Mäntlein.

Производящей основой, как правило, является существительное, только в редких случаях прилагательное (причем с модификацией значения связана транспозиция), напр., Dummchen, Früchen. Весьма редки в качестве производящих глагольные основы (с расширением путем –er-chen.

Словообразовательным значением являются: а) «уменьшительность, малость» (Städtchen, Tüchlien), б) «эмоциональность-ласкательность», с положительной коннотацией (Küsschen, Mütterlien); в) «эмоциональность-пренебрежительность, выражение нерасположения», с отрицательной коннотацией (Bürschchen, Filmchen, Kavalerlein). Направление коннотации (мелиоративной или пейоративной) зависит в большинстве случаев от контекста, образования в этом отношении чаще всего амбивалентны.

Конструкции с –chen в ряде случаев употребляются как термины; в этом случае у них тогда отсутствует эмоциональная коннотация, и может возникать семантическая дифференциация со структурами с -lein: Männchen и Weibchen (у животных) и Männlein и Weiblein.

Часть образований идиоматизированы, иногда также полностью изолированы, поскольку производящая основа в свободном употреблении больше не встречается: Stiefmütterchen, Schneeglöckchen, Ständchen, Scherflein.

Мовация

Под этим понимается эксплицитная деривация существительных другого рода, когда в качестве производящей основы функционирует наименование человека или животного, как правило, производными оказываются наименования лица женского рода от соответствующих наименований ли-

ца мужского рода. Стандартным суффиксом является -in: Ärztin, Genossin, Französin, Redakteurin. Не для каждого существительного женского рода, обозначающего лицо, имеется соответствующее существительное мужского рода: Hortnerin, Stenotypistin. Однако имеются наименования профессии и должности, которые могут без мовации переноситься на женщин: Minister, Professor, Brigadier. Тем не менее все чаще употребляются такие формы, как Ministerin, Brigadierin.

Заимствованные суффиксы

К заимствованным суффиксам относятся такие деривационные элементы, которые выделены из лишь незначительно ассимилированных заимствований и образуют в немецком языке поддающиеся анализу словообразовательные конструкции. Ввиду относительно большого числа различных заимствованных суффиксов для большей обозримости представляется целесообразным подразделить их по грамматическим родам существительных.

Суффиксы женского рода. Наименования процесса образуются от глагола с помощью суффиксов -age (Massage), -anz/-enz (Dissonanz), -ion (Explosion); наименования результативных состояний предметов с помощью суффиксов -enz (Konferenz, Residenz), -(at)-ion (Kanalisation), -ur (Frisur).

Наименования качеств и поведения образуются с помощью суффиксов -esse (Akkuratesse), -erie (Koketterie), -ion (Diskretion), -ität (Aggressivität).

Отсубстантивные собирательные имена образуются с помощью -ie, -erie (Bourgeoisie, Maschinerie), -ik, -atik (Motivik, Problematik), -atur (Muskulatur).

Мовированные имена женского рода образуются с помощью суффикса -e (Cousine от Cousin) и -ess (Stewardess).

Суффиксы мужского рода

Наименования лиц образуются от глагола с помощью -ant, -ent (Dirigent, Intrigant), -eur (Masseur), -ator (Agitator). Наименования приборов образуются при помощи -ator (Transformator). Наименования лиц от существительных образуются с помощью суффиксов -ant (Laborant) и, прежде всего, -ist (Humorist, Pianist). Дериваты на -imus имеют субстантивные и адъективные производящие основы (часто собственные имена). Они обозначают идеологические направления, мировоззрения, виды поведения и т.п.: Marxismus, Patriotismus, Humanismus, Kapitalismus.

Существительные мужского и среднего рода

Наименования лиц (мужского рода) образуются от существительных с помощью суффиксов -ar, -är (Bibliothekar, Funktionär), -ier (Brigadier). Собираательные существительные (среднего рода) образуются от субстантивной основы с помощью суффиксов -ar (Vokabular), -ariat (Proletariat). Суффикс -at образует существительные среднего рода от субстантивной производящей основы, обозначающие место, где должностное лицо выполняет свои обязанности (Konsulat). Отглагольные существительные среднего рода обозначают при помощи суффиксов -ee (Resumee), -at (Konzentrat, Testat) результат соответствующего процесса.

Существительные среднего рода

Наименования местности (преимущественно искусственно созданные сооружения) образуются от субстантивной основы с помощью суффикса -arium (Delphinarium, Planetarium). С глагольной основой соединяются -a-ment и -e-ment. Это наименования процессов и возникших в их результате предметов: Abonement, Bombardement, Fundament.

Имплицитная деривация

Существительные, образованные способом имплицитной деривации, как правило, являются отглагольными. При этом наблюдается широкая семантическая палитра от обозначения процесса с временным характером (Wurf, Ritt) до обозначения его результата и предмета (Biss, Zug). Корневой гласный глагольной основы либо остается неизменным, в том числе от основ сильных глаголов (Befehl, Erlass), либо появляется в абляутированной форме (Bruch, Trank, Betrieb, Durchschnitt).

Определение деривационного отношения на синхронном уровне современного языка иногда может вызывать затруднения, поскольку следует принимать во внимание, что возможна не только имплицитная деривация существительного от глагола, но и эксплицитная – глагола от существительного. Например, такие глаголы как fischen и sägen являются производными от существительных Fisch и Säge, т.е. мотивированы НС (fisch)+(en), (säge)+((e)n). Наряду с семантическими критериями для выявления направления производности следует учитывать и формальные.

1) Субстантивные сочетания с элементами be-, ent-, er-, ver- и zer- должны, в принципе, рассматриваться как отглагольные имплицитные дериваты, ибо названные морфемы сочетаются первично только с глаголами, а не с существительными. Они большей частью образованы от сильных глаголов: Befall, Entschluss, Verbot.

2) Если имеется изменение корневого гласного (абляут), то существительное чаще всего омонимично одной из форм глагольной парадигмы и,

следовательно, должно считаться производным. Функционально активная часть глагольной парадигмы с большим числом отдельных форм должна рассматриваться как первичная и мотивирующая по отношению к застывшему единичному элементу Frass, Griff, Zwang. К этой группе относятся такие случаи, как Bruch (от brechen), Druch (от drechen), где историческое развитие вытеснило гласный абляута -u – из глагольной парадигмы.

В случаях, которые не могут быть однозначно решены при помощи названных выше критериев, есть основания считать производными глаголы, так как они в немецком языке – в отличие, напр., от английского – образуют лишь одну морфемную конструкцию и отличаются от существительного добавлением глагольной субстанции, напр., Ruf –rufen, Schlaf –schlafen . Это, конечно, справедливо только для синхронного описания современного языка, когда его история не принимается во внимание.

Принципиально возможна и имплицитная деривация от композитов и даже словосочетаний: Auseinanderfall, Freispruch, Hinauswurf, Erdrutsch, Eisstau.

Конверсия

Конверсия является особым случаем имплицитной деривации .Она исключительно продуктивна, особенно в сфере отглагольной деривации существительных. Уже В. Вильманс отмечал, что «субстантивированный инфинитив представляет собой простейшее средство субстантивации каждого глагола». В основе ее лежат как простые инфинитивные формы (Leiden, Tun, Wollen), так и префиксальные глаголы (Bestehen, Abfischen), композиты (Auseinanderfallen, Sitzenbleiben), словосочетания (Zuspätkommen) и предложения (Vergissmeinnicht). Их палитра семантического рассеивания столь же широка, как и других отглагольных существительных, что захватывает и обозначения предметов, напр., в Essen, Schreiben, Vermögen. Конверсия двух инфинитивов обычно пишется без дефиса (Lesenlehren, Vergessenwollen), между тем как при конверсии других словосочетаний часто употребляется дефис: sein ständiges Von-der-Hand-in-den-Mund-Leben. В то время, как у остальных отглагольных субстантивных типов «sich» рефлексивного глагола всегда отпадает (sich mausern – Mauserung), при конверсии оно нередко входит в существительное: ein Sichabfinden, die Art des Sich-Distanzierens и т.п. Наряду с этим имеется, однако, много субстантивных конверсии рефлексивных глаголов без sich: sein Räuspern, Anbiedern и мн.др. По мнению Б. Зандберга, эксплицитное sich в субстантивациях не рефлексивное местоимение 3-го лица, а «неопределенное sich, которое лишь случайно омонимично с sich 3-го лица». Подобные образования восходят к глагольному инфинитиву и не могут быть соот-

несены с личной формой глагола. Если, однако, имеется носитель действия, то sich опускается.

Префиксация

Префиксация существительных в отличие от словосложения и деривации развита слабее. Число префиксов значительно меньше числа суффиксов, и семантически они намного беднее. Поэтому следующее их описание дается, исходя не из отдельных словообразовательных элементов, как при суффиксации, а из словообразовательного значения.

Немецкие префиксы названных групп I и II участвуют в создании прежде всего следующих словообразовательных значений:

Отрицание. «Чистейшим» отрицательным префиксом является nicht-; на него – в отличие от свободно употребляемого nicht – всегда падает главное ударение: Nichtmetall, Nichtachtung, Nichtschwimmer.

Префикс un- как отрицательный префикс широко развит в сфере прилагательного; но и у существительных образование с помощью этого префикса имеет свое место: Unordnung, Unvermögen.

Значение отрицания в меньшей мере выражает miss-: Misserfolg, Missvergnügen.

Значение «отклонение от нормального к ложному, плохому». Значение, выражаемое субстантивной производящей основой, не отрицается, а оценивается как ложное, плохое. В этом значении чаще встречается un-: Unfall, Unkraut, Unsitte, Unhalt.

Образование усилительных существительных

Под усилительными здесь объединены имена с обобщенным значением «большой» и «в (очень) высокой мере/степени». Префикс un- имеет это значение только в сочетании с некоторыми обозначениями количества (Unmasse, Unmenge, Unsumme). Специализирован на выражении этого значения erz-, часто в соединении с существительными, выражающими отрицательную оценку (Erzfeind, Erzrevanchist), иногда встречаются и другие случаи: Erz-Ästheten.

Сокращенные и усеченные слова (особый способ словообразования)

Различают сокращенные и усеченные слова.

Сокращения представляют собой особенность письменного языка; они не являются предметом учения о словообразовании, напр., usw. вместо und so weiter, z. B. Вместо zum Beispiel.

Усеченные слова – это особые лексические единицы, они встречаются также и в устной форме речи. Усеченное слово образовано в результате специальной редукции плана выражения (цепи фонем) из соответ-

ствующей нередуцированной единицы. Эта единица может быть словом или словосочетанием. Структура редукции создает одно- и многосегментные усеченные слова. Первые состоят из одного связанного одно- или двухсложного сегмента нередуцированной единицы; этот сегмент может быть ее началом или концом, иначе, инициальным или финальным сегментом, напр., инициальный сегмент: *Akkumulator – Akku*; финальный сегмент: *Omnibus – Bus*.

Усеченное слово и его исходная форма имеют различное употребление, оно прежде всего связано с меньшей степенью мотивированности или полной демотивированностью усеченного слова. Таким образом, можно прийти к выводу, что наиболее продуктивными и частотными способами словообразования имен существительных в немецком языке являются словосложения и суффиксальная деривация.

Словообразование имени прилагательного

Словообразование прилагательного, которое здесь не может быть представлено во всех подробностях, не отличается принципиально от словообразования существительного. Здесь также доминирует словосложение и суффиксальная деривация. Вторая НС композитов представлена прилагательным; первая может быть существительным (*reaktoinsschnell*), прилагательным (*frühreif, bürgerlichprogressiv*), глагольной основой (*rutschfest, treffgenau*), аббревиатурой (*DDR-spezifisch*). Адъективными композитами следует считать словообразовательные конструкции с причастием в качестве второй НС (*frohgestimmt*). Отграничены должны быть эксплицитные дериваты с суффиксом *-d* и словосочетанием в функции производящей основы *wegweisend* ← *Weg weisen, diensthaben* ← *Dienst haben*.

Словообразовательные конструкции, как, напр., *barfuss, lauthals* (последнее употребляется только адвербиально) с существительным в качестве второй НС представляют непродуктивный тип possessивных. Как и у существительных, различаются определительные и копулятивные композиты-прилагательные. Словообразовательное значение определительных композитов обнаруживает те же категории, что и существительные («целевое» *publikationsreif*; «причинное»: *altersschief*; «инструментальное»: *luftgekühlt* и др.), некоторые отсутствуют у существительных («орнативные»: *efeubewachsen, pelzgefüttert*); в целом выявляется меньшее семантическое разнообразие.

Важнейшей задачей адъективных деривационных суффиксов является синтаксическая транспозиция существительных, глаголов (и наречий) в прилагательные, и чаще, чем у существительного с этим не связана дальнейшая семантическая модификация. Это касается, в частности, образований с деривационным суффиксом *-isch* в сочетании с заимствованными словами и собственными именами (*realistisch, biologisch, kanadisch*; с именами лиц с вариантом *-sch*: *Grimmsche Märchen*). Дериваты обозна-

чают, будучи относительными прилагательными, общее отношение к понятию, выраженному субстантивной производящей основой; они не могут иметь степеней сравнения (иначе обстоит дело при соединении их с немецкими именами нарицательными, обозначающими, главным образом, лиц, служащими преимущественно для выражения отрицательной оценки каких-либо понятий: *schurkisch*, *erpresserisch*; *kindisch*). Суффикс *-lich* также образует преимущественно отсубстантивные относительные прилагательные (*amtsärztlich*, *herbstlich*). Отглагольным транспозитивизирующим суффиксом является *-d* (*diensthabend*), отнаречным *-ig* (*sofortig*, *heutig*). Семантическая модификация (семантические элементы, дополнительно возникающие у производящей основы) появляется, напр., при словообразовательном значении «состоять из чего-либо» (*-en*: *golden*, *papieren*), «орнативности» (*-ig*: *sandig*, *grobfaserig*), «привативности», «отсутствия свойства, обозначенного производящей основой» (*-los*: *konzertionslos*), «сравнения» (*milchig*, *glockig*).

Из дериватов на *-ig*, наряду с *mässig*, развились в качестве более или менее самостоятельных деривационных элементов или элементов композитов *-artig*, *-fähig*, *-förmig*, *-tüchtig*, *-trächtig*.

Стандартным суффиксом для образования отглагольных прилагательных является *-bar* со словообразовательным значением «возможность осуществить процесс, выраженный глагольной основой» (либо «пассивная возможность» при глаголах, способных образовывать пассив, либо при непереходных глаголах, не способных к подобной трансформации): *auffindbar*, *brennbar*.

В сфере отадъективных образований основным является суффикс *-lich*; его словообразовательное значение – либо «ослабление качества, выраженного производящим прилагательным» (*ältlich*, *kränklich*), либо «склонность к соответствующему качеству, сходство с ним» (*reinlich*, *zärtlich*).

Что касается префиксальных образований, то словообразовательные значения конструкций, образованных с помощью немецких префиксов, в значительной мере обнаруживают те же отношения, что и у существительных, однако, в немецком языке префиксальные образования – прилагательные вообще менее развиты. Префиксы существительных в целом употребительны и у прилагательных.

Система словообразования имени прилагательного в немецком языке в многом сходна с системой словообразования имени существительного. Здесь также доминирует словосложение и суффиксальная деривация.

Словообразование глагола. Основные понятия

Словообразование глагола отличается во многих отношениях от словообразования существительных и прилагательных (т.е. имени). При этом возникают особые проблемы классификации и описания, которые разными

авторами решаются неодинаково. Следует указать на следующие проблемы.

1) Определение инфинитивного суффикса -(e)n. Если этот суффикс рассматривается только как «грамматическая» морфема внутри глагольной флективной парадигмы, то он не может считаться словообразовательной морфемой. Тогда такие глаголы, как *hechten*, *reifen*, должны относиться к имплицитным дериватам (с мотивирующей основой прилагательного *reif* и соответственного, существительного *Necht*), а именно, к дериватам без **производящей фонемы** или к **безаффиксальным производным**. Напротив, если же – как это имеет место здесь – при словообразовательном анализе рассматривать инфинитив как «основную форму» глагола, то -(e)n выполняет двоякую функцию – как грамматической, так и словообразовательной морфемы. Инфинитивный суффикс -(e)n может тогда служить единственным элементом вербализации. Элементы -l- и -ig- в глаголах типа *kränkeln*, *steinigen* являются «распространителями суффикса», которые – как и у имени – могут быть вариантами суффикса или развиваться в самостоятельный суффикс (как -leg из -l-er у имени).

2) Определение элементов *ab-*, *an-*, *aus-*, *auf-*, *durch-*, *über-* др., которым противостоят омонимичные свободные морфемы в качестве предлогов или наречий. Соединяясь с глаголом, они развили в этих конструкциях соответствующие словообразовательные значения и поэтому рассматриваются в них как префиксы.

3) Определение словообразовательных конструкций типа *erfrischen*, *verarzten* Они соотносятся с существительными и прилагательными как мотивирующими производящими основами (*Frisch*, *Arzt*); нет глаголов «*frischen*» и «*arzten*», к которым могли бы присоединяться префиксы *ver-* и *er-*. Поэтому образования этого типа рассматриваются здесь как отадъективные и отсубстантивные дериваты с прерывистым деривационным элементом. Если -(e)n не считается деривационной морфемой, тогда словообразовательные конструкции должны рассматриваться как префиксальные дериваты.

4) Определение структуры как словообразовательной конструкции или как синтаксического словосочетания. В то время как синтаксические словосочетания в сфере имени в большинстве случаев обладают флективно-формальной характеристикой, последняя отсутствует у синтаксических словосочетаний, состоящих из глагола и имени или наречия/частицы: ср., с одной стороны, формальное различие между словосочетанием *grosser Teil* и словообразовательной конструкцией *Grossteil* с другой стороны, отсутствие такого различия между словосочетанием *gross machen* и словообразовательной конструкцией *grossmachen*. Поэтому решить, когда перед нами глагольный композит, труднее.

Таким образом, в настоящее время нет единой классификации глагола в немецком языке, остаются нерешенными множество проблем, связанных

с определением различных глагольных элементов и глагольных словообразовательных конструкций.

Словосложение

Глагольные основы Тип: глагольная основа+глагольная основа +en (schwatzlachen) подчиняется сильным функциональным ограничениям. Менее ограничено употребление также относительно малопродуктивной и малочастотной модели: инфинитив+инфинитив, где в качестве второй НС предпочтительна группа определенных глаголов: bleiben (bestehen-, haften-).

Сходно употребление модели – причастие II + инфинитив: bekanntmachen, gefangennehmen.

Существительное в качестве первой НС

Относящиеся сюда образования в основном обнаруживают семантические отношения, возможные между предикатом и объектом (соотв. обстоятельством): эффицированный объект (formgeben), аффицированный объект (kegelschieben, schritthailen), инструментальное (radfahren), локальное отношение (kopfstehen), модальное отношение (kettenrauchen) и др.

От глагольных композитов с существительным следует отличать дериваты, образованные от субстантивных композитов (от Bildhauer – bildhauern, от Frühstück – frühstückten).

Во многих случаях композит с субстантивированным инфинитивом следует считать мотивирующей производящей основой: kopfrechnen←das Kopfrechnen←im Kopf rechnen и мн.др. Иногда следует допустить наличие двух деривационных отношений. Наконец, надо отметить существование «дефразеологической» деривации.

Большинство этих глаголов имеет лишь зачатки глагольной парадигмы или ее совсем у них нет; в качестве «нормальных», в первую очередь, можно считать инфинитные формы, финитные только при известных условиях, а именно в придаточном предложении, где они не нарушают правил построения немецкого предложения.

Прилагательное (и адъективное наречие) в качестве первой НС

Эта модель развита сильнее, чем предшествующая. Она, прежде всего, различает три группы в зависимости от отношения первой НС: а) к объекту в аккумулятиве (Fussboden – blank); б) к субъекту (weil die Beleidigten kaltbleiden: die Beleidigten – kalt);

с) ко второй НС (arbeiten – kurz).

Каждая группа расчленяется еще в зависимости от семантического отношения, существующего между обеими НС.

Деривация

Глагольные дериваты в целом почти все имеют слабое спряжение.

Субстантивная производящая основа

Имеются корневые субстантивные производящие основы (как у *askern*, *färben*), а также производные дериваты (правда, определенных типов, так, напр., *Nomina agentis* на *-er*, *Nomina agentis* на *-el*. Субстантивные префиксальные образования не служат производящими основами глагольных дериватов; в этих случаях необходимым становится глагольный префикс (*Unkraut* – *ver-unkrauten*).

Синтаксико – семантическая классификация отсубстантивных глагол зависимости от синтаксической функции производящего существительного в соответствующих предложениях выглядит следующим образом:

1) Существительное в качестве предикатива, относящегося к субъекту: *er schauspielert* – *er ist einverhält sich wie ein Schauspieler*; сюда же относятся дериваты от наименований животных (большой частью в переносном смысле): *hamstern*, *unken*, *ochsen*.

2) Существительное в качестве предикатива, относящегося к объекту: *er knechtet ihn* – *er macht ihn zum Knecht*; сюда же относятся, напр., *schroten*. Более употребительны здесь префиксальные глаголы (*verschrotten*, *-trusten*) и глаголы с *-ieren* (*skizzieren*).

3) Существительное в качестве обстоятельного члена, а именно:

а) с «орнативным значением» («*versehen mit*») – *ehren*, *kennzeichnen*, *zuckern*;

б) с «инструментальным значением» – *baggern* («*mit dem Bagger arbeiten*»), *bürsten*, *trommeln*, *gondeln*;

в) с «локальным значением» – *thronen*, *landen*;

г) с «привативным значением» («*entfernen*») – *schälen*; *flöhen*.

4) Существительное в качестве аффинированного объекта – *kalben*, *keimen*, *rosten*.

Прилагательное в качестве производящей основы

Этот тип развит слабее, чем предшествующий. По своему словообразовательному значению различаются:

1) Фактитивные глаголы (объект приобретает качество, выраженное прилагательным) – *bessern*, *glätten*. Глаголы переходные. Гласный основы, способный принимать умляут, как правило, его имеет.

2) Инхоативные глаголы (субъект приобретает качество, выраженное прилагательным, или переходит в соответствующее состояние, не выступая объектом какого-либо действия) – *faulen*, *reifen*.

Субъект приобретает качество, выраженное прилагательным (возможен предикат с *ist*) – *kranken*.

Глагольная производящая основа

Здесь действует имплицитная деривация. Деривационное отношение формально выражается в изменении гласного основы (*Umlaut*, *Hebung*, *Sekung*). Модель больше не продуктивна, однако, соответствующие образования еще представлены в словарном составе и могут рассматриваться как словообразовательный тип. Мотивирующей производящей основой чаще является сильный глагол, дериватом – слабый. Словообразовательное значение – «каузативное». Таким образом, проанализировав способы словообразования глагола в немецком языке, приходим к выводу, что наиболее продуктивным способом словообразования является словосложение. Также в системе словообразования глагола имеются те способы словообразования, которые сейчас не продуктивны, но такие словообразовательные конструкции представлены в современном немецком, поэтому они могут рассматриваться как отдельный словообразовательный тип.

Таким образом, изучение словообразования имеет важное значение для рассмотрения языка как на современном этапе его развития, так и с исторической точки зрения. С синхронным и диахронным подходом к словообразованию перекрещиваются его процессуальный и статический аспекты, то есть словообразование рассматривается в движении и статике. Рассмотрев способы словообразования в немецком языке, можно выделить продуктивные и непродуктивные способы словообразования.

К продуктивным способам словообразования можно отнести: в существительном – словосложения, суффиксация, префиксация и модель имплицитного словопроизводства: у глагола – словосложение, префиксация и деривация; в прилагательном – также словосложение, суффиксация и префиксация. Рассматривая систему словообразования немецкого языка, нужно уделить внимание также морфологии, грамматике, синтаксису и семантике этого языка, так как словообразование полностью включается в морфологию, учитывается его связь с лексикой и семантикой, поэтому надо обращать внимание на происходящие при этом семантические явления, связь словообразовательных морфем с основами определённого значения. В грамматике немецкого языка существует много особенностей, главной из которых является доминирующая позиция словосложения среди способов словообразования всех частей речи. Но система словообразования немецкого языка во многом сходна с системой словообразования в русском языке. Только для немецкого языка наиболее продуктивным способом, как уже говорилось, является сложения, а для русского аффиксация.

3.8. Тенденции развития современной немецкой лексикографии

Лексикография. Типы словарей.

Способы толкования лексического значения слова

Лексикография (греч. *lexikon* – «словарь» и *grapho* – «пишу») – раздел *языкознания*, занимающийся вопросами составления *словарей* и их изучения; наука, изучающая семантическую структуру слова, особенности слов, их толкование.

Бурное развитие практической лексикографии, отмечаемое в последние десятилетия в целом ряде стран обусловлено действием таких факторов, как научно-техническая революция и информационный «взрыв», расширение контактов в гуманитарных областях, функционирование некоторых языков в качестве средства интернационального общения, научное описание и нормализация языка, повышение культуры речи. Растет социальная значимость словарей: ведь они не только фиксируют совокупность знаний, которыми располагает общество в данную эпоху, но и служат надежным инструментом современного научного познания. Какие же тенденции определяют развитие современной немецкой лексикографии? Попытаемся ответить на этот вопрос, основываясь на анализе лингвистических словарей немецкого языка, изданных в последние десятилетия в Германии и России. Современная лексикография оформилась в самостоятельную *интердисциплинарную науку*. Необходимо различать ее объект (языковая система во всей ее полноте и многоаспектности: лексико-семантическая, морфологическая, фонологическая системы, фразеологическая, словообразовательная подсистемы) и предмет (теория и практика составления словарей). Растет количество и улучшается качество словарей. Совершенствуются специальные методы и метаязык лексикографии. Однако многие вопросы еще не получили однозначного ответа (теоретическая база лексикографии, типология словарей, проблема дефиниций, основные понятия и категории лексикографии, ее границы и соотношение с другими науками и т.д.).

Практическая лексикография выполняет общественно важные функции, обеспечивая обучение языку, описание и нормализацию языка, межъязыковое общение, научное изучение языка. Лексикография стремится найти наиболее оптимальные и допустимые для восприятия способы словарного представления всей совокупности знаний о языке.

Теоретическая лексикография охватывает комплекс проблем, связанных с разработкой макроструктуры (отбор лексики, объем и характер словника, принципы расположения материала) и микроструктуры словаря (структура словарной статьи, типы словарных определений, соотношение разных видов информации о слове, типы языковых иллюстраций и т.п.), созданием типологии словарей, с историей лексикографии.

Все словари делятся на два основных типа: энциклопедические и лингвистические, или языковые.

В энциклопедических **словарях** содержится информация о предметах, понятиях, явлениях, в лингвистических – информация о словах, называющих предметы, понятия, явления и пр. Энциклопедические **словари** делятся на *универсальные* (например, «Краткая российская энциклопедия», «Детская энциклопедия», «**Большой энциклопедический словарь школьника**») и *отраслевые* (например, энциклопедия «Русский язык», «**Энциклопедический словарь юного филолога**», **энциклопедический словарь** «Языкознание»).

Чёткое представление о различии между энциклопедическим и лингвистическим **словарём** может дать сопоставление соответствующих по заглавному слову двух объяснительных статей.

Большой энциклопедический словарь школьника, сост. А.П. Горкин	Словарь русского языка СИ. Ожегова, под редакцией С.П. Обнорского
Лорд (англ. <i>lord</i>), в средневековой Англии первоначально землевладелец (лорд манора, ленд- лорд), затем собирательный титул английского высшего дворянства; присваивался пэрам королевства, образующим палату лордов британского парламента. С XIX в. титул лорда жалуются также представителям других социальных групп, деятелям науки, культуры	Лорд, -а, м. В Англии: высший дворянский титул. <i>Палата лордов</i> (верхняя палата английского парламента). Лорд-канцлер (председатель палаты лордов). <i>Лорд-мэр</i> (городской голова крупных городов в Англии)

Лингвистические (языковые) словари можно подразделить на: 1) многоязычные; 2) двуязычные; 3) одноязычные.

Многоязычные и двуязычные словари – это словари переводные. В них значения слов одного языка объясняются через сопоставление со словами другого языка. Часто встречаются следующие двуязычные словари: 1) англо-русский и русско-английский; 2) немецко-русский и русско-немецкий; 3) французско-русский и русско-французский.

В одноязычных словарях слова объясняются посредством слов того же языка. Одноязычные словари бывают комплексными и аспектными. Комплексными являются толковые словари. В таких словарях приводятся сведения, необходимые для понимания слова, его употребления в речи и т.д. Аспектные словари отражают тот или иной аспект языка. К ним относятся: словари иностранных слов, синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, фразеологический, орфоэпический, орфографический, словообразовательный, морфемный, этимологический, обратный, сокращений и другие типы словарей. В каждом словаре есть предисловие, в котором объясняется, как пользоваться словарём.

Взаимодействие между лексикографией и теорией языка — расширение и дифференциация типологии немецких словарей

Пути, которыми идет лексикография, во многом определяются характером и уровнем общей теории языка. Новые лингвистические идеи стимулируют прогресс в области лексикографии, вызывая к жизни не известные ранее типы словарей. Понимание языка как системы знаков нашло отражение в идеографическом словаре Ф. Дорнзайфа, в лексикографической классификации понятий Р. Халлига и В. Вартбурга, которая представляет собой модель лексико-семантической системы. Разграничение языка и речи, парадигматики и синтагматики подготовило почву для разработки синтагматических словарей разных типов (стилистические словари, словари словоупотребления, сочетаемости или комбинаторные, «словоискатели»). Проблема контекста, синтагмы и синтагматизации получает в современной лексикографии особое преломление. Оспаривая наличие основного и производных значений слова, исследователи приходят к отрицанию самостоятельности слова и растворению его в контексте. Абсолютизация роли контекста и дистрибуции восходит, как известно, к бихевиористским теориям, которые приравнивают язык к «речевой замещающей реакции» на ситуацию. Отвергая крайности структурализма и дескриптивной лингвистики с их гипертрофией языковой формы и используя рациональное зерно новых идей, лингвисты Германии разработали тип валентно-дистрибутивного словаря для различных частей речи. Теория валентности в нынешнем ее виде является результатом творческого взаимодействия теоретического языкознания с методической и лексикографической практикой.

Последние десятилетия отмечены повышенным интересом к трем областям лингвистических исследований: к разговорной речи, фразеологии и словообразованию. Изучение различных форм существования языка, в особенности его устно-разговорной разновидности привело к созданию серии словарей немецкого разговорного языка. Теоретические успехи фразеологии, ее «автономизация» открывают широкие перспективы перед фразеографией, цель которой — лексикографическое описание устойчивых словесных комплексов.

Российскими германистами разработан особый тип словообразовательного словаря. На основе тщательных сопоставительных исследований созданы новые двуязычные словари — синонимов и межъязыковых аналогов. Благодаря применению технических средств в лексикографии появились статистические и обратные словари, специальные «машинные» словари для целей автоматического перевода.

Прогресс в области теории коммуникации привел к разграничению активных и пассивных словарей, ориентированных на отправителя (говорящий/пишущий) и получателя (слушающий/читающий) информации. Но-

вые словари возникают также путем комбинации сложившихся типов. Преимущество комбинированных словарей в том, что они более полно удовлетворяют нашу потребность в разнообразной лингвистической информации. Известно, что основной тип словаря – толковый – содержит данные о многих аспектах языка: грамматическую, семантическую, стилистическую характеристику слова, сведения о его произношении, написании, сочетаемости, словообразовательной активности, о фразеологизмах с заголовочным словом, иногда – указания на этимологию и изменение значения. Такой подход к описанию лексико-семантической системы языка основан на принципе «суммированной информации». Во французской и американской лексикографии толковые словари трансформируются в своеобразную энциклопедию языка (словари *Petit Larousse*, *Webster*). К этому типу приближаются словарь Г. Варига и словарь издательства Ульштайн. Признаки толкового, энциклопедического и иллюстративного словарей объединяет в себе *Sprach-Brockhaus*. Стилистический словарь Г. Беккера, изданный в Германии, можно назвать лексикографическим «комбайном», поскольку в нем объединены элементы пяти словарей: толкового, стилистического, синонимического, синтагматического и словообразовательно-гнездового. Словарь синонимов Г. Гёрнера и Г. Кемпке построен таким образом, что он охватывает не только синонимические ряды, но и слова, относящиеся к соответствующей тематической группе, причем в отличие от других словарей подобного типа здесь проводится четкая граница между синонимией и тематической классификацией лексики. К. Бальдингер выдвинул идею – создать исторический словарь немецкого языка на основе тематического принципа. Ощущается потребность в аналогичном словаре немецкого языка (наподобие французских словарей П. Буассьера, Ш. Маке, «Робер»), который объединил бы два принципа подачи словарного материала – алфавитный и идеографический. Несомненно, что будущее лексикографии – за комбинированными словарями разного типа, объема и назначения. Итак, новые типы словарей возникают как под влиянием новых теоретических идей и исследовательских методов, так и в результате синтеза известных лексикографических жанров. Первая тенденция развития науки о словарях может быть определена следующим образом: активное взаимодействие и сближение между лексикографией и теорией языка (прежде всего лексикологией и семантикой) и как следствие этого – расширение и дифференциация типологии немецких словарей.

Лексика и словари

Современная лексикография стремится к четкому разграничению таких понятий, как лексика (лексико-семантическая система языка) и словарь (модель этой системы). Лексика языка – это конечное (в каждый данный момент) множество языковых элементов, открытая динамическая знаковая

система, которая носит потенциально коммуникативный характер. Словарь – конечное подмножество (это всегда какая-то часть словарного состава), закрытая статическая система информативно-номинативного типа, которая представляет собой незнаковый способ организации лексики. Важнейший признак, присущий и лексике, и словарю, заключается в системном характере элементов и отношений между ними.

Словарный состав современного немецкого языка содержит свыше миллиона слов и выражений. Масштабы научной терминологии еще более грандиозны: органическая химия насчитывает около 3,5 млн названий, ежедневно в лабораториях мира синтезируется в среднем 280 новых химических соединений; зоологам известно только насекомых около 750000 видов; в медицине используется 250000 слов-терминов и терминосочетаний. Описать все лексико-фразеологическое богатство языка – заветная мечта лексикографов.

Осуществлению этой цели служат тезаурусы – максимально полные словари, фиксирующие все слова с их значениями и употреблениями на протяжении всей истории существования данного языка. Так как тезаурус базируется прежде всего на письменных источниках, составление подобного словаря для мертвого языка – вполне реальная задача. При полном описании живого, развивающегося языка трудности неизмеримо возрастают. На помощь ученым приходит современная вычислительная техника, успешно применяемая в крупнейших лексикографических центрах (Безансон – во Франции, Галларате – под Миланом в Италии).

Несмотря на стремительный рост объема, «большие» словари немецкого языка еще не приблизились к своему «потолку». К этой категории относятся толковые словари Р. Клаппенбах и В. Штейница (более 100 тыс. слов), Л. Макензена (150 тыс. слов), Г. Варига (220 тыс. слов), двуязычный словарь под ред. О.И. Москальской (ок. 165 тыс. слов). Следует особо отметить выходящий в ФРГ толковый словарь серии Дуден под редакцией д-ра Г. Дроздовского (свыше 500 тыс. вокабул). Потребности теории и практики делают необходимым создание словарей-гигантов, «сверхсловарей». Вторая тенденция, определяющая пути развития немецкой лексикографии, заключается в увеличении объема словарей, прежде всего толковых.

Углубление и совершенствование лексикографической обработки словарного материала, рост информативности каждой статьи и словаря в целом

Наряду с количественными изменениями в немецкой лексикографии последних десятилетий произошли важные качественные сдвиги. Известно, что при составлении словарей различных типов необходимо комплексное решение таких проблем, как отбор, подача (презентация) и

объяснение (интерпретация) языкового материала. Эти аспекты словарной работы постоянно совершенствуются. При отборе словника для толкового словаря общего типа применяется система научно обоснованных критериев, в которую входят: частотность заголовочного слова, его номинативная и коммуникативная ценность, характер и многообразие его лексико-синтаксических связей с другими словами, т.е. сочетаемость слова, его словообразовательная активность, принадлежность к современному языку и др. В толковом словаре для учебных целей производится двойная редукция словарного состава: сперва отбираются лексемы, относящиеся к общеупотребительной лексике (*Allgemeinwortschatz*), затем, и это не менее сложная задача, в словник включаются наиболее актуальные значения (лексико-семантические варианты) многозначных слов. В учебном словаре отбору подвергаются также слова, используемые для толкования заголовочных слов («метаязык» словаря). При этом составители стремятся не выходить за пределы данного словника, соблюдая тем самым принцип «самообъяснения».

Из двух основных способов размещения заголовочных слов – алфавитного и идеографического – в современной лексикографии доминирует первый, который позволяет представить семантическую структуру слова как единое целое, несмотря на известные неудобства, вызванные его формальным характером. В некоторых немецких словарях (*Wörter und Wendungen*, под ред. Э. Агриколы, *Stilwörterbuch*, под ред. Г. Беккера, *Duden. Das große Wörterbuch in sechs Bänden*, под ред. Г. Дроздовского) алфавитное размещение вокабул удачно дополняется словообразовательно-гнездовым принципом. При таком подходе не только сохраняются естественные семантические и деривационные связи родственных слов, но и более экономно используется ограниченная «жилплощадь» словаря.

Дискуссионным остается вопрос о последовательности значений (лексико-семантических вариантов) многозначного слова в рамках словарной статьи. В современных толковых словарях на смену диахроническому подходу (сначала исторически первичное, исходное, затем – производные от него значения) пришел синхронный принцип распределения лексико-семантических вариантов: от актуального общего значения к менее употребительным специальным значениям, от конкретного к абстрактному, переносному.

Этот принцип соблюдается в словарях Р. Клаппенбах/В. Штейница, Э. Агриколы, «Ульштайн» и др. *Bedeutungswörterbuch* серии Дуден приводит актуальные переносные значения, тогда как первичное, этимологическое значение нередко остается «за кадром». Сравните, например: *Pech, das: Ereignis, das für jmds. Tun, Plan im Hinblick auf ein bestimmtes Ziel einen Rückschlag bedeutet; Mißgeschick: er hat viel P. gehabt. Phrase, die: leeres Gerede: seine Rede bestand zum größten Teil aus Phrasen.*

Шагом вперед по сравнению с прошлым является стремление лексикографов отразить в словарной статье иерархические отношения внутри семантической структуры слова. Учитывая неравноправное положение разных лексико-семантических вариантов одного слова, новейшие словари разграничивают три типа связи между отдельными значениями:

- 1) слабую связь, граничащую с омонимией;
- 2) связь средней степени («нормальную»), которая характеризует большинство полисемантических слов, и
- 3) тесную связь, объединяющую оттенки значений («Unterbedeutungen», лексико-семантические подварианты).

Ступенчатая зависимость между лексико-семантическими вариантами фиксируется с помощью набора индексов. Сравните, например:

Fall, der

I. (ohne Pl.) Sturz, das Fallen: ich hörte einen dumpfen F.

II. 1. a) Umstand, mit dem man rechnen muß: für den äußersten F.

b) Angelegenheit, Sache; Vorkommnis: ein ungewöhnlicher F.

2. {Rechtsw.} Straftat, Gegenstand der Untersuchung: der F. Jürgen H.

3. (Med.) Einzelfall einer Erkrankung: ein akuter F.

4. (Sprachw.) Kasus... (Duden. Stilwörterbuch der deutschen Sprache)

До недавнего времени толковые словари (например, Sprach-Brockhaus) придерживались «линейного» принципа подачи значений, что давало лишь приблизительное представление о характере смысловых связей многозначного слова.

В области толкования значений также наблюдаются количественные и качественные изменения. С одной стороны, объектом толкования и комментирования служат не только заголовочные слова, но и другие лексикографические единицы: иллюстративные примеры, случаи образного и переносного употребления, различные типы фразеологизмов. С другой стороны, словарные дефиниции в возрастающей степени удовлетворяют требованиям полноты, непротиворечивости и адекватности. Современные словари стремятся унифицировать толкования для каждой тематической группы лексики (названия средств транспорта, учреждений, профессий, животных, растений и т.д.).

Дефиниции строятся таким образом, что с их помощью можно выявить системные отношения в лексике и семантические различия («дифференциальные семы») слов одной тематической или синонимической группы. Например:

Bach, der – kleines fließendes Gewässer. (Duden Bedeutungswörterbuch)

Fluß, der – 1. größeres fließendes Gewässer. (Eben da)

Teich, der – kleineres stehendes Gewässer. (Eben da)

Strom, der – I. a) breiter Fluß. (Eben da)

Пример содержательного разграничения синонимов:

Bewohner, der – Jmd., der an einem bestimmten Ort wohnt: die B. des Hauses, der Stadt, der Insel (житель; жилец; обитатель). (Eben da)

Einwohner, der – Jmd., der fest an einem Ort wohnt: die Stadt hat zwei Millionen E. (постоянный житель, жилец). (Eben da)

Компонентный анализ, который основывается на словарных дефинициях, способствует в свою очередь развитию и уточнению метаязыка лексикографии.

Опыт авторитетных немецких словарей убеждает в том, что наиболее рациональным способом раскрытия значения является комплексный подход, объединяющий семантические определения и указания, синонимы, антонимы, словообразовательные связи, оправдательные примеры в форме изречений и цитат, а также иллюстрации.

В настоящее время ведется оживленная дискуссия вокруг проблемы метаязыка лингвистического и лексикографического описания. Полярные позиции в этом вопросе сводятся к следующему:

а) необходим специальный искусственный язык для описания значений;

б) универсальным средством семантизации слов является естественный язык, речь; это свойство языка делает ненужным создание искусственной семантической системы. Следует отметить, что проблема семантических определений интенсивно разрабатывается не только в лингвистике, но и в философии, логике, семиотике, психолингвистике.

Наряду с семантической информацией словари дают грамматическую характеристику заголовочного слова, которая содержит указание на принадлежность к той или иной части речи, показатели склонения (формы род. п. ед. числа и им. п. множ. числа у существительных), спряжения (основные формы глаголов), вспомогательные глаголы. Типы глагола (переходные, непереходные, возвратные) служат для разграничения глагольных лексико-семантических вариантов. Например: *verfahren*: 1) intrans., 2) irons., 3) refl. (Duden. Stilwörterbuch)

В дополнение к традиционному набору грамматических признаков новые словари приводят степени сравнения прилагательных, оговаривая особые случаи их образования, а также ограничительные пометы, указывающие на дефектность парадигмы этой части речи. *Bedeutungswörterbuch* серии Дуден содержит такие «ограничители» для прилагательных:

a) nur attributiv: *elterlich, feindlich, morgig, obig* u. a.

b) nicht adverbial: *flügge, fruchtbar, kurzlebig, stämmig*...

c) nicht prädikativ, *frontal, irrtümlich, täglich*...

d) nicht attributiv: *mucksmäuschenstill, tipp-topp*.

Stilwörterbuch der deutschen Sprache серии Дуден содержит в глагольных статьях данные о валентности и дистрибуции глаголов:

jmdn. schlagen – *etw. schlagen*;

jmds., einer Sache gedenken;

mit jmdm. in etw. übereinstimmen;
geraten – mit Raumangabe;
dauern – mit Zeitangabe;
aussehen – mit Artangabe.

В словаре Ullstein-Lexikon der deutschen Sprache морфологические варианты слов сопровождаются симптоматической оценкой частотности и употребительности той или иной формы. Например:

seltener, soffener, meist:

Buchstabe, Glaube – selten: Buchstaben, Glauben;

Lexikon – Pl. Lexika (seltener Lexiken);

er sandte (selten: sendete) ein Paket ab;

glatt (-er, -este; seltener: glätter, glättete).

Конкурирующие между собой флексии генитива -s/-es у существительных мужского и среднего рода характеризуются:

а) как стилистическая оппозиция

Ausbruch, Aspekt, Bahnhof, Film, Gesicht, Urteil, Urlaub u. a. – Gen. -s (geh.-es);

б) как свободные варианты у существительных: Aufzug, Dom, Glück, Heft, Hof, Rat, Schlaf, Teil...;

в) как формы с предпочтением одной из них: Bach, Dach, Fall, Fest, Krieg, Mut, Pferd, Tag, Tuch, Werk ... – Gen. -es (seltener:-s); Ast, Berg, Bett, Feind, Feld, Grund, Kopf, Land, Weib, Wind, Zug... – Gen.-es (selten:-s).

В словарных статьях на прилагательное и существительное иллюстративные примеры приводятся в строгой последовательности, определяемой грамматическими критериями. Прилагательное выступает в трех функциях:

1) в качестве согласуемого определения;

2) как предикатив;

3) как обстоятельство образа действия (наречие).

Сравните, например, в словаре Ullstein-Lexikon der deutschen Sprache: fröhlich: f~e Menschen, Gesichter; f~er Laune sein; wir waren sehr f.; f. umherspringen, lachen.

В Stilwörterbuch der deutschen Sprache серии Дуден у прилагательных выделяется два уровня: Attribut – Satzglied. Существительные разрабатываются по следующей схеме:

1) с определением – ein breiter, langer, schiffbarer Strom;

2) в качестве субъекта – der Strom ist vereist, führt Hochwasser, tritt über die Ufer;

3) в качестве объекта (начиная с аккузатива): einen Strom befahren;

4) в соединении с предлогами, которые приводятся по алфавиту: man sah

viele Boote auf dem Strom; die Bäche wurden durch den Regen in reißende Ströme verwandelt.

В целом удельный вес грамматической информации в словарных статьях неизменно возрастает. Подобная тенденция к «грамматикализации» толковых словарей особенно отчетливо проявляется в *Ullstein-Lexikon der deutschen Sprache*.

В отличие от немецких словарей XIX века современные словари ставят своей целью дать дифференцированную стилистическую, хронологическую и социолингвистическую квалификацию различных слоев лексики. Важной вехой на пути к этой цели были стилистические классификации, разработанные лексикографами Германии. В *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache* под ред. Клаппенбах/Штейница различаются четыре основные стилистические сферы (*normal-sprachlich, gehoben, salopp-umgangssprachlich, vulgär*) и два промежуточных слоя (*dichterisch, umgangssprachlich*). В словаре *Wörter und Wendungen...* Э. Агрикола считает эти шесть слоев равноправными, но сокращает количество стилистических помет в своем словаре до трех: *poet., umg., derb* (при отсутствии пометы слово или выражение относится к нейтрально-литературному слою). Словарь *Duden. Stilwörterbuch der deutschen Sprache* идет дальше, разграничивая восемь стилистических сфер и вариантов (наряду с нейтральной лексикой): *dichterisch, gehoben, bildungssprachlich, Amtsdeutsch, Papierdeutsch, umg., fam., derb*.

Обращает на себя внимание расширение слоя возвышенной лексики за счет перехода в эту группу тех слов, которые прежде считались стилистически нейтральными. Например: *abtrünnig, antragen, bedürfen, begleichen, beiwohnen, bersten, bezeigen, empören, erblicken, hegen, irdisch, karg, säubern, Speise, Wange, Weh, weilen, Woge, zagen* u. a. (*Duden, Stilwörterbuch*).

Показательно введение пометы *bildungsspr.* (книжное) для многих заимствований: *analysieren, Diskussion, intelligent, Prinzip, dezent, disponieren* u.a.

По-новому решаются вопросы, связанные с отбором, размещением и объяснением фразеологии. В толковых и двуязычных словарях устойчивые словосочетания, как правило, приурочиваются к соответствующим лексико-семантическим вариантам многозначного слова, а при более отдаленной семантической связи с исходным значением (или при полной утрате этой связи) фразеологизм приводится в конце словарной статьи. В *Bedeutungswörterbuch* серии Дуден мотивированные и немотивированные идиомы снабжены разными показателями:

jmdm. das Konzept verderben – jmds. Plan durchkreuzen – мотивированный фразеологизм.

etw. kostet jmdn. Kopf und Kragen – jmd. muß etwas mit dem Leben bezahlen – немотивированный фразеологизм.

В этом словаре делается попытка более четко разграничить образное употребление и переносное значение слова (первое в большей степени

зависит от контекста: ein weißer Fleck auf der Landkarte; второе – более автономно: ein Fleck auf seiner Ehre). Для практической работы со словарем весьма ценны указания на фразеологическую связанность значения заголовочного слова (пометы in der Verbindung, in der Wendung после «черных» слов Feuerprobe, fristen, Geratewohl, mundtot, rümpfen; dingfest, Holzweg, Kohldampf u. a.).

На основе наблюдений, изложенных в этом разделе, можно сделать вывод: углубление и совершенствование лексикографической обработки словарного материала, рост информативности каждой статьи и словаря в целом составляют третью тенденцию в современной немецкой лексикографии.

Совершенствование методов и создание новой технической базы

До недавнего времени лексикография считалась одной из наиболее консервативных областей лингвистики. Это объяснялось не только спецификой предмета (словарь, который призван обеспечивать преемственность «языковых состояний», требует многолетнего труда), но и известной технической отсталостью и методическим несовершенством словарного дела. Для лексикографии до сих пор были характерны трудоемкие ручные методы:

1) сбор языкового материала путем эксцерпирования письменных источников (т.е. расписывания текстов на карточки) с целью создания словарной картотеки;

2) использование наличных словарей и их картотек;

3) сбор и обработка данных устной разговорной речи, которые необходимы при составлении синхронных словарей (в особенности диалектных и словарей разговорного языка).

Преодолевая негативные традиции прошлого, современная лексикография приобретает индустриальный характер.

Переход на новые рельсы вызван расширением масштабов исследований и задачами научно-технической революции. Новые, более эффективные методы постепенно «завоевывают» и лексикографию.

1. Применение ЭВМ обеспечивает автоматизацию словарной работы, делая возможным сбор, хранение, накопление и переработку разнообразной лексикографической информации, создание специальных машинных словарей. Без современной вычислительной техники немислимы статистическая лексикография и лексикометрия – новая вспомогательная дисциплина, которая занимается измерением различных параметров лексико-семантической системы.

2. Использование фотокопирования и микрофильмирования словарных карточек в целях расширения картотеки. Известно, что при составлении Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache лексикографы Германии впер-

вые провели механическую обработку данных с помощью сортировальной машины Аритма.

3. Различные методы анкетирования (опрос информантов, проводимый также по радио и телевидению, социо- и психолингвистические тесты и эксперименты, магнитофонные записи устной речи и др.).

4. Новое в технологии производства, в оформлении и распространении словарей (многоцветная и офсетная печать, ротапринт, ормиг, ксерокс; словари, выходящие отдельными выпусками – Lieferungen; «журналы-лексиконы» – Lexikon-Zeitschriften, приложения к большим словарям, «служба слова» и др.).

Таким образом, дальнейшее совершенствование методов и создание новой технической базы можно считать четвертой тенденцией в развитии современной лексикографии.

Лексикография как междисциплинарная область исследований тесно связана с другими разделами науки о языке: это лексикология и семасиология, грамматика и стилистика, социо- и психолингвистика, теория информации и машинный перевод, лингвострановедение и методика преподавания языка. (Здесь уместна аналогия с такими развивающимися на стыке наук дисциплинами, как социолингвистика, семиотика, лингвистика текста). В настоящее время параллельно происходят два диалектически противоречивых процесса: с одной стороны, консолидация лексикографии как особой научно-практической дисциплины, с другой стороны – ее дифференциация на отдельные отрасли в соответствии с типами и назначением словарей. Это отражается в специализации и универсализации словарей. Аспекты лексикографии превращаются в относительно самостоятельные направления теоретической и практической деятельности, такие, как идеография, фразеография, паремиография, терминологическая лексикография или терминография, двуязычная (переводная), коллоквиальная, статистическая, учебная лексикография. Развитие современной лексикографии протекает, таким образом, в русле тех глобальных процессов, которые характеризуют науку нашего времени в целом.

Основы лексикографии немецкого языка

Лексикография (от греч. (lexikos) – «относящийся к слову» и (grapho) – «пишу») – «раздел языкознания, начинающийся практикой и теорией составления словарей».

Практическое направление лексикографии, по сути, является одной из самых древних отраслей лингвистики, поскольку первые словари появились задолго до начала нашей эры. Так, к древнейшим из «произведений» лексикографов относятся, например:

- глоссы (списки малопонятных слов с объяснениями), созданные в Шумере в XXV в. до н.э., в Китае в XX в. до н.э.;

- глоссарии (сборники глосс к отдельным произведениям или авторам), составленные, в том числе, к Ведам в I тысячелетии до н.э., к Гомеру в V в. до н. э.;

- вокабулярии (сборники слов для учебных и других целей) – трехязычные шумеро-аккадо-хеттские таблички, датируемые XIV–XIII вв. до н.э., списки слов по тематическим группам, составленные в Египте в 1750 г. до н.э. и т.д.

В настоящее время под термином «словарь» принято понимать не просто «перечень слов», а «определенным образом организованное собрание слов, обычно с приписанными им комментариями, в которых в стандартной для данного словаря форме (или формате) описываются особенности их структуры и/или функционирования».

Современные словари способствуют обучению родному и иностранным языкам (а следовательно, и межъязыковому общению), а также обеспечивают описание и нормализацию родного языка и вносят значительный вклад в научное изучение и описание лексики языка.

Теоретическая лексикография (в отличие от древнего практического направления) сформировалась лишь ко второй трети XX в.

К ее функциям относятся:

- разработка общей типологии словарей и словарей новых типов;
- разработка макроструктуры словаря, то есть отбор лексики, расположение слов и словарных статей, разграничение омонимов, отбор и включение в корпус словаря грамматических статей, иллюстраций и т.д.;
- разработка микроструктуры словаря, то есть отдельной словарной статьи и ее составляющих: грамматического и фонетического комментариев к единицам словаря, определений, системы помет языковых иллюстраций и т.д.

Каждый словарь состоит из ряда структурных компонентов. В вводной статье, предваряющей основной текст словаря, объясняются принципы пользования данным изданием, а также приводятся информация о структуре словарной статьи и список использованных условных сокращений. При этом в фразеологических словарях в качестве отдельного структурного компонента принято выделять указатели, или индексы, которые позволяют находить фразеологизм по любому из его компонентов. Такие указатели создаются для облегчения процедуры поиска нужной единицы во фразеологических словарях, во-первых, – разнооформлены, а во-вторых, – подвержены сильному варьированию «das sind zwei Paar [zwei verschiedene/ zweierlei] Stiefel [Schuhe]» «это совсем разные вещи», это несопоставимые вещи»), и часто пользователю словаря не ясно, по какому из компонентов следует искать фразеологизм в словаре. Важнейшим из структурных компонентов является словник, содержащий все единицы,

которые формируют область описания словаря и являются «входами» словарных статей. В зависимости от того, какую цель преследует словарь, его словник может состоять из морфем, лексем, словоформ или словосочетаний. Обычно словник сознательно ограничивается составителями в соответствии с задачами и целями словаря. Так, например, в словник словаря иностранных слов не войдут лексемы данного языка, а словарь крылатых выражений не будет содержать пословиц и поговорок. Элементарной единицей словаря является словарная статья, где содержатся характеристики отдельно взятого объекта описания словаря. Словарная статья, как правило, состоит из нескольких «зон описания» каждая из которых содержит особый тип информации. Так, например, в толковом или двуязычном словаре статья обычно состоит из следующих зон:

1) вокабула – вход словарной статьи – обычно выделяется полужирным шрифтом, поэтому на жаргоне лексикографов и редакторов эта зона называется «черное слово»; часто в вокабуле указывается ударение;

2) грамматическая и стилистическая информация – обычно в этой зоне указываются частеречная принадлежность слова, грамматический род, форма родительного падежа и форма множественного числа для существительных, основные формы и управление глагола и т.д., стилистические же пометы дают представление о принадлежности слова к определенному стилю речи или какой-либо особой сфере употребления лексемы и т.д.;

3) зона значений, разделенная на отдельные подзоны:

– номер значения,

– дополнительные грамматические или стилистические пометы,

– толкование,

– примеры, представляющие собой свободные словосочетания, в состав которых входит данная лексема (говоря о принципах отбора примеров сочетаемости для составления двуязычного немецкого русского – словаря, Д.О. Добровольский отмечает, что «если речь идет о прозрачной, семантически мотивированной сочетаемости, ее вообще не следует приводить в словаре. в словарную статью включаются, по возможности, лишь словосочетания, лексическая структура которых не прозрачна с точки зрения носителя русского языка»);

3) фразеология – в этой зоне приводятся фразеологические единицы, в состав которых входит описываемое слово, если у фразеологизма выделяется несколько значений, то они нумеруются с помощью арабских цифр со скобкой (зона фразеологии обычно отделяется от остальной информации в статье знаком ромба, поэтому на лексикографическом жаргоне она часто называется «заромбовой»)

Лексический вход	<p>sorgen I vi 1. (<i>für A</i>) заботиться; хлопотать (о ком-л., о чем-л.); er sorgt nur für sich [seinen Vorteil] он думает только о себе [о своей выгоде]; dafür laß mich ~! это мое дело!; об этом я сам позабочусь!; предоставь это (дело) мне!; 2. (<i>für A</i>) заботиться (о ком-л.), присматривать (за кем-л.), опекать (кого-л.); es ist für ihn schlecht gesorgt за ним нет никакого ухода; 3. (<i>für A</i>) (по)заботиться (о чем-л.); устраивать (что-л.), создавать предпосылки (для чего-л.); Selbstverpflichtungen sorgen für die Erfüllung vieler wirtschaftlichen Aufgaben личные обязательства способствовали выполнению [обеспечивали выполнение] многих хозяйственных задач; dafür ist gesorgt это (уже) устроено [улажено, предусмотрено]; 4. (<i>um A</i>) см. sorgen II; 5. (<i>auf A</i>) диал. следить (за кем-л., за чем-л.), уделять внимание (кому-л., чему-л.), оберегать (кого-л., что-л.); \diamond es ist dafür gesorgt, daß die Bäume nicht in den Himmel wachsen посл. 1) \approx бодливой корове Бог рога не даёт; 2) всему есть предел; II sich ~ (um A) заботиться, беспокоиться, тревожиться (о ком-л., о чем-л.); опасаться (за кого-л., за что-л.) sich krank ~ заболеть от забот [волнений].</p>
Грамматическая и стилистическая информация	
Толкование	
Пример	
Фразеология	

Первую научную типологию словарей создал Л.В. Щерба в работе «Опыт общей теории лексикографии» (1940), в основе его классификации лежит ряд противопоставлений:

- словарь академического типа – словарь-справочник,
- энциклопедический словарь – общий словарь,
- тезаурус – обычный (толковый или переводной) словарь.
- обычный (толковый или переводной) словарь – идеологический/идеографический словарь,
- толковый словарь – переводной словарь,
- неисторический словарь – исторический словарь.

Современной лексикографией разработано множество самых разных типов словарей, отличающихся друг от друга по предназначению, области описания, единицам словника и т.д. Для рассмотрения всего этого многообразия представляется необходимым применить принцип оппозиций, предложенный Л.В. Щербой, и изучать типы словарей в сопоставлении друг с другом. Первый вопрос, который встает перед лексикографами: каков объект описания будущего словаря – язык или окружающая действительность? В зависимости от объекта описания словари можно разделить на лингвистические словари и энциклопедии.

Часть IV. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

4.1. Части речи в немецком языке. Принципы классификации

Словарный запас каждого языка можно рассматривать как систему, которая имеет сложное построение. Эта система состоит из тысячи разнородных элементов, которые связаны друг с другом с помощью разнообразных отношений. Поэтому это открытая система, которая способна обогащаться за счёт новых элементов. С разных точек зрения их можно группировать по-разному. Эти классы слов принято называть частями речи. Разделение слов на части речи – это обязательный предварительный этап грамматического описания частей речи. Количество частей речи варьируется в немецком языке от 4 до 14, чаще всего упоминается 9–10 классов слов. Количество и типы частей речи зависят от применяемых способов их выделения: принципа выделения классов слов, уровня обобщения или наоборот дифференциации. Спорным является вопрос, о том как классифицировать части речи. Обсуждается число и вид применяемых критериев. Но ясно одно, что слово – это такой объект, который обладает значением, функцией и формой, его нужно рассматривать под разным углом. Полная характеристика классов слов требует характеристики каждой части речи по всем ее – морфологическим, синтаксическим и семантическим – признакам.

Семантический принцип

Существует несколько версий выделения частей речи по семантическому принципу:

Принимается во внимание связь между словом и понятием.

Этот принцип может быть применен только к так называемым значимым частям речи.

Принимается во внимание способ отражения и выражения действительности. Предполагается выделение следующих классов слов:

– Слова, выражающие и обозначающие понятия: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, наречие и глагол.

– Слова, выражающие чувства и восприятия, но не обозначающие, называющие их: междометия, некоторые вводные слова.

– Слова, выражающие связи между понятиями и представляющие связи слов в предложении: предлоги, союзы, артикли, связки. Нужно отметить, что внутри каждой группы выделяются отдельные классы слов.

Предполагается существование прямой связи слов определенного класса с явлениями действительности и возможность различать *Dingwörter* – существительные, *Eigenschaftswörter* – прилагательные, *Tätigkeitswörter* – глаголы, *Umstandswörter* – наречия, *Verhältniswörter* – предлоги, *Bindewörter* – союзы.

Части речи соотносятся не непосредственно с предметным значением слов, но с обобщенным значением, возникающим в процессе человеческого мышления.

Существительные – не просто слова, обозначающие предметы, а слова, которые соответствуют отражению вещей или величин в мышлении.

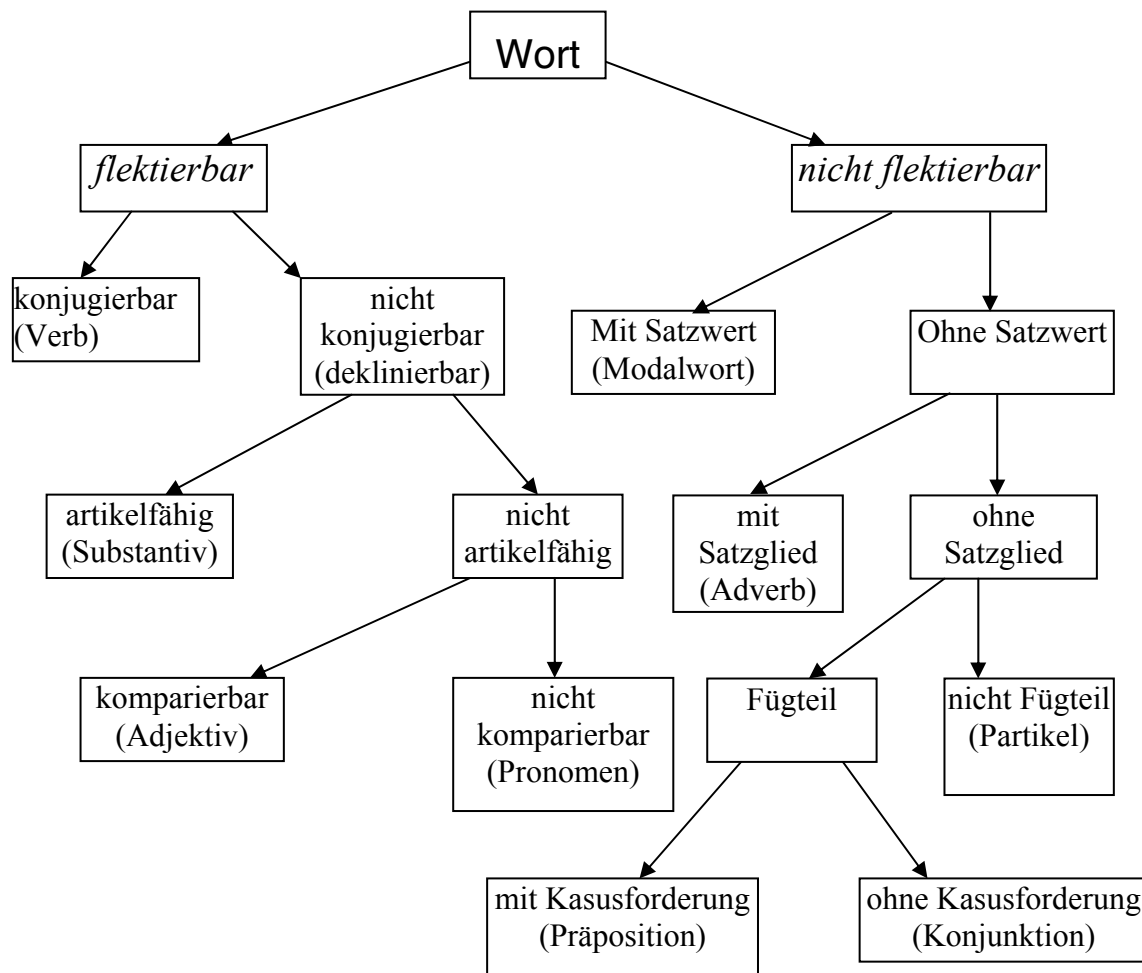
Прилагательные – не просто названия качеств, а слова обобщенно выражающие определенные явления реального мира в виде качеств.

Части речи понимаются как «языковое выражение в нашем сознании категорий, по которым мысль человека классифицирует явления действительности» <1> в «языковые формы понятийно – категориального отражения объективной действительности» <2>. Слова не отождествляются непосредственно с внеязыковыми отношениями, а в значительной мере идентифицируются с категориями мышления человека.

К семантическому принципу относится и деление слов на знаменательные и служебные. Здесь говорят об автосемантике и синсемантике (например учение О.И. Москальской).

Морфологический принцип

Морфологический принцип опирается на формальные признаки: спряжение, склонение, образование степеней сравнения, т.е. на наличие грамматических категорий и парадигм соответствующей части речи.

Д о с т о и н с т в о :

Ясность и бесспорность того, что следует понимать под данным критерием и как его применять.

Большинство частей речи может быть выявлено на его основе, т.к. этот критерий опирается на доступные внешнему наблюдению и выявляемые в потоке речи признаки.

Недостаток: Применяется для языков флективного типа, поэтому он не является универсальным.

Существует множество классификаций, одной из наиболее значимых является классификация предложенная Fläming.

Синтаксический принцип

Обычно речь идет о «синтаксической функции» или об «употреблении в предложении». Синтаксическая функция – это конкретная позиция и возможная субституция в линейной речевой цепи. Хельбиг и Буша определяют «диагностические рамки». Имеется в виду, что слова каждой части речи имеют типичные синтаксические рамки. Для самостоятельных частей речи предполагается наличие следующих рамок:

для существительного: Der ... arbeitet fließig;

для глагола: Der Student ... fleißig;

для прилагательного: Der ... Student arbeitet;

для наречия: Der Student arbeitet

Важен также критерий значимость / незначимость в предложении и значимость / незначимость для членов предложения. Этой проблемой занимались Флеминг и Москальская. К синтаксическому принципу можно причислить и разделение по функции в сложноподчиненном предложении.

Комплексный принцип (различные классификации на различных критериях)

Этот принцип позволяет рассматривать синтаксические, морфологические и семантические значения слов как критерии для выделения частей речи и показать, как различные критерии приводят к различным результатам.

1. Признание или непризнание числительного в качестве самостоятельной части речи связано со многими критериями.

Числительное самостоятельно только с точки зрения семантического критерия, т.е. все его разряды обозначают число.

Согласно другим принципам числительные не образуют отдельной группы, а примыкают к некоторым частям речи.

Er schreibt einen dritten Brief. (прилагательное)

Er schreibt eine Drei. (существительное)

Er schreibt dreimal. (наречие)

2. Сложен вопрос о части речи «местоимения», элементы которых могут, с точки зрения поверхностного синтаксиса занимать разные позиции в предложении:

Dieser Mann ist verunglückt. (местоимение занимает позицию артикля и в широком смысле может рассматриваться как сопроводитель существительного)

Er ist verunglückt. (местоимение употреблено субстантивно, стоит в позиции существительного и может рассматриваться как существительное в широком смысле)

3. Неизменяемые части речи (наречия, модальные слова, междометия, предлоги, союзы, частицы) обладают определенными семантическими и синтаксическими, но не морфологическими категориями, так что с точки зрения морфологического критерия речь может идти у них о «нулевом показателе».

4. Трудность представляет также выделение частиц. Морфологически они не отличаются от наречий и модальных слов, но обладают собственными синтаксическими и семантическими признаками.

5. Особое место занимают слова – отрицания, которые иногда рассматриваются как отдельная часть речи. Семантически они образуют единообразную группу слов и обладают общим морфологическим признаком, общими признаками словоизменения, согласно которым слова – отрицания делятся на классы и весьма неоднородны, разнообразны и их синтаксические функции, согласно которым они могут быть отнесены к разным частям речи.

6. Специального рассмотрения заслуживают две части речи ярко выраженного служебного характера: артикль и вспомогательные глаголы. Артикли в грамматиках рассматриваются по-разному, вспомогательные глаголы же в качестве самостоятельной части речи выделяет только О.И. Москальская.

Е.В. Галыга принимает во внимание такие критерии как: обобщенное значение, грамматическую категорию, способность к формоизменению, синтаксическая функция, словообразующие аффиксы. Её системы содержит 11 частей речи. Они делятся:

– значимые части речи (глагол, существительное, прилагательное, числительное, местоимение);

– модальные слова;

– слова-связки (предлоги, союзы, модальные и грамматические частицы);

– междометия.

М.Д. Степанова придерживается той точки зрения, что необходимо в равной степени учитывать семантические, синтаксические и морфологические критерии.

О.И. Москальская выделяет в немецком языке 14 частей речи. В качестве первого структурно-семантического разряда слов выделяется категория слов-названий. Они служат для обозначений предметов, процессов, качеств, признаков, числовых связей и отношений, обстоятельственных и качественно-обстоятельственных отношений. К этой же группе принадлежат заместители слов-названий – местоимения.

К частям речи в русском языке относятся:

- имена: существительные, прилагательные, числительные;
- местоимения;
- глагол;
- наречие;
- категория состояния.

Частям речи противостоят в качестве второго структурно-семантического типа слова частицы речи и связочные, служебные слова. К ним относятся:

Частицы в собственном смысле (даже, хоть, ли)

- Частицы-связки.
- Предлоги.
- Союзы.

В отличие от частей речи эти слова не имеют номинативной функции т.е. не являются названиями предметов, качеств, процессов.

Третий тип слов – это модальные слова. Они не имеют назывной функции. Но они выражают модальность сообщения о действительности и являются субъектно-стилистическим ключом речи.

Четвёртый тип слов – междометия. Они выражают эмоции, настроения и волевые изъявления субъекта, но не являются их названиями. Их отличительные свойства: интонационное, мелодическое своеобразие, отсутствие у них назывной функции, синтаксическая неорганизованность, неспособность выступать в качестве члена предложения, морфологическая неделимость, аффективная окраска, непосредственная связь с мимикой и жестами.

В немецком языке она выделяет следующие части речи:

- Знаменательные части речи
- Имя существительное
- Имя прилагательное
- Имя числительное
- Местоимение
- Глагол
- Наречие
- Служебные части речи
- Предлоги
- Союзы

- Частицы
- Глагол-связка
- Вспомогательные глаголы
- Артикль
- Модальные слова
- Междометия

Спорные вопросы в теории частей речи

Лингвисты ведут дискуссию не только о классификации частей речи, но и о границах и связях частей речи, а также о части каждой части речи в словарном составе языка. По мнению О.И. Москальской лишь две части речи не подверглись расхождению мнений: существительное и глагол.

Традиционно выделяются финитные и инфинитные глаголы. Инфинитив отличается от финитума с морфологической и синтаксической точек зрения. Инфинитив не обладает личными формами. По своей синтаксической функции приближается инфинитив к существительному.

Партицип отличается от финитума в морфологическом и синтаксическом планах. Синтаксически они ведут себя так же как прилагательные. Основанием, по которому финитум, инфинитив и партицип могут быть отнесены к определенной грамматическому классу слов, выступает совпадение их лексической семантики и то, что инфинитив и партицип 2 являются аналитическими формами глагола.

Варьируется объем части речи «существительное» в отдельных формах. Традиционно существительные выступают как слова, обозначающие явления предметного содержания: Tisch, Freiheit, Sprung, Höhe usw.

Часто имеет место мнение, что к этой части речи относятся субстантивированные местоимения (А. Алференко, Г. Хельбиг, А.М. Пешковский), так как эти местоимения обладают теми же синтаксическими функциями и морфологическими признаками.

К части речи «существительное» относят зачастую и местоименное наречие, выступающее в той же синтаксической позиции, кроме номинатива, что и существительное.

Дискуссии ведутся по поводу выделения такой части речи, как прилагательное. Сомнению подвергаются так называемые качественные наречия, которые в морфологическом плане неотличимы от схожих по звучанию кратких форм прилагательных. Существует три пути решения проблемы кратких форм:

– Традиционная грамматика признает существование качественных наречий. В.Г. Адмони высказывает мнение, что «краткая форма образует общий сегмент двух грамматических полей, поля прилагательного и наречия».

– О.И. Москальская причисляет качественные наречия к части речи прилагательное (*gut, fleißig, tüchtig arbeiten*).

– Другое решение предлагает Эрбсен и связывает прилагательное и наречие под понятие «*charakterisierendes Beiwort*» в одну группу. Для него морфологические и семантико-синтаксические факторы играют решающую роль.

Часть речи имя прилагательное понимается А.М. Пешковским в связи с прилагательными местоимениями. Преобладающим является синтаксический принцип деления на части речи, при котором числительные рассматриваются как прилагательные.

Сомнению подвергаются и статус местоимения. Традиционно местоимение является самостоятельной частью речи. Многие лингвисты разделяют местоимение на три части речи и распределяют их между существительным, прилагательным и наречием (А.М. Пешковский, Л.В. Щерба). В. Шмидт определяет местоимения в класс заместителей или слов, сопровождающих существительное. Г. Хельбиг относит местоимения частично к существительному, частично к артиклю.

Числительные не всегда относятся к самостоятельной части речи. Хельбиг, Шмидт, Эрбен, Юнг, Зюттерлин, Пешковский, Адмони выделяют числительные в отдельную часть речи.

Отрицание выделяются в самостоятельную часть речи Адмони, Хельбиг же причисляет его к различным частям речи: к наречию, модальным словам, артиклям, частицам.

Артикль образует самостоятельную часть речи по мнению некоторых лингвистов, среди них О.И. Москальская. Иногда артикль не выделяется в какой либо класс. Х. Глинц объединяет артикль и местоимение или числительное. Хельбиг и Шмидт как слово, сопровождающее существительное. К классу определяющих, наряду с указательным, притяжательным, качественным и количественным местоимением, артикль относится по мнению У. Энгеля.

Местоименные наречия относятся к словам – заместителям, однако морфологически неизменяемы, как наречия. Их синтаксико – дистрибутивная функция своеобразна: они могут быть обстоятельственными словами (*Worauf liegt das Buch? Er stand daneben*) или предложными дополнениями (*Womit bist du unzufrieden? Wir haben darüber gesprochen*).

4.2. Понятие немецкого глагола

Определение понятия «Глагол»

Глагол – часть речи, объединяющая слова, которые, по традиционному определению, обозначают действие или состояние и отвечают на вопросы *Was macht (der Gegenstand)?, Was geschieht (mit dem Gegenstand)?*

Как правило, в предложении глаголы выступают в качестве **сказуемого и подлежащего**.

Глагол (из ст. слав. 'слово, речь', терминологическая калька с греч. *rhema*, как и лат. *verbum*), грамматический класс слов (часть речи), основным грамматическим свойством которых является способность выражать категории аспекта, времени, модальности, залога и некоторые другие, а основным синтаксическим свойством – предикативность, т.е. способность выступать в роли сказуемого – синтаксической вершины предложения. По-видимому, класс глаголов следует считать универсальным, в том смысле, что не существует естественных языков, в которых глаголы так или иначе не выделялись бы из общего лексического состава.

Глагол – часть речи, которая обозначает процессуальный признак. Причем это значение реализуется и как действие («schreiben»), и как состояние («überleben»), и как отношение («lieben»). Данное значение выражается в грамматических категориях вида, залога, наклонения, времени, лица.

Das Verb ist eine Wortart, die eine Tätigkeit (eine Handlung), einen Vorgang oder einen Zustand ausdrückt. Das deutsche Verb hat folgende grammatische Kategorien: die Person, die Zahl, die Zeit, das Genus, den Modus.

Развитие временных форм

Периоды истории немецкого языка и их морфологические особенности

Древневерхненемецкий (Althochdeutsch) – самая древняя засвидетельствованная в письменном виде форма немецкого языка. Она охватывает временной период с 750 по 1050 год. Древневерхненемецкая система глагола бедна по сравнению с индоевропейским состоянием, т.е:

1) Отсутствие залога/

2) Категория наклонения зафиксирована не полностью. Не развито повелительное наклонение.

3) Временная система (Präsens и Präteritum)/

4) 2 лица (самая древняя категория)/

Индоевропейские элементы двойственности остались в древневерхненемецком. Пример: единственное и множественное число. Итак, чем мышление древнее, тем оно обладает меньшей способностью генерализировать, т.е. отсутствовало представление об обобщении.

Морфология глагола в древневерхненемецкий период

Морфологические классы

1. Сильные глаголы – это индоевропейская категория, которая строит свои формы по умлауту. Аблаут – спонтанное чередование гласных для различения форм. В связи с чередованием гласных в корне каждый сильный глагол имеет несколько вариантов основы, от которых образуют-

ся различные формы глагола. В германских языках сильные глаголы имели до 4 вариантов основы.

- 1 форма – инфинитив, презенс, императив, причастие I (helfan, warden)

- 2 форма – претерит для 1 и 3 лица ед.ч. (half, ward/wurde)

- 3 форма – претерит 1 л.мн.ч. (hulfum, wurden)

- 4 форма – причастие II (giholfan, geworden)

В зависимости от чередования гласных корня сильные глаголы делятся на классы и ряды. Первые 5 рядов умлаута строились на чередовании е–о – ноль–ноль.

1 ряд – stigan – steig – stigum – gistigan (долгий i в корне)

2 ряд – biogan – boug – bugum – gibogan (глаголы с u)

3 ряд – helfen – half – hulfun – giholfan (в корне сонорный или шумный согласный)

4 ряд – neman – nam – namum – ginoman (глаголы с сонорным в корне)

5 ряд – geban – gab – gabum – gigeбан (шумный согласный в корне)

Германская инновация, новообразование нового времени.

6 ряд – faran – fuor – fuorum – gifaran

Немецкая инновация, не имеющая отношения к индоевропейским аблаутам.

7 ряд

1 подтип – heizzan – liaz – liazzum – gilazzum

2 подтип – guofan – riof – riofum – goruofan

2. Слабые глаголы в большей степени германская инновация. К слабому спряжению принадлежит большинство глаголов немецкого языка. Признаки слабого глагола:

- Корень слабого глагола не подвергается изменениям

- Претерит слабых глаголов образуется при помощи дентального суффикса -te

- Причастие II слабых глаголов имеет дентальный суффикс -t

leben – lebetе – gilebet

3. Претеритопрезентные глаголы

У глаголов данной категории не было инфинитива, т.е. они начинались со 2 формы. Прошедшее время образовывали по аналогии со слабыми глаголами.

toug – tugum – gitogan

4. Глаголы с обратным умлаутом

Глаголы, у которых вторичная форма повлияла на первичную.

гот. branjan – двн. brennen

5. Неправильные глаголы

К неправильным глаголам относятся всего несколько глаголов, имеющих отклонения от основных типов спряжения.

tuon, wesan, wollen, haben, werden

Средневерхненемецкий язык (Mittelhochdeutsch) период в истории немецкого языка примерно с 1050 по 1350 г. Средневерхненемецкий – это прежде всего литературный язык; разговорная речь этого периода практически не зафиксирована в письменных источниках. К самым известным литературным памятникам относятся «Песнь о Нибелунгах», «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристан» Готфрида фон Штрацбурга, стихотворения Вальтера фон дер Фогельвайде в жанре миннезанга (рыцарской любовной поэзии).

1. Сильные глаголы

Деление сохранилось что и в древневерхненемецком (7 рядов аблаута). Редукция – прямой показатель средневерхненемецкого, способствовала выравниванию личных окончаний. В результате, чтобы компенсировать омонимию окончаний закрепилась внутренняя флексия как морфологический показатель спряжения. В средневерхненемецком практически нет формы герундия.

2. Слабые глаголы

Унификация системы 3-х классов. В спряжении во 2 лице закрепилось –st.

3. Глаголы с обратным умлаутом переходят в группу сильных глаголов.

4. Претерито-презентные глаголы

Исчезновение некоторых глаголов этого класса (eigenen).

Средневерхненемецкий – период быстрого образования грамматических форм прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект)

3. Ранненововерхненемецкий язык (Frühneuhochdeutsch) около 1350–1650 гг.

1) Сильные глаголы

Унификация 2 и 3 форм. Закрепились единые формы спряжения. Окончания одинаковые. Унификация спряжения – следствие редукции.

2) Слабые глаголы

Происходит унификация личных окончаний. Почти все глаголы, образованные умлаутом стали рассматриваться как слабые.

4. Нововержненемецкий язык, современный немецкий язык (Neuhochdeutsch) примерно с 1650 года.

Морфологическая классификация

По типу спряжения немецкие глаголы делятся на сильные и слабые, но кроме этих двух групп имеются еще три небольшие группы. Сам термин «сильные» и «слабые» был впервые введен в лингвистику Якобом Гримом. Грамматический строй сложился в результате длительного исторического развития.

1. Сильные глаголы образуются при помощи архаичного средства – аблаута. В целом можно сказать, что система рядов аблаута современного немецкого языка восходит к глубокой древности и, несмотря на происшедшие изменения, не представляет собой качественно нового. Наиболее

важное принципиальное изменение – это выравнивание единственного и множественного числа претерита, которые в древневерхненемецкий и средневерхненемецкий периоды в первых 5 рядах отличались друг от друга по умлауту. Сильные глаголы проявляют большую устойчивость, так как значительная часть сильных глаголов входит в основной словарный фонд, выражая жизненно-важные понятия. Около 50 глаголов перешли из класса сильных глаголов в класс слабых.

2. Слабые глаголы образуют претерит про помощи суффикса –te, а причастие II – при помощи суффикса -t. Этот тип является в немецком языке продуктивным. Лишь несколько слабых глаголов перешли в сильные по аналогии с глаголами первого ряда. Это глаголы- gleichen, preisen, schweigen, weisen и другие.

Как раз наряду с продуктивными явлениями можно увидеть и пережиточные. Речь идет о трех небольших группах глаголов:

- 1) слабые глаголы с умлаутом в презенс
- 2) глагол претерито-презентные
- 3) неправильные глаголы

К **глаголам с умлаутом в презенс** относятся следующие восемь слабых глаголов: brennen, denken, kennen, nennen, rennen, senden и wenden. В днн существовали 3 класса слабых глаголов, отличающихся друг от друга основообразующим гласным. В результате редукции все три класса в свн совпали.

В современном немецком языке благодаря действию аналогии и стремлению к типизации основная масса этих глаголов унифицировали свои формы.(hören-hörte). Среди оставшихся в этой группе глаголов также наблюдается тенденция к выравниванию. Пример – новые формы претерита и причастия II у глаголов senden и wenden (sendete-gesendet, wendete-gewendet).

В исторической грамматике принято называть эти глаголы-глаголы с обратным умлаутом (rückumlautende Verben)

Всего 7 глаголов, которые относятся к **Претерито-презентным**. Это модальные глаголы müssen, können, dürfen, sollen, wollen, mögen, wissen. Эта группа глаголов называется претерито-презентными потому, что форма презенса этих глаголов по происхождению является претеритом сильных глаголов. В 1 и 3 лице единственного числа они имеют претеритальные окончания. (ich darf und ich warf) В единственном и множественном числе претерито-презентные глаголы сохранили до сих пор чередование гласных по аблауту. (ich weiss aber wir wissen,ich darf aber wir dürfen)

В группе **неправильных глаголов** объединяются 7 глаголов, не имеющих каких-либо общих признаков. Эти глаголы: haben, sein, werden, gehen, stehen bringen, tun.

Ряды умлаута сильных глаголов

1 ряд: ei в инфинитиве, i или ie в претерите причастия II.

blieben-blieb-geblieben leiden-litt-gelitten

2 ряд: ie(au) в инфинитиве, o долгое или краткое в претерите и причастии II.

fliegen-flog-geflogen ziehen-zog-gezogen

3 ряд: включает несколько подгрупп.

- e в инфинитиве, a в претерите, o в причастии II. К этой подгруппе относятся глаголы, имеющие после корневого гласного сочетание плавного l, r и другого согласного.(helfen-half-geholfen)

- i в инфинитиве, a в претерите, u в причастии II. К этой подгруппе относятся глаголы, имеющие после корневого гласного сочетание носового m, n и другого согласного.(sinken-sank-gesunken)

- i в инфинитиве, a в претерите, o в причастии II. К этой подгруппе относятся глаголы с двойным носовым после корневого гласного.(gewinnen-gewann-gewonnen)

4 ряд: e в инфинитиве, a в претерите, o в причастии II. Эти глаголы имеют сонорный до или после чередующегося гласного.(sprechen-sprach-gesprochen)

5 ряд: e в инфинитиве и причастии II, a в претерите. Глаголы 5 ряда имеют после гласного любой согласный, кроме сонорного. (geben-gab-gegeben)

6 ряд: a в инфинитиве и причастии II, u(долгое) в претерите(fahren-fuhr-gefahren)

7 ряд: долгое и краткое i в претерите, одинаковый гласный в инфинитиве и причастии II. (rufen-rief-gerufen)

Современные классификации глаголов немецкого языка

Семантическая классификация

1) Полнозначные глаголы (Vollverben). Имеют самостоятельное значение, т.е самостоятельно образуют сказуемое. Они обобщены значением действия. Конкретные значения глаголов разнообразны.

fahren, machen, schreiben, lesen, gehen

2) Неполнозначные глаголы (Nichtvollverben)

К неполнозначным глаголам относятся:

1) Вспомогательные глаголы Hilfsverben (sein, haben, werden)

Они являются грамматическими средствами, служащими для образования аналитических форм: перфекта, плюсквамперфекта, футурум I и II, индикатива, конъюнктива, кондиционалиса I и II, всех форм пассива.

2) Глаголы связки Kopulative Verben (sein, werden, bleiben)

Они выступают в роли связок в составе именного сказуемого. Связки указывают на время, число, лицо, наклонение.

3) Модальные глаголы Modalverben (müssen, können, dürfen, sollen, wollen, mögen, lassen)

Обычно выражают отношение субъекта предложения к действию, выраженному полнозначным глаголом.

Синтаксическая классификация

По характеру синтаксического употребления все глаголы делятся на субъектные и объектные.

1) Субъектные глаголы – это такие глаголы, сфера действия которых ограничена субъектом. Эти глаголы выражают:

- состояние (liegen, sitzen, erholen)
- переход из одного состояния в другое (einschlafen, aufstehen, sterben)
- движение (gehen, springen)

2) Объектные глаголы выражают действие, которое исходит от предмета/одного лица и направлено на другой предмет/лицо. Они имеют двоякую связь в предложении: с подлежащим и дополнением, выраженным либо существительным в косвенном падеже, либо предложной группой. Объектные глаголы с дополнением в винительном падеже образуют особую группу переходных (транзитивных) глаголов (lesen, schreiben, schicken, bewundern). Также существуют непереходные глаголы (интранзитивные), которые объединяют все субъектные глаголы, а также объектные с косвенными дополнениями.

По характеру подлежащего все глаголы делятся на **личные** и **безличные**. Личные глаголы (persönliche Verben) имеют 3 лица; им противопоставляются безличные глаголы (unpersönliche Verben). Общим для безличных глаголов является употребление только в форме 3 лица с безличным местоимением «es» в функции формального подлежащего.

Употребление и значение временных форм

1. Презенс обозначает:

1. Действие, совпадающее с моментом речи, или начавшееся раньше, но длящееся также в момент речи.

Wo ist Ihr Bruder? Er ist jetzt im Betrieb.

2. Действия обычные, повторяющиеся или длящиеся неопределенно долгое время.

Ich gehe jeden Tag ins Institut. Ich studiere im Institut für Kunst.

3. Действия, совершающиеся «всегда». Презенс стоит в таких случаях в общих высказываниях. К общим высказываниям относятся также пословицы.

Ein Arzt muss ein Psychologe sein.

Образование: Основа глагола + личное окончание

Пример:

Единственное число	Множественное число
ich -e	wir -(e)n
du -(e)st	Ihr -(e)t
er,Sie,Es -(e)t	Sie -(e)n

Но!

geben – du gib + st – du gibst das Buch

schlafen – er schläf + t – er schläft den ganzen Tag

Итак, во втором и третьем лице единственного числа (du и er/sie/es) некоторые глаголы изменяют свою корневую гласную (либо «е» меняется на «i», либо появляется умляут). Объясняется это тем, что это глаголы сильного спряжения:

du nimmst/er nimmt

du hilfst / er hilft

2. Претерит употребляется:

1. Прежде всего, для обозначения прошедших действий в связанном повествовании, как в статических описаниях, так и при описании совершающихся друг за другом действий.

«Sie waren schon achtzehn Tage unterwegs, da überschritten sie bei Orleans die Loire. Sie vermeiden die Stadt, die bewaffneten Hugenotten lenkten ihre Pferde so nahe wie möglich an königlichen Wagen, ihn gaben sie erst recht nicht frei...»

(Н. Mann «Die Jugend des Königs Henri IV»)

2. Может употребляться также в разговоре наряду с перфектом, наиболее характерной «разговорной формой» прошедшего времени.

«Richtig! Richtig!» fiel ihr die mundfertige Schwägerin ins Wort. Gustav sagte mir neulich dasselbe. Und wir haben auch zwei Goldstücke auftreiben können, die wir Adolf schicken wollen. (W. Bredel «Die Sönne»)

3. В сочетании с любой формой прошедшего времени претерит может означать одновременно происходящее, сопутствующее действие.

Er trug auch den guten alten Stock, den er sic him Lazarett geschnitzelt hatte, al er ihn noch beim Hinkel brauchte.(A. Seghers «Die Toten bleiben jung»)

Образования Претерита у слабых глаголов:

Основа глагола + 't' +личное окончание

Пример:

Единственное число	Множественное число
ich -	wir -(e)n
du -(e)st	Ihr -(e)t
er,Sie,Es -	Sie -(e)n

Сильные глаголы не подчиняются этому правилу и образуют Претерит каждый по-своему. Однако общим для них является:

Основа глагола с измененной корневой гласной + личное окончание

Формы первого и третьего лица единственного числа (ich и er/sie/es) совпадают, но только по внешнему виду, но не по содержанию!

3. Перфект служит для обозначения результата прошедшего действия в настоящем, употребляется преимущественно в разговорной речи и в кратких сообщениях.

Er hat mit Vergnügen bemerkt, wie sich das Wort im Munde des Ministers verwandelte.

«Gerettet!» sage ich. «Sie haben mich soeben gerettet, gnädige Frau...» (E.M. Remarque «Der schwarze Obelisk»)

Перфект употребляется:

1. Когда действие совершилось только что, т.е. когда время совершения действия почти совпадает с моментом речи.

Er hat geläutet, wir schliessen die Stunde.

2. Когда акцент падает не на действие, а на его результат в настоящем.

Was ist geschehen? Warum sind Sie gekommen?

3. Обычно в вопросах и ответах, почти всегда в вопросах без вопросительного слова.

Haben die Fische Futter bekommen, Onkel Peter?

Некоторые глаголы редко употребляются в перфект, даже в ярко диалектально-окрашенной речи юга Германии и Австрии. К таким глаголам прежде всего относятся глаголы haben и sein, модальные глаголы, а также scheinen, wissen и brauchen, связанные с инфинитивом.

Перфект – не повествовательная форма, но все же в повествовании он употребляется:

1) В начала повествования, как форма разговорного стиля, как подражание устному рассказу.

Das ist vor vielen Jahren einmal gewesen. Da wurde in einmal Gebirgsort am. 25 August das Königsschiessen abgehalten. (L. Ganghofer «Jagdgeschichten»)

2) В примечаниях автора, не связанных непосредственно с ходом повествования, также при передаче мыслей персонажей.

Thomas hielt eine lange Rede, eine wirkliche gute. Ich habe selten ein so gutes Referat gehört.

3) Для выражения какого-либо действия, иногда как форма, заканчивающая какой-то отрезок повествования.

Und lustig stieg er hinab auf dass Bett, das über dem Dach lag, riss das Kätzchen aus dem Wasser, fiel aber selbst hinein and als man ihn herausgezogen, war er naß und rot. Das Kätzchen hat noch lange Zeit gelebt. (H. Heine «Das Buch Le Grand»)

4) При переходе от повествования в претерит к повествованию в презенс.

Als wir vor zwei Jahren aus der Illegalität kamen, in die uns der Faschismus zwang, standen wir...vor einer schweren Aufgabe. Diese haben wir in den Grundsätzen und Zielen unserer organization aufgezeugt. Es handelt sich dabei um die Erziehung der deutschen Jugend im Geist einer fortschnittlichen Demokratie. (Zeitung «Junge Welt»).

Образование (это составная форма глагола):

haben/sein	+ Partizip II
(вспомогательный глагол в форме Презенс)	(третья основная форма глагола)

Пример:

Sofia hat ein neues Buch gelesen.	Софья прочла новую книгу.
Ich habe schon mein Zimmer aufgeräumt.	Я уже прибрал свою комнату.
Die Kinder haben im Garten gespielt.	Дети играли в саду.
1994 habe ich die Schule beendet.	В 1994 я закончил школу.
Mischa hat gestern die Hausaufgabe gemacht.	Вчера Миша (с)делал домашнее задание.

Употребление «sein»:

1. В сочетании с глаголами движения: gehen, fahren, laufen, rennen, fliegen usw.

Wir sind ins Kino gegangen. – Мы ходили в кино.

Diese Gruppe ist nach Deutschland gefahren. – Эта группа поехала в Германию.

2. С глаголами перехода состояния (например, переход из сна в бодрствование, из жизни в смерть и наоборот): einschlafen (уснуть), aufwachen (проснуться), aufstehen (встать), sterben (умереть) и т.д.

Ich bin gestern um 23.00 eingeschlafen. – Я вчера уснул в 23.00.

Er ist gestorben. – Он умер.

3. С группой глаголов: sein (быть), werden (становиться), bleiben (остаться), gelingen (удаваться), misslingen (не удаваться), passieren (происходить), geschehen (происходить, случаться), begegnen (встретить) и т.д.

Chef ist im Office bis in die Nacht geblieben. Шеф оставался в офисе до ночи.

4. **Плюсквамперфект** употребляется почти исключительно как относительная временная форма для выражения предпрошедшего.

Sie deckte den Tisch und belegte die Brote. Sie hatten das alles in ihrer Wirtschaft gelernt.

1) Факультативно плюсквамперфект может употребляться для обозначения первого действия в ряду следующих друг за другом действий.

Der General hatte die Papiere an sich genommen, durchfolg sie und trat dann dicht an der Grafen heran. (W. Bredel «Der Komissar am Rhein»)

2) Употребление в начала рассказа, главы, абзаца. Плюсквамперфект вводит в рассказ, дает предысторию.

Der Tag im Mai, ein Sonntag obendrein, hatte urplötzlich die von grauer Schwehrmut umhüllte Elbestadt zauberisch verklärt, alles strahlte und glitzerte.

3) В прозаических произведениях могут встречаться целые отрывки, относящиеся к «предыстории», к отрезку времени, относящемуся к предшествованию. Чаще всего плюсквамперфект стоит только в начале, а затем повествование ведется в претерите.

Jean Meunier wurde es kalt und heiß... Er hatte sich Wunde wusch, war der Mundrand hart gewesen. Er hatte sich darüber gewundert, sich aber nichts weiter dabei gedacht. (W. Bredel «Der Komissar Rhein»)

Männer mit sonnen und arbeitsheißen Gesichtern gingen über den Platz und grüßten die Freunde... Dann hatten sie das Haus erreicht. (T. Storn «Immensee»).

Образование:

hatte/war	+ Partizip II
(вспомогательный глагол в форме Претерит)	(третья основная форма глагола)

Пример:

Ich hatte gereist.	Я путешествовал.
Du hattest den Schlüssel gesucht.	Ты искал ключ.
Sie hatte lange geschlafen.	Она долго спала.
Wir waren nach Moskau geflogen.	Мы летали в Москву.

Глагол «sein» употребляется в тех же случаях, как и в форме Перфект (1. с глаголами движения, 2. с глаголами перехода состояния, 3. с группой глаголов как «sein», «werden», «bleiben» и т.д.)

5) **Футурум I и II** служат для обозначения будущего времени в немецком языке. Наблюдается большое различие между этими формами.

Футурум I обозначает будущее действие, а футурум II – преддействие, т.е. будущее действие совершившееся раньше другого будущего действия. Футурум II мало употребим в этом своем временном значении, его вытесняет перфект.

«Die Wahrheit natürlich ... Ich werde die Republik schon nicht belügen...» (W. Bredel «Der Komissar am Rhein»)

Wenn Sie Zeilen lesen, werde ich zu leben aufgehört haben. (H. Sudermann «Der Wunsch»)

Оба футурума часто употребляются с модальным значением для выражения предположения. Футурум I выражает предположение, относящееся к настоящему времени, а футурум II – к прошедшему.

Er wartete bis sechs. Der General kam nicht. «Er wird uns bei sich erwarteten», meinte Le Bas. (W. Bredel «Der Komissar am Rhein»)

Das Kind ist verschwunden. Die Stadt ist groß. Es wird sich ein Obdach gefunden haben.

Образование футурум I:

werden	+ Infinitiv
(вспомогательный глагол в форме Презенс)	(первая основная форма глагола)

Пример:

Ich werde einen Brief schreiben.	Я буду писать/напишу письмо.
Er wird in einer Firma arbeiten.	Он будет работать на фирме.
Wir werden mal schauen.	Посмотрим.
Sie werden ja bestimmt viele Souvenirs einkaufen.	Вы наверняка купите много сувениров.
Es wird regnen.	Будет дождь.

Образование футурум II:

werden	+ Infinitiv II
(вспомогательный глагол)	(Партицип 2 + haben/sein)

Пример:

Er wird bestimmt die Hausaufgabe gemacht haben.	Он наверняка сделает домашнее задание.
Wir werden das Ziel erreicht haben.	Мы наверняка достигнем цель.

Грамматические категории глагола

Первые три категории являются наиболее характерными глагольными категориями. Категория залога характерна только переходным глаголам.

1. Лицо и число

У глагола три лица и два числа. Вежливая форма «вы» совпадает с третьим лицом множественного числа. Личные окончания в немецком языке делятся на 2 группы: презентные и претериальные. Презентные окончания характеризуют презенс индикатива, претериальные окончания характеризуют претерит индикатива, презенс и претерит коъюнктива. Слабые глаголы во 2 и 3 лице настоящего времени не знают изменений гласного. Категория лица в глаголе обнаруживает тесную связь с личным местоимением. В случае совпадения личных окончаний показателем лица выступает личное местоимение.

2. Время

Эта категория отражает отношение момента времени какого-либо события к моменту говорения. Она так же показывает временную связь двух или более событий в повествовании. Различают три временных ступени: прошедшее, настоящее и будущее. В немецком языке шесть временных форм, с помощью которых и отражается та или иная ступень. При употреблении временные формы используются двояко:

1) Для обозначения настоящего, прошедшего и будущего. Такое употребление временных форм называется абсолютным.

2) Для установления временной связи между временем совершения двух или более действий. Употребление второго типа носит название – относительные. При относительном употреблении временных форм между действиями могут быть установлены различные временные отношения:

1. Одновременность совершения действия в настоящем, прошедшем и будущем.

Wenn wir Zeit haben, werden wir ins Museum gehen.

2. Разновременность совершения действия. При разновременности возможны два случая:

– одно действие предшествует другому, совершается раньше другого (Vorzeitigkeit)

Am Morgen war die Erde mit Schnee bedeckt. In der Nacht hatte es geschneit.

– одно действие совершилось, а другое еще предстоит, ожидается (Das Bevorstehende)

Der Jäger wußte, was gleich kommen sollte. Nun saß er da, zusammengebückt, ...und wartete, daß er Morgen würde und er wegfahren könne.

3. Залог

Эта категория отражает направление того или иного действия: исходит ли действие от подлежащего или оно на подлежащее направлено. В немецком языке различают два залога – активный (das Aktiv) и пассивный (das Passiv). Особо выделяют пассивный залог состояния или статив (das Stativ). Пассив – это аналитическая форма, образованная при помощи глагола werden и причастия II спрягаемого глагола.

Wir machen alle Fenster auf. – актив.

Alle Fenster werden (von uns) aufgemacht. – пассив.

Alle Fenster sind aufgemacht.. – статив.

4. Наклонение

Наклонения – формы глагола, выражающие соотношенность действия с реальностью, устанавливаемую говорящим. В немецком языке существует три наклонения:

– der Indikativ (изъявительное наклонение) Ich gehe in die Schule.

– der Imperativ (повелительное наклонение) Komm her!

– der Konjunktiv (сослагательное наклонение) Hätte meine Freundin das nötige Material!

Кроме личных форм немецкий глагол имеет две именные формы. Это инфинитив (der Infinitiv) и причастие партицип (das Partizip). В немецком языке есть два инфинитива – первый (der Infinitiv I) и второй (der Infinitiv II) и два причастия – первое (das Partizip I) и второе причастие (das Partizip II).

Употребление временных форм в художественной речи

В качестве примера художественной литературы рассмотрим роман Владимира Каминера «Mein Leben im Schrebergarten». Владимир Каминер (Wladimir Kaminer) – немецкий писатель российско-еврейского происхождения. Он сочетает в своем художественном сознании элементы различных культурных систем.

Используя приемы «эстрадно-юмористического разговорного жанра», делится с читателем своими наблюдениями о жизни в немецком обществе представителей различных этнических групп. В качестве примера, ярко иллюстрирующего идею противопоставления Востока и Запада.

Известно, что восточному типу мышления приписываются традиционализм, консерватизм, замкнутость, самоуглубленность, созерцательность, отсутствие ярко выраженного личностного начала. «Запад» является олицетворением динамизма, активности, индивидуализма, стремления к личностному выражению и самоутверждению.

Примеры употребления Презенса:

Ohne sie sind wir bloß Gemüse, unfähig denken und zu handeln.

«Es ist schön, euch mal wieder in einer solchen Einigkeit zu sehen», witzelte meine Frau.

Meine Frau und ich haben sehr viele Fotos, die wir ...

Ich kenne hier ein paar Katzen, und manchmal bellt es auf der einen oder anderen Parzelle.

Das ist verständlich. Nach einem halben Jahrhundert des Zusammenlebens haben ältere Ehepaare einander in der Regel nicht mehr viel zu sagen.

Sie lieben sie nicht für irgendwelche besonderen Eigenschaften, sondern aus reinem Herzen – einfach so.

Die echte Liebe ist immer unvernünftig, sie entsteht dem eigenen Vorteil zum Trotz.

Das Familienleben besteht aus ständigen Feilschen und Kompromisseschließen.

Примеры употребления Претерита:

Unser Ziel war, einen Schrebergarten in der Nähe unseres Hauses zu ergattern.

Ich saß gemütlich vor dem Fernseher, das ZDF brachte eine spannende Dokumentation über das Leben der Weinbergschnecken-Züchter in Frankreich, als plötzlich das Telefon klingelte.

Frau Engel begrüßte uns wie alte Freunde. Sie hatte tatsächlich etwas für uns.
Der Wuchs der Natur in unserem Garten war unaufhaltsam.
Sie flogen sofort weg – bloß keine Zeit verlieren.
Sie waren überall; in der Küche, auf dem Bildschirm, im Bad und auf der Toilette. Sie schwammen in jedem Glas Bier, Wein und Cuba Libre, das man bestellte.

In meiner Freizeit sammelte ich Material über andere Apfelbesessene.
Aber auch ohne Kuh hatten wir genug Sorgen.
Die eine Kolonie befand sich in der DDR und die andere in der BRD.

Примеры употребления Перфекта:

«Nein, tut mir leid, Sie haben sich verwählt», sagte ich und legte schnell auf.
«Haben Sie etwa den Beschluss unserer Vollversammlung nicht gelesen?
An Fest- und Feiertagen wird nicht gemacht!»

Einmal habe ich deutlich gehört, wie sie zu einem mir unbekanntem Schrebergartenkind sagte: «Komm mit, Lucia, ich kenne hier ein gutes Klo».

Die Einheimischen haben sich inzwischen an den Porzellantourismus gewöhnt, nur einmal ließen die Japaner die Stadt völlig im Stich – als die Elbe ausuferte und etliche Straßen in den unteren Stadtteilen überflutet waren.

Ich auch nicht. Ich habe in den letzten Wochen zu viele davon gegessen.

Der Gärtner hat seine Frage weder verstanden, noch hat er eine Antwort darauf.

«Das hat er vor seinem Herzfall nie getan», erzählte sie.

Sie alle zu uns ins Studio gekommen sind – und jetzt kommt Werbung.

Примеры употребления Плюсквамперфекта:

Olga hatte im Obi-Katalog bereits die Gartenmöbel gefunden, die zu unserem nicht existierenden Grundstück passten.

Sie hatte tatsächlich etwas für uns. Genau genommen hatten sie sogar drei Gärten anzubieten, gegen einen geringen Abstand selbstverständlich.

Es war Abend geworden und hatte angefangen zu regnen. Die Kinder waren längst mit meiner Schwiegermutter nach Hause gegangen, die Frauen gingen auch, nur mein Vater und ich standen...

Die Gartenfreunde hatten derweil den Konferenzraum verlassen.

Er hatte gegen das von Amerika gegenüber Jugoslawien verhängte Handessembargo verstoßen, indem er in Belgrad noch einmal gegen Boris Spasski Schnach hespielt hatt. Dabei hatte er viel Geld gewonnen.

Lange hatten wir uns im Internet unterhalten, doch die Stimmen, die auf ein Klassentreffen offline bestanden, waren immer lauter geworden.

Das hatte mein Sohn erzählt und so getan, als würde er sich den Schweiß von den Stirn wischen.

Примеры употребления Футурум I:

«Wir werden natürlich nicht wie diese Verrückten jedas Gräslein persönlich umgraben», träumte meine Frau weiter. «Wir warden uns hübsche Gartenmöbel besorgen und Grillanlage im Garten aufstellen.»

«Das meiste warden wir gar nicht brauchen», beruhigte mich meine Frau.

Was mache ich, wenn die untere Kasette voll ist? Werden die Kassetten ausgetauscht?

Die schlechte Nachricht zuerst: Es wird dieses Jahr keine Süßkirschen bei uns geben.

Das werden wir wohl nie erfahren, mischte sich die Moderatorin ein, denn unsere Zeit ist um.

...es werde in Deutschland doch viel fürdie Kinder getan.

Употребление временных форм в канцелярских документах

В качестве образцов канцелярских документов рассмотрим сопроводительные письма (Anschreiben), заявления (Bewerbung), биографии (Lebenslauf), повторные письма (Nachfassbrief), отчёт по командировочным расходам (Reisekostenabrechnung).

Примеры употребления Презенса:

Ihre Stellungsangebot vom 23.08.2006 in der Westfälischen Allgemeinen Zeitung interessiert mich. Sie beschreiben darin einen Arbeitsbereich, mit dem icg im Rahmen meiner Diplomabreit schon intensive in Berührung gekommen bin.

Ich bin 26-jähriger Diplom-Wirtschaftsinformatiker (FH) und habe gerade mein Studium vollendet.

Ich bin promovierte Biologin mit Schwehrpunkt Landespflege.

«Ich bekomme viele E-Mails von Menschen, die mitmachen wollen», sagt Gabriele Pauli, während sie für ihren Urlaub packt.

Ich freue mich, bald von Ihnen zu hören, und verbliebe mit herzlichem Gruß.

Примеры употребления Претерита:

Danach war ich bei verschiedenen Industrieunterhehmen als Sekretärin im Exportbereich tätig. Zuletzt war ich Exportsachbearbeiterin bei der Cowatco KG, einer Maschinenbaufirmain der Region Leipzig.

Dabei ging es um spezialisierte Kassensoftware im Getränke-Einzelhandel.

Mein erstes Grundschuljahr, 1997, verbrachte ich noch in Eschwege.

Примеры употребления Перфекта:

Sehr geerte Frau Wurzer, im Internet bin ich auf Ihre Stellenanzeigeaufmerksam geworden.

Vor einem Jahr habe ich meine Ausbildung zur Industriekauffrau abgeschlossen.

Über die Ausbildung in Ihrem Betrieb habe ich schon viel Lob gehört.

Употребление временных форм в газетно-публицистическом стиле

Рассмотрим журнал «Spiegel» как один из известнейших еженедельных журналов Германии, значимый информационно-политический журнал Европы с самым большим тиражом. В среднем в неделю продаётся около 1,1 миллионов экземпляров.

Примеры употребления Презенса:

Die Grünen erweisen sich als die eigentlichen Profiteure der SPD-Kreise.

Im Streit um die Benennung des künftigen deutschen EU-Kommissars kritisiert die CSU das Vorgehen von Bundeskanzlerin Angela Merkel.

Für den Abschluss eines Weltklima-Abkommens stellt die chinesische Regierung neue Bedingungen.

Der Magnetstreifen ist die Achillesferse allen Plastikgeldes. Auf ihm sind Daten gespeichert, die völlig ausreichen.

Примеры употребления Претерита:

Damals hieß es im Wehrressort noch, die Erhöhung lasse genug Spielraum für die seinerzeit bereits in der Nato diskutierte Awacs-Mission.

Im Laufe der Woche erreichten neue Daten das Willy-Brandt-Haus, es waren Zahlen wie Genickschläge.

Примеры употребления Перфекта:

Der SPD-Wahlkampfmanager Kajo Wasserhövel hat angekündigt: Ab jetzt wird zugespitzt und polarisiert.

Zu Beginn der Finanzkrise haben Sie ja sogar gesagt, dass Merkel sich in der Krise als gute Kanzlerin erweisen habe.

Ein ranghoher Offizier der «USS Enterprise» hat in Dutzenden Kurzfilmen Homosexuelle verunglimpft, verhöhnt und beleidigt – und wurde mittlerweile zum Kapitän befördert.

Im Laufe der Zeit hat die Europäische Union einen beeindruckenden Mechanismus für Verhandlungen geschaffen.

Примеры употребления Плюсquamперфекта:

Erst im Oktober vergangenen Jahres hatte das Parlament die Obergrenze der deutschen Beiteiligung an der Isaf-Stabilisierungstruppe um 1000 auf 4500 Mann angehoben.

Auch der Einsatzleiter des Polizeilichen Staatsschutzes, der am Abend des 2. Juli 1967 den Studenten Benno Ohnesorg verfolgt hatte, war im Visier des Ministeriums für Staatssicherheit.

Am Sonntag hatte Schwarzenegger zudem die Strafe für Sara Kruzan reduziert.

Примеры употребления Футурум I:

Der oberste Chef der Traditionalisten, Bernard Felley, wird aus der Schweizer Zentrale ins Seminar Zeitkofen bei Regensburg anreisen, um die Weihe dreier Neupriester vorzunehmen.

Offiziell werde das Projekt als zivil deklariert, es solle Umweltzwecken dienen, heißt es in den Berichten.

4.3. Категория имени существительного в немецком языке

Имя существительное в немецком языке причисляется к знаменательным частям речи и может обозначать предметы в самом широком смысле слова: неодушевленные или же одушевленные предметы, явления, действия, чувства или состояния, качества или свойства и т.п. Имя существительное в немецком языке имеет одну отличительную особенность: исторически сложилось так, что оно всегда пишется с большой буквы, причем вне зависимости от того, относится оно к собственным или к нарицательным именам. Например:

серьги – die Ohrringe (нарицательное существительное, обозначает неодушевленный предмет);

пастор, священник – der Pfarrer (нарицательное существительное, обозначает одушевленный предмет);

землетрясение – das Erdbeben (нарицательное существительное, обозначает явление);

длина – die Länge (нарицательное существительное, обозначает свойство предмета);

развлечение, удовольствие – das Vergnügen (нарицательное существительное, обозначает чувство);

готовность – die Bereitschaft (нарицательное существительное, обозначает состояние);

Волгоград – das Wolgograd (название города – имя собственное; употребляется с артиклем только при наличии определения).

Имена существительные в немецком языке могут обозначать как конкретные предметы, так и всевозможные абстрактные понятия, явления, чувства и пр., например: die Kaffeekanne – кофейник (конкретный предмет), der Zahn – зуб (конкретный предмет), die Errungenschaft – достижение (абстрактное понятие), die Neigung – склонность (абстрактное понятие, состояние), die Dunkelheit – темнота (абстрактное понятие, явление).

Имя существительное в немецком языке может быть собственным (сюда относятся фамилии, имена, географические и прочие названия, например: Балтийское море – die Ostsee). Имя существительное в немецком языке может также носить нарицательный характер и быть при этом существительным общего плана (например: плечо – die Schulter), собирательного плана (например: одежда – die Kleidung), а может обозначать различные вещества, материалы и продукты (например: цинк – das Zink).

Имена существительные в немецком языке обладают определенными грамматическими категориями – числом (Singular и Plural), тремя родами и четырьмя падежами, представляющими собой особые формы склоняемого слова, при помощи которых выражаются связи между словами в отдельно взятом предложении.

Значение и употребление падежей в немецком языке

Именительный падеж (NOMINATIV)

Первый падеж – Nominativ, его еще иногда называют прямым: в этом падеже существительные никогда не употребляются с предлогами, именно в этом падеже всегда стоит субъект предложения (Зима прошла. – Der Winter ist vorbei), предикатив именного сказуемого (Ее характер – просто чудо. – Ihr Charakter ist ein richtiges Wunder) и обращение (Где Вы, молодой человек? – Wo sind Sie, junger Mann?).

Именительный падеж является исходной падежной формой имени существительного; в этой форме имена существительные помещаются в словарь.

Значение именительного падежа заключается в том, что в этой форме употребляется имя существительное, когда называются лица, предметы или явления: der Mensch, das Haus, die Zeit.

С этим значением связано оформление именительным падежом таких членов предложения, как подлежащее и предикатив, а также употребление именительного падежа в назывных предложениях и при обращении.

1. Имя существительное в именительном падеже, выступая в функции подлежащего, называет предмет или явление, к которому относится высказывание:

Die Herden zogen auf die Weide, und es läuteten ihre Glöckchen. Die liebe, goldene Sonne schien durch das Fenster und beleuchtete die Schildereien an den Wänden des Zimmers. (Heine, 1957)

2. Имя существительное в именительном падеже, выступая в функции предикатива, называет тот род или вид предметов и явлений, к которому принадлежит или приравнивается предмет, выраженный подлежащим:

Diederich Heßling war ein weiches Kind, das am liebsten träumte, sich vor allem fürchtete und viel an den Ohren litt. (H. Mann, 1965)

3. Имя существительное в именительном падеже употребляется также в назывных предложениях:

Im großen Zimmer wurde eine Abendmahlzeit gehalten. Ein langer Tisch mit zwei Reihen hungriger Studenten. Im Anfange gewöhnliches Universitätsgespräch: Duelle, Duelle und wieder Duelle. Die Gesellschaft bestand meistens aus Hallensern, und Halle wurde daher Hauptgegenstand der Unterhaltung. (Heine, 1957)

4. Имя существительное в именительном падеже употребляется также при обращении:

Lady: Mensch! was bezahlt dein Herzog für diese Steine? (Schiller, 1979)

Родительный падеж (GENITIV)

Имя существительное в родительном падеже употребляется в немецком языке:

1) в функции примённого определения, управляемого именем-существительным: Die Hütte stand am Rande der Stadt.

2) в функции приглагольного дополнения: Der Kranke bedarf der Ruhe.

3) в функции дополнения, управляемого прилагательным в предикативной функции: Wir sind unserer Pflicht bewußt.

4) в синтаксически неразложимых словосочетаниях типа: zwei Drittel der Produktion, einer meiner Kameraden.

5) в абсолютной форме со значением обстоятельства: Er versprach, daß er dieser Tage vorbeikommen werde.

Различают родительный примённый (der adnominale Genitiv), который выражает различные признаки предмета, через отношение к другому предмету:

Родительный разделительный, который выражает часть целого:

Родительный приглагольный (der adverbale Genitiv), который служит для выражения дополнения. В настоящее время такие глаголы употребляются очень редко (Москальская, 1996).

Родительный примённый с именем прилагательным. Количество прилагательных, управляющих родительным падежом невелико (Dreyer, Smitt, 1996).

Родительный свободный (der freie Genitiv), который имеет различные обстоятельственные значения.

Функцией Genitiv является выражение признака, принадлежности или свойства. Имена существительные в этом падеже могут выступать в качестве объектов после некоторых глаголов с соответствующим управлением (Мы помним о наших умерших родственниках. – Wir gedenken unserer gestorbenen Verwandten), в случаях с предикативным определением (С тяжелым сердцем он сел в машину. – Schweren Herzens stieg er ins Auto ein), при употреблении в составе обстоятельства времени или образа

действия (Однажды она вообще не смогла встать. – *Eines Tages konnte sie nicht mehr aufstehen*).

Дательный падеж (DATIV)

1. Дательный приглагольный. Дательный падеж наиболее широко употребляется в сочетании с глаголами. Дательный приглагольный выражает косвенное дополнение – лицо или предмет, на которые ориентировано действие, в интересах или в ущерб которым совершается действие:

2. Дательный падеж в сочетании с именами прилагательными также выражает косвенное дополнение:

Также с прилагательными: *behilflich, förderlich, vorteilhaft, hinderlich, schädlich, dankbar, böse, gelegen, gewachsen, gehorsam, gleich, nahe, fern, ergeben, verhaßt, verwandt, überlegen, Untertan, zugetan, lieb, teuer, treu* и др. (Dreyer, Smitt, 1996).

3. Свободный дательный лица. Свободный (неуправляемый) дательный лица представляет собой своеобразный вид дополнения. Основным значением его является указание на заинтересованность лица в происходящем действии:

Dativ является падежом непрямого (косвенного) дополнения. Он может обозначать лицо, на которое направлено / которому адресовано какое-либо действие (*A* они ему поверили. – *Und sie haben ihm geglaubt*), указывать на участие лица в каком-либо процессе (*Она думала над его словами. – Sie dachte an seinen Worten*), а может указывать на отношения принадлежности между субъектом и другим членом предложения в *Dativ* (*Ребенок мыл руки. – Das Kind wusch sich seine Hände*).

Винительный падеж (AKKUSATIV)

1. Винительный прямого дополнения. Основным значением винительного падежа является выражение прямого дополнения – лица или предмета, которые являются непосредственным объектом действия.

Винительный прямого дополнения управляется переходными глаголами (винительный приглагольный):

Frau Minna beeilte sich, den Frühstückstisch zu decken. Sie schüttete den gemahlenden Kaffee in den Kaffeebeutel und goß kochendes Wasser darüber. (Bredel, 1981)

2. Винительный внутреннего содержания (*Akkusativ des Inhalts*). По модели сочетания глагола с именем существительным в винительном падеже, выступающем в функции прямого дополнения, построены словосочетания особого типа, в состав которых входит «винительный внутреннего содержания». Существительное в винительном падеже не является в подобных случаях дополнением в собственном смысле слова, а образует с глаголом неразложимое словосочетание, уточняя содержание

или характер действия, выраженного глаголом, например: einen Walzer tanzen, Galopp reiten, Klavier spielen, Sport treiben (Юнг В., 1996).

Очень часто имя существительное и глагол являются однокоренными словами. В этом случае имя существительное выступает лишь как опора для определения, которое качественно или обстоятельственно уточняет содержание глагола:

Wochen und Monate lebte Fabian dieses Leben... (Kellermann, 1989)

Der Ohm schrieb einen alten steifen Kanzleistil, wie er in den Jesuitenschulen, wo Latein die Hauptsache, gelehrt wird... (Heine. Memoiren)

3. Винительный свободный (der freie Akkusativ).

Употребляется также с прилагательными и наречиями образа действия выражающими размеры, меру, возраст (Dreyer, Smitt, 1996)

4. Абсолютный винительный (der absolute Akkusativ):

Akkusativ является падежом прямого дополнения, на которое направлено какое-либо действие или же который возникает в его результате; этим падежом могут управлять только переходные глаголы (Мы отремонтировали сегодня наш телефон. – Wir haben heute unser Telefon repariert). Akkusativ может также передавать значение времени или места (Больше недели подряд у него была температура. – Mehr als eine Woche lang hatte er Fieber).

Что касается грамматической категории рода, то в немецком языке существует понятие естественного рода (их может быть два – женский и мужской) и понятие грамматического рода (сюда к первым двум добавляется еще и средний). Естественный род может брать верх над грамматическим, когда речь идет о некоторых группах различных живых существ (животных, наименованиях человеческих профессий и пр.), например: библиотекарь (мужчина) – der Bibliothekar, библиотекарь (женщина) – die Bibliothekarin, кот / кошка – der Kater / die Katze. Однако во всем, что касается животных, значительно чаще используется грамматический род без оглядки на естественный, например: косуля – das Reh, овца – das Schaf.

Сложные существительные наиболее часто состоят из двух частей (основ), важнейшей из которых и определяющий грамматический род имени является вторая, а первая выступает определением ко второй: подлокотник – der Arm + die Lehne = die Armlehne, космический корабль – der Weltraum + das Schiff = das Weltraumschiff.

Существуют некоторые имена существительные, которые демонстрируют возможность употребления их в разном роде, не меняя при этом своего значения, например: компромисс – das / der Kompromiss, йогурт – das / der Joghurt, метеор – das / der Meteor. Наряду с ними есть и такие имена существительные в немецком языке, которые относятся к разным родам в зависимости от своего значения, например: пояс, повязка — das

Bund / объединение – der Bund; наследство – das Erbe / наследник – der Erbe; бдительность – die Hut / шляпа – der Hut.

Маркировка падежей в русском и немецком языках

В русском языке падежи маркируются флексиями, достаточно отчетливо их дифференцирующими, хотя в парадигме склонения многих существительных встречаются омонические формы: в единственном числе стол (именительный и винительный падежи), коня (родительный и винительный падежи), двери (родительный, дательный и предложный падежи), соседке (дательный и предложный падежи), времени, пути (родительный, дательный и предложный падежи); во множественном числе: стол-ы (именительный и винительный), сосед-ок (родительный и винительный).

В немецком языке падежное окончание представлено в единственном числе постоянно только в родительном падеже –(e)s и факультативно в дательном падеже –e существительных мужского и среднего рода сильного склонения: des Mann-es, Wald-es, Haus-es, Kind-es, im Wald-e, Haus-e. У существительных мужского рода склонения используется в родительном, дательном и винительном падежах не дифференцирующее их окончание -en: des Studenten, Baren, dem Studenten, Baren, den Studenten, Baren. Существительные женского рода вообще не имеют падежных окончаний: die Frau, der Frau, der Frau, die Frau. Таким образом, падеж маркируется в немецком языке в основном артиклевыми словами или местоименными окончаниями согласуемых прилагательных или причастий: große Freude, großer Freude, großer Freude, große Freude. Во множественном числе падежное окончание существительные получают только в дательном падеже независимо от их грамматического рода. Это -(e)n: den Tisch-en, Kinder-n, Lander-n, Wände-n. Существительные, которые во множественном числе оканчиваются на -(e) или на -s, не могут присоединять это окончание: die Garten, Frauen, Klubs. И во множественном числе падеж обозначается преимущественно аналитически.

Итак, категория падежа в русском и немецком языках структурирована различным образом. Соответственно этому по-разному распределяются и функции отдельных падежей, различен круг их значений. Способы выражения падежа в немецком языке имеют ряд существенных особенностей по сравнению с русским языком.

Главное отличие падежных систем состоит в том, что русскому языку соответствует большее количество значений.

Характерной чертой немецкого языка является то, что падежным окончаниям принадлежит лишь незначительная роль при выражении падежей имени существительного, а основная роль отводится артиклю.

Сложные существительные в немецком языке

В немецком языке имеются довольно много существительных, составленных из нескольких слов, которыми можно выразить объемное значение или целое выражение. Сложные существительные в немецком языке – это слова, которые образованы из двух или более основ:

два слова: das Schlafzimmer – спальня;

три слова: das Kopfsteinpflaster – булыжная мостовая;

четыре слова: der Schreibtischdrehstuhl – стул к письменному столу, поворачивающийся по оси.

Немцы вообще мастера по составлению новых слов из самых разных словесных сочетаний:

der Handschuh – die Hand (рука) + der Schuh (туфля) = рукавица;

der Hexenkessel – die Hexe (ведьма) + der Kessel (котел) = ад;

die Hornhaut – das Hörn (рог) + die Haut (кожа) = роговица (глаза);

die Kornblume – das Korn (зерно) + die Blume (цветок) = василек.

Сложные существительные в немецком языке состоят:

1) существительное + существительное: der Tischtennis – die Tisch + der Tennis = настольный теннис;

2) прилагательное + существительное: die Hochschule – hoch+die Schule = высшая школа;

3) глагол + существительное: der Bestimmungshafen – bestimmen + der Hafen = порт назначения;

4) существительное + глагол: der Haushalt – das Haus + halten = домашнее хозяйство;

5) числительное + существительные: der Zweijahrplan – zwei + das Jahr + der Plan = двухлетний план;

6) предлог + существительное: der Mitarbeiter – mit + der Arbeit = сотрудник.

Слова, из которых состоит сложное существительное, могут присоединяться друг к другу:

1) непосредственно: das Gasthaus (гостиница);

2) с помощью соединительных элементов:

-(e)s – die Lebensmittel (продукт питания);

-e: der Tragehandel (торговля с лотков);

-er: das Landerspiel (международная встреча);

-(e)n: der Firmensitz (местонахождение фирмы);

-o: die Psychogigiene (психогигиена).

Род сложных существительных зависит от рода, который имеет основное слово. Первая часть – это определяющее слово, последняя часть в составе сложного слова – основное слово. Ударение падает на определяющие слова.

В слове Küchenschrank (кухонный шкаф) основное слово – der Schrank, поэтому и всё слово будет иметь мужской род – der Küchenschrank. В

словосочетании *Kontensperrung* (блокирование счёта) основным словом является *die Sperrung*, следовательно всё слово будет женского рода.

Если перечисляются два или несколько сложных существительных, имеющих одинаковые основы или определяющие слова, то пишут одно сложное существительное, заменяя общую часть дефисом, например: *die Kindergarten und -krippen* (детские сады и ясли).

По новым правилам правописания сложно образованные слова можно писать через дефис, особенно, если они заканчиваются и начинаются на одну и ту же букву, например, *Flusssand – Fluss-Sand*, *See elefant – See-Elefant* и т.д.

Сложные существительные в немецком языке при переводе на русский язык могут иметь:

- 1) одно слово: *der Warenaustausch* – бартер;
- 2) сложное существительное: *die Schaffenkraft* – работоспособность;
- 3) сочетание прилагательного с существительным: *der Kurzstreik* – короткая забастовка;
- 4) два существительных: *die Lieferfirma* – фирма-поставщик;
- 5) сочетание причастия с существительным: *der Berufstätige* – работающий по специальности.

Род имен существительных в немецком языке

Имя существительное в немецком языке может быть:

- мужского рода (*masculinum, m*): *der/ein Tag*;
- женского рода (*femininum, f*): *die/eine Blume*;
- среднего рода (*neutrum, n*): *das/ein Haus*.

Род существительных в обоих языках не обязательно совпадает:

- der Schrank* – шкаф (м.р.), но *das Buch* – книга (ж.р.)
- das Fenster* – окно (ср.р.), но *die Übung* – упражнение (ср.р.)
- die Tafel* – доска (ж.р.) , но *der Hund* – собака (ж.р.)
- der Stuhl* – стул (м.р.), но *die Blume* – цветок (м.р.)

Также может не совпадать род заимствованных существительных, обладающих в обоих языках одним и тем же или сходным значением:

- das Institut* (n) – институт (м.р.)
- das Museum* (n) – музей (м.р.)
- das Thema* (n) – тема (ж.р.)
- die Fakultät* (f) – факультет (м.р.)
- die These* (f) – тезис (м.р.)
- das Rezept* (n) – рецепт (м.р.)

Совпадения чаще наблюдаются у заимствованных существительных мужского рода, например:

- der Jazz* – джаз
- der Karton* – картон
- der Chor* – хор
- der Park* – парк

Род существительного в немецком языке не связан непосредственно с его значением, однако в ряде случаев связь грамматического рода и значения очевидна. Так, к **мужскому роду** принадлежат существительные, обозначающие:

1) живых существ мужского пола:

der Mann – человек, мужчина, муж

der Held – герой

der Wolf – волк;

2) времена года:

der Winter – зима

der Frühling – весна

der Sommer – лето

der Herbst – осень;

Но: das Jahr – год

3) месяцы:

der Januar – январь

der April – апрель

der Oktober – октябрь и т.д.;

4) дни недели:

der Montag – понедельник

der Mittwoch – среда

der Sonntag – воскресенье и т.д.;

Но: die Woche – неделя

5) время суток:

der Morgen – утро

der Tag – день

der Abend – вечер;

Но: die Nacht – ночь

6) страны света:

der Norden – север

der Süden – юг

der Westen – запад

der Osten – восток;

7) большинство небесных тел (светил и планет):

der Planet – планета der Mond – луна

der Komet – комета der Mars – Марс и т.д.;

der Stern – звезда

Но: die Sonne – солнце

die Erde – Земля

die Venus – Венера

8) ветры, горы, озера, немецкие реки:

der Passat – пассат

der Baikal – Байкал

der Taifun – тайфун
der Amazonas – Амазонка и т.д.
der Harz – Гарц

Названия ненемецких рек, оканчивающихся на -а, -е, относятся к женскому роду:

die Seine – Сена
die Wolga – Волга.

Названия некоторых горных хребтов (массивов) употребляются только во множественном числе:

die Alpen – Альпы
die Karpaten – Карпаты.

9) осадки, минералы, большинство денежных единиц, марки автомобилей, алкогольные напитки:

der Regen – дождь
der Schnee – снег
der Quarz – кварц
der Jaspis – яшма
der Rubel – рубль
der Pfennig – пфенниг
der Forint – форинт
der Mercedes – мерседес
der Kognak – коньяк
der Wodka – водка
der Whisky – виски

Но:

die Kopeke – копейка
die Mark – марка
die Krone – крона
die Drachme – драхма
das Pfund – фунт.

Преимущественно **женского рода** в немецком языке:

1) обозначения живых существ женского пола:

die Mutter – мать
die Kuh – корова
die Tante – тетя
die Henne – курица;

Но: das Weib – женщина

2) обозначения

а) большинства деревьев:

die Eiche – дуб
die Linde – липа
die Buche – бук;

б) цветов:

die Tulpe – тюльпан

die Aster – астра

die Narzisse – нарцисс;

в) плодов и ягод:

die Apfelsine – апельсин

die Mandarine – мандарин

die Zitrone – лимон

die Nuß – орех

die Tomate – помидор

die Kirsche – вишня;

Но: der Ahorn – клен

der Apfel – яблоко

der Pfirsich – персик.

3) названия судов и самолетов:

die Titanic – Титаник

die Boeing – Боинг

die TU – ТУ;

4) субстантивированные количественные числительные:

eine Fünf – пятерка

die glückliche Sieben – счастливая семерка.

Преимущественно **среднего рода** в немецком языке:

1) названия детенышей (в том числе и человека):

das Kind – ребенок

das Fohlen – жеребенок

das Lamm – ягненок

das Ferkel – поросенок;

2) обозначения

а) букв, дробей, нот, физических единиц:

das A – А

das Ypsilon – ипсилон

das Zehntel – десятая

das Gis – соль диз

das Kilowatt – киловатт;

Но: die Hälfte – половина

б) металлов, химических элементов:

das Eisen – железо

das Jod – йод;

Но: der Stahl – сталь

die Bronze – бронза

в) цвета:

das Grün – зеленый цвет

das Gelb – желтый цвет;

3) названия большинства городов, стран, населенных пунктов, отелей, кафе, кинотеатров:

das neblige London – туманный Лондон

das alte China – древний Китай

das berühmte Kobrino – знаменитое Кобринно

das prachtvolle Astoria – великолепная Астория

das populäre Nord – популярный Норд (кафе)

das wohl bekannte Kolosseum – хорошо известный Колизей.

Способы образования множественного числа имен существительных

Существует пять основных способов образования множественного числа имен существительных в немецком языке:

1) посредством суффикса -e (с умлаутом и без него);

2) посредством суффикса -en (без умлаута);

3) посредством суффикса -er (с умлаутом);

4) без суффикса, т.е. с нулевым суффиксом (с умлаутом и без него);

5) посредством суффикса -s (без умлаута).

Первый способ образования множественного числа – посредством суффикса -e (с умлаутом и без него) наиболее типичен для существительных мужского рода.

Существительные при этом часто получают умлаут. К этой группе относятся как исконно немецкие, так и иноязычные слова. Например:

der Gast гость – die Gäste гости

der Tag день – die Tage дни

der Sohn сын – die Söhne сыновья

der Erfolg успех – die Erfolge успехи

der Betrieb предприятие – die Betriebe предприятия

der Schmetterling бабочка – die Schmetterlinge бабочки

der Offizier офицер – die Offiziere офицеры

der Sekretär секретарь – die Sekretäre секретари

der Ingenieur инженер – die Ingenieure инженеры

der Admiral адмирал – die Admirale адмиралы

der Bibliothekar библиотекарь – die Bibliothekare библиотекари

der Prozeß процесс – die Prozesse процессы

der Apparat аппарат – die Apparate аппараты

По данному типу, но всегда без умлаута образуют формы множественного числа многие существительные среднего рода, в том числе многосложные, а также слова иноязычного происхождения. Например:

das Bein нога – die Beine ноги

das Heft тетрадь – die Hefte тетради

das Jahr год – die Jahre годы

das Flugzeug самолет – die Flugzeuge самолёты
das Gedicht стихотворение – die Gedichte стихотворения
das Diktat диктант – die Diktate диктанты
das Dokument документ – die Dokumente документы
das Institut институт – die Institute институты

Имена существительные женского рода представлены в этом типе обособленной группой односложных имен (всегда с умлаутом). Например:

die Bank скамейка – die Bänke скамейки
die Frucht плод – die Früchte плоды
die Gans гусь – die Gänse гуси
die Hand рука – die Hände руки
die Kraft сила – die Kräfte силы
die Kuh корова – die Kühe коровы
die Macht власть – die Mächte власти
die Maus мышь – die Mäuse мыши
die Nacht ночь – die Nächte ночи
die Nuß орех – die Nüsse орехи
die Stadt город – die Städte города
die Wand стена – die Wände стены

-nis

Суффикс -e (без умлаута) получают также существительные, оканчивающиеся на -nis, относящиеся к среднему или женскому роду. Конечное -s при этом удваивается:

das Ergebnis результат – die Ergebnisse результаты
die Kenntnis знание – die Kenntnisse знания

Второй способ образования множественного числа – посредством суффикса -en (без умлаута) наиболее типичен для существительных женского рода, большинство которых, включая иноязычные, образуют формы множественного числа по этому типу. Например:

die Frage вопрос – die Fragen вопросы
die Hoffnung надежда – die Hoffnungen надежды
die Nachricht известие – die Nachrichten известия
die Tür дверь – die Türen двери
die Akademie академия – die Akademien академии
die Fakultät факультет – die Fakultäten факультеты
die Situation ситуация – die Situationen ситуации

-er, -el получают суффикс -n

Имена существительные женского рода, оканчивающиеся на -er, -el, получают во множественном числе суффикс -n, например:

die Schwester сестра – die Schwestern сестры
die Tafel доска – die Tafeln доски

удвоение -n

Имена существительные женского рода с суффиксом -in, производные от имен носителей действия мужского рода, образуют множественное число посредством суффикса -en с удвоением -n в суффиксе -in. Например:

der Schüler – ученик die Schülerin – ученица

die Schülerinnen – ученицы

der Student – студент die Studentin – студентка

die Studentinnen – студентки

der Arzt – врач die Ärztin – женщина-врач

die Ärztinnen – женщины-врачи

Суффикс -(e)n во множественном числе получают существительные мужского рода:

а) обозначающие одушевленные предметы и относящиеся к слабому склонению:

der Knabe мальчик – die Knaben мальчики

der Mensch человек – die Menschen люди

der Laborant лаборант – die Laboranten лаборанты

der Agronom агроном – die Agronomen агрономы;

б) несколько заимствованных существительных, обозначающих неодушевленные предметы и также относящихся к слабому склонению:

der Planet планета – die Planeten планеты

der Komet комета – die Kometen кометы

der Paragraph параграф – die Paragraphen параграфы

der Konsonant согласный – die Konsonanten согласные;

в) несколько существительных, относящихся к сильному склонению, в том числе иноязычные на -og (с переносом ударения во множественном числе на суффикс).

der Staat государство – die Staaten государства

der See озеро – die Seen озера

der Schmerz боль – die Schmerzen боли

der Nachbar сосед – die Nachbarn соседи

der Vetter кузен, двоюродный брат – die Vettern кузены, двоюродные братья

der Doktor доктор – die Doktoren доктора

der Traktor трактор – die Traktoren трактора

г) имена существительные, относящиеся к так называемому смешанному склонению:

der Buchstabe буква – die Buchstaben буквы

der Fels скала – die Felsen скалы

der Funke искра – die Funken искры

der Gedanke мысль – die Gedanken мысли

der Name имя – die Namen имена

der Same семя – die Samen семена

Следующие существительные среднего рода получают во множественном числе -en:

das Auge глаз – die Augen глаза

das Bett кровать – die Betten кровати

das Ende конец – die Enden концы

das Hemd рубашка – die Hemden рубашки

das Herz сердце – die Herzen сердца

das Insekt насекомое – die Insekten насекомые

das Interesse интерес – die Interessen интересы

das Juwel драгоценность – die Juwelen драгоценности

das Ohr ухо – die Ohren уши

das Verb глагол – die Verben глаголы

Третий способ образования множественного числа – посредством суффикса -er (с умлаутом) наиболее типичен для имен существительных среднего рода, главным образом односложных, например:

das Buch книга – die Bücher книги

das Bild картина – die Bilder картины

das Dach крыша – die Dächer крыши

das Haus дом – die Häuser дома

das Kind ребенок – die Kinder дети

das Kleid платье – die Kleider платья

das Rad колесо – die Räder колеса

das Tuch платок – die Tücher платки

das Wort слово – die Wörter слова

das Geschlecht род – die Geschlechter рода

По этому типу образует множественное число также небольшая группа существительных мужского рода, например:

der Gott Бог – die Götter боги

der Leib тело, плоть – die Leiber тела

der Mann человек, мужчина – die Männer мужчины

der Wald лес – die Wälder леса

der Irrtum ошибка – die Irrtümer ошибки

der Reichtum богатство – die Reichtümer богатства

Имена существительные женского рода суффикс -er во множественном числе не получают.

Четвертый способ образования множественного числа – без суффикса.

Не имеют суффикса множественного числа (как с умлаутом, так и без него) существительные мужского рода на -el, -er, -en.

der Onkel дядя – die Onkel дяди
der Mantel пальто – die Mäntel пальто
der Lehrer учитель – die Lehrer учителя
der Bruder брат – die Brüder братья
der Wagen машина – die Wagen машины
der Garten сад – die Gärten сады.

Не имеют суффикса во множественном числе (всегда без умлаута) существительные среднего рода на -el, -er, -en, а также с уменьшительными суффиксами -chen и -lein и с приставкой Ge- и суффиксом -e:

das Kabel кабель – die Kabel кабели
das Muster образец – die Muster образцы
das Zeichen знак – die Zeichen знаки
das Mädchen девочка, девушка – die Mädchen девочки, девушки
das Fräulein девушка, барышня – die Fräulein девушки, барышни
das Gebäude здание – die Gebäude здания

Но:

das Kloster монастырь – die Klöster монастыри.

Два существительных женского рода образуют множественное число по этому типу (с умлаутом):

die Mutter мать – die Mütter матери
die Tochter дочь – die Töchter дочери.

Пятый способ образования множественного числа – посредством суффикса s(-) характерен, главным образом, для некоторых иноязычных существительных мужского и среднего рода. Например:

der Bankier банкир – die Bankiers банкиры
der Chef шеф – die Chefs шефы
der Klub клуб – die Klubs клубы
der Park парк – die Parks парки
der Salon салон – die Salons салоны
das Auto автомобиль – die Autos автомобили
das Büro бюро – die Büros бюро
das Hotel отель – die Hotels отели
das Kino кинотеатр – die Kinos кинотеатры
das Sofa диван – die Sofas диваны

Образование множественного числа аббревиатур с помощью суффикса -s

С помощью суффикса -s могут быть образованы формы множественного числа аббревиатур, например:

die AG акционерное общество – die AGs акционерные общества
der PKW легковой автомобиль – die PKW(s) легковые автомобили

Посредством -s образуется также множественное число имен собственных, в первую очередь личных имен:

die Müllers – Мюллеры (семья Мюллеров).

В разговорной речи возможны формы множественного числа на -s от немецких существительных – обозначений лиц, например:

das Mädchen девушка – die Mädels (Mädel) девушки
der Junge парень – die Jungens (Jungen) парни, ребята
der Kumpel дружище, приятель – die Kumpels (Kumpel) приятели
die Mutti мама – die Muttis мамы
die Oma бабушка – die Omas бабушки

Особые случаи образования множественного числа в немецком языке

Некоторые имена существительные иноязычного происхождения образуют множественное число

а) посредством суффикса -en, утрачивая при этом свой словообразовательный суффикс:

-(i)um:

das Museum – die Museen | музей – музеи
das Datum – die Daten | дата – даты (также: данные)
das Studium – die Studien | учеба – занятия
das Laboratorium – die Laboratorien | лаборатория – лаборатории

-(i)on:

das Stadion – die Stadien | стадион – стадионы

-a:

das Drama – die Dramen | драма – драмы
das Thema – die Themen | тема – темы
das Dogma – die Dogmen | догма – догмы;

б) посредством суффикса -ien:

das Material – die Materialien | материал – материалы
das Prinzip – die Prinzipien | принцип – принципы

Для отдельных имен существительных немецкого языка характерны параллельные формы множественного числа, например:

der Pantoffel – die Pantoffel, die Pantoffeln | туфля – туфли
das Denkmal – die Denkmäler, die Denkmale | памятник – памятники.

Разные формы множественного числа имеют также следующие существительные, в том числе различающиеся в грамматическом роде:

das Band – die Bänder | лента – ленты
das Band – die Bande | узы
die Freundschaftsbande | узы дружбы
der Band – die Bände | том – тома
die Bank – die Bänke | скамейка – скамейки
die Bank – die Banken | банк – банки
der Rat – die Räte | советник – советники
der Rat – die Ratschläge | совет – советы
der Tor – die Tore | дурак – дураки
das Tor – die Tore | ворота – ворота (мн.ч.)
das Wort – die Wörter | слово – слова (вне связной речи)
die Worte | слова (высказывание)

В немецком языке, так же как и в русском, некоторые существительные употребляются только в единственном или только во множественном числе.

Единственное число

die Hitze – жара
die Butter – масло
das Eisen – железо

Множественное число

die Leute – люди
die Ferien – каникулы
die Eltern – родители.

Имена существительные, употребляемые только во множественном числе, не обязательно совпадают в обоих языках. Следует запомнить:

часы | die Uhr – die Uhren
очки | die Brille – die Brillen
ножницы | die Schere – die Scheren
сани der | Schlitten – die Schlitten
die Masern (мн.ч.) | корь (ед.ч.)
die Pocken (мн.ч.) | оспа (ед.ч.)

Склонение имен существительных в немецком языке

Склонением называется изменение существительного по падежам.

В немецком языке различают три основных типа склонения имен существительных в единственном числе:

- сильное склонение (die starke Deklination);
- слабое склонение (die schwache Deklination);
- женское склонение (die weibliche Deklination).

Преимущественным показателем числа и падежа является артикль (или заменяющее его местоимение), поскольку падежные окончания у немецкого существительного часто отсутствуют.

При склонении существительного изменяется форма артикля. По форме артикля, в первую очередь и определяется падеж существительного. Однако и сами существительные в некоторых падежах получают падежные окончания, в соответствии с которыми все существительные делятся на три типа склонения.

Единственное число

В единственном числе различают сильное, слабое и женское склонение. Ниже представлена таблица трёх склонений во всех падежах:

	Сильное скл.		Слабое скл.	Женское скл.
Nom.	der Text	das Buch	der Student	die Frau
Gen.	des Textes	des Buches	des Studenten	der Frau
Dat.	dem Text	dem Buch	dem Studenten	der Frau
Akk.	den Text	das Buch	den Studenten	die Frau

К сильному склонению относятся:

а) все существительные среднего рода, кроме существительного *das Herz* (сердце)

б) большинство существительных мужского рода.

Признак сильного склонения – окончание *-s* в родительном падеже.

К слабому склонению относятся имена существительные мужского рода, в основном, одушевленные, а именно:

а) оканчивающиеся на *-e* (*der Russe, der Junge, der Löwe*),

б) некоторые существительные, утратившие *-e* (*der Herr, der Mensch, der Held, der Bär, der Barbar, der Narr, der Christ, der Prinz, der Fürst, der Graf*),

в) иностранные слова с ударными суффиксами: *-ent, -ant, -et, -at, -ot, -ist, -nom, -soph, -graph, -log(e)* (*der Student, der Laborant, der Poet, der Soldat, der Patriot, der Optimist, der Agronom, der Philosoph, der Geograph, der Philologe*).

Признак слабого склонения – окончание *-(e)n* во всех падежах, кроме именительного.

К женскому склонению относятся все существительные женского рода. Признак женского склонения – отсутствие окончаний во всех падежах.

Кроме трех основных типов склонения имеется еще смешанный тип склонения, к которому относятся следующие существительные мужского рода: der Buchstabe, der Funke, der Gedanke, der Glaube, der Wille, der Name, der Same, der Frieden, der Schaden и существительное среднего рода das Herz. Признак склонения переходной группы – окончание -(e)ns в генитиве и окончания -(e)n в дативе и аккузативе:

Смешанное склонение		
Nom.	der Name	das Herz
Gen.	des Namens	des Herzens
Dat.	dem Namen	dem Herzen
Akk.	den Namen	das Herz

Множественное число

Во множественном числе все существительные склоняются одинаково: в дательном падеже они получают окончание -n (за исключением существительных, образующих множественное число при помощи суффиксов -n и -s).

Nom.	die Tage	die Bücher	die Frauen	die Autos
Gen.	der Tage	der Bücher	der Frauen	der Autos
Dat.	den Tagen	den Büchern	den Frauen	den Autos
Akk.	die Tage	die Bücher	die Frauen	die Autos

4.4. Характерные особенности атрибутов немецкого языка

Определение – второстепенный член предложения, характеризующий предмет с точки зрения его качества, признака, принадлежности и отвечающий на вопросы welcher? wessen? der wievielte? was für ein? wieviel? каков? чей? который? что за? сколько? Определение может относиться к любому члену предложения, выраженному существительным или любой субстантивированной частью речи. Определения бывают согласованными и несогласованными.

Согласованное определение

Согласованное определение может быть выражено:

а) прилагательным:

Eine schwere Aufgabe. – Трудное задание.

б) числительным:

Der Erste Mai. – Первое Мая.

в) причастием:

Die *entwickelte* Industrie. – Развитая промышленность.

Определения подразделяются на адъективные и субстантивные, с одной стороны, и на согласованные и несогласованные – с другой.

Адъективные определения

Adjektivische Attribute

Для слов адъективных – прилагательных, адъективных местоимений, порядковых числительных, причастий – характерна функция согласованного определения.

Ein *arbeitender* Mensch – трудящийся человек

Der *errungene* Sieg – достигнутая победа

Der *erste sozialistische* Staat – первая социалистический город.

Адъективные слова в функции согласованного определения согласуются в роде, числе и падеже с определяемым существительным.

Обычно адъективные согласованные определения предшествуют определяемому слову.

Er sah *große Sportplätze und schnurgerade, moderne Straßen mit vielen neuen Wohnhäusern* – Он смотрел прямо на большой спортивный стадион и современные улицы со многими новыми жилыми домами.

Однако в некоторых случаях подобные определения могут и следовать за определяемым существительным. Это имеет место при известном обособлении определения.

Der Vater kannte alle Pilzarten, *ebbare und giftige* – Отец знал все виды грибов, съедобные и ядовитые.

Или например в стихотворении Генриха Гейне «Лорелей»: (Heinrich Heine «Lorelei»).

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten,

Das ich so traurig bin,

Ein Märchen aus uralten Zeiten,

Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Die Luft ist kühl und es dunkelt,

Und ruhig fließt der Rhein;

Der Gipfel des Berges funkelt,

Im Abendsonnenschein.

*Я не знаю, что это значит,
Но печаль моя только о том,
Ко мне сказка времени мрачного,
Не приходит вместе со сном.
Воздух чист и темнеть начинает,
Рейн несет свои воды бурля,
Туча солнце в себя забирает
Лишь вершине чуть света даря.*

Постпозитивное определение выделяется запятыми. Обособленное определение этого рода характерно главным образом для языка художественной литературы.

Постпозитивное употребление согласованного адъективного определения, однако, является правилом, когда речь идет о каком-либо постоянном эпитете при имени собственном.

Alexander der Große – Александр старший;

В этом случае запятая после существительного не ставится.

В некоторых (довольно редких) случаях согласованное адъективное определение стоит не при существительном, но при личном местоимении.

Тогда постпозиция также является правилом.

Ты смелый и героически богатый.

O Stalingrad, *du kühne, heldenreiche!*

Хотя в немецком языке среди адъективных определений преобладают определения согласованные, однако встречаются и определения несогласованные. В качестве несогласованных определений адъективные слова (в основном прилагательные) выступают в несклоняемой форме. Препозиция в этих случаях для современного литературного немецкого языка является исключением. Случаи препозиции ограничиваются сравнительно небольшим числом словосочетаний фразеологического характера.

Lieb Kind – любимый ребенок.

täglich Brot – ежедневный хлеб.

bar Geld – лучший расчет.

auf gut Glück – в добрый час.

В свободном употреблении (вне фразеологических единиц) несогласованное адъективное определение в современном немецком языке выступает, как правило, при известном обособлении, и для этих определений характерна постпозиция.

Der Abend wechselt langsam die Gewänder, die ihm ein Rand von alten Bäumen halt, du schaust und vor dir scheiden sich die länder, ein himmelfahrends und eins, das fällt, und lassen dich, zu keinem ganz gehörend. – Цепляясь за короны деревьев, день вечеру власть отдает, сереет, темнеет, чернеет и ночь покрывалом своим, свет дня, от меня отдаляя с надеждой, куда-то зовет.

Субстантивные определения

Substantivische Attribute

Если для прилагательных характерной является в первую очередь функция согласованного определения, то функция несогласованного определения типична именно для существительных. Несогласованные субстантивные определения выступают в родительном падеже или представляют собой предложное сочетание слов.

Определение в родительном падеже в современном немецком языке обычно следует за определяемым словом.

Fast jedes Jahr fährt Alexander in die BRD und jedes Mal besucht er seinen Freund Müller. – Почти каждый год Александр едет в ФРГ и почти каждый раз посещает своего друга Мюллера.

Однако если определение – имя собственное, то оно чаще предшествует определяемому существительному.

die Familie machte sich auf den Weg – семья готовилась к поездке.

Das Fenster in Walters kleiner Kammer war sperrangelweit offen. – Окна в маленькой комнате Валтерса были открыты настежь.

Если имя собственное, выполняющее функцию несогласованного определения выступает с артиклем, то определение обычно следует за определяемым.

Das Gedicht Heinrich Heine – стихотворения Генриха Гейне.

Die Straßen des alten Rom – старые улицы Рима.

Но имя собственное без артикля иногда также может стоять в постпозиции.

Schillers Gedichte – Шиллера стихотворения.

Die Gedichte Schillers – стихотворения Шиллера .

Roms Straßen und Plätze – улицы и площади Рима.

Die Straßen und Plätze Roms – улицы и площади Рима.

Разные субстантивные определения (не принадлежащие к именам собственным) с определенным артиклем или адъективным местоимением могут в отдельных случаях предшествовать определяемому существительному, однако подобный порядок слов для современного немецкого языка в целом не характерен.

Der Mann, mit dem ich mich vor kurzem bekannt gemacht habe, ist ein berühmter Schauspieler. – Мужчина, с которым я недавно познакомился, знаменитый артист.

Das Auto, das wenig Benzin verbraucht, ist immer wünschenswert. – Всегда хочется иметь машину, которая расходует мало бензина.

Предложные группы, выступающие в функции определений, следуют за определяемыми существительными.

Es war ein Buch mit Gedichten. – Книга стихотворений.

Paul Sieger aus der sechsten Klasse... wurde mein Beschützer. – Паул Зингер из 6 класса... мой защитник.

Die schöne Stadt, die im XI Jahrhundert gegründet worden ist, liegt am Rheinufer. – Красивый город, который был основан в XI веке, расположен на берегу Рейна.

Употребление собственных имен в качестве беспредложных несогласованных определений отличается следующими формальными особенностями:

1. Если имя собственное употреблено с артиклем, то обычно в форме родительного падежа выступает лишь артикль.

Аналогичное употребление характерно и для имен собственных с адъективными местоимениями. Например:

Hardekopf führte Pauline bald bei «Maienblüte» ein, und ihr schien so ein Verein eine herrliche Sache... Den Fleiß, das nette Benehmen, die Sparsamkeit und Genügsamkeit ihres Johann – all diese guten Eigenschaften verdankte er ihrer Meinung nach dem Verein.

Это правило действительно не только по отношению к именам лиц, но и по отношению к географическим названиям.

Die Straßen und Plätze des alten Rom. – Улицы и площади Рима.

2. При наличии нескольких имен (в случаях с именами лиц) в соответствующей падежной форме выступает лишь последнее, например:

Jan Bachman Peters Otto – Ян Бахман Петер Отто.

3. Если имя собственное сопровождается выполняющим функцию приложения именем нарицательным, то здесь действуют следующие правила: 1) при имени нарицательном без артикля в форме родительного падежа выступает только имя собственное; 2) при имени нарицательном с артиклем изменяется только имя нарицательное.

Ingenieur Petrows Vorschlag – Предложения инженера Петрова.

Исключение здесь представляют только слова Herrn Genosse, которые в обоих случаях выступают в форме родительного падежа.

Herrn Müllers Reise. – Господина Мюллера поездка.

Die Reise des Herrn Müller. – Поездка господина Мюллера.

Согласованное субстантивное (не обособленное) определение – приложение (die Apposition) предшествует соответствующему существительному.

Professor Petrow – Профессор Петров.

Ingenieur Iwanow – инженер Иванов.

Herr Müller – господин Мюллер.

Genosse Brenten – товарищ Брентен.

Tante Frieda – тетья Фрида.

Die Stadt Postdam – город Постдам.

Постпозиция имеет место при обособлении приложения.

Der große deutsche Komponist Johann Sebastian Bach wurde 1685 in Eisenach geboren. – Великий немецкий композитор Йоганн Себастьян Бах родился 1685 году в Эйзенахе.

Johann Sebastian Bach, dergroßedeutsche Komponist, wurde 1685 in Eisenachgeboren. – Йохан Себастьян Бах, великий немецкий композитор, родился 1685 году в Эйзенахе.

Средства выражения атрибутов

Определение относится к любому члену предложении выраженному именем существительным.

Согласованное определение стоит перед именем существительным, к которому оно относится, и согласуется с ним в роде, числе и падеже. Согласованное определение отвечает на вопросы: welcher? welches? welche? (какой? какая? какое?) was für ein? was für eine?(за что?), der; die; das; wievielte? (который; которое; которая; который по счету?) wessen? (чей? чья? чье? чьи?).

Согласованное определение может быть выражено различными частями речи:

1) прилагательным *freundlich* – мирный; *friedliebend* – миролюбивый; *gerecht* – справедливый; *gesetzlich* – законный; *örtlich* – открытый; *mächtig* – мощный; *freundlich* – дружелюбный.

2) указательными местоимениями: *dieser; diese; dieses*; (этот; эта; это;) *jener; jene; jenes*; (тот; та; то;).

3) притяжательным местоимением: *mein; dein; sein; ihr; unser; euer; ihr* (мой; твой; его; ее; наш; их; ваш).

4) вопросительным местоимением *welche, welcher, welches, welche*, (какой? какая? какое? какие?)

5) причастием I и причастием II: *kämpfend* – борющийся, *vertretend* – представляющий, *auf tretend* – выступающий, *angenommen* – принятый.

6) порядковым числительным: *der erste; der zweite; der dritte; der neuzehnte*; (первый; второй; третий; девятнадцатый).

Несогласованное определение (*das nicht kongruierende Attribut*)

Несогласованное определение чаще всего выражается:

1) Именем существительным в родительном падеже *die Antwort des Schülers* – ответ ученика; *das Referat des Aspiranten* – реферат аспиранта; *der Kampf für den Frieden* – борьба за мир.

2) количественным существительным: *zwei Studenten* – два студента;

3) несклоняемой формой прилагательного на *-er* от географических названий: *die Schweizer Alpen* – швейцарские Альпы.

Определение, выраженное прилагательным

Прилагательное, как часть, речи имеет значение качества, свойства предмета. С этим связана и основная функция прилагательного в языке.

Оно, в основном употребляется как определение при существительном, хотя наряду с этим (наиболее характерным для его специфики) употреблением оно может употребляться и иначе, а именно: выступать также и в функции предикатива. Прилагательные выражают то или иное свойство непосредственно лексическим значением.

1. Относительные прилагательные в собственном, узком смысле слова не содержат подлинной качественной характеристики соответствующего предмета, но отмечают его отношение к другому предмету или явлению как свойство этого предмета: *mündlich* – устный (от *Mund* – рот, уста), например: *ein mündlicher Bericht* – устное сообщение, *schriftlich* – письменный (*Schrift* – письмо, буквы, шрифт, почерк, письменное произведение), например *eine schriftliche Arbeit* – письменная работа, также *das hiesige* (от *hier* – здесь) *Museum* – здешний музей, *der gestrige* (от *gestern* – вчера) *Vortrag* – вчерашний доклад.

Большинству относительных прилагательных (поскольку это именно прилагательные) все же в какой-то мере свойствен оттенок значения качества, *eine mündliche und eine schriftliche Prüfung* – устный и письменный экзамен. Обычно этот оттенок значения выступает при определённом употреблении и зависит от сочетаемости с определенными существительными.

Прилагательное в полной форме является в предложении определением и стоит перед определяемым существительным. Оно согласуется с существительным в роде, числе и в падеже, т.е. склоняется.

Ein fleißiger Student – прилежный студент

Eine gute Antwort – хороший ответ

Прилагательное в краткой форме является в предложении именной частью сказуемого. *Dieses Buch ist interessant.* – Эта книга интересная.

Прилагательное в сравнительной степени употребляется в предложении как определение. *Ich brauche eine interessante Zeitung.* – Мне нужна интересная газета.

Прилагательное в превосходной степени употребляется также, как и прилагательные в сравнительной степени – как определение. *Diese Zeitschrift enthält zwei wichtigste Artikel in der Geschichte unseres Landes.* – Этот журнал содержит 2 наиболее важные статьи по истории нашей страны.

Немецкое прилагательное, подобно русскому, выражает качество или свойство предмета:

gesund – здоровый

groß – большой

В предложении прилагательное может быть определением или именной частью составного сказуемого (*Prädikativ*). В соответствии с этой двойкой синтаксической ролью немецкое прилагательное имеет две формы – полную и краткую.

В качестве определения прилагательное, как и в русском языке, употребляется в полной форме. Полная форма прилагательного склоняется, изменяется по родам и числам и стоит перед определяемым существительным, согласуясь с ним в роде, числе и падеже.

der rote Bleistift – красный карандаш

ein sauberes Heft – чистая тетрадь diese interessante Erzählung – этот интересный рассказ.

Определение выраженное числительным

Числительное обозначает количество или порядок предметов по счету. В соответствии с этим числительные подразделяются на числительные количественные (ein (eins), zwei, drei, zehn, zwanzig, einundzwanzig, dreißig, hundert и т.д.) и числительные порядковые (der erste, zweite, dritte, zehnte, zwanzigste, einundzwanzigste, dreißigste, hundertste и т.д.).

От прочих частей речи отличаются только числительные количественные. Порядковые же числительные являются, в сущности, прилагательными с числовым значением, поэтому они обладают всеми морфологическими и синтаксическими особенностями, свойственными прилагательным. Правда, числительные порядковые не имеют краткой формы и употребляются только атрибутивно, но этими особенностями отличаются и другие прилагательные.

Числительные же количественные выделяются следующими характерными чертами, отличающими их от других частей речи.

Выступая в функции определения к существительным, числительные количественные, однако, сочетаются с этими существительными обычно не путем согласования (как прилагательные), а также и не путем управления (как существительные в родительном падеже), но путем простого примыкания, fünf Bücher – пять книг и т.п.

Согласование имеет место только у числительного ein (омонимичного адъективному неопределенному местоимению ein и неопределенному артиклю), а также – в отдельных случаях – у числительных zwei и drei, пережиточно сохранивших еще формы родительного (zweier, dreier) и дательного (zweien, dreien) падежей. Однако форма дательного падежа этих числительных теперь почти уже не встречается. В русском языке, напротив, падежные формы числительных широко употребительны: нем. er sagte es einem, zwei, drei, zwanzig Genossen – русск. он сказал это одному, двум, трем, двадцати товарищам; mit einem Genossen, mit zwei, mit drei, mit zwanzig Genossen и русские сочетания: с одним товарищем, и с двумя, тремя, с двадцатью товарищами (русское: К сожалению, мы могли поговорить только с двумя товарищами), где во всех этих случаях числительное выступает в изменяемой форме.

Форма родительного падежа немецких числительных *zwei* и *drei* в живой речи также употребляется довольно редко, но встречается в различных текстах несколько чаще, чем форма дательного падежа. Так, например, чаще говорят: *die Antworten von zwei (drei) Studenten*, чем *die Antworten zweier (dreier) Studenten* (русское: «ответы двух (трех) студентов»).

При субстантивном употреблении числительных *zwei* и *drei* их склоняемые формы являются несколько более живыми, но употребительными их все же также считать нельзя (обычно, этих форм избегает). *Wir haben leider nur mit zwei Genossen sprechen können* и *Wir haben leider nur mit zweien sprechen können* (русское: К сожалению мы смогли поговорить только с двумя (товарищами)).

Еще реже употребляются склоняемые формы некоторых других числительных, обозначающих единицы, например: *auf allen, vieren kriechen* – ползать на четвереньках, числительные количественные отличаются по своему употреблению от существительных, соответствующих им по числовому значению. Существительные с этими числительными в качестве определений также употребляются иначе, чем с другими субстантивными определениями.

mit zwölf Heften но: *mit einem Dutzend Hefte*

(как *mit einer Menge Hefte*);

von zwölf Büchern но: *von einem Dutzend Bücher*

(как *von einer Menge Bücher*).

Определение выраженное причастием

Причастие – это форма глагола, обладающая как признаками глагола (время, залог), так и признаками прилагательного (склонение, употребление в качестве определения и предикатива).

В немецком языке есть две формы причастий:

причастие I (Partizip I или Partizip Präsens)

причастие II (Partizip II или Partizip Perfekt)

Функции причастий

Причастие I (Partizip I) используется:

в качестве определения распространенного причастного определения, выраженного причастием I с частицей «zu» в составе обособленного причастного оборота в функции обстоятельства или определения.

Причастие II (Partizip II) входит в состав трех основных форм глагола и используется при образовании сложных глагольных форм:

перфекта,

плюсквамперфекта,

пассива,

инфинитивов.

Кроме того, причастие II, также как и причастие I, используется в качестве определения, распространенного причастного определения, в составе обособленного причастного оборота в функции обстоятельства или определения.

Употребление причастий в качестве определения

Партицип I и партицип II, употребляемые в качестве определения к существительному, склоняются как прилагательные, то есть, с добавлением окончаний в зависимости от артикля:

Der lesende Student – читающий студент

Spielende Kinder – играющий ребенок

das gelesene Buch – прочитанная книга

Распространенное причастное определение

Причастие в качестве определения к существительному может дополняться второстепенными членами и образует при этом распространенное причастное определение.

Распространенное причастное определение стоит между артиклем и существительным, причем второстепенные члены предшествуют причастию. На русский язык такое определение переводится причастным оборотом, стоящим до или после определяемого существительного. Перевод распространенного причастного определения начинается с причастия, затем переводятся все слова слева направо от артикля до причастия:

das weinende Kind	плачущий ребенок
das laut weinende Kind	громко плачущий ребенок
der geschriebene Brief	написанное письмо
der von mir geschriebene Brief	написанное мной письмо (письмо, написанное мной)
der von mir gestern geschriebene Brief	написанное мной вчера письмо (письмо, написанное мной вчера)

Кроме распространенного причастного определения существительное может иметь при себе и другие определения. В этом случае сначала переводится существительное со всеми этими определениями, и в последнюю очередь переводится распространенное причастное определение:

Der wissenschaftliche Beitrag unserer Kollegen aus Kiev veröffentlichte vor kurzem in der Zeitschrift hat großes Interesse erweckt.

Научная статья наших коллег из Киева, опубликованная недавно в журнале, вызвала большой интерес.

Приложение

Приложением называется определение, выраженное существительным или субстантивированным прилагательным и согласующееся с определяемым словом в падеже и числе. Различают два вида приложений:

1. Приложение, находящееся в очень тесной связи с определяемым словом. К таким приложениям относятся прозвища, профессия, титул, степень родства. Эти приложения могут стоять до и после определяемого слова и не отделяются от него запятой. Например:

Peter der Große Professor Wilke Onkel Oskar Ingenieur Geschke	Петр Великий Профессор Вильке Дядя Оскар Инженер Гешке
--	---

2. Приложение, находящееся в менее тесной связи с определяемым словом, являющееся пояснением к нему. Такое приложение всегда стоит после определяемого слова и отделяется от него запятой.

Friedrich Engels, ein Freund und Mitarbeiter von Karl Marx, starb am 4 August 1895 in London. – Фридрих Энгельс, друг и соратник Карла Маркса, умер 4-го августа 1895 года в Лондоне.

Wir fahren nach Bad Berka, einem kleinen Städtchen bei Weimar. – Мы ехали на курорт Берка, маленький городок под Веймаром.

Приложение с пояснительными словами, стоящее после определяемого слова и выражающее профессию или титул, может стоять в именительном падеже, хотя определяемое слово стоит в косвенном падеже. Особенно часто такое явление встречается в заголовках книг при названии автора.

Определительные конструкции

Сложные слова

Словосложение, безусловно, является самым продуктивным способом словообразования немецкого языка. Одновременно следует указать на то, что именно изучение словосложения связано с наибольшими затруднениями, поскольку в данном случае можно столкнуться с рядом спорных и до сих пор неразрешенных до конца вопросов, что, в свою очередь, зависит от своеобразия и многогранности структуры, значений, функций сложных слов в немецком языке.

Уже сам термин «словосложение» оспаривается в работах некоторых лингвистов. Дело в том, что части, из которых состоят сложные слова, совпадая формально и (в значительной степени, в семантическом отношении) с самостоятельными лексическими единицами – словами, на самом деле не могут рассматриваться как таковые. Лексическая единица, которая назы-

вается словом, представляет собой единство разнообразных оттенков значений, совокупности грамматических форм и возможностей употребления, характеризующих именно эту лексическую единицу. Так, называя словом фонетический комплекс Tisch – стол, можно пользоваться им для обозначения не только различных видов столов (как в самом общем значении, так и применительно к любому конкретному столу), но и в значении «обед», «еда», можем употребить это слово в единственном и множественном числе, придать ему ту или иную падежную форму (что, в свою очередь, зависит от его синтаксической функции в каждом отдельном случае) и т.п.; употребляя глагол schreiben – писать, подразумевается как процесс писания вообще, так и написание того или иного конкретного документа (не говоря об особых оттенках значения, например в таком высказывании, как: «N. schreibt in der Zeitung»), можем выразить при помощи грамматических форм этого слова настоящее, прошедшее и будущее время, реальность и ирреальность самого действия, соотнесенность его с определенным лицом (одним или несколькими) и т.п.

Превращаясь в компоненты сложного слова Schreibtisch – письменный стол, обе лексические единицы теряют свою семантическую многогранность и свою грамматическую самостоятельность: в составе нового слова, характеризуемого своим собственным кругом значений, своей собственной парадигмой, своими собственными синтаксическими функциями, они представляют собой только части составной словообразовательной основы, соотносимые со словами (что заставляет решительным образом отграничить их от словообразовательных морфем-префиксов и суффиксов), но не тождественные им. С этой точки зрения нам представляется правильным определение образования сложного слова у В. Хенцеэгчна:

Die für sich als Wörter dienen können – для чего могут служить эти слова .

В связи с вышеизложенным, сомнения в правильности термина «словосложение» до известной степени оправданы. Однако не менее, если не более условным, следует считать термин «основосложение», применяемый в последнее время в работах ряда советских лингвистов по отношению к данному способу словообразования в различных языках. Во всяком случае, он не может быть применен безоговорочно по отношению к образованию всех сложных слов в немецком языке, так как для этого языка характерны не только модели подлинного основосложения, но и различные модели таких образований, компонентами которых служат словоформы или синтаксические соединения.

По отношению такого рода моделям термин «основосложение» не может быть применен, в то время как термин «словосложение» условно можно употреблять во всех случаях, поскольку компоненты сложного слова, не являясь словами, в то же время всегда соотносимы со словами или с соединениями слов, т.е. «находят опору» в самостоятельных лексемах.

Всякое сложное слово обладает составной лексической основой, в которой выделяется не меньше, чем два корня.

Структура компонентов сложного слова может быть, как уже говорилось, различной. Простейшим случаем следует считать непосредственное сложение основ различных частей речи, напр.: *Tischtuch* – скатерть, *Jungarbeiter* – молодой рабочий, *Schreibtisch* – письменный стол, *Nebenzimmer* – соседняя комната, и т.д. В данном случае следует с полным основанием говорить об основосложении. При этом не всегда можно с уверенностью сказать, к какой части речи восходит та или иная основа, так как, например, основы глаголов и существительных, наречий и прилагательных, прилагательных и существительных могут совпадать, *Tanzstunde* – время танца, *Speisezimmer* – столовая.

Менее ясной морфологической структурой обладают сложные слова с так называемыми соединительными элементами, связывающими первый элемент со вторым, *Tageslicht* – дневное освещение, *menschenleer* – безлюдный, *freiheitsliebend* – свободолюбивый, *lebenswichtig* – жизненно важный, и т.п. Соединительные элементы большей частью совпадают с флексиями родительного падежа или с суффиксами множественного числа соответствующих опорных существительных, однако далеко не всегда несут соответствующую семантическую нагрузку. Так, если в соединениях типа *Tageslicht* – дневное освещение, отношения между компонентами могут быть условно восприняты как генитивные, то этого никак нельзя сказать о таких соединениях, как *Lieblingsbuch* – любимая книга, *lebenswichtig* – жизненно важный т.п. Соединительный элемент *-en-* в ряде случаев представляет собой остаток склонения, утраченного в настоящее время соответствующими существительными (*der Sonnenstrahl* и *die, der Sonne*; *der Schwanenhals* и *der Schwan, des Schwanes* и т.п.). Особым случаем следует считать, употребление соединительного элемента *-s-* после основ существительных женского рода, приведенное выше *freiheitsliebend* – свободолюбивый, а также *Geburtstag* – день рождения и др. В данном типе, сложных слов в немецкой лингвистической литературе соединительный элемент «s» иногда называют «неорганическим s» («unorganischess»).

Если к этому добавить, что в ряде случаев сложные слова, явно выражающие генитивные отношения, не включают в себя соединительный элемент, например, *Vaterhaus* – отчий дом, *Mondschein* – лунный свет, а первый компонент в форме единственного числа может семантически соответствовать множественному числу, например, *Freundeskreis* – круг друзей, *Zwillingspaar* – близнецы, и др., то становится ясным, что употребление соединительных элементов не зависит от семантических причин, а подчиняется другим законам. В данном случае большую роль играет облегчение обозримости и произносимости слова: часто соединительный элемент употребляется после составной основы или после основы, оканчивающейся на суффикс, несущий второстепенное (или главное) ударение,

Wirtschafts – хозяйство и т.п. Но в большинстве случаев употребление соединительного элемента закрепляется языковой традицией, без каких-либо ощутимых в настоящее время причин.

Несмотря на бесспорность того факта, что соединительные элементы не могут рассматриваться как грамматические морфемы, связанные с определенным значением, они не могут быть также полностью оторваны от грамматической характеристики соответствующего опорного слова. Дело в том, что -e (s) употребляется при основах существительных сильного, -e(n) – слабого склонения: в этом отношении выбор соединительного элемента морфологически оправдан. Поэтому, как нам представляется, первый компонент с соединительным элементом может рассматриваться как словоформа, правда, в ряде случаев, лишенная соответствующей семантики. Исключение составляет употребление «неорганического s при основах существительных женского рода и -(e) при основах существительных, утративших слабое склонение ср. употребление аналогичных форм в пословицах, поговорках и т.д. например, hier hat er den Himmel auf Erden – для него рай на земле. В этих случаях речь идет бесспорно о компонентах – основах и соединительных элементах, что, однако, не противоречит морфологической оправданности выбора соединительных элементов у большинства сложных слов.

Сложные слова современного немецкого языка можно подразделить на группы на основе различных принципов, а именно: 1) исходя из отношений между компонентами, хотя и достаточно диффузных, но находящихся, как уже было указано выше, «опору» в отношениях между членами синтаксических соединений (семантико-синтаксическая классификация); 2) исходя из структуры сложных слов, т.е. морфолого-синтаксического оформления как слов в целом, так и их компонентов (структурная классификация); 3) исходя из принадлежности сложных слов к различным категориям частей речи (морфологическая классификация). При рассмотрении сложных слов следует придерживаться последнего принципа, однако предварительно следует охарактеризовать их кратко с точки зрения отношений между их компонентами и их структуры.

На основе отношений между компонентами сложные слова подразделяются на недетерминативные (определительно-подчинительные), копулятивные (сочинительные) и сложно-синтаксические слова.

Детерминативные сложные слова (Bestimmungszusammensetzungen) по характеру отношений между компонентами до известной степени соотносимы с именными и глагольными словосочетаниями, поскольку их второй компонент уточняется (определяется, дополняется) первым, наподобие того, как центр словосочетания уточняется подчиненным членом: Vaterhaus – Haus des Vaters – отчий дом – дом отчий, Kirschrot – rot wie eine Kirsche – вишневого цвета – цвет вишни, teilnehmen – einen Teilnehmen – участво-

вать – принимать участие т.п. Централизованное ударение, как правило, падает на ударный слог первого компонента.

Сочинительные (копулятивные) сложные слова (kopulative Zusammensetzungen) состоят из двух и более семантически равноправных компонентов и могут быть сопоставлены со словесными рядами, Lothringen – лотарингский, schwarzweiß – черно-белый, taubstumm – глухонемой, dreizehn – тринадцать, и т.п. В данном случае между компонентами существует соединительная связь в узком смысле слова, выражаемая в словесном ряде союзом und. Лишь в отдельных случаях отношения между компонентами приобретают оттенок противительности, что связано с антонимичностью значений самих компонентов. Компоненты сочинительных сложных слов обычно несут равностепенное ударение.

Грамматическая характеристика как определительно-подчинительных (детерминативных), так и сочинительных (копулятивных) сложных слов соответствует грамматической характеристике слова, соотносимого с последним компонентом (речь идет о принадлежности слова к соответствующей части речи и о парадигмах склонения и спряжения).

Помимо двух вышеназванных групп, упоминаемых, как уже говорилось, во всех научных и нормативных грамматиках немецкого языка, существует еще одна довольно многочисленная группа, которую обычно полностью не выделяют и не противопоставляют определительным и сочинительным словам. Это – синтаксические соединения, застывшие в определенной грамматической форме и превратившиеся в ту или иную часть речи, независимо от того, к какой части речи восходит их последний компонент. К этому типу слов, которые можно условно обозначить как «сложно-синтаксические слова», относятся:

а) Так называемые императивные имена (Imperativnamen) – сложные существительные, образовавшиеся по модели застывшего повелительного предложения, das Stelldichein – свидание, der Springinsfeld – ветрогон.

б) Адвербиализированные словосочетания различных типов, например, jederzeit – в любое время, hierzuland – в этой стране, а также находящиеся в контактном положении части словосочетаний, напр.: bergab, jahrein и т.п.

в) Субстантивированные и адвербиализированные предложные группы, напр.: währenddessen – между тем, zuletzt – напоследок.

Сложносинтаксические слова стоят на грани словосложения и безаффиксного словопроизводства, поскольку синтаксическое соединение получило здесь семантико-грамматическую характеристику той или иной части речи, независимо от того, к каким частям речи относятся их компоненты. Их составная основа образуется в итоге словосложения – в противоположность субстантивации и адвербиализации уже готовых составных основ или грамматических форм соответствующих слов, как, например, der Weitberuhmte – всемирно-известный, образованное, от основы сложного прилагательного weitberuhmt – всемирно – известный, das Himmelblau –

синее небо, образованное от сложного прилагательного *himmelblau* – синее небо, *spätabends* – поздно вечером, образованное от основы сложного существительного *Spätabend* – поздно вечером и т.д.

Как видно из приведенных выше примеров, отношения между компонентами сложносинтаксических слов «опираются» на отношения между членами соответствующих синтаксических соединений (и предложных групп). Эти отношения, совместно со значением опорных слов, определяют семантическую мотивированность сложного слова, иногда четко ощутимую, *bergab* – с горы, иногда в большей или меньшей степени затемненную тем или иным видом переосмысления (*das Springinsfeld*, *der Ohnebart*).

Грамматическая характеристика сложносинтаксического слова, в противоположность детерминативным и копулятивным словам, не зависит от последнего компонента и определяется, в первую очередь, особенностями той части речи, к которой относится слово в целом (изменяемость по падежам и числам у существительного, неизменяемость у наречий). Условия ударения не подчиняются твердым нормам.

Наиболее распространенным и продуктивным типом словосложения в современном немецком языке следует считать определительно-подчинительный, наименее продуктивным – сочинительный тип; сложносинтаксические слова, по продуктивности их отдельных моделей, занимают промежуточное положение между определительно-подчинительными и сочинительными.

Исходя из вышеназванных критериев, к категории «сдвигов» в современном немецком языке следует отнести:

1) определительные сложные существительные с первым компонентом – словоформой прилагательного, *Krauseminze* – мята кудрявая, *Feinsliebchen* – голубушка.

2) определительные сложные прилагательные с наречным первым компонентом, *hocherfreut* – очень обрадованный, *wohlklingend* – благозвучный, или словоформой существительного, управляемой вторым компонентом, *zeitraubend* – требующий много времени.

3) сочинительные сложные существительные и прилагательные, *Dichterkomponist* – поэт и композитор, *taubstumm* – глухонемой, *schwarzweiß* – черно – белый.

4) императивные имена, *das Vergißmeinnicht* – незабудка, *das Stelldich-ein* – свидание, а также существительные типа *der Ohnebart*;

5) сложные глаголы – *haushalten* – хозяйничать, *zugrundelegen* – обосновать.

6) сложные числительные – *fünfzehn* – пятнадцать, *achtundzwanzig* – двадцать восемь и т.п.

Как следует из приведенных примеров, «сдвиги» выделяются как слова, формально соответствующие синтаксическим соединениям, учитывая исключительно современное состояние языка.

Обычно при описании сложных, как и производных слов, исходят из их принадлежности к той или иной части речи (т.е. из морфологической классификации). Каждый из этих типов имеет свои специфические особенности. Следует подчеркнуть, что семантико-синтаксическая, структурная и морфологическая классификации сложных слов частично совпадают, но не покрывают друг друга. Так, если сочинительные и сложносинтаксические слова всегда являются сдвигами, то к определительно-подчинительному типу относятся как полносложные, так и неполносложные слова и сдвиги. Сложные имена включают в себя все семантико-синтаксические и структурные типы сложных слов; сложные глаголы относятся к детерминативному словосложению и являются сдвигами; неизменяемые части речи относятся к сложносинтаксическим словам и представляют собой, в структурном отношении, сдвиги.

В составе сложных имен выделяются, как уже говорилось, слова всех трех семантико-синтаксических типов, а именно: определительно-подчинительные, сочинительные и сложносинтаксические слова, но наибольшей численностью и продуктивностью обладают первые.

Грамматическая характеристика определительного сложного слова целиком зависит от грамматической характеристики слова, опорного по отношению к последнему компоненту. Этот компонент, в первую очередь, определяет категорию частей речи, к которой относится сложное слово, а для существительных также тип склонения и образования множественного числа. Однако в составе сложных прилагательных выделяется очень продуктивная модель, несколько отступающая от этого общего правила, а именно сложные прилагательные со вторым компонентом – причастием, напр.: *zeitraubend* – требующий много времени, *preisgekront* – награжденный. Особенностью образования таких сложных слов является то, что второй компонент часто не представляет собой адъективированного причастия и в составе сложного слова сохраняет свои глагольные свойства (характер управления, выражение залога, относительного времени), приведенные выше примеры.

В качестве первых компонентов определительных сложных существительных употребляются основы (и словоформы) различных частей речи. Наиболее продуктивны в этом плане компоненты, соотносимые с существительными. В немецкой лингвистической литературе отмечается неограниченность возможностей образования сложных слов «из двух существительных». Эти сложные слова настолько распространены и разнообразны по значению, стилистической окраске, употреблению, что точно распределить их по семантическим группам не представляется возможным. Здесь встречаются наименования лиц (*Geographielehrer*, *Hausfrau*);

животных, птиц, насекомых (Meerkatze – мартышка, Buchfink – зяблик, Wasserjungfer – стрекоза); деревьев и других растений (Tannenbaum – елка, Maiglockchen – ландыш майский); самых разнообразных предметов (Bücherschrank – книжный шкаф, Golduhr – золотые часы, Dampfschiff – пароход) отвлеченных понятий (Frühlingstag – весенний день) и многие другие.

Менее распространены, но не менее разнообразны по значению сложные существительные с первыми компонентами — глагольными основами (Schreibtisch – письменный стол, Saugetier – млекопитающие, Kletterpflanze – вьющееся растение); с наречными первыми компонентами (Zwischenraum – промежуток, Mitmensch – ближний, Umwelt – среда, окружающий мир) и т.п. Малоупотребительны первые компоненты, соотносимые с числительными (Zweikampf – поединок, Dreigespann – тройка) и местоимениями (in der Ich form schreiben *писать от первого лица*).

Среди сложных существительных с первым компонентом – основой (значительно реже – словоформой) прилагательного могут быть более четко выделены определенные семантические группы, а именно: названия лиц (Großvater – дедушка, Mutter – бабушка, Jungarbeiter – молодой рабочий), а также фамилии (Gutmann, Neumann, Obermeier и т.п.); географические имена (Deutschland – Германия, Niederlande – Нидерланды, и др.); названия минералов и видов почвы (Braunkohle – бурый уголь, Schwarzerde – чернозем и др.); наименования продуктов питания (Schwarz – черный, Weißbrot – белый хлеб, Rot – белый, Sauermilch – простокваша и т.п.) и некоторые другие группы.

Одна семантическая группа внутри категории определительных сложных существительных должна быть рассмотрена особо: это – уже упомянутые выше «бахуврихи» или «поссесивные имена».

Первым компонентом этих сложных существительных служит чаще всего основа прилагательного (реже числительного или существительного). Слово в целом представляет собой обозначение принадлежности (части тела, одежды) или другого признака человека, животного или растения, но в результате метонимического переноса значения с части на целое употребляется в качестве наименования самого носителя данного признака, das Rotkäppchen *красная шапочка*, т.е. девочка с красной шапочкой; der Graubart *седая борода*, т.е. человек с седой бородой; das Nashorn *носорог*, т.е. животное с рогом на носу и под. Бахуврихи появляются обычно в народной поэзии или разговорной речи и часто имеют особую эмоционально-стилистическую окраску, особенно в том случае, если они представляют собой одновременно и метонимию и метафору; Der Blaustrumpf – синий чулок, der Langfinger – воришка, der Grünschnabel – молокосос, die Schlafmütze – соня.

Некоторые бахуврихи имеют параллели в русском языке в форме устойчивых словосочетаний (красная шапочка, синий чулок).

В качестве первых компонентов определительных сложных прилагательных также используются основы и словоформы различных частей речи, *himmelblau* – синее небо, *menschen – freundlich* дружелюбный человек, *dunkelblau* – темно-синий.

Семантика определительных сложных прилагательных разнообразна. Среди них должна быть выделена значительная и очень продуктивная группа так называемых «усилительных» прилагательных (*verstärkende Zusammensetzungen*), выражающих усиление качества или свойства, обозначенного вторым компонентом. В качестве исходной модели одного из наиболее распространенных типов усилительных прилагательных обычно называют соединения с основой существительного, обозначающего предмет сравнения, *himmel- tannenhoch*, *schneeweiß*, *wachs-weich*, *kirschrot* и т.п. Значение первого компонента может побледнеть: все соединение в целом выражает в таком случае только высшую степень соответствующего качества. С моделью, восходящей к сложным прилагательным, выражающим сравнение, слились другие модели усилительных прилагательных с затемненной семантической мотивированностью, например, *rudelnaß промокший до костей*; *goldfroh очень, безумно довольный*; *bombensicher вполне надежный* и др; с первым компонентом – наречием, основой или словоформой прилагательного, выражающими усиление, например, *übergroß* – слишком большой .

С точки зрения структурной классификации сложные имена могут быть полносложными, неполносложными соединениями и сдвигами. Определительные сложные существительные в большинстве случаев являются полносложными и неполносложными соединениями. Сдвиги встречаются значительно реже и представлены моделями застывших атрибутивных групп с первым компонентом – словоформой прилагательного, напр.: *Feinsliebchen*, *Langeweile*, *Krauseminze*.

Сложные определительно-подчинительные прилагательные большей частью бывают полносложными, значительно реже – неполносложными соединениями. Очень продуктивны, как указывалось выше, модели сдвигов, первым компонентом которых являются нулевые формы наречия или существительного (большой частью – винительный падеж), вторым – основа прилагательного, чаще – причастие, *weitberuhmter Schriftsteller* – всемирно известный писатель, *hochentwickelte Technik* – высоко-развитая техника.

«Цельнонаправленность» сложных слов характеризует их с внутренней стороны, подобно тому, как «цельнооформленность» определяет их формальную сторону. Она связана с особенностями их семантической мотивированности, о которых уже частично говорилось выше и обусловлена следующими моментами:

1. При образовании сложного слова используется лишь какая-либо часть смысловой структуры опорных слов, причем соответствующие

значения не определяются контекстом, а связаны с содержанием слова в целом.

2. Компоненты сложного слова, как правило, выражают «общие аспекты» соответствующих значений или их оттенков.

3. Семантическая мотивированность сложного слова, как и производного, соответствует лишь одному какому-либо (правда, постоянному) признаку обозначаемого предмета или явления и не исчерпывает его характеристики в целом, напр.:

Das Tischtuch – скатерть, первый компонент соответствует общему аспекту значения слова «стол» как предмета мебелировки, второй – «платок» как отрезка материи; семантическая мотивированность указывает на то, что данный предмет находится на столе, покрывает стол и т.п.

Das Speisezimmer – столовая, первый компонент соответствует общему понятию «принятия пищи», второй – «комнаты»; семантическая мотивированность слова указывает на то, что в комнате принимают пищу (признак данного помещения).

lebensgroß – во весь рост, первый компонент соответствует оттенку значения существительного das Leben – жизнь, выражающему «действительно существующее, реальное»; второй выражает значение физического роста; семантическая мотивированность определяет «реальную, жизненную» величину.

taubstumm – глухонемой, семантическая мотивированность: «глухой и немой». Значение каждого из компонентов уже значения опорных слов (ср.: taub, stumm в прямом и переносном смысле);

freilassen 1) «выпускать, освобождать»; 2) «распускать школьников (на каникулы)». Первый компонент соответствует значению «свободного» состояния; второй – значению «предоставлять (возможность)».

Семантическая мотивированность каждого из этих слов может быть выражена при помощи словосочетания, составленного из опорных слов, но это словосочетание лишь условно и приблизительно будет соответствовать значению целого, ср.: Das Tuch auf dem Tisch, für den Tisch bestimmt (не обязательно скатерть, может быть любой отрезок материала, которым покрыли стол); das Zimmer, wo man speist; freilassen (в качестве свободного словосочетания имеет другое, более широкое значение «оставить свободным, предоставить свободу» и т.п.).

Естественно, что большинство цельнонаправленных сложных слов относится к устойчивым слоям лексики немецкого языка. Их цельнонаправленность и устойчивость взаимосвязаны. С одной стороны, различные семантические процессы, обуславливающие цельнонаправленность данных лексических единиц, облегчают цельность номинации и закрепление данного названия за соответствующим предметом или явлением; с другой стороны, частота употребления слова усиливает все виды переосмысления. В процессе частого использования сложных слов их значение все больше

отходит от их первоначальной мотивированности. Они становятся все монолитнее, все труднее поддаются расчленению. Однако из сказанного не следует, что в языке нет и не может быть окказиональных цельнонаправленных сложных слов. В частности, анализ словаря литературных произведений показывает, что цельнонаправленные сложные слова различных типов могут выступать в качестве писательских неологизмов, напр.:

Er zeichnete... mit größter Sorgfalt jedes Blattchen der schwellenden trompetengelben Blüten. (L. Frank. Links wo das Herz ist.)

Die Tapete bauschte sich locker auf den Wänden: ihre Werther-Landschaft sucht, oft wiederholt, tiefe Aussichten vorzutauschen..

Цельнонаправленность сложных слов косвенно подтверждается способностью многих из них вступать в синонимические пары с другими внутренне монолитными лексическими единицами, в первую очередь, с корневыми и производными, но также и с другими сложными словами, напр.: *totschlagen* – *toten*; *wachliegen* – *wachen*; *teilnehmen* – *sich beteiligen*; *die Ehefrau* – *die Gattin*; *toll-kühn* – *verwegen*; *das Wickelkind* – *der Säugling*; *der Funkspruch* – *das Radiogramm*; *das Ziindholzchen* – *das Streichholzchen* и т.п. В других случаях сложные слова синонимичны устойчивым словосочетаниям, напр.: *j-m heimleuchten* – *den Kopf waschen* (*намылить голову*); *teilnehmen* – *sich beteiligen* – *Anteil nehmen*; *etwas stilllegen* – *zum Stillstand bringen* и др.

Особым типом следует считать сложные существительные, первый компонент которых – основа существительного – имеет ярко выраженный отвлеченно-качественный или отвлеченно-относительный характер и по значению соответствует прилагательному, образованному от данной основы, или именному определению, семантически эквивалентному такому прилагательному, т.е. «потенциальному» прилагательному. Эти сложные существительные могут иметь синонимы в форме соответствующего словосочетания с прилагательным или эквивалентным ему атрибутом, напр.: *Mutterliebe* – *mutterliche Liebe*; *Unschuldsgaugen* – *unschuldige Augen* – невинный взгляд, *Goldkette* – *golden Kette* – золотая цепь, *Ehrenmann* – *Mann von Ehre* – супруг, и т.п.

Целостность номинации в данном случае не нарушается, поскольку первый компонент, как и определяющий член синонимичного словосочетания, выражает постоянный, отвлеченно-качественный признак предмета. Следует подчеркнуть, что сложному слову данного типа часто соответствует словосочетание в другом (напр., в русском) языке, благодаря относительно более слабому развитию немецких производных прилагательных, а также редкой употребительности родительного падежа, обозначающего качество.

Данные сложные слова относятся к особым образованиям (пограничным с «раздельно-направленными»), в связи с тем, что соответствующие им словосочетания (как в немецком, так и в русском языках) – нельзя

назвать ни устойчивыми (возможны, различные варианты внутри данной модели, например, goldene (silberne) Kette; mutterliches (vaterliches) Gefühl, кроме того, оба члена словосочетания имеют самостоятельные лексические значения), ни полностью свободными (как говорилось выше, их определяющий член выражает постоянный признак предмета, благодаря чему достигается специфическая целостность номинации). Во всех случаях первый компонент имеет обобщенно-абстрактное значение, а соединение в целом далеко не всегда синонимично свободному словосочетанию, составленному из опорных слов, с учетом семантики модели.

Легкость образования сложных слов (особенно их отдельных типов) в немецком языке приводит к тому, что по тем же структурным моделям могут создаваться совершенно особые в функционально-семантическом плане соединения, монолитные по форме, но полностью расчлененные по содержанию. С точки зрения своего морфологического и фонетического оформления они ничем не отличаются от цельно-направленных слов (т.е. цельно-оформлены), но расходятся с последними по своей семантической характеристике. Значение их компонентов и в данном случае соответствует лишь части смысловой структуры опорных слов, но не связано со значением целого, а зависит от условий контекста в той, же мере, в какой от этих, же условий зависит значение члена свободного словосочетания. Следует особо подчеркнуть, что, в противоположность компонентам цельно-направленных сложных слов, в данном случае компоненты могут выражать не только общие, но и частные аспекты соответствующих значений, опять-таки в зависимости от условий контекста. Ни компоненты сложного слова, ни слово в целом не претерпевают никакого переосмысления, т.е. эти сложные слова неидиоматичны. Их семантическая мотивированность, определяемая значением опорных слов, семантикой словообразовательной модели и контекстом, легко поддается словесному выражению и совпадает со значением слова в целом, точнее: сложное слово синонимично свободному словосочетанию, составленному из опорных слов, соответственно модели его образования.

Эти сложные слова называют, в отличие от цельно-направленных, раздельно-направленными сложными словами, поскольку их компоненты, как и члены свободного словосочетания, обозначают, каждый в отдельности, в определенной конкретной ситуации, соответствующий предмет или явление.

Раздельно-направленные сложные слова употребляются реже, чем цельно-направленные; их модели немногочисленны. Как показывает анализ, к раздельно-направленным относятся сложные слова, образованные по трем основным моделям:

1) определительные сложные существительные с первым компонентом, соотносимым с существительным (внутри этой модели имеются подтипы, согласно семантическим разрядам опорных слов);

2) определительные сложные прилагательные (особенно продуктивна модель со вторым компонентом – причастием);

3) сложные глаголы с первым компонентом, соотносимым с наречием (относительно малопродуктивная модель).

Раздельно-направленные слова, при полном отсутствии идиоматичности, синонимичны, как это вытекает из соответствующих моделей, именным и глагольным словосочетаниям. Значение их компонентов уточняется контекстом, как и значение членов словосочетания, в то время как цельно-направленные сложные слова обычно представляют собой единицы словарного состава с закрепленным за их компонентами постоянным значением. Из сказанного следует, что раздельно-направленные слова должны возникать в процессе сообщения, как и свободные словосочетания, в то время как цельно-направленные сложные слова должны принадлежать к устойчивым слоям лексики. В действительности, такая тенденция, несомненно, главенствует, однако она не представляет собой абсолютного закона. Выше приводились примеры окказиональных цельно-направленных сложных слов. Следует добавить, что многие раздельно-направленные сложные слова приобретают устойчивость, сохраняя свою неидиоматичность, такие часто употребляемые слова, как *Wohnungsaustausch* – *Austausch von Wohnungen* – менять квартиры и т.п. В других случаях речь идет о продуктивных структурно-лексических моделях, например, сложные существительные со вторым компонентом – *besuch* – посещение и первым компонентом, обозначающим объект посещения (*Deutschland* – Германия, *Schule* школа, *Theaterbesuch* – посещения театра) и т.п. Таким образом, создаются неидиоматичные сложные слова при наличии одного устойчивого или относительно устойчивого и одного свободного или относительно свободного компонента.

Особого внимания заслуживают двуфункциональные или двузначные сложные слова, к которым относятся слова, в зависимости от контекста тяготеющие то к цельно-, то к раздельно-направленности. Такого, например, приведенное выше сложное существительное *Redeteil*, обычно обозначающее часть речи, но приведенном контексте, представляющее собой синоним словосочетания *Teil der Rede* – единица сообщения.

Синонимия некоторых сложных слов и словосочетаний, являясь особым случаем синонимии разноструктурных единиц, как и всякая синонимия, шире понятия взаимозаменяемости этих единиц: последняя регулируется, главным образом, контекстуальными условиями, представляющими собой предмет изучения синтаксиса. Значительную роль играет в данном случае то, что сложное слово, будучи цельнооформленной единицей языка, функционирует как монолитный член предложения и словосочетания наравне со словами другой словообразовательной формы. Отнесение подчиненного члена словосочетания к первому компоненту определительного сложного слова (типа *reitende Artilleriekaserne, der wilde*

Schweinskopf) считается нарушением грамматических норм. Это правило относится в общем и целом и к раздельнонаправленным сложным словам. Поэтому, при необходимости конкретизировать значение первого компонента, употребляется не сложное слово, а синонимичное ему словосочетание, das Abteifenster, но: das Fenster des kleinen Abteils, schneevermischter Regen, но: mit feuchtem Schnee vermischter Regen; er ist hier geblieben, но: hier auf dem Lande geblieben; er ist weitergewandert, но: immer weiter gewandert.

Распространенное определение

Согласованное определение, выраженное, как правило, причастием или, реже, прилагательным, стоящее перед именем существительным, может иметь пояснительные слова. Эти пояснительные слова располагаются между определяемым существительным и артиклем или заменяющей его частью речи и называются распространенным определением. В самом определении пояснительные слова располагаются между причастием, стоящим непосредственно перед определяемым именем существительным, и артиклем, относящимся к этому определению. Например:

<p>Wir betrachten die vor uns liegenden Bücher. Das für die Werktätigen, gebaute Kulturhaus wurde von den Delegierten besucht.</p>	<p>Мы рассматриваем лежащие перед нами книги. Делегаты посетили Дом культуры, построенный для трудящихся.</p>
--	---

В функции артикля могут употребляться: притяжательные местоимения *mein, dein, unser* и т.д., указательные местоимения *dieser, jener, solcher, jeder*, неопределенные местоимения *alle, einige, viele* и др., количественные числительные и отрицательное местоимение *kein*. Например:

<p>Unser für die Werktätigen gebautes Kulturhaus wurde von den Delegierten besucht.</p>	<p>Делегаты посетили наш Дом культуры, построенный для трудящихся.</p>
---	--

Определяемое существительное может стоять в любом падеже с предлогом и без него. Например:

In dem für die Werktätigen erbauten Kulturhaus unterhielten sich die Delegierten mit den Arbeitern des Betriebs. – В Доме культуры, построенном для трудящихся, делегаты беседовали с рабочими предприятия.

Внешними признаками распространенного определения являются:

1) два артикля, следующие один за другим:

Die Arbeiter freut sich über die dem Betrieb verliehene Abszeichnung. – Рабочие были рады награде, присужденной предприятию .

2) артикль, предлог, артикль, следующие один за другим:

Die von den Russland ausgestellten Erzeugnisse machten auf die Gäste einen großen Eindruck.	Промышленные товары, представленные на выставке Россией, произвели на посетителей большое впечатление.
---	--

Существительное, к которому относится распространенное определение, может быть употреблено без артикля или заменяющей его части речи, и тогда распространенное определение труднее обнаружить. В этом случае единственным внешним признаком распространенного определения является наличие перед определяемым существительным причастия I или II или прилагательных с суффиксами -bar, -lich, -los, -ig.

Im alten Peking gab es für den modernen Verkehr ganz unbrauchbare Straßen.	В старом Пекине были улицы, совершенно непригодные для современного транспорта.
--	---

Перевод распространенного определения

Перевод распространенного определения следует начинать с имени существительного, к которому относится определение, затем переводить причастие или прилагательное, стоящее непосредственно перед именем существительным, и затем пояснительные слова.

Кроме вышеуказанного способа перевода, существуют еще следующие:

1) перевод конструкции в том же порядке, как в немецком предложении;

2) перевод конструкции определительным придаточным предложением. Например:

Die Studenten lesen gern die monatlich erscheinende Zeitschrift «Jugend und Technik».	1) Студенты охотно читают ежемесячно выходящий журнал «Молодежь и техника». (Случай более редкий, чем все остальные). 2) Студенты охотно читают журнал «Молодежь и техника», который выходит ежемесячно.
---	---

Перевод распространенного определения, относящегося к существительному, имеющему другие определения

1. Существительное, помимо распространенного определения, может иметь еще одно определение, выраженное прилагательным. Это определение может стоять:

перед распространенным определением, и тогда оно отделяется запятой, например:

Das schöne, im vergangenen Jahrhundert erbaute Theater ist der Stolz unserer Stadt. – Прекрасный театр, построенный в прошлом столетии, является гордостью нашего города.

Или между причастием и определяемым существительным, например:

Das im vergangenen Jahrhundert erbaute schöne Theater ist der Stolz unserer Stadt. – Построенный в прошлом столетии ,прекрасный театр ,является гордостью нашего города.

В обоих случаях сначала переводится имя прилагательное, затем определяемое существительное, а затем причастие с пояснительными словами:

2. Существительное, помимо распространенного определения, может иметь несогласованное определение, выраженное существительным в родительном падеже или существительным с предлогом.

В этом случае перевод надо начинать с определяемого имени существительного, затем переводить несогласованное определение и затем распространенное определение. Например:

Das in den sozialistischen Ländern verwirklichte Prinzip der gegenseitigen Hilfe beschleunigt ihre wirtschaftliche Entwicklung.	Принцип взаимопомощи, осуществленный в социалистических странах, ускоряет их экономическое развитие.
Die Gewinnung der in allen Gewässern der Erde enthaltenen Energien der Wasserstoffatome wird die Energiefrage der Menschheit endgültig lösen.	Получение различных видов энергии атомов водорода, содержащихся в мировом океане, окончательно решит проблему энергии для человечества.

3. Существительное, помимо распространенного определения, может иметь несогласованное определение, выраженное инфинитивной группой, которая помещается за определяемым существительным. В этом случае удобнее переводить сначала распространенное определение, а затем определяемое существительное с инфинитивной группой. Например:

Die Arbeiter des Werkes erfüllten den von der Regierung gestellten Auftrag, die Produktionsqualität zu erhöhen.	Рабочие завода выполнили поставленную перед ними правительством задачу – повысить качество продукции.
---	---

Определительные придаточные предложения

Сложное предложение

Сложным предложением называется два или несколько простых предложений, тесно связанных между собой и по смыслу, и по форме. Предложения, входящие в состав сложного предложения, могут быть равноценными, грамматически независимыми, и могут быть связаны между собой так, что одно зависит от другого. В первом случае предложение называется сложносочиненным, во втором – сложноподчиненным. Например:

Die Sonne scheint, und keine Wolke ist am Himmel.	Светит солнце, и на небе ни облачка. (Сложносочиненное предложение).
Die Zeitung meldet, daß die Konferenz morgen beginnt.	Газета сообщает, что конференция начнется завтра. (Сложноподчиненное предложение).

В сложноподчиненном предложении придаточное и главное находятся в такой же связи, в какой находятся главные и второстепенные члены простого распространенного предложения. Поэтому большинство придаточных предложений могут рассматриваться как распространенные члены предложения.

Определительное придаточное предложение является определением к какому-либо члену главного предложения, выраженному именем существительным или любой субстантивированной частью речи. Определительное придаточное, так же как и в русском языке, стоит после определяемого слова и может находиться в середине и в конце главного предложения.

Чаще всего определительные придаточные соединяются с главным при помощи относительных местоимений *der, die, das* – **который, которая, которое** и (реже) *welcher, welche, welches* (в том же значении). Относительные местоимения являются одновременно членами предложения и стоят в любом падеже с предлогом или без него. Например:

Der Student, der hier sitzt, wartet auf den Professor.	Студент, который здесь сидит, ждет профессора. (Относительное местоимение является подлежащим).
Der Student, dessen Arbeit ich gut die deutsche Sprache sehr durchgesehen habe, beherrscht.	Студент, работу которого я просмотрел, очень хорошо владеет немецким языком, (Относительное местоимение является определением).

Der Student, dem <i>du das Buch gegeben hast</i> , wohnt im Studentenheim.	Студент, которому ты дал книгу, живет в общежитии. (Относительное местоимение является дополнением в дательном падеже).
Der Student, den <i>du getroffen hast</i> , wird dir helfen.	Студент, которого ты встретил, поможет тебе. (Относительное местоимение является дополнением в винительном падеже).
Der Student, mit dem <i>du gesprochen hast</i> , ist der beste in unserer Gruppe.	Студент, с которым ты разговаривал, лучший в нашей группе. (Относительное местоимение является дополнением в дательном падеже с предлогом).

Относительные местоимения согласуются с определяемым словом в роде и числе, а падеж их зависит от того, каким членом предложения они являются.

Определительное предложение может быть отделено от определяемого слова отделяемой приставкой или неизменяемой частью сложного глагольного сказуемого. Например:

Endlich habe ich das Buch gekauft, das ich lange gesucht hatte. – Наконец я купил книгу, которую долго искал,

Относительное местоимение в родительном падеже является в определительном предложении определением к первому члену предложения и стоит всегда перед ним, тогда как в русском языке местоимение **которого, которой, которых** всегда стоит после определяемого слова.

Например:

Der Schriftsteller, **dessen** Roman jetzt erschienen ist, lebt in unserer Stadt. – Писатель, роман **которого** сейчас вышел, живет в нашем городе.

Реже придаточные определительные предложения могут соединяться с главным при помощи относительных наречий **wo** – где, **wann** – когда, **wie** – как, **warum** – почему, союзов **daß** – что, **ob** – ли.

Auf die Frage, ob er noch krank ist, kann ich nicht antworten. – На вопрос, болеет ли он еще, я ответить не могу.	Die Zeiten, wo wir bis Mitternacht spazieren gingen, sind längst vorbei. – Давно минули те времена, когда мы гуляли до полуночи
---	---

4.5. Предложение как основная единица синтаксиса в немецком языке

Понятие предложения

Слова и словосочетания – по грамматическим правилам и законам, свойственным данному языку, – соединяются в предложения.

Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения. Грамматика изучает лишь структуру предложения, типические формы предложений, присущие тому или иному общенародному языку в его историческом развитии.

Построение предложения – один из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка. Грамматические формы предложения и его членов специфичны для отдельного языка или группы родственных языков. Изучая законы построения речи, в которой реализуется и выражается мысль, грамматика обычно кладет учение о предложении в основу синтаксиса. В истории предложения и связанных с ним грамматических категорий ярко сказываются основные внутренние законы развития того или иного конкретного языка. При общей устойчивости грамматического строя любого языка предложение, способы его построения и его господствующие формы являются наиболее устойчивыми элементами структуры языка. Они сохраняются в основном в течение ряда эпох.

Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т.е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Язык как орудие общения и обмена мыслями между всеми членами общества пользуется предложением как основной формой общения. Правила употребления слов в функции предложений и правила соединения слов и словосочетаний в предложении – ядро синтаксиса того или иного языка.

На основе этих правил устанавливаются разные виды или типы предложений, свойственные данному конкретному языку. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего.

Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет собой внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации.

Важнейшей строевой, иначе структурной, особенностью предложения является замкнутость взаимных синтаксических связей составляющих предложения. Ни одно слово данного предложения не может выступать в качестве главного или зависимого элемента по отношению к словам, находящимся за его пределами. В основе этого явления лежит соответ-

ствии каждого предложения определенной структурной схеме, набор которых для каждого языка конечен и специфичен.

Рассмотрим структуру предложения в современном немецком языке.

Структурная классификация предложения в традиционном синтаксисе

Главными членами предложения в немецком языке являются подлежащее и сказуемое. Они тесно связаны друг с другом и согласуются в лице и числе. Большинство немецких предложений содержат оба главных члена предложения: подлежащее и сказуемое. Такие предложения называются двучленными.

z.B.: – Der Professor kommt.
– Der Wecker klingelt.

В немецком языке встречаются и такие предложения, в которых нельзя выделить два главных члена. Такие предложения называются одночленными.

z.B.: – Was für eine Stadt!
– Diese herrlichen Türme!

К одночленным предложениям относятся также формулы приветствий и вежливого обращения.

z.B.: – Guten Abend! – Danke!

Двусоставные предложения, в свою очередь, делятся на распространённые и нераспространённые. Нераспространёнными называются такие предложения, которые состоят только из главных членов: подлежащего и сказуемого. Сравним: *Das Schiff läuft ein./Die Katze ist ein Haustier./Karl ist krank*. Такие предложения в немецкой грамматике называются «Ядерное предложение» (Kernsatz).

Простые нераспространённые предложения в традиционном синтаксисе рассматриваются как образец, по которому строятся более сложные модели.

Все предложения, которые кроме подлежащего и сказуемого содержат ещё хотя бы один член, называются распространёнными, напр: «*Dieses KLEINE Mädchen ist niedlich. / Er ist IM URLA UBJ Der Junge spitzt SEINEN BLEISTIFT./Er verspricht UNS SEINE HILFE*».

Это определение распространяется только на те предложения, в которых второстепенный член несёт смысловую нагрузку, его нельзя опустить, то есть он обусловлен валентностью определяемого слова.

По наличию или отсутствию главных членов предложения делятся на полные и неполные.

Немецкому предложению присущи два главных качества:

1) двучленность; 2) глагольный характер.

Двучленность предложений в немецком языке проявляется гораздо ярче, чем в русском. Многим немецким двучленным предложениям соответствуют одночленные русские.

z.B.: Es ist spät. – Поздно.

Man sagt. – Говорят.

Es dämmt schon. – Уже смеркается.

Глагольный характер немецкого предложения выражается, главным образом, в наличии глагола-связки (das finite Verb), отсутствующего в русском языке.

z.B.: Er ist Student. – Он студент.

Was soll ich tun? – Что мне делать?

Er ist stark. – Он сильный.

По месту спрягаемого глагола предложения делятся на «Ядерные» или Kernsatz, со спрягаемым глаголом на втором месте, напр: *Die Gruppe SCHREIBT ein Diktat*; Stirnsatz, со спрягаемым глаголом на первом месте, напр: *SINGT alle mit!// KOMMST du mit?* и Spannsatz, со спрягаемым глаголом на последнем месте, напр: ..., *daß er kommt*. Такой порядок слов называется «рамочная конструкция».

По количеству субъект-предикатных групп предложения делятся на простые, которые содержат только одну группу, ср: *Der Junge liest ein Buch* и сложные, содержащие две и более субъект-предикатные группы «*Der Vater liest eine Zeitung; die Mutter räumt den Eßtisch auf; Sobald es zu regnen aufhört, gehen wir spazieren*».

Возможные добавления слов рассматриваются на уровне словосочетаний. Связь сказуемого (спрягаемого глагола) и существительного в именительном падеже не является словосочетанием, так как представляет собой основу предложения.

По способу связи слов в словосочетании различают такие типы, как сочинительная и подчинительная.

Подчинительная – это такой вид связи, когда компоненты не равноправны между собой. Эта неравноправность может быть выражена грамматически (sich an Akk erinnern) или семантико-функционально.

Различают три подвида связи управление: согласование (Kongruenz), управление (Rektion) и примыкание (Anschliessung).

При согласовании наблюдается приспособление членов друг другу (mit vielen Fragen).

При связи управление зависимое слово стоит в определённом роде, числе и падеже, в соответствии с главным. В теории валентности это явление называют валентностью.

При примыкании слова зависят друг от друга только по смыслу (der Tisch rechts, das Haus dort).

Согласование, в свою очередь, это такой вид связи, при котором компоненты равноправны, ни один из них не может быть изменён или опущен (*jung und sportlich*).

Порядок слов в немецком предложении напрямую зависит от его характера. В простом повествовательном предложении различают прямой (*Der Lehrer kommt bald*) и обратный порядок слов (*Bald kommt der Lehrer*). При составном или сложном сказуемом изменяемая часть становится на свое привычное второе место, а вторая (неизменяемая) часть становится в конец (*Ich stimme zu*). В вопросительном предложении без вопросительного слова сказуемое встает на первое место (*Hat er das gemacht?*), а в вопросительном предложении с вопросительным словом (*wer?*, *was?*, *wann?*, *wo?*, *wohin?*, *woher?*, *wie?*, *warum?*, *wozu?* и др.) на первом месте стоит само вопросительное слово, а сказуемое встает за ним (*Was hat er gemacht?*). В отрицательных предложениях чаще всего встречается отрицательная частица *nicht*. Она ставится обычно перед отрицаемым словом (*Nicht alle verstehen das*), но, если отрицается сказуемое, то она встает в конец предложения перед неизменяемой частью (*Das weiß ich nicht*). Если отрицается существительное, то перед ним ставится отрицательное местоимение *kein*, которое замещает неопределенный артикль и согласуется с существительным в роде, числе и падеже (*Ich habe keine Zeit*). Двойного отрицания в немецком языке нет.

Проблемы моделирования предложения. Понятие «Модель»

Если рассматривать в общем, то модель – это конструкция, аналогичная оригиналу.

М.Д. Степанова, ссылаясь на Т.П. Ломтева, рассматривает модель языковой единицы как постоянный элемент, который, независимо от меняющихся элементов, остаётся неизменным.

Схоже звучит и определение Г. Бринкманна: «Модель – это структура, которая остаётся неизменной несмотря на вариативность выражения и его компонентов».

Совсем с другой точки зрения подходит к этому вопросу О.И. Москальская: «Модель – это теоретическая абстрактная схема, которая отображает главные черты сложного явления». По её мнению, «модель предложения – это обобщённая схема предложений, бесконечное множество которых может составить человек средствами конкретного языка».

Описание модели предложения и составление списков моделей предложения отдельных языков является одной из несущих задач синтаксиса. Выявить конечный инвентарь моделей предложения соответствующего языка значит дать синтаксису такое же ясное понимание, каким давно располагает морфология, твёрдо знающая, какими структурными типами и подтипами слов и какими формообразующими средствами обладает

соответствующий язык. Это значит также выявить исходный материал, на базе которого на уровне предложения происходят все модификации, схождения и противопоставления, соединение в более сложные структуры, то есть все процессы данного уровня.

Моделирование предложения

Сравним два предложения: *Thomas liest ein Buch. Monika malt ein Bild.* Очевидно, что обозначая разные факты, они построены по одной схеме: подлежащие + сказуемое + дополнение. Структурная схема оказывается постоянным элементом предложения, лексическое наполнение – переменным.

В системе каждого языка имеется ограниченное количество моделей, по образцу которых строится бесконечное количество предложений-высказываний.

Существует два подхода к определению модели предложения.

Первый базируется на **субъектно-предикатном** отношении и учитывает роль глагола-сказуемого как основного выразителя его грамматических категорий. В основе **второго** подхода лежит трактовка глагола-сказуемого как единственного центра, который определяет всю структуру предложения.

Первый подход представлен в трудах В.Г. Адмони, Х. Бринкманна и др. По мнению этих учёных предложение состоит из подлежащего в Именительном падеже и определённой формы сказуемого. Количество моделей невелико, их всего 4: 2 содержат глагольное сказуемое, а 2 – именное.

Примеры:

- Arbeiter arbeiten.
- Arbeiter fällen Bäume.
- Die Rose ist schön.
- Die Rose ist eine Blume.

Оба учёных подчёркивают связь грамматической форма с обобщённого грамматического значения модели. Первая модель обозначает занятие субъекта, вторая – передаёт направленность действия субъекта на объект. Различие характеристики 3 и 4 модели связано с различием части речи, которой представлен предикатив.

Названные четыре модели составляют основную синтаксическую программу. Каждая модель существует в вариантах, которые возникают благодаря различиям в лексическом наполнении синтаксических позиций.

Расширение структуры возможно для каждой модели. Степень её расширения зависит от коммуникативной ситуации. Следовательно выделенные модели являются базовыми. Константными является тип сказуемого и связанное с ним типовое значение модели.

В основе **второго** подхода к моделированию лежит **вербоцентрическая теория предложения**, согласно которой личная форма глагола является структурно-семантическим центром предложения. Модель и структура определяются валентностью глагола. При таком подходе все члены предложения, дополняющие семантику глагола, в равной степени важны. Подлежащее теряет статус главного члена предложения, оно выступает в роли одного из актантов наряду с другими.

Такой подход к моделированию предложения представлен в трудах И. Эрбена, Г. Хельбига, Б.А. Абрамова и др.

Основное различие этих двух подходов к моделированию предложений состоит в отрицании вербоцентрической теорией обобщенного грамматического значения модели как отношения субъекта и предиката. Для первой модели это действие, остающееся в сфере субъекта, для второй – это действие субъекта, направленное на объект. Слабым местом вербоцентрического подхода является невозможность учесть модель с именным сказуемым.

За всеми расхождениями стоят сложные проблемы, дальнейшее изучение которых должно способствовать сближению двух теорий.

Внутренняя структура предложения

Простое предложение

Модели простого предложения можно разделить на следующие блоки:

- Двусоставное предложение с именным сказуемым;
- Двусоставное предложение с глагольным сказуемым;
- Двусоставное предложение с инфинитивной конструкцией;
- Безличное предложение с подлежащим es;
- Односоставное предложение;
- Фразеологические конструкции.

Рассмотрим каждый блок более подробно.

Двусоставное предложение с именным сказуемым

Двусоставное предложение с именным сказуемым может быть построено по следующим моделям:

а) сущ. в И.п. + сущ. в И.п. Например: Thomas war Schlosser.

б) сущ. в И.п. + сущ. с прилаг. Например: Karo ist ein kluger Mann.

в) сущ. в И.п. + прилагательное, причастие или местоимение. Например: Mario ist klug.

г) сущ. в И.п. + прилагательное или местоимение, согласованное с сущ. в падеже (с или без предлога). Например: Ich bin auf ihre Hilfe angewiesen.

д) сущ. в И.п. + прилагательное с существительным в падеже (с или без предлога) Например: Toni war in grosser Eile.

Эти модели различаются не только формально, но и своей семантической структурой. Это становится очевидно, если сравнить модели 1 и 2: В одной вторым компонентом является существительное, а в другой – прилагательное.

Отсюда можно выделить два семантических типа предложения: *Eigenschaftsaussagen* (обозначающие признак) и *Relationsaussagen* (обозначающие предмет).

Для данного типа характерным является следующий порядок слов:

- Существительное в И.п.
- Глагол-связка
- Существительное в падеже с/без прилагательного, с/без предлога.

Двусоставные предложения с глагольным сказуемым

Двусоставные предложения с глагольным сказуемым включают в себя целое множество различных моделей. Их можно разделить на 6 групп:

– Модели, состоящие из двух компонентов с глаголом в активном залоге. Пример: *Das Streichholz erlosch. Sie ging rascher.*

– Модели, состоящие из трёх компонентов с двумя глаголами в активном залоге. Например: *Wir singen und tanzen.*

– Модели из трёх, четырёх или пяти компонентов с дополнением в *Akkusativ*. Например: *Werner ging die Treppe hinab. Er nahm die Mütze ab. Das Programm gewann Gestalt. Die Kinder spielen Rüberbande. Sie näht eine Bluse.*

– Модели из трёх или четырёх компонентов, содержащие дополнение и инфинитивную конструкцию. Например: *Die Kinder behindern den Vater, den Brief zu schreiben. Der Angeklagte beschuldigte den Offizier, Geheimnisse verraten zu haben.*

– Модели из двух, трёх или четырёх компонентов, содержащие глагол в пассивном залоге. Например: *Der Offizier wurde beschuldigt, Geheimnisse verraten zu haben. Das Kind wird einkaufen geschickt.*

Для первых трёх моделей типичен прямой порядок слов: на первом месте подлежащее, на втором – сказуемое, на третьем – дополнение.

Что касается инфинитивных конструкций: глагол в инфинитиве с частицей *ZU* стоит в конце предложения, после дополнения.

В пассивном залоге порядок слов также меняется. Поскольку сказуемое в данном случае составное (вспомогательный глагол в личной форме и Причастие II), то после подлежащего, на втором месте стоит спрягаемая часть, а Причастие II сдвигается в самый конец предложения.

Двусоставное предложение с инфинитивной конструкцией

Особый блок составляют двусоставные предложения, в которых присутствует инфинитивная конструкция. Их можно разделить по следующим типам:

- глагол + инфинитив. Например: *Es macht Spass, hier zu leben.*
 - существительное + инфинитив. Например: *Sein Wunsch war, ein guter Arzt zu werden.*
 - инфинитив + инфинитив. Например: *Leben heißt kämpfen.*
- Порядок слов в этих предложениях типовой: инфинитив с или без частицы *ZU* стоит в конце предложения.

Безличное предложение с подлежащим es

Безличные предложения ещё называют формально-двусоставными. Среди них выделяют следующие подгруппы:

- *Es* является обязательным компонентом, стоит на первом месте (при инверсии также остаётся на месте подлежащего). Например: *Es brennt.*
- Предложения с ссылкой на другое действующее лицо. При инверсии *ES* можно отбросить. Например: *Es giebt hier Mäuse.*
- Пассивные конструкции с местоимением *ES* (не является обязательным компонентом). Например: *Es wird hier getanzt.*

Эти предложения являются безличными как по своей грамматической форме, так и семантически. Они описывают определённые обстоятельства и условия, явления природы, звуки и запахи.

Безличность предложений очень формальна. Очевидно, что некий субъект существует, но акцент ставится на само действие.

Порядок слов в безличном предложении подчиняется общему правилу: главные члены, подлежащее и сказуемое, стоят каждый на своих местах.

Односоставное предложение

Односоставные предложения могут состоять из следующих частей речи:

- Существительного в И.п. Напр.: *Stille Nacht.*
- Глагола в Инфинитиве. Напр.: *Aufsehen.*
- Прилагательного. Напр.: *Vorwärts.*
- Модального слова. Напр.: *Ja. Nein. Bestimmt.*

Значение предложения определяется интонацией и лексическим значением единственного компонента.

Фразеологические конструкции

Модели данного блока обладают специфическими свойствами. Они базируются на общих принципах построения предложения, но приобретают отличительные особенности, за счёт дополнительных компонентов.

Например: *Mach, dass du fortkommst. Ich ein Lügner! Dieser Satz bedeutet so viel wie Ich bin kein Lügner!*

Отличительными особенностями фразеологизмов являются:

- яркая коннотация, принадлежность к определённому стилю.
- особая структура, напр.: *Sie und etwas hergeben.*

Идиоматические модели предложения можно разделить на два типа: первые не вписываются в единую схему, представляют собой уникальную грамматическую конструкцию, а вторые строятся по одной схеме.

Сравним: *Ach wo! Wo werd' ich denn!* и *Immer Mut! Immer langsam!*

Очень распространены, так называемые, *dass-Saetze*, значение которых можно понять из контекста: «*Junge, dass du mir nichts verschüttetest!*» (H. Mann)

Сложное предложение

Сложными называют предложения, имеющие две и более грамматических основ. Каждая из его частей представляет собой простое предложение.

Сложные предложения бывают двух видов: сложносочинённые и сложноподчинённые. Сравним: *Walter... wollte etwas sagen, aber er brachte kein Wort hervor. Er wollte weggehen, aber seine Beine gehorchten ihm nicht.* (W. Bredel) и *Da es spät geworden war, gingen sie sofort schlafen.* (W. Bredel)

Сложносочинённое предложение, как следует из названия, это такое предложение, части которого – грамматические основы – лексически и грамматически равноправны, соединены сочинительной связью с использованием сочинительных союзов. Пример: *Der Garten lag in vollem Mondlicht, und auf den weiß leuchtenden Kieswegen gingen die Gäste plaudernd und rauchend umher.* (Th. Mann)

Сочинительные союзы, такие как *und, aber, denn*, не влияют на порядок слов в предложении. Пример: *Es war spät, aber noch standen die Reste des Frühstücks auf dem Tisch.* (L. Feuchtwanger)

Такие союзы, как *entweder, doch und jedoch* требуют после себя обратного порядка слов. Это явление называется инверсия. Пример: *Dann und wann ging ein Bäckerjunge vorüber, sonst war niemand zu sehen.* (Th. Mann)

Сложноподчинённое предложение – это такой вид сложного предложения, для которого характерно деление на 2 части: главную и придаточную. Подчинительная связь обуславливается зависимостью одной части от другой, то есть главная часть предполагает обязательное продолжение мысли. Пример: *Man muß erarbeiten, was man haben will.* (F.C. Weiskopf)

Придаточное предложение не всегда подчиняется главному, иногда и другому придаточному. Пример: *Oskar erinnerte sich, wie einmal der Vater mit ihm und Hannsjörg, als sie noch Knaben waren, eine Ferienreise unternommen hatte.* (L. Feuchtwanger)

Придаточное предложение присоединяется к главному с помощью союзов (*dass, da, weil, wenn und andere*), относительных местоимений (*der, welcher, wer, was und andere*) и наречий (*woran, wo, wohin und andere*).

Соединительно слово стоит во главе придаточного предложения.

Примеры: *Der Nachmittag war noch hell und warm, als er ins Dorf radelte.* (A. Seghers) *Wo der Feldweg in die Wiesbadener Chaussee einmündete, stand ein Selterwasserhäuschen.* (A. Seghers) *Von Hof zu Hof bewegt sich der Zug der Bauern*

und der Regierungsvertreter, unter denen sich auch der Ministerpräsident und der Innenminister befinden. (W. Bredel)

Отличительной чертой придаточного предложения от главного является порядок слов, а именно – положение глагола.

Сравним: *Da Reinhard wider seine Gewohnheit nicht antwortete, so wandte sie sich um. (Th. Storni) Kein Wort des Vorwurfs traf sie, obgleich sie sich um zwanzig Minuten verspätet hatten. (W. Bredel) Sie gingen den Strand entlang, ganz unten am Wasser, dort wo der Sand von der Flut benetzt, geglättet und gehärtet ist, so daß man mühelos gehen kann... (Th. Mann)*

Что касается возвратных глаголов, то частица *sich* остаётся на своём прежнем месте (перед подлежащим, если это существительное, или после подлежащего, если это местоимение), в то время как спрягаемый глагол уходит в конец предложения.

Примеры: *«Da hörte ich beim Bedienen zu, wie sich zwei Gäste von Tisch zu Tisch unterhielten...» (A. Seghers) Zwei Minuten später empfahl sich Herr Friedemann. Als er sich an der Tür noch einmal verbeugte, begegnete er ihren Augen... (Th. Mann)*

Отделяемая часть глагола воссоединяется в придаточном предложении со своей спрягаемой частью и смещается в конец предложения. Пример: *Als der Zug am Stadthaus ankam, war er auf einige tausend Menschen angewachsen, die vor dem Eingang stehenblieben... (W. Bredel)*

Место подлежащего в придаточном предложении не изменяется – сразу после вводного слова. Пример: *Er wußte nicht recht, ob er mit sich zufrieden oder ärgerlich auf sich sein sollte. (B. Uhse) Um 11 Uhr stiegen die Geschwister in den Wagen, an dessen hinterem Teile Tonys großer Koffer festgeschnallt worden war. (Th. Mann)*

Рассмотрим несколько отдельных случаев, когда порядок слов в предложении не подходит под общую схему:

– В бессоюзных предложениях условия и уступки. Пример: *Frieda Brenten wäre weniger unruhig gewesen, hätte sie die Kinder nicht bei sich gehabt. (W. Bredel)*

– В бессоюзных дополнительных и определительных предложениях порядок слов в главном и зависимом предложениях может быть и вовсе одинаковым. Пример: *Es war ihm gesagt worden, er hätte um elf da und da zu sein. (H. Fallada) Er überzeugte sich, seine Gedanken waren richtig gewesen. (A. Seghers)*

– В нереальных сравнительных предложениях, вводимых союзом *als* спрягаемый глагол стоит сразу после союза. Пример: *Der Alte musterte Erna, als hätte er nicht richtig gehört oder begriffen. (A. Scharrer)*

– Спрягаемый глагол может стоять перед неспрягаемой частью, если сказуемое выражено сложной временной формой модального глагола и инфинитивной конструкцией. Пример: *Herrn Grünlichs Bewegung war allzu*

groß, als daß er diesen Einwurf hätte bemerken können. (Th. Mann) Der Vater deutete auf den Rucksack, den ich hatte tragen müssen... (J. R. Becher)

Порядок слов в главном предложении отличается от простого только в том случае, если придаточное предложение стоит на первом месте. В таком случае, на первом месте будет стоять спрягаемый глагол, так как первое место в предложении занимает придаточное. Пример: *Wenn ich zurückkomme, will ich alles meinem Bürgermeister erzählen. (A. Seghers) Obwohl der Urlaub gesperrt war, bekam Hans eine Möglichkeit heimzufahren. (A. Seghers)*

Если главное предложение содержит коррелят, то он ставится перед спрягаемым глаголом. Пример: *Wenn du dich auch nur mit einem Wort, mit einem Blick verrätst, dann sind wir alle verloren. (B. Balazs)*

Отклонение от правила можно наблюдать в бессоюзных уступительных предложениях. Пример: *So müde der General auch war, er fand keinen Schlaf. (W. Bredel).*

Связь в сложносочиненном предложении осуществляется при помощи сочинительных союзов *und, aber, oder, denn, deshalb, darum, doch, dann, so, also, a* также при помощи парных союзов *bald... bald, nicht nur... sondern auch, sowohl... als auch, entweder... oder.*

Придаточное предложение в составе сложноподчиненного вводится при помощи подчинительных союзов (*dass, wenn, als, weil*), относительных местоимений (*der, die, das, die*), вопросительных местоимений (*wer, was, welcher*), наречий (*wo, wann*), вопросительных местоименных наречий (*woran, wovon, worüber*) и др. Их выбор зависит от вида придаточного предложения.

Рассмотрим виды придаточных предложений в немецком языке:

Вид придаточного	Характеристика	Примеры
Дополнительные	Отвечают на вопросы косвенных падежей. Вводятся союзами <i>dass, ob</i> , местоимениями <i>wer, der, die, das</i> (в любом падеже) и <i>was</i> (в Nominativ и Akkusativ).	<i>Ich weiß genau, dass dieses Bergwerk seit dem X. Jahrhundert existiert. Ich habe ihm nur das geschrieben, was für ihn wichtig ist und was er wissen muss.</i>
Определительные	Отвечают на вопросы <i>welcher?, was für ein?</i> Относительные определительные придаточные вводятся относительными местоимениями <i>der, die, das, welcher</i> ; вопросительно-относительными местоимениями <i>wer</i> (во всех падежах), <i>was</i> (в Nominativ и Akkusativ) и вопросительно-относительными наречиями, местоименными наречиями. Союзные придаточные вводятся союзами <i>dass</i> и <i>ob</i> .	<i>Die Rudermannschaft, die zum ersten Mal am Wettkampf teilnimmt, hat die besten Ruderer überholt. Mich freut der Gedanke, dass ich nach Absolvierung des Instituts in die Heimat fahren werde.</i>

Придаточные места	Отвечают на вопросы wo?, wohin?, woher?, вводятся вопросительно-относительными наречиями места wo, wohin, woher.	Dort, wohin wir fahren wollen, wird bald eine neue Stadt entstehen.
Придаточные времени	Отвечают на вопросы wann?, wie oft?, wie lange?, bis wann?, seit wann? Часто вводятся союзами wenn, als. Реже используются союзы während, solange, sooft; seitdem, nachdem, sobald, sowie; bis, ehe, bevor.	Wenn ich nach Krasnojarsk kommen werde, werde ich dich jedes Mal anrufen. Als die Ausflügler das Meer erreichten, machten sie Halt und bewunderten die schöne Aussicht.
Образа действия	Отвечают на вопрос wie? и вводятся союзами indem (утвердительное предложение) и ohne dass (отрицательное предложение).	Indem man die beiden Pole eines galvanischen Elements verbindet, entsteht ein elektrischer Strom. Es vergeht kein Tag, ohne dass ich ein paar Stunden Fachzeitschriften lese.
Сравнения	Вводятся наречием wie и союзом als.	Der Versuch verlief so, wie unser Leiter vorausgesagt hatte.
Степени	Отвечают на вопросы inwieweit?, inwiefern?, вводятся союзом als.	Die Errungenschaften unserer Brigade sind insofern von Bedeutung, als sie uns zu weiteren Forschungen anspornen.
Следствия	Отвечают на вопрос wie?, вводятся наречием so и союзом dass (so dass).	Ich liebe diesen Roman so, dass ich einzelne Episoden daraus immer wieder lese.
Причины	Отвечают на вопросы warum?, weshalb?, weswegen?, вводятся союзами weil и da.	Er studiert an der historischen Fakultät, weil er sich sehr für die Geschichte interessiert.
Цели	Отвечают на вопрос wozu? и вводятся союзом damit.	Ich gab ihr das Buch, damit sie es las.
Условия	Отвечают на вопрос in welchem Falle? Союзные придаточные условия вводятся союзами wenn и falls. Бессоюзные имеют порядок слов вопросительного предложения без вопросительного слова.	Wir waren immer froh, wenn uns unsere Arbeit gelang. Kannst du etwas nicht verstehen, so musst du mich fragen.

Уступки	Отвечают на вопрос <i>trotz welcher Umstandes?</i> Союзные уступительные предложения вводятся союзами <i>obgleich, obwohl, obschon, wenn... auch, wennschon, wengleich</i> и др. Относительные вводятся вопросительно-относительными местоимениями и наречиями в сочетании с <i>auch</i> или <i>immer</i> или вопросительно-относительными местоименными наречиями с этими же словами. В бессоюзных уступительных сказуемое стоит на первом месте.	<i>Obwohl unsere Mannschaft zum ersten Mal am Wettkampf um die Europameisterschaft teilnahm, errang sie doch den Sieg über ihren Gegner. Wer auch die Arbeit übernimmt, er wird es nicht leicht haben. Und scheint die Sonne noch so schön, am Ende muss sie untergehen.</i>
Присоединительные	Относятся не к отдельному члену главного предложения, а ко всему предложению, выражая какую-либо дополнительную мысль. Вводятся вопросительно-относительным местоимением <i>was</i> и вопросительно-относительными местоименными наречиями.	<i>Er teilte uns mit, dass die Versuche erfolgreich waren, worüber wir uns sehr freuten.</i>

Таким образом, анализируя синтаксические особенности немецкого языка, можно сделать следующие выводы:

Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет собой внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации.

Построение предложения – один из самых важных, самых существенных элементов грамматического строя языка.

Порядок слов в немецком языке имеет решающее значение. От того, на каком месте стоит тот или иной член, полностью зависит весь смысл высказывания.

В отличие от английского или даже русского, построение предложения в немецком языке очень строго регламентировано.

Для каждого вида и типа предложений существует неизменная модель, на основе которого можно выстроить бесчисленное множество различных предложений.

Практически все предложения поддаются систематизации в определённые блоки по схожей грамматической структуре. Но и в этом правиле есть свои исключения. К ним относятся фразеологизмы, которые образуют отдельную самостоятельную категорию, на которую не распространяются общие правила и закономерности.

Все предложения можно разделить на простые и сложные.

Простыми называются предложения, состоящие из одной грамматической основы. Они, в свою очередь, делятся на распространённые и не-

распространённые, односоставные и двусоставные. Каждый из перечисленных типов имеет свои особенности во внутренней структуре.

Сложные предложения включают в свой состав несколько простых. Именно поэтому простые предложения можно считать основными или даже базовыми.

Сложные предложения бывают сложносочинённые и сложноподчинённые.

Для сложносочинённых предложений характерно такое явление, как инверсия. Сложноподчинённые предложения состоят из двух частей: главного и придаточного предложений. Придаточное предложение очень легко отличить не только семантически, но и по особенности построения: спрягаемая часть сказуемого стоит на самом последнем месте. Это явление принято назвать рамочной конструкцией.

Проблемой при построении немецкого предложения является то, что нужно строго следовать определённым моделям. Свободное варьирование слов допускается только в фразеологических конструкциях.

Часть V. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

5.1. Сравнительная типология немецкого и русского языков и ее связь с общей и структурной типологией

Сравнение как метод изучения языков

Сравнительная типология – раздел языкознания, изучающий языки в сопоставлении с другими языками с целью установления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между ними. Отсюда следует, что типологическое языкознание устанавливает закономерности, «связывающие материал речи, прежде всего звуки, и выражение смысла» [Рождественский, 2000]. Сравнение (или сопоставление) является одним из основных методов изучения языков, и типологическое языкознание представляет собой дальнейшее развитие метода сопоставительного языкознания. В зависимости от объекта и цели (направления) исследования выделяются различные отрасли языкознания, пользующиеся методом сравнения языков. Соотношение между этими отраслями может быть представлено следующим образом (см. табл. 6):

Т а б л и ц а 6

Цель исследования	Объект исследования	
	только родственные языки	любые языки, независимо от родства
Установление генетической общности языков и языковых явлений	Сравнительно-историческая лингвистика	Ареальная лингвистика
Установление типологических особенностей и схождений языков	Сравнительно-сопоставительная лингвистика	Сопоставительно-типологическая лингвистика

«Язык, важнейшее и удивительно совершенное средство человеческого общения, средство обмена мыслями, может выполнять эти разнообразные и сложные функции потому, что он представляет собой систему. Как всякая система, язык имеет две стороны. Он состоит, с одной стороны, из элементов – фонем, морфем, слов, а с другой – он обладает структурой. Под структурой языка следует понимать его внутреннюю организацию, схему связей и отношений бесчисленного числа его элементов, названных выше и обеспечивающих его функционирование в форме акта общения» [Аракин, 1979].

Типологическое родство языков как проблема общей типологии

Знакомясь с текстами на тех или иных языках, зачастую обнаруживается сходство не только у исторически достоверно возводимых к общему источнику языков, у генетически родственных языков, но и у таких, родство которых весьма отдаленно или спорно, а также у таких, которые вовсе нельзя считать родственными. Например, в русском, польском, болгарском языках существует много слово общего корня. Это явление объясняется их принадлежностью к одной и той же генетической группе языков – славянской. То же самое можно сказать и о германских языках: нем. Tag, англ. day, швед. dag; аналогично: Morgen – tomorrow – moron; Sprache – speak – sprak. Следствием более широкого родства – принадлежностью к индоевропейской семье языков объясняются сходства древнейшего пласта лексики в современных германских, романских и славянских языках, а также греческом, например: мать – Mutter (нем.) – mother (англ.) – moder (швед.) – madre (итал.) – mytera (греч.); отец – Vater (нем.) – father (англ.) – fader (швед.) – padre (итал.) – pateras (греч.); сердце – Herz (нем.) – heart (англ.) – hjarta (швед.) – cuore (итал.) – kardja (греч.); восемь – acht (нем.) – eight (англ.) – atta (швед.) – octo (итал.) – oxto (греч.).

Отдельные черты сходства могут наблюдаться и у языков, не имеющих никакого генетического родства: в английском, тюркских языках, монгольских языках, в японском и китайском языках прослеживается такой общий структурный признак как предшествование прилагательного существительному безо всякого согласования с ним, т.е. определительное словосочетание со структурой А + N, где прилагательное соединено с существительным по способу примыкания.

В то же время существуют значительные расхождения в структуре родственных языков, причем эти расхождения не поддаются объяснению с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. Так, например, в русском языке существует система склонения, оформленная в шести падежах, а в болгарском языке система склонения отсутствует.

Следовательно, с точки зрения структуры имени существительного оба языка резко отличаются друг от друга.

Такое же расхождение в структуре имени существительного прослеживается и среди современных германских языков: в немецком и шведском языках существует система склонения из четырех падежей, а в английском – нет. Интересным представляется сходство в структуре имени существительного в современных болгарском и шведском языках (отдаленно родственных языках): они имеют постпозитивный артикль: платината (гора), слънцето (солнце); dagen (день), manen (рука).

Структурная типология и ее задачи

Существование такого рода сходств и различий, стремление понять и изучить причины, их вызывающие, и привело к возникновению в лингвистике особой области – лингвистической типологии, которая исследует степень структурной близости языков независимо от их родства.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о типологических исследованиях: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всякой исторической связи между ними. Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически, и географически. Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строе языка и в эволюционном процессе ...» [Бодуэн, 1963].

Приведем несколько определений лингвистической (или структурной) типологии отечественных лингвистов. Согласно С.Д. Кацнельсону, типология языка – это «область языкознания, занимающаяся сравнением языков в целях выявления общих закономерностей языкового строя».

В.Д. Аракин: «Группировкой основных, существенных характеристик, признаков и выделением общих закономерностей, наблюдаемых в ряде языков, занимается особый раздел языкознания – лингвистическая типология, которую можно также определить как учение о типах языков и о типах языковой структуры». В.Г. Гак: «Сравнительная типология – раздел языкознания, изучающий язык в сопоставлении с другими языками с целью установления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между языками».

Таким образом, приведенные определения, хотя и разнятся между собой в частности, формулируют три основные задачи типологических исследований:

- 1) выявление общих закономерностей языкового строя (С.Д. Кацнельсон);
- 2) выявление особенностей, присущих данным языкам (В.Г. Гак), общих закономерностей, наблюдаемых в ряде языков (В.Д. Аракин);
- 3) выявление сходств и различий между языками (В.Г. Гак).

Все эти три задачи взаимосвязаны и не существуют одна от другой, так как общие для нескольких языков закономерности, сходства между ними, как и различия, обусловлены именно общими закономерностями строя каждого данного языка. Как определения, так и задачи лингвистической типологии взаимно дополняют друг друга. Это взаимное дополнение обусловлено в свою очередь тем фактом, что в самом термине «лингвистическая типология» необходимо разграничивать три его понимания: 1) типология как наука, занимающаяся изучением отдельных типов в языке, типов языка и имеющая своей целью в конечном итоге определение наиболее существенных и наиболее специфических свойств естественного

языка; 2) типология языка как его строй, рассматриваемый в плане проявляющихся в этом языке типов (типология того или иного языка или группы языков, типология отдельных уровней и категорий – «типология семантики», «типология залога» и т.п.; 3) типология как принцип организации языкового материала, позволяющий составить типологическое описание данного языка; на основе этого описания можно было бы указать место анализируемого языка в общей типологической классификации [Общее языкознание, 1972].

Для того, чтобы объяснить причины различий и сходство между языками, необходимо определить и выявить набор характерных особенностей, общих закономерностей строя каждого из сравниваемых языков. Создать типологию языков возможно только при помощи сравнения, так как «тип языка «предполагает какие-то черты, которые отличают его от другого « типа языка» и с другой стороны, сближают его с другим «типом языка». Последнее возможно именно потому, что «каждый язык представляет собой единство общих признаков, присущих всем языкам, и своих особенных признаков, отличающих данный язык от всех других» [Крушельницкая, 1961].

Типологическое языкознание изучает языки независимо от их родства с целью выявления схождений и расхождений их структур, способов выражения одних и тех же значений и различия функций однотипных элементов структуры языка, т.е. схождения и различия между языками распределяются по трем планам: структурному, семантическому и функциональному.

Но типологическое языкознание изучает языки не механически, сравнивает не отдельные, единичные случаи схождения и различия. Из самого определения типологии следует, что она изучает общие закономерности, различия и схождения, которые носят общий характер, т.е. охватывают широкий круг явлений. Одним из фундаментальных принципов типологического языкознания является такой постулат Пражской лингвистической школы как: «Типология учитывает общую структуру языка: избегая обращения к изолированным чертам схождения или различия, типология рассматривает все особенности языка в их иерархии» [Кацнельсон, 1972].

Что же является конечной целью типологических исследований? Не к тому ли они проводятся, чтобы «заклЮчить каждый язык в свой ящик», «разложить все по полочкам», т.е. создать классификацию языков, иначе для чего же выявлять общие и различные черты между языками? – Нет. Как справедливо отмечает С.Д. Кацнельсон, «цель типологии – не создание классификации языков. Классификация – это основа, вспомогательный метод сравнительной характеристики» [Кацнельсон, 1972]. Об этом же писал и Бодуэн де Куртенэ: «В этой области мы должны стремиться не к классификации языков, а к их сравнительной характеристике» [Бодуэн, 1963]. Кроме того, создание полной классификации языков невозможно в

силу самого причудливого переплетения черт сходства и различия, существующих между ними. Можно, однако, разработать типологию языков, что отнюдь не равнозначно их классификации.

Разделы типологии языков

В зависимости от тех целей и задач, которые призвана решать лингвистическая типология, а также и от того объекта, который изучает данная наука, типология условно подразделяется на типологию общую и типологию частную. Общая типология исследует общие свойства, общие изменения, общие процессы в языках, принадлежащих к самым различным генетическим группам. Сюда можно отнести, например, исследование наличия или отсутствия грамматических классов существительных, общие черты в структуре словосочетания и предложения, типы морфологической структуры слов.

Частная типология занимается изучением проблем более ограниченного характера. Это может быть исследование типологических характеристик одного языка или ограниченной группы языков. В качестве объекта такого типологического исследования может выступать система личных местоимений в таких-то языках или система суффиксальных морфем, образующих имена деятеля, или система средств выражения модальности, допустим, в современных германских языках.

В зависимости от более частных и конкретных задач и объектов, подвергающихся исследованию, частная типология включает историческую или диахроническую типологию, перед которой стоят задачи изучения исторических изменений типологии состояний отдельных языков, и группы языков; например, переход языков от синтетического типа к аналитическому или изменение структуры грамматических категорий, характеризующих данную часть речи в древний, средний или новый период истории языка. (В качестве примера последнего можно назвать исследование М.М. Гухман «Развитие залоговых противопоставлений в германских языках»).

В зависимости от предмета исследования различаются функциональная (социолингвистическая) типология и структурная типология. Предмет функциональной типологии – язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления. Предмет структурной типологии – внутренняя организация языка как системы; при этом различаются формальная типология, ориентированная только на план выражения, и контенсивная типология, ориентированная на семантические категории языка и способы их выражения.

Типологическое исследование может иметь различные, но взаимосвязанные цели: констатацию структурных сходств и различий между языками (инвентаризационная типология); интерпретацию систем языков в пла-

не совместимости – несовместимости структурных характеристик и предпочтительных типов структурной сообразности как систем в целом, так и отдельных уровней языка (импликационная типология).

Отнесение того или иного языка к определенному классу на базе инвентаризационно-типологических данных является процедурой фрагментарной типологии. Но типовая принадлежность конкретного языка есть не абсолютная, а относительная характеристика, устанавливаемая на основе преобладающих типовых черт. С этим связана плодотворность разработки количественной типологии, которая оперирует не абсолютными качественными параметрами (такими как префиксация, назализация и т.п.), а статистическими индексами, отражающими степень представленности в различных языках того или иного качественного признака.

Например, выделив класс префиксирующих языков, можно дать количественную оценку представленности префиксации в реальных текстах на разных языках этого класса; при этом, как правило, наблюдается некоторый разброс значений индексов в зависимости от стилистического характера текста (поэтический, научный, газетный и т.п.), и этот факт дает основания для разработки стилистической типологии (как внутриязыковой, так и межъязыковой), образующей автономную типологическую дисциплину между функциональной и структурной типологией.

Типологический подход не исключает и анализа определенных генетических групп или семей языков; цель такого анализа – выяснение типологической специфики генетических группировок и поиск возможных типологических коррелятов таких генетических понятий как «славянские языки», «индоевропейские языки». Этот аспект типологии оформился как относительно автономная типологическая дисциплина – характерология (термин В. Матезиуса).

Типологические исследования могут проводиться как в области отдельных подсистем, так и отдельных уровней языков, например, в области фонологических систем, в области морфологических систем, в области как лексических систем в целом, так и типологии слова. Работы этого цикла составляют так называемую уровневую, или аспектную типологию, или типологию подсистем.

Наконец, можно выделить также ареальную типологию, в задачу которой входит исследование общих типологических характеристик и закономерностей языков, находящихся на какой-либо определенной территории или ареале, например, установление типологических признаков языков Балканского полуострова или языков Восточно-Сибирского ареала.

Сравнительная типология немецкого и русского языков представляет собой один из разделов частной типологии языков, еще точнее один из разделов развивающейся на основе частной типологии контрастивной лингвистики. В данном случае выявляются особенности одного языка относительно другого, т.е. типологические характеристики одного языка

(немецкого) определяются относительно родного (русского). Общая типология, как указывалось выше, занимается изучением общих проблем, связанных с выявлением суммы сходных и различных черт, характеризующих системы отдельных языков мира.

Типологическая характеристика того или иного языка может быть различной в зависимости от того, с каким языком данный язык сравнивается, по отношению к какому языку выявляются типологические характеристики данного языка. Например, типология немецкого языка будет одной по отношению к русскому языку, и другой по отношению, допустим, к английскому языку. Это также определяет сравнительную типологию немецкого и русского языков как один из разделов частной типологии.

Поскольку общая типология занимается выявлением и изучением общих процессов в языках, то вполне естественно, что в область типологических исследований вовлекаются всеобщие признаки, характерные для больших групп языков: такие всеобщие признаки называются универсалиями.

Проблема универсалий языка

В настоящее время проблема универсалий языка соотносится одновременно с проблемой типологии языков. Сегодня все больше аргументов получает точка зрения, согласно которой универсалии принадлежат к сущностной характеристике языка. Лингвистика универсалий ставит своей целью выявление тех признаков языка, которые характеризуют любой язык и приобщают каждый конкретный язык к языку человека вообще.

Языковая универсалия – это некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом. По характеру языковые универсалии могут быть фонетическими, грамматическими, лексическими. К фонетическим универсалиям можно отнести наличие гласных и согласных; к лексическим универсалиям – наличие корневых и производных слов; к грамматическим универсалиям – наличие местоимений первого и второго лица, наличие настоящего времени глагола, наличие предложений и словосочетаний.

Универсалии можно классифицировать на: 1) универсальные признаки, характерные для языка как естественного средства коммуникации человека и определяющие сущностные черты языка в ряду возможных коммуникативных систем. Это: линейность, дискретность звукового знака, двуплановость языкового знака. Эти универсалии отличают язык как коммуникативную систему от таких коммуникативных систем, как, например, пиктография, азбука Морзе и т.п. 2) Универсалиями другого рода являются такие свойства языка, которые характеризуют универсальные качества, характерные для элементов языка. К ним могут быть отнесены категориальные признаки из области фонетики, лексики, грамматики –

перечисленные выше, а также категория класса слов, категория времени, модальности, числа, синонимия, омонимия и полисемия языковых средств и форм.

К языковым универсалиям академик И.И. Мещанинов относил и так называемые понятийные категории. Понятийные категории – это категории, существующие в сознании, в мышлении человека, а поскольку язык оформляет не только внешнюю речь, но и внутреннюю речь, то такие категории с полным правом относятся к языковым универсалиям, и именно к их второму виду, к универсалиям системы и структуры языка.

И.И. Мещанинов писал: «Логические субъект и предикат будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» (Мещанинов, 1975). Далее он отмечает, что субъект и предикат наличествуют в мысли всегда, т.е. понятия субъекта и предиката всегда осознаются человеком, говорящим на любом языке, лишь их конкретное языковое выражение является различным, поэтому такие понятийные категории как субъект и предикат и относятся к языковым универсалиям. В настоящее время проблемой понятийных категорий как языковых универсалий занимается А.В. Бондарко.

Понятийные категории, т.е. семантические универсалии послужили толчком к зарождению новой отрасли общей типологии – семантической типологии, в отличие от структурной типологии. Семантическая типология находится еще именно в стадии интенсивной разработки. В отечественном языкознании основная ее проблематика намечена в книге Б.Ю. Городецкого «К проблеме семантической типологии», в которой семантическая типология относится к лингвистическим дисциплинам.

Давая определение понятию «языковая универсалия», следует отметить, что универсалия – это признак, общий для всех, или для большинства языков. Вот эта оговорка «или для большинства языков» дает основание некоторым ученым говорить об абсолютных универсалиях и частичных, или статистических универсалиях (В.Д. Аракин, Р. Якобсон, Дж. Гринберг, Ч. Осгуд). Абсолютные универсалии – признаки, свойственные всем языкам, например, система гласных и согласных, категория числа, личные местоимения первого и второго лица, категория класса слов, предложения и словосочетания, синонимия, полисемия, омонимия. К статистическим универсалиям можно отнести, например, единственное и множественное число (в некоторых языках Полинезии, суахили, и языках американских индейцев существует двойственное, тройственное число), грамматическую категорию рода (она свойственна многим индоевропейским, но не свойственна, например, тюркским и угро-финским языкам), долготу и краткость гласных. Постпозитивный артикль представлен в языках, распространенных на Балканском полуострове, следовательно, это ареальная универсалия.

Различия между абсолютными и относительными универсалиями нельзя считать раз и навсегда данными, скорее абсолютные универсалии следует рассматривать как потенциально статистические [Haase, 281].

В контрастивной лингвистике, при сравнении двух, трех языков речь может идти об универсальных элементах, например, четыре падежа в системе имени существительного немецкого и русского языков – универсальные элементы этих языков; категории лица, числа, времени, наклонения, залога немецкого и русского глаголов – тоже универсальные элементы этих языков.

Теория универсалий имеет большое значение для типологии, так как дает основание к созданию наиболее полной типологической структуры как каждого языка в отдельности, так и языкового типа в целом.

Теоретические принципы сравнительной типологии как раздела языкознания

Сравнительная типология, как и всякая другая наука, при исследовании языковых явлений опирается на выработанные принципы сравнительного изучения языков.

Одним из важных принципов является принцип разноуровневых исследований. Принцип разноуровневых исследований предполагает сравнительное изучение языков по уровням языка. В языкознании принято различать фонологический, морфемный, лексический и грамматический уровни (внутри последнего морфологический и синтаксический).

В курсе сравнительной типологии немецкого и русского языков сравнение проводится именно по каждому из уровней языковой структуры отдельно.

Типологические исследования в области фонологии и морфологии ведутся очень интенсивно. Результатом типологических исследований в морфологии является, например, морфологическая классификация языков, предложенная основателем типологических исследований В. фон Гумбольдтом. Результатом типологических изысканий в области фонологии является, например, классификация языков на вокалические и консонантные В.А. Исаченко.

Значительное внимание в типологических исследованиях уделяется типологии слова. Как отмечает Б.А. Успенский, «слово очень удобно как единица типологического описания, так его фонологический, лексико-грамматический, синтактико-семантический аспекты позволяют отчетливо увидеть типологическую специфику языка. Помимо этого, именно слово позволяет увидеть связи между фонологией, морфологией, лексикологией, синтаксисом и семантикой» [Общее языкознание, 1972].

Особый интерес представляют типологические исследования в области синтаксиса. Необходимость синтаксического анализа для выявления языковой структуры и, следовательно, ее типологических свойств, отмечал академик И.И. Мещанинов, разработавший принципы синтаксической типологии. В. Брендаль подчеркивает «интернациональный», т.е. близкий к универсальному характер синтаксической структуры в противовес «национальному» характеру структуры морфологической.

При сравнении языков нужно учитывать систему языка, т.е. сравнение должно проводиться на уровне категориальных явлений. В этом заключается второй основополагающий принцип сравнительной типологии – принцип системного подхода к изучаемым явлениям, который был обоснован таким выдающимся лингвистом как А.В. Исаченко: «То, что в первую очередь подлежит систематическому сопоставлению, это – явления категориальные. Явления системные» [Исаченко, 1954].

Использование грамматической категории (поскольку речь идет о типологии морфологического строя сопоставляемых языков) как единицы измерения типологического сходства и различия сравниваемых языков предполагает несколько этапов анализа: 1) констатация наличия или отсутствия изучаемых грамматических категорий в данных языках; 2) изучение форм реализации грамматических категорий; 3) изучение парадигматических связей компонентов изучаемых грамматических категорий; 4) изучение структуры парадигм, образующих данную категорию; 5) определение места данной категории в сравниваемых языках.

Поскольку в сравнительной типологии предполагается изучение как минимум двух языков, то, как и любое сравнение, типологическое сравнение языков включает в себя то, что сравнивают и то, с чем сравнивают. В современной типологии весьма распространенным является понятие «языка-эталона». Этим термином обозначают естественный или искусственный язык, который избирается как эталон для сравнительного анализа каких-либо других языков или другого языка.

Первоначально его функции выполняла анкета: составлялся список определенных признаков языков и по нему оценивались сравниваемые языки. Но иногда эти признаки были выбраны настолько научно и соответствовали системе языка настолько, что стало возможным говорить о языке-эталоне. Этот искусственный язык включал все типические признаки языков данной группы. Естественный язык-эталон – самый типичный язык из языков данной группы.

Проблема языка-эталона поставлена на повестку дня лингвистами, занимающимися проблемами типологии и универсалий. Но, как справедливо отмечают отечественные исследователи В.Д. Аракин и Б.А. Серебренников, «наша наука не может предложить никакого средства науч-

ного описания языков, которое бы могло претендовать на название язык-эталон» [Аракин, 1979]; «...язык-эталон действительно способен быть критерием того или иного языка в аспекте его типологической специфики, хотя идея языка-эталона, при всей ее теоретической полезности, не получила еще достаточного теоретического обоснования и не является общепринятой» [Общее языкознание, 1972].

В сравнительной типологии в качестве языка эталона принимают родной язык обучающихся. Это и есть следующий теоретический принцип сравнительной типологии – использование родного языка в роли языка-эталона. При сравнении немецкого и русского языков языком-эталонем будет являться русский язык.

Но структура родного языка может быть различной. Поэтому результаты сопоставления с родным языком типа русского языка будут одни, а результаты сопоставления с родным языком другой структуры, например, английским, будут другие. Следовательно, сопоставление с родным языком, условно принятым за эталон, не имеет абсолютного характера [Аракин, 1979]. При этом устанавливаются не абсолютные признаки типологического сходства и различия, а относительные, такие, которые сравниваемые языки выявляют относительно друг друга. Такой вид типологии В.Д. Аракин назвал относительной типологией. Выявление относительных типологических признаков сходства и различия является следующим теоретическим принципом сравнительной типологии.

Относительные типологические признаки сходства и различия прослеживаются по всем уровням языка и внутри каждого уровня по грамматическим категориям. Различительные признаки могут иметь как качественный, так и количественный характер. В связи с этим особенно плодотворной представляется дифференциация качественных и количественных различий, предложенная В.Г. Гаком. В соответствии с его концепцией под качественным различием понимается тот случай, когда данное языковое явление, данная грамматическая категория имеется в одном из сравниваемых языков, а в другом – нет. Итак, качественные различия – это отсутствие в одном из сравниваемых языков той или иной категории. Количественные различия имеют два источника: 1) данное языковое явление, данная грамматическая категория представлена в обоих сравниваемых языках, но в одном из них она более дифференцирована, т.е. ее парадигма включает больше форм в одном языке, и меньше – в другом; 2) данная грамматическая категория представлена в обоих языках, но она шире употребляется в одном из них, чем в другом [Гак, 1977]. Таким образом, дифференциация относительных признаков сходства и различия на качественные и количественные – следующий принцип сравнительной типологии.

5.2. Систематология

Понятие языкового типа и виды классификаций языков мира

Как следует уже из самого термина, лингвистическая типология должна исследовать языковые типы. Однако понятие языкового типа до сих пор является малоразработанным, как и причины, способствующие образованию определенных языковых типов, несмотря на то, что в настоящее время лингвистическая типология существует уже свыше 150 лет.

В лингвистической литературе существует два основных понимания типа:

1) Тип языка – это наиболее общее понятие, позволяющее дать краткую характеристику строя данного языка; тем самым тип языка – это строй языка. Понятие типа языка базируется не на всех свойствах данного языка, а на его основополагающих чертах. В.Д. Аракин дополняет и конкретизирует понятие типа языка следующим образом: «...под типом отдельного языка мы понимаем устойчивую совокупность ведущих признаков, находящихся между собой в определенных связях» [Аракин, 1979].

Данная формулировка представляется наиболее точной и полной из всех существующих, так как подчеркивает важность для определения типа языка не просто наличия основополагающих, ведущих черт, а их устойчивую совокупность, т.е. такую, которая сохраняется в неизменном виде на протяжении довольно длительного периода. И, во-вторых, отмечается, что для определения типа языка недостаточно одного этого наличия устойчивой совокупности ведущих признаков языка. Для определенного типа языка важно еще учитывать и взаимосвязь этих ведущих признаков, так как без учета этих взаимосвязей строй языка предстает как набор элементов, правила сочетания которых между собой остаются невыясненными.

2) Второе понимание типа в языке заключается в следующем: под типом в языке понимается качество языковой структуры, отмеченное в нескольких языках, как, например, наличие или степень аналитизма грамматических форм, наличие или отсутствие фонетических изменений на стыке морфем, например: из Сибири, но *das Stilleben*, *das Dekret*. Таким образом, тип языка, его типологическая характеристика предопределяется типом микроструктур, представленных в этом языке, типами языковых уровней.

В современном языкознании типы языков группируются по различным группам в зависимости от вида классификации языков мира. Общепринятыми и общепризнанными считаются следующие классификации языков мира: 1) генеалогическая классификация, 2) морфологическая классификация, 3) классификация языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма. При этом следует помнить, что ни одна языковая семья не принадлежит раз и навсегда к определенному лингвистическому типу, так как неизменных признаков не бывает, их постоянство дело случая [Соссюр, 1977].

Генеалогическая классификация языков и компаративистика

Генеалогическая классификация построена на основе исторического родства языков мира с помощью сравнительно-исторического метода. Родиной сравнительно-исторического метода является Германия. Именно здесь появились первые труды, в которых устанавливалось генетическое тождество языков. Это были работы Франца Боппа и Якоба Гримма. Генетическое тождество устанавливалось в них на основе соответствия звуков, морфем и даже целых слов, имеющих общее происхождение. Во второй половине 19 века появились натуралистические теории языка, в частности, теория языкового дерева Августа фон Шлейхера, согласно которой все родственные языки, как ветви от дерева, ответвляются от общего праязыка.

Классической генеалогической классификацией языков признается классификация Я. Гримма. В этой классификации все языки мира делятся на большие языковые семьи: индоевропейская семья языков, тюркская семья, семито-хамитская семья, уральская семья, китайско-тибетская семья, монгольская семья, эскимосо-алеутская семья и другие.

Предполагается, что языки одной семьи произошли от одного древнего языка-основы в результате его распада на диалекты. Перечисление семей можно найти в классическом учебнике А.А. Реформатского «Введение в языковедение» [Реформатский, 1998].

Внутри семей выделяются группы или ветви: славянская ветвь, германская ветвь, скандинавская ветвь, балтийская ветвь, индоиранская ветвь индоевропейской семьи, финно-угорская ветвь уральской семьи, алтайская ветвь тюркской семьи и т.д. Внутри группы языки ближе друг к другу, чем внутри семей; это близкородственные языки.

Имеется деление и внутри групп (семей) на подгруппы. Например, германская группа включает восточную, северную и западную подгруппы германских языков. Внутри подгрупп языки еще ближе друг другу, чем внутри групп или ветвей.

Генеалогическая классификация понимается обычно как классификация, направленная ретроспективно, вглубь веков. Такое направление анализа естественно предполагает, что группировка родственных языков должна учитывать время их возникновения и реального существования. Тем не менее, это учитывается далеко не всегда. Если мы, например, в южнославянской группе языков называем старославянский, то в западногерманской группе было бы логично назвать древневерхненемецкий и древнеанглийский, как это делает Эмиль Бенвенист.

В его схеме индоевропейской семьи языков приводятся следующие из интересующих нас языков, ведущих свое начало с эпохи средневековья. Восточная подгруппа включает только готский язык, прекративший существование к 500 году н.э. Фактически современная группа германских языков состоит из двух подгрупп: северной и западной. К северной

относятся шведский, датский, норвежский, исландский языки; английский, немецкий, «платтдойч», фризский, фламандский и нидерландский языки относятся к западной подгруппе. Внутри славянской группы выделяются тоже три подгруппы: восточнославянская – западнославянская и южнославянская.

К восточнославянской подгруппе относятся русский, белорусский и украинский языки; к западнославянской – чешский, польский, словацкий; к южнославянской подгруппе – словенский, болгарский, сербский, хорватский, верхнелужицкий, нижнелужицкий языки [Бенвенист, 1995].

В других источниках можно найти другой состав подгрупп. Например, Альберт Клозе причисляет к западнославянским языкам еще такие языки, как лехский, сорбский, кашубский, полабский [Klose, 1987], которые другие исследователи относят к диалектам. Эти факты говорят о том, что генеалогическую классификацию языков нельзя считать закрытой. Более того, в современном мире она приобретает большую актуальность, в связи со стремлением многих малых этносов доказать свою автономность, что можно сделать прежде всего на основе особого языка.

Для доказательства родства языков в генеалогической классификации не придается решающего значения существованию отдельных одинаковых явлений. Например, артикль имеется не только в индоевропейских языках, но и в семито-хамитских, как-то арабском.

Наличие имени и глагола – это вообще универсалии, т.е. признаки, свойственные всем языкам мира.

С другой стороны, даже и в родственных языках не все пригодно для сравнения с целью доказательства их родства: например, для этого не пригодны слова, возникшие в результате звукоподражания. Такие слова, которые имеют фонетически схожее звучание, можно встретить и в не родственных языках: хохотать – хыхылдарья (татарск.); или же bad – «дурно» и в английском, и в новоперсидском, но это является результатом случайного совпадения. Для доказательства родства непригодны и междометия.

Что же в таком случае является основой сравнения с целью доказательства генетического (генеалогического) родства языков? Материалом для сравнения служат в данном случае наиболее устойчивые элементы языка, к которым относятся основной словарный фонд и некоторые грамматические явления.

1. Основной словарный фонд включает местоимения, глаголы бытия, глаголы, обозначающие действия человека, термины родства, наименования животных, т.е. слова, которые исторически могут относиться к эпохе языка-основы. Сравним соответствия по некоторым приведенным рубрикам: я – ich (нем.) – I (англ.) – ik (готск., совр. швед.) – ego (греч.) – ego (лат.) – io (итал.) – je (фр.); есть (от «быть») – sein (нем.) – to be (англ.) – essere (итал.); есть – essen (нем.) – to eat (англ.) – essan (швед.); стоять –

stehen (нем.) – to stand (англ.) – stare (итал.); мать – Mutter (нем.) – mother (англ.) – mater (лат.) – madre (итал.) – mytera (греч.) – mere (фр.); два – duo (греч.) – due (лат., итал.) – zwei (нем.) – two (англ.) – deux (фр.); волк – lykos (греч.) – lupus (лат.) – lupo (итал.) – loup (фр.) – vulfs (готск.) – Wolf (нем.) – wolf (англ.).

2. Грамматическая общность также свидетельствует об общем происхождении языков. Сам тип грамматического строя является доказательством родства. Так индоевропейские языки являются флективными, а флексии в системе глагола до сих пор обнаруживают значительное сходство, ср.:

Русский	Старославянский	Немецкий	Английский	Французский
Он говорит	Я есмь	Ich bin Er spricht Er macht	I am He tells He does	J'ai Il dit Il fait

Нельзя не согласиться с Фердинандом де Соссюром, который считал: «Их наука оставалась исключительно сравнительной, вместо того, чтобы стать исторической» [Соссюр, 1998]. Только младограмматики включили результаты сравнения в историческую перспективу. По мнению Соссюра, только историческая перспектива может объяснить переходы от одного языка к другому и скачки в языковом развитии. Главнейшим фактором он считает перемещение народов. Наслаиваясь одно на другое в течение столетий, эти переселения все перепутали и во многих местах не оставили и следов от переходных явлений от одного языка к другому.

«Характерным примером может служить индоевропейская семья языков. Первоначально эти языки должны были находиться в весьма тесном общении и образовывать непрерывную цепь языковых областей. <...> Славянская группа по своим признакам пересекается с иранской и германской, что вполне сообразуется с географическим распределением соответствующих языков; равным образом германскую группу можно рассматривать как связующее звено между славянской и кельтской. <...> А между тем, как только мы начинаем рассматривать границу между двумя группами языков, например, германско-славянскую границу, мы тотчас обнаруживаем резкий скачок без всяких переходных явлений: оба наречия сталкиваются, а вовсе не переливаются одно в другое. Объясняется это тем, что промежуточные диалекты исчезли. Ни славяне, ни германцы не оставались неподвижными; <...> славянское и германское население, соседящие ныне, уже не те, которые соприкасались в прежние времена» [Соссюр, 1998].

Каково же современное состояние компаративистики? Возникнув как наука, направленная, прежде всего, на поиски лексико-грамматических и фонетических соответствий между языками, родственными по про-

исхождению, компаративистика с течением времени значительно расширила область исследования, которая включает теперь, в частности, сравнительное литературоведение, широко представленное на нашей конференции. Нисколько не умаляя значения этой новой области компаративных исследований, хотелось бы, тем не менее, проследить тенденции смещения акцентов и в традиционной области сравнительного языкознания, охватывающей собственно языковые исторические сопоставления. Представляется, что произошло своего рода переструктурирование основной предметной области традиционной компаративистики. Переструктурирование затронуло следующие аспекты исследования.

Во-первых, изменился временной вектор, указывающий направление поиска: от исторических сопоставлений, уводящих вглубь веков, произошел поворот к сопоставительному исследованию современных синхронных срезов и к прогнозированию дальнейшего развития языков. Таким образом, господствовавший ранее диахронический принцип исследования сменился сопоставительно-прогностическим.

Во-вторых, изменились цели исследования: от поисков сходных явлений ученые все чаще обращаются к поискам формирующихся различий между национальными вариантами полигосударственных языков. В связи с этим на передний план выдвинулось изучение пространственного (диатопического) варьирования языков. В этом смысле можно говорить о переходе к исследованию дивергентных тенденций.

В-третьих, видоизменился предмет исследования: от исследования систем разных языков, имеющих общие генетические корни, компаративистика перешла к изучению функциональных различий в национально-территориальных и региональных вариантах одного языка, который в перспективе может рассматриваться как язык-основа родственных языков.

В-четвертых, обогатились методы исследования: этимологический анализ пополнился когнитивно-прагматическим компонентом; в сравнительном анализе используется метод лексико-семантических полей.

В-пятых, компаративистика, интегрируясь в современные гуманитарные науки, вплотную подошла к изучению причин формирующихся различий, делая акцент на связи языка с соответствующей культурой.

Остановимся кратко на каждом из выделенных направлений произошедших перемен.

Одна из основных причин переориентации вектора компаративных исследований кроется, на наш взгляд, в активно идущем процессе глобализации и выдвигании английского языка на роль мирового. Развитие этого процесса «подстегивается» средствами массовой информации и созданием глобальной информационной сети. Достаточно сказать, что более 80 % всех научных публикаций делается на английском языке. Влияние этого процесса на языковую ситуацию, складывающуюся в мире, нельзя недооценивать.

По сути дела, он предопределяет другие перечисленные выше направления изменений в компаративистике, отражающие развитие языковой ситуации в целом.

В связи с глобализацией в фокус компаративных исследований попадают такие проблемы как англо-американские заимствования в различных языках (и не только родственных), с одной стороны, и диатопическое расслоение самого английского языка, с другой.

Массированный поток англо-американизмов, поддерживаемый экспансией американской поп-культуры, наталкивается на встречный процесс, направленный на утверждение национально-этнической идентичности, в том числе и через язык. Возможно, именно этим объясняется повышенный интерес к исследованию национальных вариантов полигосударственных языков (прежде всего, английского, немецкого, французского). Таким образом, оборотной стороной глобализации становится диатопическое варьирование языков, в том числе, а может быть, прежде всего, самого английского языка. При этом развитие национальных вариантов английского языка тесно связано с экономическими и социокультурными процессами, такими как участие в мировой экономике, этническая принадлежность говорящих на английском языке, образование и культура, религия.

Поначалу статус самостоятельных национальных вариантов получили американский и австралийский, этнический субстрат которых составляли выходцы из королевства Великобритании. Если раньше особенности этих вариантов описывались как определенные отклонения от британского стандарта, то теперь все более делается акцент на их социокультурной специфике. С этих позиций исследуются, в частности, системность лексики в канадском варианте английского языка [Бондаренко, 1999], особенности формирования интонации в австралийском варианте [Давыдова, 1999], различия в формировании метафорических смыслов в британской и американской литературе [Макарова, 2004].

В постколониальную эпоху наступает следующий этап в развитии национальных вариантов английского языка – их утверждение в качестве государственных языков независимых стран, стремящихся, таким образом, участвовать в жизни мирового сообщества.

Так самостоятельным вариантом начинает считаться сингапурский английский. Из «неродного диалекта английского» он превращается в язык, которым местное население активно пользуется при общении между собой. Особенно это касается детей. По опубликованным данным, 46,4 % детей общаются между собой на английском языке [Pennycook, 1994]. Тем не менее, английский язык, функционирующий вне этнического субстрата, несет на себе определенный отпечаток креолизации. Сопоставительное исследование деловой корреспонденции на английском языке, выполненной представителями деловых кругов Великобритании, США, стран Содружества и стран, где английский язык используется в качестве сред-

ства делового общения на международном уровне, показывает, например, что тексты контрактов и деловых писем, написанные коммуникантами-«посредниками», оказываются более застывшими по форме, взятой однажды за образец. Это касается архитектоники документа, частотности употребления терминов и модальных выражений [Драбкина, 2001].

Особый раздел современной компаративистики образует диалектное варьирование. История регионального расслоения немецкого языка в связи с его функционированием в разных языковых сообществах воспроизводится в трудах М.М. Гухман, С.А. Миронова, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко. Сегодня переосмыслена роль диалекта, который традиционно понимался как «подсистема», вариант на фоне литературного языка. В противовес этой точке зрения выдвинута гипотеза диалектной относительности, согласно которой в диалектах складывается особая картина мира, реализующая их особый идиоэтноизм [Закуткина, 2001]. Выявлены социальные роли, влияющие на употребление диалекта. Ведущими из них являются возраст и уровень образования индивида. По данным минского исследователя Г.И. Медведева, типичный носитель калифорнийского диалекта – женщина в возрасте от 50 до 59 лет с достаточно высоким уровнем образования, проживающая в городской местности. Социально-ролевая закреплённость диалектоносителей позволяет определить современный диалект как явление не просто территориального, но социорегионального характера [Медведев, 2001]. Таким образом, и здесь компаративистика перешла от изучения реликтовых диалектных состояний языка к определению социокультурной роли диалектов. В этом же русле пересматривается история становления литературных языков, имеющих богатую письменную традицию. В частности, на основе полицентрической концепции, предполагающей сравнение истории развития разных диалектов, произошла переоценка роли юго-западного ареала в формировании немецкого литературного языка. Тем самым компаративистика обогатилась новыми теоретическими положениями относительно моделирования социальных и функциональных параметров территориальных вариантов языка [Дубинин, 2002].

Еще один раздел компаративистики, активно разрабатываемый в отечественном языкознании, восходит к трудам Э. Ризель и ее учеников, прежде всего А.И. Домашнева, в которых описываются территориально-государственные варианты немецкого языка. В этих работах находят отражение фонетические и лексико-грамматические особенности австрийского и швейцарского вариантов [Riesel; Домашнев]. На состоявшейся в Москве в мае 2003 года международной научной конференции была дана высокая оценка вкладу этих ученых в разработку этой проблематики [Troschina, Semenjuk, Babenko, 2003].

Сегодня продолжается изучение ее различных аспектов, в частности лексико-фразеологического [Копчук, 2003]. Безусловно, перспективным представляется исследование функционально-стилистических различий,

проведенное на материале рекламных текстов в немецких и австрийских изданиях в Минском лингвистическом университете [Горлатов, 2002].

Следующий аспект новых компаративных исследований охватывает теория языковой идиоматики. Разделы этой теории образуют сопоставительное изучение языка-идиома на его этнической родине и функционирование того же языка как языка национального меньшинства («островного» языка в инородной среде), а также его использование в качестве иностранного языка. Подобные исследования приобретают особую значимость в связи с проблемой понимания при межкультурной коммуникации. Идиоэтнический аспект (этноспецифика формы плана выражения [Савицкий, 2003]) лексической сочетаемости слов и особенности русского идиома английского языка описаны в диссертации А.Е. Плеханова, выполненной под руководством В.М. Савицкого. В русском идиоме выявляются черты интерференции родного языка [Плеханов, 1999]. В диссертации Т.В. Бурдаевой исследуется варьирование синтаксических форм в речи на родном и иностранном (немецком) языке. И в том, и в другом случае обосновывается сравнительно-сопоставительный подход к изучению аутентичной и неаутентичной речи. Сравнение позволяет определить ограничения в выборе средств выражения на неродном языке. Так из подчинительных союзов, зарегистрированных современными словарями, русскоязычные студенты употребляют примерно половину. Ограничения касаются также усложненных конструкций. Иноязычные учащиеся избегают, например, употребления в сложных предложениях однородных членов или инфинитивных оборотов [Бурдаева, 2002], что делает их речь на неродном языке менее гибкой.

Даже если предмет исследования современной компаративистики остается традиционным, к его анализу применяются современные методы, что позволяет получить новые результаты. Особенно продуктивными являются здесь, на наш взгляд, попытки реконструкции картины мира древнего или средневекового человека. Сравнительно-исторический метод становится в этом случае основой для когнитивной этимологии, которая занимается реконструкцией древней словообразовательной модели слова и элементов его значения с учетом мифологического сознания определенной эпохи. В качестве примера исследований такого типа приведем этимологический анализ слов, соотносимых с понятием «верх». Оппозиция «верх – низ» или «небо – земля» лежит в основе пространственных представлений человека. Понятие верха соотносилось при этом с Божеством, а поскольку ритуальные действия были направлены к Божеству, то и глаголы со значением «делать», «творить» имеют в некоторых индоевропейских языках словообразовательные элементы, родственные с корнем «верх», ср. англ. work, нем. Werk, русск. со-вершать [Жакова, 2002].

Актуализация картины мира в разных языках производится в современной компаративистике с помощью сопоставления идентичных лексико-

семантических групп, фразеологизмов, пословиц. Показательна в этом смысле актуализация пространственной картины мира на основе сопоставления глаголов движения в немецком и русском языках. Она обнаруживает разные культурологические признаки, лежащие в основе восприятия категории пространства русскими и немцами: в немецком языковом сознании пространство воспринимается как часть сферы субъекта, в русском – сфера субъекта воспринимается как часть пространства [Шамне, 2000]. Представления о времени и пространстве средневекового человека восстанавливаются на основе изучения фразеологизмов из немецкой деловой прозы XIV–XVI веков [Емельянова, Соловьева, 2001].

Процесс этнической идентификации неразрывно связан с проблемой культурной самобытности, что объясняет внимание к культурологическому аспекту современных сопоставительных исследований. С одной стороны, интерес исследователей направлен на выявление этнокультурных особенностей, обуславливающих языковое своеобразие; с другой стороны, особую актуальность приобретает обучение иноязычной речи. В первом случае в сопоставительном плане исследуются, например, культурные концепты, такие как «время», «собственность», «пространство», – или картины мира, формируемые фразеологизмами, метафорами и пословицами. Здесь компаративистика смыкается с типологическими исследованиями.

Учитывая глубинный характер перемен, о которых шла речь выше, можно, видимо, говорить о смене научной парадигмы в рамках традиционной компаративистики, перешедшей от поисков сходства в историческом прошлом к поискам различий в сиюминутном настоящем. Сохраняя автономность по отношению к типологическим исследованиям, компаративистика ограничивается сравнением языков и литератур, имеющих общие этнические корни. Вместе с тем, она, несомненно, сближается с типологией, заимствуя у нее синхронный подход к объекту исследования, и с когнитивистикой, обращаясь к изучению нетрадиционных для себя объектов концептуальной сферы.

Генетическая односистемность немецкого и русского языков и их дальнеродственные отношения

Какое же место занимают немецкий и русский языки в генеалогической классификации и каков характер их родственных отношений? Из сказанного выше следует, что оба языка являются генетически односистемными языками, т.е. занимают одинаковое место в генеалогической классификации, относясь к индоевропейским языкам, но это не близкородственные языки. Характер их родственных отношений можно условно определить как дальнеродственный; это отдаленно родственные языки, так как они входят в различные ветви индоевропейской семьи языков мира.

Русский язык относится к славянской ветви восточнославянской подгруппы языков. На нем говорит около 200 миллионов человек. Немецкий язык входит в западногерманскую подгруппу германской ветви языков. На нем говорит более ста миллионов человек.

Типологическая классификация языков: этапы становления

Типологическая классификация языков – направление лингвистических исследований, возникшее в начале и развившееся во второй половине XIX века (первоначально в виде морфологической классификации языков). Целью типологической классификации языков является установление сходства и различия языков (языкового строя), которые коренятся в наиболее общих и наиболее важных свойствах языка и не зависят от их генетического родства. Типологическая классификация языков оперирует классами языков, объединяемых по тем признакам, которые выбраны как отражающие наиболее значимые черты языковой структуры (например, способ соединения морфем).

Определение места конкретного языка в типологической классификации языков выявляет ряд его свойств, скрытых от исследователя при других лингвистических подходах.

Впервые вопрос о типе языка и попытки классифицировать языки на этом основании был поставлен школой романтиков. Так возникла книга немецкого романтика Фридриха фон Шлегеля «О языке и мудрости индийцев». Располагая материалом по сопоставлению санскрита, греческого, латинского и тюркских языков, Ф. фон Шлегель разделил эти языки на два типа: флективные и аффиксирующие. Это разделение положило начало типологическому, то есть не связанному с происхождением, описанию языков.

Классификация ф. фон Шлегеля была впоследствии модифицирована и расширена многими зарубежными отечественными учеными. По оценке Масаоши Шибатани и Теодоры Байнон, наиболее значительный вклад в развитие типологической классификации языков внесли: Август Вильгельм фон Шлегель (1767–1845), Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), Август Шлейхер (1821–1868), Эдвард Сепир (1884–1939) и Владимир Скаличка (1909–1991) [Schibatani / Вупон 1995]. Другие авторы причисляют сюда, как представляется, совершенно правомерно, и Джозефа Г. Гринберга [Metzler, 1993]. Из отечественных ученых следует назвать Ф.Ф. Фортунатова, Владимира Дмитриевича Аракина, Мирру Моисеевну Гухман, Любовь Степановну Ермолаеву.

Рассмотрим основные этапы развития типологической классификации языков.

Первым, кто усовершенствовал эту классификацию, был брат Ф. Шлегеля Август Вильгельм фон Шлегель. Он тоже оставался при со-

поставлении языков в пределах морфологического уровня, однако вовлек в рассмотрение еще и китайский язык. Это позволило ему выделить еще один тип языков, который он назвал аморфным. Термин «аморфный» в применении к типу языка нельзя назвать удачным, так как он предполагает отсутствие формы, что в корне неверно по отношению к языку. Иное дело, что форма выражается в языках по-разному. Она есть и в китайском языке, но выражается без помощи привычных для индоевропейского языкового сознания флексий и аффиксов – за счет порядка слов и интонации. Впоследствии такие языки получили название изолирующих.

Заслугой А.В. фон Шлегеля было и выделение двух техник описания морфологического значения: синтетической и аналитической. Различение этих техник учитывается практически во всех последующих типологических классификациях языков.

Значительно глубже подошел к вопросу о типах языков Вильгельм фон Гумбольдт. В качестве основного критерия определения типа языка В. фон Гумбольдт берет отношение между формой и значением слова, выражающего концепт. Гумбольдт впервые высказывает мысль о лингвистической специфичности концептов, создающих с помощью каждого языка единственную в своем роде сегментацию окружающего нас мира и человеческого опыта. Тем самым язык связывался с мышлением и теорией познания. Важной для современного языкознания является мысль Гумбольдта об эластичности языкового значения, открытого для креативных изменений в процессе коммуникации. С этой точки зрения типология языков не может ориентироваться только на строгие логические принципы.

Единственно подлинно универсальной может быть только зависимость когниции от звуковой формы [ср. Shibatani/Bynon, 1995].

Исходя из своей основной идеи, В. фон Гумбольдт выделил частные критерии определения типа языков. Он видел их, во-первых, в способе выражения в языке отношений, то есть в способе передаче реляционных значений, что было основным критерием и у Шлегелей. Но трактовка языковых форм производится Гумбольдтом в терминах «внутренней формы языка», связанной с «духом народа», то есть с концептом. Кроме того, Гумбольдт более гибко подходит к трактовке флективных языков, признавая аффиксы, наряду с внешней и внутренней флексией средством выражения грамматических отношений. Во-вторых, в качестве критерия, определяющего тип языка, Гумбольдт рассматривает способ образования предложения, что позволяет ему выделить особый тип инкорпорирующих языков. В-третьих, важнейшим критерием типологизации Гумбольдт считает в звуковую форму, определяющую, говоря современным языком, этнолингвистическую специфику концепта.

На развитии идей В.фон Гумбольдта построены многие разделы современного языкознания; в частности, оформилась в самостоятельную

отрасль когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в процессе познания мира, в том числе через понятие концепта.

Предложенная им морфологическая классификация языков остается классическим образцом. Позднее были попытки усовершенствовать ее на чисто морфологической основе, но они не привнесли в нее принципиально новых моментов. Упомянем две таких попытки: Августа Шлейхера и Ф.Ф. Фортунатова.

А. Шлейхер, усовершенствуя существовавшие в то время типологические классификации, впервые вводит алгебраические обозначения элементов морфологической структуры слова, что придает его классификации значительно большую степень точности в сравнении с классификациями его предшественников. Типологическая классификация А. Шлейхера не учитывает инкорпорирующих языков, а содержит три типа, реализуемых в двух вариантах: синтетическом и аналитическом.

А.А. Реформатский представляет классификацию А. Шлейхера в следующем виде:

1. Изолирующие языки

1) R – чистый корень (например, китайский язык);

2) R + r – корень плюс служебное слово (например, бирманский язык).

II. Агглютинирующие языки

Синтетический тип:

1) Ra – суффиксированный тип (например, тюркские и финские языки);

2) aR – префиксированный тип (например, языки банту);

3) R / a – инфигированный тип (например, бацбийский язык).

Аналитический тип:

4) Ra (aR) + r – аффиксированный корень плюс служебное слово (например, тибетский язык).

III. Флективные языки

Синтетический тип:

1) Ra – чистая внутренняя флексия (например, семитские языки);

2) aRa (Raa) – внутренняя и внешняя флексия (например, индоевропейские, в особенности древние языки).

Аналитический тип:

3) aRa (Raa) + r – флектированный и аффиксированный корень плюс служебное слово (например, романские языки, английский язык) [Реформатский, 1998].

Математическая точность классификации Шлейхера позволяет уточнить место некоторых языков, в частности, в ней отчетливо видно расхождение типов немецкого и английского языков.

Отмечая роль отечественных лингвистов конца XIX – начала XX века в создании типологической классификации языков, остановимся на работах Ф.Ф. Фортунатова. Занимаясь сравнительным языковедением, в том числе

сравнительной морфологией индоевропейских языков, он предложил их типологическую классификацию. Классификация языков Ф.Ф. Фортунатова основана на общих свойствах и различиях, существующих между языками по отношению к образованию простых, т.е. не составных форм слов. Ф.Ф.Фортунатов выделяет четыре типа языков, не совпадающих, однако, с типами В. фон Гумбольдта:

1. «В значительном большинстве семейств языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии (здесь имеется в виду внутренняя флексия), или если таковая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют принятым, хотя и неточным термином агглютинирующие или агглютинативные языки (от лат. *gluten* – ‘клей’, *glutinare* – ‘склеивать’), т.е. собственно склеивающие потому, <...> что здесь основа и аффикс слова остаются по их значению отдельными частями слов в форме слов как бы склеенными» [Фортунатов, 1956].

2. «К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках <...> основы слов сами имеют необходимые (именно в словах-названиях) формы, образуемые флексией основ, <...> хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных.<...> Я называю семитские языки флективно-агглютинативным и потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как и в языках агглютинирующих».

3. «К <...> третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь <...> существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т.е. основа и аффикс представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название флективные языки ...».

4. «Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм <...> отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками корневыми; <...> в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным)» [Фортунатов, 1956].

Классификация Ф.Ф. Фортунатова, будучи чисто морфологической, не учитывает, как и типологизация А. Шлейхера, соотношения слова и пред-

ложения. В нее не вошел инкорпорирующий тип языков, но зато очень тонко подмечено различие образования слов в семитских и индоевропейских языках, а именно соотношение флексии основ и обычной аффиксации, что в других классификациях остается незамеченным.

Итак, в типологии XIX века было установлено четыре языковых типа: 1) флективный, к которому были отнесены индоевропейские и семитские языки; 2) агглютинативный: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский языки; 3) изолирующий: языки китайской группы; 4) инкорпорирующие или полисинтетические языки: чукото-камчадалские языки и языки американских индейцев. Эта классификация языков была произведена на основании учета признаков и свойств формальных сторон слова, его способности присоединять словоизменительные и словообразовательные морфемы. Поэтому данная классификация и называется морфологической.

Морфологическая классификация языков рассматривает выражение грамматических отношений слова и предложения. Во флективных языках отношения слова, словосочетания и предложения выражены изменением звучания отдельного слова, в агглютинативных свободно присоединяемые к слову и сочетанию слов аффиксы выражают отношения слов и словосочетаний внутри словосочетаний, в изолирующих языках отношения слова и предложения выражены порядком слов, а в полисинтетических языках агглютинативные аффиксы могут как бы дублировать члены предложения, обозначая схему предложения. Этим исчерпываются возможные способы выражения грамматических отношений слова и предложения.

Как видим, составление морфологической классификации языков явилось очень трудоемким, потому что любая классификация не может полностью охватить весь материал, и языки, которые охватываются ею, не соответствуют полностью ее делениям.

Язык по своей сущности политипологичен, то есть каждый язык сочетает в себе признаки разных морфологических типов, одни из которых являются ведущими, а другие – второстепенными. Не существует такого языка, который являлся бы чистым представителем какого-то типа. Каждый язык в той или иной мере политипологичен. В каждом естественном языке существуют черты, присущие нескольким типам, поэтому соотношение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой мере условно, произвольно.

Этот момент – политипологичность языка, будет учитываться и при дальнейшей характеристике немецкого и русского языков, при их сравнительно-типологической характеристике. Факт политипологичности языков неоднократно использовался учеными в качестве аргумента против «жесткости» морфологической классификации языков. В XX веке появи-

лись новые типологические классификации, основанные на более гибких критериях.

Одна из них, возможно, самая значительная, принадлежит американскому языковеду Эдварду Сепиру. Подвергнув критическому анализу имеющиеся типологические классификации на том основании, что они, с одной стороны, не учитывают всего многообразия языков, а с другой стороны, нередко находятся «в плену» составивших их авторов, владеющих, в основном, индоевропейскими языками, Э. Сепир сделал попытку поставить классификацию на более гибкую и более объективную основу. Привлекая неизвестные ранее лингвистическому сообществу языки американских индейцев, он выделил 4 типа своего рода элементарных сущностей, проявляющихся в каждом языке: 1) корневые, 2) деривационные, 3) смешанно-реляционные, 4) чисто реляционные. Две из них (первую и четвертую) можно отнести к абсолютным универсалиям, поскольку они «непрерывно выражаются во всех языках». Две другие (деривационная и смешанно-реляционная) могут отсутствовать в языковом выражении, могут быть обе в наличии или только одна из них [Сепир, 1993].

Э. Сепир назвал свою классификацию концептуальной, поскольку она не стремится отразить только внешнюю языковую технику, а пытается ответить на вопрос о передаче значений в языковых символах. Принципиально новым представляется в ней то, что она выходит за границы морфологии, учитывая взаимопроникновение языковых уровней, прежде всего, морфологии, синтаксиса и фонологии. Не случайно при характеристике технической стороны выражения отношений Сепир выделяет кроме известных из других классификаций способов выражения языковых отношений (изоляции и агглютинации) еще фузию (взаимопроникновение элементов) и символизацию, объединяющую внутреннюю флексию, повтор и способ ударения. Поясняя символизацию, он приводит пример из китайского языка, показывающий психологическую связь восходящего и нисходящего тона, различающего значения одного и того же корня *mai*: при произнесении с восходящим тоном этот корень имеет значение ‘покупать’, а при произнесении с нисходящим тоном – значение ‘продавать’.

Третий аспект, получивший отражение в его классификации, – это степень «синтезирования» в грамматике, которую он отделяет от техники и градуирует по представленности синтеза. Степень синтеза может быть нулевой (тогда язык определяется как аналитический), нормальной (синтетический язык), слегка синтетической и «сверхсинтетической» (полисинтетический язык).

А.А. Реформатский представляет классификацию Э. Сепира в упрощенном виде [1998] (ср. табл. 7):

Т а б л и ц а 7

Основной тип	Техника	Степень синтеза	Пример
А. Простые чисто реляционные языки	1) Изолирующий 2) Изолирующий с агглютинацией	Аналитический	Китайский Аннамский (вьетнамский) эве, тибетский
Б. Сложные чисто реляционные языки	1) Агглютинирующий, изолирующий 2) Агглютинирующий 3) Фузионно-агглютинирующий 4) Символический	Аналитический Синтетический Синтетический Аналитический	Полинезийские Турецкий Классический Тибетский Шиллук
В. Простые смешанно-реляционные языки	1) Агглютинирующий 2) Фузионный	Синтетический Аналитический	Банту Французский
Г. Сложные смешанно-реляционные языки	1) Агглютинирующий 2) Фузионный 3) Фузионный, символический 4) Символично-фузионный	Полисинтетический Аналитический Чуть синтетический Синтетический	Нутка Английский Латинский Греческий Санскрит Семитские

Классификация Э. Сепира имеет, как пишут М. Шиботани и Т. Байнон, два важнейших отличия от классических морфологических классификаций. Во-первых, она носит количественный характер в противовес абсолютным характеристикам. Во-вторых, языковые типы определяются в ней в терминах комбинирования свойств в противовес классическим типологиям, построенным на единичных свойствах [Shibotani/Vynon, 1995]. И то, и другое свойство получили дальнейшее развитие в последующих типологических исследованиях.

Количественная типология оформилась, по сути, в самостоятельное направление благодаря работам Джозефа Гринберга. Исходя из типологичности любого естественного языка, Гринберг применил количественный подход к определению языкового типа. Для характеристики типа языка он предложил использовать типологические индексы, дающие представление о степени употребительности того или иного явления в языке. Индексы подсчитываются по текстам, состоящим из ста слов [Гринберг, 1963]. Использование в качестве материала анализа реально функционирующих текстов, а не системно языковых фактов позволяет Гринбергу вывести более гибкие критерии типологизации, с одной стороны, а с другой стороны, сделать предметом типологического анализа чисто синтаксические явления, в частности, порядок слов [ср.: Naase, 2001] [Гринберг, 1963].

Развитие идеи комбинирования свойств привело в пражской лингвистической школе к выделению особой ветви общей типологии – характерологии. Для определения «внутреннего» типа языка характерология

рассматривает совокупность его существенных признаков. Близкие по характеру грамматических отношений языки объединяются группы по доминирующему в них признаку. Чешский типолог Владимир Скаличка приводит в своих работах пучки признаков, характеризующих, например, флективные и агглютинативные языки (см. ниже).

Л.С. Ермолаева, характеризуя германскую группу языков, развивает идею Сепира о взаимопроникновении уровней. Она пишет уже не о морфологической, а о цельносистемной классификации языков. В качестве цельносистемного параметра языкового типа Л.С. Ермолаева предлагает степень спаянности уровней в системе языка.

Автор использует для типологической характеристики языков переходные уровни языковой системы. Важнейшими из них являются морфология, рассматривающая возможности фонологических средств для построения словоформ, и синтоморфология, учитывающая использование средств словоизменения для выражения синтаксических отношений. Например, если в языках используется внутренняя флексия (аблаут, умлаут или грамматически значимое чередование согласных в корне), то степень спаянности уровней в таких языках высокая, следовательно, они относятся к неизолирующему типу И наоборот, бедность внутренней флексии говорит об изолирующем типе языка [Ермолаева, 1987]. Таким образом, степень спаянности уровней рассматривается в оппозиции со степенью их изоляции.

В рамках предлагаемой цельносистемной классификации современные германские языки располагаются Л.С. Ермолаевой в цепочку по степени изоляции: исландский – немецкий – нидерландский – фризский – шведский – норвежский – датский – английский – африканс [Ермолаева, 1987]. Цепочка показывает, насколько далеко ушли друг от друга в своем развитии генетически односистемные, близкородственные немецкий и английский языки. Подобная классификация в отношении славянских или других генетически родственных групп языков, насколько нам известно, отсутствует.

Остановимся поэтому несколько подробнее на каждом из четырех классических морфологических типов языка.

Флективные языки. К ним относятся такие языки, формы которых образуются с помощью внешней и внутренней флексии. Наличие внешней и внутренней флексии является важным устойчивым признаком данных языков. Другими такими признаками являются полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии, фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения.

К флективному типу относятся индоевропейские, семито-хамитские языки; последние имеют и признаки агглютинативных языков, в чем и проявляется их политипологичность. Как видно, к флективным языкам

относятся языки, занимающие различное место в генеалогической классификации, но типологическая (морфологическая) классификация не учитывает родственных связей; ее классификационным критерием, как отмечалось выше, является форма изменения слова и взаимоотношения слова и предложения.

Наличие аффиксов характерно и для агглютинативных языков, но в этих двух морфологических типах языков внешняя флексия имеет существенные различия. Во флективных языках флексия характеризуется следующими признаками.

1. Морфологической омонимией. Например, морфема -е в немецком языке это: а) личное окончание первого лица единственного числа глагола презенса индикатива; б) суффикс конъюнктива; в) суффикс множественного числа имен существительных; г) нейтральная флексия в склонении имен прилагательных.

2. Синтетическим характером аффиксов, то есть совмещением в одной морфеме, одной единице плана выражения нескольких различных значений, нескольких единиц плана содержания; другими словами, аффиксы флективных языков полисемантчны, им свойственна морфологическая полисемия.

Этот признак флектирующих языков подметил еще Ш. Балли. В своем труде «Общее языкознание и вопросы французской грамматики» он писал: «Во флективных языках окончания совмещают, как правило, несколько грамматических значений» [Балли, 1955]. Возьмем, например, личные окончания глаголов в немецком языке: -st – одна морфема, одна единица плана выражения совмещает следующие грамматические значения: а) лицо – второе лицо; 2) число – единственное, т.е. две единицы плана содержания; Tagе: морфема -е указывает одновременно на множественное число и именительный падеж. Русский язык: иду – личное окончание -у указывает на лицо – первое, число – единственное, и время – настоящее, наклонение – изъявительное, т.е. четыре единицы плана содержания в одной единице плана выражения; писала: флексия -а одновременно выражает такие грамматические значения как число – единственное, и род – женский.

Полисемия аффиксов флективных языков дает основания Б.А. Серебренникову определить их как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует несколько единиц плана содержания.

3. Еще одним признаком флексии во флективных языках является выражение одного грамматического значения разными формами, т.е. морфологическая синонимия. Например, выражение множественного числа имен существительных в немецком языке происходит с помощью трех суффиксов и внутренней флексии (умлаута): Nächst-e, Häus-er, Mensch-en; выражение дательного падежа в русском языке возможно с помощью нескольких морфем: в степи, в руке, в степях.

4. Для этих языков характерна также тесная спаянность аффикса с основой (корнем) слова: Raben = Rabe + en; детский (децкий).

Флективные языки характеризуются и внутренней флексией: чередованием согласных в корне: schneiden – schnitt – geschnitten; gehen – ging – gegangen; бегать – бежать, пеку – печь; спонтанным чередованием гласных в корне (аблаутом): ziehen – zog – gezogen, Zug; сон – сна, или исторически объяснимой перегласовкой (умлаутом): Baum – Bäume, Goos – gees; а также преломлением: nehmen, но nimmst, nimmt.

При помощи внутренней флексии образуются формы слова и в арабских языках: баллад (местность) – биллад (множественное число) – аблаут; гилд (кожа) – гулуд (множественное число) – умлаут.

Чешский типолог В. Скаличка отмечает, кроме сильно развитой внешней и внутренней флексии, следующие признаки флективных языков: 1) сильное противопоставление частей речи; 2) свободный порядок слов; 3) мало сложных слов; 4) сильная синонимия грамматических элементов [Скаличка, 1966].

Агглютинативные языки (агглютинация – склеивание, приклеивание) также характеризуются наличием аффиксов в слове: в них изменение слова осуществляется с помощью агглютинативных аффиксов (частиц или прилеп), которые присоединяются к основе или корню слова. Кроме развитой системы словообразовательных и словоизменительных аффиксов, для них характерны отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, отсутствие значимых чередований. К агглютинативным языкам относятся угро-финские, тюркские, алтайские языки, японский язык, корейский язык, эскимосские, индонезийские языки.

Аффиксы агглютинирующих языков характеризуются следующими признаками:

1. Однозначностью: каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение; для них характерен строгий моносемантизм. Моносемантизм аффиксов и дал основание Б.А. Серебренникову определить агглютинирующие языки следующим образом: «...агглютинативный тип можно было бы определить как такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания [Общее языкознание, 1972].

2. Наличием в слове нескольких аффиксов, например, венгерское ember (человек) – emberek (люди) – embereknek (людям). В сравнении с флективными языками, как указывает В. Скаличка, аффиксы агглютинативных языков имеют значимость отдельных грамем. В. Скаличка выводит следующие типологические признаки агглютинативных языков:

1) Сильное противопоставление корневых и служебных элементов. Корневые элементы являются неизменяемыми, служебные – изменяемыми, т.е. для агглютинативных языков характерна только внешняя флексия,

внутренняя флексия отсутствует. Кроме того, корень, в отличие от флективных языков, существует как отдельное слово без служебных морфем.

- 2) Отсутствие тесной спаянности аффикса с корнем или основой.
- 3) Слабое противопоставление частей речи.
- 4) Мало случаев согласования.
- 5) Нет грамматической синонимии и омонимии.
- 6) Мало сложных слов [Скаличка, 1966].

В однозначности аффиксов многие ученые усматривают причину устойчивости и продуктивности агглютинативного типа; последнее проявляется в том, что количество агглютинативных языков во всем мире растет. Несмотря на существенные различия, агглютинативные и флективные языки имеют и очень важные общие особенности, которые сближают их в грамматическом смысле: это наличие сильно развитой словообразовательной и словоизменяющей аффиксации.

Изолирующие (корневые, аморфные) языки. К изолирующим языкам относятся такие языки, которые не имеют аффиксов, т.е. они характеризуются отсутствием словоизменения и, как следствие этого, значимостью порядка слов; слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов. Слово в таких языках как бы равно корню, поэтому оно изолировано от других слов в предложении, не выражает своего отношения к этим словам. Основная роль в данном случае принадлежит порядку слов. При помощи порядка слов выражаются отношения между словами, т.е. для изолирующих языков характерен грамматически значимый порядок слов.

К этому типу относятся китайский, тибето-бирманские языки. Например, китайское хао-жень (хороший человек), сию-хао (делать добро), шан (гора, верх, подниматься). Но следует отметить, что порядок слов не является единственным средством оформления слов в предложении; в этих языках имеются и морфологические средства, но их место очень незначительно, например, в китайском показатель пассива «бэй».

Характерная особенность изолирующих языков – межпарадигматическая омонимия слова. По В. Скаличке изолирующие языки имеют следующие признаки: 1) краткость слова, 2) слабое различение частей речи, 3) твердый порядок слов, 4) мало сложных слов, 5) слабая синонимия и омонимия в грамматике [Скаличка, 1966].

Но в последнее время в китайском языке появилась тенденция к словосложению: фэй-дци-чан (летать + машина + площадка == аэродром); ши-фань-сюэ-юань (показывать + пример + наука + двор == пединститут). Отмечается наличие в китайском отдельных суффиксов, которые имеют частные грамматические значения: -во (личное местоимение первого лица) – во мен (множественное число, т.е. «мы»); суффикс -де: чуньжень (рабочий) – чуньженьде (суффикс имеет значение принадлежности, т.е. «принадлежит рабочему»).

В современном английском языке отмечается продуктивность словосложения при создании неологизмов и окказионализмов; несколько примеров из романа Дж. Джойса «Улисс»: *milkwhite* (белый, как молоко), *wavewhite* (белый, как гребень волны), *seasmiling* (улыбающийся улыбкой моря). Эта тенденция проявляет себя и как синтаксическое словосложение: *pay –as-you-see television* (абонентское телевидение), *rip-and-read newcast* (передача новостей с телетайпной ленты), *must-see-film* (фильм, который обязательно надо посмотреть).

Полисинтетические или инкорпорирующие языки (инкорпорация – включение). Особенность этого типа языков состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т.е. неоформленные корневые слова агглютинируются в одно общее целое, которое будет и словом, и предложением. Части этого целого – и слова, и члены предложения. Целое – это слово-предложение, где начало – подлежащее, конец – сказуемое, а в середине инкорпорируются дополнения со своими определениями и обстоятельствами.

Таким образом, основным способом выражения грамматических отношений в них является инкорпорация. Термин «полисинтетические языки» чаще обозначает языки, в которых глагол может согласовываться одновременно с несколькими членами предложения.

К инкорпорирующим языкам относятся индейские, палеоазиатские и некоторые другие языки.

Для иллюстрации инкорпорации А.А. Реформатский приводит такой пример из чукотского языка: *ты-ата-каа-нмы-ркын*: я жирных оленей убиваю, буквально «я-жир-олень-убив-делай», где остов корпуса «ты-нмы-ркын», в который инкорпорируется «каа – олень» и его определение «ата – жир». Иного расположения чукотский язык не допускает, и все целое представляет собой слово-предложение, где соблюден и вышеуказанный порядок элементов [Реформатский, 1998].

Иногда этот комплекс может обрастать суффиксами и префиксами: *ты* (префикс) – *коя-нне-к* (суффикс) = я оленей стерег. Эти комплексы представляют собой построения, которые возникают в речи.

В инкорпорирующих языках много черт агглютинативных и флективных языков: в чукотском, например, инкорпорации сопутствует агглютинативная префиксация. Инкорпорирующие языки сближаются с агглютинирующими по принципу объединения морфем, а с флективными – по наличию внутренней флексии.

В заключение отметим тенденции, характерные для современных типологических исследований. Многие ученые сходятся во мнении, что для современной общей типологии характерен отход от попыток создания универсальной теории, охватывающей все известные языки и описывающей совокупность свойств этих языков. Современные исследователи обращаются к более частным задачам, описывая с позиций типологии специ-

фические конструкции и грамматические феномены, такие, например, как порядок слов, падежная система, относительные придаточные предложения, пассив, каузативы. Фокус внимания переместился при этом от исследования отдельных языковых типов к межъязыковым сопоставлениям [ср. Общее языкознание, 1972; Shibotani / Vynon, 1995]. Иллюстрацией изменения фокуса исследований может служить проект, осуществленный в институте немецкого языка в Маннгейме под руководством Гизелы Цифонун «Грамматика немецкого в сравнении с европейскими языками» [Интерактивная типология, 2007] .

Место немецкого и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира

Попытаемся определить место немецкого и русского языков в классической, или образцовой, морфологической классификации языков мира.

Русский и немецкий языки относятся к флективным языкам, поскольку флексия в них является основным средством выражения грамматических отношений. Но они в то же время политипологичные языки, так как содержат некоторые признаки языков других типов. Так, например, отдельные флексии имеют характер агглютинативных аффиксов. В немецком языке это суффикс претерита *-te* (*machte*); в русском – суффикс, обозначающий второе лицо множественного числа императива *-те* (*пишите, читайте*); аналогичный характер имеет и суффикс *-л* в прошедшем времени глаголов в русском языке. Некоторые из типов сложных слов в немецком языке напоминают инкорпорирующие комплексы: *Handwerker, Schreibtisch*; в русском языке это, например, *рукоприкладство, водоворот, черномазый*; в английском словосочетание *the kind old man's answer* также представляет собой инкорпорирующий комплекс, как и итальянское сложное слово *ésciuggamano* – полотенце (буквально: *вытрите – asciugga + рука – mano*).

В обоих языках можно наблюдать некоторые черты и других морфологических типов. Например, черты изолированности проявляются в немецком в словосочетаниях: *sehr schön, schon gut*; в русском языке по такой модели могут быть построены не только словосочетания, но и предложения: *рано вечером; здесь очень тепло*.

Таким образом, немецкий и русский языки являются языками флективными. В этих языках флексия – ведущий способ оформления слова. Однако сходство здесь относительное, так как в немецком языке флективная система беднее, чем в русском. Сопутствующими способами оформления слова (в небольшом объеме) являются в обоих языках инкорпорация, агглютинация и изолирование.

Классификация А. фон Шлейхера ясно показывает различие между немецким и английским языками. Согласно его классификации немецкий и русский языки (как языки индоевропейские) относятся к одному типу –

флективным языкам, а именно, к синтетическому типу, его второму подтипу. Английский язык в этой классификации также относится к флективным языкам, но к их аналитическому подтипу, что можно рассматривать в некотором роде и как переходный тип, если проводить параллели с образцовой типологической классификацией В. фон Гумбольдта.

Промежуточное положение английского языка между традиционным флективным типом и изолирующим подтверждается тем, что в нем слабо представлено согласование, для него характерен твердый порядок слов, ему свойственна краткость слова – все это признаки изолирующих языков. В отношении последнего признака (краткости слов) Ш. Балли пишет следующее: «Английский язык, подобно китайскому, решительно склоняется в пользу односложных слов; но этой тенденции противостоит все усиливающийся прилив латинских и романских заимствований (а также вышеуказанные тенденции словосложения), наводняющих этот язык многосложными словами» [Балли, 1955].

Краткая характеристика синтетизма и аналитизма как показателя языковой структуры

Синтетизм – это наличие в словах полнозначных формальных показателей, указывающих на связи этих слов друг с другом. При синтетическом строе грамматические значения слова передаются в пределах слова. Такими формальными показателями грамматических значений могут быть флексии или агглютинативные частицы. Кроме того, языкам синтетического строя свойственна и внутренняя флексия. «...чем аналитичнее индоевропейский язык, тем реже он прибегает к апофонии (внутренней флексии) для выражения грамматических понятий. Немецкий язык еще систематически пользуется ею, тогда как французский почти полностью от нее отказался» [Балли, 1955]. Итак, к языкам синтетического строя относятся русский, немецкий, угро-финские, семито-хамитские языки.

Для синтетизма в грамматическом строе характерен грамматический плеоназм. Определение грамматического плеоназма дано Ш. Балли, который к тому же ярко проиллюстрирован явления плеоназма при сравнении современных индоевропейских (западноевропейских и русского) языков.

Обязательный грамматический плеоназм требует, чтобы одна и та же категория была выражена в одной и той же синтагме два или несколько раз. «Немецкий язык – пишет Ш. Балли – широко использует обязательный плеоназм; это объясняется тем, что данный язык занимает промежуточное положение между анализом и синтезом: он до зубов вооружен флексиями, и все же их сопровождают готовые заменить их префиксальные знаки; ср.: *die Gäste* «гости» (множественное число выражено артиклем, суффиксом и умлаутом), *eines schönen Gartens* «красивого сада» (родительный падеж выражен формой артикля и окончанием существительного), *du lügst* «ты

лжешь» (форма лица выражена личным местоимением и окончанием глагола) и т.д. Классический случай, унаследованный от индоевропейского языка, представляют собой предлоги, сопровождаемые склоняемой формой, ср.: *durch den Wald*, но *through the wood*; или: *Die tapferen römischen Soldaten rücken vor*, где множественное число выражено пять раз» [Балли, 1955].

В русском языке, который также широко использует грамматический плеоназм, несколько раз может быть выражен род существительного: формой самого существительного и формой прилагательного (снег белый); немецкому языку подобный плеоназм неизвестен, потому что предикативное прилагательное в нем не изменяется.

Немецкий язык находится в положении языка, у которого имеется все, чтобы обойтись без флексий; тем не менее, он их сохраняет. Он располагает теми же средствами замены флексий, что и французский: артиклем, предлогами, личными местоимениями и вспомогательными глаголами и все же он обладает склонениями и спряжениями (ср.: *die Hirten*, *von mir*, *er leidet*, *hat gelitten*, *wird sterben*). Этим объясняется значительное количество случаев грамматического плеоназма.

Аналитизм – это отсутствие в словах формальных служебных показателей. При аналитическом строе грамматические значения слова передаются вне его пределов, т.е. средствами контекста: с помощью служебных слов и порядка слов. К языкам аналитического строя относятся английский, французский, китайский болгарский, новоперсидский и другие. Черты аналитизма проявляются в индоевропейских языках как в системе имени, так и в системе глагола: образование сложных времен, явление артикля, выражение отношений между именами с помощью предлогов.

Говоря о синтетизме и аналитизме, не следует забывать, что для древнейшего состояния германских языков аналитизм не характерен, и лишь в современном состоянии он неоднократно проявляется в структуре имени и глагола. В качестве типичного примера аналитических языков приводится современный английский язык. Но в этом языке существуют и явления синтетизма: множественное число имен существительных, притяжательный падеж, формы личных местоимений – общий и косвенный падеж и т.п., поэтому Б.А. Серебренников замечает, что у нас есть все основания считать английский язык аналитическим, но следует добавить: в известной степени аналитическим.

Место немецкого и русского языков в классификации языков мира в аспекте синтетизма-аналитизма

Данный пример является яркой иллюстрацией тому, что не существует чистого языкового типа, что язык по своей сущности политипологичен. Политипологичность в аспекте синтетизма/аналитизма присуща и рус-

скому, и немецкому языкам. Немецкий и русский языки следует рассматривать как синтетические языки с более или менее ярко выраженными тенденциями к аналитизму.

Элементы аналитизма довольно широко представлены в современном немецком языке: в системе глагола это сложные временные и залоговые формы, формы кондиционалиса и конъюнктива, составные формы сказуемого и предиката; аналитические элементы в системе имени немецкого языка – это артикль, сложные формы субъекта и дополнений, богатая система предлогов, заменяющих падежи.

С этой точки зрения и русский язык можно рассматривать как язык, развивающийся в сторону аналитизма. Подтверждение этому можно видеть, например, в том, что в русском языке сокращается система падежей. На более ранних ступенях развития русского языка существовало восемь падежных форм: партитивный – стакан чая, и отложительный падеж: однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, из дому, и т.п. Кроме того, не все имена существительные имеют различные формы в каждом из шести падежей. Так, слово вода имеет пять различных падежных форм, слово поле – четыре. Все это и свидетельствует о наращивании элементов аналитизма в системе имени русского языка.

Интересное явление аналитизма в русском языке – форма сослагательного наклонения: одна единственная форма без различия времени и модальных оттенков (нереальная возможность, желание, предположение). Современные русисты считают аналитическими формами повелительного наклонения такие формы как: Пусть он (она) скажет, пусть они едут, пусть войдут. Аналитизм проявляется и в сравнительных формах прилагательного и наречия: более четкий, менее четко.

С начала XX века в русском языке начал формироваться класс неизменяемых прилагательных: цвет беж, платье бордо, стиль модерн, кофе мокко, час пик, брюки клеш, юбка мини (миди); растет класс несклоняемых существительных: кофе, какао, кашне, метро, пенсне, домино, пальто, шоссе и т.д., причем, как неизменяемые прилагательные, так и неизменяемые существительные характеризуются омонимией морфологических форм: купил пальто – укрылся пальто и т.д. Но в начале XX века эти существительные еще склонялись, и в 1915 г. еще считалось нормой без пальто, но в пальте; посещение бюро комитета. В 1904 г. поэт А. Белый писал: Мы в польтах осенних сидели. Слово ультра было дважды заимствовано в русский язык: в XIX веке во флективной форме (под именем ультров, спор между либералами и ультрами); сейчас оно употребляется в русском языке в неизменяемой форме.

Таким образом, немецкий и русский языки являются синтетическими языками с отчетливыми аналитическими тенденциями развития, причем немецкий язык более аналитичен, в нем синтетические и аналитические средства представлены довольно широко. Русский язык проявляет от-

четливые тенденции к аналитизму. Но, давая такую характеристику немецкому и русскому языкам, не следует забывать о том, что это – относительная характеристика, относительные типологические признаки немецкого и русского языков в сравнении друг с другом.

В сравнении, например, с английским или французским языком получается несколько другая сравнительно-типологическая характеристика немецкого и русского языков. Немецкий язык предстает, с этой точки зрения, как язык, сочетающий в себе элементы флективной системы, сближающие его с русским языком, и элементы аналитического строя, отдаляющие его от русского языка. При этом аналитические элементы выражены в нем, в отличие от французского и английского языков, сравнительно слабо, но, по сравнению с русским языком, представлены довольно значительно.

Общая характеристика немецкого русского языков в свете всех трех классификаций может быть сформулирована следующим образом. Немецкий и русский языки являются генетически односистемными отдаленно родственными языками. Эти языки по преимуществу флективны, синтетичны, с более или менее четко выраженными элементами других морфологических типов языков и аналитизма.

5.3. Сравнительная типология словообразования в немецком и русском языках

Синтетико-морфологические категории языков синтетического строя и общий характер структуры слова

Специфичную особенность языков синтетического строя образуют особые синтетико-морфологические категории, такие, как падеж, число, грамматический род, глагольный вид и т.д., слабо представленные или вовсе отсутствующие в аналитических языках. Синтетико-флективными они называются поэтому, что выражаются синтетически, с помощью флексий в структуре самого слова, например, Tage, дни, Mädchen, девочка – флективность, а синтетические – так как выражают, как правило, не одно из грамматических значений, а несколько.

Таким образом, для немецкого и русского языков характерны общие, одинаковые закономерности в структуре слова. Слово состоит не из одной морфемы, корневой, как например, в корневых языках (английском), а из нескольких. К корневой морфеме присоединяются и другие морфемы, выражающие синтетико-морфологические категории слова: Tages – дня, gehst – идешь, или образующие новые слова: Schönheit – красота, bildhaft – расписной, erwerben – приобретать и т.п.

Следовательно, для немецкого и русского языков характерна тенденция к двуморфемной структуре слова: слово состоит в чисто структурном плане из корневой морфемы и аффиксальных морфем, которые, в зависимости от своих функций, делятся на морфемы словоизменительные и морфемы словообразовательные [ср. Виноградов, 1972].

В области словообразования проявляются очень важные типологические черты языков. С одной стороны, словообразование тесно связано с грамматическим строем языка, с другой – со словарным составом. Новые слова, входя в словарный состав языка, располагаются по тем грамматическим категориям, которые типичны для данного языка. В то же время, в процессах словообразования находят свое отражение изменения в общественной жизни, производственной деятельности человека: в русском языке в прошлом столетии формировался слой слов со значением коллективной сплоченности действия: сработанность, сыгранность, сговоренность. Русский язык характеризуется более разнообразными способами словообразования по сравнению с другими языками.

Русский и немецкий языки, как языки индоевропейские, обладают, естественно, многими сходными чертами. Это сходство наблюдается и в словообразовании того и другого языка, выражаясь в наличии в них одинаковых способов образования слов: аффиксация, словосложение, субстантивация. Со словообразованием тесно связана также и структура слова. Если структура слова двуморфемна, то в таких языках преобладают аффиксальные способы словообразования. Примером такого языка как раз и является русский язык, в значительной степени немецкий и в известной степени французский язык, т.е. языки, относящиеся к флективному типу. Если слова в языке одноморфемны в своей начальной форме, то в таких языках продуктивным является безаффиксальное словообразование.

Примером такого языка служит английский, китайский и другие языки, относимые к изолирующему типу.

Таким образом, типология словообразования тесно связана с общей типологической характеристикой языка и зависит от нее. Специфика же заключается, прежде всего, в разной степени интенсивности действия того или иного способа словообразования, в различном характере отношения определенного способа словообразования к другим, например, к чисто синтетическим возможностям выражения различных смысловых отношений.

Аффиксация как ведущая тенденция словообразования в русском языке

Ведущим средством словообразования в русском языке является аффиксация, и в частности, способ суффиксального словообразования. Русский язык обладает широко развитой, дифференцированной системой

суффиксов; так, богато представлена в русском языке группа суффиксов субъективной оценки. В системе именного словопроизводства группа суффиксов субъективной оценки является характерной чертой русского языка по сравнению с немецким.

В русском существительном представлены как суффиксы уменьшительно-ласкательные: -ик, -ичек, -ок, -очек, -енька (-онька), -ышек и другие, выражающие самые различные оттенки значений (цветик, дождичек, зубок, лесочек, ступенька, водица, водичка, старушка, зеркальце, гнездышко, колышек), так и пренебрежительно-уменьшительные: -ишко, -енка (домишко, коровенка, старушечка), и суффиксы увеличительные: -ище, -ина (холодище, домина) [Русская грамматика, 1980] .

Следует подчеркнуть, что область распространения суффиксов субъективной оценки не ограничивается в русском языке только именем существительным. Эти суффиксы имеются и в категории имени прилагательного. Это -еньк, -оньк, связанные с понятием некоторой неполной меры качества, суффиксы -ехоньк, -ешеньк (целехонький, белешенький, беленький, сухонький), связанные с понятием большой, полной меры качеств, разговорно-бытовой суффикс -юсеньк со значением минимального, малого количества (малюсенький), увеличительный суффикс -ущий (полнущий). В системе имени прилагательного одно и то же субъективно-оценочное значение может быть выражено дважды: маленький котенок – большущий котище, что подчиняется закону обязательного грамматического плеоназма языков синтетического строя.

В немецком языке имеется лишь два суффикса субъективной оценки, характеризующиеся сильной многозначностью, а с другой стороны – омонимичностью: -chen, -lein. Эти суффиксы немецкого языка объединяют в себе с большей или меньшей полнотой значения и оттенки значений, выражающих понятия ласкательности, уничижительности, уменьшительности. И полностью отсутствуют суффиксы увеличительные. Многозначность данных суффиксов проявляется в контексте: das Blumensträusschen, (ласкательное значение) или уменьшительное; die Äuglein des Kindes (ласкательное значение); Na, Freundchen (ироническое). В немецком языке полностью отсутствуют суффиксы субъективной оценки в системе имени прилагательного.

Во французском языке имеется суффикс уменьшительности, но применяется он очень редко; в английском языке полностью отсутствуют суффиксы субъективной оценки; здесь употребляются лексические показатели: a little house (домик) в отличие от small house (маленький дом). Русские учащиеся очень трудно ориентируются в этой ситуации. Они стремятся как-то синтетически дифференцировать многозначность суффиксов -chen, -lein немецкого языка, что приводит к неправильному словообразованию.

Таким образом, русский язык отличается от немецкого широтой распространения суффиксов субъективной оценки, их многообразием, дифференцированностью системы суффиксации, создающей возможность для выражения различных смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков.

Аналогичная картина наблюдается и в системе других суффиксов, например, системе суффиксов со значением деятеля: -ец, -ик (-ник), -щик, -тель, (-итель), -ак (-як), -ар (-арь) и других. Здесь также наблюдается четкая дифференциация названий лиц по сферам производственной деятельности, по предметам, связанным с производством, с ремеслом, с профессией, по действиям или состояниям, характеризующим общественный облик человека, его социальное положение, по идеологическим признакам, по отношению к общественно-направленному, научному, идейному, художественному течению и т.п., по принадлежности к определенной народности, стране, месту, городу, по свойствам характера, склонностям: делец, продавец, гребец, передовик, работник, каменщик, учитель, газетчик, водитель, слесарь, пахарь, столяр, выборщик, избиратель, пермяк, и т.д.

Характерной особенностью русского словообразования является в данном случае активность отыменного словообразования, т.е. образование слов со значением деятеля от корневых имен существительных и прилагательных (а не от других частей речи, например, от глаголов или наречий).

В немецком языке часть этих значений закрепляется за суффиксом -er (реже -ling) и его вариантами. Чаще всего немецким существительным с суффиксом -er соответствуют русские, преимущественно отглагольные, существительные с суффиксом -ец и -тель. В отличие от русских суффиксов суффикс -er значительно менее активен в системе отыменного словообразования, следовательно, он не может передать значения всех морфологических типов русских существительных. Многим из них соответствуют в немецком языке сложные слова.

В первую очередь это относится к отыменным образованиям: ср., фронтовик = Frontkämpfer, передовик = Bestarbeiter, заочник = Fernstudent, моряк = Seemann, середняк = Mittelbauer, сплетник = Klatschbruder; суффиксальные соответствия немецкого языка существительным русского языка довольно редки: Verkäufer – продавец, Leiter – руководитель, Fischer – рыбак, Moskauer – москвич, Maler – художник, Sänger – певец.

В иных случаях трудно подыскать какое-либо производное или сложное слово, и тогда возможным оказывается соответствие в виде определительного словосочетания, имеющего описательный характер: здоровяк – kerngesunder Mensch, добряк – herzenguter Mensch; следует упомянуть и о субстантивированных прилагательных, как о возможных соответствиях

русским суффиксальным образованием: усач – der Schnurbärtige, толстяк – der Dicke и т.п.

Выше говорилось о том, что посредством суффикса -er в немецком языке образуются имена существительные, соответствующие в первую очередь русским отглагольным существительным с суффиксами -ец, -тель. Это не случайное совпадение. Оно объясняется тем, что немецкий язык, по сравнению с русским, допускает в более широких пределах образование существительных от того или иного глагола. Отсюда явление как бы обратного свойства – невозможность подыскания прямых соответствий значительному числу существительных немецкого языка с суффиксом -er, типа Störer, Benutzer, Entdecker и другим.

И в других частях речи складывается примерно та же картина: аффиксация в немецком языке менее продуктивна, чем в русском. Глагольные суффиксы в немецком языке семантически слабо окрашены и имеют, в основном, два оттенка значения: повторяемость (ächzen), уменьшительность (lächeln). Местоимения и числительные в морфологическом плане замкнутые классы; они имеют, в основном, корневые слова; то же самое можно отнести и к сфере наречия.

Словосложение как ведущая тенденция словообразования в немецком языке

Если исходить из всей системы словообразования, то следует отметить, что в немецком языке основную роль в словообразовании выполняет не аффиксация, а словосложение. Значительная роль словосложения частично заимствована, и в какой-то степени генетически обусловлена (в древних индоевропейских языках словосложение играло значительную роль).

Словосложение в современном немецком языке многогранное, многоаспектное и очень сложное явление. С одной стороны, оно часто переплетается с аффиксацией, с другими средствами словообразования. С другой стороны, оно граничит с синтаксисом, так как в немецком языке между компонентами сложного слова часто возникают такие отношения, которые повторяют синтаксические связи между словами.

Словосложение – ведущий способ словообразования в немецком языке по сравнению с русским языком. Однако, говоря о словосложении, следует подчеркнуть не только качественное различие в характере использования этого способа словообразования в немецком и русском языках, но и отметить имеющееся сходство.

Известно, что и в русском языке словосложение представлено, и довольно широко, в системе имени. С древнейших времен в русском языке существуют сложные слова, образованные путем соединения именной и глагольной основы типа «свинопас, водонос, воевода, злодей, медведь, листопад» и другие. Беря за основу морфологическую структуру сложных

существительных, исследователи различают в современном русском языке до восьми различных типов, с довольно многочисленными семантическими разновидностями внутри них. Уже само перечисление таких существительных, как «каменотес, маслодел, водолаз, пароход, снегопад, старожил, пустоцвет, пчеловодство, равновесие, газопроводка, железобетон, молотобоец, водокачка, землечерпалка, новостройка, хлебопашец, железнодорожник» и другие, говорит о довольно большом разнообразии структурных моделей сложного слова в русском языке. Среди подобных способов образования сложных слов исследователи различают немало способов продуктивных (ср., например, современные образования типа «атомоход, турбоэлектроход, вездеход» и другие).

Но еще раз подчеркнем, что немецкое сложное существительное отличается от русского большим разнообразием своего морфологического состава. Слово-определитель может выражаться основами, соотносящимися с различными частями речи: существительным, прилагательным, наречием, числительным, глаголом. Русский язык не имеет сложных слов, в которых бы первый компонент представлял собой глагольную основу. Ср. немецкие существительные типа *Bewegungsgrund* – движущая причина, *Stehkragen* – стоячий воротник, *Tragbahre* – носилки, *Nähmaschine* – швейная машина, *Hemmkette* – тормозная цепь, *Seeluft* – морской воздух и т.п.

Недостаточное развитие относительных прилагательных в немецком языке тоже связано с процессом словосложения. Кроме того, в немецком языке вообще нет притяжательных прилагательных (ср. «мамина шляпа – *Mutters Hut*»). Правда, русисты указывают на сокращение класса этих прилагательных в русском языке. В немецком языке сложные слова не исчезают и при наличии вариативности, например, *goldene Uhr = Golduhr*.

Для немецкого глагола характерны сложные образования – сдвиги типа *wachbleiben, achtgeben, kundgeben, radfahren*. В русском языке им соответствуют либо словосочетания, либо, чаще, производные глаголы (например, «бодрствовать, обращать внимание на что-либо, объявлять, ездить на велосипеде»). Как указывает М.Д.Степанова, группа сложных глаголов пополняется за счет перехода в сложные глаголы устойчивых словосочетаний типа: *zugrunde gehen, sich satt essen (zugrundegehen, sich sattessen)*.

Все приведенные выше факторы характеризуют количественную сторону вопроса; однако не в этом состоит основное свойство немецкого словосложения.

Качественное своеобразие немецких сложных слов заключается в сочетании в них двух функций: 1) обозначения отдельных понятий и 2) выражения отношений между предметами и явлениями действительности. Сложные существительные служат, с одной стороны, для называния, обозначения тех или других понятий, например, *Zahnfleisch, Treppenhaus, Rosenkranz*; с другой стороны, они способны выразить и самые отношения между понятиями, ср.: *Reisemudigkeit, Gastwirtssohn, Familienauseinandersetzung, Tonfigur, Spanienreise*.

У русских существительных синтаксическая функция не проявляется так ярко. Существительные типа «железобетон, каменотес, скотобойня, чернозем» и прочие служат именно для называния предметов или явлений, обозначая определенные терминологические понятия.

Последнее важно отметить при характеристике русских сложных существительных: почти все они представляют собой слова-термины, обозначая разные виды профессий, занятия, трудовые процессы, явления природы, инструменты и т.п. Последнее, однако, нельзя отнести к группе сложных существительных с глагольной, бессуфиксальной (реже – с производной) основой типа «ветрогон, головорез, блюдолиз, кровосос, горлодер, голодранец») и некоторых других, представляющих собой меткие характеристики лиц и имеющие экспрессивно-разговорный характер.

Богатство возможностей сочетания различных основ в сложных словах немецкого языка, богатство отношений, выражаемых ими, – все это обуславливает большое разнообразие конструкций, соответствующих немецким сложным словам: Hinterland – тыл (простое слово), Frontsoldat – фронтовик (производное слово), Krankheitsurlaub – отпуск по болезни; Schuhputz – чистка обуви, Sonntagsarbeit – работа по воскресеньям – различные синтаксические конструкции. В немецком языке здесь переkreциваются уровень морфологии и уровень синтаксиса.

Иногда как соответствие немецкому сложному слову выступает также сложное слово в русском языке: Flugzeug – самолет, Staubsauger – пылесос, Erdbeben – землетрясение, Dampfschiff – пароход, но все это слова-термины или терминологически окрашенные слова в русском языке.

Возможность сочетания различных основ в сложном слове немецкого языка безгранична в той же мере, в какой безграничны возможности комбинаций слов в синтаксических словосочетаниях. Грамматисты считают, что теоретически формальная возможность образования сложного слова в немецком языке неограниченна: Gastwirtschaftssohn, Familienauseinandersetzung, Lehrerinnenexamen – Fremdsprachenlehrerinnenkurse; или слово-чудовище: die Kesselsteinverhinderungsmittelerzeugungsgesellschaft; dieses Mitdertürinshausfallen – это последнее напоминает инкорпорирующий комплекс. Но все-таки здесь существуют некоторые ограничения в плане семантики, как например в: das Brigittenlächeln – улыбка, как у Бригитты; das Gefangenepenauto – машина, в которой везли пленных. Без контекста непонятен смысл, в частности, данных слов, в чем и проявляются семантические ограничения.

Немецкое словосложение отличается от русского широтой своего действия, поскольку это явление затрагивает различные части речи в немецком языке. Известно, например, что словосложение представлено в немецком языке не только в системе имени существительного, но в системе глагола, имени прилагательного.

Большому числу разных по морфологической структуре немецких сложных прилагательных с суффиксом *-ig*, реже с *-lich*, *-isch* типа *breitschultrig*, *grauäugig*, *dreitägig*, *spitznäsiger*, *leichtsinnig* и других в русском языке соответствуют те же самые сложные прилагательные. Сходство русского и немецкого сложного прилагательного выражается и в том, что они аналогичным образом связаны с соответствующим синтаксическим сочетанием, ср.: *grauäugig* = *graue Augen*, сероглазый = серые глаза.

Однако, и в системе прилагательного в немецком языке можно наблюдать большее разнообразие структурных моделей сложного прилагательного, большее разнообразие семантических отношений, выражаемых ими. Так, в русском языке значительно слабее представлены сложные прилагательные, выражающие отношения сравнения или усиление: *kreideweib*, *mäuschenstill*, *bleischwer*, *todunglücklich* и другие. Уже это обстоятельство говорит о широкой сфере действия немецкого словосложения.

В русском языке те же значения выражаются посредством синтаксических словосочетаний, содержащих сравнение: белый, как мел; либо путем повторения слов: тяжелый-претяжелый, либо префиксально-суффиксальным способом: несчастный, тяжелющий, белешенький; сочетание суффиксального способа и повтора представлено в русском соответствии немецкому прилагательному *mutterseelenallein* – один –одинешенек.

Чтобы наглядно представить себе всю значимость словосложения для различных сторон лексического и грамматического строя немецкого языка в сопоставлении со степенью развития того же явления в русском языке, целесообразно рассмотреть сравнительный подсчет количества сложных существительных одного и того же текста, написанного на русском и на немецком языках, количество сложных слов в оригинале и его переводе.

При таком подсчете выяснилось, что на первых десяти страницах «Анны Карениной» встретилось всего три сложных существительных». Это «домочадцы, пищеварение, родоначальник». В немецком же переводе наблюдается 77 случаев употребления сложных существительных. На пяти взятых наугад страницах «Руководства по общей хирургии» Э. Лексера встретилось 51 сложное существительное (не считая повторения), тогда как в переводе их не встретилось вообще.

О различных тенденциях в словообразовании свидетельствует и так называемый метод индексации, введенный Дж.Гринбергом. Так, в германских языках индекс префиксации довольно низок: в английском языке 0,03 (на сто слов только три слова с префиксами), в немецком – 0,07, в исландском – 0,01. Уровень деривации: наибольший индекс (0,29) – в немецком языке, наименьший (0,17) – в английском, в исландском – 0,23. Во всех германских языках очень высок индекс словосложения: в немецком языке он близок к единице [Гринберг, 1963].

Е.С. Кубрякова исследовала удельный вес каждого из приемов словообразования в германских языках. При этом она пользовалась следующей

методикой: из сплошной выборки 1000 слов из словаря выделялись три группы:

1) префиксальные слова: 158 (немецкий язык), 158 (английский язык), 90 (шведский язык);

2) суффиксальные слова: 234 (немецкий язык), 337 (английский язык), 260 (шведский язык);

3) сложные слова: 366 (немецкий язык), 274 (английский язык), 480 (шведский язык); остальные до 1000 – прочие средства.

Итак, подведем итоги.

1) Типологическое сходство сравниваемых языков в подсистеме словообразования заключается в наличии общих способов словообразования и общих словообразующих моделей, что является результатом генетического родства немецкого и русского языков, унаследованного из древних индоевропейских языков.

2) Типологические расхождения немецкого и русского языков касаются степени продуктивности и интенсивности употребительности того или иного словообразовательного способа и места этого способа в общей подсистеме словообразования: в русском языке ведущий способ – аффиксация, в немецком языке – словосложение.

5.4. Введение в типологию морфологического уровня

Общие типологические признаки сходства и различия в системе словоизменения немецкого и русского языков

Морфологический уровень языка рассматривает структуру слова, формы словоизменения, а также отнесение слов к определенным частям речи. Под формами словоизменения понимаются способы образования различных форм одного и того же слова, например, форма единственного и множественного числа имени существительного, прилагательного, падежные формы имени существительного и прилагательного, личные формы глагола, формы склонения и залога глагола и т.п.

В морфологическом строе сосредоточиваются наиболее ярко выраженные особенности каждого данного языка. Сравним, например, способы образования падежных форм имени, личных форм глагола. И немецкий, и русский языки пользуются флексиями при образовании этих словоформ, т.е. в системе словоизменения обоих языков более или менее ярко проявляется флективность. Флективность системы словоизменения – это то общее, что характеризует немецкий и русский языки на морфологическом уровне.

Но флективность немецкого языка не равна флективности русского языка; здесь имеются и существенные различия. Сравним склонение существительных: день, дня, дню, день, днем – четкое формальное отличие

каждого падежа; Tag, Tages, Tag, Tage – функции формального выражения числа и падежа берет на себя другое слово, а это является признаком аналитических языков.

Следовательно, особенности немецкого языка в этом плане состоят в том, что он пользуется аналитическими средствами при выражении категорий имени существительного, а сами эти аналитические средства (артиклы) образуются с довольно широким применением флексии. Следовательно, отмечается наличие в группе существительного аналитических тенденций.

Сравним образование аналитических личных форм глагола: *ich habe / du hast gemacht* – аналитические средства (вспомогательные глаголы) сами образуются также с довольно широким применением флексии. В русском языке в группе глагола также есть аналитические формы: сложное будущее, сослагательное наклонение, одна форма страдательного залога, повелительного наклонения: и здесь вспомогательные глаголы – аналитические средства – образуются также с широким применением флексии. В группе существительного в русском языке аналитических форм нет; своеобразные аналитические формы в группе существительного и являются особенностью флективности немецкого языка по сравнению с флективностью русского языка.

Кроме того, для немецкого языка характерно наличие особого вида флексии, которой нет ни в английском, ни в русском языке; нейтральная, слабо выразительная флексия, которая не может дать четкую морфологическую характеристику слову. Эта флексия имеется в системе слабого склонения прилагательных. Кроме того, для немецкого языка характерно широкое применение нулевой флексии, значительно шире, чем в русском языке (ср. парадигму склонения Tag и «день»).

Следовательно, для немецкого языка характерно широкое распространение морфологической омонимии в отличие от русского языка: нулевая флексия характеризует три различных падежа, три различные формы слова Tag; в русском языке – лишь одну – «день» – именительный падеж единственного числа. Нулевая флексия характеризует все словоформы в парадигме женского склонения немецкого языка, т.е. одна и та же форма выражает четыре различных значения; в русском языке этого нет. Слабая флексия -en во множественном числе имени прилагательного также характеризует все словоформы в немецком языке, что невозможно в русском языке.

Флективность немецкого и русского языков обуславливает наличие в них явлений грамматического плеоназма, иными словами избыточной характеристики (*Übercharakterisierung*). Он свойствен немецкому и русскому языку при выражении различных значений и грамматических категорий. Ср. *Wir sprechen*, мы говорим, но англ.: *we speak*. В немецком и русском языке грамматическое значение множественного числа выражается и

синтетически, и аналитически, в английском языке – только аналитически; но «снег белый» – мужской род выражен дважды; немецкому языку такой плеоназм неизвестен, так как предикативное прилагательное в нем не изменяется. Здесь немецкий язык ближе английскому: *the snow is white*, а русский – французскому и итальянскому: *la neve e bianca, la stanza e chiara*, но *il buro e scuro*.

Приведенные примеры свидетельствуют еще раз о том, что существуют относительные типологические признаки сходства и различия между сравниваемыми языками.

Тем не менее, сравнивая немецкий язык с русским, следует подчеркнуть, что в русском языке грамматический плеоназм представлен шире, чем в немецком; сравним: черненький котенок, а также следующее предложение:

Немецкий язык 1. *Die tapferen römischen Soldaten rücken vor*

Русский язык 2. Смелые римские солдаты наступают

Английский язык 3. *The courageous Roman soldiers come forward*

Анализ грамматического плеоназма при выражении множественного числа дает следующую картину: 1. AF + F; 2. F + F + F + F ; 3. O + O + O + F + O. Из сравнения видно, что аналитические языки не имеют грамматического плеоназма.

Система частей речи

Основу морфологического строя каждого языка образуют части речи с их грамматическими категориями. Система частей речи в немецком и русском языках в основном совпадает. Однако, имеются и определенные отличия как по общему составу частей речи, так и по их специфике. Следует отметить, что сама проблема частей речи в лингвистике в значительной мере не разработана.

Наиболее существенные различия можно суммировать следующим образом.

1. В русском языке есть особая часть речи – глагольная форма: деепричастие. Соответствующей глагольной формы в немецком языке нет, следовательно, в системе частей речи обоих языков наблюдается частичная асимметрия. Деепричастие – относительно молодая часть речи. Оно обозначает действие как признак другого действия, выраженного сказуемым. В немецком языке есть термин «*Adverbialpartizip*». В.В. Виноградов определял причастие как наречно-глагольную гибридную категорию [Виноградов, 1986].

Русское деепричастие многозначно и имеет много форм: 1) крича, читая (несовершенный вид); 2) прочтя (совершенный вид); 3) читав (несовершенный вид); 4) прочитав (совершенный вид). Он читал, развалясь в кресле (одновременность действия). Он читал, пообедав (предшествование

действия). Он вышел, хлопнув дверью (следование действия). Параллель между деепричастием русского языка и немецкой краткой формой Partizip 1 очень незначительна: такая эквивалентность возможна лишь (и то не всегда) для деепричастия несовершенного вида, выражающего одновременность действия с действием сказуемого: Он читал сидя – Er las sitzend.

Деепричастия в русском языке настолько распространены, что немецкий язык не может во всех случаях употреблять Partizip 1. Следовательно, можно констатировать несовпадение объема значений русского деепричастия и немецкого Partizip 1. Следует отметить также и большую продуктивность деепричастий в русском языке по сравнению с причастием первым немецкого языка. Во многих случаях русскому деепричастию соответствуют личные формы глагола.

Наряду с этим в немецком языке существуют разные структурные формы соответствий русским деепричастиям: 1) инфинитивные обороты, 2) придаточные предложения, 3) сложносочиненные предложения, которые характеризуются функциональным родством.

Из перечисленных возможных соответствий немецкого языка деепричастиям русского языка следует, что там, где в русском языке речь идет о морфологической категории, в немецком языке – о разноуровневых средствах, в первую очередь, синтаксических.

Следует отметить и определенные семантические ограничения на образование деепричастий и в русском языке. Так, не имеют деепричастий такие глаголы как ждать, гнуть, тонуть.

2. Для русского языка характерна распространенность и продуктивность так называемой «категории состояния». Категория состояния – это большая группа несклоняемо-именных и наречных слов, употребляемых в функции сказуемого с глаголом-связкой быть и другими вспомогательными глаголами [Виноградов, 1986]. Эти слова используются для обозначения состояния, приуроченного к определенному грамматическому времени: Ему (было, стало) грустно, весело, холодно, жаль, стыдно, жарко, совестно, жутко. Он рад, он доволен. Пора. Время. Недосуг и т.д.

В немецком языке количество таких слов очень ограничено и их семантика расплывчата: Es ist schade; es tut mir leid; wir sind seiner eingedenk. Исходя из общей системы немецкого языка, категории состояния русского языка соответствуют разные структуры.

3. В немецком языке особая служебная часть речи – артикль; в русском языке артикля нет. Исторически предполагается наличие артикля в русском языке; однако в современном русском языке имеются лишь реликты, расплывчатые черты артикля: Погода-то изменилась – следы постпозитивного артикля. Сама дефиниция артикля как особой части речи – проблема весьма сложная. Различные ученые-германисты трактуют артикль по-разному и относят его к различным частям речи. Так например, Г. Глинц относит артикль, наряду с указательными местоимениями, неопределен-

ными местоимениями и числительными к одной части речи – «указание на предметы» (Größenhinweise). Л. Зюттерлин относит его к частицам, наряду с наречиями, предлогами и союзами; О.И. Москальская – к категории функциональных слов с морфологической функцией наряду со вспомогательными глаголами; В.Г. Адмони – к служебным вспомогательным словам наряду с союзами, предлогами, частицами; И. Эрбен – к одной части речи наряду с указательными местоимениями; Х. Бринкманн, В. Юнг, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева рассматривают артикль как признак имени существительного. Однако Я. Пропп выделяет артикль как особую часть речи. В русском языке очень мало явлений, параллельных немецкому артиклю.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Немецкий язык обладает ограниченной флективностью в сравнении с русским языком, характеризуется особым видом распределения флективности в морфологической системе, наличием нейтральной флексии, широким распространением морфологической омонимии и употребительностью специфичных флективно-аналитических форм.

Оба языка характеризуются грамматическим плеоназмом структур, использующимся в условиях развития аналитизма.

Слово в немецком языке, благодаря вышеотмеченным морфологическим особенностям, характеризуется ограниченной самостоятельностью и опирается в своем функционировании и оформлении на синтаксические средства: словосочетания, порядок слов. В русском языке богатство и разнообразие синтетических средств ведет к синтаксической самостоятельности слова в предложении, что связано с большей гибкостью и свободой в построении предложения.

Значительные сходства системы частей речи не исключают некоторые важные общие различия: а) в немецком языке нет деепричастия, значительно менее развита «категория состояния»; б) в русском языке нет артикля как особой части речи – выразителя грамматических категорий имени существительного.

5.5. Типология имени существительного в немецком и русском языках

Общая характеристика имени существительного в сравниваемых языках

В сравниваемых языках категория имени существительного представляет собой самую распространенную часть речи и обладает большим количеством типологических признаков сходства. Обозначая предметность, существительные обладают независимыми категориями рода, числа, падежа и выступают в предложении в функции подлежащего, предикатива, дополнения и некоторых других.

Понятие предметности довольно обширно: оно включает обозначения предметов, названия людей, живых существ, отвлеченных признаков, свойств, состояний и пр. В соответствии с тем, какой денотат обозначается именем, различают его лексико-грамматические разряды: имена нарицательные, собственные, абстрактные, конкретные, собирательные, вещественные и др. Значение предметности получает выражение в грамматических категориях рода, числа и падежа, поскольку в онтологии предметы могут мыслиться как относящиеся к определенному роду, находящиеся в единственном или множественном числе и состоящие в определенных отношениях к другим предметам.

В русском и немецком языках три названных категории представлены в полном объеме. Вместе с тем, германские языки, в том числе и немецкий, обладают категорией определенности/неопределенности, которая выражается через артикль. Это важное типологическое отличие от русского языка, поддерживающее близость германских языков между собой.

Грамматическая категория рода в русском и немецком языках

Категория грамматического рода сформировалась на этапе дологического мышления, поэтому во многих случаях род не мотивирован. В разных языках существительные, обозначающие один и тот же предмет, могут относиться к разным родам, ср.:

Русский язык	Немецкий язык
дом	Das Haus
нога	Der Fuss
кровать	Das Bett

Существительные не изменяются по родам, род – это их классифицирующий признак. Его классифицирующий характер более всего сохранился в русском языке, где сама форма слова определяет его принадлежность к тому или иному роду. В русском и немецком языках род служит основанием для определения типа склонения существительного, а в немецком языке и для выбора формы множественного числа. Все это свидетельствует о важных грамматических функциях рода в этих языках, поддерживающих категорию рода несмотря на ее немотивированность.

А. Мейе предполагает, что развитие категории рода происходило через разграничение существительных, обозначающих одушевленные и неодушевленные предметы. Он приводит такую схему:

Род	Одушевленные Неодушевленные	Мужской Женский Средний
-----	--------------------------------	-------------------------------

Л. Ельмслев считает, что в дальнейшем развитие категории рода могло пойти двумя путями:

1. Путем упрощения и распределения существительных среднего рода на две категории (мужского и женского рода). Так произошло во французском и, по его мнению, в английском языках.

2. Другой путь – мотивация, в результате которой существительные мужского и женского рода выделили из своего состава те, которые обозначали неодушевленные предметы. О расчленении внутри категории рода свидетельствуют некоторые явления в славянских языках. В чешском языке существительные, обозначающие больших животных, считаются одушевленными, а существительные, обозначающие маленьких птиц, насекомых – неодушевленными. В немецком и английском языках по отношению к животным задается вопрос «Что?» [Ельмслев, 1972].

В настоящее время формы рода имеют формально-грамматический характер за исключением существительных, обозначающих людей. В названиях животных о естественном роде говорят при необходимости подчеркнуть дифференциацию, ср.: нем. *Der Hahn, die Henne*. В русском языке в этих случаях используются слова от разных корней: петух – курица, конь – лошадь. В обоих языках есть слова, обозначающие вид животного без указания на его пол. В немецком языке эти существительные среднего рода: *das Schaf, das Pferd, das Kamel*. В русском языке нет названий животных среднего рода за исключением некоторых терминов: млекопитающее, насекомое. В таких случаях происходит грамматикализация рода, которая в немецком языке идет активнее. В немецком языке даже названия лиц могут быть среднего рода: *das Mädchen, das Weib*. Лица мужского пола могут обозначаться существительными женского рода: *die Wache, die Ordonanz*.

В развитии категории рода в сравниваемых языках наблюдаются похожие и различные тенденции, которые можно проследить на материале новых заимствований. В русском языке род заимствованных существительных в большинстве случаев определяется по их форме. Существительные типа холдинг, альянс, фитнес, совпадающие по форме с исконно русскими или уже ассимилированными в языке существительными мужского рода, принимают эту грамматическую форму. Проблемным является определение грамматического рода существительных, форма которых отличается от типичных русских существительных. Как, например, определить грамматический род слова джакузи? По свидетельству Е.А. Земской в одной русской эмигрантской семье это слово, ввиду его полной несовместимости с грамматической системой русского существительного, заменялось словом кадка. Нельзя сказать, что это лучший вариант обхождения с языком. На наш взгляд, род слова джакузи следует определять по его соотносительности с синонимичным словом ванна. Во всяком случае, анализ родовой принадлежности немецких заимствованных существительных, проведен-

ный в дипломной работе Н.А. Монида, выявляет этот путь адаптации как один из возможных. По ее данным, около половины заимствованных существительных получают род, который имеют немецкие слова с подобным значением. Ср.: die Branche = die Ebene, das Camp = das Lager, das Center = das Zentrum, die E-mail = die Post, das Internet = das Netz, das Logo = das Zeichen и др. Грамматический род других заимствований определяется их принадлежностью к некоторым семантическим группам. Например, средний род получают (по аналогии с немецкими субстантивированными существительными) существительные со значением процесса. Большинство из них заимствовано из английского языка и представляют собой герундивные формы с суффиксом -ing: das Shopping, das Recycling, das Windserfing, das Camping, das Piercing, das Bodybuilding, das Casting. К среднему роду относятся и существительные, обозначающие некоторые технические новинки, у которых отсутствует аналогия с немецкими словами, ср.: das Fax, das Display, das Modem; das Know-how, das Design, das Job.

Многие из приведенных слов вошли и в русский язык, но получили в нем в соответствии с их формой мужской род, ср.: шопинг, пирсинг, бодибилдинг, факс, дисплей, модем. Исключение составляет, пожалуй, лишь слово ноу-хау, которое русским языковым сознанием, возможно по аналогии с открытием, воспринимается как существительное среднего рода.

Женский род получают в немецком языке многие существительные со значением, имеющим отношение к компьютеру: die Mouse, die CD-Rom, die Server, die Site, die Online, die Power, die Disc. Некоторые из них вошли в русский язык как существительные мужского рода: диск, сервер, сайт. В немецком языке мужской род получают, как правило, слова со значением деятеля, ср.: der Broker, der Dealer, der Killer, der Lover.

В русском языке иногда прибегают к аналитическому способу выражения рода. Это происходит, например, в тех случаях, когда отсутствует коррелят женского рода к соответствующему существительному мужского рода: Декан сказала. Немецкий и русский языки сближает тенденция к изменению структуры рода, а именно развитию коррелятивных форм женского рода к существительным мужского рода, обозначающих лиц по профессии. В немецком языке, однако, этот процесс идет активнее, ср.: Schriftstellerin, Kosmonautin, Dozentin, Professorin, Ärztin.

Грамматическая категория числа в сравниваемых языках

Категории числа и падежа являются собственно грамматическими: имя существительное изменяется по числам и падежам. Важным типологическим отличием немецкого языка от русского является выражение в нем множественного числа с помощью специальных аффиксов, тогда как в русском

языке оно выражается с помощью окончаний, участвующих в склонении. В германских языках число и падеж выражаются дифференцированно.

В немецком языке раздельность выражения числа и падежа наглядно прослеживается в форме дательного падежа множественно числа: Tag-e-n. Благодаря этому тема Pluralbildung проходит отдельно от склонения, что упрощает усвоение материала и помогает лучше почувствовать отличие немецкого языка от русского. Это различие впервые было сформулировано Л.Р. Зиндером и Т.В. Строевой в их книге «Современный немецкий язык».

Способы образования множественного числа представлены в табл. 8.

Т а б л и ц а 8

Способы образования множественного числа
в немецком и русском языках

Способ грамматического выражения числа	Русский язык	Немецкий язык
Флексия (внешняя)	книга – книги; стол – столы	
Флексия (внутренняя)		Garten – Gärten
Агглютинация		Tag – Tage; Buch – Bücher; Tafel – Tafeln; Auto – Autos
Аналитический способ	эти кенгуру	das Wappen – die Wappen
Супплетивизм	человек – люди	der Mann – die Leute

В русском языке основным способом образования множественного числа является присоединение к основе слова внешней флексии. В редких случаях используются аналитический и супплетивный способы. В немецком языке используется комплекс средств: суффиксы, внутренняя флексия (умлаут), артикль. Средства эти используются в соотнесенности друг с другом и представляют большие трудности.

В русском и немецком языках существительные характеризуются в единственном числе нулевой флексией, поскольку в других формах ей противостоит реально звучащая флексия, ср.:

Русск.	Бык-Ø Коров-а Животно-е
Нем.	Tag-Ø Tag-es Tag-e

Продуктивность моделей образования множественного числа можно проследить по заимствованным существительным. Самыми продуктивными суффиксами оказываются здесь для существительных всех трех родов – s: der Bestseller – die Bestsellers, der Clip – die Clips, die City – die Cities, die Talkshow – die Talkshows, das Girl – die Girls, das Book – die Books. Для существительных женского рода, заимствованных из французского языка, характерным оказывается суффикс -(e)n: die Annonce – die Annoncen, die Boutique – die Boutiquen, die Visage – die Visagen. В русском языке адаптация по числу происходит медленнее. Если бестселлеры и клипы не вызывают затруднений, то сити и ток-шоу пока не имеют форм множественного числа. Легкость адаптации английских заимствований в немецком языке объясняется близким родством этих языков. Более далекая генетическая связь с русским затрудняет этот процесс.

В обоих языках представлены группы существительных, выступающих либо только в единственном числе (*Singularia tantum*), либо только во множественном (*Pluralia tantum*).

Однако состав этих групп не совпадает. В русском языке шире представлена группа *Pluralia tantum*, в состав которой входят, например, существительные, обозначающие парные предметы: ножницы, брюки, ворота, сани, весы, щипцы, очки. В немецком языке все эти существительные имеют обе формы числа, ср.: Die Schere – die Scheren, die Hose – die Hosen, das Tor – die Tore, der Schlitten – die Schlitten, die Waage – die Waagen, die Brille – die Brillen. В группу *Pluralia tantum* входят в немецком языке многие термины, обозначающие собирательные понятия из сферы экономики и торговли, ср.: die Aktiva, die Devisen, die Finanzen, die Immobilien, die Lebensmittel, die Spirituosa. Многие из названных терминов в русском языке возможны только в единственном числе, ср.: недвижимость, валюта, спиртное.

Сходство между языками проявляется в том, что в группу *Singularia tantum* входят имена вещественные, собирательные и абстрактные существительные, ср. соответственно: сахар, молоко – Zucker, Milch; человечество – Menschheit ; голод, любовь, смех – Hunger, Liebe, Gelächter. Тем не менее, и здесь можно найти различия. Например, собирательные имена содержание, информация встречаются в немецком языке и в единственном, и во множественном числе: der Inhalt – die Inhalte, die Information – die Informationen. И наоборот, немецкое собирательное имя das Wissen употребляется только в единственном числе, тогда как в русском языке возможны обе формы: знание – знания.

Грамматическая категория падежа в русском и немецком языках

В системе склонения существительных немецкий язык сохранил больше сходства с русским. Сходство состоит в наличии в том и другом языке

3-х типов склонения, выделяемых на основе грамматического рода, а также в сохранении парадигмы склонения, насчитывающей в русском 6, а в немецком 4 падежа. В то же время можно установить общую тенденцию развития сравниваемых языков. Состоит эта тенденция в накоплении элементов аналитизма. Это выражается, в частности, в сокращении количества падежей. Так в русском языке еще в XIX веке различали 8 падежей. Кроме 6 сохранившихся до настоящего времени были партитивный и местный падежи, ср. соответственно: кубометр лесу но красота леса; из лесу но из дома. Оба этих падежа слились с родительным. В немецком языке парадигма склонения начала сокращаться раньше. Тем не менее, в древневерхненемецком языке различали 5-й падеж: инструменталис, а в готском еще и звательный падеж.

Другой процесс, подтверждающий развитие аналитических тенденций, состоит в усилении падежной омонимии. В немецком языке она охватывает значительное количество падежных форм, а в женском склонении все формы единственного числа. В русском языке омонимия форм наблюдается тоже, а именно в женском (третьем) склонении: Мать любит дочь. Особенностью русского языка является предложный падеж, который зависит от предшествующего предлога. Он также подтверждает тенденцию к аналитизму.

В немецком языке склонение существительных характеризуется отчетливо выраженной тенденцией к унификации, которая проявляется как в системе типов склонения, так и в системе падежных форм. Полностью унифицировано женское склонение. За исключением одного падежа – именительного – унифицировано слабое склонение, которое представляет типологическую уникалию немецкого языка. Процесс унификации склонения затрагивает и сильное склонение существительных. В качестве примера приведем название реферата, сделанного студенткой на семинаре по немецкому языку как иностранному в университете г. Зигена (ФРГ) в октябре 2004 г. Реферат назывался «Geschichte des Fremdsprachenunterricht», и никто из присутствующих (около 40 человек), в том числе и ведущий семинар проф. П.-Л. Фельцинг, не заметил отсутствие окончания в генитиве, хотя название проецировалось на экран. Этот факт можно интерпретировать таким образом, что немецкое языковое сознание привыкает к отсутствию окончания в генитиве сильного склонения. Особенно это касается, видимо, длинных слов, таких, как в приведенном названии реферата.

Уникалией русского языка является различие форм винительного падежа существительных мужского рода в зависимости от категории одушевленности, ср.: вижу дом, но вижу отца. Отсюда – типичные ошибки на немецком языке: Ich nehme ein Text (аналогия с совпадением у неодушевленных существительных именительного и винительного падежей в русском языке).

Особую типологическую проблему составляет функционирование падежей. Самые значительные различия наблюдаются здесь в сфере родительного падежа. В русском языке этот падеж представлен как в группе существительного, так и в группе глагола, ср. соответственно: достопримечательности города; купить молока, не любить стихов. Тем не менее, его употребление в группе глагола имеет определенные ограничения. В приведенных примерах он либо заменяет партитивный падеж, либо употребляется с отрицанием.

На этом основании А.А. Потебня отмечает тенденцию к размежеванию группы существительного и группы глагола в русском языке [Потебня, 1968]. В.Г. Адмони, развивая мысль Потебни, пишет о том, что в немецком языке эта тенденция выражена сильнее [Адмони, 1963].

В современном немецком языке генитив практически вытеснен из сферы глагола и употребляется почти исключительно как приименной падеж, ср.: *die Sehenswürdigkeiten der Stadt*. Приводимые во многих отечественных учебниках словосочетания типа *sich der Brille bedienen* вышли из употребления, что подтверждается блиц-опросом, проведенном П.-Л. Фельцингом в немецкоязычной студенческой аудитории. Из 40 присутствовавших на вопрос о том, употребляли ли они такое словосочетание в устной речи, положительно не ответил никто; 2–3 человека употребляли его в письменной речи. В качестве замены предлагалось более простое выражение *ich nehme die Brille*.

Генитив вытесняется и из предложного употребления. Видимо, не случайно Б. Сик назвал свою книгу об актуальных процессах в современном немецком языке «*Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod*». Автор приводит таблицу новых предлогов, первоначально употреблявшихся с родительным падежом, но постепенно допускающих в свою сферу и дательный падеж. Замена на дательный происходит преимущественно в тех случаях, когда существительное употребляется без артикля или другого детерминанта. Ср.: *einschließlich Porto (s), trotz Regen(s), trotz Stau(s), wegen Mord(es) angeklagt, wegen Umbau(s) geschlossen*.

Как во многих других случаях подобные изменения начинаются в диалектах. «Родиной» описанного процесса являются южнонемецкие диалекты [Sick, 2004].

Категория определенности/неопределенности в немецком языке и ее соответствия в русском

В германских языках существительные характеризуются по определенности/неопределенности, которая выражается оппозицией определенного и неопределенного артикля. В старославянском языке существовал постпозитивный артикль, остатки которого прослеживаются в разговорных формах: *парень-то он хороший; погода-то нынче плохая выдалась*.

Артикль является аналитическим средством, принимающим на себя семантико-грамматическую характеристику имени существительного. В немецком языке артикль склоняется, то есть относится к флективно-аналитическим средствам.

В русском языке категория определенности/неопределенности передается спорадически через употребление неопределенных местоимений какой-то, некий или указательных местоимений тот, этот. Неопределенное существительное часто является ремой высказывания и ставится тогда в конец предложения. Иногда происходит транспозиция неопределенности в русской фразе: вместо неопределенного имени употребляется неопределенное наречие, ср.: Ein Lärm entstand daneben – Где-то рядом раздался шум.

5.6. Сопоставительная типология имени прилагательного в немецком и русском языках

Общая характеристика и структурно-семантическая классификация

Имя прилагательное относится в сравниваемых языках к именным частям речи и обозначает признак предмета в широком смысле слова. Ведущей характеристикой прилагательного, позволяющей ему выступать в виде самостоятельной части речи, является его общекатегориальное атрибутивное значение [ср.: Кубрякова, 1977]. Генетическое родство немецкого и русского языков обуславливает аналогичность его грамматических категорий. Категории рода, числа и падежа являются в обоих языках относительными, поскольку зависят от грамматических категорий определяемого имени существительного.

Специфичной для прилагательного и в том, и в другом языке является категория компаративности, различающая степень выраженности признака предмета. В обоих языках эта категория характеризует только качественные прилагательные.

Значительные типологические различия между языками наблюдаются в области формоизменения. Краткая форма немецкого прилагательного, давно утратившая флексию, совпала с однокорневым наречием. В современном немецком языке это омонимичные формы, различающиеся, однако, функционально. Краткое прилагательное выступает, как правило, в функции предикатива, наречие – в функции обстоятельства. На этом основании В.Г. Адмони настаивает на разграничении краткой формы прилагательного и наречия [Admoni, 1986]. В русском языке краткая форма прилагательного существует, однако здесь отмечается тенденция к ее вытеснению полной формой [ср. Крушельницкая, 1961]. Наречие же в русском языке имеет характерный суффикс -о, что исключает омонимию.

Не совпадает в рассматриваемых языках и вычленение структурно-семантических классов внутри категории прилагательных. Хотя два основных класса – качественные и относительные прилагательные – представлены и в том, и в другом языке, их состав существенно различается. Особенно это касается класса относительных прилагательных. В русском языке он заметно шире по объему, поскольку русский язык обладает гораздо большими возможностями образования суффиксальных прилагательных от существительных, ср.: поле – полевой, лето – летний, комната – комнатный. В немецком языке класс относительных прилагательных ограничен; их функцию берут на себя первые компоненты сложных существительных. Таким образом, развитие словосложения в немецком языке компенсирует меньшую развитость аффиксального словообразования. Ср.: Feldblume, Sommerferien, Zimmerpflanze.

Различия в структурно-семантическом расчленении относительных прилагательных усугубляются тем, что в русском языке выделяется особый подкласс притяжательных прилагательных, образуемых от названий лиц и животных [ср. Виноградов, 1986], ср.: папин галстук, дедов характер, волчий аппетит. Этот подкласс отсутствует в немецком языке, в котором соответствующие значения передаются генитивными сочетаниями или сложными словами. Ср.: Papas Halstuch, Opas Charakter, Värehunger. В грамматиках русского языка к притяжательным прилагательным причисляются и местоимения типа мой, твой, свой. С типологической точки зрения их целесообразно оставить в классе местоимений, имеющих соответствие в немецком языке.

Грамматические категории

Остановимся на онтологически присущей имени прилагательному категории градации степени качества. Типологическое сходство, состоящее в одинаковом распределении качественного признака по степени его представленности (сравнительной или превосходной), не исключает типологических различий. Основное из них касается способа выражения степени сравнения. В немецком языке это синтетический суффиксальный способ, из которого есть только одно исключение – частица *am*: schön – schöner – am schönsten. В русском языке степени сравнения образуются как синтетически, так и аналитически: красив / красивый – красивее (более красивый) – красивейший (самый красивый).

Не столь явные различия наблюдаются в употреблении сравнительной и превосходной степеней. К.Г. Крушельницкая отмечает, что в русском языке сравнительная степень в функции определения употребляется только в аналитической форме: более теплый день [Крушельницкая, 1963]. Из этого следует, что синтетическая форма сравнительной степени в русском языке функционально соответствует краткой форме, нейтрализуя ее по

роду и числу, что, в свою очередь, является признаком аналитизма. Ср.: он красив, она красива, они красивы – он /она /они красивее.

Специфику сравнительной степени в немецком языке составляет ее употребление с оттенком неопределенной степени качества, что чуждо русскому языку. В зависимости от контекста она может означать и ослабленную, и более высокую степень качества [ср. Крушельницкая, 1963]: ein älterer Mann – пожилой или более старый человек; eine größere Stadt – небольшой или более крупный город; längere Zeit – некоторое или более продолжительное время.

В обоих языках превосходная степень употребляется для выражения высокой степени качества безотносительно к сравнению: in kürzester Frist – в кратчайший срок. Однако в современном немецком языке эта тенденция представлена более весомо. Так на материале рекламных текстов и текстов СМИ отмечены случаи подобного употребления, для которых отсутствуют эквиваленты в русском языке, ср.: der totalste Wahnsinn, das Maximalste, die finanziell optimalste Lösung, einer seiner langjährigsten Freunde [Sick, 2004].

Проблема краткой формы

Упомянутая выше проблема краткой формы прилагательного в немецком языке дискутируется в [Admoni, 1986]. В.Г. Адмони разводит краткую форму качественного прилагательного и омонимичную ей форму качественного наречия на основании различий в их потенциальной сочетаемости. Одни краткие формы ассоциируются с определением предметов, например: groß, niedrig, alt, другие ориентированы на определение действий или процессов: rasch, schnell, langsam. Тем не менее, продолжительное сосуществование омонимичных форм ведет к их функциональному совмещению в сознании носителей языка. Одним из следствий этого совмещения явилось выделение Г. Паулем предикативного определения как особого члена предложения, имеющего двойную синтаксическую зависимость. Специфика предикативного определения вытекает из неопределенности его морфологической формы, не привязывающей его к какому-то одному члену предложения. Именно поэтому предикативное определение как особый член предложения в русском языке отсутствует: здесь прилагательное должно быть определено по форме, что делает его не предикативным, а простым определением. Ср.: Ich trinke den Kaffee warm. – Я пью кофе теплым.

Другим следствием синкретичности краткой формы является процесс, обратный утрате флексии, а именно употребление в склоняемой форме даже таких слов, которые еще в недавнем прошлом воспринимались только как наречия. Б. Зик называет этот процесс «нелегальной адъективацией наречия» и приводит такие примеры: eine schrittweise Zunahme des Wachstums in Richtung..., eine gebührenpflichtige Verwarnung, eine teilweise

Zunahme, eine stufenweise Ausbildung [Sick, 2004]. В русском языке аналогами приведенных примеров будут прилагательные пошаговый, частичный, поступенчатый, которым не всегда соответствуют наречия, ср.: частично, но: пошагово.

Осмыслить типологическое значение проблемы краткой формы в немецком языке и ее аналогов в русском поможет обращение к ее функционированию и переводу. Рассмотрим на эту проблему на материале поэтических текстов Р. Ауслендер.

Особую сложность в стихах Р. Ауслендер представляет перевод заголовка, особенно в тех случаях, когда в заголовок выносится краткая форма прилагательного. Например, не удастся найти подходящего эквивалента для заголовка стихотворения *Zu kurz*, в котором речь идет о краткости момента, дня, месяца и целой жизни для того, чтобы решиться произнести да. Ср.:

Zu kurz

Schnee im Haar
Komm ich zu dir
Lege dir meine Worte
Zu Füßen
Du
Traurig wie ich
Weil der Tag zu kurz
Das Jahr zu kurz
Das Leben zu kurz
Um das vollkommene
JA
Zu sagen

Слишком коротко

Снег в волосах
Прихожу к тебе
К ногам кладу
свои слова
Ты
Печален как я
Ведь день такой короткий
Год такой короткий
Жизнь так коротка
Чтоб сказать
окончательно
ДА

Наглядной иллюстрацией переводческих трудностей, связанных с краткой формой прилагательного, может служить стихотворение, посвященное Сезанну. Его вторая строфа содержит прилагательное в краткой форме *unwiderruflich*, синтаксическая функция которого остается открытой: ее можно истолковать либо как постпозитивное определение, либо как предикатив. Строй русского языка вынуждает переводчика более однозначно определить смысловые отношения внутри строфы: переводческое решение склонилось в пользу сказуемости в обобщенно-личной форме. Третья строфа содержит неразличимое по форме прилагательное-существительное *Grün*, которое в переводе должно быть определено как то или другое. Переводческие трансформации ведут, как правило, к более конкретным смыслам. Ср.:

Cézanne

Bei ihm lernten
 Felsen und Bäume
 durchsichtig sein
 Hügel
 aus Äther
unwiderruflich
 Grüne Essenz
Grün
 in blauer Haut
 Der Umriss
 die Helle innen:
 Stoff ohne Schwerkraft

Сезанн

При нем стали
 деревья и скалы
 прозрачны
 Холмы
 эфирны
 другого нет
 Зеленый экстракт
Зелень
 в коже синей
 Контур
 В нем свет:
 силы тяжести нет

Таким образом, вопреки известной тенденции к большей автономности слова в русском языке [Адмони, 1965] в поэзии Розы Ауслендер слово, благодаря краткой форме прилагательного-наречия, оказывается в синтаксическом смысле более свободным, чем в соответствующих русских переводах. В этом видится не только яркое подтверждение индивидуального стиля поэтессы, но и свидетельство типологического расхождения языковых систем.

Типология склонения

Совсем по-иному обстоит дело с полной формой немецкого прилагательного, которое функционирует в полном соответствии и закономерностями закрепленно-напряженного строя языка. Это проявляется в том, что полное прилагательное входит в состав предложения через посредство синтаксической группы, ядром которой является существительное. В связи с этим В.Г. Адмони обосновывает тенденцию к монофлексии в группе существительного и характеризует прилагательное как морфологически переменный класс слов [Admoni, 1986]. В русском языке склонение прилагательных автономно, то есть не зависит от их вхождения в группу существительного. Это не означает, однако, что прилагательное автономно как класс слов, поскольку функционально оно связано с существительными и, как было показано выше, своей формой подчас ярче обнаруживает функциональную зависимость, чем это происходит в немецком языке.

Автономность склонения прилагательных в русском языке можно рассматривать как признак его унификации. Полные прилагательные склоняются по местоименному типу, ср.: такой красивый лес, такому новому дому. Различия обусловлены фонетическими закономерностями и зависят от твердости или мягкости согласного, к которому присоединяется окончание, ср.: красный – синий. Краткие прилагательные утратили склонение и

изменяются только по родам и числам: он здоров, она здорова, они здоровы. На более ранних ступенях развития русского языка эти формы склонялись по именному типу, о чем свидетельствуют некоторые реликтовые формы, ср.: *sredь bela dnia, na bosu nogu, po dobru po zdorovu*.

Современный немецкий язык сохранил именное склонение прилагательных наряду с местоименным, что и обуславливает переменный характер морфологии прилагательного. Прилагательное последовательно подчиняется тенденции к монофлексии, принимая местоименное окончание там, где оно отсутствует у существительного или сопровождающего его слова, и именное (нейтральное) окончание во всех остальных случаях, ср.: *roter Wein, hartes Brot, warme Milch – der neue Computer, das gelbe Bleistift, die silberne Kugel*.

Особую сложность представляет употребление именной группы в родительном падеже, где детерминант существительного и прилагательное имеют разные окончания, ср.: *Im Herbst dieses merkwürdigen Jahres*. Не случайно в современном языке наблюдается тенденция к морфологическому выравниванию форм местоимения и прилагательного, которая распространяется и на сочетания местоимение + существительное. Б. Зик сетует на частотность «неправильных» форм *diesen Jahres* [Sick, 2004].

Реализуемое таким образом в рамках монофлексии упрощение склонения наводит на мысль о том, что сама монофлексия является лишь частным случаем более общей тенденции к унификации словоизменения в немецком языке. Крайним выражением этой тенденции можно считать потерю флексии краткой формой прилагательного. Эта тенденция охватывает и синтетический русский язык, в котором краткое прилагательное уже в значительной мере тоже утратило флексию.

Синтаксические функции

Функционирование имени прилагательного имеет в обоих языках много сходных черт. Совпадает, например, употребление полной формы прилагательных в качестве препозитивного определения. Различия проявляются в функционировании краткой формы. В обоих языках она может употребляться в качестве предикатива, но в немецком языке она в этом случае стилистически нейтральна, а в русском языке получает семантический оттенок сиюминутности описываемого состояния. Ср.: *Sie ist lustig (jetzt und überhaupt)* – Она весела (сейчас, а вообще она невеселая).

Краткая форма прилагательного более употребительна в немецком языке, чем в русском. Она выступает в функциях обособленного и предикативного определений. В русском языке в первом случае употребляются полные прилагательные, а вторая функция вообще не реализуется. Ср.: (1) *Die Blumen, frisch und schön, freuten das Auge*. – Цветы, свежие и

красивые, радовали глаз. (2) Er kam müde nach Hause. – Он пришел домой усталым.

5.7. Глагол в немецком и русском языках

Общая характеристика

Глагол в русском и немецком языках объединяет все слова со значением действия, процесса, состояния. Он противопоставит имени существительному, образуя с ним взаимосвязанную пару. Взаимосвязь имени и глагола реализует в языке неразрывное единство философских категорий материи и движения. Как материя не мыслится без движения, так и имя в индоевропейских языках не мыслится без глагола.

Генетическое родство немецкого и русского языков обуславливает аналогичность структурно-семантических классов и грамматических категорий глаголов. Глаголы в обоих языках изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям. Переходные глаголы имеют категорию залога. Признаки сходства не исключают, тем не менее, определенных различий. Основное из них затрагивает видо-временные системы, отражающие разные возможности восприятия категории времени в индоевропейских языках. Э. Прокош так пишет об этом: «...принцип сочетания времени и вида в греческом и санскрите показывает, вероятно, довольно точно положение в праиндоевропейском. В балтийско-славянских языках все больше и больше подчеркивался сравнительно объективный элемент – вид, тогда как в западных языках, особенно в итальянских и германских, более субъективный временной фактор развился в такой мере, что виды были значительно редуцированы, хотя позже они были восстановлены вторичными образованиями» [Прокош, 1954].

Отмеченная Э. Прокошем тенденция в развитии индоевропейских языков позволила Г. фон Вригту выделить «две точки зрения, с которых логик изучает время» [Вригт, 1986]: первая учитывает порядок событий, следующих друг за другом на оси времени, вторая сосредоточена на природе временной субстанции.

В немецкой темпоральной системе, включающей предшествующие времена, воплощается первая точка зрения, которая представлена в метафорических образах прямонаправленного движения, пути. Эта точка зрения реализуется и в других индоевропейских языках. К.Г. Красухин отмечает, что предикат «двигаться, идти» – один из наиболее частых при темпоральных именах [Красухин, 1977]. Ср.: Die Zeit vergeht (wie im Fluge), время проходит, пролетает, течет. Тем не менее, другие факты свидетельствуют о размежевании восприятия времени в немецком и русском языковом сознании. Так глагол «приходить» приобрел функцию вспомогательного в некоторых немецких диалектах, ср.: er kam gelaufen,

что подтверждает линейность восприятия времени. Русское же слово время этимологически восходит к корню *-uert-* ‘двигать, поворачивать’ (вертеть, вращать, ворочать) [ср. Красухин, 1997]. Восприятие времени как циклического процесса предопределяется и метафорическим словосочетанием круглый год, восходящим к архаической народной системе членения года славянами [ср. Толстой, 1997]. Тем самым внимание концентрируется на внутренней структуре этого процесса, которая получает формальное выражение через словообразование. Например, глагольная приставка в русском языке всегда привносит идею темпоральной структуры [Кронгауз, 1997], представляя действие как законченное, совершенное. Ср.: *делать – сделать*.

Морфологические классы глаголов

Морфологическая характеристика глаголов в немецком и русском языках не совпадает. Различия начинаются с основных форм: в русском языке их две (инфинитив и настоящее время), а в немецком три (инфинитив, претерит и причастие II).

В русском языке спряжение глагола зависит от характера соотношения между основой настоящего времени и основой инфинитива, что определяет принадлежность глагола к тому или иному классу. Различают 5 продуктивных классов, по которым спрягаются большинство глаголов, в том числе и вновь образованные, и 17 непродуктивных классов (около 400 единиц) [Аникина, 1979]. Разбиение на классы производится, однако, по единому принципу, который можно назвать относительным, поскольку он учитывает характер соотношения основ. Непродуктивность класса определяется, в основном, реликтовым соотношением типа *мыть – моют*, которое не может использоваться в новообразованных глаголах. Каждый непродуктивный класс обнаруживает своего рода неправильность формообразования.

В немецком языке морфологический класс глагола определяется его принадлежностью к сильному или слабому типу спряжения. Сильные глаголы считаются непродуктивными, их число ограничено (около 150 корней), слабые являются продуктивными и служат образцами спряжения для вновь образованных глаголов. Принцип распределения глаголов по классам можно считать абсолютным, так как он задает определенные форманты: аблаут и отсутствие суффикса в претерите сильных глаголов и дентальный суффикс при отсутствии аблаута в претерите слабых глаголов; аблаут и сильные суффиксы в причастии II сильных глаголов и дентальный суффикс при отсутствии аблаута в причастии.

К неправильным глаголам относятся в немецком языке три небольших группы: претерито-презентные, смешанные и собственно неправильные.

Следующие таблицы дают суммарную картину формообразования глагола в русском и немецком языках.

Т а б л и ц а 9

Основные формы правильных глаголов в русском и немецком языках

	Инфинитив	Наст. время	Прош. время	Причастие
Русский	-ать, -еть, -овать, -нуть, -ить, -ти думать болеть рисовать крикнуть говорить везти	-ај, -еј, -уј, -н, мягкий согл. или шипящий: думај-ут болеј-ут рисуј-ут крикн-ут говор'-ат вез-ут		
Немецкий	Infinitiv -en: arbeiten sprechen schreien		Präteritum Ablaut / -te: arbeitete sprach schrie	Partizip II ge-+(Ablaut) + en/ t: gearbeitet gesprochen geschrieen

Т а б л и ц а 10

Неправильные глаголы в русском и немецком языках

Русский: непродуктивные глаголы	Немецкий: (unregelmäßige Verben) Präteritopräsentia, смешанные, собственно неправильные
17 классов: искать –ищут жечь –жгут мыть –моют стать – станут бороться – борются плыть – плывут и др.	können, mögen, wollen, müssen, dürfen, sollen, wissen brennen, kennen, nennen, rennen, senden, wenden sein, werden, tun, gehen, stehen, bringen, denken

Общий вывод, который напрашивается при контрастивном анализе формообразования глагола в сравниваемых языках, состоит в том, что русская система формообразования имеет более гибкий характер. Это проявляется как в самом принципе разбиения на классы, учитывающем соотношения разных основ, так и в обилии продуктивных и непродуктивных классов, многообразии формообразующих суффиксов инфинитива и окончаний основ настоящего времени. В немецком языке система

формообразования глагола отличается большим единообразием. Кроме того, в ней используется индоевропейское средство – аблаут, вытесненный из формообразования русского глагола.

Структурно-семантические классы

Структурно-семантические классы разбивают глаголы по присущему им обобщенному значению, которое влияет на формирование их грамматических категорий, а через них и синтаксических структур. Выделение категориального семантического признака глагола до сих пор является проблемным. Многие исследователи считают таким признаком процессуальность [Stepanowa/Helbig, 1978; Moskalskaja, 1983]. Другие выдвигают на первое место в качестве главенствующего признака акциональность, которая модифицируется лексическим значением, определяя актуальное состояние предмета в объективной действительности [ср., например, Admoni, 1986; Фефилов, 1985]. Большое значение имеет при этом направленность действия на объект или его признак, на субъект или его признак [Фефилов, 1985]. Эти различия лежат в основе разделения глаголов на субъектные / объектные, переходные / непереходные / возвратные, личные / безличные.

Утрата глаголом акционального признака ведет к его десемантизации и переходу в разряд вспомогательных или связочных. Контаминация модально-прагматических признаков ведет к расширению семантики глагола и позволяет провести разграничение шифтерных и не-шифтерных глагольных категорий [Якобсон].

Как было отмечено выше, структурно-семантические классы глаголов в немецком и русском языках совпадают. Различия имеют частный характер и затрагивают, в основном, объем классов и их употребительность. Рассмотрим классы по отдельности.

Полнозначные – неполнозначные глаголы

Полнозначные глаголы имеют самостоятельное лексическое значение и составляют в сравниваемых языках большинство. Их характеристика дается далее по отдельным структурно-семантическим группам. К неполнозначным глаголам, утратившим по разным причинам самостоятельное лексическое значение, относятся вспомогательные, связочные, модальные, фазисные и функциональные [Абрамов, 1999]. Сравнительная характеристика неполнозначных глаголов в немецком и русском языках выявляет неоднозначную картину (ср. табл. 11, 12).

Т а б л и ц а 11

Вспомогательные, связочные и модальные глаголы

	Вспомогательные	Связки	Модальные
Русский	быть	быть, являться бывать, оказываться слыть, казаться стать, делаться	долженствовать хотеть мочь
Немецкий	Hilfsverben haben sein werden	Kopulaverben sein werden bleiben scheinen heißen	Modalverben können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen lassen

Т а б л и ц а 12

Фазисные и функциональные глаголы

	Фазисные	Функциональные
Русский	Начать /начинать Стать (он стал читать) Кончать / кончить Продолжать / продолжить	Приходить (в упадок) Встретить (понимание) Найти (выражение)
Немецкий	Beginnen /anfangen Aufhören fortfahren	Zum Ausdruck bringen In Frage kommen Sich in Bewegung setzen

Данные табл. 11 и 12 можно проинтерпретировать следующим образом. Большая аналитичность немецкого языка обуславливает количественное преобладание в нем вспомогательных глаголов, с помощью которых образуются аналитические временные и залоговые формы. Гибкость грамматического строя русского языка объясняет вариативность его связочных глаголов. Система модальных глаголов в немецком языке более унифицирована. Их меньшее количество в русском компенсируется синонимичными формами категории состояния можно, нельзя, надо, нужно и др.

Вариативность русских фазисных глаголов обусловлена наличием видовых пар.

Специфическую семантику обнаруживает фазисный глагол стать, сочетая признаки начинательности и качественного изменения в поведении субъекта. В немецком языке аналог отсутствует, что затрудняет перевод таких, например, предложений, как: Он стал регулярно приходить к нам.

Что касается функциональных глаголов, образующих глагольно-именные конструкции, то их распространение в обоих языках связывается с тенденцией к именному стилю. Десемантизации подвергаются при этом такие глаголы, как *приходить/kommen, встретить / treffen, найти /finden*, которые используются в языках с разной частотностью и в разных сочетаниях. Ср.: *принести извинения, соболезнования и zum Ausdruck, zur Debatte, in Bewegung bringen*. По свидетельству В. Гладрова, системные исследования в этой области отсутствуют [Gladrow, 1989].

Личные – безличные глаголы

Эти структурно-семантические группы выделяются по отношению глаголов к субъекту действия. Основная масса глаголов представляет собой в обоих языках личные глаголы, которые имеют все формы лица и числа. Безличные глаголы употребляются в форме, совпадающей с формой 3-го лица ед. числа. Они обозначают действия, которые происходят как бы сами по себе, без участия действующего лица. Можно выделить две основные группы безличных глаголов:

- 1) глаголы, безличность которых мотивирована;
- 2) глаголы идиоматично безличные.

Собственно (или мотивированно) безличные глаголы обнаруживают в обоих языках сходство в семантике. Они обозначают явления метеорологии, физические состояния природы и человека. В русском языке такие глаголы употребляются в односоставных безличных предложениях, ср.: *Светает; Темнеет*. В немецком языке предложения с аналогичной семантикой являются формально двусоставными, однако подлежащим выступает в них безличное местоимение *es*. Ср.: *Es graut; Es dunkelt*. Венгерский исследователь Д. Цица называет такие случаи «симуляцией субъекта», отмечая, что в венгерском языке такой субъект может быть выражен. Возникают предложения типа «*regnet der Regen*» [Czicza]. Класс таких предложений в немецком языке шире. Он включает и такие выражения, которым в русском соответствуют безличные фразеологические сочетания, в которых «симулируемый» субъект выходит на поверхность. Ср.:

Es regnet, es schneit.

Идет дождь, идет снег.

Es blitzt.

Сверкает молния.

Es donnert

Гремит гром.

Безличные глаголы, обозначающие состояния или эмоции человека, независимые от его воли, тоже употребляются в разных структурных типах предложений, в которых безличность распространяется на одушевленный объект. В русском языке эти структуры многообразнее, они не всегда безличны. В немецком языке они различаются только наличием или

отсутствием формально-безличного местоимения, что определяет порядок слов. Личное местоимение в косвенном падеже обозначает объект, который охватывается обезличенным действием. Ср.:

Mich hungert. / Es hungert mich.	Я голоден.
Mich durstet. / Es durstet mich.	Я хочу пить.
Mich schläfert. / Es schläfert mich.	Меня клонит ко сну.
Mich ekelt. / Es ekelt mich.	Меня тошнит.

Признаком межъязыкового сходства является использование личных глаголов в безличном употреблении. Эти случаи показательны для типологии языков и близки к идиоматике. В русском языке такие случаи встречаются чаще, ср.:

Es atmet sich leicht hier. Он дышит легко. – Здесь легко дышится.

Цвета запахи. – Запахло цветами.

Снег замел улицы. – Снегом замело улицы.

Лодка прибилась к берегу. – Лодку прибило к берегу.

Идиоматично безличные глаголы десемантизированы. В каждом языке они употребляются в специфических выражениях, составляющих фразеологический код этого языка. Ср.:

Worum handelt es sich?	О чем идет речь?
Wie steht es mit...?	Как обстоят дела?
Es gibt...	Есть много книг.

Субъектные и объектные, переходные и непереходные глаголы

По мнению некоторых ученых, противопоставление глаголов по семантическим признакам «действие – процесс» имеет универсальный различительный характер и влияет на формирование структур внутри одного языка и типологических межъязыковых особенностей [Welke, 2002]. Эта оппозиция позволяет, в частности, семантически противопоставить переходные и непереходные глаголы.

Описывая семантику переходности, А. Вежбицкая считает, что прототипический объект переходного глагола является «бессловесным неодушевленным» и что прототипические переходные глаголы – это глаголы физического действия, такие как ломать, рубить, строить, открывать. Прототипический переходный сценарий, по ее мнению, «отмечает намеренное действие человека, в течение которого человек контролирует «бессловесные объекты» и воздействует на них: рубит дерево, ломает ветку, разводит огонь, жарит мясо, строит убежище и т.д. Действия подобного рода настолько существенны для выживания людей, что едва ли удивительно, что основной сценарий, разыгрываемый в них, закодирован практически

повсеместно в грамматике человеческих языков» [Вежбицкая, 1999]. Русский и немецкий языки не составляют исключения.

Тем не менее, в немецком языке наблюдается более высокая степень формализации. Это ведет к тому, что во многих случаях формально переходный, то есть требующий дополнения в винительном падеже, глагол на самом деле таковым не является, что подтверждает сопоставление с русским языком. Как правило, это глаголы с транзитивирующими приставками. Ср.: Fragen beantworten – отвечать на вопросы, etw. beobachten – наблюдать за чем-либо. Соответствующие русские глаголы причисляются к объектным: они требуют объекта в форме предложного сочетания существительного.

Непереходные глаголы обозначают ненаправленные действия субъекта, его занятость или изменения его состояния. Такие глаголы называются субъектными, ср.: шуметь, дерзить, мигать, работать, фантазировать, глхнуть, слепнуть. А.И. Фефилов замечает, что в некоторых случаях объектный признак, имплицированный в семантической структуре такого глагола, эксплицируется отдельно стоящим словом, ср. шуметь – производить шум – Lärm machen. В немецком языке это происходит чаще, чем в русском, ср. немецкие соответствия некоторым приведенным выше русским глаголам: taub werden, blind werden, а также: einen Rausch bekommen – хмелеть, seicht werden – мелеть, sauer werden – киснуть, grau werden – седеть, schwach werden – слабеть [Фефилов, 1985].

К непереходным глаголам относятся и возвратные. По характеристике А. Вежбицкой, прототипический возвратный сценарий отличается от прототипического переходного сценария в нескольких отношениях: в него вовлечен человек, а не человек и объект, в него вовлечена идея «того же самого» («нечто происходит с этим же человеком») и в нем не (обязательно) предусмотрена идея намеренного действия [Вежбицкая, 1999]. Ср.: он умывается, бреется, радуется – er wäscht sich, rasiert sich, freut sich.

В русском языке возвратность передается синтетически с помощью частицы -ся, а в немецком аналитически, с помощью возвратного местоимения sich. Однако русская частица -ся является многозначной, обозначая не только возвратные действия, но и взаимные (они целуются). Она может обозначать имманентное свойство предмета (собака кусается). Все это значительно сужает класс возвратных глаголов в немецком языке по сравнению с русским. То, что в русском языке передается глаголом с частицей -ся, в немецком языке часто оформляется непереходным глаголом или словосочетанием, ср.: хвастаться – prahlen, интересоваться – Interesse haben, дурачиться – einen Narren spielen [Фефилов, 1985].

Категория времени и вида

Категория глагольного времени ориентирует действие относительно некоторой внешней точки отсчета, прежде всего, относительно момента речи, независимого от действия, или относительно другого действия. В этом смысле категория времени имеет дейктический характер. Категория вида, или способа действия, не зависит от внешних условий номинации, является «внутренней» системой координат, структурирующей характер протекания действия [ср. Кронгауз, 1997].

Упомянутая выше тенденция размежевания германских и славянских языков по признаку видо-временных корреляций реализовалась постепенно в течение длительного времени. Этот сложный процесс затронул и ту, и другую группу языков. Виды были редуцированы не только в германских, но и в славянских языках, которые утратили индоевропейский аорист, сохранив двучленную оппозицию совершенного / несовершенного вида.

Перестройка индоевропейского вида в древнерусском языке началась, согласно В. Климонову, с прошедшего времени вместе с исчезновением маркированной формы имперфекта и связанной с ней формы плюсквамперфекта. Следствием этого стало разделение функций первоначально синкретичных маркеров времени и вида. Постепенно функцию выражения времени принял на себя суффикс -л- с последующими окончаниями, а аспектуальная функция закрепилась за аффиксами основы. При этом стерлось различие между статальным значением, первоначально присущим перфекту, и акциональным значением аориста.

Оба значения объединились в претерите с суффиксом -л-. Прошедшее время утратило маркировку вспомогательным глаголом были [Климонов, 2004]. Объяснение этому процессу может быть дано через закон поэтапного вытеснения маркированности, сформулированный Т. Веннеманном в качестве диахронической максимы.

Немецкий язык полностью утратил маркировку вида как грамматической категории, однако в нем сохранились некоторые семантические признаки, которые в структуре глагола дополнительно маркируют совершенный вид. По мнению чешской исследовательницы Р. Козмовой, это происходит за счет определенных семантических перспектив: временной, пространственной, модальной и каузальной. Каждая из приведенных перспектив придает глаголу определенный семантический оттенок. Временная характеристика задает фазисность (*schlafen – einschlafen*), пространственная – направление движения (*steigen – aussteigen*), модальная – интенсивность действия (*trinken – saufen*), каузальная – каузативность (*springen – sprengen*) [Kozmova, 2004]. Таким образом, отсутствующая в немецком языке категория вида частично восполняется словообразовательными средствами, придающими глаголу определенные видовые оттенки.

Другой способ частичной компенсации категории вида в немецком языке – создание видовой оппозиции между инфинитивом глагола и отглагольным существительным, обозначающим действие. Инфинитив, как правило, обозначая процесс, имеет несовершенный вид, а субстантивный дериват – совершенный. Например: *Die Versandung des Haferflockens führte zu...; Das ständige Versanden...* [Aptacy, 2004]. Языки, обладающие этой категорией, меньше нуждаются в аспектуальной характеристике имен. Так в русском языке один и тот же девербатив может иметь различные характеристики способа протекания действия. Ср.: ход как процесс (крестный ход) и как однократное действие (ход конем).

Типологическое сопоставление немецкой и русской видо-временных систем дает сложную картину. Шестичленной темпоральной системе немецкого языка соответствуют пять видо-временных ступеней современного русского языка. При этом распределение глагольных форм по темпоральным или видо-временным ступеням и в том, и в другом языке неравномерно.

Настоящее время выражается в немецком языке презенсом, а в русском только имперфективным презенсом, ср.: *ich lese* – я читаю. В современном немецком языке презенс является самым частотным глагольным временем. Статистические подсчеты, основанные на мангеймском корпусе письменных текстов, содержащем романы, публицистику, научную прозу и драмы, оценивают его частотность на фоне других времен в 52 % [Duden, 1995]. В частности, в немецком языке значительно больше, чем в русском, распространено употребление настоящего времени вместо будущего. Одну из причин этого К.Г. Крушельницкая видит в отсутствии формы настоящего времени у русских глаголов совершенного вида [Крушельницкая, 1961].

Для выражения прошедшего времени в немецком языке используется трехчленная оппозиция: претерит – префект – плюсквамперфект. Некоторые исследователи полагают при этом, что в современном языке наблюдается процесс грамматикализации перфекта, который вытесняет претерит. Особенно активно этот процесс протекает в южно-немецких диалектах [Dahl, 1995]. В разговорном языке распространение получает так называемый «ультра-перфект», содержащий удвоение перфектной формы типа: *gesehen gehabt haben, getroffen gehabt haben*. Благодаря Интернету подобные формы проникли и в письменный язык [Sick, 2004]. Тем не менее, пока преждевременно говорить об изменении парадигмы.

В контрастивном плане именно ступень прошедшего времени наиболее сложна для сопоставления. В русском языке в прошедшем времени реализуется видовая оппозиция: имперфективному претериту противостоит перфективный: *я читал* – *я прочитал*. Наиболее близок русскому прошедшему времени немецкий претерит, поскольку он выражает наиболее общее значение – предшествование данного действия моменту речи, независимо от его отношения к другим действиям [Крушельницкая, 1961]. По данным

грамматики серии Дуден, основанными на статистическом обследовании значительного корпуса примеров в Институте немецкого языка г. Мангейма, претерит является наиболее употребительной формой выражения прошедшего в немецком языке. Его частотность на фоне всех других времен составляет около 38 %, на долю перфекта приходится 5,5 %, а на долю плюсквамперфекта – 3,2 % [Duden, 1995].

В немецком языке грамматически реализуется категория предшествования, выражаемая плюсквамперфектом и отсутствующая в русском языке. Различие между претеритом и перфектом имеет функциональный характер, поскольку зависит от сферы употребления. В русском языке видовое различие реализуется системно и перекрывает все сферы употребления прошедших времен в немецком языке.

Для выражения будущего действия в немецком языке представлена двучленная оппозиция футурума I и II, противопоставленных по признаку завершенности. Это противопоставление наиболее близко оппозиции простого и аналитического будущего в русском языке. Сходство состоит и в значении, поскольку в обоих языках будущее время обозначает событие, которого еще нет в действительности, которое только планируется, прогнозируется или предполагается. Из этого вытекает, что граница между временем и наклонением в сфере будущего становится расплывчатой [ср, например, Hentschel, Weydt, 1994]. Это обнаруживается во многих языках, в которых будущее время имеет модальный компонент значения и наоборот, модальные глаголы часто имеют футуральную ориентацию. Вспомогательные глаголы будущего времени в английском языке *will, shall* произошли от модальных глаголов. Немецкий модальный глагол *sollen* используется для выражения так называемого презумптивного будущего. Перевод подобных конструкций содержит и в русском языке модальный оттенок неизбежности действия. Ср. пример, приводимый К.Г. Крушельницкой и рекомендуемый ею вариант перевода: *Als man Wallau zum zweiten Mal eingesperrt hatte, war es seiner Frau klar, dass sie ihren Mann nicht mehr wiedersehen sollte* (A. Seghers) – ...что ей не суждено больше его увидеть [Крушельницкая, 1961].

Функциональная сфера футурума в немецком языке переключается с выражением значения предположения, релевантного либо для настоящего, либо для прошедшего времени. По мнению некоторых лингвистов, модальное значение будущих времен в немецком языке превалирует над временным. Такое употребление менее характерно для русского языка, в котором соответствующие модальные значения, как правило, передаются модальными словами. Ср.:

Er wird krank sein – Он, вероятно, болен;

Er wird das gesagt haben – Он, вероятно, сказал об этом.

В русском языке значение предположения встречается только в разговорной речи, главным образом, в вопросах. Ср.: Вы будете здесь главный?

А далеко еще будет до города? [Крушельницкая, 1961]. Модальное значение будущего времени в русском языке более весомо, чем в немецком языке, представлено в эмоционально-экспрессивной сфере.

Оно может быть переосмыслено, например, как эмоционально-отрицательное, ср.: Придет он вам! (= Вовсе он не придет!) В сочетании с отрицанием будущее простое обозначает невозможность действия в настоящем [Гвоздев, 1955]. Иллюстрируя справедливость этого утверждения, Е.М. Кубарев приводит примеры переводов русских предложений, содержащих отрицание в сочетании с простым будущим, на немецкий язык [Кубарев, 2001]. Переводы на немецкий язык и их обратные переводы эксплицируют модальные глаголы и слова:

Плетью обуха не перешибешь («Дубровский», гл. 3)

Ein Beil kann man mit einer Peitschenschnur nicht durchhauen (перев. А. Элиасберга)

Обратный перевод: Топор нельзя перерубить кнутом.

Не выгонишь дьяволенка! («Тихий Дон», ч.3, гл. 7)

Der kleine Teufel ist nicht wegzujaen (перев. О. Гальперн)

Обратный перевод: Чертенка невозможно выгнать.

Исследователи отмечают и функциональную транспозицию русского будущего времени в сферу прошедшего, где оно выражает предстоящее по отношению к другому действию в прошедшем («будущее в прошедшем»). В немецком языке в таких случаях употребляется, как правило, претерит [Крушельницкая, 1961].

Таким образом, сфера функционирования будущих времен в немецком и русском языках существенно различается. В русском языке она значительно шире. Рассматривая немецкий язык на фоне других европейских языков, О. Даль полагает, что он, и особенно его нижненемецкие диалекты, вполне могут обходиться без футурума, во всяком случае, специальной маркировки отнесенности к будущему времени через глагольную категорию не требуется. Например, в русском предложении Завтра пойдет дождь будущее время обязательно, поскольку настоящее время у русских глаголов совершенного вида отсутствует. В немецком языке здесь возможны два варианта: *Morgen wird es regnen / Morgen regnet es*. На этом основании О. Даль относит немецкий язык к северному ареалу, в языках которого (за исключением английского) будущее время часто отсутствует [Dahl, 1952]. Тенденция к ограниченному употреблению будущего времени поддерживается в немецком языке и тем, что сфера функционирования второго футурума чрезвычайно узка и охватывает, в основном, специальные тексты, содержащие разного рода прогнозы.

Системные межъязыковые различия темпоральных парадигм влекут за собой различия в интерпретации их семантики и функционирования. В русистике семантика и функционирование глагольных времен интерпретируется, как правило, в категориях функционально-семантических полей

(ФСП). Такой подход позволяет проследить взаимосвязи собственно темпоральных категорий с аспектуальными, с одной стороны, и финитных глагольных форм с инфинитными, прежде всего, с деепричастием, с другой. «Общетемпоральное» поле включает три характерных функционально-семантических группировки: аспектуальные ФСП, ФСП временной локализованности и таксисные ФСП. Конкретные описания перечисленных ФСП предпринимаются в терминах категориальных ситуаций, позволяющих конкретизировать системно-языковые связи при актуализации глагола в высказывании [Бондарко, 2003].

В германистике интерпретация семантики и функционирования глагольных времен исходит из других теоретических посылок. Отсутствие в немецком языке категории вида и отсутствие деепричастия как гибридной глагольно-наречной формы размывает членение «общетемпорального» поля в понимании А.В. Бондарко. Акценты интерпретации делаются на различении таких категорий как «время действия» (*Ereigniszeit oder Faktzeit*), «время произнесения или восприятия (читающим или слушающим)» (*Sprechzeit*) и «время рассмотрения» (в исторической перспективе) (*Betrachtzeit*). Таким образом, признается двойная релятивация действия или события во времени, то есть двойная дейктичность: во-первых, по отношению ко времени произнесения или восприятия и, во-вторых, по отношению ко времени возможного рассмотрения, которое обозначается наречиями или конкретными датами.

Сопоставление подходов показывает, что в германистике интерпретация происходит, в основном, в рамках ФСП временной локализованности, хотя этот термин и не употребляется. Грамматические времена определяют локализованность действия или события на временной оси относительно говорящего. Немецкая темпоральная система позволяет и углублять временную перспективу при выражении предшествования. При этом возникают отношения независимого таксиса, реализуемого в сложносочиненном, темпоральном сложноподчиненном предложении или в цепочке предложений. Ср. выражение временной последовательности действий:

Rieger hatte unbegrenzte Vollmacht zur Zwangsaushebung erhalten, und unter seinem Kommando kam es während des Jahres 1757 zu drei groß angelegten Menschenjagden (R. Safranski);

Seitdem das Theaterwesen sich emanzipiert hatte..., waren überall die Theaterphilosophen... an der Arbeit (R. Safranski).

В русских соответствиях приведенных примеров таксисные отношения временной последовательности сохраняются, хотя допустима, особенно во втором примере, их интерпретация как отношений совмещения во времени, поскольку в русском языке отсутствуют специальные показатели предшествования. Ср.:

С тех пор как театральное дело эмансипировалось..., за работу принялись театральные философы.

Зависимый таксис, выражающий сопутствующие временные обстоятельства, имеет в немецком языке ограниченное применение в связи с невысокой частотностью причастных оборотов в самостоятельном употреблении.

Особого внимания в плане сопоставления подходов заслуживает, на наш взгляд, понятие *Betrachtzeit*. В нашем понимании наличие специальных показателей этого времени в высказывании может свидетельствовать о релятивации двоякого рода. С одной стороны, это может быть указание на время рассмотрения в конкретной исторической перспективе, обозначенной датой или наречием, релевантной для определения истинности высказывания. Авторы трехтомной «Грамматики немецкого языка» приводят для иллюстрации этого понятия пример «1812 ist Napoleon Herrscher über fast ganz Europa». Время рассмотрения обозначено здесь датой 1812, совпадающей со временем события и предшествующей моменту речи.

С другой стороны, на наш взгляд, время рассмотрения может быть сигналом обобщения, снятия конкретности, что может осуществляться наречиями типа *gewöhnlich*, обобщенными субъектами типа *man*, *die Leute*. И в том, и в другом случаях понятие времени рассмотрения оказывается продуктивным для разграничения действий, локализованных и нелокализованных в времени, которое предлагает проводить А.В. Бондарко на русских глаголах [Бондарко, 2003]. Различия основных типов временной локализованности (конкретных и неконкретных действий) и временной нелокализованности (простой повторяемости, узуальности и временной обобщенности) реализуются в русском языке за счет видовых оттенков и средствами контекста [там же и далее]. В немецком языке различение этих смысловых оттенков происходит за счет лексического наполнения высказывания и контекста и категориально обобщается понятием «время рассмотрения». Приведем один пример:

Im Hausgang begegnete er wieder Mina. Sie strich ihm im Vorbeigehen über den Kopf. Das tat sie sonst nicht (M. Walser).

Выделенное наречие изменяет время рассмотрения действия последнего предложения относительно первых двух. В первых двух предложениях время рассмотрения совпадает с фактическим временем совершения действия и локализуется как прошедшее относительно времени говорения. В последнем предложении наречие *sonst* придает высказыванию обобщающий характер, следствием чего оказывается гораздо более глубокая временная перспектива, охватывающая многочисленные встречи с Миной, при которых она не гладила мальчика по голове. При этом конкретной локализации во времени последнее предложение не имеет.

Категория залога

Категория залога рассматривается в современных грамматических теориях как частный случай диатезы. Основываясь на модели А.А. Холодовича – В.С. Храковского, Р. Леч пишет: «Как пассивная рассматривается любая предикативная или атрибутивная конструкция, диатезная структура которой исключает соответствие подлежащего или главного члена определительного сочетания (на синтаксическом уровне) агенту (носителю / производителю действия, субъекту) на семантическом уровне» [Леч, 1991]. При этом изменение логико-прагматической последовательности аргументов считается признаком архетипического (личного) пассива, который автор, как и многие другие исследователи, относит к прототипическому, или образцовому [ср.: Шубик, 1989]. В непрототипических пассивных конструкциях происходит изменение перспективы с позиции не агенса, а пациенса. Последний становится семантически носителем события, выполняя функцию первого аргумента [ср.: Welke, 2002]. Ср.: *Man zerbricht die Vase – Die Vase zerbricht.*

Типологизация пассивных конструкций производится исследователями по-разному. К. Вельке, рассматривая диатезу как обмен семантическими ролями аргументов, приходит к заключению о неадекватности этой концепции и расширяет ее, вводя понятие перспективации событий [Welke, 2002]. Он считает, что ролевая конверсия идет рука об руку с переосмыслением значения действия в значение процесса. Именно это объясняет, по его мнению, с которым трудно не согласиться, невозможность конверсии безличного пассива [Welke, 2002]. С.А. Шубик рассматривает безличный пассив как особый залог, который он называет тотивом, имея в виду, что семантика глагола в таких конструкциях характеризуется суммарностью, структурной нерасчлененностью [Шубик, 1989]. Тем самым автор фактически отмечает изменение семантики глагола в безличных пассивных конструкциях. Развивая эту мысль со своих позиций, К. Вельке, приходит к выводу о том, что при пассивизации конверсия затрагивает ингерентную семантику глагола [Welke, 2002].

А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова выстраивают несколько иную типологию пассивных конструкций в немецком языке. Авторы исходят из двух моментов их систематизации: субъектности и агентивности. Наиболее частотной является субъектная безагентивная конструкция, соответствующая двучленному пассиву типа *Der Hund wird geschlagen* [Зеленецкий, Новожилова, 2003]. Семантику бессубъектных пассивных конструкций авторы определяют как комплексную, подчеркивая их моноремность. Структурная нерасчлененность, о которой пишет С.А. Шубик, распространяется здесь на все высказывание. Ср.: *Später wurde zu Abend gegessen.* Тем не менее, исходная позиция А.Л. Зеленецкого и О.В. Новожиловой: разграничение синтаксического (субъектность) и семантического (агентив-

ность) параметров, – позволяет им по-иному оценить безличный пассив. В самом деле, бессубъектные агентивные конструкции, как пишут авторы, «бесспорно, личны, тогда как бессубъектные безагентивные [конструкции] правильнее характеризовать как неопределенно-личные» [Зеленецкий, Новожилова, 2003]. Различие эксплицируется при одноязычных трансформациях и при переводе на русский язык, ср.: *Im Zimmer wird öfters von den Studenten getanzt* – *Im Zimmer tanzen öfters Studenten* – В комнате часто танцуют студенты; *Im Zimmer wird öfters getanzt* – *Im Zimmer tanzt man öfters* – В комнате часто танцуют.

Контрастивный анализ пассива в немецком и русском языках выявляет различия формально-семантического и функционального планов. До недавнего времени считалось, что в немецком языке образование форм страдательного залога полностью унифицировано и происходит с помощью вспомогательного глагола *werden* и причастия II основного глагола [Крушельницкая, 1961]. Постепенно, однако, в пассивную парадигму немецкого языка были включены и другие формы, разрушив миф о ее унифицированности. Пассивная морфологическая парадигма интерпретируется сегодня в терминах теории поля.

При этом, на наш взгляд, следует применять не сегментную, а «ростковую» модель поля, учитывающую «прорастание» все новых средств пассивизации и изменение их соотношения относительно друг друга [ср.: Köller, 1983]. При этом происходит грамматикализация некоторых глаголов с пассивным значением, которые переходят в разряд вспомогательных.

Так У. Энгель включает в пассивную парадигму кроме вспомогательного глагола *werden* такие глаголы как *sein*, *bekommen* / *erhalten* / *kriegen* и *gehören*. Расширение пассивной парадигмы влечет за собой размежевание семантических оттенков пассивных форм, которое У. Энгель описывает на основе оппозиций. Инвариантным признаком пассивности он считает ориентированность на событие, характеризуя значение всех вспомогательных глаголов как *geschehensbezogen*. Тем самым негласно признается изменение семантики пассивного глагола, поскольку не делается различия между процессом и действием, признается только их событийный характер.

Далее различие проводится по дифференциальному признаку незавершенности и законченности события, что выражается терминами *im Verlauf befindlich* – *abgeschlossen*.

Эти признаки различают вспомогательные глаголы *werden* и *sein*: *Die Hütte wird gebaut* – *Die Hütte ist gebaut* [Engel, 1996]. Сложность структуры пассивного поля в немецком языке находит отражение в том, что незавершенный процесс может быть дополнительно дифференцирован по признакам ориентированности на лицо или на норму. Введение этих признаков позволяет Энгелю различать семантику вспомогательных глаголов *bekommen* / *erhalten* / *kriegen*, с одной стороны, и глагола *gehören*, с другой.

Ср.: Sie bekommt den Brief ausgehändigt – Das gehört ihm gesagt [Engel, 1996].

Последние примеры показывают, что в немецком языке пассивизации может подвергаться не только агенс, но и адресат. Р. Леч называет возникающие при этом конструкции косвенно-пассивными. Он относит к ним сочетание форм вспомогательного глагола *kriegen* с причастием II. Ср.: *Der Vater kriegt von dem Sohn einen Brief geschrieben* [Леч, 1991]. В русском языке пассивное значение сохраняет в таких случаях атрибутивное причастие, тогда как адресат этим значением не затрагивается. Ср.: Отец получил написанное сыном письмо. Немецкому пассиву с *gehören* соответствуют в русском языке безличные конструкции с глаголом *следует*, ср.: Ему следует сказать об этом. Таким образом, косвенно-пассивные конструкции не имеют прямых соответствий в русском языке.

К косвенному пассиву Р. Леч относит и безличные пассивные конструкции, также не имеющие пассивных аналогов в русском языке, ср.: *Es wird geschlafen; Es wird getanzt* [Леч, 1991]. И тот, и другой факты свидетельствуют о большем распространении пассива в немецком языке, что отмечается и другими исследователями [ср. Крушельницкая, 1961; Зеленецкий, Новожилова, 2003]. Среди причин межъязыковых функциональных различий К.Г. Крушельницкая в первую очередь называет большее распространение в немецком языке переходных глаголов, которые, как отмечалось выше, образуют прототипический пассив. Другие причины большей функциональной нагруженности пассива в немецком языке К.Г. Крушельницкая видит в особенностях формальной и актуальной (тематической) организации предложения. В частности, пассив позволяет избежать совпадения именительного и винительного падежей или неопределенности деятеля в активных предложениях с неопределенно-личным местоимением *man* [Крушельницкая, 1961]. О большей употребительности пассива в немецком языке говорит и наличие целого ряда модально-пассивных конструкций типа: *Der Text übersetzt sich leicht (=kann leicht übersetzt werden); Der Text lässt sich leicht übersetzen; Der Text ist zu übersetzen; Der Text gehört übersetzt* [Леч, 1991].

Функциональные различия между немецким и русским пассивом охватывают, как справедливо отмечает К.Г. Крушельницкая, сферу стилистики. Ограниченность употребления пассива в русском языке делает залоговые противопоставления стилистически более значимыми. Сфера их употребления ограничена, в основном, деловой речью. В немецком языке, где стилистические различия между активными и пассивными формами не столь ярко выражены, последние употребляются не только в деловой, но также и в разговорной речи, и в художественных текстах [Крушельницкая, 1961].

Кроме системных пассивных форм в обоих языках существуют неканонические пассивные конструкции: сочетания функциональных глаголов с

косвенными и предложными падежами существительных. Р. Леч отмечает поразительное сходство сравниваемых языков в системах таких неканонических средств. Это касается, прежде всего, семантики глаголов, переходящих в класс функциональных. К полным эквивалентам автор относит: получать – erhalten, находить – finden, наталкиваться – stoßen (auf), терпеть – erleiden, переживать – erleben и ряд других. В обоих языках широко представлен тип оставаться нерешенным, без ответа – ungelöst, ohne Antwort bleiben. Для обоих языков характерны конструкции типа быть, являться предметом, объектом, жертвой, мишенью – Gegenstand, Objekt, Opfer, Zielscheibe sein. Незначительные различия касаются частотности некоторых функциональных глаголов и употребления отдельных предлогов [Леч, 1991].

Категория наклонения

Семантическую основу категории наклонения составляет отношение действия к действительности, его оценка в плане реальности / нереальности. В индоевропейских языках наклонение является очень важной глагольной категорией, без которой немислима полная характеристика глагола. В современных грамматиках наклонение рассматривается как прагмаграмматическая категория, поскольку отношение высказывания к действительности формируется говорящим / пишущим.

В немецком и русском языках при выражении категории наклонения проявляется много сходных черт. Совпадает состав категории, которая представлена трехчленными семантико-прагматическими оппозициями: изъявительное – повелительное – сослагательное наклонения. Различия наблюдаются в формальных парадигмах и в сфере функционирования и касаются, в основном, повелительного и сослагательного наклонений.

Повелительное наклонение, шире представленное в русском языке, составляет своего рода компенсацию слабого развития в нем сослагательного наклонения. Р. Якобсон вводит для обозначения повелительности более широкий термин «призывное наклонение», выделяя в его составе оппозицию собственно повелительного (imperative) и побудительного наклонений (hortative). В повелительном наклонении призыв к участию в каком-то действии или событии выдвигается в качестве требования, в то время как побудительная форма добавляет к этому требованию элемент увещевания. Побудительная форма выражается с помощью частицы -ка и имеет более разветвленную парадигму по сравнению с повелительным наклонением. Р. Якобсон описывает парадигму побудительности, включая в нее: а) отправителя речи (говорящего); б) адресата; в) и отправителя, и адресата; г) отправителя и адресатов. Ср. соответственно:

А) напишу-ка, буду-ка писать;

Б) напиши-ка, пиши-ка;

В) напишем-ка, будем-ка писать (или более мягкое давай-ка писать);

Г) напишемте-ка, будем-ка писать (более мягкая форма давайте-ка писать) [Якобсон, 1972]. Подобные формы побудительности в немецком языке отсутствуют.

Характерно, что они охватывают формы, принципиально невозможные и в повелительном наклонении немецкого языка, а именно обращение к самому себе в первом лице единственного числа (а) и обращение, включающее отправителя и адресатов, во втором лице множественного числа (г). Последнее в немецком языке включает только адресатов в обычной или вежливой форме: *schreibt, schreiben Sie*.

Таким образом, русское призывное наклонение богаче как по составу форм, так и по их семантике. Оно характеризуется также более широкой сферой употребления. Это касается, в частности, его употребления в бессоюзных условных предложениях русского языка, где оно приобретает повествовательную функцию. В немецком языке в этих случаях оно невозможно. Ср.: Приди он раньше, этого не случилось бы (*Wenn er früher gekommen wäre, wäre es nicht dazu gekommen*). Р. Якобсон считает, что в таких случаях «говорящий высказывает некоторое противоречащее фактам допущение» [Якобсон, 1972]. Подобные формы возможны и в потенциально самостоятельном предложении, выражая предположение о том, что некто принужден к действию: Все отдыхают, а он беги [там же]. Соответствующая форма совершенного вида обозначает неожиданное действие: Все отдыхают, а он (ни с того, ни с сего) побегил. От глаголов несовершенного вида в таких случаях употребляется описательная форма с вспомогательным глаголом давай: Все отдыхают, а он (ни с того, ни с сего) давай бежать [там же].

Расширение функциональной сферы повелительного наклонения в русском языке распространяется и на выражение вежливости.

Языковой эталон вежливости, представленный в том или ином языке, опирается на многовековую социокультурную традицию. Особенно наглядно это проявляется на материале сопоставления языковых форм вежливости в различных, порой даже близкородственных языках. Сопоставление в этом аспекте немецкого и русского языков дает богатую пищу для размышлений.

Небезынтересно сопоставление толкования слова ‘вежливый’ в указанных языках.

Словарь С.И. Ожегова объясняет его как ‘соблюдающий правила приличия, учтивый’ [Ожегов, 1994]. В толковом словаре немецкого языка под редакцией Г. Варига значение прилагательного ‘*höflich*’ толкуется шире – как ‘*wohlerzogen, verbindlich, takt-, rücksichtsvoll, zuvorkommend*’ [Wahrig, 1989], то есть ‘хорошо воспитанный, обязательный, тактичный, учтивый, предупредительный’. Нетрудно заметить, что в языковом сознании рус-

ских вежливости отводится гораздо более скромное место, чем у немцев. На это есть свои причины.

В западноевропейских языках эталон вежливости сложился в средние века на основе рыцарской культуры, глубоко проник в языковое сознание народов, а в новое и новейшее время поддерживается развитием демократических форм общения. Основные черты вежливого эталона во многом сохранились до настоящего времени. В русском языковом сознании формы вежливости имеют другую историческую основу. Отсутствие куртуазной культуры вызвало к жизни иные формы общения людей друг с другом. Вежливость понимается скорее как нечто формальное, как этикет и может принимать отрицательные коннотации, например, в словосочетании вежливый отказ или при характеристике персонажей, ср.: неприятно вежливый, холодненький, чистенький и вежливый (М. Горький «Жизнь Клима Самгина»). Недостаток вежливости восполняется в сознании русских душевностью, наличие которой извиняет и грубость, и многое другое.

Описание феномена вежливости как такового далеко выходило бы за пределы данной работы. В некоторых случаях в этой связи употребляется более узкое понятие, передаваемое выражением 'konversationelle Höflichkeit', то есть 'разговорная вежливость', под которой понимается учет при взаимодействии в разговоре желаний и потребностей партнера [Langner, 1994]. Наша гипотеза состоит в структурировании сферы соответствующего речевого поведения. В лингвистической литературе представлены образцы такого структурирования. Например, Н.И. Формановская приводит структуру значения обобщенных языковых единиц, употребляемых в ситуациях приветствия, прощания, знакомства, включая в нее момент речи, актантов, модальность необходимости вступить в контакт со стороны говорящего, речевое действие, его цель и желательную тональность общения [Формановская, 1982]. В работах по логике речевого общения данная сфера описывается с помощью максимума вежливости, конкретизирующих принцип кооперации Грайса:

1) не будь назойлив; 2) открывай возможности выбора; и 3) будь приветлив [Langner, 1994]. Первая и третья максимы создают «желательную тональность общения», вторая конкретизирует речевое действие, задавая его модус. Однако в перечисленных максимах отсутствует языковое средство, являющееся, по определению Н.И. Формановской, «первоэлементом речевого этикета» [Формановская, 1982] – обращение. Таким образом, в нашей гипотезе вежливое речевое поведение структурируется через: 1) обращения; 2) модус речевого действия и 3) средства создания желательного тона общения, включая оценочные речевые действия. Попытаемся выявить соотношение этих составляющих речевого поведения в сопоставляемых языках. Основной акцент сделаем на модусе речевого действия, который связан с тем, оставляется ли партнеру возможность выбора или ему диктуются условия. Различия европейских и русского языков здесь

тоже очень показательны. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные формы выражения вежливого побуждения к действию, повсеместно распространенные в современном немецком языке и гораздо меньшее количество этих форм в русском языке.

В немецком языке представлена специальная вежливая форма, которая отличается от побудительного обращения к нескольким лицам и включает в качестве обращения местоимение, совпадающее по форме с местоимением 3-го лица множественного числа, ср.: *nehmen Sie, kommen Sie*. В русском языке вежливая форма совпадает со 2 лицом множественного числа и, как правило, усиливается модальным словом *пожалуйста*, ср.: *возьмите, пожалуйста; проходите, пожалуйста*.

Различия этим не ограничиваются. В современном немецком языке для выражения вежливого побуждения, как правило, широко используется целый комплекс средств: формы сослагательного наклонения с семантикой потенциальности сочетаются с модальными глаголами со значением возможности и усиливаются почти обязательным добавлением «волшебного слова» *пожалуйста*. Приведем в качестве примера стандартную фразу, которую (с региональным варьированием) можно услышать в Германии почти повсеместно из уст представителей самых разных слоев населения:

Könnten Sie mir bitte sagen, wo die Mozartstrasse ist?

Другими словами, вежливость воспринимается как отсутствие императивности или категоричности высказывания, которое получает модальную окраску потенциальности.

Побуждение к действию имеет при этом завуалированный характер и облекается в форму вопроса. Слово *bitte* функционально приближено к модальной частице со значением вежливой просьбы. Здесь налицо языковая избыточность: формы выражения вежливости дублируются в одном высказывании трижды.

Носители русской культуры, как правило, не задумываются о том, оставляют ли они партнеру возможность выбора: вполне вежливым здесь считается употребление императивных форм в сочетании со словом *пожалуйста*:

Скажите, пожалуйста, как пройти к...?

Эти формы могут смягчаться императивными же выражениями:

будьте так добры, будьте любезны.

Однако вряд ли можно утверждать, что такие смягчающие формы распространены повсеместно. Скорее они представлены в культуре образованного и даже – еще уже – элитного слоя общества. В свою очередь в русскоязычной культурной среде вряд ли можно представить себе употребление высказывания, соответствующее приведенной выше стандартной фразе из современного немецкого языка:

Могли бы Вы мне пожалуйста сказать, где находится улица Моцарта?

Сопоставление вежливых высказываний показывает, что сфера употребления повелительного наклонения в русском языке несколько шире. Как было упомянуто выше, повелительное наклонение употребляется в русском языке в некоторых других случаях, в которых в немецком языке оно не допустимо, например, вместо сослагательного наклонения для выражения долженствования или уступки. Ср.: А он возьми да и скажи...; Не имей он друзей, совсем пропал бы; Будь он хоть семи пядей во лбу, и то не справился бы с этим.

Семантическая транспозиция русского повелительного наклонения объясняется, возможно, тем, что из всех глагольных форм в русском языке императив ближе всего к неосложненной глагольной основе и представляет собой самую общую немаркированную форму глагола. В немецком языке одна из причин ограниченного употребления императива кроется в том, что он не образует двусоставного предложения, который является здесь основным структурным типом предложения.

Значительные типологические различия наблюдаются также при сопоставлении парадигм, семантики и функционирования сослагательного наклонения. Парадигма временных форм немецкого конъюнктива еще более контрастирует с парадигмой русского сослагательного наклонения, чем это наблюдается при сопоставлении времен индикатива.

Это объясняется двумя причинами. С одной стороны, немецкий конъюнктив не только сохраняет все шесть времен, присущих индикативу, но и «подкрепляется» двумя синонимичными формами кондиционалиса, что расширяет его парадигму до восьми форм. С другой стороны, русское сослагательное наклонение претерпевает редукцию темпоральной парадигмы сравнительно с индикативом и употребляется в одной единственной форме прошедшего времени с частицей бы. Временные значения создаются в русском языке только лексическим способом. Тем самым темпоральную семантику русского сослагательного наклонения можно охарактеризовать как недифференцированную, тогда как немецкий конъюнктив обладает в сфере выражения времени семантически значимыми различиями, которые связаны с его функционированием. Не останавливаясь на правилах употребления конъюнктива, которые можно найти в грамматиках немецкого языка, перейдем к типологическим различиям.

Уникалию немецкого языка относительно русского составляет употребление конъюнктива в косвенной речи. В этой связи А.Л. Зеленецкий / О.В. Новожилова развивают введенное Р. Якобсоном понятие «категория засвидетельствованности», основным средством выражения которой является косвенная речь [Зеленецкий, Новожилова, 2003].

Категория засвидетельствованности имеет эксплицитное выражение в болгарском языке и позволяет сообщить о событии, основываясь на сообщении другого лица, снах, догадках, на собственном прошлом опыте. Эта категория позволяет выразить, что некто был свидетелем чего-либо [Якоб-

сон, 1972]. На наш взгляд, семиотика косвенности предполагает нечто другое, а именно то, что чье-то мнение, переживание, оценка и под. включаются в основное высказывание по типу интертекста [Гундарева, Кострова, 2005]. В немецком языке этот интертекст маркируется вводящим союзом и специальным наклоном – конъюнктивом, где он не имеет значения сослагательности, а рассматривается как «сигнал релятивации» [Glinz, 1994]. Г. Глинц характеризует употребление конъюктива в косвенной речи как универсальную возможность релятивировать содержание пропозиции, представить его как нечто, услышанное от других, или как собственное мнение, которое к моменту произнесения высказывания могло измениться [там же]. В некоторых случаях последующий контекст содержит прямое указание на такое изменение. Ср.:

In den ersten Monaten seines Wirkens äußerte Schiller mehrmals die Auffassung, das Mannheimer Theater sei das zur Zeit beste in Deutschland. Nachdem er einigen Ärger mit den Schauspielern, dem Publikum und der Spielplangestaltung erleben musste, revidierte er sein Urteil [R. Safranski].

В других случаях глагол, вводящий косвенную речь, прямо указывает на отстранение, подчеркивая демонстративность действия придаточного предложения, ср.: Helmut zeigte ihr, dass er staune [M. Walser].

В любом случае подлежащее предложения, вводящего косвенную речь, обозначает (прямо или метонимически) лицо, которому приписывается релятивация высказывания.

Обозначаемое им имя выполняет функцию «опосредующего лица» [Гундарева, Кострова, 2005]. Ср.:

Manche Stammgäste behaupteten, dass er...den Frauen gefalle [M. Walser]; ... aber Johann glaubte, dass er dem Vater näher sei [ebd.].

Это дает возможность выстраивать целые цепочки высказываний, показывая их зависимость от одной вводящей пропозиции.

В русском языке маркировка косвенности происходит, как правило, только с помощью союза, вводящего придаточное объектное, поэтому при переводе на русский язык оттенки релятивации будут утрачены. В русском языке релятивация выражается частицами якобы, мол, де, передавая оттенок отчужденности говорящего от содержания передаваемого высказывания другого лица. Степень отчуждения при этом, на наш взгляд, гораздо более сильная, чем в немецком языке, а употребляются эти частицы сравнительно редко, придавая высказыванию к тому же разговорный характер. В этом состоит значительное типологическое различие сравниваемых языков.

Вместе с тем, Г. Глинц отмечает как нормальное явление употребление индикатива при передаче косвенной речи, особенно если она содержит придаточное объектное, подчеркивая, что такая релятивация возможна, но вовсе не обязательна. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи

употребления индикатива даже при бессоюзном употреблении придаточных объектных. Ср.:

Wahrscheinlich wusste sie nicht, dass Großvater das Haus gezeichnet und gebaut hatte [M. Walser]; Aber er wusste, Josef war mit dem Rad des Vaters nach Hemigkofen gefahren [ebd.].

В подобных случаях происходит выравнивание нормы употребления с другими европейскими языками. Высказывание утрачивает грамматическую избыточность, которую придает ему употребление конъюнктива. Особенно частотны такие высказывания в устной разговорной речи и ее моделировании в художественной прозе. Ср.:

Weißt du, dass sie krank ist? [Böll]; Kirsch, du bürgst mir dafür, dass der Zische nicht aus der Stube geht [Noll].

Проблема авторства речи особенно остро стоит в прессе, где журналисты часто прибегают к непрямому цитированию чужих мнений, недвусмысленно отмежевываясь от них, не эксплицируя собственную позицию. Важная роль отводится при этом употреблению конъюнктива. Пробный анализ немецких газетных текстов аналитического характера показал, что его основной функцией является здесь обозначение интертекстуальной косвенности. По данным Р.А. Лекомцевой, частотность конъюнктива, используемого для обозначения косвенности, в газетном стиле почти в два раза превышает его употребление в потенциально-ирреальном значении. В процентном отношении это выражается так: конъюнктив в косвенной речи составляет 63 % всех употреблений, конъюнктив в потенциально-ирреальном значении – 37 % [Лекомцева, 2004]. Из временных форм конъюнктива наиболее частотной является презенс [там же], дающий возможность однозначно переадресовать высказывание другому лицу. Ср.:

Mietfreies Wohnen sei die beste Altersversorgung, sagte der Landesdirektor (F.A.Z., 2002:82); Claudia sagte, Stoiber könne sich jetzt nicht «wegducken» (F.A.Z., 2000:51).

Тем не менее, и в публицистическом стиле примерно в 22 % случаев употребляется индикатив [Лекомцева, 2004], что можно расценивать как тенденцию к потере маркированности, которая представляет собой универсальный диахронический закон.

5.8. Введение в сравнительную типологию синтаксического уровня

Область формально-структурных отношений как сфера проявления специфики синтаксической типологии немецкого и русского языков

Принципы синтаксической типологии разработал в ряде своих работ академик И.И. Мещанинов. синтаксиса языка представляет собой такую

подсистему (или уровень) структуры языка, которая имеет дело с единицами более сложными, чем слово. Синтаксический уровень, как и всякий другой уровень языка, располагает своим собственным составом единиц – это словосочетание и предложение.

Предложение – главная единица синтаксического строя, характеризующаяся определенной системой отношений: отношений подчинения и отношений сочинения. Кроме того предложение – это и определенная система построения, т.е. наличия целого набора моделей предложения. Обе эти системы являются очень важными типологическими признаками, которые используются для характеристики конкретных языков в сравнительной типологии.

Общие черты для русского и немецкого языков прослеживаются в семантике предложения. И в том, и в другом языке имеются личные, безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, бытийные и т.п. предложения. Черты различия обнаруживаются в области формально-структурных отношений, т.е. в том, в какой форме выражаются эти значения предложений в немецком и русском языках.

Будучи языками одной и той же языковой семьи, немецкий и русский языки располагают также в значительной степени одинаковыми средствами выражения синтаксических категорий, в том числе такими средствами синтаксической связи, как согласование, управление, примыкание, порядок слов, интонация. Различия наблюдаются в формах и степени использования сходных формальных средств выражения, в их отношении и взаимодействии.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что различия между немецким и русским языками в области синтаксиса имеют почти исключительно формально-структурный характер.

Автономно-собранный и закреплено-напряженный строй предложения в индоевропейских языках. Характеристика простого предложения немецкого и русского языков в указанном аспекте

Характеризуя перестройку структуры индоевропейского предложения, В.Г. Адмони выделяет две основные линии. Одна из них ведет к тому, что развертывание предложения происходит при сохранении автономности слова. Возникающий при этом строй предложения В.Г. Адмони называет «автономно-собранным». Другая линия состоит в радикальной переработке изначально ненапряженной структуры, которая превращается в «напряженную», «закрепленную» структуру, при потере словом его автономности [Адмони, 1963]. К языкам автономно-сбранного строя относятся русский язык, греческий, латинский, древнеиндийский, т.е. ярко выраженные флективные языки. Развитая система флексий и обеспечивает автономный характер слова, его свободную позицию в предложении, например: Моя

любимая подруга приехала вчера в Петербург; Вчера в Петербург приехала моя любимая подруга; Моя любимая подруга приехала в Петербург вчера; В Петербург моя любимая подруга приехала вчера и т.д., или латинский: Pater amat filius; Filius amat pater; Pater filius amat; Amat pater filius и т.д.

При закрепно-напряженном строе предложения (немецкий, английский, французский языки) слово лишено в значительной степени самостоятельности и в связи с этим резко усиливается вес синтаксических групп, развиваются особые формы порядка слов.

Недостаточное развитие флективной системы именно и обуславливает в этих языках несамостоятельность слова, его привязанность к определенным синтаксическим группам.

Но вот что пишет о строе немецкого предложения Ш. Балли, который сравнивал с ним строй французского предложения, в результате чего он пришел к несколько иным выводам, чем при сравнении немецкого и русского языков. Это является хорошей иллюстрацией принципа относительности типологических признаков языков. Он писал: «... речь идет об относительной свободе конструкции предложения. Последняя же, в свою очередь, зависит от большей или меньшей независимости элементов предложения, и эта независимость, находящаяся под серьезной угрозой во французском языке, обеспечивается в немецком густой системой флексий» [Балли, 1955].

И далее: «Немецкий язык предоставляет составным частям предложения большую независимость. Парадоксальным следствием рамочной конструкции, имеющей синтаксическое происхождение, является то, что она предоставляет большую независимость элементам высказывания. Немецкий язык являет нам картину «рубленого» синтаксиса с ограниченными сочетаниями, в которых слова сохраняют относительную свободу и сами по себе могут анализироваться в их отдельных элементах...» [Балли, 1955].

Но по сравнению с русским языком слово в предложении немецкого языка сохраняет свободу лишь в определенных словосочетаниях, а не в предложении в целом, и количество этих словосочетаний ограничено и сами они резко противопоставлены друг другу, чего нет в предложении русского языка. Поэтому в плане исторического развития структуры простого предложения немецкий и русский языки принадлежат к типологически разным группам, несмотря на генетическое родство.

Типологические черты синтаксического построения предложения тесно взаимосвязаны, как видим, с типологическими чертам морфологического уровня языков. Отсутствие системы флексий у слова в английском и французском языках и обуславливает его «связанность» в предложении в этих языках, месторасположение каждого слова в них строго фиксировано, слово не обладает никакой автономностью. В немецком языке оно частично автономно на уровне словосочетания, что и обуславливает несколько промежуточное положение немецкого языка между

языками с ярко выраженным закрепленно-напряженным строем и языками с автономно-собранным строем, каким является русский язык, в котором слово автономно на уровне предложения.

Общей тенденцией построения простого предложения в немецком языке является тенденция к синтаксически «строгим» моделям, что проявляется в обязательной сочетаемости целого ряда предикативных образований. Такова способность именительного падежа сочетаться со спрягаемой формой глагола, обязательная сочетаемость переходного глагола с дополнением, обязательная сочетаемость связки с предикативом, тенденция к обязательной сочетаемости вспомогательного глагола с глагольным именем; ср. в русском языке: А я – бежать! (именительный падеж сочетается с неличной, с неспрягаемой формой глагола). Ты прочитал книгу ? – Да, прочитал (отсутствует показатель лица в именительном падеже при личной форме глагола); аналогично: Пойдешь в кино? – Пойду; Ты можешь плавать ? – Могу (отсутствие глагольного имени при вспомогательном глаголе); Он болен (отсутствие связки).

Обязательная сочетаемость предполагает необходимую комплексность реального состава синтаксического образования: если в нем появляется один компонент, то здесь же должен появиться и другой соответствующий компонент. Сравним следующие примеры:

Русский язык	Немецкий язык	Английский язык
Вы больны? – Да, болен.	Sind Sie krank? – Ja, Ich bin es.	Are you ill ? – Yes, I am

А также: Hast du das Buch gelesen? – Ja, ich habe es gelesen, Ich las es; ср.англ.: Have you read the book? – Yes, I have. Gehst du ins Kino? – Ja, ich gehe; Kannst du schwimmen? – Ja, ich kann schwimmen (es) и т.п.

Таким образом, четко видно, что структурно завершить немецкое предложение связочный и вспомогательный глаголы не могут, в отличие от близкородственного ему английского языка, который в данном случае характеризуется большим сходством с русским языком.

Придать необходимую устойчивость предложению как единице речевой коммуникации может только сочетание «подлежащее + связочный или вспомогательный глагол + предикатив или именная часть глагольной формы, или то и другое вместе» (определенным заместителем третьей части данной формулы выступает местоимение es).

Следовательно, обязательная сочетаемость компонентов предложения и требует закрытой схемы предложения, т.е. обязательного наличия всех компонентов структурной схемы. В русском же языке, как и в английском, можно наблюдать наличие открытой схемы предложения, т.е. такой, где возможно опущение каких-либо компонентов предикативного сочетания. Таким образом, тенденции к синтаксически строгим моделям в немецком

языке противостоит в русском языке тенденция к образованию более гибких синтаксических моделей.

Проявлением тенденции к синтаксически строгим моделям предложения немецкого языка является рамочная конструкция, монофлексия в группе существительного, однократное отрицание, соблюдение полной синтаксической схемы предложения. В русском языке монофлексия отсутствует, ср.: мой любимый друг, но *mein lieber Freund*; предложение может иметь полинегативный характер: Ничего никому не скажу; в русском языке отсутствует рамка, и часто не соблюдается полная структурная схема предложения, т.е. значительно количество предложений с открытой схемой. Все это и есть проявления тенденции к более гибким синтаксическим моделям в русском языке.

5.9. Сравнительная характеристика простого предложения в немецком и русском языках

Тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения

Общей для немецкого и русского языков являются тенденции к двусоставности, глагольности и номинативности предложения, но между немецким и русским языками существуют чрезвычайно значительные различия в степени обязательности этих черт. Для немецкого языка характерно их доминирующее положение, для русского – наличие большого количества отступлений. Посмотрим, в чем это выражается.

Двусоставность предполагает наличие в предложении двух главных членов: подлежащего и сказуемого. Этот типологический признак проявляется в немецком предложении даже в тех случаях, где само содержание противоречит этому, например, в безличных предложениях, в которых двусоставность поддерживается формальным подлежащим *es*:

Es taut. Es schneit – формально-двусоставные предложения. Критерий формальности играет в строе немецкого языка очень важную роль, поэтому все предложения классифицируются в первую очередь по формальному признаку на односоставные и двусоставные.

Отдельно можно выделить, хотя это и не является общепринятым, формально-двусоставные предложения с формальным подлежащим *es*.

Следующим критерием классификации является семантика подлежащего, в зависимости от которой предложения немецкого языка классифицируются на личные, неопределенно-личные и безличные. Как личные, так и безличные предложения могут быть двусоставными и односоставными. Примером односоставных личных предложений могут служить императивные предложения, ср.: *Komm sofort! Geht jetzt!* Двусоставные безличные предложения приведены выше; односоставными безличными предло-

жения, выражающие состояние человека или пассивный процесс, становятся при инверсии, например: *Ihm wurde angst und bange. Im Saal wurde getanzt.* Неопределенно-личные предложения немецкого языка всегда являются двусоставными: *Hier wohnt man gemütlich.*

В русском же языке наблюдается значительное отклонение в сторону односоставности, даже когда предложение по содержанию двусоставно; так неопределенно-личные предложения являются формально-односоставными, хотя по смыслу в них предполагается действующее лицо: По вечерам поют песни.

В русском языке односоставные глагольные предложения образуют особую подсистему простых предложений, они выделяются в особые самостоятельные типы простого предложения. В системе односоставных глагольных предложений русского языка выделяются как наиболее характерные и ярко очерченные типы следующие:

1) определенно-личные предложения: предложения, организуемые первым лицом глагола: *Пишу, читаю при лампаде; Идем лесом;*

2) неопределенно-личные предложения – предложения, организуемые третьим лицом множественного числа глагола: *В соседней комнате тихо разговаривают;*

3) обобщенно-личные предложения – предложения, организуемые вторым лицом единственного числа глагола (чаще всего) и иногда первым и третьим лицом множественного числа глагола: *Любишь кататься – люби и саночки возить; Что имеем – не храним, потерявши – плачем; Дураков не сеют, не жнут, сами родятся;*

4) безличные предложения: *Светает; На улице тихо.*

Первый и второй из приведенных типов являются в немецком языке двусоставными. Обобщенно-личные предложения отсутствуют как тип. Между русскими и немецкими безличными предложениями имеются существенные различия. Тем не менее, межъязыковые параллели, как будет показано ниже, помогают разобраться в некоторых тенденциях развития сравниваемых языков. Так в русской грамматике при описании безличных предложений до недавнего времени господствовал формально-грамматический подход.

Он представлен, например, у Е.М. Галкиной-Федорук, которая выделяет типы безличных предложений с глагольным и именным сказуемым. К предложениям с глагольным сказуемым она относит такие, в которых сказуемое может быть выражено следующим образом:

1) невозвратным глаголом: *светает, белеет;* 2) возвратным глаголом: *смеркается, нездоровится, хочется, не спится;* 3) глаголами бытия, существования (которые в настоящем времени могут отсутствовать) в сочетании с родительным падежом: *не хватает силы, хватает денег, нет воды, не было времени, не будет войны; у меня нет времени;* 4) формой инфинитива: *не видать бы тебе злого горюшка. Не догнать тебе бешеной тройки.*

Быть бычку на веревочке. Вам не видать таких сражений; 5) краткой формой страдательных причастий: Сказано – сделано; Куплено у него три аршина ситца [Галкина-Федорук, 1958].

Попытаемся найти соответствия приведенных типов в немецком языке. Первому типу в немецком языке соответствуют также безличные предложения: *Es graut, Es dämmert*.

Но в русском языке этот тип включает и такие предложения, которым в немецком соответствуют двусоставные: В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча – *In dieser Zeit bekam ich...*; Надоумило меня сходить к нему – *Ich kam auf den Gedanken...*, *Es ist mir eingefallen...* Второму типу в классификации Галкиной-Федорук в немецком языке соответствуют безличные предложения частично с подлежащим *es* (формально двусоставные), частично с местоимением *mich* (формально односоставные): *Es durstet mich; Mich durstet*. Третьему типу в немецком языке соответствуют, как правило, двусоставные или формально-двусоставные предложения: *Ich habe keine Zeit; Es mangelt mir an Zeit*. Специфической особенностью четвертого типа предложений русского языка является дательный субъекта; по семантике это двусоставные, но не номинативные предложения, речь о них пойдет чуть ниже. Они имеют идиоматический характер, в том смысле, как его понимает В.М. Савицкий [Савицкий, 2007] и приобретают в немецком языке черты регулярной двусоставности. Пятому типу можно найти как одно, так и двусоставные соответствия в немецком языке: *Gesagt – getan; Es wurde...gekauft*.

Возвращаясь к классификации Е.М. Галкиной-Федорук, приведем типичные для русского языка безличные предложения с именным сказуемым. Е.М. Галкина-Федорук выделяет здесь следующие подгруппы.

1) Сказуемое выражено словами категории состояния, соотносимыми с наречиями на -о без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: Холодно, стыдно, горько, надо, нужно, можно, нельзя, жарко, сыро, хмуро, пасмурно. Горько сознавать, что.. Стыдно лгать. Полно говорить! и т.п.

2) Сказуемое выражено словами категории состояния, восходящими к форме существительного без инфинитива и с примыкающим инфинитивом: Грех обижать; Стыд молчать [Галкина-Федорук, 1958]. В немецком языке им будут соответствовать, скорее всего, формально-двусоставные предложения с подлежащим *es*.

Предложения, состоящие из предикативного слова на -о и инфинитива, называются безлично-инфинитивными предложениями. И в них возможен также дательный субъекта.

Как отмечает Е.М. Галкина-Федорук, наличие или отсутствие дательного субъекта придает таким предложениям или более субъектный характер или более объектный: Ему стыдно было признаться...

Особой по значению группой безличных предложений является группа, выражающая модальное значение долженствования. В эту группу

относятся предложения с глаголами: надлежит, (надлежало), следует (следовало), стоит (стоило), подобает (подобало). В немецком языке им соответствуют формально-двусоставные предложения типа *Es muss gesagt werden...*

Таким образом, среди подсистемы безличных предложений между немецким и русским языками наблюдаются существенные различия как в семантике, так и в структуре.

По семантике в немецком языке это две подгруппы, выражающие состояние природы и внутреннее состояние человека, в русском же языке – это и состояние природы, и внешнее, а не только внутреннее состояние человека с различными оттенками субъективной модальности. По структуре в немецком языке это предложения глагольного типа, в русском языке – предложения глагольного или инфинитивного типа.

Вторая тенденция в построении простого предложения, характерная для обоих языков, – это тенденция к глагольности. Под глагольностью понимается наличие в предложении спрягаемого глагола в функции сказуемого. Большинство предложений относятся в обоих языках к глагольному типу.

К безглагольным и, следовательно, односоставным предложениям относятся в обоих языках номинативные предложения, из которых многие являются бытийными. Хрестоматийным примером таких предложений в русском языке являются строчки А. Блока: Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. В немецком языке такие предложения тоже присутствуют, ср.: *Tiefe Stille*. К назывным предложениям относятся надписи разного рода, ср. нем.: *Augenarzt; Gleis 3* и русск.: Хирург; 3 платформа.

К предложениям, отступающим от глагольности, относятся в обоих языках, кроме того, двусоставные, а не только односоставные, подобные отмеченным выше, безглагольные предложения типа. В русском языке безглагольными являются предложения с именным сказуемым в настоящем времени, в которых в качестве глагола-связки подразумевается глагол быть: Юрий Гагарин – первый человек, полетевший в космос. В немецком языке такие структуры представляют собой исключение, ср.: *Träume – Schäume, Ein Mann – ein Wort*. К формально безглагольным предложениям относятся в обоих языках повелительные предложения, выраженные инфинитивом, а в немецком языке еще и причастием, ср: *Не двигаться! Stillgestanden! Schweigen!*

Инфинитивные предложения немецкого языка очень однообразны по структуре, однозначны и непродуктивны. В русском же языке инфинитивные предложения очень богаты различными семантическими оттенками и очень продуктивны, имеют разнообразную структуру. Они могут приобретать следующие семантические оттенки.

1) Оттенок объективной неизбежности действия или обусловленности его в силу тех или других обстоятельств: Кому назначено – не миновать судьбы.

2) Оттенок субъективной обязательности действия, который создается императивными предложениями с императивом в роли единственного главного члена [ср.: Скобликова, 1997]: Не шутить! Прекратить разговоры!

3) Оттенок вопросительности. В таких предложениях вопрос «связан с выяснением перспективы потенциально возможного действия»: Куда идти? Что написать? [ср.: Скобликова, 1997].

4) Оттенки желательности / нежелательности, колебания, нерешительности, сомнения, а также удивления, недоумения, сожаления и др. Е.С. Скобликова приводит такие примеры инфинитивных предложений для выражения нежелательности осуществления действия, в частности опасения последствий нежелательного действия: Соловьи не боятся света, но все-таки не спугнуть бы; Как бы не спугнуть! [Скобликова, 1997].

5) Оттенки условия, уступительности и цели. Например, предложения для выражения целеустремленного желания-намерения обозначают «внутренний волевой импульс»: Только бы не промахнуться [Скобликова, 1997].

Таким образом, в русском языке существует богатая подсистема безглагольных (без финитного глагола) односоставных предложений, что является еще одним подтверждением гибкости его языкового строя. Обратимся к третьей тенденции, свойственной предложению в индоевропейских языках, а именно номинативности.

Номинативность означает выражение подлежащего именительным падежом. Для немецкого языка – это правило, отклонения от которого единичны: *Der Gäste waren viele*.

В русском языке тенденция к номинативности проявляется не так ярко, о чем свидетельствует наличие большого количества определенно-личных, неопределенно- и обобщенноличных предложений, где какое-либо подлежащее вообще отсутствует. Кроме того, в русском языке, как пишет Г.А. Золотова, становится все «более очевидной необоснованность традиционного противопоставления именительного падежа косвенным как носителя субъектного значения носителям объектных значений» [Золотова, 2001]. Наблюдения над функционированием некоторых косвенных падежей с субъектным значением «привело к более широкому, преодолевающему морфологический номинативизм, определению субъекта как носителя предикативного признака» [там же].

По мнению многих исследователей, вопрос о субъекте русского предложения должен решаться в аспекте соотношения синтаксиса и семантики. Дело в том, что в русском языке подлежащее как синтаксическая структура нередко не совпадает с субъектом как единицей семантической структуры. Например, в предложениях, выражающих состояние, типа: 1) У сестры грипп; 2) Отцу не спится; 3) Больного знобит – субъект носителя со-

стояния выражен разными падежами: в (1) родительным падежом с предлогом *у*, во (2) дательным падежом и в (3) винительным падежом [ср. Золотова, 2001]. Сопоставление с немецким языком показывает, что во всех этих случаях субъект будет выражен именительным падежом: *Die Schwester hat Grippe; Der Vater kann nicht einschlafen; Der Kranke fröstelt*. Межъязыковое сопоставление подтверждает правильность определения субъекта как синтаксически независимого субстанциального компонента субъектно-предикатной структуры, обозначающего носителя предикативного признака [Золотова, 2001].

Синтаксический признак независимости субъекта проявляется не в том, что он должен быть выражен именительным падежом, а в том, что он не зависит в своей форме от управляющего глагола, ср.: *Маше верили; Диссертацию обсудили* – зависимые формы; объект. *Маше не хочется есть; С диссертацией не получилось* – независимые формы; субъект.

Г.А. Золотова видит в таких случаях «назначение субстанциальной словоформы вступать в предикативную связь с признаковой словоформой [Золотова, 2001]. Межъязыковое сопоставление отчасти подтверждает такую трактовку, ср.: *Mascha hat keinen Hunger. Но: Mit der Dissertation hat es nicht geklappt* – предложение формально безличное; тем не менее, и здесь субстанциальная словоформа определяется глагольно-признаковой.

Исследователи, стоящие на позициях семантического синтаксиса, признают и для немецкого языка возможность выражения субъекта косвенными падежами. Г.Н. Эйхбаум замечает при этом, что субъект выражается номинативом в предложениях самой разной семантики, а «аккузативом и дативом в предложениях избирательной семантики – психического и физического состояния (*Ihn fiebert, Dem Mann ist unwohl*)» [Эйхбаум, 1996].

Таким образом, опираясь на данные семантического синтаксиса, можно говорить о значительных отклонениях от номинативности в строе простого предложения русского языка и об ограниченной возможности таких отклонений в строе немецкого языка. Возникает вопрос, как расценивать предложения с неноминативным субъектом в аспекте односоставности / двусоставности. В традиционных грамматиках они определяются как односоставные (ср. приведенную выше классификацию Е.М. Галкиной-Федорук).

Однако, признавая в них наличие синтаксической позиции субъекта, следует, видимо, признать и их двусоставность.

В заключение следует отметить, что в целом в системе простого предложения между немецким и русским языками наблюдаются сходства: в обоих языках имеются как двусоставные, так и односоставные предложения. Качественные различия заключаются в наличии в немецком языке формально-двусоставных предложений.

Но между подсистемами двусоставных и односоставных предложений имеются существенные как качественные, так и количественные различия: в немецком языке отсутствуют обобщенно-личные и безлично-инфинитивные предложения (качественные различия); инфинитивные и безличные предложения ограничены специфическими сферами употребления, а следовательно и семантикой в немецком языке, имеют однообразную структуру, резко отличающуюся от подобных предложений русского языка, обладающих широкой сферой употребления и богатыми семантическими оттенками (количественные различия). В русском языке происходит своего рода компенсация: увеличение отклонений от номинативности влечет за собой уменьшение качественно-количественных отклонений от двусоставности.

Порядок слов

Различаются следующие формы порядка слов: 1) контактный / дистантный; 2) препозитивный / постпозитивный. Эти формы выделяются на основании того, предшествует ли какое-либо слово другому слову, рассматриваемому как отправной пункт в данной конструкции порядка слов, либо следует за ним.

Для немецкого языка характерен в самостоятельном и главном предложениях контактный порядок слов в группе существительного, контактное расположение подлежащего и сказуемого (финитного глагола) и дистантное расположение сказуемого; дистантное расположение подлежащего и сказуемого в придаточном предложении.

В русском языке, наоборот, не таким обязательным является контактное расположение подлежащего и сказуемого в простом и самостоятельном предложениях и их дистантное расположение в придаточном предложении: но контактное расположение превалирует в сказуемом.

3) Фиксированный/нефиксированный порядок слов. Для немецкого языка характерно сочетание фиксированности и нефиксированности в системе порядка слов: ср. «рубленный синтаксис» по Ш. Балли. Для русского языка характерен нефиксированный порядок слов. Для английского и французского – строго фиксированный, так как выполняет смысловозначительную функцию, функцию выражения члена предложения, в силу того, что английское и французское слово не имеет флексий, и отношения между словами в предложении передаются в значительной мере с помощью порядка слов. Ср.: They call him «fynny-fynni» / This evening he got a call. Die Mutter nannte den Vater «Bubikopf» / Den Vater nannte die Mutter «Bubukopf» Am Abend hatten sie einen Telefonanruf / Sie hatten einen Telefonanruf am Abend / Einen Telefonanruf hatten sie am Abend.

Смысловозначительная функция порядка слов, функция выражения членов предложения в немецком и русском языках сведена к минимуму:

Die Mutter liebt die Tochter; Мать любит дочь. Однако, порядок слов в немецком языке является более связанным, чем в русском языке. Он имеет больше ограничений в расстановке членов предложения.

Такое различие в возможностях порядка слов в двух языках связано с ролью и местом порядка слов в системе двух языков.

В немецком языке порядок слов является ведущим синтаксическим средством для разграничения типов предложения: самостоятельное повествовательное, вопросительное и подчиненное предложения различаются, прежде всего, местом спрягаемой формы глагола.

В русском языке эти типы предложения не зависят от расположения спрягаемой формы глагола. Порядок слов в немецком языке используется для обеспечения цельности и организации предложения как определенного законченного единства, что осуществляется с помощью глагольно-сказуемостной рамки.

Таким образом, порядок слов в немецком языке выполняет, прежде всего, структурно-грамматическую функцию. В русском языке порядок слов является свободным в грамматическом отношении, его роль в структурном оформлении предложения невелика.

А.М. Пешковский определяет порядок слов в русском языке как вспомогательное средство второго ранга, подчеркивая при этом, что он имеет даже меньшее значение, чем интонация [Пешковский, 1956].

В русском языке отсутствует строгая определенность места членов предложения, однако их расположение нельзя считать абсолютно свободным. Существуют некоторые общие тенденции, определенные нормы расположения членов предложения в отношении друг к другу. В русском языке имеется широко развитая система согласования и управления, и слова в предложении располагаются в соответствии с этими грамматическими средствами.

Говоря об определяющих факторах словорасположения в русском языке, А.А.Шахматов пишет: «Порядок слов в словосочетаниях определяется в большей части случаев взаимоотношением господствующих и зависимых слов». Следует отметить, что и в немецком языке порядок слов выполняет не одну только грамматическую функцию.

В отношении расположения главных членов предложения в обоих языках различают две возможности, а именно: прямой и обратный порядок слов. В отличие от немецкого языка расположение подлежащего и сказуемого в русском языке ни при прямом, ни при обратном порядке слов не связано с определенным местом в предложении. В русском языке подлежащее при прямом порядке слов может и не находиться непосредственно в начале предложения. Между подлежащим и сказуемым могут также располагаться второстепенные члены предложения (обычно не больше двух): И вдруг ее сердце сильно и часто забилося (Толстой, «Сестры»). В современном немецком языке наблюдается преобладание прямого порядка

слов. Этот же факт отмечается в лингвистической литературе и по отношению к современному русскому языку. Общим для немецкого и русского языков является при прямом порядке слов тенденция расположения подлежащего и сказуемого в непосредственной близости.

При инверсии в отличие от немецкого языка составные части сказуемого в русском языке наряду с контактным расположением могут находиться и на расстоянии друг от друга. При этом вторая составная часть сказуемого часто стоит в начале предложения, а спрягаемая часть – в конце: *Говорить о своем горе она не хотела, а с этим горем на душе говорить о постороннем она не могла* (Л.Толстой, Анна Каренина). Ср.: ... *und mit dieser Trauer in der Seele konnte sie von Kleinigkeiten nicht sprechen*. Следовательно, для немецкого языка абсолютно невозможна постановка спрягаемой части в конец распространенного самостоятельного предложения.

В отличие от немецкого языка в русском языке возможна инверсия частей составного сказуемого и при прямом порядке слов: *Но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса* (М.Лермонтов, «Княжна Мэри»). Ср., в немецком языке, где подобная перестановка частей сказуемого возможна только при инверсии: ... *gekleidet aber waren sie nach den strengsten Vorschriften des besten Geschmacks*.

Для расположения второстепенных членов в немецком языке имеет значение степень смысловой и синтаксической связи их с каким-либо членом предложения. Из всех второстепенных членов определение наиболее тесно связано с определяемым словом. Для него характерно непосредственное примыкание к определяемому слову, причем согласованные определения примыкают препозитивно.

В русском языке такие зависимые слова как прилагательные, местоимения, числительные, причастие, согласующиеся с существительным при атрибутивных отношениях предшествуют определяемому слову, например: *Его спокойствие, мягкий голос и простота лица ободряли мать* (М. Горький, «Мать»). Однако, возможна и постпозиция притяжательных, указательных и отрицательных местоимений: *Голос его звучал тихо, но твердо* (М. Горький, «Мать»). *Машина эта имела вид почти правильного котла* (И.А. Тургенев, «Записки охотника»). *Если тело мое умрет, существования никакого уже не может быть?* (Л. Толстой, «Анна Каренина»). Для немецкого языка постпозиция указательных, притяжательных и отрицательных местоимений невозможна.

Довольно часто в русском языке встречается постпозиция определения, если оно несет на себе логическое ударение. В немецком языке таким определением могут соответствовать также лишь препозитивные определения: *То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком* (А.Чехов, «Сестры»). *In jener Zeit galten die Liebe, gute und gesunde Gefühle als Überbleibsel*.

Расположение остальных членов предложения в немецком языке является более свободным и зависит от их участия в образовании структурной раки; в русском языке расположение второстепенных членов не связано с их отношением к сказуемому. Общим для немецкого и русского языков являются возможности постановки второстепенного члена предложения на первое место в предложении и его функции. На первом месте в немецком предложении, как и в русском, может стоять любой второстепенный член предложения.

При наличии в одном предложении прямого и косвенного дополнений, в немецком языке косвенное дополнение предшествует прямому. В русском языке, напротив, прямое дополнение обычно предшествует косвенному. Из других второстепенных членов в немецком языке наиболее тяготеет к сказуемому обстоятельство образа действия, особенно выраженное наречием. Поэтому оно так же, как и прямое дополнение, реже выступает на первом месте. Однако, оно не имеет фиксированного места и обычно располагается внутри рамки сказуемого, ближе к его спрягаемой части: *Sie lärnten ungebürluch auf der Treppe* (Th. Mann, «Buddenbrooks»).

Как указывается в лингвистической литературе, в русском языке расположение обстоятельства образа действия зависит от его значения и от того, какой частью речи оно выражено. Обстоятельство образа действия, выраженное качественными наречиями, а также наречиями со значением меры, количества обычно ставится перед сказуемым: Жизнь всегда была такова – она ровно и медленно текла куда-то мутным потоком годы и годы... (М. Горький, «Мать»). Обстоятельство образа действия, выраженное существительным или наречием, образованным от имени существительного, обычно следует за глаголом-сказуемым: Мы поехали шагом (И.А. Тургенев, «Записки охотника»).

Менее связано со сказуемым в немецком языке обстоятельство места и времени (обычно относится ко всему предложению). Для обстоятельства времени в русском языке характерна препозиция по отношению к сказуемому.

Среди явлений, характеризующих порядок слов в немецком языке, особое место по своеобразию занимает рамочная конструкция. В ее основе лежит принцип постановки на дальнем расстоянии друг от друга тесно связанных по смыслу слов. Структурная рамка осуществляется разными средствами в самостоятельном (главном) и подчиненном предложении. Рамочная конструкция в немецком языке выполняет функцию объединения предложения, благодаря чему возникает очень четкая структура предложения.

Русскому языку рамочная конструкция не свойственна. Структура русского предложения является более гибкой. Здесь элементы сказуемого и члены группы сказуемого, наиболее тесно связанные с ним, а также

подлежащее и сказуемое располагаются в непосредственной близости друг к другу.

Таким образом, между порядком слов немецкого и русского языков наблюдаются как общие черты, так и черты различия. В обоих языках порядок слов может выполнять две основные функции: формально-грамматическую и семантико-стилистическую. Разница заключается в различной роли этих функций в обоих языках. В русском языке основной функцией порядка слов является функция семантико-стилистическая. Это вызвано тем, что порядок слов в русском языке является свободным, т.е. ни один член предложения не имеет твердого места. В немецком же языке обе функции играют большую роль: места сказуемого и определения выполняют преимущественно структурно-грамматическую функцию, а места подлежащего, дополнения, обстоятельства – преимущественно семантико-стилистическую.

Такое соотношение функций порядка слов в немецком языке связано с сочетанием в нем относительно свободного (подлежащее, дополнение, обстоятельство) и твердого, фиксированного (сказуемое, частично определение) порядка слов. Наличие элементов фиксированного порядка слов делает структуру предложения в немецком языке более четкой, чем в русском языке.

В расположении членов группы сказуемого наблюдаются две противоположные тенденции: в немецком языке слова, наиболее тесно связанные со сказуемым, располагаются в конце предложения или перед спрягаемой частью сказуемого, в русском языке – в непосредственной близости от спрягаемой части сказуемого.

Формы глагольного и именного сказуемых

В типах сказуемых между немецким и русским языками наблюдается, в общем, значительное сходство. Во-первых, в обоих языках имеется как глагольное, так и именное сказуемое. Во-вторых, и в немецком, и в русском языках глагольное сказуемое может быть простым и составным, а именное сказуемое – составным.

Простое глагольное сказуемое выражено одним глаголом, либо в простой, либо в сложной форме: las, schrieb, lese, werde schreiben; читал, писал, читал бы, буду писать. Составное глагольное сказуемое состоит из так называемых функциональных глаголов и полнозначных глаголов в форме инфинитива. В качестве функциональных глаголов выступают: 1) модальные глаголы; 2) их семантические синонимы, такие как wünschen, begehren, brauchen, Lust haben, den Wunsch haben, vermögen, (es) nötig haben, die Möglichkeit haben, imstande sein, außerstande sein, wissen, verstehen, fähig (bemüht, gezwungen, willig) sein; 3) глаголы anfangen, beginnen, anheben, im Begriff sein, aufhören, schließen, Schluss machen,

ferigbringen, zustande bringen, fortsetzen, fortfahren, bleiben, pflegen, gewohnt sein.

Но в составном глагольном сказуемом имеются и некоторые расхождения. Так во-первых, в немецком языке составное глагольное сказуемое может быть не только двучастным, но и трехчастным, состоящим из функционального глагола + существительное / прилагательное / причастие + глагол: den Wunsch haben zu reisen, gewohnt sein zu reisen. В немецком языке инфинитив употребляется с особой частицей zu в подавляющем большинстве случаев, в русском языке – без какой-либо частицы.

В составном глагольном сказуемом в немецком языке с инфинитивом могут сочетаться такие функциональные глаголы как scheinen, glauben: Er scheint krank zu sein. В русском языке им соответствует простое глагольное сказуемое с вводным словом «кажется».

Конструкции lassen + Infinitiv, kommen + Partizip II, bekommen, erhalten + Partizip II; tun + Infinitiv являются также формами составного глагольного сказуемого. В русском языке им соответствует простое глагольное сказуемое.

Значительные расхождения наблюдаются между формами составного именного сказуемого немецкого и русского языков. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в немецком языке обязательно наличие связки во всех типах именного сказуемого; в русском же языке правилом является нулевая форма связки в настоящем времени изъявительного наклонения. Немецкий предикатов всегда выражен неизменяемой формой, согласование с подлежащим наблюдается только в категории падежа; русский предикатив представляет собой, наоборот, изменяемую форму, которая согласуется с подлежащим прежде всего в роде и числе, и только в незначительном количестве случаев – в падеже, так как основным падежом предикатива в русском языке является творительный падеж в отличие от немецкого языка, где падежом предикатива является именительный падеж.

В русском языке именительный предикатива употребляется только в настоящем времени изъявительного наклонения. Следствием такого рассогласования предикативного имени с подлежащим является такой вид грамматического плеоназма, который невозможен в немецком языке, а именно категория рода и числа выражается наряду с именем существительным и формой связки (для числа) еще и в предикативном имени. Ср.: Das Zimmer ist gefegt (род выражен один раз; единственное число – один раз). Комната подметена (род выражен два раза; единственное число – два, но не формой связки, а формой предикатива). Ср. также: Er (sie) war(en) müde – Он (она) (они) был, была, были усталым, усталой, усталыми.

В немецком языке имеется два связочных глагола: sein, werden, которым соответствуют связочные глаголы русского языка «быть, становиться». Но в немецком языке связочными могут быть и глаголы heissen,

scheinen, bleiben. В русском языке им могут также соответствовать составные именные сказуемые с подобными связками: Trotz seiner schweren Leiden blieb Nikolai Ostrowski ein flammender Patriot, ein großer Schriftsteller. Mensch sein – heißt Kämpfer sein. Das heißt gearbeitet: Несмотря на тяжелую болезнь Николай Островский оставался пламенным патриотом ... Быть человеком – значит быть борцом.

Вот это называется поработать! Но подобным именным сказуемым немецкого языка может соответствовать и простое глагольное сказуемое с вводным словом «кажется».

Сходства между немецким и русским языками наблюдаются и в плане морфологической принадлежности предикатива, в качестве которого в обоих языках выступают существительные, прилагательные, местоимения, причастия, числительные. Это могут быть и наречия, но наречному предикативу немецкого языка не всегда соответствует наречие-предикатив русского языка. Ср.: Wer ist dort? Alle sind hier, но: Drei Jahre sind vorbei. In einer Stunde bin ich zurück. Die Stunde ist aus. Bist du schon auf?

Предложные группы в качестве предикатива также не всегда находят себе соответствие в предложных группах русского языка. Ср.: Er ist in Not, но Die Sache ist von Wichtigkeit.

Er wurde zu einem guten Violinspieler. Ihre Augen waren von einem tiefen Blau. Das Handtuch ist zum Abrocknen. Das ist zum Lachen!

Кроме этих форм сказуемого в немецком и русском языках имеются фразеологизированные сказуемые: vom Regen in die Taufe kommen, in Ohnmacht fallen, zum Wort greifen; попасть из огня да в полымя, упасть в обморок, взять слово, дать пощечину. В немецком языке такие сказуемые больше распространены, чем в русском, вследствие тенденции немецкого глагола к двучастности формы. Поэтому в русском языке большинству таких сказуемых немецкого языка соответствует простое глагольное сказуемое: Abschied nehmen, Gebrauch machen, in Erfüllung gehen, sich in Bewegung setzen, zum Ausdruck bringen и т.п.

Все изложенное относительно простого предложения можно подытожить в следующих заключениях.

В построении немецкого и русского простого предложения преобладают две противоположные тенденции – тенденция к синтаксически строгим моделям в немецком языке и тенденция к синтаксически более гибким моделям в русском языке.

Наличие общих тенденций к двусоставности, глагольности и номинативности предложения в сравниваемых языках не исключает существенной разницы в степени фронтальности этих черт. Для немецкого языка ведущей является тенденция к двусоставности предложения, для русского – тенденция к односоставности. Значительные отступления от номинативности и глагольности в предложениях русского языка приводят к каче-

ственным различиям между системами моделей элементарного предложения в сравниваемых языках.

Порядок слов выполняет в немецком и русском языках общие функции: структурно-грамматическую и семантико-стилистическую. Основные черты различия заключаются здесь в различной роли этих функций в каждом из языков, что обусловлено в свою очередь различными формами порядка слов: частично фиксированным в немецком языке и свободным в русском языке.

Формы глагольного и именного сказуемых характеризуются довольно значительными частными различиями на фоне общего сходства.

Сравнительная типология подчинительных словосочетаний в немецком и русском языках

Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям. Одним из основных признаков словосочетания является синтаксическая связь, соединяющая компоненты словосочетания. Если компоненты словосочетания находятся в равных отношениях друг к другу, что может быть проверено простой их перестановкой без изменения содержания словосочетания, то речь идет о сочинительной синтаксической связи, например «отец и сын» или «сын и отец»; Bruder und Vater, Vater und Bruder.

Если же компоненты словосочетания находятся в неравных отношениях друг к другу, т.е. один компонент подчинен другому, то речь идет о подчинительной синтаксической связи. В таких словосочетаниях перестановка членов оказывается невозможной без существенного изменения смысла целого. Ср.: большой город – словосочетание; город большой – предложение; eine große Stadt; die Stadt ist groß.

Итак, одним из отличий подчинительных словосочетаний от сочинительных является неравное отношение компонентов подчинительного словосочетания друг к другу; в них различается основной член и зависимое слово (слова). Следующее различие лежит в средствах связи: сочинительная связь осуществляется как посредством союзов, так и без них; подчинительная связь осуществляется, как правило, без каких-либо средств, либо посредством предлогов.

Подчинительная связь выражается в следующих отношениях: атрибутивных, объектных и обстоятельственных. Перечисленные выше синтаксические отношения получают свое материальное выражение в виде различных конкретных приемов, с помощью которых передаются синтаксические связи. Это следующие приемы: согласование, управление, примыкание.

Как справедливо отмечает В.Н. Ярцева, синтаксические приемы зависят от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней.

Атрибутивные отношения выражаются при помощи всех трех видов связи, объектные – с помощью управления, обстоятельственные – управления и примыкания. Вследствие более развитой системы флексий в русском языке преобладает согласование в выражении атрибутивных отношений в большей мере, чем в немецком языке, так как в немецком языке этому препятствует нейтральная флексия в группе существительного, т.е. тенденция к монофлексии.

Управление и примыкание играет одинаковую роль при выражении объектных и обстоятельственных отношений в обоих языках. Управление наблюдается и при выражении атрибутивных отношений: *Er ist dem Vater ähnlich* – Он похож на брата, а также примыкание: доктор Щусев – *D-r Morten*, врач Иванова – *Arzt Iwanowa*, диктор Ангелина Вовк – *Ansager Angelina Wowk*, но преобладающим является здесь согласование; подобные случаи очень редки в обоих языках.

К подчинительным словосочетаниям в обоих языках относятся группа существительного и группа глагола. Группа существительного состоит из ядра (существительного) и относящихся к нему слов, которые уточняют и конкретизируют его. Основным условием синтаксического объединения слов в группе существительного является смысловая связь между членами группы: обогащающие и уточняющие определения, подлинные определения и служебные компоненты группы существительного.

К подлинным определениям относятся полнозначные части речи, к служебным – служебные части речи, такие как частицы, предлоги, а в немецком языке и артикль. Роль артикля в группе существительного немецкого языка очень велика. Артикль является постоянным членом группы существительного. Из всех зависимых компонентов группы существительного он принимает самое активное участие в построении препозитивной рамки, включающей в себя все согласующиеся члены группы с зависимыми от них компонентами.

Рамочная конструкция в группе существительного присуща и русскому языку. Сходство в данном случае с немецким языком заключается в том, что включает рамку в русском языке также ядро, т.е. имя существительное, но начинают рамку как служебные компоненты группы существительного, так и полнозначные, подлинные определения. В немецком языке рамку начинают, как правило, служебные компоненты – артикль или же промежуточные между служебными и подлинными определениями. Ср.: *все его сыновья* – *all seine Söhne*; *лежавшая на дороге пыль* – *der Staub auf dem Wege*, ... *недавно расчищенная дорожка* – *der vor kurzem freigemachte Weg*; ... *Налево чернело глубокое ущелье* – *Links lag im Dunkel eine tiefe Schlucht*; *(Eine) tiefe Schlucht lag links im Dunkel*.

Кроме того, артикль в наибольшей мере обеспечивает возможность монофлексивного построения группы. Оформление группы существительного по принципу монофлексии является следующей отличительной чертой немецкой группы существительного от группы существительного русского языка, ср.: *ein schönes Mädchen* – красивая девушка. Моно-

флексия является лишь своеобразным развитием принципа согласования. Она является одним из структурных средств, содействующих более тесной организации группы существительного.

Особая роль артикля в немецком языке в организации препозитивной рамки и монофлексии основывается не только на большей частотности употребления артикля. Она основывается еще и на том, что в целом ряде случаев артикль может вводиться в группу специально для осуществления какого-либо структурного требования, например, для выражения падежа. В русском языке падеж четко выражается в самой форме существительного.

Согласующиеся препозитивные определения выражаются в обоих языках именами прилагательными: новый дом, железная крыша, das neue Haus, ein eisernes Dach; местоимениями: какой-то мальчик, моя тетрадь, ein gewisser Junge, mein Heft, порядковыми числительными: первый номер, пятый дом, die erste Nummer, das fünfte Haus, полными формами причастий: решенная задача, зеленеющие кусты, die gelöste Aufgabe, grünende Sträucher; существительными (правда, в этом случае согласование соблюдается не всегда): город Москва, поэт Маяковский, die Stadt Moskau, der Dichter Majakowski.

Несогласующиеся постпозитивные определения выражаются в обоих языках именами существительными. Здесь различаются беспредложные и предложные словосочетания.

Отношения между словами в беспредложных словосочетаниях выражаются формами косвенных падежей без предлогов. Не все падежные формы зависимого слова одинаково употребимы в беспредложных именных словосочетаниях: в немецком языке в данной функции возможен только генетив; в русском языке также чаще других употребляется родительный падеж, но здесь возможны дательный и творительный падежи, употребление которых ограничено более или менее узким кругом слов, например: цена людям, мера силам, корм скоту; Мужик сам знает цену хлебу; кепка блином, волосы ершом, галстук бабочкой. Моисей ходит уже в шляпе котелком (А.Чехов, «Моя жизнь»). В сапогах бутылками ... стоит под крыльцом (А.Блок) ... сменил усы колечком на усы кисточкой (Федин, «Необыкновенное лето»); вышивка крестиком, посадка гнездами, богатство идеями, недовольство результатами.

Наиболее типичные и возможные соответствия немецкого языка данным словосочетаниям русского языка – это сложные слова: menschenwert, Viehfutter, Brotwert, Beulenhut и т.п.

Винительный падеж не употребляется в качестве беспредложного определения ни в немецком, ни в русском языках.

Предложные именные словосочетания в немецком и русском языках характеризуются также заметными различиями: в качестве предложного определения в русском языке выступают не только дательный и винительный падежи, но и родительный (в немецком языке он почти неупотребителен), а наиболее продуктивными являются словосочетания с предло-

гом «с» и творительным падежом и словосочетания с предлогом «в» и предложным падежом.

Большинству словосочетаний с определительным предложным родительным падежом соответствуют в немецком языке, как правило, сложные существительные, ср.: подсвечник из бронзы, носки из шерсти, ограда из камня, букет из васильков, венок из листьев; *Bronzenleuchter, Wollsocken, Steinmauer, Basiliskstrauss, Blätterkranz*. Все они выражают значение отношения происхождения в широком смысле этого слова.

В русском языке возможна трансформация в относительное прилагательное: бронзовый подсвечник... и т.п.: отношение к материалу: платье из шелка (шелковое платье), хлеб из кукурузы (кукурузный хлеб); На дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла ... лачужка (М.Лермонтов, «Тамань»); тюрбан из марли (марлевый тюрбан), но однако: рамка из сосновых шишек, битки из свежего мяса, брошка из чистого золота, якорь из выгнутых гвоздей, штора из синей светомаскировочной бумаги – трансформация в относительные прилагательные невозможна. И в русском, и в немецком языке это словосочетания, так как они содержат прилагательные – определения второго ранга.

Таким образом, сложные слова соответствуют предложным словосочетаниям со значением отношения, так как родительный беспредложный здесь невозможен, а категория относительных прилагательных в немецком языке непродуктивна. В остальных случаях словосочетаниям русского языка с родительным определительным с предлогом соответствуют также предложные сочетания, но как правило, с дательным и винительным, так как предложный генитив в современном немецком языке является непродуктивным, реликтовым явлением.

Словосочетаниям «с + творительный падеж» русского языка соответствуют в немецком языке в большинстве случаев словосочетания *mit + Dativ*; «в + предложный падеж» русского языка – *in +* различные падежи (в большинстве случаев *Dativ*) в немецком языке.

В немецком языке выделяется еще группа существительного с участием монофлексива. В русском языке соотносительного с этим явления по форме нет, ср.: *zwischen Affe und Mensch, Antrag Kanitz, Schulzes Beruf als Lehrer, Ende Oktober* = между человеком и обезьяной, заявление Каница, профессия Шульце как учителя, в конце октября.

Сравнительно-сопоставительная характеристика структуры группы глагола

Состав группы глагола чрезвычайно широк. В связи с общими структурными тенденциями в строе немецкого языка группа глагола-сказуемого приобретает особое значение с точки зрения оформления всего предложения.

Прежде всего, те компоненты предложения, которые синтактико-семантически относятся ко всему предложению в целом, оценивая реальность

сказуемого отношения (модальные члены, отрицания, модальные частицы), или соотносясь как с подлежащим, так и со сказуемым (предикативное определение, некоторые виды обстоятельств) оказываются формально включенными в группу глагола-сказуемого.

Сходства с русским языком проявляются, прежде всего, в том, что и в русском языке в группу глагола – сказуемого формально входят предикативное определение, обстоятельства образа действия, меры, обстоятельство цели и т.п. Отличия проявляются в том, что модальные слова, частицы, отрицания не входят формально в группу глагола, а представляют собой вводные слова.

Кроме того, группа глагола-сказуемого имеет в немецком языке тенденцию охватывать все предложение, за исключением первого места с точки зрения порядка слов. Для группы глагола русского языка данное явление, явление рамки в группе глагола не свойственно.

Подводя итог сравнительной характеристике подчинительных сочетаний в немецком и русском языках, можно сказать, что в обоих языках выделяются такие подчинительные словосочетания как группа существительного и группа глагола. В соответствии с общей тенденцией к синтаксически строгим моделям группа существительного в немецком языке является структурно более спаянной, чем группа существительного в русском языке, благодаря построению ее по принципу монофлексии.

Группа глагола-сказуемого является в немецком языке более емкой по сравнению с группой глагола-сказуемого русского языка, вследствие формального включения в нее модальных членов, частиц, отрицаний и охвата группой глагола всего предложения, за исключением первого места.

5.10. Сложное предложение в немецком и русском языках

Общая характеристика

Принимая полевую структуру синтаксиса, расположим простое предложение в центре общесинтаксического поля. Сложное предложение отойдет к его периферии, образуя переходный сегмент к сверхфразовому единству (гиперсинтаксису) [Кострова, 1992]. Периферийность сложного предложения определяется его более низкой частотностью по сравнению с простым, а также тем, что оно совмещает с собственно предложенческой категорией предикативности самую разнообразную семантику, аналогичную семантике членов предложения. Результатом этого совмещения является переход цельнопредложенческой предикативности на новый, более высокий уровень – уровень суперпредикатности.

На этом уровне традиционный предикат передает свои функции единицам, соединяющим элементарные предложения в цельное, – союзу или

союзному слову. Их суперпредикатная функция [ср. Степанов] состоит в том, что они формируют отношения внутри сложного предложения.

Благодаря генетическому родству немецкого и русского языков, эти отношения в них аналогичны как по способу соединения предложений, так и по семантике соединяющих элементарные предложения единиц. Аналогичны как семантические типы сложносочиненных предложений, так и виды придаточных по синтаксической функции. Различия касаются частностей, в основном, объема значения или сферы функционирования отдельных союзов.

Типологические различия заключаются в формально-структурной области и охватывают прежде всего структурирование придаточного предложения. Основная тенденция состоит в более строгом оформлении придаточного в немецком языке, что проявляется в постановке спрягаемого глагола на последнее место, в обязательности подлежащего в придаточном предложении и в некоторых других частных моментах. Рассмотрим типологические сходства и различия на примерах СПП с союзной и относительной связью. Из союзных СПП проанализируем СПП с придаточными времени (СППвр) и придаточными условия (СППУ), из относительных – СПП с придаточными определительными.

Сопоставительный анализ союзных сложноподчиненных предложений (СПП) в немецком и русском языках: система и функционирование СПП с придаточными времени

Контрастивный системно-функциональный анализ языковых явлений имеет целью показать сходство и выявить различия, наблюдаемые как в системах языков, так и при употреблении исследуемых единиц в сопоставляемых языках. Результаты такого анализа могут послужить основой контрастивной грамматики как того, так и другого языка, нехватка которой остро ощущается в практическом преподавании иностранных языков.

Исследования показывают, что базовой сферой функционирования сложноподчиненных предложений с придаточными времени (далее СППвр) является объективированная авторская речь, где процент их частотности среди других высказываний обстоятельственного типа приближается к 80 % [Кострова, 1991]. Их основная функция состоит в членении временного континуума и организации темпорально упорядоченной объективированной речи. При сопоставлении в этом аспекте немецкого и русского языков открывается уникальная возможность проследить взаимодействие темпоральных союзов с аспектуальной семантикой предикатов при обозначении аналогичных темпоральных ситуаций.

Кроме того, предпринимаемый анализ может выявить сходства и различия языков в отношении иконичности/неиконичности представления указанных ситуаций и связанной с этим степени их функциональной экс-

прессивности. Исследование построено на материале оригинальных немецких источников и их переводов на русский язык.

Темпоральные системы как немецкого, так и русского языков включают в себя в качестве основных конstituентов глагольные времена, наречия времени и сложные предложения с темпоральным значением. В целях упрощения анализа оставим в стороне наречную сферу и сосредоточим внимание на взаимодействии двух оставшихся сфер. Исходной посылкой является типологическое различие немецкого и русского языков, наблюдаемое в системе глагольных времен. Оно состоит в том, что в немецком языке темпоральная глагольная парадигма включает в себя ряд относительных времен, обозначающих предшествование, а в русском языке аналогичная парадигма неотделима от аспектуальной. Таким образом, парадигматическое сопоставление глагольных времен дает асимметрическую картину:

Т а б л и ц а 13

Контрастивная семантика глагольных времен
в немецком и русском языках

	Немецкий язык	Русский язык
Выражение предшествования	+	–
Выражение аспекта (вида)	–	+

В системах темпоральных союзов обоих языков существует традиция семантического описания на основе пространственных понятий впереди – сзади и отношений между ними [Eichinger, 1989; Крейдлин, 1997]. Членение временного континуума происходит также аналогично (см. табл. 13). В составе темпоральных союзов обоих языков используются пространственные по происхождению предлоги: в, до, перед в русском языке, in, nach, vor, bis в немецком, а также наречия пространственной семантики: после в русском языке и lang в немецком. На наш взгляд, можно говорить о метафоризации темпоральными союзами, содержащими перечисленные компоненты, пространственных концептов по аналогии с тем, как происходит метафоризация пространственных предлогов [Ehrich, 1989; Meibauer, 1995; Kostrowa, 1998].

Различия в системах темпоральных союзов имеют, по сравнению с видо-временной системой, более частный характер. В обоих языках есть союзы, которые вне контекста индифферентны к выражению относительного времени. В немецком языке это союзы als и wenn, в русском им соответствует один союз – когда. В семантике других союзов в той или иной форме присутствует значение относительности. Основное отличие русских темпоральных союзов от немецких состоит в том, что в русском языке преобладают составные или аналитические формы, в немецком – синтетические. Составные союзы в русском языке представляют собой

«нецельноформленные соединения двух или более элементов, каждый из которых одновременно существует в языке и как отдельное слово» [Русская грамматика, 1980]. Наиболее продуктивно участвуют в образовании таких союзов предлоги различной структуры, местоименное слово тот, наречия пока, после и частица не. С их помощью образованы союзы в то время как, перед тем как, с тех пор как, до тех пор пока не, до того как, после того как. В Академической грамматике русского языка отмечается неустойчивость составных союзов, значение которых может меняться в зависимости от различного акцентирования [Русская грамматика, 1980]. Внутренняя форма таких союзов представляется достаточно ясной, поскольку их составные элементы сохраняют знаменательность.

Немецкие темпоральные союзы значительно более устойчивы по форме. Это, в основном, однословные лексемы, хотя некоторые из них по происхождению восходят к сочетаниям предлогов с местоимениями или артиклями (*nachdem, seitdem, indem, indessen*), а другие – к сочетаниям местоимений с наречиями (*sobald, sooft, sowie*). В этом смысле система немецких темпоральных союзов представляется более формализованной, чем система аналогичных русских союзов.

Этимология немецких темпоральных союзов тоже не вызывает разночтений. Тем не менее, в истолковании семантики отдельных союзов в русском и немецком языковом сознании исходят из разных традиций. Это относится к союзам, обозначающим предшествование/следование. Отношения предшествования и следования представляют собой две стороны понятия временной последовательности. Два действия могут быть по-разному охарактеризованы относительно друг друга. В. Хартунг иллюстрирует это такими примерами:

(1) *Er hat sich von allen verabschiedet. Dann/danach ist er weggefahren;*

(2) *Er ist weggefahren. Davor/vorher hat er sich von allen verabschiedet* [Hartung, 1966].

В действительности «прощание» в обоих случаях происходит до отъезда, то есть речь идет о различном языковом представлении одного и того же отношения. В (1) это отношение передается в плане синтактики иконически¹, то есть последовательность действий в речевой цепи соответствует их последовательности в реальной действительности.

В (2) имеет место опережающее (неиконическое) представление действия, обозначенного в последующем предложении. В русском языковом сознании значение союза после того как истолковывается иконически в соответствии с семантикой наречного компонента после, что предполагает следующую трансформацию (1):

(1*) После того как он попрощался со всеми, он уехал (=отъезд следует за прощанием).

Иконически же истолковывается и семантика союзов прежде чем, перед тем как – как выражение предшествования в соответствии со зна-

чением компонентов прежде/перед. Некоторые авторы специально это подчеркивают [Формановская, 1979]. Трансформация (2) показывает, однако, что при семантической иконичности возникает синтаксическая неиконичность:

(2*) Прежде чем уехать, он попрощался со всеми (=прощание предшествует отъезду).

В немецком языковом сознании эквивалентные союзы имеют противоположную интерпретацию: союз *nachdem* интерпретируется как выражающий идею предшествования, а синонимичные союзы *ehe*, *bevor* – как выражающие идею следования [Gelhaus, 1998]. Это означает, что семантическая иконичность в немецком языковом сознании уступает место формально-грамматической иконичности, которая наиболее ярко проявляется в обязательном употреблении плюсквамперфекта как формы предшествования в придаточных предложениях с союзом *nachdem*.

Два способа языкового представления онтологической последовательности действий: иконический и опережающий (неиконический), рассматриваемые с позиций синтаксиса и семантики, на наш взгляд, более адекватны, чем традиционные понятия предшествования и следования, в которых эти аспекты не разводятся. В частности, именно учет семантико-синтаксической иконичности/неиконичности позволяют снять разночтения в семантической интерпретации таких союзов как *nachdem* и *ehe/bevor* и их русских эквивалентов. Соотношение немецких и русских темпоральных союзов с семантикой относительности представлено в таблице 14.

Т а б л и ц а 14

Системы темпоральных союзов с относительным значением
в немецком и русском языках

Относительное темпоральное значение	Немецкий язык	Русский язык
Одновременность	Während, indem, indessen Solange, sooft Sobald	В то время как Пока, покамест, покуда Всякий раз как
Разновременность	Nachdem Ehe, bevor Kaum dass/als	После того как Прежде чем, перед тем как Едва/лишь только
Временное начало	Seit/seitdem sowie	С тех пор как Как только
Временной конец	Bis	(до тех пор) пока (не) до тех пор как

Из таблицы следует, что семантика русских временных союзов в известной мере компенсирует отсутствие в русском языке относительных глагольных времен. Наряду с семантикой союза к компенсирующим факторам следует отнести в русском языке категорию вида [Бондарко, 1971]. Это подтверждается, в частности, обязательным употреблением глаголов несовершенного вида для выражения одновременности в придаточном предложении [Гвоздев, 1955], преимущественным употреблением глаголов совершенного вида при выражении временного следования в предложениях с союзом прежде чем [Гвоздев, 1955], употреблением глаголов разных видов при выражении частичного совпадения действий или событий во времени [Формановская, 1979].

Исследователи категории русского вида высказывают предположение об участии союзов в выражении этой категории [Бондарко, 1971]. Это предположение косвенно подтверждается при межъязыковом сопоставлении на материале немецкого языка. При отсутствии в этом языке вида как грамматической категории практически каждый немецкий темпоральный союз имеет аспектуальную характеристику. Als обозначает однократное действие или событие, wenn – повторяющееся. Есть союзы, устанавливающие временной предел действия: bis, союзы, обозначающие его начало: seit(dem). Внутренняя форма союзов während и solange указывает на длительность. Значение союза nachdem формируется через смысл завершенности действия, производный от понятия его законченности [ср.: Луценко, 1985; Steube, 1980].

Аспектуальная окрашенность немецких союзов проявляется еще и в том, что многие из них ограничивают выбор глагола-сказуемого относительно его предельности/непредельности. Например, союз bis допускает в качестве предикатов почти исключительно предельные глаголы. В тексте высказывания этот признак поддерживается дополнительными показателями предельности: наречиями типа schließlich, plötzlich. В русском языке с соответствующим союзом пока не употребляются глаголы совершенного вида, ср.: ...der Mann blickte ihr nach, bis sie die Tür hinter sich geschlossen hatte (Sak) – ... муж проводил ее взглядом, пока за ней не закрылась дверь.

В некоторых случаях союз способствует полному переосмыслению семантики предикативного глагола: предельный глагол может получить непредельный смысл: Zugleich aber auch schon, während noch dieses Lachen erklang, ließ der oben Geliebte unten, neben dem Stuhlbein, die Reitpeitsche pfeifen (Th.M.) – Но не успел еще замереть в воздухе этот смех, как тот на эстраде, кого так страстно обласкали сейчас, щелкнул хлыстом у ножки стула.

Глагол erklingen является характеризованным по способу действия и обозначает его начало. Но в приведенном контексте под влиянием семантики темпорального союза он приобретает смысл длительности. В

следующем примере наблюдается переосмысление неопределенного глагола в предельный:

Als etwa 15 Zahlen in verschieden langen Gliedern auf der Tafel standen, verlangte Cippola die gemeinsame Addition (Th.M.) – Когда на доске было записано примерно 15 различных чисел, Чиполла потребовал, чтобы публика сложила их.

Глагол *stehen* получает результативный смысл, который в русском переводе передается причастием совершенного вида.

К факторам, компенсирующим отсутствие категории вида в немецком языке, можно отнести, на наш взгляд, развитие эпистемического значения предпочтения у временных союзов *ehe/bevor*. В разговорной речи (или при ее моделировании) они утрачивают временное значение и начинают характеризовать действие придаточного как недостаточно предпочитаемое, ср.: *Ich gehe ins Kloster, bevor ich Emma heirate* – Лучше уж пойду в монастырь, чем жениться на Эмме (Руди Келлер); *Die Fuhrunternehmer stellten lieber die Lage in schwärzesten Farben dar, ehe sie sich für die Besserung der allgemeinen Versorgung ein Bein ausrissen* (Schulz) – Ну и владельцы машин не пожалели черной краски, расписывая создавшееся положение, лишь бы палец о палец не ударить ради снабжения жителей.

Итак, парадигматическое сопоставление показывает, что системы темпоральных союзов в обоих языках компенсируют ту или иную системную недостаточность, взаимодействуя с аспектуальными, а в отдельных случаях с модальными сферами.

Сопоставление функционирования союзов может быть проведено в двух аспектах: относительно места придаточного в СПП и способа представления темпорального отношения в тексте.

Каждая из трех возможных позиций придаточного в СПП функционально релевантна. Препозиция используется, как правило, в интродуктивной функции, интерпозиция – в функции дополнительной характеристики, придаточное предложение в постпозиции используется для развития повествования [Гулыга, 1971, Распопов, 1964, Weugel, 1970, Heidolph u. Kollektiv, 1981]. Сопоставление с русским языком подтверждает специфику каждой позиции, обнаруживая вместе с тем функциональные различия.

В контрастивном плане сопоставление функционирования вовлекает в анализ синонимические конструкции, специфичные для каждого языка. В русском языке к ним относятся деепричастные обороты, которые выступают в интродуктивной функции вместо темпорального придаточного в немецком. Такие обороты обозначают сопутствующие обстоятельства действия в главном предложении и соответствуют немецким придаточным с разными союзами. Характерно, что в зависимости от семантики немецкого союза стержневое деепричастие может быть совершенного или несовершенного вида, ср.: *Nachdem er seinen Seidenhut, seinen Schal und Mantel*

abgetan, kam er... wieder nach vorn (Th.M.) – Сняв шелковый цилиндр, шарф и крылатку, Чиполла снова вернулся к рампе; Wenn sie im Bett lag, hörte sie manchmal noch lange die Männer in der Wohnstube auf und ab gehen (Sak) – Лежа в постели, она порой еще долго слышала в горнице мужские шаги.

Уточняющий характер интерпозитивного придаточного подтверждается на материале переводов тем, что такое придаточное теряет в русском языке статус предложения и редуцируется до словосочетания и даже отдельного слова, ср.: Man hatte die Szene mit Spannung verfolgt und applaudierte ihr, als sie beendet war, indem man sowohl «Bravo, Cippolla!» wie «Bravo, Giovanotto!» rief (Th.M.) – Все затаив дыхание следили за этой сценой и встретили ее развязку аплодисментами, крича то – «Браво, Чиполла!», то – «Браво, Джованотто!».

Межъязыковое сопоставление подтверждает и функцию развития повествования постпозитивными придаточными: в русском переводе на их месте могут появляться потенциально самостоятельные предложения: Sie mussten noch manche Wegschanke heben, bis sie endlich zum alten Fährhaus kamen (Sak) – Им пришлось поднять еще несколько стволы, и вот наконец они подъехали к дому паромщика; Die Frauen kicherten belustigt, bis eine sagte... (Sak) – Женщины захихикали. Потом вдруг кто-то сказал... .

Сопоставление способов передачи темпоральных отношений может быть рассмотрено в связи с их семантикой. Такое сопоставление выявляет универсальные и специфические средства, используемые русским и немецким языками для выражения одной и той же понятийной категории с аналогичными прагматическими установками. Одновременный учет семантики и прагматики дает когнитивно-прагматическую ситуацию, которая принимается за единицу контрастивного сопоставления.

Семантика одновременности выражается в языках большей частью аналогично. Различия касаются случаев, когда временные придаточные соприкасаются с модальной сферой. Отношение полной одновременности реализуется, как правило, в ситуации описания двух действий, являющихся разными сторонами одного глобального процесса. Прагматическая установка: параллельное включение двух повествовательных перспектив. В немецком языке используется союз während, в русском – союз пока: Er saß... im Hintergrunde des Podiums und rauchte, während irgendwo im Saale unterderhand die Vereinbarungen getroffen wurden, denen er gehorchen sollte (Th.M.) – Он сидел в глубине эстрады спиной к публике и курил, пока где-то там в темном зале мы уславливались, что ему предстояло выполнить.

Отношение одновременности реализуется также через ситуацию темпорального ограничения процесса повторяющимися условиями его осуществления. В немецком языке используются союзы solange, wenn sobald, в русском – союзы пока, когда, как только: Solange er sich

unbeweglich hielt, stumpfte der Schmerz in den Nackenmuskeln ab (Apitz) – Пока он стоял неподвижно, боль в шее притуплялась.

Выражение отношений частичной одновременности в немецком и русском языках совпадает не всегда. Наиболее характерное отличие русского языка состоит в замене немецкого придаточного на деепричастный оборот. Такие замены осуществляются, например, в ситуациях обозначения двух действий одного лица, из которых одно действие является фоном другого. Придаточное предложение может при этом находиться как в пре-, так и в постпозиции. Ср.: Während er die Treppe zu seinem Arbeitszimmer emporschritt, holte Alexander die Zeitungen aus der Tasche (Weisk) – Поднимаясь со второго этажа к себе в кабинет, Александр вынул из кармана газеты; «Wie bitte?» äffte sie Adrienne nach, während sie die letzten Nadeln in ihre Frisur steckte (Weisk) – «Пардон, как вы сказали?» – передразнила она Адриенну, втыкая в прическу последние шпильки.

Частичное совпадение во времени имеет место в ситуации прерывания процесса непредвиденным действием. Такая ситуация передается в немецком языке СППвр с союзом als, в русском же – сочетанием несовершенного вида глагола-сказуемого в главном предложении с придаточным предложением, вводимым союзом когда. СППвр служит переходом к новой теме. Ср.: Krämer saß noch über dem Appel für den morgigen Tag, als Höfel eintrat (Apitz) – Кремер еще сидел над сводкой для утренней проверки, когда вошел Гефель.

Аналогично передается ситуация, обозначающая прерванное намерение. В русском языке неожиданность прерывания, как правило, выражается лексически, ср.: Erschreckt wollte Leopold von Wrbata sich zurückziehen, aber er war noch nicht über die Schwelle, als auf der gegenüberliegenden Wand eine Portierre auseinandergerafft wurde (Weisk) – Перепуганный Польди хотел уйти, но не успел он переступить порог, как на противоположной стене раздвинулась портьера.

Ситуация иконического представления временного соотношения реализуется в обоих языках в СППвр с препозитивными придаточными, вводимыми союзами nachdem, als, kaum dass в немецком и после того как, когда, едва только в русском языке, а также в СППвр с постпозитивными придаточными, вводимыми соответственно союзами bis – пока (не). В русском языке в некоторых случаях возможны деепричастные обороты или идиоматические структуры.

Иконически представляются обычно законченные, следующие друг за другом этапы более глобального действия. Иногда новый этап противопоставляется предшествующему с помощью противительного союза aber, ср.: Nachdem er nämlich ausgeschrieben und das Geschriebene unter dem Blatt Papier verheimlicht hatte, drückte er den Wunsch aus, zwei Personen möchten aufs Podium kommen (Th.Mann) – После того как он написал что-то на доске и прикрыл написанное листком бумаги, на эстраду были

приглашены два человека из публики в качестве помощников; Als der erregte Mensch sich aber steigerte, ...riss Max plötzlich den Mund auf und fletschte die Zähne, als wolle er zubeißen (Sak) – Но когда разъяренный уполномоченный пуше того взвинтился..., Макс вдруг разинул рот и ощерил зубы – вот-вот укусит.

СППвр с союзом *bis* в немецком языке и союзом *пока* с отрицанием не в русском выражают в обоих случаях продолжительность действия до его логического конца. В русском языке вместо грамматического отрицания может быть употреблен глагол совершенного вида, имплицитно отрицающий лексическое. Наличие отрицательной частицы усиливает лексическое отрицание. Ср.: Wir müssen warten, bis sich das Wasser verläuft (Sak) – Подождать надо, пока вода не спадет; Er sah Druskat an, verschlagen lächelnd, der musste warten, bis der Applaus endlich verrauscht war (Sak) – Лукаво улыбаясь, он взглянул на Друската. Тот подождал, пока отгремят рукоплескания.

Межъязыковое сопоставление показывает, что иконическое представление временного предшествования в немецком и русском языках в большинстве случаев совпадает.

Такое представление реализуется, кроме отмеченного выше, в ситуациях, обозначающих ответную реакцию на действие партнера или наступление события, в ситуациях, обозначающих восприятие персонажа в конечной фазе движения и некоторых других. Расхождения между языками проявляются в ситуациях иконического обозначения следования. В немецком языке здесь используются постпозитивные придаточные с союзами *ehe*, *bevor*, в русском – сложносочиненные предложения с союзными словами *тогда*, *потом*, эксплицитными семантику следования. Ср.: Lange hielt er die Schicksalspost auf der ölschmutzigen Hand, ehe er sich die Hände wusch und dann hinausging auf den weiträumigen Abstellplatz (Schulz) – Он долго держал роковое письмо в перепачканной маслом руке, потом вымыл руки под краном и ушел за дом.

Опережающее представление временного соотношения событий реализуется в немецком языке в СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзами *nachdem*, *als*, а также в СПП с препозитивными придаточными с союзами *ehe*, *bevor*. В первом случае в русском языке используются СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзом *когда*, во втором – СПП с союзами *прежде чем*, *раньше чем*, а также синтаксические идиомы. В обоих языках опережающим способом может быть представлена, например, ответная реакция на действие партнера, ср.: «Jaja», nickte er vor sich hin, nachdem ihm Krämer den Grund seines Besuches erklärt hatte (Apitz) – Да-да, – закивал он, когда Кремер объяснил ему причину своего визита; Ehe sie das Brett wieder auflegten, zählte Brendel...die Dielen (Apitz) – Потом положили доску, но перед тем Брендель сосчитал половицы.

Опережающим способом представляются неосуществившиеся события, за которыми следуют другие, реальные. В русском языке модальность неосуществленности или скрытое отрицание немецких предложений эксплицируется, но при этом утрачивается форма СПП: ...noch ehe er aber mit wilden Fäusten gegen die Tür trommeln konnte, war Kropinski bei ihm (Aritz) – С искаженным от ужаса лицом он хотел было заколотить руками по двери, но подоспевший Кропинский оттащил его прочь; Doch bevor er sich aufs neue den Fluten seiner Beredsamkeit hingeben konnte, wurde Rankl unterbrochen (Weisk) – Но Ранкль не успел снова отдаться потоку красноречия....

Подводя итоги системно-функционального сопоставления немецких и русских СППвр, можно заключить, что в языковом представлении временных отношений в немецком и русском языках присутствует как сходство, так и различие. Сходство обусловлено общностью происхождения языков, использующих через систему темпоральных союзов аналогичный способ членения временного пространства. Общность генетического (культурного) контекста обуславливает в системном плане аналогичность метафорических переносов пространственный предлог/наречие > темпоральный союз, а в функциональном плане – аналогичность когнитивно-прагматических ситуаций. Основное отличие состоит в том, что в немецком языке выражение темпоральных отношений имеет более формальный характер, чем в русском. Это проявляется в следующем.

Система немецких темпоральных союзов более формализована, чем аналогичная система в русском языке. Немецкие союзы более устойчивы по форме; в отдельных случаях они теряют семантическую иконичность в пользу либо синтаксической иконичности, либо эпистемического значения предпочтения (nachdem, ehe, bevor). Русские темпоральные союзы могут в зависимости от логического ударения менять свою форму. При этом они практически всегда сохраняют семантическую иконичность.

В немецком языке сопутствующие обстоятельства формально не отличаются от темпоральных: и те, и другие выражаются придаточными предложениями. В русском языке сопутствующие обстоятельства передаются специальным средством – деепричастными оборотами.

В немецком языке чаще имеет место опережающее представление реальной последовательности действий, особенно в СПП с постпозитивными придаточными, вводимыми союзом nachdem.

Иконическое представление временных отношений сохраняется в немецком языке за счет изменения внутренней формы союзов ehe, bevor в постпозиции, в то время как в русском языке в этих случаях последовательность действий эксплицируется лексически наречиями тогда, потом.

Смысловое отрицание действия или события, имплицитное в немецком языке в предложениях с союзом bis, в русском языке может эксплицироваться отрицательной частицей в составе союза пока не.

Отмеченные особенности соответствуют общей более строгой синтаксической организации немецкого предложения в сравнении с русским.

Сопоставительный анализ СПП с относительной связью в немецком и русском языках: система и функционирование атрибутивных СПП

СПП с относительной связью вот уже несколько десятилетий находятся в центре лингвистических исследований. При этом именно сопоставительно-типологические изыскания оказываются особенно плодотворными, поскольку типологически различные языки обнаруживают в их структуре и употреблении значительные различия. Так Б. Комри пишет, что немецкое относительное предложение, приводимое как образец предложений такого типа для европейских языков, распространено только в Европе и редко встречается в языках других частей света [Comrie, 1995]. Разумеется, языки, географически далеко удаленные друг от друга, обнаруживают большие различия. Однако и в европейских языках, как показывают Г. Глинц и Г. Цифонун, достаточно оснований для контрастивного сопоставления [Glinz, 1994; Zifonun, 2001].

При сопоставительном анализе немецких и русских СПП с относительной связью ограничимся предложениями, в которых придаточные выполняют функцию определения. Как и в случае с СППвр, начнем с системного сопоставления, которое послужит основой для сравнения функционирования.

В европейских языках относительное предложение интерпретируется, как правило, как приименное [Формановская, 1979; Smits, 1989; Glinz, 1994; Zifonun, 2001], то есть предложение, зависящее от имени. В обоих языках отмечается, что оно реферирует к целой препозиции [Glinz, там же; Фигуровская, 2000]. Атрибутивные придаточные распадаются на две группы в зависимости от того, насколько тесно они связаны с определяемым именем. Однако эти группы выделяются по-разному. В немецкой грамматике во главе угла находится содержание придаточного, различающее направление номинации: придаточное либо ограничивает антецедент, либо добавляет к нему новую информацию. Придаточные называются соответственно рестриктивными и придаточными приложениями [Eroms, 2000; Zifonun, 2001]. В грамматиках русского языка основное внимание уделяется просодической форме относительного предложения, тесно связанной с его тема-рематическим членением. Группы придаточных называются соответственно одночленными и двучленными [Поспелов, 1959]. Последние называются также дополнительными [Формановская, 1979]. Несмотря на различные принципы вычленения, группы придаточных, в основном, совпадают: рестриктивным предложениям соответствуют одночленные, а придаточным-приложениям – двучленные относительные предложения. Ср.:

DEU Mann, der sehr alt geworden ist; Karl der Große, der in Rom zum Kaiser gekrönt wurde;

RUS Есть люди, у которых вместо души популярная библиотека; Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что...

Системы вводящих относительных местоимений в обоих языках образуют два ряда: указательный и вопросительный. Указательные относительные местоимения в немецком языке начинаются на d- (der), а в русском имеют в своем составе звук т- (тот, такой).

Вопросительный ряд образуют соответственно местоимения и наречия, начинающиеся на w- (welcher, wo, wie u.a.) , и имеющие в своем составе звук к- (который) [Heringer, 1996; Черемисина, Колосова, 1987]. Но значимость обоих рядов в немецком и русском языках не совпадает. В немецком языке они примерно равноценны [Zifonun, 2001], в русском же языке местоимения тот, такой, что функционируют в качестве коррелятов главного предложения, тогда как основной вводящий элемент который происходит из вопросительного слова.

Между языками наблюдаются и количественные различия в составе относительных местоимений, что обуславливает семантико-стилистическую дифференциацию. В русском языке представлены синонимические варианты местоимения который: какой имеет обобщающее сопоставительное значение, кой, кои имеет более высокую степень обобщения [Формановская, 1989] и воспринимаются как устаревшие. В немецком языке различие между der (die, das, die) и welcher не затрагивает семантической сферы. Последнее является устаревшим [Wahrig].

Типологически важное различие между языками обнаруживается в области развития аналитических черт. В немецком языке это находит выражение в фиксированном месте относительного местоимения в начале придаточного предложения, тогда как в русском оно перемещается на второе место, если функционально необходима форма родительного падежа. Ср.:

DEU Das Problem, dessen Lösung bald gefunden werden wird...

RUS Проблема, решение которой скоро будет найдено...

Проблема, которой решение скоро будет найдено...

Проблема, отмахиваться от решения которой грешно...

В русских атрибутивных относительных предложениях отмечаются и другие аналитические черты. Это употребление несклоняемого местоимения что, ср.: Гюго ворвался в классический и скучноватый век, как вихрь, что несет потоки дождя, листья, тучи, лепестки цветов...; Где эта девушка, что я влюблен... (из песни).

К аналитическим чертам можно, пожалуй, отнести и ограничения в употреблении относительного местоимения кои, которое встречается практически только во множественном числе и имеет иронический оттенок. Ср.:

*Она привезла подарок, кой произвел большое впечатление

?Она привезла подарки, кои произвели большое впечатление

Она подарила мужу игрушку, коей он и был очень доволен.

В целях контрастивного сопоставления небезынтересно проследить разницу в этимологии вводящих слов, которая в известном смысле определяет их семантику и семантику всего придаточного предложения. Характерно, что типичные для немецкого и русского языков относительные местоимения обнаруживают почти полярную семантику. Действительно, немецкое относительное местоимение *der* согласно данным этимологических словарей Г. Пауля [Paul, 1960] и Ф. Клуге [Kluge, 1999] возникло из указательного местоимения. Это означает, что первоначально оно имело указательную, то есть референциальную функцию. Русское относительное местоимение *который* восходит к старославянской форме *кьи*, сочетавшей со значением относительности семантику вопросительности и неопределенности (*который, какой-то, какой-нибудь, некоторый*) [Цейтлин, Вечерка, Благова, 1994]. Таким образом, семантика русского относительного местоимения связана со значением неопределенности, но такой неопределенности, которая не мыслится без анафорической отсылки к антецеденту, даже в тех случаях, когда он – антецедент – отсутствует: *Попался, который кусался* [Мишланов, 2000]. Возможно, его анафоричность объясняется тем, что в современном языке местоимение утратило значение неопределенности, сохранив его только при употреблении в контексте исчисления [Ожегов, 1992], ср.: *который раз тебе говорю*. Таким образом, семантика русского относительного местоимения *который* объединяет в себе анафоричность (не всегда референциальную) и неопределенность, ограниченную неопределенным порядком исчисления. Это семантическое отличие делает наглядным контрастивное сопоставление.

Базой для сравнения функционирования СПП с определительными придаточными в обоих языках можно считать семантику относительной синтагмы, под которой Г. Цифонун понимает конструкцию *антецедент + придаточное предложение* [Zifonun, 2001].

Семантические различия относительных местоимений в немецком и русском языках обуславливают различное членение поля относительности. Это различие усугубляется тем, что в немецком языке антецедент употребляется с артиклем, выбор которого отчасти предопределяет семантику последующего определительного предложения. Контрастивное сопоставление с русским языком помогает выявить эту взаимосвязь.

Именное выражение образует ядро относительной синтагмы, а определительное придаточное модифицирует это ядро [Zifonun, 2001]. В немецком языке семантика именного выражения модифицируется еще и употреблением артикля. Происходит согласование семантики двух модификаторов, хотя это и не находит эксплицитного выражения в форме придаточного предложения. Согласно высказыванию И. Свитсера: «значение и его фрейм неотделимы друг от друга» [Sweetser, 1990].

Выбор определенного или неопределенного артикля придает антецеденту различные оттенки значения. Определенный артикль указывает на референциальность антецедента, неопределенный же свидетельствует либо о его генерализованном значении, или о том, что он выделяется

коммуникативно. Соответственно этому определительное придаточное получает конкретизирующее, обобщающее или мотивирующее значение. В немецком языке это не выражено вводящим местоимением, но это находит выражение в вопросах к придаточному. Если антецедент употреблен с определенным артиклем, вопрос к содержанию придаточного формулируется вопросительным местоимением *welcher?* В случае неопределенного артикля при антецеденте спрашивают *was für ein?* В русском языке это различие в некоторых случаях обозначается выбором относительного местоимения. Относительное местоимение *который* имеет тенденцию обозначать конкретную референцию, а относительное местоимение *какой* обнаруживает обобщающе-сопоставительное значение.

Это различие подтверждается устойчивыми выражениями с обобщающее-негативным (ни в коем случае) или обобщающее-уступительным (какой бы ни) значением. Ни в том, ни в другом случае местоимение *который* не возможно, поскольку оно имеет указательный оттенок значения. С другой стороны, в русском местоимении *какой* обнаруживается обобщающий семантический компонент, что допускает его употребление во множественном числе при антецеденте, стоящем в единственном. Таким образом, качество, приписываемое этому антецеденту «извлекается» из конкретного контекста и переносится в более общий контекст. Ср.: *Стоял тихий вечер, какие бывают в начале лета.* Перевод на немецкий язык обнаруживает более высокую степень обобщения, чем в «нормальном» определительном предложении: *Es war ein ruhiger Abend, wie er am Anfang des Sommers sein kann.*

Следующие примеры иллюстрируют семантические различия относительных синтагм на материале немецких аутентичных примеров и их русских соответствий:

DEU *Die Kugel stammt aus dem Revolver, den man beim Diener gefunden hat (Dürr.) (Aus welchem Revolver stammt die Kugel?)* – Пуля была из револьвера, который нашли у слуги;

Wallau kannte er flüchtig, das war ein Mann, in den er sich nicht erst hineinzudenken brauchte (Was für ein Mann war Wallau?) – Валлау он знал понаслышке, это был человек, в каких не надо вдумываться, чтобы разобраться в них.

Определительные придаточные, антецедент которых стоит с неопределенным артиклем, как правило, имеют аппозитивный характер и отличаются коммуникативной выделенностью. Если при этом антецедент имеет конкретную референцию, русский перевод передает это союзным словом *который*. Неопределенный артикль создает эффект остранения, который в переводе может исчезнуть, ср.:

DEU *...der Alte...wies auf einen zweiten Lehnstuhl, der an den Tisch gerückt war (Dürr.)* – ... старик показал на второе кресло, которое было придвинуто к столу;

В языках, располагающих артиклем, эффект отстранения выражается ярче, чем в русском языке. Например, неопределенный артикль может создавать эпическую дистанцию, возникающую во включенных эпизодах. Ср. описание фильма, который смотрят герои повести А. Зегерс «Через океан», и его перевод:

Der Film spielte im Mittelalter, auf einer Straße, auf der man Bernstein transportierte. In einem Gasthaus, in dem sich der Transport immer aufhielt, gab es ein Mädchen, das in einen Händler verliebt war. – Действие фильма происходит в средние века, на улице, по которой возили янтарь. В гостинице, в которой/где всегда останавливался транспорт, была девушка, влюбленная в одного торговца...

5.11. Лексическая типология немецкого и русского языков

Общие лексические пласты и генетическая дифференциация лексики

Общность происхождения сопоставляемых языков позволяет обнаружить в них общий пласт лексики, восходящий к индоевропейскому периоду. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, исследуя этот пласт, выделяют следующие тематические группы слов, объединяющие жизненно важные понятия. Это слова с конкретным значением, связанные с окружающим человека материальным миром, с физической природой самого человека и семейно-общественными отношениями. Ср. табл. 15.

Т а б л и ц а 15

Индоевропейский пласт лексики

	Русский язык	Немецкий язык
Термины родства	Мать Папа Брат Дочь Сын Сестра Свекор	Mutter Vater Bruder Tochter Sohn Schwester Schwager
Обозначения предметов и явлений окружающей среды	Снег Солнце Ночь День Вода Ветер	Schnee Sonne Nacht Tag Wasser Wind
Названия частей и органов тела	Сердце Нос Око Рука	Herz Nase Auge Arm
Названия животных и птиц	Кошка Гусь Мышь Волк	Katze Gans Maus Wolf

Не всегда можно найти прямые лексические соответствия, подобные приведенным в таблице. Чаще установление индоевропейского родства требует специального этимологического анализа. Интересные данные такого анализа приводит Э. Бенвенист. Например, понятие 'брак' не имеет в индоевропейских языках специального обозначения. Тем не менее, обнаруживаются общие черты морфологического плана. Так, в зависимости от того, идет ли речь о мужчине или женщине, термины оказываются различными: терминология, относящаяся к мужчине, оказывается глагольной, а терминология, относящаяся к женщине – именной [Бенвенист, 1970]. В качестве примера Э. Бенвенист приводит глагольный корень *wedh-. Ср. русск. Привести жену в дом. К этому корню восходит, видимо, и англ. wedding. Изменение положения женщины при подготовке к вступлению в брак, фиксируется русским словом невеста. Русское слово брак этимологически связано с глаголом брать, который употребляется по отношению к мужчине: брать в жены.

Л.П. Якубинский отмечает отсутствие общеиндоевропейских соответствий для многих других терминов относительно более поздней стадии развития, например, для терминов гончарного дела, для названий рыб и рыболовства, для названий лука и стрел [Якубинский, 1986]. Различна по разным группам индоевропейских языков и система терминов родовой организации, что свидетельствует об ином, более тесном генетическом родстве языков, формирующемся на этом этапе. К этому периоду можно, видимо, отнести формирование общегерманского пласта лексики в немецком языке и общеславянского пласта в русском.

Общегерманский пласт охватывает лексемы, продолжающие индоевропейскую традицию обозначения частей тела человека и явлений окружающей природы. Кроме того, он включает слова, обозначающие понятия, связанные с развитием производства, строительства, общественных институтов. Ср. табл. 16, представляющую сравнение перечисленных тематических групп в немецком и английском языках.

Т а б л и ц а 16

Общегерманский пласт лексики

	Немецкий язык	Английский язык
Обозначения предметов и явлений окружающей среды	Sturm Winter Sommer Eis	Storm Winter Summer Ice
Названия частей и органов тела	Brust Hand Leib	Breast Hand Life
Обозначения предметов, связанных с развитием производства	Brücke Glas Grund Eisen	Bridge Glass Ground Iron
Обозначения общественных институтов	Gott	God

Общеславянский пласт лексики прослеживается, например, на славянских терминах родового строя, которые не имеют соответствий в других индоевропейских языках.

Славянские языки обнаруживают, напротив, многочисленные соответствия таким русским терминам, как род, племя, месть, вече [Якубинский, 1986].

Семасиологический аспект: объем значения слова; многозначность; полисемия; синонимия

В сопоставительном плане лексика изучается на уровне отдельного слова, лексико-семантических групп и общих лексико-семантических категорий. Выделение этих уровней, разумеется, условно, поскольку отдельные слова входят в лексико-семантические группы и обладают определенными лексико-семантическими категориями. Тем не менее, каждый уровень позволяет проявить в слове его семантическую специфику, показать разные стороны его значения.

Отдельные слова сопоставительно изучаются в семасиологическом и ономазиологическом аспектах. Первый аспект предполагает сопоставление объема значения слов в разных языках и их системных связей синонимического, антонимического и – шире – полевого характера. С позиций ономазиологии изучаются проблемы наименования, в круг которых вовлекаются вопросы развития значения слова, заимствований и лакун.

Несовпадение объема значения слов в разных языках можно считать типологической универсалией. Обусловлена эта универсалия тем, что в каждом языке слово входит в разные цепочки родственных слов и цепочки, образуемые ассоциативными связями. Ив Свитсер пишет в этой связи, что «внутренняя структура значения слова не автономна, но существует на фоне наших общих представлений о мире» и что «значение и его фрейм неотделимы друг от друга» [Sweetser, 1990]. Возьмем для примера простые слова, обозначающие конкретные предметы в русском и немецком языках: окно – Fenster. Русское слово окно входит в цепочку уменьшительно-ласкательно-пренебрежительных наименований окошко – окошечко – оконце. Тем самым объем его прямого значения сужается, поскольку в этом объеме выделяются некоторые специальные обозначения. Кроме того, слово имеет образно-переносное значение в профессиональном языке преподавателей: «вынужденный перерыв между уроками или парами». В этом случае объем его значения расширяется. Немецкое слово Fenster имеет только один уменьшительный вариант Fensterchen, и не обладает переносным значением. С этих позиций объем значения немецкого слова шире, а объем значения нейтрального русского слова окно уже.

Рассмотренный случай типичен, поскольку развитая система словопроизводства в русском языке производит впечатление «обилия» слов, которое создается рядами с уменьшительно-ласкательными, пренебрежи-

тельными или увеличительными коннотациями. В типологическом плане для русского языка характерна «тенденция к группировке слов большими пучками вокруг основных центров значения» номинативно-производный тип значения [ср. Виноградов, 1977].

В немецком языке сужение объема значения происходит, как правило, за счет семантической дифференциации. Например, многие немецкие глаголы при общности денотативного значения «покрывают» только часть денотативного пространства, уступая другую его часть другому или другим глаголам. Нередко ограничение денотативного пространства обусловлено синтаксическими условиями употребления. Этот тип значения В.В. Виноградов назвал синтаксически-ограниченным [Виноградов, 1977]. В русском языке двум или нескольким немецким глаголам может соответствовать один глагол, который, соответственно будет иметь более широкий объем значения. Ср.: знать – wissen etw. (Allgemeines) oder wissen + придаточное дополнительное vs. kennen j-n, etw. (+ прямое дополнение); предлагать – vorschlagen (сделать что-то) + инфинитивная конструкция с zu vs. anbieten + прямое дополнение.

Таким образом, русские глаголы оказываются в типологическом плане гиперонимами, а немецкие, соответственно, – гипонимами. Соотношение гиперонимов и гипонимов – важный типологический признак, характеризующий лексические системы языков.

Для немецкого языка более характерны гипонимы, что связано с развитым словосложением и дифференцированной категоризацией отдельных понятий. Однако, это только тенденция, а не абсолютное правило. Встречаются случаи, иллюстрирующие и обратные отношения. В табл. 17 представлены некоторые русско-немецкие гипо-гиперонимические параллели.

Т а б л и ц а 17

Гипо-гиперонимические отношения в немецком и русском языках

Гиперонимы	Гипонимы
Русский язык	Немецкий язык
1	2
Рука	Arm, Hand
Нога	Bein, Fuß
Место	Platz, Ort, Stelle, Stätte
Лестница	Treppe, Treppenaufgang, Leiter, Stiege
Отказываться	Verzichten, aufgeben, abschlagen, sich weigern, ablehnen
Знать	Wissen, kennen
Остановиться	Halten, stehen bleiben
Предлагать	Vorschlagen, anbieten
Происходить, случаться	Geschehen, passieren, vorkommen, vorfallen, unterlaufen, widerfahren, zustoßen, sich ereignen
Надеть	Anziehen, aufsetzen, umlegen, anlagen, umbinden, anstecken

1	2
Немецкий язык	Русский язык
Vermissten	Недосчитываться, замечать отсутствие к.-л., скучать о к.-л., жалеть о к.-л., пропустить без вести
Zitieren	Цитировать, вызывать к начальнику
Die Reserve	Резерв, сдержанность
Die Intelligenz	Интеллигенция, ум
Komisch	Смешной, странный
Bringen	Приносить, привозить
Kommen	Приходить, приезжать
gehen	Уходить, уезжать

Системное сопоставление лексики включает наряду с приведенным выше сравнением гипо-гиперонимических отношений сопоставление группировок слов и по другим признакам, прежде всего, по признаку синонимичности / антонимичности.

Основные закономерности формирования синонимов сходны в обоих языках. Нередко синонимы возникают в результате заимствования, которые могут частично совпадать по значению с исконными словами. Ср. русск.: устроить – организовать, недостаток – дефицит и нем.: veranstalten – organisieren, Mangel – Fehlbetrag – Defizit.

Особенностью немецкого языка являются территориальные дублиеты, то есть диалектные варианты, употребляемые в различных областях Германии, австрийские и швейцарские варианты. Они приникают в литературный язык через художественную литературу и средства массовой информации. Ср.: Sonnabend – Samstag, Gardine – Vorhang, Junge – Bube, Falter – Schmetterling, Schlächter – Fleischer – Metzger – Fleischhauer. Специфику русских синонимических рядов составляют уменьшительно-ласкательные цепочки: заяц – зайка – зайчик – зайчонок.

Ономасиологический аспект: слово как средство номинации в немецком и русском языках

Контрастивное исследование слова как средства номинации предполагает сопоставление номинативных возможностей слова и развития его значения.

Универсальные средства номинации делятся на внутренние и внешние. К внутренним относятся: образование новых слов, переосмысление значения существующих слов и использование в качестве номинативного средства словосочетаний. Внешним средством номинации являются заимствования (мы рассмотрим их в следующем разделе). Степень использования того или иного средства – важный типологический признак языков.

Основному номинативному средству – словообразованию – посвящен специальный раздел выше. Обратимся поэтому к сопоставлению развития значения слова в немецком и русском языках, которое ведет, как правило, к формированию его многозначности.

Многозначность представляет собой языковую универсалию. Существуют универсальные законы развития многозначности, проявляющиеся в разных языках, например, закон перехода от конкретного к абстрактному. Основные средства развития многозначности – метафорические и метонимические переносы. Главное направление таких переносов отражено в универсальном семантическом законе – антропоморфизме. Соответственно этому наименования переносятся от человека на весь остальной мир. Ив Свитсер называет метафоры такого рода «the Mind-as-Body Metaphor». Ярким примером таких метафорических переносов являются наименования деталей орудий, которые осмысливаются и называются по аналогии с частями тела, выполняющими аналогичные функции. Характерно при этом, что в русском языке переносные названия, как правило, представляют собой производные имена с уменьшительными суффиксами, ср.: ручка, ушко (иголки), головка (винта), горлышко (бутылки), спинка (кресла), ножка (стола, кровати). В немецком языке отмечаются аналогичные переносы, но нередко они охватывают другие номинации и входят в состав сложных слов, ср.: *Flaschenhals*, *Landzunge*, *Meeresbusen*, *Tischbein*, *Fussende des Bettes*.

И. Свитсер поясняет свою интерпретацию направлений метафорических переносов примерами наименований эмоций во многих индоевропейских языках, которые восходят к наименованиям физических действий, ощущений или органов тела, затронутых этими эмоциями [Sweetser, 1990]. Например, физическая функция сердца – перекачивание крови – зависит от таких сильных эмоций, как любовь, печаль, страх; поэтому сердце может символизировать эти эмоции. Ср. выражения: рус. от всего сердца, сердце в пятки ушло, предложить руку и сердце и нем. *Vom ganzen Herzen*, *es ist mir schwer ums Herz*, *das Herz ausschütten* и др.

Интересные аналогии наблюдаются в сфере метафорических переносов, касающихся глаголов сенсорного восприятия. Ив. Свитсер приводит семантические ресурсы глаголов видения, общие для индоевропейских языков. В эти ресурсы входят: физическая природа видения (например, наименования органа зрения глаз – *Auge* используются в качестве производящей основы для глаголов глазеть, глядеть – *äugeln*, *liebäugeln*), метафоры видения как физического прикосновения (поймать взглядом – *ins Auge fassen*). Базовый индоевропейский корень **weid* получает в индоевропейских языках абстрактный смысл, ср. рус. видеть → ведать, нем. *wissen*, англ. *wise* [ср. Sweetser, 1990].

Универсален и путь развития эпистемического (логического) значения модальных глаголов от их более конкретного основного значения, которое

И. Свитсер называет «социофизическим» [Sweetser, 1990]. Например, значение долженствования развивается в значение предположения, ср.: нем. Du must um 10 zu Hause sein, sonst beklage ich mich bei der Mutter vs. Er muss zu Hause sein: ich sehe seinen Mantel; рус. Ты должен быть дома в 10, а то я пожалуюсь матери vs. Он, должно быть, дома, я вижу его пальто.

Тем не менее, отмеченная выше фреймовая связанность значения слова обуславливает межъязыковые различия в употреблении, а именно в выборе наименования. А.И. Фефилов приводит такие показательные различия в употреблении слов тетрадь, книга/книжка, журнал в немецком и русском языках: Quittungsblock (но не Quittungsbuch) – книжка квитанций, Fahrscheinheft – билетная книжка, Klassenbuch – классный журнал, Schiffstagebuch – судовой журнал [Фефилов, 1985].

Переносное употребление слов ведет к образованию семантических неологизмов, в формировании которых не всегда прослеживаются универсальные закономерности. Этот процесс тесно связан с социальным развитием и прагматическими потребностями, возникающими в языковом коллективе. Некоторые примеры семантических неологизмов сведены в табл. 18.

Т а б л и ц а 1 8

Семантические неологизмы немецкого и русского языков

Русский язык	Немецкий язык
После августа	Fettpolster (резервный капитал)
Мифологическое сознание	Autofalle: heimliche Geschwindigkeitskontrolle
Мифотворчество	Buchen (ein Ticket)
перестройка	Das Coupe: Zweipersonenwagen
Челночная дипломатия	
Дефицит совести	
Либерализация цен	
мафия	
Прокол	
Комок	

Заимствования

Заимствование новых слов представляет собой универсалию языкового развития, обусловленную языковыми контактами. Глобализация и создание «всемирной паутины» обусловили массовый приток в разные языки мира англицизмов. Не остались в стороне от этого процесса и немецкий и русский языки, однако процесс адаптации англицизмов протекает в них с разной скоростью. Немецкий язык легче и быстрее воспринимает и ассимилирует их, чем русский, что вполне объяснимо его более близкими генетическим связями с английским языком.

Заимствоваться могут словообразовательные элементы, полнозначные и служебные слова. Среди словообразовательных элементов особенно много префиксов. По подсчетам В.Н. Федорцовой, заимствованные (преимущественно интернациональные) аффиксы и полуаффиксы составляют около 70 % общего числа аффиксов в немецком языке [Федорцова, 1991]. Можно предположить, что и в русском языке интернациональных словообразовательных элементов греко-латинского происхождения довольно много. Это касается, например, связанных препозитивных морфем, развившихся из знаменательных слов, таких как мини-, макро-, поли-, изо-, би-, моно-, псевдо-. Эти компоненты встречаются и в немецком языке, ср.:

Нем. Minirock	Русск. Миниюбка
Makrotext	Макротекст
Polytechnisch	Политехнический
Isotopie	Изотопия
Bilateral	Билатеральный
Monographie	Монография
Pseudoliterarisch	псевдолитературный

Как следует из примеров, немецкий и русский языки нередко заимствуют одни и те же слова. Однако не всегда объем значения этих слов в том и другом языке совпадает.

Например, слово Probe – проба в немецком языке означает не только «попытка» или «проба металла», но и «репетиция». Последнее значение в русском языке отсутствует. Еще более показательное заимствованное слово Mine – мина, которое в немецком языке кроме значения «взрывчатка» означает еще «рудник», «стержень ручки», «графит» [ср. Gladrow, 1989].

Сравнивая заимствования в русском и немецком языках, В. Гладров отмечает, что они различаются и по форме, поскольку ассимилируются к разным языковым системам.

Например, слово джинсы получило русскую форму множественного числа, а в немецком сохранило английский суффикс: Jeans. Сопоставление одинаковых заимствованных слов показывает системные различия, ср.:

Nation	Нация (← frz. nation ← lat. natio)
Realismus	Реализм (← frz. réalisme)
Ambulatorium	Амбулатория (← lat. ambulatorius)

Формально различаются и заимствованные словосочетания. В русском языке они, как правило, стягиваются в одно слово, а в немецком сохраняют раздельное написание. Ср.: Pas de deux (← frz.) и падеде, Eau de Cologne (← frz.) и одеколон [Gladrow, 1989].

Процесс заимствования неравномерно протекает в разных частях речи. Особенно заметна разница между существительными и глаголами и неполнозначными частями речи в русском языке. Имена заимствуются легче, чем названия действий или процессов. Возможно, это объясняется тем, что без названия новой вещи или предметного понятия языку обойтись труднее. С другой стороны, специфика русской глагольной парадигмы в ряде случаев препятствует проникновению в русский язык вербальных понятий. Например, понятие дизайн заимствовано и русским, и немецким языками, но только в немецком языке оно употребляется и в качестве глагола, ср.: *Der Architekt designt ein Haus; Er hat ein Haus designt* [Sick, 2004]. Такие глаголы, как *recyceln, chatten, simsен* также не восприняты русским языком, хотя некоторые из них употребляются в виде существительных, например, *общаться в чате*. Однако, это не универсальная закономерность, поскольку некоторые глаголы все же находят путь в русскую языковую систему, ср. *лоббировать, ксерокопировать, сканировать*.

Неполнозначные части речи, например, предлоги, заимствуются намного реже, что само по себе неудивительно, так как состав этого класса слов ограничен. Тем не менее, на материале немецкого языка выделены следующие заимствованные предлоги: *ad, contra/kontra, exclusive/exklusive, inclusive/inclusive, minus, per, plus, pro, puncto/punkto, qua, versus, via, à, vis-à-vis* [Di Meola, 2005]. Из перечисленных предлогов в русский язык вошли, пожалуй, только минус, плюс. Про- и контра- фиксируются словарем как приставки, а *визави* – либо как наречие (напротив, друг против друга), либо как существительное (тот, кто находится напротив) [Словарь иностранных слов, 1985]. Эксклюзивный используется как прилагательное. Это свидетельствует о том, что процесс грамматикализации предлогов протекает в русском языке медленнее, чем в немецком.

Часть VI. СТИЛИСТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Язык как социальное явление выполняет различные функции, связанные с той или иной сферой человеческой деятельности. Важнейшие общественные функции языка следующие: общение, сообщение, воздействие. Для реализации этих функций исторически сложились и оформились отдельные разновидности языка, характеризующиеся наличием в каждой из них особых лексико-фразеологических, синтаксических средств, используемых исключительно или преимущественно в данной разновидности языка. Эти разновидности называются функциональными стилями речи.

Переводчик в процессе своей профессиональной деятельности имеет дело с текстами, относящимися к разным сферам общественной жизни, неважно торговли, дипломатии или науки, иными словами к разным функциональным стилям. Лексика, синтаксические конструкции или грамматические формы либо нейтральны и уместны в текстах любых функциональных стилей и ситуациях общения, либо тяготеют к определенным функциональным стилям. При этом функционально-стилистическая окраска слова не абсолютная величина, это показатель наиболее уместного использования слова в том или ином контексте. Для каждого функционального стиля характерны свои средства языкового оформления.

Основные термины и понятия, используемые для описания функционального стиля. Категории сопоставительной стилистики

Основные понятия

Основными составляющими понятия функционального стиля являются следующие элементы: язык, речь, стиль.

Язык – система знаков, служащая:

- средством человеческого общения и мыслительной деятельности;
- способом выражения самосознания личности;
- средством хранения и передачи информации.

Язык включает в себя набор знаков (словарь) и правила их употребления и интерпретации (грамматику).

Речь – исторически сложившийся вид коммуникативной деятельности человека, посредством использования возможностей языка для общения с другими членами языкового коллектива.¹ Важно отметить, что **форма речи** – письменная или устная – во многом предопределяет выбор языковых средств: многие слова и синтаксические конструкции недвусмысленно несут на себе отпечаток соответствующего их применения. Однако

¹ Глоссарий.ru [Электронный ресурс] – Служба тематических толковых словарей – Электрон. дан. – [М.]: «Web-and-Press» 2000–2010 - URL: www.glossary.ru (дата обращения: 15.06.2010).

содержание речи может быть и не связано с устной или письменной передачей. Например, деловое письмо о поставках мебели ориентировано на письменную форму выражения, в то время как разговор о погоде – сфера устного общения, однако условия о поставках мебели могут обговариваться устно на переговорах, а погоду можно описывать в письме другу вдали от дома.

Язык и речь образуют диалектическое единство, единство общего и частного в коммуникации, способ формирования и развития этого единства является **стиль**. Стиль – это языковая форма выражения **текста**¹. Определение понятия стиль предполагает тесное сотрудничество между такими близкими друг к другу науками, как языкознание и литературоведение. Это сотрудничество позволяет не только выявить то общее, что есть в применении понятия стиль в каждой из этих наук, но также и разграничить объекты изучения, а именно – функциональные стили речи и их типически отстоявшиеся формы в системе языка, с одной стороны, и литературные стили (индивидуальные стили авторов, стили школ) с различными их особенностями с другой. Отсюда – необходимость разделения и стилистики как лингвистической дисциплины на две ветви. Одна из них – стилистика лингвистическая, представляющая часть науки о языке и изучающая функциональные стили и вообще – стилистические явления в масштабе общенационального языка. Другая – это специальная наука о языке художественной литературы или иначе – стилистика художественной речи, исследующая языковую специфику художественной литературы (в частности, особое использование и преломление в ней функциональных стилей) и находящаяся на стыке лингвистики с литературоведением. Стиль отображает в первую очередь отношения между выражаемым содержанием и средством выражения, которые представляет оценку этого содержания говорящим или пишущим².

Исходя из выше изложенного, важно отметить признаки, входящие в понятие стиль:

1. Стиль, прежде всего, предполагает отбор фонетических, словарных и грамматических средств языка на данном этапе его развития для выражения того или иного содержания.

2. Стиль как функционально-речевой, так и литературный, предполагает наличие системы в отборе и сочетании элементов, наличие принципа, вносящего единство в их многообразие и закономерность в их разнообразии. Этот принцип может выражаться в отборе однородных элементов, в большей частоте употребления одних элементов по сравнению с другими (например, в частоте использования канцеляризмов в юридическом документе по сравнению с обиходными или служебными словами, в частоте

¹ Ризель Э.Г. и Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1975. С. 14–15.

² Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высш. школа, 1971. С. 48–49.

использования анафор, эпитифор или метафор в поэзии отдельных авторов) или, напротив, в применении разнобоя, контраста, столкновения противоположных элементов (в стиле литературных произведений – Достоевский, Толстой, Гете).

3. Стиль предполагает осязаемость отношения между характером данного отрезка речи, с одной стороны, и языковой нормой, с другой стороны.

4. Стиль, в результате сочетания указанных признаков, отражает индивидуальный образ говорящего или пишущего или хотя бы конкретизирует этот образ, который в ряде случаев является носителем особенностей, свойственных целой группе людей, когда они пользуются данным стилем речи.

5. Стиль по сравнению с языком отличается более быстрой изменчивостью. История каждого национального языка дает множество примеров этой изменчивости (ср. газетно-публицистический стиль времен ГДР и современной Германии с огромным влиянием английского языка и англосаксонской культуры в целом).

6. Обусловленность стиля социальными факторами. Стиль возникает в определенных условиях человеческого общения, следовательно социальная принадлежность говорящего или пишущего, его культурный уровень, предмет высказывания, цели и задачи влияют на отбор языковых средств, их организацию, степень соблюдения языковой нормы или отклонение от нее, характер индивидуальных или коллективных особенностей речевого акта¹.

Стиль реализует себя в **речевой деятельности**, а именно в ее продукте – тексте. Речевая деятельность (текст) подразделяется на письмо, чтение, говорение, перевод. Для того чтобы текст приобрел смысл и превратился в целостное словесное произведение, он дается в определенном социально-культурном контексте – в научном, политическом, административном, художественном и т.д. Такие социально-культурные контексты называются в стилистике функциональными стилями².

Функциональный стиль – это функциональная система, система внутренних, скрытых отношений и связей явлений, в которой проявляются функции назначения и воздействия словесного произведения. Вне этой системы указанные функции речевого произведения не реализуются³. Кроме того отметим, что функционально-стилистические разновидности языка социально обусловлены и тесно связаны с его функционированием в той или иной сфере общения.

Функциональные стили характеризуются стилистическим значением и стилистической нормой.

¹ Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высш. школа, 1971. С. 59 и далее.

² Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: учебник. М.: Высш. школа, 1990. С. 110.

³ Там же.

Под «**стилистическим значением**» понимается стилистическая характеристика языкового элемента, та дополнительная стилистическая информация, которая наслаивается на его лексическое и грамматическое значение¹. Стилистическое значение включает три компонента: функциональный компонент, нормативный компонент, экспрессивный компонент.

Функциональный компонент указывает на функциональную стилистическую окраску языкового элемента, т.е. на его употребление в определенной сфере коммуникации. Несколько характерных примеров глагола *идти* на немецком языке: *gehen* (нейтр.) – *schleppen* (разговорный) – *sich verschieben* (официально-деловой стиль).

Нормативный компонент указывает на нормативную стилистическую окраску языкового элемента – на его отношение к литературной норме. Принято выделять шесть нормативных уровней: напыщенный, изысканный, нейтральный, литературно-разговорный, грубо-разговорный².

Рассмотрим нормативный компонент в немецком языке на примере глагола *убегать*: *fliehen* (нейтр.), *davonlaufen*, *ausreißen* (грубо-разговорный); *zurückweichen* (напыщенный); *weglaufen* (нейтральный); *flüchten* (литературно-разговорный).

Экспрессивный компонент указывает на эмоционально-экспрессивную окраску языкового элемента, на его способность выражать различные эмоционально-экспрессивные оттенки, нести функцию оценочности.

Одни языковые элементы обладают устойчивой эмоционально-экспрессивной оценкой, которая фиксируется в словарях: *der Säufer* (груб.), *das Mäuschen* (ласкат.).

Другие приобретают оценочность в зависимости от ситуации общения и отношения говорящего к называемому предмету, явлению. Если один из компонентов значения маркирован, языковая единица имеет положительное стилистическое значение, если все три компонента нейтральны, языковая единица обладает нулевым стилистическим значением.

Стилистическое значение, закрепленное за единицей в системе языка, рассматривается как ее абсолютное значение. Стилистическое значение, приобретаемое единицей в том или ином контексте, является контекстуальным. Стилистическое значение языковой единицы определяет сферу ее употребления, ее сочетаемость с другими языковыми единицами.

Немотивированное использование языковых единиц с разными стилистическими значениями в одном высказывании может нарушить стиль речи или даже разорвать коммуникацию: *Das memmenhafte Mäuschen ist zurückgewichen* (вместо *geflüchtet*).

¹ Анисимова Е.Е. Теоретический курс немецкого языка. Стилистика: курс лекций. М.: Военный Казнознаменный институт, 1991.

² Ризель Э.Г. и Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М., Высш. школа, 1975 стр. 19.

Под **стилистическими нормами** в широком смысле понимаются обязательные закономерности выбора и организации как стилистически нейтральных, так и стилистически маркированных языковых норм в целостных системах способа выражения и типов текста всех без исключения коммуникативных сфер. Речь идет о языковых стилистических нормах как системообразующей (парадигматической) кодифицированной совокупности лексических, грамматических и фонетических средств выражения, которые связаны с той или иной функциональной стилистической системой. Стилистические нормы, как в узком, так и широком понимании четко показывают изменение времени и при этом тесную связь лингвистических и внелингвистических факторов. Данный случай можно проиллюстрировать на примере употребления перифраза для существительного первого лица единственного числа, который обозначается самим говорящим/пишущим¹.

Словарный состав, в зависимости от его принадлежности к устной или письменной речи, делится на:

1) стилистически недифференцированный словарный состав – т.е. слова и выражения, которые во всех коммуникативных сферах и ситуациях используются и понимаются носителями немецкого языка, и

2) стилистически дифференцированный словарный состав – т.е. слова и выражения, возможности использования которых, ограничены определенными внутренними и внешними лингвистическими факторами.

Подводя итог данной части, следует отметить, что понятие «стиль» широко используется не только в филологической науке, но и в искусствоведении (живописи, архитектуре, музыке, театре), хотя в отличие от искусствоведения, в языкознании стиль напрямую связан со словом, речью, языком. Стиль, возникая при реализации языка в речи, выражает отношения между ними, которые проявляются в новизне, неожиданности, необычности и в то же время в привычности, традиционности. Язык включает в себе не только бесчисленные возможности, но и отдельные, специфические формы его реализации в речи, т.е. применение его той или иной социальной группой, лицом в зависимости от ситуации и места общения, а также задачи, которые они ставят перед собой, будь то лекция, научный доклад для передачи научных знаний, приказ, директива для управления группой людей, художественное произведение, речь оратора для эмоционального воздействия и побуждения к действию.

Следует отметить, что у ученых-лингвистов нет единого мнения по тому, как классифицировать стили. Одной из наиболее полных является классификация стилей, изложенная профессором Брандес: официально-деловой стиль, стиль науки и техники, газетно-публицистический стиль,

¹ Ризель Э.Г. и Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1975. С. 43.

стиль обиходного общения. Рассмотрим основные характеристики выше-названных стилей.

Официально-деловой стиль

Официально-деловой стиль обслуживает сферы деятельности, призванные регламентировать отношения между людьми, учреждениями, странами, между гражданами и государством. К основным подстилям данного стиля относятся: административный, юридический, дипломатический, военный подстиль. Каждый стиль выполняет свои специфические задачи и функции и характеризуется собственными отличительными чертами. Функциональные черты официально-делового стиля следующие: объективность, императивность, сухость, точность, безличность, ясность, отсутствие образности и эмоциональности. Официально-деловой стиль несет функцию долженствования и официальности. Основными речевыми жанрами официально-делового стиля являются:

- правительственные постановления, указы, законы в сфере правительственной деятельности;
- дипломатические переговоры, меморандумы, ноты протоколы в сфере международных отношений;
- уложения, кодексы в области юриспруденции;
- торгово-коммерческие соглашения, коммерческая корреспонденция в торговле и экономике;
- военные уставы, приказы, распоряжения в сфере военной жизни;
- деловая переписка, акты, протоколы заседаний, распоряжения, объявления в официальных учреждениях;
- официальные письменные заявления, докладные, расписки, завещания в деловой жизни отдельного человека¹.

Официально-деловой стиль реализуется следующими языковыми средствами: модальными глаголами (*Die Ware soll zu dem im Vertrag angegeben Termin geliefert werden*), глаголами приказания (*befehlen, fordern*), побуждения (*verlangen, veranlassen*), безличными конструкциями (*Die Vorauslieferung ist erst mit Zustimmung des Käufers zulässig*), сослагательным наклонением, которое служит для выражения сомнения, неуверенности, предположения; глаголами в императиве. Функция долженствования выражается с помощью конструкции *haben/sein + zu + инфинитив* (*Der Käufer hat die Schulden zu begleichen*).

Типовые лексические средства оформления официально-делового стиля следующие: функционально-окрашенная лексика (*beschlagnahmen, vernehmen*), термины и терминологизированные словосочетания (*Frachtlose verladen, Güter abfertigen*), устойчивые обороты и клише (*offizielle*

¹ Брандес М.П., Проворотов В.И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., стереотипное. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. С. 36.

Genugtuung leisten), собирательные существительные (*die Wahlen, die Werktätigen*), существительные, выражающие совокупное единство (*die Nuclearwaffen*), отглагольные существительные (*Versöhnung, Verwirklichung*), имена существительные в родительном падеже, глаголы в форме страдательного залога, неопределенно-личное местоимение «man», канцеляризмы, «канцелярские» наречия (*zwecks, betreffs, gemäß*) обращения (*sehr geehrter...*)¹ Особенностью письменного варианта деловой речи является частая замена простых глагольных форм аналитическими конструкциями (*sein – sich befinden, haben – verfügen, können – in der Lage sein*).

Пример делового письма на немецком языке:

Helmut Wagner & Sohn Kältetechnik

Helmut Wagner & Sohn, Postfach 256, 3500 Kassel

Schrader & Lehmann Einkaufsabteilung Max-Richter-Strasse 958770 Potsdam

Ihre Zeichen vom 02.04.2008

Rückfrage

Sehr geehrte Damen und Herren, bezugnehmend auf Ihre Bestellung über eine Kühlanlage müssen wir Ihnen folgendes mitteilen: Es stellte sich heraus, dass bei der vorgegebenen Größe des Kühlraums ein stärkeres Kühlaggregat eingebaut werden muss, was eine Verteuerung des Preises um 8 % hervorruft. Nun möchten wir uns erkundigen, ob Sie mit dieser Verteuerung einverstanden sind. Bitte, teilen Sie uns Ihre Entscheidung mit. Mit freundlichen Grüßen (Unterschrift) Helmut Wagner

Целью каждого документа, написанного в официально-деловом стиле, является прийти к определенному соглашению в вопросах политики, торговли, предложений услуг и т.п. Любой документ должен обеспечить полную ясность существа вопроса, выразить главные условия, которые обязуются соблюдать обе договаривающиеся стороны. Языковые функции – только коммуникативная и волюнтаривная.

Что касается синтаксических особенностей деловой речи, то наиболее общими из них являются длинные предложения, развернутые периоды с чрезвычайно разветвленной системой союзной связи. Иногда одно предложение охватывает все условия договоренности, которые определяют отношения и которые могут возникнуть в результате реализации таких отношений. Усложненный синтаксис деловых документов исторически объясним. Связи между предложениями отражают, как известно, реальные связи между выражаемыми понятиями. Эта связь особенно четко выступает при наличии соответствующих союзов, определяющих характер

¹ Брандес М.П., Проворотов В.И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. С. 37.

связи. Точка обычно употреблялась тогда, когда связь между частями высказывания прерывалась.

Общение в области правовых отношений призвано служить осуществлению основных функций права, которое регулирует отношения между людьми, учреждениями, государствами, между гражданами и государством. Чтобы воплотить основные функции права официально-деловая речь несет на себе окраску должностования, она точна, имеет неличный, именной характер, стандартизирована.

Стиль науки и техники

Стиль науки и техники обслуживает сферу научной и учебной деятельности. Назначением стиля является фиксирование научного знания, осуществление взаимодействия между коммуникантами в целях передачи научных знаний и обмена ими. К основным подстилям научного стиля относятся научно-технический подстиль и научно-гуманитарный подстиль, которые представлены различными типами текста. Одни типы текста используются в процессе устной коммуникации (лекция, научный доклад, научное сообщение, диспут, застольная речь-тост, юбилейная торжественная речь), другие – письменной (монография, учебник, научная статья, аннотация, рецензия, резюме, справочник).

Основные качества стиля науки и техники – объективность, логичность, доступность, обобщенность, отвлеченный характер, безличность, отсутствие категоричности, императивности, последовательность, логичность изложения, безэмоциональность.

Синтаксические особенности данного стиля: синтаксическая полнота оформления высказывания, наличие аналитических конструкций, частое употребление клишированных структур, обилие союзов и союзных слов, именной характер морфологических компонентов.¹

Лексическое оформление характеризуется насыщенностью терминами всех типов. Примером данного стиля может служить отрывок из следующей научной статьи:

Das überholte Paradigma der Gentechnik

Katja Moch

Öko-Institut e.V., Freiburg

Nachdem in den fünfziger Jahren die Struktur der DNA aufgeklärt wurde, etablierte sich in der Molekularbiologie das Paradigma, das eine lineare Abfolge «Ein Gen – ein Protein» voraussetzt, wobei sich der Informationsfluss ausschließlich vom Gen zum Protein richtet und zumeist einen definierbaren Effekt auslöst. Das Verständnis davon, wie das Genom strukturiert ist und

¹ Брандес М.П., Проворотов В.И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003.

reguliert wird, hat sich aber in den letzten Jahren grundlegend geändert. Die Entschlüsselung des Genoms verschiedener Organismen hat eine hohe Übereinstimmung auf der Ebene der DNA gezeigt. Darüber hinaus enthalten die Genome generell weniger Gene als die große Anzahl an Proteinen es zunächst erwarten ließen. Das heißt, dass die Regulierung des Genoms wesentlich komplexer ist, als dies das Paradigma «Ein Gen -> ein Effekt» annimmt¹.

Наиболее характерными чертами научно-технического стиля немецкого языка является синтаксическая организация предложений и выбор лексики. Отбор лексики подчиняется одной основной задаче: адекватно донести до читателя описываемое явление в многообразии признаков, характеризующих это явление. Поэтому слова, используемые для выражения мысли в научном стиле имеют одно, обычно ведущее, предметно-логическое значение. Наиболее характерным для данного стиля является использование слов в основных предметно-логических значениях, редкость использования слов в переносных и других контекстуальных значениях. Образность, как правило, не свойственна. Однако, это не значит, что в научных произведениях вообще не встречается образная речь.

Образность в стиле науки и техники является авторским способом изложения с целью привлечения внимания читателя.

В связи с такой особенностью употребления лексики в стиле науки и техники, в нем вырабатывается соответствующая общая для всех научных работ черта – терминологичность. Иногда общеупотребительные слова становятся терминами в связи с особым характером их употребления в научной работе².

Характерной чертой научного стиля является использование неологизмов. Новые понятия, которые появляются в результате исследований, настоятельно требуют новых слов для их обозначения. В отличие от неологизмов, появляющихся в живой разговорной речи и в газетно-публицистическом стиле, неологизмы, появляющиеся в стиле науки, оказываются значительно более устойчивыми. Неологизмы, обозначающие научные открытия, становятся общеупотребительными только в случае их массового распространения, иначе остаются в обращении узкой области, где возник такой неологизм.

С точки зрения синтаксической организации предложения научный стиль характеризуется точно определенной системой союзной связи, вытекающей из строгой логически последовательной системы изложения. Эта развернутая система связи вызвала к жизни многие обороты

¹ Save our seeds [Электронный ресурс] – Официальный сайт / Save Our Seeds – Электрон. дан. - Berlin – URL: www.saveourseeds.org

² Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. С. 424.

предложного и наречного характера, которые стали употребляться в синтаксических функциях связующих элементов речи.

Не только союзная связь выражает четкие логические взаимосвязи отдельных частей высказывания. Значительную роль в этом отношении играют причастные и инфинитивные обороты.

Чрезвычайно строгим в стиле науки и техники является деление речи на отдельные части – абзацы. В этом стиле, принципы логического построения абзацев находят свое максимально четкое осуществление. Каждый абзац в научном стиле стремится продолжить мысль предыдущего абзаца, часто непосредственно вытекает из него и имеет связующие элементы. В каждом абзаце легко можно выделить основную мысль. Каждый абзац представляет собой более или менее законченную единицу высказывания.

С помощью синтаксических приемов выделяется главное, основное из массы сообщаемых фактов. Принцип сочинения и подчинения предложений совпадает с требованиями логики, т.е. главная мысль содержится в главном предложении, подчиненная мысль – в придаточном. Дополнительные соображения, не имеющие непосредственного отношения к данному высказыванию, появляются в виде вводных замечаний и предложений, часто выделяемых знаком тире.

Форма изложения не несет дополнительных функций воздействия на читателя. Она лишь средство придать ясность изложению.

Таким образом, сфера научного общения отличается тем, что в ней преследуются цели наиболее точного, логичного, однозначного выражения мысли. Понятие выступает, как форма мышления, которая реализуется в суждениях и умозаключениях, следующих одно за другим в строгой логической последовательности. Мысль строго аргументирована, делается акцент на ход логических рассуждений. Наука ищет закономерности, поэтому мышление носит абстрагированный и обобщенный характер, отсюда отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения.

Газетно-публицистический стиль

Газетно-публицистический стиль охватывает сферу массовой коммуникации. Основным назначением стиля является организация взаимодействия между коммуникантами в целях передачи актуальной информации из различных областей жизни (информационно-пропагандистская) и формирования общественного мнения (пропагандистско-агитационная). К важнейшим функциям стиля относятся собственно информационная, аналитическая и художественно-публицистическая.

Информационная функция ограничивается функцией распространения информации. Разновидностями информационной функции являются:

1) официально-информационная, которая отличается отсутствием эмоциональности, субъективности, образности. Например, «заметка», «сообщение», «хроника», «отчет», «интервью», «программы»;

2) информационно-деловая, которая близка к официально-информационной, но отличается усложненным синтаксисом, наличием деловой и отчасти специальной терминологией. Например, «коммюнике», «корреспонденция», «обзор печати»;

3) неофициально-информационная, которую оформляет такой речевой жанр, как «заметка». Для «заметки» характерна непринужденная литературная речь, нейтральная, разговорная и книжная лексика, фразеология;

4) информационно-экспрессивная близка к неофициально-информационной, однако лишена внутренней экспрессии¹.

Аналитическая функция, помимо функции распространения информации, реализует функцию объяснения, толкования. Аналитическая функция подразделяется на:

1) информационно-аналитическую, суть которой заключается в адаптации информации «сегодняшнему дню», например, «заметка», «статья», «рецензия»;

2) газетно-научную, главной задачей которой является популяризаторская. Для нее характерна терминологичность, иноязычные экспрессивные включения. Например, «статья», «хроника», «репортаж»;

3) обобщенно-директивную, связанной с обобщенным отражением действительности. Для данной функции характерно обилие слов, словосочетаний и предложений со значением собирательности и множественности, большая частотность модальных форм и вопросительно-восклицательных предложений. Ведущий речевой жанр – «передовая статья», которая носит характер «передовицы-комментария»;

4) торжественно-декларативную, которая реализуется в речевых жанрах «обращение», «описание», «приветствие», «призывы», «лозунги»².

В центре художественно-публицистической функции стоит личность автора. Автор как бы «соединяет» объективно-аналитические, эмоционально-экспрессивные и субъективно-личностные стороны содержания. Данная функция реализуется в речевых жанрах «речь», «статья», «очерк», «репортаж», «эссе», «памфлет», «глосса», «фельетон».

Характерной особенностью данного стиля является его персонафицированность по группам людей: половым, возрастным, образовательным, социальным, политическим, по интересам и т.д., что обуславливает ее экспрессивность и эмоциональность. Эмоционально-экспрессивная

¹ Брандес М.П., Проворотов В.И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие. – 3-е изд., стереотипное. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003.

² Там же.

функция стиля реализуется через выражение оценочного отношения к излагаемым фактам. Можно выделить две большие группы газетно-публицистических текстов: газетно-журнальную публицистику и социально-политическое красноречие¹.

Среди диалогических жанров газетно-публицистического стиля выделяют «беседу», «диспут», «дискуссию», «полемику», «интервью». Данным речевым жанрам характерно: незавершенность синтаксического оформления, его размытость, литературно-устная речь.

Также в газетно-публицистическом стиле выделяют «публичную речь» или «ораторский подстиль»². Публичная речь существует в следующих речевых жанрах: «доклад на общественно-политическую тему», «отчетный доклад», «политическая речь», «дипломатическая речь», «митинговая речь», «агитационная речь», «юбилейная речь», «траурная речь». Характерной особенностью ораторского подстиля является его субъективность на уровне эмоционального воздействия, важную роль играет сам оратор и как он говорит. Ораторская речь полна, с одной стороны, развернутыми синтаксическими конструкциями, распространенными словосочетаниями, лексическими повторами, перечислениями, что характерно для письменной речи, с другой стороны, она обладает особенностями устной речи, как например, краткими предложениями, присоединениями, разговорными словами, оборотами. Для публичной речи немаловажную роль играют синтаксические приёмы, а именно фигуры речи, которые передают экспрессивную функцию. К фигурам речи относят инверсию, повтор, антитезу, риторический вопрос, вопросно-ответный ход. В публичной речи велика роль интонации, которая усиливает ее выразительность, остроумия, для установления более тесного контакта с аудиторией. Искусный оратор не редко для обогащения своей речи пользуется изобразительно-выразительными средствами языка (тропы, сравнения, гиперболы, аллегории, эвфемизмы, крылатые слова, пословицы, поговорки, цитаты).

В качестве иллюстрации газетно-публицистического стиля приведем отрывок статьи из газеты *Handelsblatt*:

Showdown bei der Opel-Rettung

Die Bundesregierung will zur Wochenmitte die Weichen für die Rettung des angeschlagenen Autobauers Opel stellen. Nach Angaben aus Regierungskreisen sollen dazu am Mittwoch alle beteiligten Bundesminister, Vertreter der Länder mit Opel-Standorten sowie Vertreter der drei Bieter unter Leitung von Bundeskanzlerin Angela Merkel im Kanzleramt zusammenkommen.

¹ Брандес М.П., Проворотов В.И. Предпереводческий анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., стер. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. С. 72.

² Там же. С. 87.

hz/str HB BERLIN. Man werde zur Not bis in die Nacht verhandeln, hieß es. Am Ende des Treffens werde die Vorfestlegung für einen Bieter stehen. Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU) selbst sagte am Montag, bis zur Wochenmitte werde es zu einer «Kumulation der Entscheidungsmöglichkeiten» kommen. Deutsches Interesse sei es, schon vor der absehbaren Insolvenz des Opel-Mutterkonzerns GM Ende des Monats die nötigen Bedingungen für eine eigenständige Opel-Existenz zu schaffen. Dafür bedarf es eines Investors für Opel, der auf deutsche Staatshilfen hoffen kann. Bis zum Mittwoch bleibt also offen, ob und welcher der drei Investoren das Rennen macht und wie viele der Arbeitsplätze der 25 000 Opel-Mitarbeiter in den vier Werken verloren gehen.¹

Газетно-публицистический стиль немецкого языка представляет собой систему взаимосвязанных лексических, грамматических и фразеологических средств языка, которая воспринимается обществом как отдельное лингвистическое единство. Это единство информирует читателя и формирует общественное мнение, дает оценку тем или иным событиям общественной жизни.

Информация и оценка сосуществуют в современной немецкой газете, но в том или ином газетном жанре одна из этих функций может преобладать. Новости всех видов как правило информативны, тогда как редакционная статья всегда оценочна. Информация в газете передается через:

- 1) краткие газетные сообщения,
- 2) документально-деловые материалы (ноты, декларации, коммюнике, договоры),
- 3) статьи исключительно информационного характера,
- 4) реклама и объявления.

Элементы оценки наблюдаются в способе выбора и изложения новостей, в использовании специального вокубуляра, такого как *якобы*, *как утверждает*, *по словам*, выражающим сомнения по поводу изложенных фактов, в синтаксических конструкциях, указывающих на недостаток уверенности в фактах или их достоверности или желание репортера избежать ответственности. Принципиальным средством выражения оценки и интерпретации является газетная статья и редакционная статья в особенности. Редакционная статья (передовая статья) характеризуется субъективным изложением фактов. Ключевыми составляющими газеты являются:

- 1) краткие газетные сообщения,
- 2) реклама и объявления,
- 3) заголовки
- 4) передовая статья

¹ Handelsblatt» – [Электронный ресурс] – Газета «Handelsblatt» – Электрон. дан. – Handelsblatt GmbH, 2010 – URL: <http://www.handelsblatt.com>

Главная функция **кратких газетных сообщений** – информирование читателя. Факты излагаются без комментариев в безэмоциональной и нейтральной форме, язык газетных сообщений стилистически нейтрален. Лексика, используемая в газете, характеризуется широким использованием специальных политических и экономических терминов. Кроме того, ограниченность места, которое выделяется кратким газетным сообщением, предопределяет их особую синтаксическую структуру, чем короче сообщение, тем сложнее синтаксическая структура.

Принципиальная функция **рекламы и объявлений** такая же, как и в газетных сообщениях, – информировать. Выделяют два основных типа объявлений и рекламы: классифицированный (дни рождения, свадьбы, смерть, бизнес предложения, светская хроника) и неклассифицированный.

Заголовки газеты выделяются своей внешней особенностью – напечатаны крупным шрифтом, занимают значительную часть газетной полосы, т.о. заголовки максимально привлекают внимание читателя. Заголовки многоступенчаты и вкратце передают информацию, о которой будет идти речь в статье. Первая строка печатается крупным жирным шрифтом, а последующие менее крупными шрифтами, каждое слово в заголовке пишется с заглавной буквы.

Функция **редакционной или передовой статьи** – оказать воздействие на читателя, интерпретируя те или иные факты. Передовые статьи комментируют политические и другие события дня, внушают читателю, что мнение данной редакции газеты и ее понимание событий правильно. Передовая статья призывает не только к сознанию читателя, но и к его чувствам, она полна эмоционально-окрашенными лингвистическими элементами, как лексическими, так и структурными, сленгом, разговорными словами и выражениями, профессионализмами, что дает особый коммуникативный и эмоциональный эффект.

Главная цель **журнальной статьи** оказывать постоянное и глубокое влияние на общественное мнение посредством эмоционального воздействия. Отличие журнальной статьи от газетной редакционной статьи состоит в том, что мнение редакции и интерпретация событий является единственно правильным, однако это различие, если проанализировать современные газетные и журнальные статьи, постепенно нивелируется.

Следует подчеркнуть, что основным свойством газетно-публицистического стиля является его информативность и экспрессивность.

Стиль обиходного общения

Стиль обиходного общения функционирует в сфере неформального общения: обиходно-бытовую, охватывающую семейные, бытовые отношения, а также обиходно-деловую, охватывающее неофициальное личное общение в профессиональном кругу. К важнейшим функциям стиля отно-

сятся информативная и экспрессивная. При этом в общении информативная функция часто отходит на второй план, особенно когда для коммуникантов важен сам факт коммуникации – установления и поддержания контакта, и речь идет о хорошо знакомых им вещах.

В отличие от других стилей языка разговорный стиль существует главным образом в устной форме, в письменной форме он представлен частной перепиской или рекламой. К особенностям устной разговорной речи относятся: ситуативная обусловленность, спонтанный, неподготовленный характер, эмоциональность, динамизм, быстрый темп, естественность, доверительность общения и т.д., в значительной степени определяющие набор стилевых черт разговорного стиля. Стилиевые качества обиходного общения проявляются в речи в виде ее фамильярности, грубоватости, небрежности. Основу данного стиля составляет разговорная речь. Для разговорной речи характерно употребление просторечных единиц, языковые единицы не полностью оформлены, слабость синтаксических связей между предложениями и их частями, субъективные оценки, обилие эмоционально-экспрессивной лексики, обилие фразеологических оборотов и идиом, окказионализмы, личные местоимения. Разговорному стилю присуще конкретность, эмоциональность, непринужденность, краткость.

Конкретность на уровне лексики несет функцию выражения существенных признаков явлений и как можно экспрессивней. Дифференцированность быта и образа жизни человека проявляется в «бытовой» терминологии, наличии большого количества синонимов для выражения тех или иных понятий. Приведем пример:

gehen – sich schleppen, humpeln, stolzieren, trippeln, im Gänsemarsch gehen, schlürfen, traben.

Одновременно разговорный стиль характеризуется противоположным явлением – широким использованием слов с общей семантикой, приобретающих то или иное значение в зависимости от ситуации общения, например: *der Zug, das Ding, der Mensch, gehen, machen, lesen*, слов со сниженной окраской, например: *der Mist, die Scheiße* и др. Такие слова нередко участвуют в образовании идиом и устойчивых оборотов.¹ Например: *lesen – zwischen den Zeilen lesen* (читать между строк), *j-m die Leviten lesen* (отчитывать, журить кого-л., читать кому-л. нотации)

Эмоциональность на лексическом уровне реализуется с помощью эмоциональной и оценочной лексики. Например: *Unsinn! Quatsch! Mist!* На синтаксическом уровне эмоционально-экспрессивная насыщенность является причиной чрезвычайно активного актуального членения предложения: рема помещается на первое место, а в качестве темы используется какая-либо часть предшествующего высказывания. На фонетическом уровне

¹ Анисимова Е.Е. Теоретический курс немецкого языка. Стилистика: курс лекций. М.: Военный Краснознаменный институт, 1991. С. 106.

эмоциональность достигается разнообразными оттенками интонации, темпом речи. На лексическом уровне эмоциональность реализуется разговорной лексикой, различающейся своей нормативной окраской от литературно-разговорной до грубо разговорной, включающей вульгаризмы и нецензурную лексику. Особое место в разговорной лексике занимают фразеологизмы, в образности которых находит народный юмор, шутка, склонность к преувеличению. Например, существует целый ряд фразеологизмов для выражения *in das Gesicht schlagen*: *j-m die Fresse polieren*, *j-m in die Fresse hauen*, *j-m eine in die Fresse geben*, *j-m die Visage polieren*, *j-m eins aufs Maul geben*.

Оттенок фамильярности в общение вносят сокращенные формы имен собственных: *Arno – Arnold*, *Theo – Theodor*, *Sepp – Jopseph*, *Pat – Patrice*, *Robert – Robby*, *Susi – Sussane*. Разнообразные экспрессивные оттенки выражаются в разговорной речи с помощью модных слов: *toll*, *prima*, *gell*, *cool*, активизации модальных слов: *gewiß*, *wohl*, *sicherlich*, *unbedingt*, *sozusagen*. Широкое распространение в разговорной речи находят междометия. Одни междометия сообщают высказыванию ту или иную эмоциональную окрашенность (*ach*, *och*, *na*, *ni*, *ei*, *tja*), другие обладают содержательной стороной: а) междометия обращения (*hallo*, *hey*, *heda*); б) эмоционально-оценочные (*bravo*, *hurra*, *nanu*); в) императивные (*pst*, *sch*, *kusch*).

На грамматическом уровне эмоциональность, оценочность достигается применением личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. В разговорной речи широко используется императив, претериальные формы конъюнктива для выражения осторожного утверждения, желания, просьбы: *Wäre es wichtig ihn anrufen?* *Es wäre alles*. В разговорном стиле представлены все типы предложений: повествовательное, побудительное, вопросительное, восклицательное¹: *Halt deine Schnauze!* *Mach das selbst*. *Das Wetter ist schön*. *Darf ich das Fenster öffnen?*

Непринужденность разговорной речи реализуется в присоединительной связи предложений и лексической разрыхленности. Приведем пример из романа Эриха Кестнера «Трое в снегу»:

«*Guten Morgen wünsch ich*», *erklärte er*. «*Entschuldigen Sie, bittschön*. *Aber ich bin der Graswander Toni*.»

«*Da kann man nichts machen*», *sagte der nackte Mann in der Wanne*. «*Wie geht's?*»

«*Danke der Nachfrage*. *Es geht*.»

«*Das freut mich*», *versicherte Kesselhuth in gewinender Manier*. «*Und worum handelt sich's? Wollen Sie mir den Rücken abseifen?*»

¹ Анисимова Е.Е. Теоретический курс немецкого языка. Стилистика: курс лекций. М.: Военный Краснознаменный институт, 1991. С. 110–111.

Anton Graswander zuckte die Achseln. «Schon, schon. Aber eigentlich komm ich wegen dem Skiunterricht.»

«Ach so!», rief Kesselhuth. Dann steckte er einen Fuß aus dem Wasser, bearbeitete ihn mit Bürste und Seife und fragte: «Wollen wir mit dem Skifahren nicht lieber warten, bis ich bin abgetrocknet bin?»

Der Toni sagte: «Please Sir!» Er war ein internationaler Skilehrer. «Ich warte drunten in der Halle. Ich hab dem Herrn ein Paar Bretteln mitgebracht. Prima Eschenholz.» Dann ging er wieder.1

Краткость обусловлена возможностью коммуникантов опираться на живой контакт и ситуацию общения. Краткость характеризуется неполноформленностью языковых единиц. Для разговорного стиля типично нечеткое произношение, редукция звуков, например: *Bub, 'rum, 'ne Gamasche, ich komm, gehste?* Краткость достигается: предпочтением простых предложений, легко воспринимаемых на слух; употреблением эллиптических предложений; заменой знаменательных слов местоимениями и наречиями заменой знаменательных слов притяжательными, отрицательными местоимениями; использованием сказуемого с глаголами-связками *sein, haben*, модальными глаголами и показателями направленности (*Er ist zum Frühstück bei Müller. Der Bus muß fort. Sie hat den Mantel ab*) употреблением односоставных предложений (*Es geht. Es schneit. Mach nichts*)

Следует отметить, что под стилем обиходного общения, или просто разговорным понимают особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка. В то же время разговорный стиль существует и в письменной форме (частная переписка). Основные функции данного стиля – функция сообщения и эмоциональная функция. Разговорный стиль занимает промежуточное положение между литературным языком и диалектами, хотя в отличие от диалектов он неограничен территориально, так как его везде понимают и употребляют. Разговорный стиль проявляется не только в сфере бытовых отношений, но и профессиональной (неподготовленное, неформальное, устное общение). Данному стилю присуще неофициальность и непринужденность общения, непосредственное участие говорящих в разговоре, ситуативность, неподготовленность речи, использование мимики, жестов.

Художественный стиль

Художественный стиль занимает особое положение в области сопоставительного описания функциональных стилей. Художественная речь ис-

¹ Кестнер, Эрих. Трое в снегу. Роман. На немецком яз. М.: Изд-во «Менеджер», 2006. С. 108.

пользует языковые средства всех других стилей, в том числе и типичные для них, однако в художественном произведении эти средства выступают в эстетической функции¹. Художественный стиль заимствует отдельные языковые средства, имеющих окраску других стилей, а не полностью тот или иной стиль языка.

Особенностью художественного стиля является использование внелитературных средств языка в эстетической функции. Языковые средства обладают многообразием стилевых окрасок, однако эти средства стилистически и содержательно мотивированы и объединяются общей эстетической функцией.

Художественная речь характеризуется глубокой метафоричностью, образностью единиц на различных языковых уровнях, синонимичностью и многозначностью. Все средства формируют картину образов, которую рисует автор, и создают неповторимость, свежесть выражения и индивидуальность этих образов.

Художественный стиль, сильно отличаясь от других функциональных стилей, схож, однако, по ряду признаков, например с газетно-публицистическим, который отличается свойственной художественной речи эмоциональностью и многообразием языковых средств. Более того, художественная речь, существуя преимущественно в письменной форме, близка к устной разговорно-бытовой речи и использует ее средства. Художественная речь использует лексику, фразеологию и синтаксис разговорной речи, однако в художественном произведении заимствованные средства языка подвергаются обработке и служат эстетической функции.

В целом художественной речи свойственен динамизм, что проявляется, в частности, в высоком среднем показателе «глагольности» речи. Частота глаголов здесь почти в два раза выше, чем в научной, и в три раза выше, чем в официально-деловой².

Таким образом, анализируя особенности стилистики немецкого языка, можно сделать следующие выводы:

Особенности стилистических явлений в разных языках и даже на разных этапах развития одного и того же языка очевидна, но также очевидна их общность с функциональной точки зрения. Функциональный подход в исследовании стилистических явлений дает возможность сопоставить их на основе тех совпадающих черт, которые представляют их использование и в стилях речи, и в индивидуально авторских стилях. Функциональный подход к изучаемым явлениям составляет в сущности основное связующее звено между стилистикой отдельного конкретного языка, с одной стороны, и сопоставительной стилистикой, с другой. Данный подход не сглаживает

¹ Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Просвещение, 1983. С. 198.

² Там же. С.208.

различий в применении языковых средств в составе стилей речи и в системе литературных стилей, соединяет лингвистическое и литературоведческое исследование одинаковых или близких объектов – особенно, если иметь в виду, что в литературных стилях широко представлены функциональные стили речи или их отдельные элементы, образующие своеобразные сочетания и играющие там определенную эстетическую роль.

Стилистическая характеристика единиц различных языковых уровней не находится в прямом и однозначном соответствии с функциональной дифференциацией языка, с выделяемыми стилями языка и стилями речи. Устанавливаемые как на основе непосредственной интуиции, так и в результате анализа разнообразного языкового материала функциональные стили только частично отражают стилистическое разграничение языковых средств, которое воспринимается говорящими и используется ими в речевой практике.

Функционально-стилистическая закрепленность слова за определенными речевыми ситуациями редко служит препятствием, мешающим его применению в других ситуациях. Отдельные слова и выражения функционально-делового стиля (например, финансово-экономический кризис, истец, кредитор и т.п.) в разговорную речь является неизбежным следствием «терминологизации» соответствующих обозначений¹. В художественной и публицистической речи наблюдается еще большее присутствие разговорной речи

Многообразие конкретных ситуаций, обуславливающих особенности реального использования языка, делает разграничение всех возможных типов речи в соответствии с различными сферами общения трудно осуществимым делом. Однако основные области применения языка очерчены достаточно ясно, что позволяет установить основные функциональные разновидности языка, различающиеся используемыми языковыми средствами, их разными экспрессивно-стилистическими возможностями. Определить основные функциональные разновидности языка помогает соотнесение стилистической дифференциации с основными функциями самого языка. Основные разновидности языка реализуются в конкретных высказываниях и текстах, естественно отражающих их нормы, но это отражение может быть в разных случаях неполным и непоследовательным, что не должно ставить под сомнение объективное существование самих норм.

Функциональные стили очень разнообразны, они решают разные задачи, функционируют в разных сферах деятельности и ситуациях общения, характеризуется собственными отличительными чертами и оформляются характерными для каждого стиля лексическими, грамматическими и син-

¹ Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Изд-во «Наука», 1977. С.165.

таксическими средствами. Например, для научного стиля присуще использование специальной и терминологической лексики, графической информации, четкое определение понятий и явлений, строгая логичность и последовательность изложения, усложненный синтаксис. Деловому стилю свойственны профессиональная терминология, точность определения применяемых выражений и слов, клишированность языковых средств. Основным свойством газетно-публицистического стиля является его информативность и экспрессивность. Главной особенностью разговорной речи является ее непринужденность, неподготовленность. Для нее характерны лексическая разнородность, использование разговорных и просторечных слов, упрощенного синтаксиса, эмоционально-экспрессивной оценочности, мимики, жестов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пособие «Основы теории немецкого языка» имеет своей целью показать процессы формирования фонетической системы, грамматического строя и словарного состава немецкого языка. Одной из основных задач курса является ознакомление студентов с характерными чертами группы германских языков в составе индоевропейской семьи, с основными этапами развития немецкого языка, отличительными особенностями каждого из этих этапов.

В задачу пособия входит не только изложение самих фактов, но и установление закономерностей развития разнообразных фонетических, лексических, грамматических явлений, что способствует формированию у студентов чувства языка, пониманию ими внутренних закономерностей развития современного немецкого языка как единой системы

Материалы, представленные в пособии способствуют расширению лингвистического кругозора студентов за счет усвоения новых теоретических знаний и практических навыков. Курс способствует развитию личностных качеств, а также формированию общекультурных универсальных (общенаучных, социально-личностных, инструментальных) и профессиональных компетенций студентов.

Изучение курса способствует пониманию живого функционирования языка во всех его речепорождающих аспектах в процессах говорения (написания) и понимания (чтения). С этих позиций разъясняются основные научные понятия теории языка, его методологические основания и система терминов.

Пособие знакомит студентов с проблемами современной лингвистики, с основными лингвистическими понятиями, языковедческой терминологией. Эти сведения в сочетании с общими представлениями о структуре языка, его системе, о методах изучения языка – синхронических и диахронических – составят основу общелингвистических знаний.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

DIE GEBRÄUHLICHSTEN REDEWENDUNGEN UND IDIOMATISCHEN AUSDRÜCKE

vor allem	прежде всего
von Anfang an	с самого начала
einen Anhalt geben	давать представление о чем-либо
Anspruch stellen an	предъявлять требования
Anteil nehmen	принимать участие
zur Anwendung kommen	применяться
Aufmerksamkeit schenken	уделять внимание
in Aufnahme kommen	вступать в действие
zum Ausdruck bringen	выразить
zum Ausdruck kommen	найти выражение, выражаться
von ausschlaggebender Bedeutung sein	иметь решающее значение
in Begriff sein	иметь намерение, намереваться
von Belang sein	чего-либо сделать
in Berührung kommen	войти в соприкосновение, иметь контакт
in Betracht kommen	приниматься во внимание, рас- сматриваться
in Betrieb setzen	пускать в ход, пустить в экс- плуатацию
in Bewegung setzen	приводить в движение
in Bewegung verzetzen	запускать, пускать (в ход)
vor allen Dingen	прежде всего
in Drehung versetzen	привести во вращение
von Einfluss sein	иметь влияние
eingehend	подробно, детально
in Frage kommen	применяться, принимать в сооб- ражение, иметь место, рассматри- ваться
in Gang setzen	пускать в ход
zum Gebrauch kommen	применяться
es geht um	дело идёт о
Gewähr bieten	гарантировать, обеспечивать
Gewicht legen auf	придавать значение
im großen und ganzen	в общем и целом
auf Grund, aufgrund	на основе
an Hand	на основе, руководствуясь, при наличии, при помощи
von Hand	вручную, от руки

es handelt sich um imstande sein seit Jahren je nach	речь идёт о, дело идёт о быть в состоянии годами в зависимости от, в соответствии
in Kauf nehmen	с, смотря по учитывать что-либо, принимать во внимание
vor kurzem es liegt nahe	недавно, незадолго необходимо, напрашивается, ес- тественно
in erster Linie Maßnahmen treffen nach und nach nach wie vor	в первую очередь принимать меры постепенно всё ещё, по-прежнему, теперь, как и раньше
nahe liegen am Platz sein Rechnung tragen	наводить на мысль быть уместным удовлетворять, учитывать что- либо, считаться с чем-либо
reichlich bemessen mit Rücksicht auf	больших размеров принимая во внимание, с учё- том, учитывая
Schlüsse ziehen an sich vor sich gehen in Stand halten	делать выводы сам по себе происходить содержать в исправности, содер- жать в порядке
in Stand setzen	привести в порядок, отремонти- ровать
über Tage unter Tage in der Tat zur Verfügung stehen Verzicht leisten auf vorausgesetzt vorhanden sein den Vorteil bieten auf einem Wege weit voraus sein ohne weiteres zutage treten zutreffen	на поверхности под землёй в действительности иметься в распоряжении отказываться при условии, предполагая быть в наличии, иметься давать преимущество путём далеко опередить легко, просто, без затруднений выявиться, проявиться быть правильным, подходить

ABKÜRZUNGEN

Abb.	Abbildung	рисунок
Abs.	Absender, Absatz	отправитель, абзац
Art.	der Artikel	артикул, товар
At	Atmosphäre	атмосфера (1 кг/см ²)
Atü	atmosphärischer Überdruck	давление сверх одной атмосферы
Betr.	der Betreff	по поводу, насчет
betr.	betreffend / betrifft	касательно
b.w.	bitte wenden	см. на обороте
bzw.	beziehungsweise	или, соответственно, смотря по обстоятельствам
°C	Grad Celsius	градусы (температуры по Цельсию)
ca.	circa	около
d.h.	das heißt	то есть
div.	diverse	различные
d.J.	dieses Jahr	в этом году
d.M.	diesen Monat	в этом месяце
Dtzd.	Dutzend	дюжина
einschl.	einschließlich	включая
etc.	et cetera	и т.д.
evtl.	eventuell	возможно, при случае
exkl.	exklusive	исключая
Fa.	Firma	фирма
fs (Fs)	Fernschreiben	телекс
fmdl.	fernmündlich	устно, по телефону
gem.	gemäß	в соответствии
i.A.	im Auftrag	по поручению
i. G.	im Ganzen	в целом
inkl.	inklusive	включая
i. V.	in Vollmacht in Vertretung	по полномочию за (подписью)
J	Joule	джоуль (единица измерения электрической работы)
k. J.	kommendes Jahr	в будущем году
k. M.	kommenden Monat	в будущем месяце
k. W.	kommende Woche	на будущей неделе
Kfz	Kraftfahrzeug	автомобиль
km/h.	Kilometer pro Stunde	километров в час
Kom.	Kraftomnibus	автобус

Kto.	Konto	счет
l.J.	laufenden Jahres	в текущем году
l.M.	laufenden Monats	в текущем месяце
lfd.	laufend	текущий
Lkw.	Lastkraftwagen	грузовик
lt.	laut	согласно
m. E.	meines Erachtens	по моему мнению
mfG	mit freundlichen Grüßen	с дружеским приветом
Mod.	das Modell	модель
MwSt.	Mehrwertsteuer	налог на добавленную стоимость
No. / Nu.	Nummer	номер
n.W.	nächste Woche	на следующей неделе
o.a.	oben angeführt	см. выше
p.	per	за, по
Pkw.	Personenkraftwagen	легковой автомобиль
PS	Pferdestärke	лошадиная сила
rd.	rund	около, приблизительно
PLZ	Postleitzahl	почтовый индекс
p.p.	per procura	по доверенности
s.	siehe	см.
s.o.	siehe oben	см. выше
s.u.	siehe unten	см. ниже
u.a.m.	und anderes mehr	и прочее
ult.	ultimo / das Monatsende	конец месяца
usw.	und so weiter	и так далее
u.V.	unter Vorbehalt	с оговоркой
u.U.	unter Umständen	смотря по обстоятельствам
V	der Vertrag	договор
Val.	die Valuta	валюта
vgl.	vergleiche	сравни
v.J.	voriges Jahr	в прошлом году
v.M.	vorigen Monat	в прошлом месяце
w.n.	wie nachstehend	как указано ниже
w.v.	wie vorstehend	как указано выше
z.B.	zum Beispiel	например
z.T.	zum Teil	частично
zw.	zwecks	с целью
z.Hd.	zu Händen	в руки
zuz.	zuzüglich	включительно
z.Z.	zur Zeit	в настоящее время

ПРАВИЛА ЧТЕНИЯ ОСНОВНЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

$a + b$	a plus b
$a - b$	a minus b
$a = b$	a gleich b
$a \neq b$	a ungleich b
$a \approx b$	a annähernd b
$a > b$	a größer als b
$a < b$	a kleiner als b
$a \geq b$	a größer (gleich) b
$a + b = c$	a plus b gleich c
$c - a = b$	c minus a gleich b
$a \cdot b$; $a \times b$	a mal b; a multipliziert mit b
$a : b$; a / b	a durch b; a geteilt durch b
x^2	x Quadrat; x hoch zwei; x zur zweiten Potenz
x^3	x hoch drei; x zur dritten Potenz
x^{-3}	x hoch minus drei
\sqrt{a}	Quadratwurzel aus a; Wurzel aus a
$\sqrt{4} = 2$	Quadratwurzel aus vier ist (macht) zwei; Wurzel aus vier ist zwei
$\sqrt[3]{a}$	Kubikwurzel aus a; dritte Wurzel aus a
$\sqrt[5]{a}$	fünfte Wurzel aus a
a'	a Strich; a einfach gestrichen
a''	a zwei Strich; a zweifach gestrichen
a'''	a drei Strich; a dreifach gestrichen
a_1	a eins
a_2	a zwei
$()$, $[\]$, $\{ \}$	runde, eckige, geschweilte Klammern
$AB \parallel CD$	AB parallel CD
$AB \equiv CD$	AB gleich und parallel CD
$AB \perp CD$	AB ist rechtwinklig zu CD; AB steht senkrecht auf CD
$\sphericalangle a$	Winkel a
R	rechter Winkel ($R=90^\circ$ – rechter Winkel gleich 90°)
L	linker Winkel ($L=90^\circ$ – linker Winkel gleich 90°)
Δ	Dreieck (ΔABC , Dreieck ABC)
$^\circ$	Grad ($40^\circ 10' 6''$ vierzig Grad zehen Minuten sechs Sekunden)
'	Minute
"	Sekunde
%	Prozent
2 %	zwei Prozent
$\frac{1}{2}$ %	einhalb Prozent
0,25 %	Null Komma, fünfundzwanzig Prozent

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков [Текст] / Б.А. Абрамов. – М.: Владос, 2001.
2. Адмони, В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке [Текст] / В.Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1973.
3. Анисимова, Е.Е. Теоретический курс немецкого языка. Стилистика. [Текст]: курс лекций / Е.Е. Анисимова. – М.: Военный Краснознаменный институт, 1991.
4. Байталова, Гудрун. Формирование немецкой глагольной систем [Текст] / Гудрун Байталова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. – 85с.
5. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка [Текст]: учебник / М.П. Брандес. – М.: Высш. школа, 1990.
6. Вертель, В.А. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] / В.А. Вертель, А.Н. Шаранда. – Мн., 1984. – 90 с.
7. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография [Текст]: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977.
8. Гельблу Я.И. Способы выражения антонимичности в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. / Я.И. Гельблу. – Л., 1964.
9. Гольдштейн, И.П. Немецкие глаголы и глагольные фразеологические единицы: Особенности управления [Текст]: сб. упраж. для студентов I–II курсов романно-герм. отделения / И.П. Гольдштейн. – М.: МГУ, 1983. – 79 с.
10. Теория современного немецкого языка (грамматика) [Текст]: Ч.1: Морфология / Е.В. Гулыга; под ред. О.И. Москальской; М-во просвещения РСФСР, Гос. центр. курсы заоч. обучен. иностр. яз. «Ин-яз». – М., 1956. – 200 с.
11. Теория современного немецкого языка (грамматика) [Текст]: Ч.2: Синтаксис / Е.В. Гулыга; под ред. О.И. Москальской; М-во просвещения РСФСР, Гос.центр.курсы заоч. обучен. иностр.яз. «Ин-яз». – М., 1956. – 189 с.
12. Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга. – Москва: Высшая школа, 1971.
13. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000.
14. Ермолаева, Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков [Текст] / Л.С. Ермолаева. – М.: Высшая школа, 1987.
15. Жеребков, В.А. Стилистическая грамматика немецкого языка [Текст]: учеб. пособ. для институтов и фак-в иностр. яз. / В.А. Жеребков. – М.: Высшая школа, 1988. – 222 с.
16. Жирмунский, В.М. О природе частей речи и их классификация [Текст] / В.М. Жирмунский. – Л., 1968. – 198 с.

17. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978.
18. Завьялова, В.М. Грамматика немецкого языка / В.М. Завьялова, И.В. Извольская. – М.: Черо, 1997.
19. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
20. Зеленецкий, А.Л. Теория немецкого языкознания [Текст]: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / А.Л. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М.: Академия, 2003.
21. Зиндер, Л.Р. Современный немецкий язык [Текст] / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М.: Изд. лит. на ин. яз., 1957.
22. Зиндер, Л.Р. Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка [Текст] / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М., 1962.
23. Зуев, А.Н. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка [Текст] / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова [и др.]. – М.: Рус. яз., 1989. – 536 с.
24. Иванова, И.П. Морфологические категории и структура слова в германских языках [Текст] / И.П. Иванова // Вопросы языкознания. – 1976. – №1. – С. 55.
25. Ивлева, Г.Г. Семантические особенности слов в немецком языке [Текст] / Г.Г. Ивлева. – М.: Высшая школа, 1978. – 103 с.
26. Ивлева, Г.Г. Немецко-русский словарь по лексикологии и стилистике [Текст] / Г.Г. Ивлева. – М.: Высшая школа, 2006. – 167 с.
27. Кравченко, А.П. Грамматика немецкого языка [Текст]: учеб. пособие / А.П. Кравченко. – Ростов н/Д: БАРО-ПРЕСС, 2002. – 287с.
28. Крушельницкая, К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков [Текст] / К.Г. Крушельницкая. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961.
29. Левковская, К.А. Лексикология немецкого языка [Текст] / К.А. Левковская. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 248 с.
30. Макаев, Э.А. Отбор констант для построения типологической грамматики германских языков [Текст] / Э.А. Макаев // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М., 1966.
31. Маковский, М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка [Текст] / М.М. Маковский. – М., 2004. – 632 с.
32. Москальская, О.И. Теоретическая грамматика немецкого языка [Текст] / О.И. Москальская. – М.: АСАДЕМА, 2004.
33. Москальская, О.И. Грамматика немецкого языка. Морфология: теоретический курс [Текст] / О.И. Москальская. – 2-е изд. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 154 с.
34. Москальская, О.И. Некоторые вопросы моделирования предложений [Текст] / О.И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 1973. – №1.
35. Немецко-русский синонимический словарь [Текст] / под ред. Гармута Шмидта. – М., 1983.

36. Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович. – М.: Гос. изд. иностр. и национ. словарей, 1956.
37. Ольшанский, И.Г. О некоторых тенденциях в современной немецкой лексикографии [Текст] / И.Г. Ольшанский // ИЯШ 6\77. – С. 14–22.
38. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980.
39. Рахманов, И.В. Немецко-русский антонимический словарь [Текст] / И.В. Рахманов, М.Н. Минина, Л.И. Мальцева, Л.И. Рахманова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.
40. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1998.
41. Ризель, Э.Г., Шендельс, Е.И. Стилистика немецкого языка [Текст]: учебник для институтов и фак-в иностр. яз. / Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс. – М.: Высш. школа, 1975.
42. Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 2000.
43. Сборник немецко-русских фразеологизмов: Фразеологизмы говорят о многом [Текст] / С.Н. Белявский. – Минск: Высшая школа, 1997.
44. Синонимы немецкого языка [Текст] // Иностранные языки в школе. – 1961. – №5.
45. Смирнова, Н.В. Краткий курс теоретической грамматики немецкого языка [Текст]: учеб. пособие / Н.В. Смирнова. – М.: МГПИ, 1972. – 203 с.
46. Степанова, М.Д. Словообразование в немецком языке [Текст] / М.Д. Степанова. – М., 1979. – 264 с.
47. Степанова, М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984.
48. Степанова, М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке [Текст] / М.Д. Степанова, Г.М. Хельбиг. – 1978.
49. Степанова, М.Д. Лексикология современного немецкого языка [Текст] / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – М., 1962. – 305 с.
50. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики [Текст] / А.В. Федоров. – М.: Высш. школа, 1971.
51. Федорцова, В.Н. Интернациональные модели в современном немецком словообразовании [Текст] / В.Н. Федорцова. – Самара: СГПИ, 1991.
52. Фляйшер, В. Образование немецкого современного языка [Текст] / В. Фляйшер. – Лейпциг: Энциклопедия, 1976.
53. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1970.
54. Шенделс, Е. Немецкая грамматика [Текст] / Е. Шенделс. – М.: Москов. Высшая Школа, 1979.
55. Эйхбаум, Г.Н. Теоретическая грамматика немецкого языка [Текст] / Г.Н. Эйхбаум. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.
56. Юнг, В. Грамматика немецкого языка [Текст] / В. Юнг. – Лейпциг: Библиографический институт, 1968.

57. Admoni, W. Die Struktur des Satzes // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. Bd. 25. – Darmstadt, 1962.
58. Admoni, W.G. Die Entwicklungstendenzen des deutschen Satzbaus von heute. – München, 1973.
59. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau. Строй современного немецкого языка: Изд 4-е, перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986.
60. Cernyseval, I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. М., 1982.
61. Comrie, B. Sprache und Sprachen: Universalien und Typologie. In: LANG, Ewald/ZIFONUN, Gisela (Hrsg.). Deutsch – typologisch. Berlin. New York 1996. – S. 16-30.
62. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 5., völlig neu bearb. und erweit. Auflage / Hrsg. G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta und H. Wellmann. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 1995.
63. Engel, U. Deutsche Grammatik. – Heidelberg: Julius Groos 1996.
64. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben, Berlin: West, 1975. Mater E. Deutsche Verben. Art der Zusammensetzung / E. Mater, Leipzig: West, 1966.
65. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, Aufl.: Leipzig, 1976.
66. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.
67. Gelhaus, H. Die Wortarten // Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Bd. 4 – Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverlag 1998.
68. Haase, M. Sprachtypologie und Universalienforschung bei Joseph H. Greenberg // Language Typologie and language Universals. Sprachtypologie und sprachliche Universalien / An International Handbook / Ein internationales Handbuch / Ed. By/Hrsg. von Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher, Wolfgang Raible. – Vol. 1/1. Halbband. – Berlin. New York: Walter de Gruyter 2001. – S. 281-282.
69. Henzen, W. Deutsche Wortbildung / W. Herzen, Aufl.: Tübingen, 1965.
70. Jung, W. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1966.
71. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erweiterte Auflage. Bearbeitet von E. Seebold. – Berlin. New York: W. de Gruyter 1999.
72. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – М.: Высшая школа, 1975.
73. Russisch im Spiegel des Deutschen: eine Einführung in russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich / Autorenkollektiv unter Leitung von W. Gladrow, W. – 1. Aufl. – Leipzig: Verl. Enzyklopädie 1989.
74. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. – Berlin, 1967.
75. Sommerfeldt, K. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1988. – 242 S.
76. Sütterlin, L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. – Leipzig, 1923.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	7
1.1. История развития немецкого языка. Германские языки	7
1.2. Роль немецкого языка в современном мире	20
ЧАСТЬ II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	29
2.1. Предмет фонетики, ее задачи и внутреннее деление	29
2.2. Основные понятия учения о фонеме	33
2.3. Артикуляционная база немецкого языка	34
2.4. Словесное ударение в немецком языке.....	45
2.5. Интонация немецкого языка	46
2.6. Глоссарий фонетики немецкого языка.....	55
ЧАСТЬ III. ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	59
3.1. Лексикология как наука о словарном составе современного немецкого языка.....	59
3.2. Синонимия современного немецкого языка.....	83
3.3. Антонимия в немецком языке	91
3.4. Омонимия немецкого языка	120
3.5. Полисемия в немецком языке	159
3.6. Фразеология и фразеологизмы в немецком языке	163
3.7. Способы словообразования в немецком языке	217
3.8. Тенденции развития современной немецкой лексикографии	239
Часть IV. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	254
4.1. Части речи в немецком языке. Принципы классификации	254
4.2. Понятие немецкого глагола.....	260
4.3. Категория имени существительного в немецком языке	277
4.4. Характерные особенности атрибутов немецкого языка	296
4.5. Предложение как основная единица синтаксиса в немецком языке	324
Часть V. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	338
5.1. Сравнительная типология немецкого и русского языков и ее связь с общей и структурной типологией	338
5.2. Систематология	349

5.3. Сравнительная типология словообразования в немецком и русском языках.....	374
5.4. Введение в типологию морфологического уровня.....	382
5.5. Типология имени существительного в немецком и русском языках.....	386
5.6. Сопоставительная типология имени прилагательного в немецком и русском языках.....	394
5.7. Глагол в немецком и русском языках	400
5.8. Введение в сравнительную типологию синтаксического уровня	423
5.9. Сравнительная характеристика простого предложения в немецком и русском языках.....	427
5.10. Сложное предложение в немецком и русском языках	444
5.11. Лексическая типология немецкого и русского языков	459
Часть VI. СТИЛИСТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	468
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	488
ПРИЛОЖЕНИЯ	489
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	494

Учебное издание

Каргина Елена Михайловна

ОСНОВЫ ТЕОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

В авторской редакции

Верстка Т.А. Лильп

Подписано в печать 10.05.13. Формат 60×84/16.

Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.

Усл.печ.л. 29,06. Уч.-изд.л. 31,25. Тираж 80 экз.

Заказ № 116.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.